

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Сборник статей участников
V Международной научной конференции
26-27 апреля 2010 года
Челябинск

ТОМ 1

Челябинск
2010

Редакционная коллегия

кандидат филологических наук О.Р.Абдрахманова
доктор филологических наук, профессор Е.Н.Азначеева (отв. ред.)
кандидат педагогических наук, доцент И.А.Бобыкина
кандидат филологических наук, доцент И.В.Войтешук
кандидат филологических наук, доцент У.А.Жаркова
кандидат филологических наук, доцент Е.В.Иванова
кандидат филологических наук, доцент Т.М.Матвеева
кандидат филологических наук, доцент О.Ю.Подъяпольская
кандидат филологических наук, доцент А.Г.Салахова

Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников V Междунар.науч. конф., Челябинск, 26-27 апреля 2010 г. , Челябинск. Т. 1 / [редкол.: д.филол.н., проф. Е.Н. Азначеева и др.]– Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010. -...с.

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в V международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В двух томах сборника освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистик, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета.

Сборник издается в авторской редакции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

КОГНИЦИЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ: АСПЕКТЫ КОРРЕЛЯЦИИ И МОДЕЛИРОВАНИЯ¹

Л.С. Абросимова, О.А. Алимуратов

Педагогический институт Южного федерального университета;

Пятигорский государственный лингвистический университет

The article discusses the basic cognitive mechanism underlying the process of structural word derivation and the subsequent semantic changes. The authors argue that the nature of derivation mechanisms depends on the opposition of strong / weak positions of conceptual structures within the conceptual sphere of a language personality.

Представленное в настоящей работе исследование находится в русле рассмотрения языковых и дискурсивных закономерностей *репрезентации когнитивных процессов*, протекающих в мышлении языковой личности и моделирования ее языковой картины мира.

В методологическом плане мы исходим из того, что «назначение языка и его роль в человеческом обществе обуславливаются тем, что в первую очередь он служит КОГНИЦИИ, под которой ... понимается как научное, так и обыденное познание мира, реализующееся в процессах его концептуализации и категоризации» [Кубрякова, 2009, с. 5]. Соответственно, основа когнитивного подхода к анализу языковых форм состоит в том, чтобы соотнести их с различными форматами знания, которые те объективируют. Мы разделяем точку зрения, согласно которой, значимость языковых структур заключается в том, что *они реализуют в материальной и доступной изучению форме крупные структуры знания* (фреймы, сценарии, концепты и категории различного уровня), облекая их в форму высказываний, которые поддаются тщательному рассмотрению в множестве когнитивных ракурсов [Clark, 1997, с. 210]. Между тем, языковой код и, тем более, дискурсивный фрагмент не являются окончательной, застывшей формой вербализации когнитивных структур. Будет более точным, на наш взгляд, говорить о стохастическом (вероятностном) характере языковой

---

¹ Материалы подготовлены в рамках осуществления проектов «Когнитивно-лингвистическое и психолингвистическое моделирование национального ментального пространства: Россия и Западная Европа» (№ 2.1.3/6721) по Аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы» и «Разработка принципов и механизмов портретирования языковой личности и моделирования структуры и элементов языковой картины мира» (№ 1.1.08) по Тематическому плану научно-исследовательских работ ГОУ ВПО ПГЛУ в рамках Задания Федерального агентства по образованию.

репрезентации ментальных образований, которые и сами представляют собой стохастические структуры [см. в этой связи: Никитин, 2004; Кравченко, 2006].

В настоящей статье мы попытаемся изложить и обосновать гипотезу о том, что *структура, закономерности протекания и системные связи важнейших операций над структурами знания в ментальном пространстве языковой личности репрезентируются в основных деривационных механизмах, имеющих место в лексико-семантической подсистеме того или иного языка*. Поясним сказанное.

Прежде всего, проясним наше понимание сути самого понятия «деривация», которое также является ключевым в контексте настоящей статьи. Как известно, деривация понимается, прежде всего, как один из способов словообразования и – шире – как фактор динамики языковых единиц: «Деривация языковых единиц – это специфическая форма функционирования и развития каких-то исходных единиц ..., предполагающее их модификацию. Всякая единица в языке есть носитель потенциала своего деривационного функционирования, а в более общем виде – носитель потенциала своего саморазвития» [Голев, 1998, с. 65]. В контексте нашего подхода невозможно согласиться с мыслью о том, что важнейшим условием формирования и регулярной реализации деривационного потенциала является сама языковая система, в которой заложены модели деривационного функционирования единиц [см., в частности, Голев, 1998]. Полагаем, что залогом деривационного функционирования языкового знака является, прежде всего, динамический, саморазвивающийся и – что немаловажно – *саморегулирующийся* характер ментальной сферы индивида, в рамках которой структуры знания, формирующиеся как результат определенных когнитивных процессов, претерпевают модификацию, приращение, дробление, реструктуризацию и другие изменения, фиксируемые эксплицитно либо имплицитно посредством языковых единиц.

Сказанное распространяется также и на такую область, как семантика, вследствие чего термин «деривация» используется для характеристики процесса появления новых значений многозначного слова (*семантическая деривация*). Мы полагаем, что процессы словообразовательной и семантической деривации теснейшим образом взаимосвязаны, поскольку образование производных слов – комплексных знаков (КЗ) [Кубрякова, 1982], – исходно имеющих расчлененную словообразовательно-семантическую структуру, но в итоге маркированных целостным значением, немислимо без взаимодействия структурного и семантического аспектов деривации.

Следует отметить, что комплексные знаки адекватно рассматривать в диалектическом аспекте: с одной стороны, как результат словообразовательной деривации, с другой – как исходный этап для семантической деривации. Такой подход к КЗ требует неременного учета его словообразовательных характеристик. Очевидно, что лексическое

значение производного слова всегда несет на себе отпечаток словообразовательного значения, что и отличает такой КЗ от моносемичных и полисемичных непроизводных слов.

Знание – следующее ключевое для предлагаемого подхода понятие – можно представить «как набор правил, каждое из которых состоит из двух частей: из антецедента и консеквента, или условия и результата, или (как в порождающей грамматике) левой и правой частей» [Демьянков, 2004, с. 42]. Таким образом, деривационный механизм опредмечивает акт мышледеятельности в вербально-знаковой форме, представляя его в виде двучленной структуры, элементы которой связаны *предикативными отношениями*. Под таким углом зрения дериват может быть представлен как пропозициональная (аргументно-предикатная) функция, разложимая на тематический и рематический элементы [Topolińska, 1983; см. также исследования внутренней валентности морфем в слове – гипосинтаксис В. Скалички [Skalička, 1970] – и работы, в которых делается попытка применить теорию актуального членения к словообразованию, в частности: Marchand, 1972, с. 30, 176-177, 183, 245]. В пределах морфемной и семантической структуры слова корень можно рассматривать как тему (типизирующее словообразовательное значение), а аффикс – как рему (индивидуальное словообразовательное значение). В основе таких отношений, вне всяких сомнений, лежит специфика семантики и функционирования корневой морфемы в индоевропейских языках. Если «скульптурная отлитость абсолютного большинства корней семитских языков в определенные триады согласных и состав этих корней ... выделяют семитские языки из всех остальных языков мира» [Майзель, 1983, с. 87], если «в тюркских языках... все слова начинаются корнем, а корень как инициаль задает тон всему слову» [Реформатский, 1987, с. 139], то в индоевропейских языках, напротив, «корень вовсе не есть фонетическое явление... Корень слова есть такая внезвуковая и внеслоговая общность, которую потому-то и нельзя произнести, что она присутствует... невидимо и неслышимо» [Лосев, 1983, с. 167], представляя собой *виртуальную морфему*, реализующую лишь одну из множества допустимых корнеобразовательных возможностей [Юдкин-Рипун, 2004, с. 5].

С когнитивной точки зрения, как нам представляется, корневую морфему следует трактовать как макро-вербализатор концептуальной информации, составляющей содержание того или иного фрагмента концептосферы языковой личности (ЯЛ) [см. Алимуратов, 2007]. Семантика корневой морфемы представляет собой своеобразный когнитивный фон [Langacker, 2000], актуализируемый, уточняемый и структурируемый посредством деривационных аффиксов. Важно, что семантика аффиксов также репрезентирует определенный, уже совершенно иной, компонент концептосферы ЯЛ, поэтому корректно в данном случае говорить о предикативных отношениях, складывающихся, прежде всего, между *ментальными* структурами знания, концептами и концептуальными

областями и лишь потом эксплицирующихся языковыми средствами в дискурсе.

Очевидно, что не все компоненты концептосферы ЯЛ иерархически равнозначны, и одни концепты более абстрактны по содержательному наполнению, а другие – более конкретны. В более абстрактных концептуальных образованиях локализуется информация о тех процессах, которые имеют место между другими элементами ментального пространства индивида [Алимурадов, 2008]. Таким образом, с достаточной долей исследовательского упрощения ментальное пространство ЯЛ можно представить в виде совокупности конкретных и абстрактных концептов, причем последние мыслятся как набор потенций для модификации концептов конкретных.

Концепты, лежащие в основе формирования семантики производного слова, соотносятся на уровне конституирующих их признаков (ПК), соотносимых с семантикой словообразовательного форманта, и ПК, соотносимых с семантикой производящей основы. В данном контексте, на наш взгляд, необходимо ввести понятие *сильной / слабой позиции ПК*. Речь идет о большей или меньшей степени семантической аттракции, определяющей способность того или иного ПК сочетаться с фрагментами других концептов, модифицируя при этом содержательное наполнение последних.

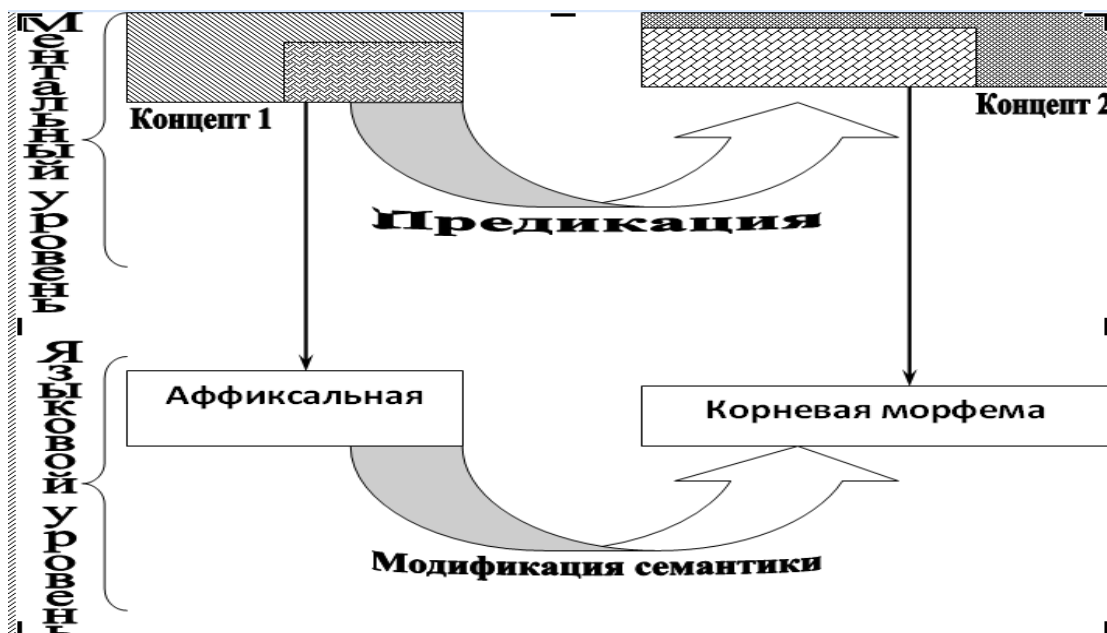
Опираясь на достижения лингвоконцептологии [см. в частности, Пименова, 2007 и другие работы], мы пришли к выводу, что основными признаками сильной позиции ПК являются:

- 1) высокая степень его абстракции и принадлежность к уже известным «типичным» ментальным категориям картины мира (результат, способ, качество, место нахождения и т. п.);
- 2) способность вызывать ассоциации, т.е., в получившей широкое распространение терминологии М.В. Пименовой, широкий «образный ореол» ПК.

В соответствии с вышеизложенным, мы выдвигаем гипотезу о том, что:

- 1) правила сочетания концептов *определяются сильной / слабой позицией соответствующих концептуальных признаков*;
- 2) ПК, репрезентируемый семантикой словообразовательного форманта, *всегда находится в сильной позиции*;
- 3) *механизмы сочетания ПК определяют деривационную модель*, по которой строится производное слово, а также степень интегративности его семантики.

Проиллюстрируем сказанное на схеме 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов, О.А. Интенциональные аспекты динамики концептосферы языковой личности [Текст] / О.А. Алимуратов // Language, Individual and Society: International Scientific Publications. – Bulgaria: InfoInvest, 2007. – P. 529-548.
2. Алимуратов, О.А. Концепт «Отношения»: структурная характеристика и некоторые закономерности вербализации [Текст] / О.А. Алимуратов // Lingua Mobilis: Научный журнал. – 2008. – № 2 (11). – С. 130-148.
3. Голев, Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты [Текст] / Н.Д. Голев // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка: Коллективная монография / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – С. 65-84.
4. Демьянков, В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование [Текст] / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 206 с.
5. Кравченко, А.В. Является ли язык репрезентативной системой? [Текст] / А.В. Кравченко // Studia Linguistica Cognitiva: Выпуск I. Язык и познание. Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 135-156.
6. Кубрякова, Е.С. Ономаσιологические характеристики комплексных единиц словообразовательной системы [Текст] / Е.С. Кубрякова //

- Актуальные проблемы русского словообразования: Сборник научных статей. – Ташкент-Укитувчи. 1982. – С. 30-44.
7. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №1. – С. 5-12.
  8. Лосев, А.Ф. Языковая структура [Текст]: Учебное пособие / А.Ф. Лосев. – М.: Московский гос. пед. ин-т, 1983. – 376 с.
  9. Майзель, С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков [Текст] / С.С. Майзель. – М.: Наука, 1983. – 308 с.
  10. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 36-42.
  11. Пименова, М.В. О методе исследования концептов внутреннего мира человека [Текст] / М.В. Пименова // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М; Калуга: Эйдос, 2007. – С. 237-246.
  12. Реформатский, А.А. Лингвистика и поэтика [Текст] / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
  13. Юдкин-Рипун, И.Н. Краткий семантико-этимологический справочник: славистика и романо-германистика [Текст] / И.Н. Юдкин-Рипун. – Киев, 2004. – 236 с.
  14. Clark, A. Being There: Putting Brain, Body and World Together Again [Текст] / A. Clark. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997. – 389 p.
  15. Langacker, R.W. Grammar and Conceptualization [Текст] / R.W. Langacker. – Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.
  16. Marchand, H. Studies in Syntax and Word-Formation [Текст] / H. Marchand. – München, 1972. – 439 p.
  17. Skalička V. Hyposyntax [Текст] / V. Skalička // Slovo a slovesnost. – 1970. – Č. 1. – S. 1-6.
  18. Topolińska, Z. O implikacji semantycznej: przymiotnik→rzeczownik [Текст] / Z. Topolińska // Македонски јазик. – Скопје, 1983. – Год XXXIV. – С. 51-87.

КОНЦЕПТОСФЕРА ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Р.М. РИЛЬКЕ

Е.Н. Азначеева

Челябинский государственный университет

The article deals with individual peculiarities of the space configuration in the works of R.M. Rilke. The specific character of the poetical concepts are identified and described.

Проблема ориентации в пространстве непосредственно соотносится с самоопределением и самоидентификацией человека. Являясь выразителями форм организации материи, концепты пространства и времени начинают формироваться в глубокой древности, наравне с языком и мышлением, и относятся к универсальным базовым элементам, определяющим восприятие человеком его места в мире, иерархию его мировоззренческих ценностей, духовные приоритеты и устремления, его физическое, эмоциональное и социальное состояние. В работах по когнитивной лингвистике описаны универсальные признаки, при помощи которых человек оперирует

перцептивными пространственными представлениями в физическом мире: высокий – низкий, длинный – короткий, внешний – внутренний, центральный – периферийный, широкий – узкий, далекий – близкий, правый – левый и т.д. При помощи этих признаков и образуемых ими оппозиций можно описать единые для всего человечества или национально-культурных сообществ особенности восприятия пространства, которым соответствует понимание на уровне предметных представлений или общих смыслов.

Концептуальная картина мира в индивидуальном художественном мировосприятии отличается большей сложностью и своеобразием по сравнению с языковой картиной мира. В художественной картине мира концепт обогащается и обретает свою самобытность за счет появления новых образно-символических составляющих и большей дифференцированности и различной комбинаторики входящих в него признаков, а также актуализации, наряду с перцептивным и понятийным, образного и символического слоев. Так, в пейзажной или философской лирике значимыми являются также пространственные противопоставления замкнутого – открытого, динамичного – статичного пространства, признаки масштабности или локальности, равнинности, горного ландшафта и др. Трудность интерпретации концептосферы в поэтическом творчестве обусловлена спецификой поэтического концепта, состоящей в размытости его архитектоники и субъективности ассоциативно-смысловых механизмов формирования его содержательной конфигурации, но также и тем, что в поэзии совершается акт познания, неотделимый от саморефлексии поэта. Поэтому лингвокогнитивный анализ пространственных отношений в литературном наследии поэта может представлять интерес не только для более глубокого понимания индивидуальной картины мира поэта, но и для выявления механизмов порождения концептуального содержания в поэзии.

В творчестве Р.М. Рильке концепт «пространство» относится к доминантным символам мировидения поэта, его интерпретация – это ключ к пониманию его философии; его содержание, с одной стороны, неисчерпаемо, с другой, выражается в ряде контекстов с почти научной строгостью. Об исключительной значимости данного концепта для Р.М. Рильке свидетельствует высокая частотность репрезентирующих его лексем, а также наличие непосредственных связей с другими основополагающими концептами его идеосферы, такими как «душа», «бытие», «смерть», «родина», «ландшафт», «дерево», и обладает не только сложной, но и индивидуальной, присущей только ему структурой. Отличительной особенностью реализации этого концепта в лирике Рильке является его эксплицитный характер, поскольку он реализуется прямыми речевыми номинациями, прежде всего именем концепта (Raum – пространство), выражающим его в наиболее полном объеме и общей форме. К тому же лексема Raum нередко занимает сильные позиции в заглавиях, начальных и заключительных строчках стихотворений. Ср. названия стихотворений Р.М.Рильке: «*Der reine Raum*» (чистое пространство), «*Seele im Raum*» (душа в пространстве), «*Im Raum der Rühmung*» (в пространстве славы). Другими

рекуррентными экспонентами данного значения являются лексемы *Ort, Stelle, Haus, Welt, Himmel, Landschaft, innen, außen, draußen* и др. Абстрактность значения большинства из экспонентов обуславливает выраженный логический характер концепта. Не имея опоры на вещественный референт в объективном мире, эти номинации свидетельствуют о сосредоточенности на внутренней жизни лирического героя.

Централизованность, эксплицитность и абстрактность значения концепта «пространство», сближающие его с научным понятием, являются выражением философской направленности поэзии Рильке. В то же время пространство для него глубоко индивидуально. Восприятие пространства у Р.М.Рильке отличается сакральным характером содержания, к которому, как к финальной интерпретанте, сводятся все духовные устремления поэта. Отсюда особая интенсивность пространственных ощущений и их широкий диапазон: от самоуглубленности к пристальному вниманию к вещам и до космической устремленности к невидимым мирам.

Универсальные пространственные признаки и оппозиции в творчестве поэта отражают, с одной стороны, архетипические смыслы и образы (как *дерево, Орфей и Эвридика, Будда, ангел*), с другой – приобретают субъективные коннотации. Специфической особенностью идеосферы Рильке является стремление к разрешению противоречия между внешним и внутренним (духовным) пространствами путем одухотворения эмпирического пространства и трансформации его в экзистенциальное. Пространственные реалии (комната, дом), которые присутствуют в стихотворениях, несут некую знаковость, обретая символическое значение, чаще всего значение тесноты (*Engheit*) и отправного пункта для выхода героя в дальние пространства (*Ferne, Welten*), неземные пространства (*Himmel, Nacht-Raum, der nächtliche Raum*), беспредельное космическое пространство (*Weltraum, Sternenhimmel, der unabsehbare Raum, Raum ohne Absehen*), внутреннее мировое пространство (*Weltinnenraum*). Перевод рядом исследователей творчества Рильке понятия *Weltinnenraum* как «мировая душа» [Козонкова, 1999] или «душа мира» [Зарубежная литература, 1996], хотя в целом и отражает его сущность, все же приводит к утрате такого важного элемента значения, как „*innen*“ (внутренний), а эта лексема с ее производными *das Innere, von innen, drinnen* не только относится к наиболее частотным экспонентам концепта «пространство», но и выступает в качестве противочлена одной из основных пространственных оппозиций в творчестве Рильке между внешним и внутренним.

Ограниченное пространство в поэзии Рильке – это нечто привычное, известное (*verbrauchte Schwelle aus deiner Stube, drin du alles weißt – обшарпанный порог твоей комнаты, где тебе все давно знакомо*), из которого необходимо вырваться. Явления природы и вещи также устремляются из своего тесного пространства, причем направленность вверх сочетается со стремлением открыться более интенсивному существованию. Трагедия замкнутого в ограниченном пространстве существа изображена в

стихотворении «Пантера», трагизм ситуации усугубляется тем, что в клетку заключено животное, обладающее могучей силой и волей. В стихотворении «О фонтанах» навстречу, к небесам устремляются мечты человека, струи фонтана, старинные парки, напевы незнакомых девушек. Объективный признак чувственного объекта (движение воды вверх и ее падение под влиянием силы притяжения вниз) приписывается ряду других объектов и трактуется как стремление к миру трансценденции, за которым затем следует вынужденное «падение» в мир обыденной действительности. В стихотворении «Морг» вырваться на свободу стремится душа, заключенная в мертвое тело. Так же, как у пантеры, заключенной в клетку, глаза покойника повернуты вовнутрь и всматриваются в себя. Для пантеры и для души в мертвом теле есть лишь одна возможность освободиться из ограниченного пространства – через прорыв в трансцендентальное. Тот же мотив в стихотворении «Слепнущая»: для слепой женщины есть лишь один выход – через духовное прозрение, достижимое через самоуглубление и самопогружение во внутренний мир.

Снятие противоречий между вертикальной и горизонтальной направленностью, устремленностью вверх и вниз, ближним и дальним, замкнутым и открытым, видимым и невидимым, внутренним и внешним пространствами, получающим в творчестве поэта метафизический и сакральный характер, совершается путем двух разнонаправленных процессов: интериоризации и экстериоризации. Под интериоризацией понимается в данном случае центрирование мира в собственном Я. Интериоризация, как идентификация себя с пространством духа и необходимое условие духовного развития, у Рильке отличается особой интенсивностью, она является не просто усвоением, но и преобразованием. Так, концепт «родина» у него приобретает метасмысл «духовная родина». В разные периоды его жизни такой духовной родиной для него была Германия, ставшая «именно родиной, первой родиной, где я увидел человеческую жизнь» [Хольтхузен, 1998, с. 83], и Россия, избранная родина, которая стала «основой его жизнепереживания и жизнесприятия» [там же, с. 64]. При этом в обоих случаях «духовная родина» поэта имела мало общего с реальной действительностью этих стран.

Если интериоризация с ее неизбежными индивидуальными вариациями и модификациями все же носит всеобщий характер, то экстериоризация, как способ выражения, проявления, практического осуществления внутреннего мира, – процесс, являющийся выражением субъектности личности. При экстериоризации в личности проявляется не усвоение и трансформация, а созидание и порождение, характерное для человека как субъекта творчества и субъекта культуры. В процессе творчества совершается внутренняя работа души по построению своего собственного мира смыслов, или ноэватической структуры сознания, которая обусловлена самостоятельной природой психических феноменов и их относительной независимостью от внешней реальности, открытой Э. Гуссерлем и исследовавшейся затем М. Мамардашвили. У Р.М. Рильке экстериоризация – это центрирование за

пределами своего эго, слияние с внутренним мировым пространством. Центр для Рильке не то, где он находится, а то, чем он является или хочет стать. В нем разыгрывается мистерия жизни и – как ее завершение и цель – смерти.

Абсолютное приятие мира и расширение своего Я до мирового пространства требует полной самоотдачи и напряжения всех сил. Лирический герой первого сонета второй части «Сонетов к Орфею» готов обменять на мировое пространство свою жизнь («*Immerfort um das eigne Sein rein eingetauschter Weltraum*»). В романе «Записки Мальте Лауридса Бригге» внешнее пространство заполняет все существо героя вплоть до последнего прибежища его физической оболочки – дыхания: «...небывалое... проникает в самые дальние закоулки бесконечно разветвленного твоего существа, поднимается, поднимается, превышает тебя, и ты захлебываешься, задыхаешься. ... и тебя уже не спасет твоя легкая оболочка». Беспредельность внешнего мира требует беспредельности внутреннего пространства: «*Dort draußen ist was ich hier drinnen lebe, / und hier und dort ist alles grenzenlos*» – «Там снаружи – то, что я проживаю внутри / и здесь и там все безгранично» [Рильке, 1988, с. 28].

Взаимопроникновение внутреннего и внешнего совершается не только путем открытости для внешнего, но и посредством устремленности и саморасширения внутреннего пространства до макропространства. Прорыв в неизведанное происходит в результате безоглядного самобросания в опасность («*Wag ichs denn? Werf ich mich?*») в стихотворении «Душа в пространстве», на пределе риска в посвящении к роману «Записки Мальте Лауридса Бригге» («*mit diesem Wagnis gehen, ...um einen Hauch wagner*» – рискованно, еще рискованнее), развертывания внутреннего пространства вширь и вверх: («*Vorn möcht ich stehen wie in einem Kahne, groß und wie eine Fahne aufgerollt*» – «Как знамя я развернут, / как в челне, несусь вперед») в стихотворении «Мальчик», либо перерастания себя самого, наиболее частым символом которого является дерево.

Мотив перерастания себя встречается постоянно: «И дерево себя перерастало...» в «Сонетах к Орфею», «...земле мала/ околица, она переросла/ себя и стала больше небосвода...» в стихотворении «За книгой», «...там самый малый миг очеловечен и переполнен сущностью своей» в «Детстве», «...он ждет, чтоб высшее начало / его все чаще побеждало / чтобы расти ему в ответ...» в «Созерцании» и т. д. Быть побежденным беспредельным пространством – это неизбежность перед лицом смерти, но также и расширение пространства (Raumgewinn) и полнота бытия.

Наряду с деревом посредниками между земным миром и небесами, видимым и невидимым, между миром живых и царством мертвых являются Орфей, вещи, животные, зеркало, а также сам художник, который благодаря своему искусству соединяет и преображает в себе мировое внешнее и мировое внутреннее пространство. В качестве родового употребляется также абстрактное понятие Bezug в значении «связь», «отношение», «притяжение», «натяжение».

Границы между видимым и невидимым, между мирами живых и мертвых взаимопроницаемы. В письме к Понгсу в 1924 г. Рильке пишет о своей ранней открытости и свободе в обращении с умершими [Хольтхузен, 1998, с. 46]. Для него самое важное – полнота бытия, а “полнее”, всего и “достаточнее” в этом мире – смерть. Соприсутствие героя в разных измерениях бытия является следствием его осознания своей духовной природы и сопричастности высшему началу, готовности быть частью макропространства и проводником его воли. Поэтому птицы летят *сквозь* него и дерево растет *в нем*. Эта сопричастность является залогом единения с макрокосмосом и условием самореализации и полноты присутствия в мире:

*«Мы только голос. Кем воспета даль, / где сердца всех вещей единый
звон?/...мы – только голос. / Лишь внезапный миг – / в нас сердца звон
негаданно возник, / и мы – весь крик. / И лишь тогда мы – суть, судьба и лик»*
(пер. В.Куприянова).

Особенности реализации концептосферы пространства в поэзии Р.М.Рильке выявляют способы представления субъективных реальностей в философской лирике. Повторяемость, «текучесть», субъективность и бесконечная вариативность концепта, многократно возрастают в лирике, поскольку это единственная возможность приблизиться к непознаваемому посредством воспринимаемого и переживаемого опыта. При всем разнообразии чувственных и эмоциональных впечатлений идейно-символическое содержание в творчестве Р.М.Рильке на разных уровнях контекстов – от микроконтекстов до текстов стихотворений и даже циклов – порождается синергией ассоциативно-смысловых энергопотоков, создаваемых реализацией повторяемых и варьируемых индивидуальных смыслов с инвариантным содержанием, которое можно сформулировать как устремленность от периферии к центру – духовному центру личности поэта и внутреннему мировому пространству, мировой душе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гандельсман, В. Поэзия как религия : Рильке [Текст] / В. Гандельсман. – «Иностранная литература», 2006, № 2.
2. Зарубежная литература XX века [Текст] : учебник для вузов / Под редакцией Л.Г. Андреева. – М. : Высшая школа, 1996.
3. Козонкова, О. Ганс Эгон Хольтхузен. Райнер Мария Рильке [Текст] / О. Козонкова. – М. : «Волга», 1999. № 5.
4. Рильке, Р. М. Записки Мальте Лауридса Бриге [Текст] / Р.М. Рильке. – М. : Известия, 1988.
5. Хольтхузен, Г. Э. Райнер Мария Рильке, сам свидетельствующий о себе и своей жизни (с приложением фотодокументов и иллюстраций) [Текст] / Г.Э. Хольтхузен. Пер. с нем., составление приложения и послесловие Н. Болдырева. – Челябинск : Урал LTD, 1998.
6. Rilke, R. M. Werke. [Text] / R.M. Rilke. Kommentierte Ausgabe in vier Bänden, hg. von Horst Nalewski. – Frankfurt am Main 1996. – 668 S.

ПРОЯВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (на примере анализа ассоциативных полей)

О.А. Алимущкина

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

The article is devoted to the analyses of stereotipization in associative groups. We compare the vectors of association discovered in associative groups and calculate the degree of stereotipization.

Актуальность данного исследования обусловлена неугасающим интересом ученых к проблемам изучения языкового сознания, к описанию ассоциативного поля как одного из общепринятых способов овнешнения языкового сознания носителей языка.

Ассоциации являются своеобразной моделью хранения знаний в памяти человека. Когнитивисты предполагают наличие в сознании некоторых сетей, в узлах которых хранится информация. Актуализация одного из узлов (например, при помощи слова-стимула) влечет за собой возбуждение, «вытаскивание», «высвечивание» информации. Ю.Н. Караулов отмечает, что если память человека образно представить в виде картотеки, где каждому слову соответствует отдельная карточка, то можно прийти к следующему выводу: за произвольно выбранной из картотеки карточкой «с неизбежностью потянется вся картотека», и мы сможем «вытащить какую-то гроздь карточек, тесно связанных друг с другом» [Караулов, 1976, с. 76]. Считается, что индивидуальная память – это хранилище ассоциаций. Ассоциативная модель памяти была предложена Дж. Андерсеном и Г. Бауэром в начале 70-х гг. XX столетия [Anderson, Bower, 1973]. С их точки зрения, долговременная память человека представляет собой огромную сеть взаимопересекающихся пропозициональных деревьев, каждое из которых включает некоторый набор узлов памяти с намеченными связями. Необходимость изучения не отдельных реакций на слова, а некоторых «сетей» (пучков) ассоциируемых слов (J. Deese) обусловила возможность выделения векторов ассоциирования – основных направлений, по которым происходит ассоциирование слова в ходе эксперимента [Deese, 1965].

Принципиальное значение для нас имеет трактовка стереотипа В.В. Красных. Исследователь под стереотипом понимает единицу ментально-лингвального комплекса, «формируемую совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице, в его национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов)» [Красных, 2003, с. 232]. Следовательно, среди векторов ассоциирования, выделяемых в любом ассоциативном поле, могут встречаться «предсказуемые», стереотипные векторы. Стереотипизация проявляется в том, что многие векторы ассоциаций можно «предсказать». Они регулярны, возможно, механически «высвечиваются» на экране сознания человека [Красных, 2003, с. 271].

К количественной оценке способов измерения стереотипности реакций лингвисты в своих работах обращались неоднократно. Уровень стереотипности определяется ими как процент, который от общего числа

реакций составляют три наиболее частые реакции [Гасица, 1990; Новикова, 1998], либо как среднее количество разных реакций на предъявленный стимул [Залевская, 1979]. Исследователи связывают стереотипность с частотностью появления той или иной реакции.

Проследить сохранение стереотипных векторов ассоциирования возможно при сопоставлении данных, отличающихся по времени фиксации. В нашем исследовании в качестве современного среза были использованы результаты ассоциативных экспериментов, проведенных нами в 2005 – 2006 гг. (далее – НЭ – наш эксперимент). Для сравнения мы взяли аналогичные ассоциативные поля, зафиксированные в «Словаре ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева (далее – САНРЯ) и в «Русском ассоциативном словаре» (далее – РАС). Наша цель состояла в том, чтобы проследить, насколько стереотипными являются выделенные нами векторы ассоциирования.

В ассоциативных полях, полученных в ходе НЭ, и полях, представленных в РАСе или САНРЯ, выделяются векторы ассоциирования. Векторы как основные направления ассоциирования формируются из группы вербализованных реакций, выделяемых на основе общности признаков. Количественное наполнение вектора ассоциирования свидетельствует о степени актуальности того или иного признака для носителей языка.

Степень стереотипности векторов ассоциирования мы предлагаем вычислять по следующей формуле:

$$S = \frac{\% \text{ САНРЯ или РАСа}}{\% \text{ НЭ}}$$

где S – степень стереотипности, % САНРЯ или РАСа – общий процент реакций, выделенных в ассоциативном поле САНРЯ или РАСа и включенных в анализируемый вектор ассоциирования, % НЭ – общий процент реакций, выделенных в ассоциативном поле нашего эксперимента и составляющих вектор ассоциирования.

Мы будем считать степень стереотипности высокой, если полученный по данной формуле результат будет колебаться в пределах 0,62 – 1. Крайние цифры мы интерпретируем следующим образом: 0,62 – число, признанное в науке «золотой пропорцией»; 1 – число, полученное в результате сопоставления идентичных векторов ассоциирования, а именно, например, вектор ассоциирования в САНРЯ представлен 17,2%, в НЭ – 17%. Соответственно, степень стереотипности равна 1 (17,2%:17=1). Правило золотого сечения характеризует многие социальные явления: соотношение в обществе людей, удовлетворенных работой (62%), и людей, не удовлетворенных ею (38%), или людей, считающих себя счастливыми (62%) и несчастливыми (38%). В лингвистике этот принцип был апробирован Ю.Н. Карауловым и М.М. Коробовой. Анализируя ассоциативные поля совокупной языковой личности, они пришли к выводу, что ассоциативное поле представляет собой сбалансированную структуру, в которой показатели

однообразия (социально-значимой нормы) и отклонений (узус) представляют гармонические величины [Караулов, Коробова, 1993, с. 20].

По индексу стереотипности реакций можно судить о динамике структуры концепта, а, следовательно, и об изменении сознания носителей языка. Считается, что чем выше степень стереотипности, тем слабее проявляется динамика изменения языкового сознания. В настоящее время возрос интерес к изучению динамики языкового сознания на материале сопоставительного анализа ассоциативных полей, разных по времени фиксации [Филиппович, 2006; Черкасова, 2006].

Если степень стереотипности равна числу менее 0,62, это свидетельствует о том, что в настоящее время данный вектор получает развитие и в НЭ представлен гораздо шире, чем в САНРЯ или РАСе. Тогда мы можем говорить о наличии низкой степени стереотипности и о перспективе развития вектора. Если степень стереотипности более 1, это является показателем того, что выделяемый вектор в настоящее время утрачивает свою актуальность. Соответственно, можно говорить о наличии вектора ассоциирования с низкой степенью стереотипности и перспективой дальнейшего редуцирования.

Механизмы проявления стереотипизации языкового сознания обнаруживаются в актуализации устойчивых векторов ассоциирования с высокой степенью стереотипности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гасица, Н.А. Ассоциативная структура значения слова в онтогенезе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Гасица. – М., 1990. – 24 с.
2. Залевская, А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике [Текст] : учеб. пособие / А.А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1979. – 172 с.
3. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 335 с.
4. Караулов, Ю.Н. Языковая способность в зеркале ассоциативного поля (лонгитюдный эксперимент и интерпретация) [Текст] / Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова // Известия АН. Серия лит-ры и языка. – Т. 52. – 1993. – №2. – С. 1-31.
5. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М. : ИТДК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Новикова, А.М. «Семантический гештальт» в структуре ассоциативного поля [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.М. Новикова. – М., 1998. – 30 с.
7. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка [Текст] / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М. : «Помовский и партнеры», 1994. – 223 с.
8. Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / Под ред. А.А. Леонтьева. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – 191 с.
9. Филиппович, А.Ю. Электронная версия русского ассоциативного словаря [Текст] / А.Ю. Филиппович // Речевая деятельность. Языковое

сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов / Ред. Е.Ф. Тарасов. – Калуга: ИП Кошелев (Изд-во Эйдос), 2006. – С. 311-312.

10. Черкасова, Г.А. Интегрированная база данных «Ассоциативный образ носителя русского языка» [Текст] / Г.А. Черкасова // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов / Ред. Е.Ф. Тарасов. – Калуга : ИП Кошелев (Изд-во Эйдос), 2006. – С. 335-336.

11. Anderson, J.B. Human Associative Memory [Text] / J.B. Anderson, G.Y. Bower. Washington, 1973.

12. Deese, J. The Structure of Associations in Language and Thought [Text] / J. Deese. Baltimore, 1965.

СПОРТИВНАЯ И ИГРОВАЯ МЕТАФОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.С. Алямкина

Сургутский государственный университет

The article is dedicated to the cognitive analysis of conceptual metaphors in the English and Russian economic discourse. The highlight of the article is the metaphorical model «Economy is sport/game».

Игра – это деятельность, издавна присущая человеку и принадлежащая к наиболее освоенным сторонам опытно-познавательной деятельности людей, она четко структурирована в сознании носителей языка. Являясь знакомой и понятной всем людям, понятийная сфера игры вполне закономерно служит источником метафорического переноса.

Метафорический перенос основан на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». Область источника относится к более конкретному знанию человека, полученному им при непосредственном взаимодействии с действительностью, и представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Область цели составляют понятия, которые не доступны в прямом физическом опыте; это нечто менее ясное и конкретное. В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, т.е. происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение». Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «концептуальных метафор» [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 9-11].

Классификация концептуальных метафор по сферам-источникам в экономическом дискурсе позволяет выделить традиционные метафорические модели: морбиальную, милитарную, зооморфную и др. Спортивные и игровые метафорические модели занимают значительное место в экономическом дискурсе, так как сфера спорта и игры общедоступна и известна каждому человеку.

В данной статье мы рассмотрим метафоры, входящие в метафорическую модель «Экономика – это спорт/игра», где экономика – это область цели, а спорт/игра – область источника.

В качестве материала исследования выступили статьи на экономическую тематику ведущих международных газет, а, именно, «The Financial Times», «The Guardian», «The Daily Mirror» и российских изданий «Известия», «Российская газета», «Коммерсантъ». Первая часть нашей статьи будет посвящена исследованию спортивной и игровой метафоры в англоязычном экономическом дискурсе, во второй части мы представим анализ данных метафор в русскоязычном экономическом дискурсе. Перевод анализируемых английских метафор авторский.

Взаимоперекрещивающиеся метафорические модели «Экономика – это спорт» и «Экономика – это игра» широко распространены как в англоязычном, так и в русскоязычном экономическом дискурсе.

В англоязычном экономическом дискурсе игровые метафоры очень разнообразны, это касается как собственно вида игры, так и прагматического потенциала метафорического словоупотребления. Например, спортивные игры могут метафорически переосмысливаться как честное соревнование между экономическими предприятиями, как здоровое соперничество между лидерами. Однако в большинстве случаев спортивные метафоры несут отрицательные оценочные коннотации [Шехтман, 2005, с. 53]. Так, довольно часто встречаются метафоры, изображающие экономическую деятельность как азартную игру: «*the high-stakes game they played before the crisis*» [The Guardian, 2009] (до кризиса они (лидеры) делали *огромные ставки*), «*investors continued to place bets*» [The Daily Mirror, 2009] (инвесторы продолжали *заключать пари*), «*a domino effect carried away the banking system*» [The Daily Mirror, 2009] (вследствие игры *в домино* разрушилась банковская система). Карточные игры и игра в казино – также достаточно типичный источник метафор: «*the casino character of contemporary finance*» [The Financial Times, 2009] (современные финансы зависят от игры *в казино*), «*the casino proclivities of British finance*» [The Financial Times, 2009] (склонность к игре *в казино* на финансы Британии), «*top executives raked in tens of million dollars*» [The Guardian, 2009] (высокопоставленные чиновники *загрестили* тысячи миллионов долларов *в казино*).

Азарт, наличие интриги, напряжённое ожидание – концептуальные векторы, которыми пронизаны упомянутые метафоры. Они указывают на легкомысленное отношение экономических лидеров к решению вопросов первостепенной важности. Желание обогатиться превалирует над здравым смыслом. Экономические деятели решают вопросы, играя в карты или подбрасывая монету. Оттенок подчинённости воле случая, присутствующий в значении таких метафор, придает им негативную окраску, приводит к тому, что жизнь людей начинает казаться небезопасной.

Более положительный характер имеют спортивные метафоры в англоязычном экономическом дискурсе. Данные метафоры представляют экономическую деятельность как спортивное состязание, проходящее по

определенным правилам. Экономическая борьба, в основном, описывается через спортивные понятия «забег», «марафон», «ралли», «прыжок»: «*there has been a run of positive data on the housing market*» [The Daily Mirror, 2009] (на рынке недвижимости произошел *забег* положительной информации (досл.)), «*the rally in the financial markets*» [The Guardian, 2009] (*ралли* на финансовых рынках), «*the jump in sales rates*» [The Guardian, 2009] (*скачок* сидок). В результате подобных соревнований одни терпят поражения, другие побеждают.

Таким образом, проведенный анализ игровой и спортивной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе показал, что большинство метафор обладает негативной эмоциональной окраской, несет векторы агрессивности.

Спортивная метафора также распространена в русскоязычном экономическом дискурсе. Экономическая деятельность постоянно метафорически представляется как спортивные состязания: для нее характерны концептуальные векторы соперничества и бескомпромиссности, отчетливое разделение на «своих» и «чужих», триумфаторов и неудачников, непосредственных участников состязания, их помощников, «болельщиков» и людей, равнодушных к этим сферам деятельности.

При анализе спортивной метафоры в русскоязычном дискурсе наблюдается значительное сходство с метафорами англоязычного дискурса. Так, в частности, экономическая деятельность метафорически представляется как соревнование, состязание, участники, которого соревнуются в борьбе, беге, стрельбе и др.: «*состязание рубля и доллара*» [Российская газета, 2009], «*гонка на рынке акций*» [Известия, 2009], «*акции рынка недвижимости сошли с дистанции*» [Коммерсантъ, 2009].

На фоне значительного общего сходства метафор обнаруживаются некоторые отличия метафор русскоязычного дискурса. Значительную часть метафор русскоязычного дискурса составляют словоупотребления «рекорды», «лидеры»: «*акции нефтегазового сектора возросли в рекордных количествах*» [Известия, 2009], «*лидерами роста стали акции Сбербанка*» [Российская газета, 2009]. Очевидно, это связано с тем, что в сознании русского человека отчетливо закрепились картина лидерства, первенства нашей страны.

Однако лидеры экономических предприятий не всегда добиваются лидирующего положения честными способами. В статьях ведущих российских изданий они нередко предстают как азартные люди: «*государство сделало ставку на рубль*» [Российская газета, 2009], «*рубль сумел переиграть доллар*» [Известия, 2009]. Подобные словоупотребления актуализируют значения слова «игра», формулируемое как «преднамеренный ряд действий, преследующий определенную цель; интриги, тайные замыслы» [Шехтман, 2005, с. 55].

Игра также может пониматься как «занятие, обусловленное совокупностью определенных правил, приемов и служащее для выполнения экономической деятельности» [Шехтман, 2005, с. 57]. Актуализацию этого значения наблюдаем в таких примерах, как «*играть на рынке акции*»

[Коммерсантъ, 2009], «*игроки сбрасывают бумаги*» [Коммерсантъ, 2009], «*отыграть утерянные позиции*» [Известия, 2009].

Тем не менее, данные метафорические выражения обладают негативной оценочной окраской.

Таким образом, сопоставительное исследование игровой и спортивной метафоры в англоязычном и русскоязычном экономическом дискурсе может говорить о сходстве ментальных процессов двух народов, об определенной близости российской и американской культур. С другой стороны, выявленное сходство можно считать следствием того, что российское демократическое общество, как более молодое, многое заимствует из американской коммуникативной практики, ориентируется на общепризнанные и проверенные мировые модели. Из проанализированных примеров также видно, что недостатки, пороки экономических систем, обличающиеся при помощи метафор, характерны не только для России, но и для самых известных экономических лидеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия [Текст]. – Россия. – 2009.
2. Коммерсантъ [Текст]. – Россия. – 2009.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] : пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Изд. 2-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008.
4. Шехтман, Н.Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе [Текст] : дис. ...канд. филол. наук / Н.Г. Шехтман. – Екатеринбург, 2005. – 219 с.
5. Российская газета [Текст]. – Россия. – 2009.
6. The Daily Mirror [Text]. – UK. – 2009.
7. The Financial Times [Text]. – USA. – 2009.
8. The Guardian [Text]. – UK. – 2009.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ ОБЪЕКТОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

С.З. Анохина

Уфимская государственная академия экономики и сервиса

This article deals with the problem of the cognitive researches. The main purpose of the present material is to describe the cognitive approach to the analysis of the objects of visual perception.

Когнитивный подход является ключом к решению тех вопросов, исследования которых ранее без всякого обращения к анализу познавательных процессов оставались бесплодными. Иногда говорят не о когнитивном подходе, а о когнитивной науке, которая в «Новой философской энциклопедии» определяется как «комплекс наук, изучающих сознание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей» [Меркулов, 2001, с. 264].

Когнитивная наука, под эгидой которой возникла когнитивная лингвистика, все больше дробится не только на разные школы, но и на разные когнитивные науки – когнитивную психологию, нейронауки, антропологию и т.п. [Кубрякова, 2001, с. 8].

В последние десятилетия когнитивные исследования настолько расширили свое проблемное поле, что сейчас следует говорить именно о когнитивном подходе: имеются в виду исследования самых разных предметностей, в том числе и решение традиционных для определенной науки проблем, но методами, учитывающими когнитивные аспекты, в которые включаются процессы восприятия, мышления, познания.

В рамках когнитивной лингвистики оказывается правомерным рассматривать языковые структуры сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой, и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов. Физическая природа мыслящего существа и способ его функционирования в среде обитания имеет большое значение для изучения человеческого мышления.

Правомерность исследования объектов зрительного восприятия в рамках когнитивной лингвистики обуславливается сущностью самого феномена когниции. Е. С. Кубрякова отмечает, что в качестве когнитивных (когниции) рассматриваются процессы не только «высшего порядка» — мышление и речь, но и процессы перцептуального, сенсомоторного опыта, происходящего в актах простого соприкосновения с миром [Кубрякова, 1996, с. 81].

Такой когнитивный процесс «низшего порядка», как перцептивное восприятие (зрительное, слуховое) связан с процессами «высшего порядка»: мышлением и деятельностью центральной нервной системы.

Проблема восприятия получила свое решение в рамках когнитивного направления, имеющего междисциплинарный характер [Апресян, 1995; Рахилина, 2000; Рябцева, 2000; и др.]. По признанию когнитологов, без обращения к восприятию не может быть решена ни одна ключевая задача когнитивной науки [Кубрякова, 1996, с. 20].

Восприятие представляет собой хорошо организованную систему, поэтому изучение зрительного восприятия, позволяет выявить закономерности человеческого мышления, как некой модели, уходящей корнями в глубинные пласты человеческого сознания.

При рассмотрении зрительного восприятия и его объекта в рамках когнитивной лингвистики целесообразно использовать метод прототипа, который заключается в том, чтобы выявить прототипические, ядерные элементы категории объекта. Когнитивная лингвистика и, в частности, теория прототипов позволяют по-новому подойти к решению данной проблемы.

Следует выделить прототипические объекты, при помощи которых мы получаем информацию об окружающем мире. В первую очередь, в качестве прототипических объектов выступают объемные объекты, такие как небо, часто описывается какое оно – голубое, облачное или звездное; море, океан –

необъятные, безмятежные, бушующие; поля, чернеющие вдаль; лес, дремучий; хвойный, возвышающийся перед глазами; дорога – каменистая, проселочная, которая извивается и т.п. Объекты данного типа в большинстве своем являются протяженными. Точечные объекты являются неотъемлемой частью объемных, протяженных объектов, на их фоне выделяются точечные объекты: в небе самолет, птица; по дороге идет человек. Например: *Соня глядела на небо и окна школы и видела звезды над тишиной ночи* (А. Платонов). *Большие иллюминаторы, прорубленные в корме, позволяли любоваться чудным видом беспредельного океана, а два небольшие крошечные оконца, задернутые занавесками и выходявшие на палубу, позволяли капитану, не выходя из каюты, видеть всю палубу брига* (К. Станюкович). Ср. англ.: *And as I looked at the mountain peaks above me, and at the moon sailing over them, I felt a thrill of pleasure, as if I had just returned home from the other end of the universe* (С. Wilson). *I looked out of the window at the grey sky* (М. Hardcastle).

В процессе общения объектом зрительного восприятия становится человек. Одушевленные объекты отражают родственные отношения (мать, отец, дети), возраст (старик, ребенок), профессию (учитель, артист, водитель, доктор) и просто участника акта коммуникации (собеседник). При этом глаза, лицо собеседника становятся прототипическими объектами, в данной ситуации они являются фокусом в процессе зрительного восприятия. Например: *Валерик повернулся, недоумевающе посмотрел на доктора, улыбнулся и сдвинул наушник с левого уха* (В. Кунин). *Судорожно сбрасывая витки пленки и поднимая эту пленку на просвет, я снова слышал хруст ботинок и валенок по грязному снегу, снова видел лица в фурункулах с клубами пара над головами...* (Э. Тополь). Ср. англ.: *He looked across at the farmer for confirmation and the old man nodded his head* (М. Hardcastle). *And the first thing I saw was the face of Felix Hazard, making an impassioned speech to a vast crowd of people* (С. Wilson).

Окно также является прототипическим объектом, окно похоже на глаза. Так же, как и при помощи глаз, человек смотрит на мир через окна. Окно осмысливается то как преграда, то как исходный пункт движения взгляда. Окно нужно для того, чтобы видеть не только то, что рядом, в закрытом помещении, но и то, что находится вне помещения. К прототипическим объектам следует отнести и часы. При помощи часов человек узнает информацию о времени, которая является также жизненно необходимой. Без часов жизнь уже кажется невыносимой, это предмет, на который человек смотрит ежедневно. Например: *И Элька тоскливо посмотрела в черный отражающий квадрат окна, где все-таки можно было разглядеть крупные хлопья падающего мокрого снега* (В. Кунин). *Я взглянул на часы – истекали последние секунды, но в коридоре тихо, никто не идет меня арестовывать* (Э. Тополь). Ср. англ.: *This act produced rather amusing consequences, for some secretaries saw him from a window, and one of them later told the press about it* (С. Wilson). *I looked at my watch, and sat up hastily* (С. Wilson).

В основе выделения объекта зрительного восприятия лежит ряд условий, поскольку человек воспринимает окружающий мир, в частности объекты объемно, целостно, во всех его проявлениях и отношениях: *освещенность, цвет* (ср.: светать, темнеть, зеленеть, покраснеть); *размеры* (ср. огромный, крошечный); *форму, количество* (ср.: круг, ряд); *пространство, расстояние*, (ср. до, после, перед, сзади, над, под); *состояние среды, через которую воспринимается предмет* (ср. туман, облачность, пелена, завеса – ясный, четкий, яркий); *наличие преград* (загораживать, скрывать, прикрывать) и др. [Яковлева, 1994; Рахилина, 2000; Рябцева, 2000 и др.].

И. Г. Рузин определяет зрение как перцептивный модус или модус перцепции. Кроме того, он выделяет в зрении несколько субмодусов: восприятие света, цвета, формы и размера [Рузин, 1994]. Все они обладают огромным количеством объектов зрительного восприятия.

По мнению Э. Рош, фокусные (прототипические) цвета относятся к области неязыковых знаний и связаны с мышлением, а не с языком, то есть имеют не языковой, а когнитивный статус, поскольку они выполняют важную роль в мыслительных процессах категоризации. К числу этих процессов, в частности, относятся: выбор объекта (из всего многообразия объектов и их характеристик только некоторые из них привлекают обычно наше внимание), узнавание и классификация (в основе которых лежит сравнение объекта с хранящимися в памяти знаниями) и называние (в то время как большинство когнитивных категорий обозначаются отдельными словами, некоторые из них остаются без названий) [Heider, 1971].

Таким образом, использование когнитивного подхода к изучению зрительного восприятия предполагает анализ объектов зрительной перцепции. Такой анализ выявляет потенциал данных объектов при осмыслении различных фрагментов действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка [Текст] : монография / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] : Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина // под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
3. Кубрякова, Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – В. 1. – С. 8.
4. Меркулов, И.П. Когнитивная наука [Текст] / И.П. Меркулов // Новая философская энциклопедия в четырех томах. – Т.2. – М., 2001.
5. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен [Текст] : монография / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
6. Рузин, И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке [Текст] / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. – М., 1994. – № 6. – С. 79-100.

7. Рябцева, Н.К. Размер и количество в языковой картине мира [Текст] / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка: Языки пространств. – М., 2000. – С. 108-115.
8. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] : монография / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
9. Heider, E. «Focal» color areas and the development of color names. – «Developmental Psychology», 1971. – n. 4. – Pp. 447-455.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СТРУКТУР ЗНАНИЯ, ОБЪЕКТИВИРУЕМЫХ СЛОЖНЫМИ СЛОВАМИ (НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ N+N)

Л.В. Бабина

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

The article treats the problem of conceptual derivation. The attempt is undertaken to describe cognitive mechanisms of meanings' formation of N+N compounds.

Когнитивная лингвистика как раздел когнитологии характеризуется повышенным интересом к выявлению типов и структур знания, изучению механизмов и процедур конструирования знания и способов их языкового представления. В рамках когнитивной лингвистики особое внимание уделяется изучению производных слов, так как производная лексика существует не только как огромная база данных, но и служит порождающей средой [Кубрякова, 2004, с. 393]. Производная лексика позволяет закрепить и вербализовать структуры знания, появившиеся в актах познания и оценки мира и являющиеся результатом развития концептуальной системы человека.

Внутреннее развитие концептуальной системы происходит за счет постоянно осуществляющихся в системе процессов, одним из которых является концептуальная деривация. Концептуальная деривация представляет собой когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур. Она предполагает, что после того, как концепты, составляющие концептуальную систему человека, уже были каким-либо образом поименованы, в языке возникли предпосылки для их дальнейшего объединения в новые концептуальные структуры, которые обладают новыми языковыми значениями. Рождаемые в ходе познавательной деятельности концепты, получив языковую репрезентацию, становятся неотъемлемой частью концептуальной системы, создавая, в свою очередь, основу для ее дальнейшего развития и сохраняя деривационные связи с исходными структурами.

Исследование процесса концептуальной деривации предполагает описание когнитивных механизмов, обеспечивающих конструирование структур знания, объективируемых производными словами. Поскольку важно показать не только результаты осуществляющихся на концептуальном уровне процессов, которые приводят к возникновению новой структуры

знания на основе исходной или исходных структур, но и осуществление этих процессов в динамике, чему способствует описание механизмов, приводящих к появлению новой концептуальной структуры.

Было установлено, что процессы концептуальной деривации, обеспечиваются действием целого ряда механизмов. Эти механизмы определяют формирование значений производных слов, особенно тех, производящие которых не проявляют потенциал своего логико-предметного значения. Среди когнитивных механизмов, обеспечивающих формирование семантики производных слов, были предложены: «перспективизация», «соединение», «достраивание», «развитие». Когнитивный механизм «перспективизация» предполагает выдвижение на передний план тех участков или отдельных характеристик концептов, соотносимых с производящими словами, которые отражают информацию, необходимую для формирования концепта, репрезентируемого производным словом. Когнитивный механизм «соединение» обеспечивает или согласование перспективизируемых характеристик концептов, соотносимых с производящими словами (иногда характеристик, появившихся в результате действия когнитивных механизмов «достраивание», «развитие»), или согласование восстанавливаемых концептов и концептов, передаваемых производящими словами (иногда концептов, активизированных в результате «достраивания»). Действие когнитивного механизма «достраивание» позволяет восстановить недостающие для создания концепта (концептуальной структуры), соотносимого с производным словом, характеристики (концепты) за счет обращения к когнитивным областям/когнитивной области, к которым/которой отсылают определенные характеристики концептов (концепты), репрезентируемых или производящим словом или производным словом. Действие когнитивного механизма «развитие» обеспечивает появление новых характеристик и/или их комбинаций у концепта, объективированного производным словом, за счет использования инферентных и энциклопедических знаний. Эти характеристики и/или их комбинации возникают на основе определенных характеристик концепта, репрезентируемого производящим словом, которые заимствуются в концепт, репрезентируемый производным словом, и характеристик, появившихся в результате «достраивания».

Продемонстрируем, каким образом осуществляется конструирование структур знания, объективируемых сложными словами, при помощи вышеупомянутых механизмов. Сложные слова были выбраны в качестве объекта исследования, поскольку они представляют собой как бы сконцентрированное выражение человеческой мысли. В них существуют семантические отношения, отмеченные элементом предикативности, который в смысловом аспекте может быть приравнен к сообщению. Среди сложных слов рассмотрим сложные существительные, образованные по одной из наиболее продуктивных моделей $n+n$.

Формирование значений данных сложных существительных предполагает обращение к производящим именам существительными и

знаниям, соотносимым с ними. Знание, соотносимое с производящим именем существительным, предлагается рассматривать как концепт, состоящий из ряда характеристик, обладающих такими свойствами, как центральность, устойчивость/изменчивость, информационная значимость, инферентная сила. Центральность характеристики определяется степенью ее важности для данной ментальной структуры. Устойчивость характеристики (*immutability of a feature*) отражает степень зависимости от нее всей внутренней структуры концепта. Она обусловлена отношением зависимости, существующим между различными характеристиками концепта, и определяет ее вклад в формирование целостности структуры концепта. Так, например, круглая форма не является устойчивой, неизменной характеристикой апельсина: наше представление об апельсине мало изменится, если представить наличие у него несколько иной формы. Но круглая форма является неизменной, устойчивой характеристикой колеса, наше представление о колесе несовместимо с иной его формой [Sloman, Love, Ahn, 1998, с. 191].

Информационно значимыми могут быть как устойчивые, так и изменчивые характеристики. Характеристики, уникальные для определенной категории концептов, обладают высокой степенью информационной значимости. Например, факт наличия корневой системы не обладает большой информационной значимостью в структуре концепта ДЕРЕВО. Однако даже при низкой степени информационной значимости, это – устойчивая характеристика данной ментальной репрезентации, поскольку невозможно представить дерево без разветвленной корневой системы. Инферентная сила (*inferential potency*) характеристики позволяет по наличию одних характеристик предсказывать наличие других характеристик у данного концепта. Например, характеристикой высокой инферентной силы может служить форма инструмента, материал, из которого он изготовлен. Они позволяют судить о возможной сфере его применения. Примером характеристики, обладающей низкой инферентной силой, является характеристика цвета. Так, знание того, в какой цвет окрашен инструмент, не позволяет сделать вывод о том, что он собой представляет. Инферентная сила концепта определяет направление его возможных модификаций и обеспечивает легкость его понимания. Предполагается, что ядро концепта, репрезентируемого производящим именем существительным, составляют центральные и устойчивые характеристики, которые находят отражение в словарных дефинициях.

Исследование сложных слов *n+n* показало, что когнитивные механизмы задействуются при формировании значений структурно-мотивированных сложных слов, производящие существительные которых не проявляют потенциал своего логико-предметного значения, а также при формировании значений структурно-немотивированных сложных слов. Так, при формировании значений структурно-мотивированных сложных существительных *n+n* (*flag-captain, knee-breeches, boatman*) используются когнитивные механизмы «перспективизация», «соединение», «доистраивание». При этом концепт, репрезентируемый вторым

производящим именем существительным и являющийся определяющим в процессе создания концепта, передаваемого сложным словом, подвергается незначительным изменениям. Изменения определяются как незначительные, поскольку большинство центральных и устойчивых характеристик концепта, передаваемого вторым производящим существительным, заимствуется в концепт, определяющий семантику сложного слова n+n. Именно поэтому такие сложные существительные рассматриваются как структурно-мотивированные.

Роль когнитивных механизмов возрастает при формировании значений структурно-немотивированных сложных слов n+n. Формирование их значений осуществляется при помощи когнитивных механизмов «перспективизация», «соединение», «дистраивание», «развитие», «концептуальная метафора» или «концептуальная метонимия» как за счет обращения к производящим именам существительным и знаниям, соотносимым с ними, так и за счет обращения к контекстуальной информации. Концепт, репрезентируемый вторым производящим именем существительным и являющийся в большинстве случаев определяющим в процессе создания концепта, соотносимого со сложным словом, подвергается при этом значительным изменениям. Изменения происходят в результате аккомодации, под которой, вслед за Р. Лэнкером, понимается приспособление определенных аспектов одного компонента под другой во время формирования сложной структуры [Langacker, 1987, с. 76]. Концепт, передаваемый вторым производящим именем существительным, подвергается определенной перестройке, при согласовании его характеристик с характеристиками концепта, соотносимого с первым производящим именем существительным. Как следствие, большинство его центральных и устойчивых характеристик теряет перспективизацию, а концепт, соотносимый со сложным словом, формируют как центральные, так и изменчивые характеристики обоих концептов, соотносимых с производящими именами существительными. Поэтому подобные сложные слова рассматриваются как структурно-немотивированные.

Было установлено, что формирование значений эндоцентрических структурно-немотивированных сложных слов происходит помощи когнитивных механизмов «перспективизация», «соединение», «дистраивание» и «развитие».

Рассмотрим эндоцентрическое структурно-немотивированное сложное слово *man-flu*.

Has Jim taken another day off? I bet he's duffering from *manflu*. [<http://www.urbandictionary.com>].

Словарными толкованиями второго производящего существительного *flu* является: an infectious illness like a bad cold, causing a high temperature, pains and weakness [OALDCE, 1995, с. 451]; an infectious disease which is like a bad cold but more serious [LDELС, 1992, с. 494]. Приведенные толкования отражают такие концептуальные характеристики, как: 'болезнь', 'свойства – инфекционная, подобна простуде, но серьезнее', 'вызывающая симптомы –

высокая температура, боль, слабость'. На начальном этапе формирования значения сложного слова в результате действия когнитивного механизма «перспективизация» выделяются центральные характеристики 'болезнь', 'свойства – инфекционная, подобна простуде, но серьезнее', которые начинают согласовываться с характеристиками концепта, репрезентируемого производящим существительным *man*. Производящее существительное *man* имеет следующую словарную дефиницию: an adult male human being [COED, 2006, с. 865; LDELC, 1992, с. 805]. Под влиянием перспективизируемых характеристик концепта, соотносимого с производящим существительным *flu*, центральные и устойчивые характеристики 'человек', 'возраст – взрослый', 'пол – мужчина' концепта, репрезентируемого существительным *man*, перспективизируются. Данные характеристики начинают увязываться между собой. Дальнейшее формирование значения сложного существительного *man-flu* предполагает учет контекстуальной информации.

Контекстуальная информации, передаваемая языковыми единицами taken another day off, duffering² from, а также согласующиеся характеристики концептов отсылают к когнитивной области БОЛЕЗНИ, стоящей за концептом, соотносимым с производящим существительным *flu*. С помощью действия когнитивного механизма «достраивание» из этой области восстанавливается изменчивая характеристика 'неправильное диагностирование'. Информация, передаваемая перечисленными выше языковыми единицами, и изменчивая характеристика 'неправильное диагностирование', восстановленная с помощью действия когнитивного механизма «достраивание», отсылают к когнитивной области МУЖЧИНА, стоящей за концептом, соотносимым с производящим существительным *man*. За счет действия когнитивного механизма «достраивание» из когнитивной области МУЖЧИНА восстанавливается такая изменчивая характеристика, как 'свойство мужского характера – склонность преувеличивать серьезность заболевания'.

В процессе дальнейшего согласования изменчивых характеристик с центральными характеристиками обоих концептов, подвергшихся перспективизации, за счет аккомодации происходит изменение концепта, соотносимого с производящим существительным *flu*. Центральные характеристики 'свойства – инфекционная', 'вызывающая симптомы – высокая температура, боль, слабость', 'подобна простуде, но серьезнее' теряют перспективизацию, а в концепт, репрезентируемый сложным словом, заимствуется характеристика 'болезнь'. В результате действия когнитивного механизма «развитие» на основе согласующихся характеристик появляются характеристики 'болезнь – простуда', 'воспринимаемая как грипп в силу преувеличения серьезности заболевания', 'характерная для мужчин', 'ироническое отношение, (ироническая коннотация)'. Таким образом,

---

² Глагол *duffer* используется в конструкции, характерной для глагола *suffer*. Ироническое звучание возникает, так как используемый глагол является окказиональным деноминативным глаголом, образованным от существительного *duffer*: an incompetent or stupid person [COED 2006: 442].

концепт, соотносимый со сложным словом *man-flu*, включает в себя характеристики: ‘болезнь – простуда’, ‘неправильное диагностирование, характерное для мужчин’, ‘воспринимаемая как грипп в силу преувеличения серьезности заболевания’, ‘ироническое отношение’. Данный концепт определяет значение структурно-немотивированного сложного слова *man-flu*: (ironical connotation) a bad cold, mistakenly self-diagnosed by a man as the flu, whose seriousness is exaggerated.

Формирование значений экзоцентрических структурно-немотивированных сложных существительных (*boozehound, buttercup*) предполагает, помимо рассмотренных выше, также действие когнитивных механизмов «концептуальная метафора» и «концептуальная метонимия». Когнитивный механизм «концептуальная метафора» подразумевает определение области-источника и области-мишени метафорического переноса, выявление характеристики/характеристик в обеих областях, позволяющей/позволяющих установить сходство между выявленными областями, и определенную компоновку (объединение) характеристик обеих областей. Когнитивный механизм «концептуальная метонимия» предполагает обращение к когнитивной области, в которой происходит метонимический перенос, определение концепта-средства и концепта-цели, сравнение и перспективизацию части для обозначения целого [Бабина, Шепелева, 2008]. Обращение к контексту и информации, передаваемой им, особенно в процессе формирования значений экзоцентрических структурно-немотивированных сложных существительных является важным, поскольку именно информация, передаваемая контекстом, позволяет определить область-мишень метафорической проекции и концепт-цель метонимической модели.

Таким образом, анализ сложных слов n+n было показал, что конструирование знаний, объективируемых ими, требует рассмотрения когнитивных механизмов, обеспечивающих порождение новых концептуальных структур на основе уже существующих, определяющих формирование значений сложных слов. Это позволяет показать не только результаты концептуальной деривации – концептуальную структуру, возникшую вследствие взаимодействия исходных концептуальных структур или развития исходной концептуальной структуры, а и процесс ее создания. Следовательно, перейти от статического описания словообразовательных процессов на концептуальном уровне к динамическому описанию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабина, Л.В., Шепелева, Д.А. Когнитивные основы формирования окказиональных значений сложных слов, образованных по модели N+N [Текст] / Л.В. Бабина, Д.А. Шепелева // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №2. – С. 39-50.

2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] : монография / Е.С. Кубрякова - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 560с.

3. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Theoretical Prerequisites [Текст] / R.W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – Vol. 1. – 516 p.
4. Sloman, S., Love, B., Ahn, W.-K. Feature Centrality and Conceptual Coherence [Текст] / S. Sloman, B. Love, W-K Ahn // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22. - № 2. P. 189-228.
5. COED – Concise Oxford English Dictionary / ed. by C. Soanes, A. Stevenson. – Oxford University Press, 2006. – 1708p.
6. LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture. – Barcelona: Longman Group UK Ltd., 1992. – 1555 p.
7. OALDCE – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English / ed. by A.S. Hornby. – Oxford University Press, 1995. – 1431 p.

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

И.Г. Барабанова

Ростовский государственный экономический университет

The article looks into the main notions of the cognitive linguistics as well as the main differences between traditional and cognitive linguistics. Such terms as "concept", "form-structure and "frame" are considered in the article.

Понимание и познание когнитивных способностей (а это сформулировано в качестве главной задачи когнитивной лингвистики), по мнению признанных в области когнитивистики специалистов (Лакоффа, Лэнекера, Филлмора, Чейфа и др.), теснейшим образом связаны с понятием представления знаний, с его теми или иными структурами сознания, отражающими воспринятый человеком мир в его голове. Как известно, работа мозга и мышления протекает как оперирование структурами сознания. Это, своего рода, деятельность по их активизации, связыванию, совмещению вербальных структур с невербальными, объективация тех и других [Schwarz, 1997; Кубрякова, 1997].

Главным отличием когнитивной лингвистики от традиционной лингвистики является тот факт, что перед когнитивной лингвистикой стоит цель исследования, связанная с новым осмыслением языка и сознания. Следовательно, «цель когнитивной лингвистики может быть сформулирована следующим образом: посредством постижения языка проникнуть в формы разных структур знания и описать существующие между ними и языком зависимости» [Болдырев, 2004, с. 23]. Безусловно, лингвист не может, да и не должен ставить перед собой задачи, заключающейся в объяснении того, как работает человеческий мозг. Для этого необходимо объединить усилия специалистов разных наук.

На данном этапе развития когнитивной психологии специалистами подтверждено и теоретически обосновано существование определенных структур сознания в мозгу. Диапазон варьирования этих структур очень широк, они разнообразны по типу и по

сложности, а также по соотнесенности опыта, как с языковыми, так и образными единицами. По мнению специалистов, в основе разнообразных структур лежат либо разного типа концепты (образы, представления, понятия), либо их объединения (картинки, гештальты, схемы, диаграммы, пропозиции, фреймы и т.д.). Они рождаются и актуализируются в процессе восприятия мира, они создаются в актах познания, отражая и обобщая человеческий опыт и действительность, осмысленную в разных типах деятельности с миром. Попытаемся рассмотреть отдельные основные единицы когнитивной лингвистики.

Центральным понятием когнитивной лингвистики является концепт, под которым понимается «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин, 2002, с. 4]. Концепт признается оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [КСКТ, 1996, с. 90].

Когнитивная лингвистика исследует концепты через значения языковых единиц, и, следовательно, конечной целью когнитивной лингвистики является моделирование концепта как мыслительной единицы по данным языка [Стернин, 2004]. Концепт обладает структурой, которую можно выявить посредством наблюдения за сочетаемостью соответствующих языковых знаков. Структура концепта, в свою очередь, формируется определенным набором признаков, присущих тому или иному концепту. «Признак - всегда образ, история каждого древнего слова и есть сгущение признаков - исходных представлений - заключенное в понятии о предмете [Колесов, 2000: 11].

Концепт рассматривается как единица концептосферы. Термин «концептосфера» был введен академиком Д.С. Лихачевым, представляющий собой, по его определению, - «совокупность концептов нации» [Лихачев, 1993, с. 5]. Согласно когнитивной теории, язык относится к числу «наиболее характерных типов когнитивной деятельности» людей, а языковые категории представляются как категории когнитивной системы человека [Лакофф, 1988, с. 31- 47].

С позиций когнитивного подхода значение лексической единицы является единицей концептуальной структуры, результатом «идеализации», или концептуализации определенной ситуации действительного мира. Процесс формирования идей на основе знаний о реальном называют процессом концептуализации. Лексическое значение слова представляет собой объект отраженного мира, концепт, подведенный под тело знака, схваченный языковым знаком [Кубрякова, 1997, с. 54], или информацию, принадлежащую миру «Идеального», закрепленную определенным звукорядом [Телия, 1996, с. 99]. При этом подчеркивается, что концепт носит идеальный характер, представляет собой абстракцию довольно высокого уровня и значительной степени обобщенности, имея при этом материальное основание. Концепт обладает еще одной существенной особенностью: это некий буфер между языковым и ментальными уровнями.

Следовательно, он не может быть идентичен ни понятию, ни значению. Понятие - это категория логическая, рациональная, расширение которой протекает за счет свойств явления, открывшихся научному знанию.

Концепт же, как это убедительно показал Ю.С. Степанов [Степанов, 1990], это категория сублогическая, охватывающая своим содержанием множество вариантов функционирования языкового выражения, проявляющиеся в его валентностных свойствах и сочетаемости. При этом концепт следует понимать не как *conceptus* ("понятие"), а как *conceptum* ("зародыш, зернышко"), из которого "произрастают" все содержательные формы его языкового воплощения. Лексическое значение представляет собой форму существования концепта в языке. Все же многообразие концептов образует концептуальную систему.

Исследователи отмечают, что образование концептов происходит в процессе познавательной деятельности человека, в результате чего сознанием фиксируется определенная информация об объектах познания [Павилёнис, 1983, с. 101]. Таким образом, концепт объединяет в себе знания всех единиц оперативного сознания: понятия, представления, образы [Кубрякова, 1986, с. 55-56].

В когнитивной парадигме оперируют и таким понятием, как гештальт-структура, или прототип, или представление. Оно основывается на прототипическом образе объекта или явления действительного мира и представляет собой более конкретную, чем понятие, форму отражения [Телия, 1996, с. 94-96]. Необходимость введения термина гештальт-структуры как типового представления объекта из мира «Действительность» в мир «Идеальное» в качестве инструмента лингвистического анализа связана с описанием ментальных состояний коммуникантов в когнитивной парадигме [Телия, 1996, с. 96]. Так Л.О. Чернейко и В.А. Долинский считают, что под термином «гештальт-структура» следует понимать скрытую проекцию абстрактной сущности на конкретное явление, зримые физические формы метафизического и абстрактного [Чернейко, Долинский, 1996]. Гештальт - это имя того явления, в котором воплотилась данная абстрактная сущность. Гештальт-структура - это повторяющийся, идеальный образ, сложившийся в сознании индивида.

Общая идея когнитивного подхода представляет собой признание прототипической структуры и устроенности языкового концепта. Это означает, что семантические категории имеют свою строгую иерархию, при этом прототипичность концептов находит свое отражение в фиксации ими образов категорий и их закреплении в лексической семантике.

Дж. Лакофф также отмечает значительную роль прототипа в процессе категоризации действительности и классифицирует последние. В своей классификации он выделяет типичные, социальные, идеальные и образные прототипы, указывая также на источники прототипических эффектов [Лакофф, 1988, с. 34-37]. Исследователи также отмечают, что прототипы следует использовать в качестве вспомогательного инструмента при построении более глубоких и детальных дефиниций слов в

лексикографической практике в силу их ориентированности на концептуализацию реальности, отраженной и воплощенной в языке [Вежбицкая, 1999: 215-216].

Таким образом, основными понятиями когнитивной лингвистики выступают:

- прототип, или прототипический образ, который складывается на основе *представления* об эталоне категории, процесса, состояния, идеальном объекте;

- гештальт-структура - повторяющийся, идеальный образ, сложившийся в сознании индивидуума;

- концепт - категориальное представление знания об объекте, явлении, процессе, основанный на сумме представлений всех носителей данной культуры.

Из выше изложенного следует вывод о том, что концепт противопоставлен гешталту как инвариантное вариативному, объективное субъективному. Однако различие образа как индивидуального и контекстуального и гештальта как индивидуального и надконтекстуального проводится в работах исследователей непоследовательно. Концепт не равен ни понятию, ни лексическому значению в целом. Концепт - это сложное образование, в котором отражаются не только понятийные схемы (гештальт-структуры), но и образные схемы (фреймы), которые, в свою очередь, существуют в коллективном бессознательном, и сквозь призму которых воспринимается тот или иной объект действительного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. - Тамбов, 2004. - №1. С. 18-37.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст]: монография / А. Вежбицкая. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 779 с.
3. Колесов, В.В. Древняя Русь: наследие в слове [Текст] : монография / В.В. Колесов. - СПб., 2000.
4. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] : монография / Е.С. Кубрякова. - М.: Наука, 1986. - 158 с.
5. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] : монография / Е.С. Кубрякова. - М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. - 327 с.
6. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1988. Вып. XXIII. - С. 12-53.
7. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев - СПб.: РАН - СЛЯ, 1993, № 1.-С. 3-9.
8. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка [Текст] : монография / Р.И. Павилёнис. - М.: Мысль, 1983. - 286 с.
9. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике

[Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж. 2002.

10. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. М.: РГУ, 1995. С. 35 - 73.

11. Стернин, И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / И.А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. - Тамбов, 2004. - №1. С.65-70.

12. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] : монография / В.Н. Телия. - М., 1996. - 288 с.

13. Чернейко, Л.О., Долинский, В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа [Текст] / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский // Вестник МГУ. Серия 8. Филология, 1996. - №6. - С.20 - 21.

14. Schwarz, M. Einführung in die Kognitive Linguistik [Текст] / M. Schwarz. - Tübingen, Basel, 1996. 2-Auflage.- 238 S.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛЕКЕМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА «ЖЕРТВА»

Г.П. Басс

Брянский государственный технический университет

The article represents a fragment of research within the framework of cognitive linguistics. It deals with verbal lexemes as semantic representation of the concept "Zhertva" ("Sacrifice") significant for the Russian conceptual sphere.

Концепт, как принято считать, – основная категория когнитивной лингвистики. Концепт представляет собой результат освоения человеком реального мира, отраженного в сознании (концептуальная картина мира) и зафиксированного в языке (языковая картина мира). Он может выступать одновременно и в роли объекта исследования, и основного средства исследования языковой картины мира. По определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепт – это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин, URL]. В предложенной ими модели концепт представляет собой поле, включающее ядро (ключевое слово текста), приядерную область (синонимы, дериваты) и периферию (грамматические, синтаксические, стилистические языковые средства, репрезентанты других концептов).

Исходя из приведенной трактовки, рассмотрим реализацию концепта «Жертва», значимого для носителей русской культуры и концептуально-языковой картины мира. Данная статья представляет собой фрагмент исследования структуры и семантики анализируемого концепта на материале

романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» и посвящена глагольным лексемам как периферийному конституенту. Исследуя ядерный компонент концепта «Жертва», мы выделили семы добровольного или вынужденного отказа, отречения от чего-л. в пользу/ради кого-л., чего-л.; самопожертвования, платы, усилий, самоотверженности. Исходим из предположения, что глаголы, содержащие такие семы, могут являться одним из средств репрезентации концепта в его приядерной зоне. Отметим, что некоторые из них сами по себе, изолированно, могут быть не связаны напрямую с концептом, но в определенном контексте служат средством его экспликации. Кроме ядерной глагольной лексемы прямой номинации «жертвовать» (например, «*Жизнью ради вас не будем жертвовать...*»; «*Я пожертвовала бы всем. Даже самым дорогим. Тобою*»), в тексте встречаются лексемы косвенной номинации. Ближе к ядру находятся глагольные лексемы, обладающие меньшей степенью зависимости от контекста: *отдать* («*Свою молодость Аверкий Степанович отдал освободительному движению, революции...*»), *посвятить себя* (в тексте: «*посвятившие себя освобождению*»), *искупить* («*...с глубиной и задумчивостью, искупающей все страдания*»), *уступать* («*Точно рябина всё это видела, долго упрямылась, а потом сдавалась и, сжалившись над птичками, уступала...*»). Контекст позволяет конкретизировать коммуникативное значение, особенно если лексема употреблена не в прямом смысле.

По семантическому признаку можно выделить глаголы: 1) пассивного действия, подчинения: *сдаваться*, *угождать*, *улаживать* («*...а она сдается, угождает его желаниям и улаживает его дрожью своего неприкрашенного позора?*»), *отложить* («*Стало не до дневника. А приятно было вести эти записки. Придется отложить их до зимы*»), *подчиняться* («*...доктор был вынужден подчиняться своей несвободе*»), *мириться* («*мирясь с двойственностью чувств*»), *отступить* («*Я бы, конечно, ни минуты не мог делиться с ним предметом моего обожания. Но я бы отступил...*»), *приходиться* («*Пришлось ей уехать, чтобы окончательно ее не заклевали*»), *пренебрегать* («*пренебрегал соблазном и шел дальше*»), *отказаться* («*Чтобы избавить Пашу от пятнающей привязанности, вырвать ее с корнем и положить конец мучениям, Лара объявила Паше, что наотрез отказывается от него...*»), *нарушить* («*против воли пришлось нарушить это правило*»); 2) активного действия: *бороться* («*борясь с искушением*»), *перебороть* («*Делай, как тебе лучше, не считайся со мною. Я все переборю*»), *добиваться* («*Да разве так потерянной любви добиваются? Камни надо ворочать для этого, горы двигать, землю рыть!*»), *устоять* («*против искушения*»), *пересилить себя* («*...надо пересилить себя и принести эту жертву*»), *сломить себя* («*Сломите себя ради Ларисы Федоровны*»), *уничтожить* («*...в один прекрасный день они меня и даже Пашу уничтожат во имя высшей революционной справедливости*»); *изменить* («*Изменил ли он Тоне, кого-нибудь предпочтя?*»), *порывать* («*...с Ларою он порывает навсегда, на веки вечные*»), *предать* («*...а мы из боязни показаться отсталыми готовы предать самое дорогое...*»); 3) с уточнением

цели действия: *заслужить* («*Надо заслужить прощение*»), *избавить* («*Чтобы **избавить** их от будущих страданий и сократить свои собственные, он в неистовстве тоски сам их прикончил*»), *освободить* («*Он это сделал, чтобы **освободить** нас от себя, от своего воображаемого гнёта*»); 4) с определением цены жертвы: *потратить* («*Эта девчонка, на которую я **потратила** столько души!*»), *заплатить* («*морями крови*»), *расплачиваться* («*Неужели за это неосторожное восхищение он должен **расплачиваться**...*»), *стоять* («*жизни*»).

Жертва часто получает негативную оценку, в случае, когда цель не оправдывает средств, слишком жестока, или является предательством.

Рассматриваемый конституент находится в приядерном поле концепта, куда также входят синонимы, фразеологизмы, другие частеречные репрезентанты, сочетания слов, выражающие то же эмотивное значение. Разноуровневые языковые единицы составляют ближнюю и дальнюю периферию.

ЛИТЕРАТУРА

Стернин, И.А. Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике [Электронный ресурс] / И.А. Стернин, З.Д. Попова // *Respectus Philologicus* № 10(15), 2006. – С. 43-51 // URL: <http://www.cceol.com>.

КОГНИТИВНАЯ ЗАДАННОСТЬ СЛЕНГА

Е.Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

The article is devoted to the problems of “gender” as a cognitive innate basis of the youth slang and its “male” perception of the reality.

Осознание человеком себя, оценка самого себя и окружающего мира, построение особой картины мира, как правило, отражается в слове. Более того, есть все основания полагать, что «слово есть воссоздание внутри себя мира» (К.С. Аксаков). Изучение слова как центральной единицы хранения и использования информации, ее изменчивости и извлечения из памяти человека [Кубрякова, 1991] в определенной степени раскрывает механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире. В этой связи интерес представляют социальные диалекты, которые проявляются в особом лексиконе коллектива, объединённого профессионально или социально.

Анализ научной литературы, посвящённой проблемам социальной дифференциации языка, показывает определенную нечёткость терминологического поля, обусловленную, с одной стороны, разностью зарубежной и отечественной научных традиций, а с другой – сложностью самого языкового явления, постоянно меняющегося и перетекающего из одной социальной разновидности социального диалекта в другую. Разноголосица принятой в зарубежной и российской лингвистике терминологии, пересаженная на русскую почву, создает определённую неясность в разграничении и определении терминов разными авторами, поэтому филологам крайне сложно установить строгие терминологические рамки с чёткими определениями составляющих предмет исследования. Как

отмечает Г.А. Грачёв, «получилось так, что по поводу арго и жаргонов лингвисты создали свой жаргон, причем, в отличие, например, от носителей «блатной музыки», сами лингвисты понимают друг друга не всегда» [Грачёв, 1995, с. 42].

Придерживаясь точки зрения на сленг как разновидность жаргона, мы считаем необходимым разграничивать понятия общий и специальный (системный) сленг. Общий сленг как более широкое терминологическое понятие включает различные системные сленги, в нашем случае молодёжный сленг, который представляет собой интереснейший лингвистический феномен, бытование которого ограничено не только определенным возрастом его носителей (14–20 лет), как это ясно из самой его номинации, но и временными и пространственными рамками. Кроме того, как пишет Е.Г. Борисова-Лукашанец, «молодежный жаргон подобен его носителям – он резкий, громкий, дерзкий. Он – результат своеобразного желания переиначить мир на иной манер, а также знак «я свой». Язык здесь отражает внутреннее устремление молодых ярче и сильнее, чем одежда, причёски, образ жизни» [Борисова, 1992, с. 82].

Материалом исследования послужил толковый словарь молодёжного сленга Татьяны Геннадьевны Никитиной [Никитина, 2003], включающий более 12000 слов и свыше 3000 фразеологизмов на основании выборки соответствующих единиц из словарей, научных источников, художественных текстов, периодических изданий, передач радио и телевидения, а также живой речи молодежи.

Особое внимание уделялось наименованиям лиц женского и мужского пола в молодёжном сленге, что в определенной степени способствует выявлению когнитивных способностей молодежи и специфику формирования «молодежной» ментальности и выстраивания картины мира как субкультурного явления, а также «слабые места» в системе разговорной литературной речи, нуждающиеся в определенном заполнении в условиях неформального устного общения.

Одной из важнейших групп наименований в молодёжном сленге являются наименования родственников, где четко проявляется количественная асимметрия групп: важными оказываются наименования кровных родственников – детей, родителей, а затем отца, матери и жены. С одной стороны, это свидетельствует об определенном возрастном статусе носителей сленга, для которых актуальна зависимость от родителей (в сумме 53 наименования, то есть более половины всех слов группы), а с другой, показатель «мужского взгляда на жизнь». Об этом свидетельствует не только преобладание понятия «отец», более важного для молодого человека, над понятием «мать», но и полное отсутствие в словаре наименований мужа (при большом количестве наименований «мужчина» и обращений к нему типа *брателло*). Следует обратить внимание на большое количество иноязычных заимствований и образований от них, например: *падре, фазер, фатер, хан, мутер, мазер, ханочка, вайф, кинд, киндер, чидл, бэби* и под. Такие слова

нередко «обрастают» русскими суффиксами: *вайфица, киндарёнок, бэбиёнок, тилёнок* (человечек).

Интересно отметить, что в наименованиях жены, ребенка и родителей в основном присутствует метафоризация, причем нередко обидная: *обезьяна, паранджа, присоска, самовар, химикалия, швабра, щеколда* < жена; *грызун, самовар, киндер-сюрприз, корчик, короед, короедик, грызун, корец, паскударик, пеструнец, подвесок, пукеныш, спиногрыз, шнуренок, внепапочный* < ребенок, *антиквариат, кони, кости, батраки, соседи, старцы, шнурки, итрихи, черепа* < родители. Для наименования родителей важным является признак парности (*шнурки, ботинки*), который также реализуется в сложении слов типа *мама-папа, фазер-мазер*.

В наименованиях представителей возрастных групп, где наблюдаются определенные возрастные и гендерные предпочтения, обойдены вниманием молодежи старики, находящиеся вне родственных отношений, но зато особо многочисленна группа, репрезентирующая девушек, как одного из важнейших объектов внимания носителей сленга, при этом интерес к слабому полу сочетается с патриархальным отношением к женщине, которая осуждается обществом гораздо строже, чем «сильный» пол, например: *бабуин, каркалыга, колдобина, мокрощёлка, задрыга, вешалка, бабец, животное, защёлка, канава, коблуха, косолопка, лосиха, матрешка, метла, метёлка, мотыль, дрючка, дыра, жаба, бабон, балалайка, клюшка, коза кошёлка, колода, красоворотка, крокодил, лохнезия, медуза, мочалка, запчасть, запаска, бляха, бэвушка, выхухоль, дрофа, ларюшница, бикса, дурцения* и под.

Наименования мужчин немногочисленны, что также подчеркивает специфику восприятия мира: для молодых людей важнее девушки и отчасти женщины, чем мужчины (кроме находящихся в родственных отношениях). В молодежном сленге наблюдается полное отсутствие отрицательной оценки внешних данных мужчин, тогда как для лиц женского пола эта группа сленгизмов весьма существенна. С другой стороны, для мальчиков и подростков, судя по сленгу, характерно отношение к определенным криминальным структурам или агрессивное поведение (*кидал, гона, ксявка, ломщик*), при полном отсутствии таких обозначений для девушек (за исключением позиции – девушки легкого поведения).

Особняком стоит обширная группа слов, называющих людей, подверженных алкоголизму, что также свидетельствует о мужском взгляде на жизнь и распространенности пьянства среди молодых.

Существует даже собирательное название для алкоголиков – *бухота* (собр., презр.) – пьяницы, алкоголики, где представлено архаичное значение суффикса *-от-* а для обозначения совокупности лиц с оттенком пренебрежения. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в сленге используются практически все ресурсы русского языка, заложенные в его системе. Однако большинство наименований характеризуются пометами *шутливое, шутливо-ироничное*, например: *изюм, заливала, дринкач, дринкёр,*

дринчёр, дринчуга, дринчиган, датик, бухарик, бухарин, бухач, бухларик, алкмен, алконавт, алкан, алик, кривой кирюха, кирюхин, кира, керосин.

Специфика молодежного взгляда на жизнь определяет избирательность номинаций лиц мужского и женского пола, их наполняемость и коннотации. В частности, слабо представлены наименования профессий (за исключением тех, с которыми приходится сталкиваться молодому человеку: учитель, преподаватель, врач и некоторые др.). В частности, наиболее значимыми в молодежном сленге являются наименования представителей правоохранительных органов, например: *бобмен, власть, гадмен, жаба, забрало, кентавр, кобура, козлятник, коп, кокарда, мент, ментос, ментура, мильтон, митлюк, мусор, мусогорский, мусорок, панама, пижама, полимер, полис, свисток, собачник, стервятник, фараон, феска, хомут, чепец, шакал* и под. Следует отметить сильный негативный настрой, начиная с зоонимического ряда (*жаба, стервятник, крокодил, гена* (Гена – крокодил Гена), метафорических переносов (*крючок, мусор*) до своеобразных способов сложения (*козлогвардеец, мусорогорский*) и телескопии (*ментозавр* < финаль наименований ящеров типа *тирано-завр*; *гад-мен* (человек, мужчина), *бизнесмент* < *мент*, делающий бизнес на взятках).

В молодежном сленге практически не представлены профессионализмы и потому, что его носители в большинстве своем еще не вошли в эту жизненную сферу, и потому, что главным в жизни молодежи является досуг. Однако наименования солдат различного срока службы достаточно полно и тонко дифференцированы. Асимметричны наименования мужа и жены, слабо представлены наименования мужчин, однако весьма разнообразны наименования девушек, что определяет «мужской» взгляд на жизнь носителей сленга. Гендерные предпочтения проявляются и в негативном осмыслении лиц женского пола по сравнению с лицами мужского пола.

Анализ 692 наименований лиц мужского и женского пола позволяет в некоторой степени представить картину мира, отраженную языковым сознанием молодежи. Судя по частотности тех или иных наименований, для молодежи важными являются отношения между мужчиной и женщиной, характер человека, его внешность, привычки и интеллектуальные способности, при этом максималистский взгляд на жизнь ярко отражается в сленгизмах. Как правило, сленг направлен в большей степени в негативную сторону осмысления лиц женского и мужского пола, нежели в определение позитивных человеческих качеств и отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова-Лукашанец, Е.Г. Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материалах молодежного жаргона 60–70 годов) [Текст] / Е.Г. Борисова-Лукашанец. – М., 1992. – 184 с.
2. Грачёв, М.А. Аргументы и менталитет русских деклассированных элементов [Текст] / М.А. Грачёв // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург, 1995. – С. 38-47.

3. Кубрякова, Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона [Текст] / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке : Язык и порождение речи. – М., 1991. – С. 82-140.
4. Кудрявцева, Л.А. Общий слэнг в русском языке [Текст] / Л.А. Кудрявцева. – Киев, 2002. – 237 с.
5. Никитина, Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь [Текст] / Т.Г. Никитина. – М. : Астрель. АСТ. 2003. – 911 с.

ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОЙ ДЕФИНИЦИИ ДЛЯ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

Л.И. Богданова
МГУ им. М.В. Ломоносова

Incoordination of definitions and real usage of words in speech is researched in the article, in this connection the question of necessity of cognitive definition is raised.

Словарные дефиниции по разным причинам достаточно часто не удовлетворяют пользователей словарей.

На современном этапе развития науки важно рассмотреть проблему, связанную с несогласованностью дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка. В настоящий момент актуальным является вопрос о придании словарному толкованию когнитивного характера. Прилагательное *когнитивный* в данном случае (от лат. ‘познаю’) указывает на то, что содержание словарного определения должно иметь познавательный, а не чисто семантический характер.

В этом плане интерес представляют работы польского этнолингвиста Ежи Бартминьского [Бартминьский, 2005], который утверждает, что главная цель *когнитивной дефиниции* – ответить на вопрос о способе восприятия предмета говорящими на данном языке, т.е. о закреплённом в обществе и доступном изучению через язык способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках. Из сказанного следует, что в словарном определении должно получить отражение не собственно научное, а обыденное знание носителя языка о том или ином объекте.

Научность словарных дефиниций особенно бросается в глаза в случае толкования слов, принадлежащих к основному словарному фонду и имеющих давнюю традицию употребления.

Если мы откроем словарь С.И. Ожегова, то обнаружим, что широко употребительная лексическая единица *солнце* толкуется там как ‘небесное светило – раскаленное плазменное тело шарообразной формы, вокруг которого обращается Земля и другие планеты’ [Ожегов, Шведова, 1999]. В этой дефиниции есть элементы специального знания (*раскаленное плазменное тело, шарообразная форма* и др.), но нет и намека на то, какие

ассоциации вызывает это слово в сознании рядового носителя языка, какие признаки объекта являются наиболее важными.

Лексикограф когнитивного направления стремится ответить на вопрос о том, как внеязыковая действительность интерпретируется коммуникативным сообществом, следовательно, он так должен представить описываемое слово, чтобы показать, как видит объект, отраженный в этом слове, типичный представитель данной культуры.

Когнитивная дефиниция слова *солнце* применительно к русскому языковому коллективу должна, по-видимому, отражать такие признаки объекта, как, уникальность, местоположение, форма, свойства (яркость, тепло), действия и др. Рассмотрим основные из этих признаков, отраженные в словоупотреблении.

1) Солнце – самое яркое дневное светило на небе: ср. отсюда: солнечный день – солнечный человек, солнечное настроение, яркий как солнце и др.

2) Светило круглой формы – солнечный круг (песня «Солнечный круг»).

3) Согревает и освещает землю, источник света и тепла: греться на солнце.

4) Солнце – символ счастья, благополучия, радости (во многих фольклорных произведениях при приближении несчастья солнце прячется за тучи и вновь появляется при благополучном завершении дела).

5) Движение солнца служит мерой времени: Солнце всходит, встает утром и заходит, садится вечером. Ср. вставать с первыми лучами солнца ('очень рано').

6) Солнце является условием нормальной жизни человека, поэтому воспринимается эмоционально, положительно (ср. солнышко). Человеку свойственно стремиться занять свое место под солнцем, т.е. стремиться к хорошей, благополучной жизни.

Итак, мы видим, что солнце осмысливается языковым сознанием в докоперниковском смысле: солнце всходит и заходит, вопреки научному знанию о мире. Солнце яркое, светлое (ср. *сиять как солнце*), солнце дает жизнь и счастье, является символом всего мира в целом (*Нет ничего нового под солнцем*), солнце является знаком расцвета, совершенства (*солнце свободы, истины, солнце русской поэзии*). В идеале все эти признаки должны получить отражение в словарных определениях.

Представление лексической единицы *звезда* в традиционных толковых словарях также нуждается в корректировке. В словаре С.И. Ожегова *звезда* толкуется как 'небесное тело (раскаленный газовый шар), ночью видимое как светящаяся точка' [Ожегов, Шведова, 1999]. Очевидно, что информация о звезде как раскаленном газовом шаре никак не проецирует употребление данного слова.

В когнитивной дефиниции слова *звезда* следует отметить такие аспекты, как внешний вид, численность, место и время появления, возможные действия. Рассмотрим некоторые из них.

1) Звезда в обыденной картине мира, прежде всего яркий объект, но, в отличие от солнца, звезда не греет, но она сияет, горит: *глаза горят как звезды, звезда первой величины, восходящая звезда, шоу со звездами, звезда экрана.*

2) Как и солнце, звезда далеко: *Хотеть звезду с неба.*

3) Стереотипным признаком звезд является их неисчислимость: *как звезд на небе* (очень много), *считать звезды на небе* (мечтать о несбыточном).

4) Обыденные знания связывают со звездами человеческие судьбы: *родиться под счастливой звездой; верить в свою звезду.*

Когнитивная дефиниция слова *звезда* должна выглядеть примерно так:

Звезда – одно из многочисленных малых светил на небе, видимых ночью, которые складываются в своеобразные комплексы, называемые созвездиями, и о которых говорится, что они *светят, мигают, мерцают, зажигаются, гаснут, падают...*, о которых думают, что они сопровождают человека от рождения до смерти, а своим расположением и поведением определяют судьбу человека.

Итак, анализ словарных дефиниций показал, что направленность традиционной лексикографии нередко имеет безличный, формально объективный характер. Следствием научно-энциклопедического характера многих дефиниций оказывается 1) внутренняя несогласованность словарных статей, поскольку в отличие от дефиниций цитаты берутся не из текстов научного стиля, а из художественных произведений или разговорной речи; 2) переносные значения теряют связь с основным. Эти недостатки толковых словарей иногда преодолеваются в словарях нового типа.

В качестве примера рассмотрим, как толкуется слово *свинья* в традиционном словаре и словаре активного типа. В словаре С.И. Ожегова [Ожегов, Шведова, 1999] представлено такое определение слова *свинья*:

1. Парнокопытное нежвачное животное с крупным телом и короткими ногами;

2. Домашнее животное такого семейства, разводимое для получения мяса, сала, щетины;

Обратим внимание на иллюстративный материал, приведенный после этих двух значений: *Свинья под дубом* (о ком-н. неблагодарном и глупом); *Посади свинью за стол, она и ноги на стол* (посл.): О том, кто ведет себя распущенно, развязно. Как видим, иллюстративный материал никак не мотивирован научностью дефиниции.

3. Самка такого животного; *Супоросая свинья*;

4. *перен.* О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (разг.): *Ну, и свинья же ты!*

Четвертое значение – о грязном или низком, подлом человеке – также никак не связано с основным значением – **парнокопытное нежвачное животное**, нет мотивированности переносных значений. Кроме того, не получают системного, внутренне связанного толкования и такие дериваты, как *свинячить, свинтус, свинарник, свинский, по-свински, свинство.*

В когнитивном аспекте показателен «Толково-комбинаторный словарь русского языка» (сокращенно ТКС) [Мельчук, Жолковский, 1984], хотя этот словарь был создан задолго до того, как когнитивный подход стал предметом активного обсуждения.

В ТКС *свинья* – это ‘всеядное животное, в треть роста человека, толстое, коротконогое, с вытянутой тупой мордой (*рылом*) и маленькими светлыми глазами – домашнее животное, функция которого состоит в получении от него мяса, жира, шкуры и щетины’.

Обратим внимание на то, как составляющие этой дефиниции выводят в реальное словоупотребление: *Ест, как свинья; Толстая как свинья; Ножки короткие, как у свиньи; Со свиным рылом – в калашный ряд; Поросячьи глазки* (‘маленькие, невыразительные’) и др.

В ТКС представлены следующие коннотации слова *свинья*: чрезмерная телесная толщина; нечистоплотность; неразборчивость, всеядность; примитивное, наглое поведение, хамство; неблагодарность [Мельчук, Жолковский, 1984, с. 722].

Рассмотрим, как проецируются эти признаки в реальном употреблении:

1) чрезмерная телесная толщина: толстая, жирная свинья;

2) нечистоплотность: Свинья грязь везде найдет; грязная свинья; свинтус, свинство, свинячить / насвинячить, свинарник (На полу окурки, пустые бутылки. Какое свинство! = Живут как в свинарнике! = До чего ж по-свински живут!);

3) неразборчивость, всеядность (некомпетентность): Разбираться в чем-н., как свинья в апельсинах; Метать бисер перед свиньями (‘напрасно пытаться сообщить нечто возвышенное или умное людям, которые, по мнению говорящего, заведомо не имеют достаточно нравственных или интеллектуальных способностей, чтобы понять и оценить это’);

4) примитивное, наглое поведение, хамство: Посади свинью за стол, она и ноги на стол (посл.); жуткая свинья; свинья свиньей;

5) неблагодарность: свинья неблагодарная.

В качестве коннотаций следовало бы добавить также подлость, низость: *Какое свинство с вашей стороны так обманывать! Подложить свинью* (‘сделать подлость’) и т.п.

Заметим, что с помощью интенсификаторов можно разграничить разные значения слова *свинья* – *грязная свинья* (нечистоплотность); *гнуемая, последняя свинья* (подлость); *неблагодарная свинья* (неблагодарность) и др.

Итак, для среднего носителя языка *свинья* скорее не «парнокопытное нежвачное животное», а ‘домашнее животное, выращиваемое на мясо и сало, питающееся чем попало, в том числе и объедками; имеет розовую кожу и редкую щетину; любит рыть землю и валяться в грязи, отчего обычно грязное’ [Бартминьский 2005: 39]. Эти признаки когнитивно значимы, поскольку объясняют функционирование данной лексической единицы.

Отсюда следует, что когнитивная дефиниция должна включать в себя все компоненты, закрепленные в коллективном сознании носителя языка – выраженные или позволяющие себя выразить в тексте. На практике это

может быть последовательность дефиниций, отвечающих на приходящие в голову простому носителю языка вопросы, напр., о том, что предмет делает (*солнце светит, ветер дует, дождь идет, звезды зажигаются* и т.п.), каков он, где находится и т.д. [см. об этом также: Бартминьский 2005: 27]. Таким образом, когнитивная дефиниция – это своего рода рассказ о фрагменте мира, опирающийся на языковые факты и проиллюстрированный цитатами и типичными речевыми произведениями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бартминьский, Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике [Текст] : монография / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005.
2. Мельчук, И.А. Толково-комбинаторный словарь русского языка [Текст] : словарь / И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. – Вена : Wiener Slawistischer Almanach, 1984.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] : словарь / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999.

ОСОБЕННОСТИ ПОДСЕГМЕНТА С ФАКТОРОМ ГЛУПОСТИ: ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Е.Н. Бочарова

Белгородский государственный университет

The present paper deals with the peculiarities of modeling the structure of the concept “STUPIDITY” in Modern English. Gender differentiation is considered as one of the causes of stupidity.

На сегодняшний день в рамках когнитивной теории для лингвистики характерна направленность к изучению языковых явлений во всех их многосторонних отношениях с человеком, субъектом знания.

Для исследования ментального представления о глупости в английском языке необходимо обращение к концепту, под которым мы понимаем дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, и обладающая относительно упорядоченной внутренней структурой. Пространство концепта вербализуется различными языковыми средствами. Лексические единицы со значением «глупость» объективируют концепт ГЛУПОСТЬ.

Содержание изучаемого концепта представлено в нашем исследовании в виде трех взаимосвязанных сегментов или когнитивных слоев:

- 1) Глупость как отклонение от медицинской нормы
- 2) Глупость как отклонение от интеллектуальной нормы
- 3) Глупость как отклонение от нормы поведения

Каждый сегмент основывается на общем семантическом признаке «отклонение от нормы». Единство сегментов обусловлено присутствием в каждом из них концептуальных компонентов: эмоционально-оценочного и каузативного компонентов.

На структурном уровне «глупость как отклонение от нормы поведения» выделяются подсегменты, обусловленные различными каузаторами глупости, проявляющейся в линии поведения и суждениях личности. В

рамках данного сегмента глупость проявляется на так называемом житейском уровне. Каждый человек может быть подвержен данной глупости, которая проявляется в различных ситуациях и обусловлена разнообразными причинами.

Следует отметить, что на языковом уровне содержание концепта ГЛУПОСТЬ передается посредством различных частей речи – имен существительных, имен прилагательных, глаголов, наречий. Лексические средства, репрезентирующие концепт ГЛУПОСТЬ в английском языке, отражают эмоционально-оценочные понятия. Их принадлежность к пласту оценочной лексики определяет не только наличие эмоционального компонента, но и главенствующую роль оценки в содержании самого концепта.

А. Вежбицкая убедительно доказывает, что употребление существительных и именных групп, содержащих экспрессивный компонент, ограничено в референтных конструкциях и в составе дескрипций. Безусловно, можно сказать: “He is a fool”. Однако, по мнению А. Вежбицкой, едва ли всерьез можно сказать: “The fool sat down”. Тем не менее, можно сказать: “The fool deleted all my files” – этот дурак стер все мои файлы (пример А. Вежбицкой). В последнем примере слово fool было бы употребительно правильнее не в референтной или категоризирующей функции (например, придворный шут или умственно отсталый), а в предикативной, так как подразумевало бы, что человек, к которому производится референция, уже был идентифицирован, и теперь называется «дураком» из-за своих глупых действий. Причисляя существительное fool к экспрессивной лексике, А. Вежбицкая указывает, что данное имя не подходит для использования в составе определенных дескрипций, поскольку чувства говорящего не могут помочь адресату речи идентифицировать объект, к которому производится референция. Оно употребительно в эмоционально заряженных оценочных речевых актах [Вежбицкая, 1999, с. 104-105]. Иными словами, в рассматриваемом примере использование имени fool является семантически нетипичным, так как обозначает единичное свойство «глупый», а не группу свойств. Главным образом единичное свойство считается не очень пригодным в качестве единственной основы для категоризации. Согласно этому если человек глуп, то все эти свойства существуют в совокупности с множеством других характеристик. Если говорящий категоризирует человека, учитывая лишь единичное свойство, то он стремится подчеркнуть данное свойство, в результате оно принимает столь огромные размеры, что превосходит все остальные свойства.

Итак, глупость может быть обусловлена гендерной дифференциацией объекта оценки. Наличие стереотипного мужского превосходства в социуме можно расценивать как причину оценки женского интеллекта и соответственно поведения как отклонение от нормы. Присутствие ориентира на мужское поведение в обществе является неслучайным. Вплоть до конца 19 века личностные особенности женщин, их умственные способности, специфика их поведения не являлись предметом изучения науки. Женщины

не могли получать образование наравне с мужчинами, их умственная состоятельность ограничивалась и игнорировалась. Очень долгое время женщина ассоциировалась со злом, и считалось, что ее знания исходили от дьявола. В эпоху Средневековья бытовало мнение, что разум имел мужское начало, а природа женское. Б. Апплеярд в своей работе «Теория неравенства» приводит достаточно интересные факты из истории развития науки. Женщинам категорически запрещалось помышлять о развитии своих интеллектуальных способностей и получении каких-либо научных знаний. В 19 веке Каролина Хершель (Caroline Herschel) сделала феноменальное открытие – восемь новых комет. Ее имя увековечено, но лишь за счет фамилии ее двух родственников, мужчин. Данный факт не является единичным в научном мире. Некоторые мужчины отмечали способности девочек к напряженной умственной работе, однако о возможности и необходимости развивать данное дарование не могло быть и речи. Это объяснялось в первую очередь отсутствием веры в их способности применить полученные знания [Appleyard, 1991].

Как замечает Т.В. Бендас, вплоть до 20 века присутствовал нравственный запрет на научное исследование женщин, наука вырабатывалась на «мужском материале» [Бендас, 2002, с. 64]. Проблема общих различий между мужчинами и женщинами началась активно разрабатываться психологами в конце 19 – начале 20 века, что предположительно было связано с начавшимися движениями за равноправие женщин. Анализируя проблему возникновения гендерных различий, Т.В. Бендас отмечает резкую активизацию феминистского движения в США и Западной Европе, наблюдаемую в середине 70-х годов двадцатого столетия. В результате феминистское движение стало влиять на все общественные процессы, а также и на ситуацию в науке, стали учитывать «женскую» половину человечества. Данное движение имело успех, что способствовало появлению большого числа женщин в науке, в государственных и частных организациях, в политике [Бендас, 2002, с. 71].

Приведенные ниже примеры демонстрируют отношение мужчин и, как представляется, общества к женщинам, которые, по мнению многих мужчин, не способны к серьезным мыслительным операциям, чья роль в жизни сводится лишь к ведению домашнего хозяйства.

(1) *The difficulty is that all the religions of the world have the text books which are still studied, which all say that women are **stupid**, women are wicked, women are property, and women are revolting* [BNC]. Стоит отметить, что религиозные книги в действительности отражают мужское видение мира, так как авторами этих письменных памятников истории были исключительно мужчины, что, соответственно, свидетельствует об отсутствии объективной оценки умственных способностей женщин.

(2) *A woman may be a **fool**, and she may even be simply **stupid**. But she is never **dense*** [EL].

В примере (2) употребляются лексемы одного синонимического ряда. Автор высказывания подчеркивает, что женщинам присуще быть глупыми,

но им не свойственно быть в роли тех, кому трудно растолковать что-то, до которых с трудом доходит что-либо.

(3) *Why do men always think that pretty girls are **stupid*** [BNC]?

В данном примере (3) выражено мнение современных мужчин – женщины делятся на умных и красивых.

(4) *By catching herself saying, “You **stupid** woman, can’t you even pour a cup of tea without spilling it?” and instead thinking, “OK, Alison, you seem a bit shaky today* [BNC] – отражена самокритика женщины, совершившей нелепый поступок.

(5) *What a curious kind of a **fool** a girl is! Never been licked in school* [Twain, 1992, с. 125] – зависть со стороны мальчишки-проказника (Том Сойер) по отношению к девочкам, которых никогда не наказывают в школе. Причину этого мальчик видит в половой принадлежности.

Приведенные выше примеры являются многочисленными. Объектами оценки являются женщины, поступки и суждения которых наделяются глупостью со стороны мужчин только потому, что они являются женщинами.

В следующей группе примеров внимание акцентируется на эмоционально-оценочном компоненте исследуемого концепта, что свойственно женщинам как более эмоциональным индивидам.

(6) *Because you are a woman, do you think all men are **stupid**, like your husband* [BNC]?

(7) *“Men are **fools**”, Zurachina said* [BNC].

(8) *Leonie thought men were **stupid** to be easily taken in* [BNC].

(9) *What mugs men were! ...They were such **fools*** [Maugham, 2001, с. 240]!

(10) *But sometimes men can be so... so **asinine*** [BNC].

Данные примеры (6 – 10) иллюстрируют зачастую негативное отношение женщин к мужчинам.

Итак, как показывает эмпирический материал, в подсегменте с каузатором гендерная дифференциация актуализируется эмоционально-оценочный компонент, что достигается лабильностью данных лексем-репрезентантов, и соответственно способностью употребляться в различных синтаксических позициях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 776 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
2. Бендас, Т. В. Психология лидерства: гендер. и этнич. аспекты [Текст] : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / Т. В. Бендас. – СПб. – 2002. – 545 с.
3. Appleyard, V. The theory of inequality [Text] / V. Appleyard // The Times. – 1991. – 7 Dec.
4. BNC – The British National Corpus [Electronic resource] / <http://www.natcorp.ox.ac.uk/orp.ox.ac.uk/>.
5. EL – Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс] / <http://www.lib.ru/>.

6. Maugham, W. S. Theatre = Театр [Text] / W. S. Maugham. – М. : Менеджер, 2001. – 304 с.
7. Twain, M. The Adventures of Tom Sawyer [Text] / M. Twain. – Nashville Tomas Nelson Pab., 1992. – 498 p.

КОНЦЕПТ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ЭЛИТАРНОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ

(на материале художественной словесности XVIII-XIX вв.)

И.С. Выходцева

Саратовский государственный аграрный университет

The concept «the own – the stranger» of Russian verbal culture is in the centre of our work. The given opposition penetrates all culture and has universal character as at the heart of any collective, mass, national, national attitude mechanisms of identity and distinction and another's lie.

В центре нашей работы концепт «свой – чужой» в русской словесной культуре. Данная оппозиция пронизывает всю культуру и носит универсальный характер, так как в основе всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения лежат механизмы тождества и различения *своего* и *чужого*. Цель данной статьи – проанализировать функционирование концепта «свой – чужой» в элитарной словесной культуре (далее ЭК), материалом послужили тексты русской классической литературы XVIII-XIX века.

Использование литературных произведений в качестве источника лингвистических данных нуждается в оговорке. Лексика писателей – это не то же, что лексикон русского языка. Словарь языка любого автора является результатом художественного отбора: он определяется теми голосами, которые представлены на страницах произведений, включая и голос повествователя. Следовательно, репродуцированная языковая картина мира, складывающаяся из словаря одного автора, не является копией общеязыковой картины мира. Хотя и академические словари составляются по картотекам литературных данных, а словари мертвых языков, составленные на весьма ограниченном материале, дают представления о картине мира тех сообществ, которые говорили на этих языках, художественные произведения XVIII-XIX вв. можно представить как фрагмент русской языковой картины мира этого временного периода [Йокояма, 2003, с. 464].

Методом сплошной выборки из художественных текстов, представляющих ЭК, было отобрано около 4200 словоупотреблений, отражающих оппозицию «свой – чужой», из них 3000 (75%) со значением «свой» и 1200 (25 %) со значением «чужой».

При анализе полученных данных можно отметить, что в группе слов со значением «свой» преобладает конкретная лексика: *свой брат, дочь, подруга, рука, квартира, одежда, жилище, двор, страна* и др.: «Платов ничего государю не ответил, **только свой грабоватый нос** в лохматую бурку спустил, а пришел **в свою квартиру**» [Лесков, URL] и др.

Группа же слов со значением «чужой» складывается, в основном, из абстрактной лексики, отвлеченных понятий: *чужая горесть, душа, мысль, страсть, сила, грусть, желанье, унынье, надежда* и др.: «*Вздыхает и, себе присвоя **Чужой восторг, чужую грусть, В забвеньи шепчет наизусть Письмо для милого героя...***» [Пушкин, URL]; или «*Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле – разрушать **чужие надежды?** С тех пор как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке **чужих драм**, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние!» [Лермонтов, URL] и др.*

В группе слов со значением «свой» можно выделить четыре тематические группы. Первая группа слов (1300 словоупотреблений – 43%), объединена темой «земля, дом, имущество»: *своя комната (258), деревня (180), дом (138), земля (120), имение (96), квартира (85), кабинет (40), каморка (28), хижина (23), кресло (22), платье (18), кровать (16), жилище (12), часы (10), хозяйство (10), имущество (10), стакан (10), сюртук (8), постель (8), табакерка (6), шляпа (6), сапоги (5), гостиная (5), шаровары (3), рубашка (3), трубка (3), кушетка (3), бричка (3), сумка (3), альбом (3), дорожная шкатулка (2), шубка (2), тулуп (2), хутор, дворец, угол, нора, курень, поля, двор, спальня, хижина, светлица, корабль, чарка, стул, тетрадь, шпага, чайник, сундук, телега, сабля, чемодан, коляска, кукла* и др. Например: «*С каждым годом притворялись окна в его доме, с каждым годом уходили из вида более и более главные части хозяйства, и мелкий взгляд его обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате*» [Гоголь, URL] и др.

Следующая тематическая группа слов (800 словоупотреблений – 26%) со значением «внешний и внутренний мир человека»: *своя рука (230), лицо (146), душа (56), глаза/очи (54), сердце (42), краса/красота (24), голова (22), чувство (20), пальцы (18), тело (16), нога (14), грудь (13), любовь (12), счастье (12), мечты (10), горе (10), разум (8), губы (7), нос (6), воображение (5), колени (5), зубы (4), стан (4), рот (4), дух (4), доброта (3), ногти (2), волосы (2), усы (2), честь (2), удовольствие (2), совесть (2), страсть, храбрость, волнение, тоска* и др. Например: «*Ты не бесславишь сгоряча **Свою** воинственную **руку Презренной палкой палача***» [Пушкин, URL]; или «*Старшая девочка, лет девяти, стояла в углу подле маленького брата, обхватив его шею **своею длинною, высохшею как спичка рукой.** Она со страхом следила за матерью **своими большими-большими тёмными глазами,** которые казались еще больше на ее исхудавшем и испуганном личике*» [Достоевский, URL] и др.

Следующая группа слов (500 словоупотреблений – 17%) связана с темой «семья и род»: *брат (48), жена (36), сын (30), дети/дитя/ребенок (25), дочь (21), отец (17), мать (14), семья (10), родные (8), сестра (8), домашние(6), невеста (5), муж (5), жених (4), кузина (3), невестка (3), супруга (2), дядюшка (2) крестница, племянник* и др. Например: «*Сей почтенный старец, оставшись для примера дворянам **с семейством своим** на аванпостах*

Калужской губернии, ознаменовал особенную силу воли» [Давыдов, URL] и др.

Четвертая по численности группа слов (400 словоупотреблений – 14%) объединена темой «близкие отношения или совместная деятельность»: *свой (человек) (60), товарищ (52), друг (24), гости (18), свои люди (17), приятель (15), князь (8), собеседник (8), адъютант (7), подруга (7), козак/казак (6), командир (5), крестьянин (2), спутник (2), атаман, мужики, подруга, любовница, начальник, подчинённые, сожитель, сверстники* и др. Например: «*Не стыдно ли, от друга своего, Как от врага, ты вечно всё скрываешь*» [Пушкин, URL] и др.

Можно отметить случаи, когда отдельные лексемы входят в состав двух групп. Так, словосочетание *свои крестьяне* по своей семантике ближе к группе со значением «близкие отношения или совместная деятельность», но оно входит и в группу со значением «имущество»: «*Самая дьявольская выдумка отдавать **крестьян своих** чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?*» [Радищев, URL], так как в данном контексте это словосочетание имеет значение «крепостные», которые являлись частью имущества своих владельцев.

«*Чужие/ чужое*» в произведениях русской литературы XVIII-XIX вв. по своей тематике можно объединить в несколько групп.

Первая тематическая группа (800 словоупотреблений – 67%) объединяет лексику со значением «не нашей земли, иноземный»: *чужие края (234), земля (178), страна (80), чужбина (52), чуждый (враг) (46), люди (35), мир (14), иноплеменные (галл (4), арап, турок, американец, немец, хазары), чужие (12), нация (3), берег (6), чужестранность (2), чужеземность (2), сторона, пришелец, недруг* и др.: «*В кругу чужих, в немилый стороне, Я мало жил и наслаждался мало*» [Пушкин, URL]; или «*Проездом, случаем, из чужа, из далёка – С вопросом я, хоть будь моряк: Не повстречал ли где в почтовой вас карете?*» [Грибоедов, URL] и др.

С одной стороны, всё иноземное – враждебное, чужое, незнакомое, и в данных текстах можно выделить следующие антонимические пары: *русский / росс – галл, чужбина – отчизна, чужой край – родной край*: «*Сразились. – Русский победитель! И вспять бежит надменный галл*» [Пушкин, URL] и др.

Иноземное для представителя народной культуры – неизвестное, загадочное, при описании иноземной земли используются фольклорно-сказочные мотивы. В этом плане показателен диалог двух горожан в драме Островского «Гроза»:

1-й – *А это, братец ты мой, что такое?*

2-й – *А это Литовское разорение. Битва! – видишь? Как наши с Литвой бились.*

1-й – *Что ж это такое Литва?*

2-й – *Так она Литва и есть.*

1-й – *А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.*

2-й – *Не умею тебе сказать. С неба так с неба* [Островский].

С другой стороны, всё *чужое*, иноземное интересует русского человека, представителя элитарной культуры как что-то необычное, далекое, а потому привлекательное, волшебное, и тогда *свой край* становится *чужим*, а *чужие земли* манят к себе: «**Краёв чужих** неопытный любитель **И своего** всегдашний обвинитель» [Пушкин, URL]; или «*В самом деле, какие подвиги: садись в коляску или на корабль, дыши чистым воздухом, смотри на чужие страны, города, обычаи, на все чудеса... Ах, ты!*» [Гончаров, URL].

Вторая тематическая группа со значением «не свой, принадлежащий другим» (350 словоупотреблений – 29%). Если в первой тематической группе мы рассматриваем *чужое* как иноземное, то в данной группе нас интересует *чужое* как не принадлежащее своим: *чужой* (150), *чужой человек* (84), *ум* (10), *рука* (8), *лицо* (8), *голос* (6), *дети* (5), *нива* (4), *двор* (4), *деньги* (2), *дела* (2), *горе* (2), *семья* (2), *деревня, имение, поля, сапоги, платье, дом, добро, передняя, курень, сад, ремесло, невеста*: «*При мне служащие чужие очень редки; Всё больше сестрины, свояченицы детки; Один Молчалин мне не свой, И то затем, что деловой*» [Грибоедов, URL] и др.

В данной группе отдельно можно выделить примеры со значением «чужой среди своих»: «*Когда постиг меня судьбины гнев, Для всех чужой, как сирота бездомный, Под бурю главой поник я томный*» [Пушкин, URL] и др.

Следующая группа (50 словоупотреблений – 4%) со значением «лишённый свойства»: *чужд наслаждений* (8), *учения* (6), *лести, лицепрятства, грабительства, горести, обиды, чужд ощущению человечества, движениям жалости, нежности, любви, радости, желанья, унынья, размышлений, мыслей, горести, обиды, бесстыдства, движения, борьбы* и др: «*он всегда не был чужд разных наслаждений, от которых умел удержаться в лета пылкой молодости*» [Гоголь, URL] и др. В этой тематической группе употребляется только прилагательное *чуждый*, которое вносит книжную, высокую стилистическую окраску в характер повествования.

Таким образом, в ЭК категория *свой* представлена 4 тематическими группами, из которых самой многочисленной является группа «земля, дом, имущество» (43%), т.е. в этом типе культуры материальные, имущественные отношения внутри общества выходят на первый план, отодвигая семейно-родовые отношения на более низкую позицию (17%).

Категория *чужой* представлена 3 тематическими группами, из которых самой многочисленной является группа «не нашей земли, иноземный» (67%), но если в национальной картине эта тематическая группа воспринималась только с отрицательной оценкой (*чужой – враждебный*), то в ЭК наряду с этой оценкой возникает отношение к *чужому, иноземному* как к чему-то чудесному, интересному, данное противопоставление нейтрализуется, а вместе с этим концепт «свой – чужой» утрачивает резкую контрастность, теряет смысловую одномерность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь, Н.В. Мертвые души [Электронный ресурс] / Н.В. Гоголь // URL : http://www.az.lib.ru/litra/gogol/meertviye_duchi.html.
2. Гончаров, И.А. Обломов [Электронный ресурс] / И.А. Гончаров // URL : http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0020.shtml.
3. Грибоедов, А.С. Горе от ума [Электронный ресурс] / А.С. Грибоедов // URL: <http://lib.aldebaran.ru/griboedov.htm>.
4. Давыдов, Д.В. Дневник партизанских действий 1812г. [Электронный ресурс] / Д.В. Давыдов // URL : <http://lib.sarbc.ru/koi/LITRA/DAWYDOW/gusar.txt>.
5. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский // URL : http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0060.shtml.
6. Йокояма, О. «Свои» и «чужие»: межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России [Текст] / О. Йокояма // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности* : Коллективная монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 463-475.
7. Лермонтов, М.Ю. Герой нашего времени [Электронный ресурс] / М.Ю. Лермонтов // URL : <http://www.lib.ru/LITRA/LERMONTOW/geroi.txt>.
8. Лесков, Н.С. Леди Макбет Мценского уезда [Электронный ресурс] / Н.С. Лесков // URL : http://www.lib.ru/litra/leskov/ledi_makbet_mcenskogo_uezda.txt.
9. Островский, А.Н. Гроза [Электронный ресурс] / А.Н. Островский // URL : <http://www.lib.ru/litra/ostrovkiy/groza.txt>.
10. Пушкин, А.С. Стихотворения [Электронный ресурс] / А.С. Пушкин // URL : <http://www.lib.ru/litra/pushkin/stihitvireniya.txt>.
11. Радищев, А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву [Электронный ресурс] / А.Н. Радищев // URL : <http://www.lib.ru/litra/radichtchev.txt>.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «ЧЕРНЫЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Т.В. Григорьева, А.Р. Хамидова

Башкирский государственный университет

The scientific paper is devoted to polyaspect linguistic description of colour concept «Black» which is important to linguistic community. The concept have been represented in language as verbal world, which includes heterogeneous linguistic means of representation. The concept, being to symbolic significant, have an influence on thinking and verbal behaviour of a modern individual.

Изучение символической составляющей концептов открывает новые возможности для когнитивной лингвистики, позволяет увидеть изнутри процессы познания человеком мира.

Символическая составляющая цветового концепта – это результат того, что концепт «живет» в сознании людей и, развиваясь, наращивает символический ореол, функционирующий в разных сферах бытия.

Цветовые концепты имеют богатое символическое содержание. У разных цветовых концептов оно представлено по-разному.

Символическое наполнение концепта «Черный» в русском языковом сознании – исключительно отрицательное. Это обусловлено тем, что изначально черный цвет связывается в сознании людей прежде всего с темным временем суток, ночью. Неслучайно в некоторых языках слово «*черный*» происходит от слова «*ночь*» (ср. по А. Вежбицкой: «в некоторых языках, например, в языке австралийских аборигенов – луритья – одно из двух основных цветообозначений («светлый» и «темный») совпадает со словом для ночи (ночного времени)»), а семантический примитив для «*черного*» А.Вежбицкой обозначен следующим образом: «X – черный, когда люди видят некоторые предметы, они говорят о них: это – ЧЕРНОЕ, X как раз такой; в некоторые моменты ничего не видно, когда они видят предметы, подобные X-у, они могут подумать об этом». [Вежбицкая, URL].

Тьма, ночь, в силу своей способности скрывать, делать невидимыми все предметы действительности, представляется непонятной, злой, связанной с дьявольскими потусторонними силами.

Немаловажную роль в исследовании цветовых концептов может сыграть ассоциативный эксперимент. Ю.Н. Караулов, рассматривая ассоциативное поле «черный», приходит к выводу о возможности выделения трех уровней ассоциативной грамматики: семантико-синтаксического, уровня языковой картины мира (или когнитивного) и уровня прагматики. В соответствии с этим он предлагает разделение синтаксем, содержащих лексему «черный», на 3 ряда. Первый ряд – это синтаксем, в которых черный выступает именно как цвет, т.е. в своем первом значении. Второй ряд содержит синтаксем, в которых «цветовой компонент ... играет даже не главную, а второстепенную роль». Здесь, на втором уровне, видны отношения языка и мира. Основной смысл сочетаний этого второго уровня связан с их «идиоматическим и культурно-историческим наполнением». Третий уровень, прагматический, показывает отношения человека с миром (к этому уровню автор относит синтаксем типа *черный квадрат*, *черный кот*, которые по сути являются прецедентными текстами) [Караулов, 1999, с. 45].

Среди трех перечисленных нас интересует вторая группа синтаксем. Именно она демонстрирует символические смыслы, которыми обогащается концепт в результате познания, освоения человеком окружающей действительности.

Мы выделили несколько сфер в содержательном пространстве концепта «Черный», где может реализоваться культурно-историческое и идиоматическое наполнение:

1. Эмпирическая сфера: «грязный» – *черный ход* (задний, для черни, грязный), *черная работа*.

2. Этическая сфера: «подлый», «жестокий», «преступный» – *черная магия*, *черное сердце*, *черное дело*, *чернить*, *черный глаз*, *черная зависть*, *черная неблагодарность*, *черный пиар*, *черный юмор*, *черный ход*.

3. Эмоциональная и эмоционально-оценочная сферы: «безнадёжный» – *видеть всё в черном свете*, *черная тоска*; «связанный с плохими событиями» – *черный вторник*, *черный день*, *черная полоса*, *черная пора*.

4. Гносеологическая сфера: «неизвестный» – *черный ящик*; «закрытый» – *черный список*.

5. Сфера социальных отношений: «нелегальный» – *черный нал, черный рынок, черная экономика, черная бухгалтерия, черная зарплата, черный ход*.

Как видно, цвет не только помогает передавать внутренний процесс постижения человеком окружающей действительности, но и отражает внешние связи – показывает развитие социума, механизм приспособления новых явлений. Так, возникновение такого объекта социальных отношений, как незаконная зарплата, актуализирует доминантный признак этической сферы «преступный» в содержании концепта «Черный» и переносит его в социальную сферу, трансформируя в символический признак «нелегальный» (*черный рынок, черная экономика*).

Итак, в содержательном пространстве цветовых концептов выделяются основные, ядерные признаки эмпирической сферы, которые, переходя в новую сферу концептуального содержания и трансформируясь, рождают новые смыслы, формирующие символическую составляющую цветового концепта, изучение которой важно для понимания сложных когнитивных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия [Электронный ресурс] / А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание // URL : <http://ksana-k.narod.ru/Book/wierzbicka/02/index.htm>.
2. Караулов, Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть [Текст] : монография / Ю.Н. Караулов. – М., 1999. – 180 с.

ИЗУЧЕНИЕ МЕТОНИМИИ ПРИЗНАКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОПОЭТИКЕ

С.А. Губанов

Самарский государственный университет

This article is devoted to investigation of methonymy of adjective in the modern lingvopoetics and its classification

В науке данное явление получило различные наименования: метонимия признака [Некрасова, 1978], смещенное определение [Долинин, 1978], контекстуальная метонимия [Бирих, 1987], отраженная метонимия [Сандакова, 2002], динамическая метонимия, дискурсивная метонимия [Раевская, 1999; Сандакова, 2004], адъективная метонимия [Мерзлякова, 2003].

О.В. Раевская характеризует дискурсивную метонимию так: «Дискурсивная метонимия, в отличие от лексической, или лексикализованной, реализуется только в рамках текста и вне его не существует» [Раевская, 2000, с. 50]. Исследователь проводит мысль о том, что феномен дискурсивной метонимии проявляет себя не только на уровне слов, но и на уровне словосочетаний и предложений. Она выделяет семь типов дискурсивной метонимии.

1. Метонимия части и целого (... *икона остановилась*. Л. Толстой).

2. Гиперо-гипонимическая (родо-видовая). Функция такого рода метонимии – избежание повторов в тексте (вместо имени *крыса* используются имена *грызун, животное*).

3. Эллипсис. Эллиптическая дискурсивная метонимия может быть фактором структурной организации текста, направленным на смещение акцента в определенном семантическом пространстве дискурса (диалог Фамусова и Лизы: – *Ведь Софья спит?* – *Сейчас започивала.* – *Сейчас! А ночь?* – *Ночь целую читала.* А.С. Грибоедов).

4. Смещенное определение. При этом наблюдается расхождение между грамматической и семантической зависимостью прилагательного (*Тут Пухов захохотал всем своим редким молчаливым голосом.* А. Платонов). К.А. Долинин определяет этот процесс так: «предмету или понятию приписывается признак, характеризующий не этот предмет, а какой-то другой, находящийся с первым в определенной связи метонимического характера: *обвинительный палец*» [Долинин, 1978, с. 157]. Он отмечает близость такого рода метонимии к адъективным метафорам: «и там, и здесь предмету... приписывается чужой признак, который вызывает представление о своем постоянном «хозяине» и порождает сложный смысловой комплекс. **При этом чужой признак может одновременно действовать и как метафорический эпитет**» (выделено нами – С.Г.) [Долинин, 1978, с. 158].

5. Номинализованное определение. Метонимический перенос также состоит в смещении, в изменении семантико-синтаксических связей, приводящем к рассогласованности грамматической и семантической подчиненности. Например, *Навстречу Макару и Петру шло большое многообразие женщин...* (А. Платонов).

В обоих последних видах дискурсивной метонимии метонимический сдвиг направлен на то, чтобы выделить определение, сфокусировать на нем внимание. Важное свойство дискурсивной метонимии состоит в том, что слово может употребляться сразу в нескольких значениях, что придает особый рельеф ткани текста.

6. На уровне предложения. *Теперь он только чай пьет на балконе* (Чехов). Здесь *пить чай на балконе* метонимически означает *отдыхать*.

7. Косвенные речевые акты. Говорящий в них передает слушающему большее содержание речи, чем то, которое он реально сообщает. Такие высказывания, являясь репликами диалога, предназначены для передачи смысла, отличного от буквального, что нарушило бы логику развертывания диалога. Метонимический перенос, осуществляемый в косвенных речевых актах, относится к явлениям функционально-прагматического порядка и различается в зависимости от того, какая реплика – стимул или реакция – является метонимической.

Метонимический перенос в реплике-стимуле обычно представляет собой смену модальности: вопрос употреблен вместо просьбы, побуждения и т. д. Риторический вопрос – типичная дискурсивная метонимия, по мнению О.В. Раевской. Смена модальности может быть и в диалоге глухих:

– *Что ты сделала?*

– *Хорошей прогулки!*

Собственно смещенному определению посвящена диссертация А.А.Коротеева «Синтаксические смещения в современном русском языке». Под смещенным определением он понимает метонимическое определение. Смещенное определение является согласованным определением, выраженное прилагательным и причастием – это своего рода сокращенный вариант многословного словосочетания (*бездетный налог – налог на бездетных*).

Остановимся на особенностях дискурсивной метонимии прилагательного в трактовке М.В. Сандаковой, продолжающей идеи О.В. Раевской. Рассматривая различия между употреблением прилагательного в метонимически производном значении и дискурсивным прилагательным, исследователь утверждает, что если лексическая метонимия существует в языке в готовом виде и не является живым процессом, то дискурсивная метонимия прилагательного создается в процессе деятельности говорящего. Это метонимия в действии, рождающаяся и существующая только в дискурсе. Дискурсивная метонимия нерегулярна, это уникальное явление (что, на наш взгляд, является преувеличением, ведь такого рода выражения часто употребляются в обыденной речи). Она считает, что «в результате узуального метонимического переноса прилагательное приобретает вторичное лексическое значение, которое получает словарную фиксацию. Дискурсивная метонимия не приводит к семантической деривации: здесь можно говорить не о новом значении, а лишь об употреблении прилагательного» [Сандакова, 2004. с. 106]. Нестандартное соединение компонентов дискурсивного метонимического словосочетания создает экспрессивность. В отличие от атрибутивного словосочетания с узуальным метонимическим значением прилагательного, дискурсивная метонимия, по мнению автора, вне контекста непонятна. Внеконтекстная связь возможна лишь в том случае, если смысловые отношения компонентов словосочетания непосредственно отражают какие-либо предметно-логические связи в мире. Например, словосочетание *потный страх*, в котором определяемое имя обозначает причину, а прилагательное – следствие: пот может быть одним из возможных физиологических проявлений страха.

Изучение метонимии признака является важным этапом в осмыслении механизмов переноса определения, в выявлении закономерностей образования переносных эпитетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих, А.К. Метонимия прилагательных в современном русском языке [Текст] / А.К. Бирих // Вестник ЛГУ. Серия 2. – 1987. – Вып. 1. – С. 62-74.
2. Долинин, К.А. Стилистика французского языка [Текст] : монография / К.А. Долинин. – Л. : Наука, 1978. – 289 с.
3. Мерзлякова, А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие»: на материале английского, русского и французского языков [Текст] : дисс... докт. филол. наук / А.Х. Мерзлякова. – Уфа, 2003. – 359 с.

4. Некрасова, Е.А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики [Текст] / Е.А.Некрасова // Слово в русской советской поэзии: сб. ст. / отв. ред. В.П.Григорьев. – М. : Наука, 1978. – С. 111-132.
5. Раевская, О.В. О некоторых типах дискурсивной метонимии [Текст] / О.В. Раевская // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т.58. – №2. – С. 3-12.
6. Сандакова, М.В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного [Текст] / М.В. Сандакова // Филологические науки. – 2004. – №3. – С. 106-112.
7. Сандакова, М.В. Об отраженной метонимии прилагательного [Текст] / М.В. Сандакова // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: в 2 ч. Ч.1. / отв. ред. Н.А. Илюхина. – Самара : Изд-во СамГПУ, «Самарский университет», 2002. – С. 85-91.

К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ЖИВОТНОЕ-ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Е.В. Дерюгина

Кабардино-Балкарский государственный университет

The article deals with the problem of the metaphorical modelling and the secondary nomination. It is dedicated to the cognitive analysis of conceptual metaphors in der Russian linguistic culture.

Причиной частого и продуктивного использования зоонимов во вторичной номинации, проникновения зоонимов в другие фрагменты ЯКМ является то особое место, которое традиционно занимают названия животного мира в сознании языкового сообщества. Еще в глубокой древности, когда анимализм был основой мировоззрения, начали складываться первые обобщения – символы, конкретизируемые в образе того или иного животного.

«Метафора возникает не потому, что она нужна, а потому что без нее нельзя обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковая», – пишет В.Г. Гак [Гак, 1988, с. 67]. По мнению Г.Н. Складневской, метафорические переносы в тематическом пространстве «человек» осуществляются в определенном направлении от одной семантической сферы к другой по следующим схемам: **предмет - человек, животное – человек** [Складневская, 1993, с. 80]. Следовательно, одни и те же номинации могут принадлежать сразу нескольким фрагментам языковой картины мира. Обращаясь к понятию метафорической модели, нельзя не согласиться с А.П. Чудиновым в том, что метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система концептов (фреймов, слотов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы –мишени) [Чудинов, 2001, с. 298]. Следовательно, мы можем определить модель метафоры как механизм порождения совершенно новых языковых объектов с учетом сохранения эмотивного потенциала номинаций

из сферы – источника. Таким образом, метафорическая модель, по нашему мнению, – это способ вторичной косвенной номинации, при которой происходит «неполное удвоение денотата» (термин Скляревской), где от исходного понятия (будем называть его вслед за А.П. Чудиновым сферой-источником) отщепляется какой-либо признак или несколько признаков, служащих для характеристики нового объекта (сферы–мишени). Значит, рассматривая такую модель метафоры как «животное – человек», мы не столько указываем на человека, сколько, прежде всего, характеризуем его.

То, что человек начал сравнивать себя с животными, давно отражено в фамилиях и в переносных значениях названий животных. И можно предположить, что в основе переноса и в одном, и в другом случае лежит некоторое сходство между человеком и животным. Довольно велик список фамилий, образованных от зоонимов: *Бабочкин, Баранов, Белкин, Волков, Воробьёв, Воронов, Жуков, Зайцев, Медведев, Козлов, Коровин, Коровьев, Котов, Кошкин, Кукушкин, Куницын, Куропаткин, Лебедев, Орлов, Селезнёв, Собакевич, Соболев, Соколов, Сорокин, Уткин, Хомяков, Щукин*.

Согласно толковым словарям, в современном русском языке насчитывается более ста единиц, предполагающих уподобление человека животному [Словарь русского языка, 2002].

Интересно, что в русском языке не все гиперонимы образуют переносные значения: *животное, хищник, скот, скотина, птица, гад, змея, рыба, паразит*. Язык демонстрирует некоторую избирательность. В этом списке нет имен *млекопитающее, пресмыкающееся, насекомое*. Семантика переносных значений гиперонимов такова:

Животное – 2. Разг. О человеке грубом, с низменными инстинктами (МАС).

Хищник – 2. Перен. Тот, кто наживается, обогащается на разорении, ограблении, эксплуатации кого-л. II. Тот, кто с целью наживы пользуется средствами, ведущими к истощению природных богатств, к истреблению промысловых зверей, рыб и т.п.; *устар.* Похититель, вор [МАС, 1999]; О безжалостном человеке [БТС, 2000].

На примере этого существительного по данным двух словарей видно, что семантика переноса претерпевает изменения.

Проследим, каковы основания переноса в группе гиперонимов, т.е. почему людей называют теми или иными именами животных.

Скот – *Прост, презр.* О грубом, низком, подлом человеке. Употребляется также как бранное слово [МАС, 1999].

Птица – 2. Разг. *ирон.* О человеке, с точки зрения его общественного значения, положения [МАС, 1999].

Гад – 2. *Прост, бран.* Об отвратительном, мерзком человеке [МАС, 1999].

Змея – 2. О коварном, хитром, злом человеке [МАС, 1999].

Рыба – 2. Разг. О вялом, медлительном или холодном, бесстрастном человеке [МАС, 1999].

Паразит – 2. Тот, кто живет чужим трудом; тунеядец. 3. *Прост.* Употребляется как бранное слово [МАС, 1999].

Обращаясь к изучению зооморфизмов, весьма интересно сравнить поведение человека, названного определенным зоонимом, и соотнести это поведение с определенными социальными нормами. В эту группу мы включаем существительные *заяц, морж, жаворонок, сова, легавый, хамелеон*.

Заяц – *Разг.* Пассажир, не имеющий билета, или зритель, проникший без билета куда-л. [МАС, 1999].

Морж – 2. Любитель зимнего плавания в открытых водоемах [МАС, 1999].

Легавый – 2. В знач. сущ. *Прост.* Сыщик, доносчик [МАС, 1999].

Хамелеон – 2. *Перен.* Человек, который часто меняет свои мнения, взгляды, симпатии применительно к обстановке или в угоду кому-л. [МАС, 1999].

В этой группе могут показаться чужеродными слова *жаворонок* и *сова*, но в этом случае речь идет о некотором несовпадении поведения человека с привычками, присущими другим людям, поэтому эти два зоонима, с нашей точки зрения, уместны в данной группе.

Жаворонок – 3. *Психол.* Организация психики человека, период активности которого приходится на утренние часы; человек такого типа (противоп.: *сова*) [БТС, 2000].

Сова – 3. *Психол.* Организация психики человека, период активности которого приходится на ночное время; человек такого типа (противоп.: *жаворонок*) [БТС, 2000].

В сознании носителей русского языка названия мужских особей животных: *кот, жеребец, кобель* также активно проецируются на человека (мужчину), отражая его негативные качества.

В этом случае семантический перенос совершается на основании поведения мужчины по отношению к представительницам противоположного пола.

Кобель – *Груб, прост.* О похотливом мужчине [МАС, 1999].

Кот – 2. *Разг.* О похотливом, сластолюбивом мужчине. 3. *Жарг.* О сутенере [БТС, 2000]. В толковании переносных значений зоонима *кот* мы также можем наблюдать два основания переноса: социальное (сутенер) и тендерное (похотливый мужчина) поведение. Следовательно, мы можем говорить о том, что некоторые зооморфизмы русского языка имеют гендерную природу.

Особую группу составляют зоонимы, часть из которых не отражена в толковых словарях, пожалуй, за исключением слов *голубок, голубчик, голубка, голубушка*. К этой же группе можно отнести деминутивы: *котик, птичка, ласточка, рыбка, зайчик, киска*.

Эти зоонимы выступают в определенных позициях – прежде всего, в обращении. Другие употребления можно рассматривать как перенос именованья-вокатива в несвойственную ему позицию, а кроме того, как

попытку говорящего стать на точку зрения адресата: *Когда пришел Котик!* (*Когда ты пришел, Котик!*). Кроме специфических коннотаций нельзя точнее обозначить мотивировку семантического переноса в подобных случаях. Более того, список подобных зоонимов можно считать открытым. В обращениях, вопреки словарному толкованию, не соблюдается корреляция по полу существительного и полу адресата. *Ласточкой, зайчиком и голубчиком* можно назвать как мужчину, так и женщину. Известно, с помощью каких неординарных зоонимов обращался в письмах А.П. Чехов к О.Л. Книппер: «Милюся моя, Оля, голубчик, здравствуй!» (22 сент. 1900); «Представь, милая моя собака, какой ужас! Сейчас докладывают, что какой-то господин внизу спрашивает меня» (28 дек. 1900); «Милая моя актрисуля, замечательная моя собака, за что на меня сердиться, отчего не пишешь мне?» (23 февр. 1901); «Собака Оля! Я приеду в первых числах мая» (19 апр. 1901); «Собачка, милый мой песик, письмо твое только что получил...» (28 авг. 1901); «Милый мой крокодил, сегодня получил от тебя два письма...» (17 марта 1902). Известно также, что В.В. Маяковский подписывал свои письма к Л.Ю. Брик именем *Щен*, образованным от зоонима *щенок*.

Выделяя разные типы переноса в антропоцентрических значениях зоонимов, конечно, мы отдаем себе отчет о зыбкости и подвижности границ между разными группами названий животных, поскольку основания переноса обнаруживают значительное многообразие, а «признак, формирующий зооморфную метафору, не только не является существенным для исходного понятия, но нередко вообще не входит в его смысловую характеристику» [Скляревская, 1993, с. 56]. В отдельных случаях он даже противоречит тем массовым ассоциациям, которые вызывает то или иное слово. Например, собака издавна воспринимается как символ преданности, бескорыстной дружбы и верности, однако эти общеизвестные качества не нашли языкового воплощения – ни один говорящий на русском языке не назовет верного, преданного человека собакой, как называют хитрого лисой, упрямого ослом, коварного змеей и т. п., – а в метафорических значениях закрепились совсем другие ассоциации: 1) о злом, жестоком, дурном человеке. – *Может, на ночь отпустят... Старший офицер хоть и собака, а с понятием* (Станюкович); 2) о знающем, ловком, искусном в каком-л. деле человеке, знатоке своего дела – *Ведь тоже и по бумажным делам какая собака. Из других станиц приезжают к нему бумаги писать* (Л. Толстой). Показательно развитие семантики производного прилагательного *собачий*, в котором метафорический признак вообще десемантизируется, утрачивает конкретное значение, при этом сохраняется и выдвигается на передний план сема усилительности или общей пейоративной оценки: 1) подлый, презренный, низкий (*собачья измена, собачья должность*); 2) очень трудный, тяжелый, невыносимый (*собачья жизнь, собачьи условия*); 3) очень сильный, крайний в своем проявлении (*собачий холод, собачья усталость*); 4) употр. в бранных выражениях (*к чертям собачьим, какое твое собачье дело!*).

В современных семантических и психолингвистических исследованиях выявлено и экспериментально доказано несоответствие, а в ряде случаев и противоречие между лексическим значением слова и его психологически реальным значением [Стернин, 2000, с. 111].

В психологически реальное значение входят коннотативные семы, отражающие разного рода ассоциативные признаки, те самые лежащие в основе метафоры «ходячие представления о классе реалий», которые, по мнению Н.Д. Арутюновой, не принадлежат языковой семантике, а входят в сумму знаний о мире [Арутюнова, 1984, с. 172].

В ряде случаев возникает собственно метафорическая словообразовательная деривация: *свинья* (о человеке), *свинский поступок*, *насвинячить в комнате*, *свинство*; *змея* (о человеке), *змеиный взгляд*, *река зазмеилась*, *струя дыма прозмеилась*; *собака* (о человеке), *собачий холод*, *отсобачить* 'отругать'; *засобачить вещь*, *присобачить табличку*, *насобачиться в каком-л. деле* и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 1990.
3. Гак, В.Г. Теория языковых преобразований [Текст] / В.Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1988.
4. Малый академический словарь [Текст] : Т. 1–4. – М. : Русский язык, 1999.
5. Стернин, И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка [Текст] / И.А. Стернин. – М., 2000.
6. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Скляревская. – СПб., 1993.
7. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст] / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001.
8. Большой толковый словарь русского языка [Текст] : В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2000.
9. Словарь русского языка [Текст] : В 4-х т. / Под ред. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984.
10. Большой толковый словарь русского языка [Текст]. Автор и руководитель проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2000.

КОНЦЕПТ «НАЦИЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СЛАВЯНОЯЗЫЧНЫХ СОЦИУМОВ

Ж.А. Джамбаева

Семипалатинский государственный педагогический институт
(Казахстан)

The article describes the experience of interpreting the data of free association experiment on the material of the concept nation in the linguistic

consciousness of Slavic societies living in the territory of the Republic of Kazakhstan.

В современной лингвистике последних лет чрезвычайно большую популярность приобрел термин «картина мира», что, прежде всего, связано с его преимущественно этнолингвистической направленностью.

Под «картиной мира» следует в самом общем виде понимать объективную действительность, которая постоянно меняется и развивается. Человек воспринимает картину мира не как хаотическое нагромождение фактов и предметов, а как «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин, 2002, с. 5].

Картина мира любого языка неизбежно имеет этнокультурный характер или этнический компонент, который представлен *языковой картиной мира* и совокупностью традиций, обычаев, верований, суеверий, т.е. тем, что предопределяет этнический стереотип поведения представителей того или иного этноса [Гумилев, 2000, с. 81].

Языковая картина мира – это комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира, «это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин, 2002, с. 6].

«Языковая картина мира – важная составная часть общей концептуальной модели мира» [Кубрякова, 1991, с. 139]. Она представляет собой перевод констант сознания (концептов) на уровень вербального мышления через семантические категории, которые направляют и регулируют мыслительную деятельность и систему языковых норм. Она «опосредована языковыми знаками, знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [там же, с. 144].

Языковая картина мира является отражением общего национального представления о мире, в том числе и о конфигурации ценностей – понятий, в наибольшей мере связанных с идеалами общества, явлений внешнего или ментального мира, получивших наиболее позитивную оценку членов общества. Ценность можно определить как предельное представление о норме. Поскольку ценности должны быть обязательно признаны человеком в качестве таковых, они являются продуктом культурных, а не стихийных природных процессов. Поэтому всякая аксиологическая система является антропоцентричной, так как вне человеческого отношения любые ценности не имеют смысла.

Следовательно, продолжением и существенным дополнением антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений, связанных с репрезентацией человека в языке должен стать аксиологический аспект, предполагающий определение того, что человек считает ценным для себя, окружающих его людей и общества. В связи с этим целью нашего исследования является выявить наиболее типичные аксиологические стереотипы, касающиеся ряда концептов, в том числе и концепта *нация*, в

языковом сознании этносов, проживающих на территории Казахстана, а также установить их сходства и различия.

В настоящей статье мы подвергнем анализу результаты свободного ассоциативного эксперимента (далее САЭ), полученные от представителей славяноязычных социумов на стимул *нация*. Всего от славяноязычных информантов (русских, украинцев и белорусов) получено 345 реакций на заданный стимул.

Обработка и интерпретация результатов САЭ осуществлялась нами по классификации Н.И. Бересневой [Береснева, 1997] с некоторой корреляцией на цель нашего исследования и характер фактического материала.

Дифференциация ассоциатов по трем типам семантической классификации позволила установить процентное соотношение каждого типа реакций в полученных ассоциативных полях (далее АП).

Количественное и качественное соотношение трех типов реакций семантической классификации показало, что все представители славяноязычных социумов при описании концепта *нация* в основном оперируют ассоциатами, отражающими семантические множители стимула. Анализ этого типа реакций показывает, что в языковом сознании исследуемых социумов концепт, представленный в языковой системе словом *нация*, в первую очередь, ассоциируется со словом – синонимом *народ* (29/12/4). В скобках мы будем приводить цифры, обозначающие частоту использования данной реакции в исследуемых славяноязычных социумах в следующей последовательности: русские, украинцы, белорусы; а также, мы отметим и сравним позиции тех ассоциатов, которые вошли в пять наиболее частотных реакций. Так, ассоциат *народ* во всех АП исследуемых народов входит в состав пяти самых частотных реакций и занимает у украинцев первую, у русских – вторую, а у белорусов – третью позиции. Исходя из первого лексического значения исследуемого слова [Словарь русского языка, 1986], к семантическим множителям концепта *нация* следует отнести ассоциаты с семой «общность людей» – это *люди* (15/3/3), который в АП русских и белорусов находится в числе пяти наиболее частотных реакций: у русских – на третьем, у белорусов – на четвертом месте; *общность людей* (3/1), имеющийся в АП русских и украинцев; *общество* 3, который у белорусов в пятерке частотных реакций занимает пятую позицию; *сообщество* 2, *союз*, встретившиеся в АП русских. Сюда же отнесем и синонимы *национальность* (3/1), который имеется в АП русских и белорусов; *этнос* 2 – у украинцев, а также *племя* 2 – у русских (исходя из того, что от лат. *natio* – племя, народ) [там же, с. 414].

К семантическим множителям исследуемого концепта следует отнести и ассоциаты *русские* 35, *русский* 7, *украинцы* 11, *белорусы* 2, поскольку их объединяет сема «национальность, народ». Отметим, что ассоциат *русские* 35, в АП русских реципиентов самый первый по частотности, а ассоциат *украинцы* 11 – находится в составе пяти самых частых реакций на втором месте. Считаем правомерным то, что в языковом сознании исследуемых народов слово-стимул *нация*, прежде всего, вызывает ассоциации,

отражающие национальность, к которой принадлежит испытуемый. По наличию семы «*национальность, народ*» в рассматриваемый тип реакций включены ассоциаты *славяне 2* – у русских и *диаспора 2* – у украинцев.

Для языкового сознания представителей славяноязычных социумов характерно и представление о том, что каждая нация имеет *общие* или *свои* традиции, обычаи, культуру, язык и т.п. Это подтверждают ассоциаты, отражающие первое значение слова *нация*, вытекающие из семы *общность языка, психического склада, культуры и т.д.* [там же, с. 414], такие, как *традиции (6/1)*, *религия (3/1)*, совпадающие у русских и украинских информантов; *культура (6/1)* – общий для русских и белорусов; а также *язык 8*, *вера 3*, *обычаи 3*, *менталитет 2*, *история*, имеющиеся в АП русских информантов. Следует отметить, что большое количество реакций у русских испытуемых объясняется тем, что их больше участвовало в эксперименте – 250 человек.

Отдельную группу составляют реакции, которым мы дали общее название – *родственная связь*, так как они актуализируют представление о том, что людей одной национальности объединяют *происхождение (2/3/1)*, *одна кровь (1/2)*, *родство (2/2)* (последние две реакции встретились у русских и украинцев), а также *внешность 3*, *корни 2*, *род 2*, *связь 2*, *внешние признаки 2*, *нутро* – у русских информантов и единичное *принадлежность* – у украинцев.

К реакциям, отражающим семантические множители стимула, нами были отнесены и ассоциаты *единство (14/4/6)*, который во всех исследуемых АП входит в состав пяти наиболее частотных реакций и занимает у белорусов первую позицию, у русских и украинцев – одинаковую четвертую позицию; а также *единение 4*, *сплоченность 3*, которые встретились в АП русских информантов. На наш взгляд, перечисленные ассоциаты должны быть признаны семантической составляющей концепта *нация*, так как «в *единстве* сила», основа любой нации, и, может, исходя из этого *нация* – это *ценность 2* как утверждают русские реципиенты.

В языковом сознании представителей русского социума отражено и представление *нация* – это *государство 4*, как признак, вытекающий из второго значения исследуемого слова [там же, с. 414].

Таким образом, реакции как семантические множители составляют понятийный компонент концепта *нация*, который представлен в лексикографических источниках.

На втором месте в описании концепта *нация* оказались реакции с эмоционально-оценочной коннотацией, анализ которых показывает, что восприятие *нации* в языковом сознании представителей славяноязычных культур в основном положительное.

Среди реакций с эмоционально-оценочной коннотацией на первом месте в АП исследуемых социумов находится ассоциат *дружба (10/6/4)*, который у белорусских испытуемых занимает вторую позицию, у украинских испытуемых – третью и у русских – пятую позиции. Это отражает четкое понимание того, что в таком многонациональном государстве, каким

является Казахстан, важное место должно быть отведено *дружбе* между *нациями*, которая является гарантом добрососедского и мирного сосуществования. Актуальность данного признака для русского языкового сознания подчеркивается и ассоциатами *единая 5, дружная 3, сплоченная 2, крепкая* – все это непременно приведет к *гармонии* и *миру* – заключают русские испытуемые. Сюда же относится у украинских информантов единичное *содружество*.

В языковом сознании представителей исследуемых народов отражено представление о том, что любой нации должны быть присущи *уважение (4/1/1)* и *гордость (4/3)* – этот ассоциат имеется в АП русских и украинцев, при этом у последних в составе самых частых реакций занимает пятое место; у русских информантов также встречаем ассоциаты *гордая 3, уважаемая 2*.

Положительным является и общее для представителей исследуемых культур понимание того, что *нация* человека *не имеет значения 3*, так как нации (люди) *все равны* (выделенные ассоциаты имеются в АП русских информантов), об этом свидетельствуют ассоциаты *разная (2/2)* – у русских и украинских реципиентов, *любая (2/1)* – у русских и белорусских реципиентов, последние также считают, что *нация* должна быть *многочисленной (2/2)*.

Для языкового сознания русских и украинских информантов не менее важным признаком нации является *независимость (3/2)*, нация должна быть *свободной 4* добавляют русские реципиенты, что приведет к равенству и единству.

Общим для представителей русского и белорусского социумов является представление: *нация* – это *сила (3/2)*, и поэтому, по мнению белорусских реципиентов, *любая нация признается великой 2*. Для единичных информантов русского и белорусского социумов также важно, чтобы нация была *здоровой (2/1)*.

Отличительным свойством для украинского языкового сознания является представление: *нация* – это *защита 2*, на наш взгляд, это указывает на тесную связь между людьми одной национальности, которые готовы протянуть руку помощи в трудных ситуациях.

Представители русского народа среди необходимых и ценных качеств *нации* называют также такие, как *добрая 3, гостеприимная 2, процветающая*.

Таким образом, аксиологические стереотипы, характеризующие эмоционально-оценочный компонент концепта *нация* в языковом сознании славяноязычных социумов, в основном положительны, к отрицательным стереотипам относятся единичные неустойчивые ассоциаты, имеющиеся в АП русских реципиентов – это *расизм 2, геноцид, отсталая*, которые отражают индивидуальные сиюминутные связи для единичных информантов, возникшие, на наш взгляд, под воздействием информации о событиях негативного характера, так часто передаваемые СМИ.

Самым немногочисленным в АП русских реципиентов оказался третий тип реакций - реакции, отражающие сферу функционирования, которые в АП украинских и белорусских информантов вовсе отсутствуют. Здесь отражено

представление о том, что нация воспринимается как *цивилизация*, которой свойственны *различия 2*, но, важно одно, их должно быть *много 2* и ближе, конечно, *своя*.

Таким образом, результаты эксперимента показывают, что в описании концепта *нация* в языковом сознании славяноязычных социумов главное место занимают понятийный и эмоционально-оценочный компоненты, это свидетельствует об актуальности данного концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Береснева, Н.И. Модель внутреннего лексикона в позднем онтогенезе (ассоциативный эксперимент) [Текст] : автореферат дис. ... канд. филол. Наук / Н.И. Береснева. – Пермь, 1997. – 20 с.
2. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало [Текст] : монография / Л.Н. Гумилев. – М.: Рольф, 2000. – 384 с.
3. Кубрякова, Е.С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи [Текст] : монография / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
4. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2002. – 59 с.
5. Словарь русского языка [Текст]: в 4-х томах. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т.2, изд. 3-е, стереотип. – М. : Русский язык, 1986. – 736с.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ НОМИНАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю.Ю. Зенцова

Челябинский государственный университет

Vocabulary is the most dynamic part of any language. Appearance of new words is determined by sociolinguistic factors. Cognitive analysis helps us reveal trends in the language person's linguocreative activity and describe mental state of Anglo-American society.

Номинация играет значительную роль в осуществлении лингвоментальной деятельности языковой личности, т.е. деятельности по означиванию и осмыслению действительности. Активно осваивая окружающий мир, языковая личность испытывает потребность в назывании объектов действительности. В ситуации меняющейся картины мира лексика является самым динамичным пластом языка, ведь она чутко реагирует на любые изменения.

В ходе нашего исследования мы описываем ментальное состояние языковой личности на основании результатов комплексного когнитивного анализа.

Мы считаем, что любое новое слово является когнитивно мотивированным и оправданным. Следовательно, новые единицы, которые появляются в речи современного человека, позволяют определить его эмоциональное и умственное состояние.

Среди концептов, вскрывающих состояние личности как последствия социальных проблем, можно указать следующие примеры:

Концепт «ярость», на наш взгляд, является наиболее яркой иллюстрацией внутреннего напряжения, когда любой малейший толчок (от упаковки товара “**wrap rage**” до чьих-то неуместных высказываний “**rage rage**”) может привести к бурному выражению эмоций. Всего нами зафиксировано десять новообразований, имеющих в своем составе единицу “rage”. На основании лингвистических фактов, мы характеризуем психологическое состояние языковой личности как «крайне возбужденное», и, соответственно, атмосфера в социуме, где эта личность проживает, видится нам напряженной, дискомфортной, неблагоприятной.

Концепт «навязчивая идея», «навязчивый страх», навязчивая потребность» чаще всего актуализируется за счет форманта –**orexia**. Приведем несколько примеров из разных денотативных областей:

Ментальная сфера «Культура»/Ментальная область «Внешность»: *Bleachorexia – an obsession with having one’s teeth bleached* (навязчивая потребность отбеливать зубы).

«Наука»/«Болезни»: *Bigorexia – a mental disorder in which patients think they are physically inadequate* (психическое расстройство, при котором пациент страдает от комплекса внешности).

Концепт «усталость» («утомляемость») может быть выражен в разных сферах с использованием лексической единицы «fatigue»:

«Компьютер»/ «Интернет»: *Social networking fatigue – mental exhaustion and stress caused by creating and maintaining an excessive number of accounts on social networking sites* (Нервное расстройство, стресс, вызванные необходимостью следить за множеством своих профилей в разных социальных сетях).

«Технологии»/ «Приборы/Устройства»: *Feature fatigue – mental exhaustion and stress caused by products that come with a large number of features* (нервное расстройство, связанное с использованием функционально нагруженных устройств).

Таким образом, мы получаем характеристики исследуемого лингвокогнитивного пространства, такие как паника, страх, вина, стресс, дискомфорт, недомогание и многие другие. Необходимо отметить, что доминантными являются именно концепты с отрицательной коннотацией. С учетом того, какие концепты чаще всего актуализируются в исследуемых ментальных сферах, мы определяем их роль в общей картине ментального пространства социума.

Один из этапов нашего исследования посвящен когнитивному моделированию, то есть выявлению основных точек пересечения ментальных областей. Словообразовательный анализ показывает, что подавляющее большинство неологизмов создано способами телескопии и словосложения. Семантической особенностью таких новообразований является взаимопроникновение или смешение денотативных областей. Определяя точки пересечения между этими областями, мы получаем четкую и полную картину ментально-языкового пространства, где показаны связи между разными сферами жизнедеятельности человека. Таким образом, бесконечное

количество межденотативных связей определяет безграничные потенции вербализации любой идеи. По итогам исследования на данном этапе мы выделяем наиболее частотные когнитивные модели образования неологизмов. Когнитивное моделирование неологических процессов является эффективным средством концептуализации действительности, так как лексические инновации в полной мере отображают динамику процессов, протекающих в социокультурной сфере.

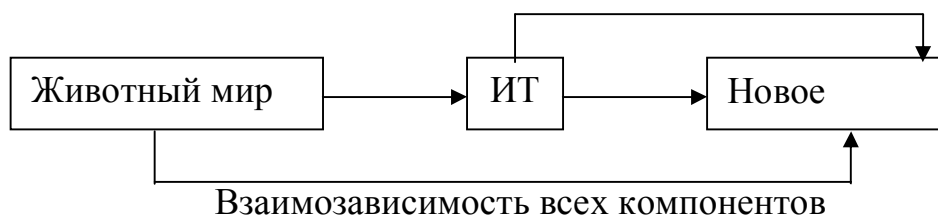
Предлагаем подробно рассмотреть неологизмы из сферы «Компьютер» (область «Информация»). Ранее мы акцентировали внимание на доминировании области информационных технологий. Мы живем в информационном веке, поэтому неудивительно, что само слово «информация» оказывается вовлеченным в ряд новообразований. Нами зафиксировано 7 единиц, в составе которых присутствует лексическая единица “information”. В качестве примера возьмем новообразование “**information foraging**”, описывающее процесс поиска информации. Благодаря значению узуальной единицы “forage” – «добывать продовольствие, искать корм (о животных)», сам поиск информации предстает с новой стороны, а человек, производящий этот поиск, получает определенную характеристику. В значении неологизма налицо семы: «жадность», «прожорливость», «трудоемкость», «необходимость / невозможность обойтись без предмета поиска». В этом ракурсе человек предстает в ином образе: «испытывающий постоянную потребность в новой информации, готовый потратить много времени на ее поиск, жадный до информации». В ряде других единиц также наблюдаем взаимопроникновение когнитивных областей «Человек», «Информация», «Животное». Так, единица «**informavore**» образована по аналогии с классификацией животных, по типу потребляемой ими пищи: “herbivore” – «травоядное», “insectivore” – «насекомоядное», “carnivore” – «плотоядное» и т.д. Информация в современном мире становится не просто квантом знания, это существенная и необходимая пища, а современный человек, следовательно, осуществляет ее активный поиск, а впоследствии ее переваривание (анализ).

Когда животное ищет корм, оно полагается на свой нюх как главный инструмент в определении того, насколько результативными будут поиски пропитания в данной местности. Эта идея воплощена в новообразовании “**information scent**” – «нюх на информацию», вскрывающем еще большее родство человека и животного. Действительно, для успешного поиска информации во Всемирной Паутине требуется некое чутье, которое позволит быстро сориентироваться и определить, насколько полезной может оказаться та или иная страничка, тем самым сократить временные и материальные затраты. Значение нового термина можно передать следующим образом: «визуальные и вербальные подсказки, позволяющие сделать вывод о правильности выбранного пути поиска определенной информации».

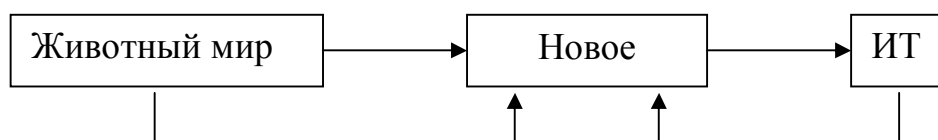
В этом ряду есть еще одно аналогичное образование «**information food chain**», основанное на уподоблении источников информации звеньям в пищевой цепи. Вполне естественно, что в современном техногенном мире

пальма первенства в доставке быстрой и исчерпывающей информации отдана Интернету, но существуют ведь и средства массовой информации. Все это и составляет единую «информативную пищевую цепь».

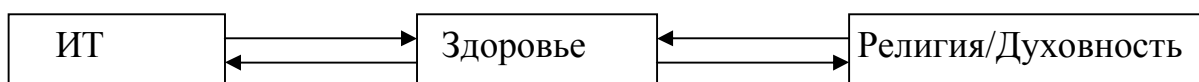
Предоставление информации

Рассмотренные выше примеры дают нам возможность выделить когнитивную модель, иллюстрирующую близость миров животного и человека через денотативное пространство «информационные технологии» (ИТ).

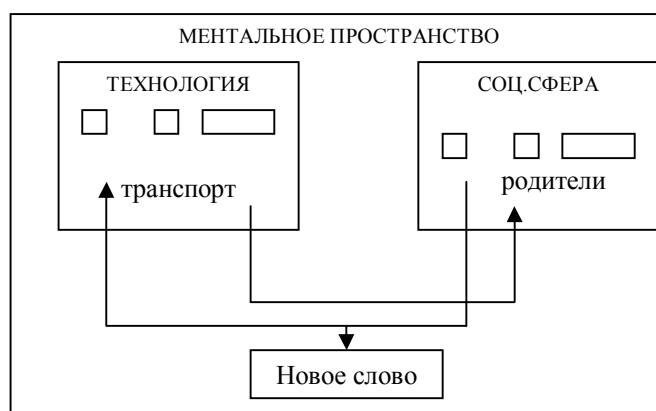

Актуализация когнитивной области «ИТ» также осуществляется при помощи слова «data» – «данные, информация». Анализ показывает, что здесь налицо пересечение с когнитивной областью «Здоровый образ жизни». Так, в неологизме «**data hygiene**» доминирует сема «содержание в чистоте», хотя функционирование самого слова происходит на территории КО «Информационные технологии». Контекстуальный анализ помогает определить точное значение данной единицы: «теоретические принципы и практические навыки, помогающие придерживаться точности в оперировании данными». Приведем еще один пример столкновения КО «ИТ» и «Здоровый образ жизни» «**data fast**», где “fast” – «пост» предполагает сознательный отказ от пищи на определенный период, в связи с чем предлагаем следующую трактовку нового термина: «намеренное отключение электронных приборов, прежде всего компьютера и переход к другим видам деятельности». Учитывая, что пост – это не просто отказ от вредных продуктов с целью очищения организма, а прежде всего духовное очищение, то когнитивная схема данного неологизма обретает совсем иной вид:

В прозрачности границ между областями в рамках одной сферы или переплетении сфер, взаимопроникновении денотативных пространств заключается проявление динамичности категорий. Рассмотрим еще один пример, где совмещаются концепты из разных сфер: «**helicopter parent**». Значение нового слова содержит в себе семы «парить, кружиться» (от компонента «helicopter» – вертолет) и «забота, опека» (от «parent» –

родитель»)). В результате можно дать следующую дефиницию данному слову: «родитель, уделяющий максимум внимания своему ребенку, очень заботливый, чрезмерно опекающий». Схематично это можно представить так:

В рамках настоящего исследования нас интересует не то, что лежит в основе наименований, а то, какой путь может проделать человеческая мысль, связывая между собой неродственные признаки или процессы, какие ассоциации могут появляться у человека при возникновении необходимости назвать новое явление или предмет. Мы хотим на примере уже существующих неологизмов определить возможные концептуальные комбинации, сближающие неродственные денотативные пространства, иными словами, наша задача выявить ментальное родство между различными ментальными сферами в ментально-языковом пространстве современной языковой личности.

Таким образом, описывая новые слова с учетом когнитивного фактора, мы можем фиксировать изменения не только в лексике, но и в сфере социальных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Язык и значение [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : «Языки Славянской культуры», 2004.
2. Плотникова, Л. И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация : монография [Текст] / Л.И. Плотникова. – Белгород: Изд-во Белгородского университета, 2000.
3. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности [Текст] / Л.И. Плотникова. – Белгород: БелГУ, 2003.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОМОТЕТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ МЕТАФОРЫ

О.С. Зубкова

Курский государственный университет

In the article the metaphor-term and professional discourse as the sphere of its functioning are considered. Language functioning in natural conditions is very important for us, where interrelation of linguistic expressions and mental

structures, thinking and emotional conditions, cultural and professional knowledge is observed.

Теоретической основой нашего исследования является синтез принципов культурно-исторического подхода к психике человека (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев), физиологии активности (А.А. Ухтомский, Н.А. Бернштейн, П.К. Анохин) и психолингвистической теории слова как достояния индивида, концепция знания, теория внутреннего контекста, разработанные А. А. Залевской. Нами был проведен естественный эксперимент, в двух частных клиниках Бостона и Нью-Йорка, в процессе проведения которого мы осуществляли наблюдение за вербальным поведением медицинских работников в условиях профессиональной коммуникации, выявляли разновидности тематической структуры медицинской метафоры в медицинском дискурсе.

В качестве методики исследования была использована номотетическая методика (акт об использовании предложения № 218 от 12.07.2009 в Курском государственном медицинском университете). Методика применялась нами в условиях «двойного слепого опыта». Считаем необходимым пояснить, что использование предлагаемой нами методики в условиях «двойного слепого опыта» позволяет исключить построение внутренней модели экспериментальной ситуации и минимизировать стремление испытуемых проявить себя с лучшей стороны и дать те ответы, которые, по их мнению, более высоко оцениваются экспериментатором. В нашу экспериментальную группу вошли испытуемые в возрасте от 34 до 56 лет в количестве 75 человек. Это были медицинские работники различных специальностей: хирурги, акушеры, гинекологи, анестезиологи, урологи, дантисты, офтальмологи, психоаналитики. Эксперимент проводился в течение месяца. Нами было зарегистрировано 120 медицинских метафор.

Процедура исследования с помощью номотетической методики заключалась в следующем: сначала был выбран объект наблюдения, которым являлось вербальное поведение медицинских работников в профессиональной коммуникации, и предмет – медицинские метафоры. Затем выбраны группы испытуемых и способ регистрации получаемых данных (протоколы). Далее был уточнен метод обработки результатов эксперимента и определен круг экспертов, участвующих в обработке материала (поскольку наше исследование является комплексным, то мы сочли возможным привлечь экспертов для разъяснения и оценки получаемых медицинских метафор с позиции своих специальностей). Заключительным этапом явилась интерпретация полученной информации.

Основное отличие проводимого нами эксперимента от иных форм психолингвистических экспериментов обусловлено тем, что мы попытались исследовать индивида в естественных для него условиях существования. Мы предприняли попытку проанализировать не фрагмент реальности, а ее мысленную репрезентацию, представленную в форме пространственно-логических моделей, образов, схем, концептов, гештальтов в «живом», естественном языке.

Наиболее часто в протоколах исследования появляется детерминанта образа метафоры. Перцептивная деятельность испытуемых в процессе нахождения «сходства» связана с привлечением данных из прошлого опыта. Опираясь на прежний жизненный опыт, медицинские работники дают правильное (по мнению экспертов) толкование обсуждаемого феномена. В этих случаях результативным является соотнесение родовых и видовых признаков (первыми оказываются родовые, а вторыми – видовые признаки). Однако наряду с правильными обнаруживаются и ошибочные решения, часто по формальному сходству. В этих случаях, как было выявлено, возникают медицинские метафоры, используемые во внутреннем документообороте и имеющие форму аббревиатур. Например: «TSSH – too sick to send home (слишком болен, чтобы отправиться домой); JON – God only knows («одному Богу известно», предварительный диагноз неясен); HBD – has been drinking (принимал алкоголь); ННН – high, hot and hell of a lot (enema) – (последствия после клизмы)». Подобные медицинские метафоры представляют врачу возможность выдвижения тех или иных гипотез, менее ограниченных заданными условиями, менее предопределенных уже имеющейся зрительной информацией. Происходит некое синтезирование ситуации по опорным словам, включение себя в ситуацию. При этом врачи фиксируют свое внимание на деталях.

Целью использования таких единиц является не только привлечение внимания при помощи звучной формы, но и наполнение этой формы информацией о процессе, явлении. Например: hole in one (отверстие в одном) – огнестрельная рана во рту или другом телесном отверстии или deep fry (хорошо прожаренное) – лучевая терапия кобальтом.

Подобные словосочетания определяются нами в качестве результата как индивидуального, так и профессионального творческого акта, актуализирующего значение слова в рамках определенного профессионального контекста употребления – медицинского дискурса. Кроме того, значимым для нас является то, что в этих медицинских метафорах выражаются индивидуальное знание и особый тип восприятия профессионально значимых реалий. Например: doc-in-the-box (доктор в коробке) – медучреждение в торговом комплексе, vegetable garden (растительный сад) – реанимационная палата, палата для пациентов, находящихся в коме.

При использовании номотетической методики существенную роль играли следующие обстоятельства:

1. Цель исследования.
2. Особенности межличностных отношений.
3. Доступность испытуемому скрытого смысла медицинской метафоры, связь последней с его профессиональной деятельностью.

При апробации данной методики нами были решены следующие задачи:

1. Получены данные для диагностики. Полученный нами эмпирический материал уточнил тематическую структуру медицинской метафоры.

2. Исследована частотность употребления исследуемого феномена в устной речи и в документообороте (были выявлены такие его разновидности, как внешний и внутренний, что отсутствует в отечественной медицинской практике).

3. Выявлено влияние понимания медицинских метафор на качество выполнения испытуемыми своей профессиональной деятельности.

4. Выявлена «профилизация» медицинской метафоры.

5. Выявлено формирование искусственных понятий посредством метафоры.

6. Выявлены «субъективные отклонения», личностные интерпретации при восприятии медицинских метафор в процессе профессиональной коммуникации.

Предлагаемая методика отличается простотой и легко может быть использована не только для массовых, но и для индивидуальных исследований и в связи с этим может применяться в комплексе психолингвистических методик.

Использование номотетической методики, по нашему мнению, обязательно должно дополняться применением других психолингвистических методик, позволяющих получить качественные характеристики отдельных процессов. При этом необходимо помнить о тесном взаимодействии всех психических процессов – восприятия, памяти, мышления.

Методика имеет достаточно широкие возможности для составления индивидуально-личностной характеристики испытуемого, дает представление о значимости отдельных социальных, социально-бытовых и эмоциональных моментов.

Более широкому использованию номотетической методики, по нашему мнению, должно предшествовать серьезное ее изучение в аспекте практического использования при обязательном сопоставлении с данными, получаемыми с помощью других психолингвистических методов и методик, и теоретическая разработка ее методологических основ. Предлагаемая нами методика может быть дополнена результатами контент-анализа, может быть предпринят и лексико-грамматический анализ данных, зафиксированных в протоколах эксперимента, с целью выяснения особенностей речи испытуемых, что имеет большое диагностическое значение. Поскольку предлагаемая нами методика является модификацией уже известного метода, то в этом случае должна быть не только уточнена теоретическая возможность применения данной методики, но и необходимо ее апробировать на статистически достоверной группе испытуемых для подтверждения правильности предположения о направленности этой методики на изучение тех или иных психических процессов и надежности получаемых с ее помощью результатов. Также требует подтверждения надежность и валидность номотетической методики, что и является перспективой нашего дальнейшего исследования.

РЕЛИГИОЗНАЯ МЕТАФОРА В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Иванова

Челябинский государственный университет

The article focuses on the metaphorical modelling of the nature images in the German mass media. The author reveals one of the most frequent metaphorical models and metaphors that German journalists use for the representation of the nature. This investigation is made on the texts of german mass media.

Для каждого конкретного типа дискурса характерно наличие универсальных метафорических моделей, частотность и доминантность которых составляют специфику данного дискурса. На определенном этапе общественного развития универсальные метафорические модели разветвляются в соответствии с «духом времени», их значимость возрастает или уменьшается.

В современном экологическом дискурсе образ природных катастроф нередко создается с помощью религиозной метафоры, репрезентирующей природные катастрофы как действие высших сил. Религиозная метафора представлена широким спектром метафорических выражений, основным компонентом значения которых является представление природных катастроф как наказания за грехи и провинности человека.

В рамках данной метафорической модели выделяются два антонимичных фрейма: «*Природная катастрофа – это наказание Бога*» и «*Природная катастрофа – это происки Сатаны*».

Фрейм «Наказание Бога» представлен слотами «Причина наказания», «Божий суд», «Исполнитель наказания», «Виды наказания» и «Способ избежать наказания».

Для описания природных катастроф часто используются такие номинативные единицы, как *удар судьбы, божий суд, грех, наказание Бога, месть, приговор, штраф*. Если говорят о наводнении, часто упоминается *библейский (всемирный) потоп*: «*Die Sintflut wurde von Gott als Strafe über die sündige Menschheit verhängt*» / «*Наводнение было назначено Богом в качестве наказания грешному человечеству*» [Welt, 16.08.2002, URL].

Для описания причин, вызвавших катастрофу, нередко используются лексемы, обозначающие различные прегрешения человека, то есть нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, религиозно-нравственных предписаний или правил, проступки против установлений церкви: *die Hoffart (высокомерие, чванство), der Hochmut (высокомерие), die Hochnäsigkeit (надменность), die Fresserei (обжорство), die Völlerei (чревоугодие, обжорство), der Dünkel (высокомерие, чванство), die Wollust (сладострастие), der Überfluss (изобилие), die Arroganz (надменность), das Selbstbewusstsein (самонадеянность), der Ungehorsam (непослушание), die Unbotmäßigkeit (непокорство, строптивость)* и др.: «*Gott bestrafte uns für unsere Herrschsucht*» / «*Бог наказал нас за наше властолюбие*» [Zeit, 13.12.2006]; «*Die Flut bestrafte uns für unser Selbstbewusstsein und für unsere Arroganz*» / «*Наводнение наказало нас за нашу самоуверенность и наше высокомерие*» [Süddeutsche Zeitung, 15.06.2005] и т.д.

Божий суд, по религиозным представлениям, это возмездие от Бога за совершенный грех, преступление. Слот «Божий суд» формируется лексемами *das Gericht* (суд), *das Gottesgericht* (Божий суд), *das geistliche Gericht* (духовный суд), *das göttliche Strafgericht* (уголовный суд), *das Jüngste Gericht* (Страшный суд), *das strenge Gericht* (суровый приговор), *zu Gericht sitzen* (производить суд), *bei Gericht* (в суде), *ein Gericht ergehen lassen* (выносить приговор) и др.

Метафора суда Бога широко представлена в современной публицистике. Наводнение и землетрясение часто представляются как божественный, даже уголовный, суд над человеком: «*Eine Sintflut ist definiert als göttliches Strafgericht*» / «*Потоп рассматривается как божественный уголовный суд*» [Welt, 16.08.2002, URL].

Природная катастрофа часто представляется в прессе как исполнитель приговора Бога, т.е. землетрясения, наводнения и другие природные катастрофы лишь выполняют Его волю: «*Auf des Gottes Geheiß spaltete jedoch ein Erdbeben das Gemäuer*» / «*По велению Бога землетрясение раскололо стены*» [Schwab, URL].

Метафорическая концептуализация природных катастроф представляет различные способы наказания, которые Бог насылает на людей: лишение людей жизни и массовые убийства, конец света, уничтожение Земли, гибель и катастрофа для всего мира и человечества, катастрофическое завершение земной цивилизации: «*In Kaschmir sind bereits so viele Menschen von Menschenhand gestorben, dass man meinen könnte, ein strafender Gott – wenn man an ihn glaubt – die Erde vernichten wollte. Nach diesem Erdbeben scheint, dass das Ende der Welt kommt*» / «*В Кашмире от руки людей погибло так много людей, что может показаться, что карающий Бог, если в него верить, хочет уничтожить землю. После этого землетрясения кажется, что грядет конец света*» [Zeit, 10.11.2005].

Лексемы *die Erde*, *das Leben vernichten* (уничтожать землю, жизнь), *zerstören* (разрушать), *töten* (убивать), *das Leben nehmen* (отнимать жизнь), *(be)strafen* (наказывать), *den Massenmord begehen* (совершать массовые убийства), *vernichtend schlagen* (громить), *unvermeidbarer Schlag* (неизбежный удар), *strafender Gott* (наказывающий Бог), *die Sintflut* (Всемирный потоп), *ahnden* (карать, наказывать), *an den Pranger stellen* (заклеймить позором), *geißeln* (бичевать), *losdonnern* (разразиться упрёками) служат для обозначения видов наказания, уготованного Богом людям.

Единственный способ избежать наказания – это соблюдать заповеди Бога, молиться и жить в согласии с природой: «*Nun sehen sie darin ein Zeichen Gottes. Sie haben überlebt, glauben sie, weil sie im Einklang mit dem Schöpfer und seiner Natur leben. Etwas weiter nördlich, in Richtung der thailändischen Grenze, fühlen sich die Menschen von Gott bestraft*» / «*Теперь они видят в этом знак Бога. Они выжили, считают они, потому что они живут в гармонии с Создателем и его природой. Несколько севернее, в*

направлении таиландской границы, люди чувствуют себя наказанными Богом» [Zeit, 02/2005, URL].

Метафорические выражения *карающий Бог, Божий суд, конец света* указывают на то, что человеку недостаточно научного объяснения этих природных явлений, он стремится мистифицировать их, придать им некий религиозный оттенок. Таким образом, очень часто люди воспринимают природные катастрофы как наказание Бога и расплату за свои грехи.

Изученный материал свидетельствует также о том, что человек часто пытается оправдать Бога, т.к. верующие считают, что именно Бог создал все живое, а такие катастрофы, как землетрясение, наводнение, цунами списываются на происки Сатаны, который не хочет подчиниться Богу и стремится к власти.

Лексемы *der Satan (самана), der Teufel (дьявол), der Böse (дьявол, злой дух), Herrschaft haben (господствовать), ins Spiel kommen (вступить в игру), Spaß machen (забавляться, шутить), die Wut (auf die Erde schleudern) (швырять ярость на землю), großes Leiden verursachen (причинять большие страдания)* представляют природные катастрофы как результат действий Сатаны, который либо стремится к власти, либо развлекается, швыряя на Землю свою ярость и причиняя огромные страдания.: *«Panik folgt dem starken Beben um 19.45 Ortszeit. «Aus den Trümmern dringen Schreie. Bei uns ist alles eingestürzt. Der Satan kommt hier ins Spiel, denn er will die Herrschaft haben» / «За сильным землетрясением ок. 19.45 по местному времени последовала паника. «Из под обломков доносятся крики. У нас все рухнуло. Сам самана вступил в игру, он хочет властвовать» [Stern, 22.05.2003, URL];*

«Die Katastrophe nach der Katastrophe. Vielmehr verursacht der Satan ein großes Leiden, indem er seine Wut auf die Erde schleudert» / «Катастрофа за катастрофой. Самана причиняет великие страдания, когда он швыряет на землю свою ярость» [Zeit, 31.12.2004].

Религиозная метафора, концептуализирующая природные катастрофы как результат действия неких Высших сил, представлена также в религиозно-проповедническом и художественном дискурсах. Доминирующее положение религиозная метафора занимает вплоть до эпохи Возрождения, когда существование Бога начинает ставиться под вопрос, но традиционная «божественная» картина мира сохраняется при интерпретации природных катастроф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, Е.В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе (на материале медийных текстов) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Иванова. – Челябинск, 2007. – 25 с.
2. Schwab, W. [Electronic resources] / URL : <http://gutenberg.spiegel.de>
3. Stern [Electronic resources] / URL : <http://www.stern.de>
4. Welt [Electronic resources] / URL : <http://www.welt.de>
5. Zeit [Electronic resources] / URL : <http://zeit.de>

Bio-cognitive approach in linguistics considers communication a semiotic activity aimed at creating a consensual domain of interactions to encourage a certain linguistic behavior, orienting people in their physical environment as well as society.

В настоящее время ученые стремятся преодолеть «капсулированность» лингвистики как науки, чтобы выйти в общий контекст наук о человеке. Многие современные лингвисты осознают невозможность постижения сущности языка в отрыве от человека как живой системы.

Родоначальник биокогнитивного направления чилийский биолог У. Матурана справедливо опровергает традиционное воззрение на коммуникацию как обмен информацией и говорит о широко используемой метафоре информационного канала: «с точки зрения биологии в коммуникации не существует «переданной информации». Коммуникация происходит всякий раз, когда существует координация поведения в области структурной сопряженности» [Матурана, Варела, 2001, с. 173]. Следовательно, информацию (in-formation) нужно понимать как «встраивание» организма в среду, в результате которого он оказывается информированным (in-formed). Такую информацию нельзя рассматривать как эфемерное значение или биты информации, ожидающие, когда человек возьмет и воспользуется ими.

Язык не передает информации, а его функциональная роль заключается в создании кооперативной области взаимодействия между говорящими путем выработки общей системы отсчета. Каждый говорящий действует исключительно в рамках своей когнитивной области, где любая предельная истина зависит от опыта многих переживаний [Матурана, 1996]. Общая область взаимодействий в данной теории называется консенсуальной. А. В. Кравченко, основатель биокогнитивного подхода в России, вслед за У. Матураной приходит к выводу, что «функция языка состоит в том, чтобы ориентировать ориентируемого в его когнитивной области, не обращая внимания на когнитивную область ориентирующего, так становится очевидным, что никакой передачи информации через язык не происходит» [Кравченко, 2001, с. 162].

Начиная коммуникативный акт, говорящий активизирует прототипически сложную репрезентацию, «формирует» некую конфигурацию смысла или образов, содержание будущих знаков (концепт), но это нельзя назвать языковым знаком. «Достраивание» до знака происходит тогда, когда человек произносит звуковую форму, соответствующую содержанию. «Достраивание» формы до знака делается исключительно для себя (автопоз) в том смысле, что сознание отправителя сообщения, контролирующее свою часть акта коммуникации, убеждается, что на выходе сформирован знак, соответствующий исходному замыслу. Слушающему же выдается не языковой знак, а лишь его форма в виде конфигураций звуковых колебаний или отпечатков на бумаге, т. е. материальный предмет или текст, с помощью которых он генерирует свой

смысл сообщения. Следовательно, как утверждает А. А. Залевская речь нужно вести о спонтанном семиозисе [Залевская, 2000, с. 20].

Естественно, что при общении не происходит никакого обмена мыслями. В произнесенном слове нет мысли. Знаками нельзя ни обмениваться, ни передавать их, это метафорические выражения. Знак возникает, живет и умирает в тиши индивидуального сознания. Знак является реальным единством образов формы и содержания в сознании человека. Жизнь его недолговечна – она вспыхивает на тот краткий миг, когда в фокусе активного сознания перекрещиваются и сливаются мысли о предмете и форме выбранного слова. Знак – это событие, в котором принимают участие свойства ткани в определенном месте и времени [Архипов, 2005].

Следовательно, коммуникация с точки зрения биолингвистики – это вовлечение человека в сферу взаимодействий с миром с целью оказать на этого человека ориентирующее воздействие, то есть изменить состояние его среды. Как подчеркивает А. В. Кравченко, вступить в общение – значит изменить универсум дискурса, который разделяют коммуниканты [Кравченко, 2008, с. 90].

Система отношений, характеризующих коммуникацию, имеет не линейный, а кругообразный характер, кругообразность же является главным принципом организации живых систем. Нелинейность процесса коммуникации, во-первых, подтверждается нетождественностью смысла коммуниканта 1 и коммуниканта 2, то есть тем, что языковые единицы не передаются отправителем получателю. Во-вторых, следует упомянуть косвенное воздействие на собеседника, когда речь адресуется одному человеку, чтобы неявно повлиять на другого. Непрямой характер коммуникации противоречит линейному принципу искусственного интеллекта, что главным образом и объясняет невозможность создания роботов, способных к коммуникации.

Таким образом, с точки зрения биолингвистики, коммуникация – это вид адаптивной деятельности, носящий ориентирующий характер, направленный на создание консенсуальной области взаимодействия организмов. Данная гипотеза открывает новые возможности как для изучения языковых процессов, так и теории познания в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов, И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания [Текст] / И.К. Архипов // *Studia Linguistica Cognitiva. Язык и познание : методологические проблемы и перспективы*. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание : методологические проблемы и перспективы. – С. 157-171.
2. Залевская, А.А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку [Текст] / А.А. Залевская // *Лингвистические парадигмы и лингводидактика 7*. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2002. – С. 9-21.
3. Кравченко, А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 261 с.

4. Кравченко, А.В. Когнитивный горизонт языкознания [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск : Издательство БГУЭП, 2008. – 320 с.
5. Матурана, У.Р. Биология познания [Текст] / У.Р. Матурана // Язык и интеллект : сб. науч. тр. – М. : Прогресс, 1996. – С. 95- 142.
6. Матурана, У.Р. Социальные явления [Текст] / У.Р. Матурана, Ф.Х. Варела; пер. с англ. Ю.А. Данилова // Дерево познания. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – С. 159-181.

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОНЦЕПТА «ТРУД»

Р.Х. Каримова

Стерлитамакская государственная педагогическая академия

This article is devoted to cognitive description of the concept 'labour'. The imaginary problems of this concept structure are discussed in the article.

Исследуемый нами концепт представляется учеными как *лингвокультурный* концепт, поскольку рассматривается в плане содержания как вербализованный культурный смысл.

Проблема оязыковлени объектов культуры свидетельствуют о том, что национально-языковое сознание формирует глубинные слои картины мира. Картина мира в сознании человека, владеющего (кроме родного) иностранным языком, представляет собой сплетение языковых картин, отражающих результаты познания окружающего мира на разных языках. Доминирующей является картина мира родного языка, на которую накладывается опыт освоения действительности в познавательной деятельности языковой личности. В ходе усвоения каждого следующего языка концептосфера языковой личности расширяется, дополняясь новыми элементами и обогащая познавательный опыт субъекта-носителя языка. Описание картины мира посредством концепта как ментальной единицы открывает широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных связях с человеком, его интеллектом и разумом, его мыслительными и познавательными процессами и с теми механизмами структурами, которые лежат в их основе [Кубрякова, 1994, с. 3].

Понимание культуры и языка как семиотической системы позволяет исследователю выработать методику изучения данных феноменов как корреспондирующих друг с другом семиотических смысловых структур, в которых фиксируется познавательный опыт представителя определенной этнокультурной общности. Как отмечает О.И. Быкова, «с точки зрения референции языковых знаков к культурным концептам этнокультурно маркированные номинанты репрезентируют осмысление мира, его конструирование языковым коллективом, интерпретирующим тело знака, под который подводится концепт» [Быкова, 2006, с. 334].

Языковые знаки вербализуются в действительности по-разному, что является признаком своеобразия в восприятии и отражении окружающего мира этносом. Концепты репрезентируются в языке с помощью антропонимов, зоонимов, мифонимов, нумеронимов и т. п., специфика

«семиотической плотности» и вариативность репрезентации концептов свидетельствуют о разработанности этой части национальной концептосферы. В представлении С.Г. Воркачева, лингвоконцепты предстают в узком понимании в виде вербализованных осознанных и неосознанных смыслов, составляющих содержание мировоззренческих универсалий культуры [Воркачев, 2004, с. 80].

Концепт «труд» представляется нам ключевым в миропонимании и шкале ценностей народа. В.И. Карасик и С.Г. Воркачев выделяют в структуре концепта понятийную, образную и ценностную составляющие [Карасик, 2004, с. 109, Воркачев, 2004, с. 7]. По мнению названных ученых, «именно наличие ценностной составляющей отличает концепт от других ментальных единиц, которыми оперируют современная наука (фрейм, сценарий, понятийная категория и т.п.) [Приводится по: Слышкин, 2000, с. 11]. Подчеркивая посредническую роль сознания между культурой и языком, Г.Г. Слышкин определяет концепт как единицу, призванную «связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т.к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [Слышкин, 2000, с. 9]. Особенно ярко универсальность и этноспецифичность определяются при сопоставительных исследованиях. Средством семиотизации когнитивного пространства лингвокультурного сообщества в целом выступают этнопрецедентные идиомы и поговорки [Алефиренко, 2002]. В связи с этим целью нашей статьи является попытка описания образной составляющей концепта «труд».

Отметим, что происхождение концепта «труд» возвращает нас к теме мученичества, ср. и.-евр. *treud* «давить, тискать, мять, мучить, томить, утомлять» – все от и.-евр. *ter* «тереть» [Топоров, 1995, с. 704].

До верхненемецкого периода слово *Arbeit* означало «тяжелое физическое напряжение, тягостный труд, хлопоты» (ср. происхождение слова «работа», «робота» со значением «рабство, неволя, мучение, труд» [ИЭССРЯ, 1999, с. 92].

Известный немецкий социолог М. Вебер указывал на период реформации в Германии [Вебер, 1994, с. 601]. По мнению М. Вебера, именно Реформация усилила нравственный акцент такой работы, что привело к современному значению слова *Beruf*. В современном значении слова немецкое слово *Beruf* означает «призвание, профессию», в чем М. Веберу видится представленная богом задача.

Проведенные исследования ФЕ, вербализующих концептуальные признаки «предаваться безделью» и «заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью», доказали, что фразеологизмы и идиомы получают в исследуемых языках сходную номинативную реализацию, обнаруживая сходство как в плане выражения, так в плане содержания, ср. нем. *Fliegen fangen* – русск. *ловить мух* (прост. пренебр.), *собак гонять* – *Mäuse schwänzen* (*Kiebitze hüten*), *плевать в потолок* – *ins Blaue schießen*, *гонять ветер*, *парить бока*, *сшибать бабки*. В Большом русско-немецком словаре жаргона и просторечий под редакцией Х Вальтера и В.М. Мокиенко мы обнаружили

целый ряд прецедентных дискурсивных идиом, не зафиксированных в прежде изданных словарях, ср. *балду гонять, вертеть вола, ежиков пасти, дурочку делать, сидеть на попе ровно*. В образном основании дискурсивных идиом, обозначающих откровенное безделье, лежат стереотипные позы, указывающие на отсутствие деятельности, ср. *сидеть сложа руки*, нем. *die Hände in den Schoß legen, keinen Finger krumm machen* – русск. *не пошевелить и пальцем, лежать на боку*, нем. *auf dem Rücken liegen*. Ряд ФЕ в немецком языке описывают бесплодную деятельность посредством ситуаций, не свойственных русским идиомам, ср. нем. *Äpfel braten, Schnee im Ofen backen, den Bock, Hamster melken, einen Raben waschen, den Sand pflügen, Sägmehl knüpfen, Holz in den Wald tragen, Feigen von den Dornen suchen*. В перечисленных идиомах осуждается бесполезная деятельность как нарушение библейской прескрипции, что человек должен «добывать свой хлеб в поте лица своего». Отсюда вытекает содержание стереотипной для самосознания народа в сравниваемых языках установки «недостойно человеку заниматься недостойными делами».

Наиболее многочисленно объективируются концептуальные признаки «работать усердно» и «работать небрежно, кое-как», ср. русск. *до кровавого пота, мозолить руки, тянуть лямку, из кожи вон лезть, в поте лица, разбиваться в лепешку*, нем. *mit vollem Dampf arbeiten, wie ein Pferd arbeiten, tüchtig ins Zeug legen, j-m zuleibe gehen*, русск. *валить через пень – колоду, ломать через пятое в десятое, шаляй-валяй, на фу-фу* (прост. экспресс.), *гнать лажу* (жарг.), нем. *den Fleck neben das Loch setzen, mit Ach und Krach, eine ruhige Kugel schieben, seinen Stiefel arbeiten, den Handwurst spielen* (разг.).

Все вышесказанное позволяет нам заключить, что вербализация языковых средств, объективирующих образный компонент концепта, представляет интересный материал для исследования. Выявленные признаки могут в виде ценностных установок составить культурный сценарий концепта «труд». Базовые лексемы и ФЕ, объективирующие концепт, представляются сходными в плане содержания.

Культурный сценарий концепта, на наш взгляд, может включать следующие ценностные установки:

- 1) следует работать добросовестно;
- 2) нельзя относиться к работе небрежно, халатно;
- 3) лень повсеместно осуждается;
- 4) любую работу следует делать вовремя;
- 5) работа, начатая вовремя, приводит к хорошему результату;
- 6) во всем следует придерживаться плана, не братья сразу;
- 7) не следует заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью.

Количество установок не является конечным, т.к. исследования продолжаются с привлечением экспрессивной лексики, паремий, крылатых выражений, афоризмов и материала из других языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры [Текст] : монография / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
2. Быкова, О.И. Идиоэтническая специфика объективации культурного концепта [Текст] / О.И. Быкова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. – С. 334-336.
3. Вебер, М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. [Текст] : монография / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.
4. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный феномен [Текст] : монография / С.Г. Воркачев. – М., 2004.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1998.
6. Историко-этимологический словарь современного русского языка. [Текст] : в 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русск. яз., 1999.
7. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] : монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004.
8. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика-психология-когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания, 1994. – № 4. – С. 34-36.
9. Немецко-русский фразеологический словарь [Текст] / сост. Л. Э. Бинович, отв. ред. Н.С. Чемоданов. – М. : Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей. – 1956. – 904 с.
10. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] : монография / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
11. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной Руси [Текст] : монография / В.Н. Топоров. – М. : Гнозис, 1995. – Т.2. – 874 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА АНЕКДОТА В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕКА

Д.Б. Келарева

Южно – Уральский государственный университет

Interpretation of anecdotes is connected with the speech cognitive process called conceptualization. Interpreted information is correlated with the structure of knowledge that is the basis to create a model of the situation giving in the anecdote.

Говоря об интерпретации текста анекдота, мы выделяем концептуализацию как важнейший процесс рече-познавательной деятельности. При интерпретации текста анекдота мы имеем дело не только с языковыми фактами (представленными в языковой картине мира), но и с субъективными убеждениями и культурными характеристиками и традициями (представленными в концептуальной картине мира).

При понимании текста анекдота воспринимаемая информация соотносится с уже имеющимися знаниями, точнее с некоторой структурой

знаний (фреймом), на основе которой создается некоторая модель ситуации. Причем структурная организация анекдота предполагает неоднозначную трактовку текста, что является основой индивидуального восприятия и интерпретации текста анекдота. В этом случае концепт, существующий в сознании, не совпадает по некоторому признаку с формируемым в тексте.

Концептуализация заключается в осмыслении поступающей информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и концептуальных систем в сознании [Нефедова, 2003, с. 4]. Под концептом понимают оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы.

Фрейм располагает определенной схемой, определяющей логические отношения между объектами, действиями, которые включены во фрейм. Передача комического смысла осуществляется за счет смещения значений слотов в одном или более фреймах, поэтому для выявления принципа выражения комического смысла рассматривается одна или более фреймо-слотовых структур. Построение фреймо-слотовой структуры нам представляется наиболее эффективным подходом для анализа принципов выражения комического смысла. По фреймо-слотовой структуре можно проследить не только ожидаемые отношения между значениями слотов одного или более фреймов, но и неожиданные, отражающие противоречивость как сущность комического.

Опираясь на исследования известных западных и отечественных лингвистов-когнитологов (Schank R.C., Minsky M.A. Sweetser E., Newell A., Dirven R., Lönneker B., Attardo S., Чудинов А.П.), рассмотрим схематическое представление фрейма на следующем примере:

Блондинка прохожему:

- Мужчина! Что-то я никак не могу умножить 23 на 25?!

- Дразжайшая! Это домофон, а не калькулятор!

В данном анекдоте на фразу *Что-то я никак не могу умножить 23 на 25?!* активируется в соответствии с ситуацией часть фреймо-слотовой структуры «КАЛЬКУЛЯТОР». Отметим, что логическая связь между фреймами осуществляется посредством общих слотов. Сходство значений [* , #] конкретных явлений, *кнопок на панели* оправдывает совмещении первого фрейма с активируемым в концовке анекдота фреймом «ДОМОФОН», что способствует семантическому сдвигу значений в слотах, характеризующих абстрактные явления выполнения операций над конкретными объектами.

Фрейм «КАЛЬКУЛЯТОР»

Слот 1 [панель с кнопками]

+Подслот [нажимать]

Филлер [0, 1 ... 9, *, /, +, -, #]

Слот 2 [операции]

+Подслот [выполнять]

Филлер [* , /, +, -]

Фрейм «ДОМОФОН»

Слот 1 [панель с кнопками]

+Подслот [нажимать]

Филлер [0, 1 ... 9, В, С, *, #]

Слот 2 [операции]

+Подслот [выполнять]

Филлер [В, С, *, #]

Такое совмещение значений слотов двух фреймов приводит к противоречию между формой двух объектов КАЛЬКУЛЯТОРА и

ДОМОФОНА и функциями, выполняемыми этими объектами, что способствует передаче комического смысла.

Когнитивная деятельность интерпретации текста анекдота состоит в конструировании когнитивной модели ситуации, генерирующейся некоторым набором лингвистических принципов и соответствующих им языковых средств. Построение фреймо-слотовой структуры способствует выявлению семантического сдвига, лежащего в основе комического смысла. Основные лингвистические принципы, которые способствуют реализации комического эффекта, осуществляются в ходе сращения двух фреймов или сценариев, нарушающих логическое протекание стереотипных ситуаций.

Так в основе лингвистического принципа коммутативности лежит логический закон коммутативности / переместительности. Противопоставление субъекта и объекта высказывания или объекта и субъекта высказывания при действии данного принципа приводит к комическому эффекту в исследуемых языках (русском и английском). Реализация принципа коммутативности осуществляется на лексическом и синтаксическом уровнях. Особенность принципа заключается в том, что коммутативность субъектов и объектов определяется не только фреймо-слотовой структурой, но и в первую очередь структурной схемой предложения.

Наличие в предложении модели, схемы – того образца, по которому можно строить конкретное предложение, варьируя лексическое наполнение, делает предложение языковой единицей. Предложение как единица языка постоянно воспроизводится, повторяется в речи, заполняясь разными словами.

Единого взгляда на структурную схему / модель предложения нет. Понятие модели предложения не является достоянием традиционной грамматики. Одним из первых его использовал Э. Сепир, который считал, что «в основе каждого законченного предложения лежит готовый образец, предложение-тип, характеризуемый определенными формальными чертами. Эти определенные типы или как бы фундаменты предложений могут служить основой для любых построений, потребных говорящему или пишущему, но сами они в застывшем виде «даны» традицией» [Сэпир, 1993, с. 53]. В данном понимании за рамками исследования остается смысловая сторона предложения.

Согласно другому пониманию подход к структурной схеме предложения подразумевает исследование семантики предложения. Структурной схемой предложения, «считается структура, обладающая не только грамматической, но и информативной достаточностью; поэтому все информативные распространители считаются обязательными компонентами схемы» [Адмони, 1988, с. 24].

Наиболее общей структурной моделью простого предложения в анализируемых языках (как и в большинстве индоевропейских языков) является модель **NV (SV)**, то есть конструкция, состоящая из именного и глагольного компонентов. Для действия принципа коммутативности,

генерирующего модель комичной ситуации, необходимо включение объекта **О** в данную модель **SVO**, причем один из компонентов **S / O** в высказывании должен быть опущен.

Муж с женой занимаются любовью. Вдруг звонок в дверь!

Жена:

- Ой, это, наверное, муж!

Муж, хватая одежду и открывая окно:

- Подожди, а я кто?

В нашем примере субъект муж в ситуации муж и жена дома и субъект любовник в ситуации муж вернулся домой, где жена с любовником одно и то же лицо, то есть функционирование принципа коммутативности осуществляется посредством перемещения в начале и в концовке анекдота субъекта и объекта *мужа* и *любовника* между собой. Так в начале анекдота муж выступает как объект (любовник - субъект), а в конце анекдота муж – субъект (любовник – подразумеваемый объект). Нарушение взаимосвязи между субъектом и объектом приводит к логическому противоречию, которое лежит в основе передачи комического смысла.

*Doctor: "Say, the **check** you gave me for my doctor bill came back."* Доктор: «Скажите, чек, который вы дали за мои услуги, вернулся».

Patient: "Yeah, and so did my arthritis." Пациент: Да, то же произошло и с моим артритом.

В создаваемой комичной ситуации *пациент оплачивает прием*, действие принципа коммутативности осуществляется между объектами, признаки которых отражены в слотах (оплата / болезнь) фрейма «ПРИЕМ У ВРАЧА» и противопоставлены в соответствующих структурных схемах **O₁V(S)** (*чек вернулся пациенту*) и **O₂V(S)** (*артрит вернулся пациенту*). Перемещение объектов в одной и той же структурной схеме по принципу коммутативности способствует передаче комического смысла.

Категория комического существует в сознании человека. И только лишь лингвистическое описание языковых средств, передающих комический смысл, во многом сужает изучение такой сложной категории как комическое. В таком случае за рамками изучения остаются и особенности построения комических текстов, и, в особенности, лингвистических принципов, заключающих в себе саму сущность комического. Интерпретация текста анекдота предполагает процесс рече-познавательной деятельности, в результате которой выявляется семантический сдвиг между языковыми единицами, находящимися в отношениях противоречия, что и лежит в основе передачи комического смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики [Текст] / В.Г. Адмони. – Л. : Наука, ленингр. отд-ние, 1988. – 283 с.
2. Нефедова, Л.А. Когнитивный подход к интерпретации текста [Текст] / Л.А. Нефедова. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2003. – 70 с.

3. Сэпир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сэпир. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ВОСПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ (на примере творчества немецкой группы Rammstein)

С.Ю. Ким

Челябинский государственный университет

This article is dedicated to opening the theme of dialogue between cultures in the practice of cross-language translation on the example of the metaphoric models in song texts of the German group Rammstein.

В последние десятилетия тема глобализации пронизывала все сферы жизни людей. Идет активная пропаганда общечеловеческих ценностей: любовь к человеку в разнообразных ее проявлениях, к богу как к образу единства, а не разобщения людей, их взаимовлияние и влияние на исторические события. Язык как неотъемлемая часть культуры раскрывает образы мировосприятия на определенном историческом промежутке. Выявленные модели позволяют оценить какое-либо явление, существующее в социуме. Особенно интересными представляются те метафорические модели, которые находят свое отражение в такой форме культурного наследия человечества как песня.

Анализ текстов всемирно известной группы доказывает устойчивость мнения, что именно такое явление, как метафора, теснейшим образом связано с проблемой восприятия языковой картины мира как одним из способов ее создания. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). Восприятие реальности разнится от культуры к культуре, поскольку каждая из них вырабатывает свои способы организации жизненной среды.

Те метафоры, которые находят своё отражение в лирике группы, представляют человеческую жизнь и как «поиск любви», и как «жизнь зверя», и как «вечное противостояние человека чему- или кому-либо». Знакомство с творчеством «Rammstein» подводит к осознанию того факта, что в современном обществе человеческое «Я» представляет собой крайне противоречивое явление.

Рассмотрим три характерных текста песен, отражающих современное восприятие человеком таких понятий, как «Рождение», «Бог», «Человек» по мнению группы «Rammstein».

«Mutter» («Мама»)

Die Tränen greiser Kinderschar... – Слезы седых детей... Greise Kinderschar – толпа седых (старых) детей – подобный эпитет при существительном указывает на сложную жизнь, выпавшую на долю совсем еще маленьких людей, опыт которых заставил их рано состариться. Появление рядом лексемы *die Tränen* даёт понимание, что это всё еще живые, чувствующие и думающие люди.

Ich zieh sie auf ein weisses Haar... – Я нанизываю их на белый волос...

Данная строка поясняет, что повествователь сам является одним из подобных детей. Глагол etwas auf etwas ziehen – надевать, натягивать что-л. на что-л. – заставляет нас воспринимать слёзы как «бусинки», нанизанные на «седой волос», т.е. указывает на некое множество схожих судеб.

Werf in die Luft die nasse Kette und wünsch mir, dass ich eine Mutter hätte – Бросаю в воздух мокрую цепь и хочу, чтобы у меня была мать. Словосочетание die nasse Kette – мокрая цепь – поясняет, что повествующий человек не свободен, и, кроме того, жизнь его проходит в неблагоприятных условиях. Он брошен и одинок, ему не хватает человеческого тепла – материнской ласки.

Keine Sonne, die mir scheint, keine Brust hat Milch geweint – Для меня не светит солнце и грудь не плакала для меня молоком. Этому человеку, находящемуся в некоем закрытом помещении, известно, что он не был вскормлен материнской грудью, соответственно, мы предполагаем, что матери в общечеловеческом понимании у него не было, его не рожала женщина.

In meiner Kehle steckt ein Schlauch. Hab keinen Nabel auf dem Bauch – В моем горле – шланг. Нет пупка в животе. Он – некое механическое творение, поскольку немецкое слово die Kehle переводится не только как «горло», но и имеет техническое значение «паз, желобок». Присутствие шланга в горловине – это замена пуповины.

Ich durfte keine Nippel lecken und keine Falte zum verstecken. Niemand gab mir einen Namen. Gezeugt in Hast und ohne Samen – Я не мог присосаться к груди и мне негде было спрятаться. Никто не давал мне имени. Я зачат в спешке и без семени. Выражение «die Nippel lecken» можно интерпретировать двояко. Во-первых, как «лизать сосок». Во-вторых, слово die Nippel имеет такое значение, как «клапан». Соответственно, фразу keine Nippel lecken можно осмыслить в контексте данной песни как «вообще не реализовать сосательный рефлекс». Немецкое слово der Niemand, помимо значения «никто», имеет также еще одно – «чёрт, дьявол». Отсюда следует, что данный оборот может иметь двоякий перевод: во-первых, «никто не давал мне имени» и, во-вторых, «дьявол дал мне имя». Выражение ohne Samen zeugen – зачать без семени – даёт отсылку к нечеловеческому происхождению говорящего. Помимо того, слово der Same может переводиться и как «потомки» в переносном значении, т.е. согласно тексту, подобные существа не имеют возможности самовоспроизводиться. *Der Mutter, die mich nie geboren, hab ich heute Nacht geschworen. Ich werd ihr eine Krankheit schenken und sie danach im Fluss versenken. In ihren Lungen wohnt ein Aal. Auf meiner Stirn ein Muttermal. Entferne es mit Messers Kuss, auch wenn ich daran sterben muss.* Той матери, что никогда не рожала меня, я поклялся сегодня ночью. Я награжу ее болезнью, а после утоплю в реке. В ее легком живет угорь. На моём лбу – родимое пятно. Удаляю его поцелуем ножа, даже если мне придется от этого умереть. Фраза «In ihren Lungen wohnt ein Aal» – «В её лёгких живёт угорь» – в тексте имеет двойное значение. Во-первых, мы

можем интерпретировать высказывание как: «главное действующее лицо всё же нашло жертву, которую обозначило как мать, и уничтожило её». Во-вторых, возможно такое понимание как: «змеиное/ядовитое дыхание некой матери – сущности, породившей его». Фраза «entferne es mit Messers Kuss» – «удалю его (родимое пятно) поцелуюем ножа» – определяется нами как описательное выражение к глаголу «вырежу». Заметим также, что словосочетание Messers Kuss может иметь двойной перевод: «поцелуй ножа» и «мастерски», поскольку слово das Messer переводится как «нож; режущий инструмент», а слово der Messer – как «мастер, знаток».

Mutter! Oh gib mir Kraft! Mutter! Mutter! Oh gib mir Kraft! – Мама! Дай мне силу! Мама! Мама! Дай мне силу!

Следует отметить, что слово «Mutter» повторяется в тексте в сумме девятнадцать раз, а выражение «Oh, gib mir Kraft» – четыре раза. Обратившись к переводу слова, заметим, что в переносном, поэтическом значении оно даётся как «прародительница, источник жизни», а в техническом – как «матрица». Соответственно, обращение главного действующего лица к «матери» в конце текста в сочетании с фразой «дай мне силы» – это ссылка на молитву, обращённую к богу, и, следовательно, надежда на существование любви. Данные литературные средства позволяют резче очертить проблематику материнского начала и продолжения рода, места человека в социуме, обозначить опасность прерывания связи поколений и следующую за ним гибель человеческой цивилизации.

В песне «*Du hast*» («*Ты имеешь*») автор текста выбирает глагол *haben* (иметь; получать, приобретать), обыгрывая его в лексическом и грамматическом смысле. Автор намеренно обрывает речь, чтобы передать взволнованность и дать возможность читателю трактовать воспринятую на слух фразу в одном из имеющихся значений. Глагол *haben* в своем первом значении «иметь» в разговорной речи употребляется в сексуальном контексте. Кроме того, в немецком языке также существует глагол *hassen* (ненавидеть), который в настоящем времени, единственном числе, втором лице является омонимом глаголу *haben*. Таким образом, имеется как минимум три возможных перевода первой строфы: *ты получаешь меня; ты имеешь со мной сексуальную связь; ты меня ненавидишь*.

– *Du, du hast, du hast mich, du hast mich gefragt, du hast mich gefragt, und ich hab nichts gesagt.* – Ты, ты имеешь, ты имеешь меня, ты спросил меня, а я ничего не ответил.

– *Willst du, bis der Tod euch scheidet, treu ihr sein für alle Tage?* – Хочешь ли ты, пока смерть не разлучит вас, быть ей верным всю свою жизнь? Данная фраза – это цитата из Библии (Ефессянам 5:22-28), которая произносится священником во время проведения церемонии венчания. Она является прямым указанием на смысл первой строфы (ты получаешь меня в законные мужья). При этом последующая фраза «но я ничего не ответил» – это нежелание вступить в брак.

– *Nein.* – Нет. Нет – нетипичный ответ на стандартную фразу священника. Усиливает негативный эффект отрицания брачного союза.

– *Willst du bis zum Tod, der scheidet, sie lieben auch in schlechten Tagen?*
– *Хочешь ли ты любить её и в горе до самой смерти, которая разделяет?*
Текст песни выстроен как диалог священнослужителя и человека, открыто отказывающегося от брачного союза непосредственно в момент венчания, перед алтарем. В тексте многократное повторение первой строфы и частицы «нет» раскрывает конфликт личности и заказа социума на формализацию отношений, перевод их из личностных в общественные, социальные. Семья, как ячейка общества, является наиболее управляемой единицей, удобной для государственного контроля. Таким образом, конфликт, обозначенный в тексте лишь как личностный, вырастает в конфликт с властью, законом, догматами церкви.

Песня «**Sonne**» («Солнце») была написана для музыкального сопровождения выхода на ринг всемирно известных боксеров братьев Кличко.

Eins, zwei, drei, vier, fünf, sechs, sieben, acht, neun, aus! – *Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, всё!* Этот числовой ряд, нарочито законченный словом «все», вместо ожидаемого «десять», отсылает реципиента к счету рефери в боксерском поединке, что настраивает на дальнейший ассоциативный ряд в тексте песни.

Alle warten auf das Licht. – *Все ждут солнца.* Немецкое слово *das Licht* – «свет» восходит к концепту Солнце, в переносном значении в немецком языке слово *das Licht* обозначает «светило», «ум», восходящее к концепту Человек. В нашем контексте (бокс) к образу боксера – некоторой «яркой» силе.

Fürchtet euch, fürchtet euch nicht. Die Sonne scheint mir aus den Augen. Sie wird heute Nacht nicht untergehen. – *Бойтесь – не бойтесь. Солнце светит из моих глаз. Сегодня ночью оно не зайдёт.* Закат – образ боксера потерявшего сознание. Свет солнца из глаз – образ силы.

...und die Welt zählt laut bis zehn... – *...и мир считает до десяти...* Мир рассматривается как «человечество», «люди».

Die Sonne scheint mir aus den Händen, kann verbrennen kann euch blenden. – *Солнце светит из моих рук, может сжечь, может вас ослепить.* Глагол *können* (мочь) в тексте восходит к существительному *die Sonne* (Солнце), что указывает на олицетворение, у глагола *blenden*, помимо основного значения «слепить, ослеплять», существует переносное «прельщать, очаровывать, обманывать».

Wenn sie aus den Fäusten bricht, legt sich heiss auf das Gesicht. Sie wird heut Nacht nicht untergehen, und die Welt zählt laut bis zehn... – *Если оно вырвется из кулака - ляжет жаром на твоё лицо. Сегодня ночью заката не будет, и мир считает до десяти...* Глагол *brechen* (ломать, разбивать пробивать) относится к существительному *die Sonne* (Солнце), что указывает на олицетворение. В другом значении *brechen* (преломлять лучи), в сочетании с понятием «солнце в кулаке» гиперболизирует образ боксера до космического уровня, поднимает персонаж выше обычных звезд, до уровня суперзвезды, единственной в своем роде.

...legt sich schmerzend auf die Brust, das Gleichgewicht wird zum Verlust. Lässt dich hart zu Boden gehen, und die Welt zählt laut bis zehn... – ляжет болью на грудь, равновесие будет потеряно. Заставит тебя пасть на землю, и мир считает до десяти. Фразеологизм «zu Boden gehen» (сбить с ног, повергнуть в прах) усиливает гиперболу «боксер повелевает Солнцем», где прикосновение кулака, в котором «зажато» солнце (как символ Силы) к лицу и груди влечет за собой неизбежный нокаут, в прямом и в переносном смысле (удар, обольщение, ослепление). Само Солнце выступает как одушевленное существо. Так как песня, в рамках своего предназначения, представляет собой гимн выдающемуся человеку-боксеру, суперзвезде, уровня «солнца» и даже более того, используется соответствующий набор лексических единиц, направленных на усиление выразительности.

Таким образом, через метафору формируются вторичные наименования в создании индивидуальной языковой картины мира. Она отражает специфичный взгляд на мир. Процесс создания концепта, в свою очередь, сопряжен с национальными традициями. Используемые для этого средства служат материалом для обозначения новых понятий, которые перерабатываются сознанием человека, творящим новые гносеологические образы элементов действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] : учебник для вузов по спец. “филология” / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
2. Большая Советская энциклопедия [Текст] : [в 30-ти т.] / Гл.ред. А.М. Прохоров, 3-е изд. – М. : Сов. Энциклопедия, 1979.
3. Вальденфельс, Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» [Текст] / Б. Вальденфельс // М. : Логос. – № 6. – 1994.
4. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков. – Режим доступа : <http://www.infolex.ru/Prot.html>.
5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990.
6. Rammstein [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.wikipedia.org.ru>.
7. Топология культуры [Текст] : Спецкурс / составитель и разработчик доктор философских наук, доцент С.А. Азаренко. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1999.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕТСКОГО СОЦИУМА В СКАЗКАХ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ

Клейменова В.Ю.

Псковский Вольный институт

The paper deals with the problem of underage social stratification in Harry Potter books. Linguistic means are analyzed as mental cognitive structures * representations.

Методологической основой большинства современных лингвистических исследований является антропоцентрическая парадигма, в которой мир рассматривается глазами языковой личности через призму языка. Человек воспринимает и порождает информацию, руководствуясь в своей мыслительной деятельности определенными схемами и стратегиями. Следовательно, для филолога первостепенное значение приобретает изучение способов познания, которые упорядочивают знания о мире и учитывают «человеческий фактор», то есть субъекта, познающего мир, говорящего на определенном языке и принадлежащего к определенной культуре.

В своей обыденной жизни человек постоянно и неосознанно прибегает к категоризации как способу организации и систематизации своего знания о мире. В силу этого проблема категоризации и категорий занимает умы ученых уже много лет. Философы и логики, начиная с Аристотеля, обращались к этой теме, рассматривая категории как основу гносеологических и онтологических концепций.

В классической философии категоризация рассматривается как «мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека». [Новейший философский ..., 2001, с. 480] Следовательно, категория представляет собой «предельно общее понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения объективной действительности и познания, последний результат абстрагирования от предметов их особых признаков». [Новейший философский ..., 2001, с. 481] Таким образом, категоризация отождествляется с логической операцией обобщения, выполняемой индивидом при обработке новой информации о мире, что существенно облегчает процесс хранения и дальнейшей передачи полученных данных.

В гуманитарных науках термин «категоризация» используется очень широко, поскольку позволяет осмыслить опыт человека и оценить его когнитивные способности. Категоризация как когнитивная форма позволяет не только упорядочить поток получаемой информации, распределяя данные по классам и разрядам, но и предсказывать наличие новых объектов, которые пока не были зафиксированы, но существование которых представляется весьма вероятным в свете известного о признаках одной из имеющихся категорий. Эта направленность в будущее, проекция известного на непознанное особенно важна для художественной литературы. При создании произведения автор творит вымышленный мир на основе своих систематизированных знаний о реальном мире, создавая новые объекты в привычных категориях и новые категории на основе перегруппировки традиционных принципов категоризации.

Для когнитивной лингвистики вопрос категоризации мира является одним из важнейших, поскольку в данном научном направлении язык рассматривается как система взаимосвязанных категорий, отражающая и фиксирующая определенный взгляд на мир. Дж. Лакофф отмечает, что

классическая точка зрения на категоризацию «рассматривает отношения между реалиями естественного мира, но не рассматривает того, как человек осмысливает его». [Лакофф, 1988, с. 42] Он вводит в базовое определение новые признаки, в результате чего категоризация начинает рассматриваться как совокупность реальных ментальных операций, используемых человеком в процессах познания мира и его оязыковления. Таким образом, устанавливается неразрывная связь между процессом категоризации и речемыслительной деятельностью. Язык играет важную роль в этом процессе: результаты закрепляются в лексической системе языка, языковые категории систематизируют и вербализуют человеческий опыт, обобщающие понятия закрепляются словом. Следовательно, категоризация реальных объектов мира отражается в соответствующей категоризации выражающих их семантических единиц. Когнитивная суть процесса познания теперь предстает как выделение фрагмента действительности и затем его категоризации с помощью системы языковых средств. Неизбежно перед исследователем встает вопрос о том, как осуществляется процесс классификации в обыденном познании, как «человек сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики». [Кубрякова, Демьянков, 1996, с. 45]

В данной статье категоризация рассматривается как когнитивный процесс, в ходе которого индивид относит отдельные фрагменты воспринимаемой действительности к определенным ментальным разрядам (категориям), существующим в его сознании, в том случае, если эти фрагменты обнаруживают те особенные черты, которые отличают одну категорию от других.

Современная лингвистика сформулировала следующие универсальные признаки категоризации:

– Прототипическое устройство категорий. Прототипы рассматриваются как эталонные представители класса явлений, которые воплощают все наиболее характерные признаки категории. Периферийные объекты обладают лишь некоторыми свойствами прототипов. Место объекта в категории культурно обусловлено.

– Необязательность полного соответствия номенклатуре признаков при категоризации объектов. Даже если у объекта, названного словом, есть лишь часть характеристик прототипа, он может быть отнесен к данной категории. Например, страус и пингвин - птицы, несмотря на то, что они не умеют летать и не выют гнезда.

– Многообразие и гетерогенность оснований для категоризации. Категоризация, как и любой когнитивный процесс, антропоцентрична.

– Адаптивность категорий к изменяющимся условиям коммуникации.

– Подсознательный, интуитивный характер категориального членения действительности.

В сказках Дж. Роулинг о Гарри Поттере автор создает мир волшебников, который существует параллельно реальному миру. Они оба основаны на общих принципах категоризации действительности, аналогичных тем, которыми пользуется человек в своей повседневной когнитивной практике. Наиболее ярко эти принципы представлены в произведении «Гарри Поттер и философский камень», в котором описана процедура распределения первокурсников школы магии и волшебства по факультетам.

Перевод самой категории, House, как факультет, весьма приблизителен, так как в русской культуре отсутствует аналогичное понятие. Для британцев, с их развитой системой закрытых школ-интернатов, в которых дети проводят значительную часть своего отрочества, в которых происходит формирование юных джентльменов, закладываются основы их социализации во взрослой жизни, House – это не просто структурное подразделение учебного заведения. Это, прежде всего, аналог семьи, это команда, которая разделяет общую систему ценностей и движется к общей цели. Успех всего коллектива складывается из достижений каждого ребенка, а неудача одного может привести к поражению всех.

Онтологический опыт автора отражается в категориях ирреального мира. Для героев книги принадлежность к одному из «домов» означает не только совместное проживание в общежитии, но и определенное духовное родство, служение общим идеалам. Принадлежность каждого ученика к конкретной группе в волшебной школе определяет не только его студенческую судьбу, но во многом и его дальнейшую взрослую жизнь. Поэтому становится понятным то волнение, душевный трепет, с которым дети ожидают церемонии распределения.

На страницах книги разворачивается целое представление, главным действующим лицом которого, в соответствии с законами жанра, является волшебный предмет: старая шляпа (Sorting Hat). Категоризация, которая в процессе когниции происходит интуитивно, представлена как ритуал, проходящий в соответствии с освященными традицией правилами. После исполнения арии Шляпы, в которой сформулированы основные требования, которым должен удовлетворять претендент на зачисление в тот или иной «дом», начинается сама церемония. Шляпа объявляет о своем решении после недолгого пребывания на голове того или иного ребенка.

В названиях «домов» изложены представления о том, каким должен быть член этого сообщества, юный волшебник, относящийся к этой категории. Например, «Храбрецы» принадлежат к «дому» Гриффиндор, название которого в переводе с французского означает «Золотой грифон». В европейской культурной традиции грифон символизирует могущество, власть, бдительность, храбрость. Именно поэтому студента Гриффиндора должен быть отважным, уверенным, надежным, бесстрашным, благородным, хладнокровным.

Этой категории учащихся противопоставлены «Хитрюги» - студенты отделения Слизерин, название которого образовано от слова sly - хитрый, умный, легко обманывающий других, обладающий тайным знанием,

владеющий чужими секретами. Их характеризует хитрость, амбициозность, неразборчивость при выборе средств, жажда власти и интерес к чужой генеалогии.

«Умники» так же объединены в «дом» с говорящим и культурно-обусловленным названием – Вороний коготь. Ворон – это не только символ мудрости, долголетия и предусмотрительности, но и понятие, имеющие многочисленные ассоциации в английской культурной традиции: верховного бога Одина сопровождали два ворона «Думающий» и «Помнящий», вороны тауэра – это символ британской государственности. Студентам этого «дома» присущи ум, эрудиция, нестандартный подход к делу, умение использовать вековую мудрость для решения насущных задач.

И, наконец, «Трудяги». В соответствии с названием своего «дома», их продвижение вперед сопровождается большими трудовыми затратами, они ранимы и обидчивы, поскольку их усилия зачастую остаются недооцененными волшебным сообществом.

Особое внимание следует обратить на то, что каждый индивидуум рассматривается Шляпой в отрыве от персональных характеристик, ее интересуют лишь те признаки, которые совпадают с категориальными, описывающими целый класс или разряд людей, что выражено использованием лексических единиц со значением множественности: *their, those, find their kind, make friends, folk*. Самобытность ребенка не исключает его принадлежность к определенной категории детей, которые были выделены на основании многолетнего опыта волшебного сообщества.

Целое, то есть магический социум, состоит из представителей разных, иногда даже противопоставленных категорий людей, что подтверждает истинность поговорки *It takes all sorts to make the world* как в реальном, так и в ирреальном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. [Текст].- Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. - 245 с.
2. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова и В.И.Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 2-52.
3. Новейший философский словарь. / Сост. А.А. Грицанов. [Текст] 2-е изд., перераб. и доп..- Минск: Интерпресс сервис; Книжный дом, 2001. - 896 с.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ

Л.П. Ковальчук

Челябинский государственный университет

The article deals with the periods of metaphor theory development and reveals different points of view on the earlier existing approaches showing their advantages and disadvantages.

В XX в. метафора перешла из разряда средств эстетической выразительности в один из основных способов членения, категоризации и восприятия мира, однако этот процесс становления теории метафоры занял несколько тысячелетий.

Феномен метафоры уже давно занимает умы представителей различных научных дисциплин: философии, разных течений лингвистической науки, когнитивной психологии и психолингвистики. В лингвистику метафора пришла из риторики, где она рассматривалась как средство изобразительной речи и эстетики. Термин «метафора» впервые был введен Исократом в «Evagogus» (383 г. до н.э.), но основа теории метафоры была заложена древнегреческим учёным и философом Аристотелем [Голштейн, Керимов, URL].

Аристотель первым дал определение метафоры и охарактеризовал ее как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» и проиллюстрировал его следующим примером: «А корабль мой вот стоит», объяснив, что выражение «стоять на якоре» является особым видом понятия «стоять» (пример перенесения) [Аристотель, 1998, с. 1097].

И.В. Сибиряков отмечает в определении Аристотеля некую двойственность. С одной стороны, метафора трактуется им как определённый вид имени, а с другой стороны, она подразумевается как процесс переноса имени с одного предмета на другой [Сибиряков, 2006, с. 12].

Метафора переноса основана на топологической модели языка. Согласно этой модели, для каждого слова в языке существует только свое место, только своё значение. Если возникает необходимость назвать какое-либо новое явление или объект, то слово меняет свое место, а, следовательно, и свое значение. Причём в перенесённом имени должно проследиваться первоначальное значение.

В классической риторике метафора была представлена в основном как отклонение от нормы – перенос имени одного предмета на другой. Цель данного переноса заключалась либо в заполнении лексической лакуны (номинативная функция), либо в украшении речи: убедить – главная цель риторической речи. В глубинах античной науки сформировался получивший развитие в XX в. взгляд на метафору как на неотъемлемый элемент коммуникативных, номинативных, познавательных целей языка.

Далее проблема метафоры переместилась из ведения риторики в лингвистику. Так появилась сравнительная концепция метафоры, согласно которой метафора – это изобразительное переосмысление привычного наименования. Метафора представлялась как скрытое сравнение. Теория сравнения утверждала, что метафорическое высказывание связано со сравнением двух или более объектов. Сравнительная теория метафоры очень

долго являлась основополагающей в риторике и в лингвистике. Все остальные наиболее значимые теории метафоры, возникшие позже, в той или иной мере опирались на сравнительную теорию [Голштейн, Керимов, URL].

Конец XIX – начало XX вв. связаны с появлением семантической теории языка, и, соответственно, иным восприятием теории метафоры. В 1930-е годы английский лингвист А.А. Ричардс предложил использовать следующие термины для обозначения составляющих метафоры: «содержание» (tenor) и «оболочка» (vehicle). До введения этих терминов существовали лишь описательные конструкции с помощью которых описывались данные компоненты метафоры, например: «исходная и заимствованная идея», «идея, лежащая в основе», и «воображаемый объект», «главный предмет» и «то, что он напоминает» и т.д. Для объяснения понятий «оболочка» и «содержание» Айвор А. Ричардс приводит пример из стихотворных строк Денема, посвящённых Темзе:

*Глубокая, но прозрачная; спокойная, но не медлительная;
Сильная без ярости; полноводная, но не выходящая из берегов.*

В данном случае река является оболочкой метафоры, а поток поэтического сознания – содержанием [Ричардс, 1990, с. 48].

Исследования А.А. Ричардса частично отражены в работах Макса Блэка, который представил так называемый «интеракционный подход». Американский философ Макс Блэк разбил метафору на «фокус» (focus) и «рамку» (frame). Рассматривая предложение *The chairman plowed through the discussion* (букв. «Председатель собрания продирался через дискуссию»), М. Блэк выделил только одно слово, используемое метафорически – *plowed* (фокус метафоры), а всё остальное его окружение назвал рамкой метафоры.

Любую теорию, согласно которой метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения М. Блэк считал проявлением *субституционального взгляда на метафору* (a substitution view of metaphor) [Блэк, 1990, с. 158]. Мнение о том, что в основе метафоры лежит демонстрация сходств или аналогии – *сравнительной точкой зрения на метафору*. А указание на то, что некоторые признаки из «системы общепринятых ассоциаций» сами испытывают метафоризацию при переходе от вспомогательного субъекта к главному – *интеракционистской точкой зрения* [Блэк, 1990, с. 165]. В основе интеракционного подхода М. Блэка лежит утверждение о том, что «когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чьё значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [Блэк, 1990, с. 162].

Таким образом, теория семантического взаимодействия подразумевала связь метафоры с вербальной оппозицией и взаимодействием двух семантических смыслов – метафорическим употреблением выражения и окружающим буквальным контекстом.

Неадекватность сравнительной теории и теории семантического взаимодействия отметил другой американский учёный Джон Р. Серль.

Ошибочность сравнительной теории он продемонстрировал тем, что в производстве и понимании метафорических высказываний не обязательно участвуют два сравниваемых объекта, более того, отрицательное высказывание столь же метафорично, как и положительное («Салли не ледышка»). Вторым аргументом за то, что метафорические утверждения не обязательно являются утверждениями сходства, следующий: метафорическое утверждение часто может оставаться истинным, даже если то утверждение сходства, на котором основан вывод метафорического значения, оказывается ложным. Например, если мы говорим «Ричард – горилла», имея в виду его свирепость, злобность и склонность к насилию, значит мы убеждены в аналогичных качествах гориллы. Однако этологические исследования показали, что гориллы на самом деле вовсе не злобны, а наоборот, это застенчивые, чувствительные существа [Серль, 1990, с. 317].

Критики Серля подвергли и теория семантического взаимодействия. Он отвергает тот факт, что все метафорические употребления выражений должны входить в предложения, содержащие также буквально употребленные выражения. Если, используя ранее данный пример с Салли, мы заменим имя собственное на «маленькую неприятность», тогда образуется смешанная метафора: маленькая неприятность – ледышка, или маленькая неприятность смерзлась в ледышку, – которая не содержит буквального смысла [Серль, 1990, с. 320].

В 1980 г. формируется совершенно новый подход к изучению метафоры, получивший название концептуального анализа. В это время публикуется книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» («*Metaphors we live by*»). Основные положения концептуального анализа состоят в том, что метафора относится не к уровню языковой техники, но к уровню мышления и деятельности. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что «метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 240].

Эта теория привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой потенциал применения теории в практическом исследовании.

Таким образом, один из древнейших риторических и стилистических приёмов, метафора, стала рассматриваться как уникальный ментальный процесс, расширяющий возможности человеческого разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика [Текст] / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1112 с.
2. Блэк, М. Метафора [Текст] / Д. Дэвидсон // Теория метафоры : Сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. / Сост. Н.Д. Арутюнова. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153-171.
3. Голштейн, Е.А. Традиционные (докогнитивные) подходы к лингвистическому изучению метафоры [Электронный ресурс] / Е.А. Голштейн, Р.Д. Керимов // URL:

http://conference.kemsu.ru/GetDocsFile?id=10225&table=papers_file&type=1&conn=confDB

4. Ричардс, А. Философия риторики [Текст] / А. Ричардс // Теория метафоры: Сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. / Сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44-67.
5. Серль, Д. Метафора [Текст] / Д. Серль // Теория метафоры : Сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. / Сост. Н.Д. Арутюнова. – М. : Прогресс, 1990. – С. 307-341.
6. Сибиряков, И.В. Метафора: гносеологический статус, механизмы реализации и роль в познании [Текст] : монография / И. В. Сибиряков. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусства, 2006. – 129 с.
7. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём [Текст] // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. / Дж. Лакофф, М. Джонсон, Сост. Н.Д. Арутюнова. – М. : Прогресс, 1990. – С. 236-251.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗАПАХА В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ ПАРФЮМЕРНОЙ ПРОДУКЦИИ (на материале французского языка)

И.А. Котенева

Белгородский государственный университет

This article deals with research of nominotypical ways using in French advertising discourse for representation of odours in the perfume compound.

Изучение языкового отражения искусственно созданных запахов является актуальным как для раскрытия проблемы концептуального освоения чувственно воспринимаемых феноменов, как результата особой, первичной ступени познания мира, так и для понимания номинативных процессов, имеющих место при вербализации обонятельного стимула в рекламном дискурсе и выступающих в качестве источников развития данной языковой области.

Исследование средств и способов передачи информации об искусственном запахе в рекламном тексте показывает, что многосоставность, как необходимое свойство созданного аромата, предполагает использование в языке средств обозначения особенностей соединения элементарных запахов в одно целое.

Специфика структурирования ингредиентов запаха заключается в представленности двух видов отношений между ними, для каждой из которых имеются особые способы номинации. С помощью денотативных компонентов ольфакторных (лат. *olfactivus*: запах, обоняние) словосочетаний обозначается родо-видовая структура парфюмерной композиции. Для выражения иерархической структуры компонентов, отражающей интенсивность их перцептивных свойств, используется особая профессиональная терминология.

Средством вербализации различных принципов категориального освоения запаха как природного знака-индекса являются субстантивные ольфакторные словосочетания, выражающие предметный характер

обонятельного стимула. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что субстантивные словосочетания французского языка с артиклем перед зависимым членом фиксируют способ категоризации запаха, при котором происходит процесс первичной концептуализации пахнущей субстанции относительно предмета-источника (*la senteur du lilas – аромат сирени*). Процесс абстрагирования пахнущего вещества от своего конкретного источника отражается с помощью словосочетаний без артикля перед предметным наименованием, а также при помощи сочетания существительного с семей «запах» и относительного прилагательного (*l'odeur de la fleur, l'odeur florale – цветочный запах*). На уровне именно таких словосочетаний формируется представление о запахе как об отдельной сущности, отличающейся набором собственных признаков, то есть, характеризуемой относительно обобщенной предметности.

Итак, в рекламном сообщении о запахе художник-парфюмер обращается в первую очередь к названиям ольфакторных источников, в результате многосоставный запах репрезентируется не как простое сложение элементарных запахов, а как определенная система компонентов.

“*Cléa, c'est une harmonie de senteurs boisées, florales, charnelles. Un délicat équilibre où se marient la préciosité du santal et du vétiver, la sensualité de l'ambre gris, le romantisme du jasmin et de la rose, l'exotisme de la vanille et des épices*” (Yves Rocher) [LVB, 1982]. В данном примере для перечисленных ольфакторных источников *santal, vétiver, l'ambre gris, jasmin, rose* выбраны три обобщающих наименования. Это прилагательные относительной семантики (*boisées, florales, charnelles*), выражающие родовую соотнесенность ингредиентов запаха. Следовательно, можно сказать, что классификация запахов парфюмерной композиции строится на основе родо-видовых отношений между их предметами-источниками. Элементарные запахи объединяются в родовые группы, с помощью которых классифицируется вся ольфакторная композиция. Так, в структуре искусственного запаха может выделяться целый ряд ольфакторных классификаций, состоящих из видовых запахов.

“*Retrouvez dans cette eau de toilette toute la fraîcheur vivifiante des agrumes (citron, mandarine) jaillissant d'une écume aux senteurs épicées (muscade, coriandre) et boisées (santal, mousse de chaîne)*” – “Trimaran” (Yves Rocher) [LVB, 2001]. В этом тексте при описании туалетной воды “Trimaran” выделено три родовых наименования (*agrumes, épicées, boisées*), в состав каждого из которых входят видовые компоненты. Для запаха цитрусовых – это лимон и мандарин (*citron, mandarine*), для пряного – мускатный орех и кориандр (*muscade, coriandre*), в лесном запахе выделяются сандал и дубовый мох (*santal, mousse de chaîne*). В приведенном примере наблюдается также структурирование отношений и между родо-видовыми классификациями, отражающее перцептивные свойства ольфакторной композиции, точнее выделенность ее элементов. Иными словами, авторы рекламного текста стремятся выразить замысел парфюмера, создающего гармоничное сочетание ароматов. В процессе восприятия в парфюмерной композиции выделяются

наиболее яркие, инвариантные элементы, а остальные служат как бы их “фоном”. То есть, каждый из элементов композиции занимает определенное место в ольфакторной гамме по причине своей пороговой концентрации, определенной парфюмером. В случае рекламы туалетной воды “Trimaran” выражением такой структуры является метафорический оборот “*jaillissant d'une écume*”. Благодаря использованию данной метафоры запах цитрусовых (*agrumes*) отражает выделенность этого компонента на фоне пряного и лесного запахов (*épicées, boisées*). Основанием всей композиции, таким образом, является запах пряностей и леса. Именно по этим компонентам запах туалетной воды относится к разряду “пряно-лесных”, о чем говорится в рекламном лозунге, предшествующем основному тексту: “*Un frisson épicé-boisé du grand large*”.

В другом примере восприятие композиции предполагает выделение одного элементарного запаха на фоне двух запахов родового порядка: “*Eau de Vétiver affirmera sa personnalité. Cette nouvelle eau de toilette d'Yves Rocher possède la fraîcheur éclatante que tout homme recherche quand un parfum touche sa peau. Une sensation forte. Mais, à cet instant cette fraîcheur se teinte de distinction. Puis la puissance, la richesse du Vétiver apparaissent sur un fond boisé, musqué. C'est un parfum d'homme*” (Yves Rocher) [LVB, 1982]. Наиболее ярким элементом парфюмерной композиции выступает запах ветивера (*vétiver*), в тексте рекламы сообщается о том, что он является значимым по отношению к своей основе – лесному и мускусному запахам (*boisé, musqué*).

Изучение процесса репрезентации запахов в рекламных текстах приводит к выводу о том, что в сообщении об искусственно созданном обонятельном стимуле включается информация, как о классификации запахов в составе парфюмерной композиции, так и об их соотношении в составе этой композиции. Первый принцип структурирования – это организация родо-видовых отношений между ольфакторными источниками, репрезентируемая в языке с помощью сочетаемостных особенностей номинаций запаха. Вторая структура основана на объективации иерархической зависимости ингредиентов композиции. Эти отношения условно можно назвать “фоновые – выделенные” компоненты запаха, обозначаемые в языке рекламы с помощью особой терминологией.

Как мы видим, номинация запаха в рекламных текстах парфюмерной продукции представляет собой сообщение о составе композиции, информацию о которой реципиент получает в виде “расшифровки” классов источников искусственно полученного запаха и иерархической организации компонентов запаха в составе композиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. LVB. Le livre Vert de la Beauté [Text]. – 1982.
2. LVB. Le livre Vert de la Beauté [Text]. – 2001.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

(на материале паремиологического фонда немецкого языка)

Н.Ю. Кузнецова

Челябинский государственный университет

The article runs about the concept of “crime” as a frame consisting of slots “kinds of crimes” such as theft, fraud, murder etc. The analysis of this frame is carried out using materials of German legal paremii.

Для любого общества характерна строгая регламентированность уклада жизни, будь то социальные отношения внутри коллектива, отношения между полами, отношения к материальным ценностям, животным, растениям и т.д. Кроме того, как отмечает С.М. Толстая [Толстая, 2000, с. 373], существуют еще две нормативные системы, имеющие более жесткую форму. Это религия (и все религиозные регламентации жизни) и обычное право, регулирующее в основном отношения собственности и охраняющее право человека на жизнь. Каждая из этих нормативных систем исходит из своего представления о норме, о нарушении нормы (т.е. преступлении) и о наказании за преступление (искуплении греха).

Человеческая история имеет массу примеров проступков и тяжких преступлений, начиная с Библейского примера Евы, ослушавшейся Господа, вкусившей запретный плод и таким образом совершившей первое нарушение закона. Видимо, желание обойти, преступить закон является неотъемлемой чертой человека. В данной статье мы рассмотрим только один правовой аспект нарушения нормы, – преступление, а конкретнее, концепт «преступление» на материале немецкого паремиологического фонда.

С точки зрения этимологии глагол *verbrechen* (*ahd. firbrehhan, germ. farbrekan*) произошел от глагола *brechen* (*mhd. brechen, ahd. brehhan, got. brikan*) и первоначально связывался со значением «ломать, разбивать, разрывать, уничтожать», что, как мы видим, несет в себе семантику разрушения.

Таким образом, преступник в немецком понимании не просто «преступает черту, предел», но он своими действиями «ломает» устой общества, «разрушает» систему норм и правил, принятых в данном социуме.

Что касается немецкого пословичного фонда, то пословиц с компонентом *Verbrechen* (преступление) нами было выявлено всего две: *Je größer das Verbrechen, je weniger glaubt man daran* (Чем больше преступление, тем меньше в него верят), *Wie das Verbrechen, so die Strafe* (Каково преступление, таково и наказание). Остальные пословицы классифицируются в зависимости от вида совершенного правонарушения. Прежде чем приступить к их рассмотрению, дадим юридическую дефиницию понятию «преступление».

Итак, «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания»

[УК РФ, 1996]. В Уголовном кодексе различают следующие виды преступлений:

- преступления против жизни и здоровья (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и т.д.);
- против свободы, чести и достоинства личности (клевета, оскорбление, похищение и т.д.);
- преступления против собственности (кража, мошенничество, грабеж, разбой, причинение имущественного ущерба путем обмана и т.д.);
- преступления против государственной власти и др..

Таким образом, концепт «преступление» мы можем представить в виде фрейма, состоящего из слотов «виды преступлений». Наш материал позволяет выделить нам следующие слоты: *Stehlen* (кража), *Betrug* (обман), *Raub* (разбой), *Mord* (убийство), *Verleumdung* (клевета), *Bestechung* (взятничество). Если судить по количественным показателям, то наиболее ярко представлены в пословичном фонде немецкого языка слоты *обман* и *кража (воровство)*.

Пословиц с компонентом *stehlen* (красть) и *Dieb* (вор) было найдено 66 единиц, пословиц с компонентом *betrügen, Betrug* (обманывать, обман) – 43 единицы. Остальные слоты представлены меньшим количеством пословиц. Так, слот с семантикой «убийство» насчитывает 19 единиц, «взятничество» – 22 паремии, «клевета» – 3 паремии, «грабеж» – 2 пословицы. Эти показатели позволяют сделать вывод о том, что кража и обман были наиболее распространенными видами преступлений.

Кроме того, по нашему мнению, можно говорить о «социальной значимости» данных видов преступлений. В Средневековый период преступления против собственности были более значимы, чем преступления против личности. За кражу чужого, особенно господского, имущества человека могли лишить жизни, а за совершенное убийство была возможность откупиться.

Рассмотрим подробнее пословично-поговорочный состав выделенных нами слотов.

1. *Stehlen* – воровать, красть.

Из пословиц, которые составляют данный слот, можно выделить несколько синонимических рядов.

Так, пословицы, в которых действующими лицами являются вор и его соучастники (скупщик краденого и организатор): *Finden und verhehlen ist so gut wie stehlen; Hehlen ist so schlimm wie stehlen; Der Hehler ist so gut wie Stehler; Es ist eins, wenn der eine stiehlt und der andere den Sack aufhält; Stehler, Hehler und Befehler sind drei Diebe* ; (ср. Русская пословица *Утайщик – тот же вор. Не тот вор, кто украл, а тот, кто принимал; Вору потакать, что самому воровать*) отражают отношение к ворам и к людям, которые укрывают краденое.

Таким образом, в этих пословицах эксплицируется мысль о том, что тот, кто покупает краденое, прячет у себя воров, укрывая их от преследования закона, кто извлекает такую же пользу из воровства, как и

вор, подлежит такому же наказанию. Укрывательство, которое первоначально рассматривалось законом как соучастие, стало рассматриваться затем как собственно преступление.

В следующем синонимическом ряду основным компонентом является лексема *Dieb* (вор):

Kleine Diebe hängt man, große lässt man laufen;

Kleine Diebe hängt man ins Feld, die großen ins Geld;

Kleine Diebe hängt man an den Galgen, die großen an goldene

Ketten; Man henket keinen Dieb, der sich vom Galgen kaufen kann.

Основную мысль всех этих пословиц можно выразить с помощью русского эквивалента: *Что ворам с рук сходит, за то ворюшек бьют.*

В основе этих пословиц лежит закон, действовавший в Средние века. Тогда была распространена возможность замены наказания денежным выкупом. Разумеется, что пользовались этой возможностью только состоятельные люди, т.е. действовало правило «бедный висит, богатый платит» [Kaib, 1992, с. 33]. Однако в соответствии с законами того времени это не считалось нарушением права, так как «в обоих случаях мир был восстановлен», т.е. виновный был так или иначе наказан.

Пословицы *Jeder stiehlt auf seinen Hals (Каждый скребет на свой хребет) – Auch ein kluger Dieb wird einmal gefangen* (Даже умный вор когда-нибудь попадет) – *Mit gestohlen, mit gehängt* (Вместе воровали, вместе были повешены) отражают веру в то, что зло должно быть рано или поздно наказано, что за злые дела когда-то воздастся по заслугам. В русском языке эту мысль выражает пословица: *Сколько веревку не вить, а концу быть.*

2. *Betrug* – обман.

Как уже было сказано выше, слот со значением «обман» насчитывает 43 немецких пословицы и занимает по количественному показателю второе место в данном фрейме.

В Средневековье обман (мошенничество) считался серьезным преступлением. Состав преступления отличался от того, что мы сейчас понимаем под этим понятием. До 19 века основными видами мошенничества были изготовление фальшивых документов, денег, обвешивание, юридические правонарушения.

Характерной чертой этих преступлений являлась их предварительная подготовленность. Мошенничеству в сегодняшнем понимании соответствует, кроме того, такой состав преступления, как фальсификация товаров, нечестность при купле-продаже и передаче в залог, мошенничество в азартных играх [Kaib, 1992, с. 21].

Проанализированные нами пословицы не отражают виды мошенничества, но в них достаточно четко проявляется отношение говорящего к данному виду преступления.

Существует ряд пословиц, отражающих недолговечность и наказуемость обмана: *Betrug hat kurzen Flug* (У обмана короткий полет); *Wer in Betrug lebt, stirbt in Armut* (Кто живет в обмане, умрет в нищете); *Betrügen macht kurz Vergnügen* (Обман доставляет короткое

удовольствие); *Wer einen betrügt, der macht einen Sack, darin er sich selbst fangen wird* (Кто обманывает, тот себя самого поймает в мешок). Во всех перечисленных пословицах достаточно четко выражено отрицательное отношение к обману, уверенность в том, что мошенничество до добра не доводит и даже если приносит удовольствие и богатство, то на короткое время (ср. русск. Обманом много не наторгуешь).

В пословицах *Sobald Gesetz ersonnen, wird Betrug begonnen; Neuen Gesetzen folgt auf der Ferse neuer Betrug* отражается мнение народа о несовершенстве законодательной системы, т.к. всегда найдутся средства и пути, как обойти запреты и законы с помощью обмана.

3. *Mord* – убийство

Понятие «убийство» в своем первоначальном значении «тайное умерщвление» относится к древнейшему пласту германского правосудия. В старонемецком праве основным различием между обычным убийством (*Totschlag*) и убийством с отягчающими обстоятельствами (*Mord*) было то, что последнее происходило тайно и было заранее запланировано, и за его совершение преступник получал более суровое наказание. Жертва, как правило, была застигнута врасплох и не могла защититься. Если же кто-то убивал своего противника в открытой борьбе, то это не считалось убийством, т.к. оба противника были подготовлены к открытому нападению и могли должным образом оказывать сопротивление. Сегодня убийством с отягчающими обстоятельствами считается преднамеренное убийство [Schmidt-Wiegand, 1996, с. 243].

Нужно заметить, что для обозначения этого преступления существует довольно много идиом, например *j-n kalt machen, j-n auf die Seite bringen, j-m den Kragen herumdrehen, j-m das Leben stehlen* и др.

Но гораздо меньше пословиц, где лексемы «убийство», «убивать» употреблялись бы в своем прямом значении. Нами было выявлено всего 5 пословиц, которые имеют в своем составе компонент «*Mord*», «*Totschlag*» в прямом значении: *Es bleibt kein Mord verschwiegen* (Ни одно убийство нельзя скрыть), *Den Mord muss man mit Mord gelten* (Убийство за убийство), *Ein Notschlag ist kein Totschlag* (Вынужденное убийство убийством не считается).

Образ убийцы, у которого «руки по локоть в крови» содержат в себе паремии: *Blut klebt an den Händen; Die Hände sind mit Blut befleckt; Wer die Hand in Blut wäscht, muss sie in Tränen baden*.

В остальных пословицах и поговорках лексема «убивать» употребляется в переносном значении. Так, например, пословица *Schuld tötet den Mann* (Вина убивает человека) выражает мысль о том, что муки совести могут погубить виноватого, настолько тяжело их выносить. А из пословицы *Mit Worten totschiagen ist auch gemordet* (Убить можно и словом) становится ясно, какую разрушительную силу может иметь злое или несправедливое слово. С ней перекликается пословица *Das Gerücht tötet den Mann* (Слухи могут убить человека). Использование переносного значения позволяет ярко и живо представить себе ситуацию, когда человек чувствует

себя «убитым», т.е. морально настолько плохо, и ему кажется, что он действительно физически погибает.

Таким образом, проанализировав фрейм «преступление» и его реализацию в паремиологическом фонде немецкого языка, можно сделать вывод, что наиболее представительным количественно является слот «воровство», что говорит о наибольшей социальной значимости этого вида преступления. Все виды преступлений сопровождаются в немецких паремиях крайне негативным отношением народа к этим явлениям, за исключением пословиц, авторы которых принадлежат к социальным группам, совершающим преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая, С.М. Преступление и наказание в свете мифологии [Текст] / С.М. Толстая // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 373 – 379.
2. Kaib, H. Rechtssprichwörter und sprichwörtliche Redensarten mit rechtlichem Inhalt. Rothenburg ob der Tauber 1992.
3. Schmidt-Wiegand R. Deutsche Rechtsregeln und Rechtssprichwörter : ein Lexikon. München, 1996.

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ В СИСТЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ И КОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

(на примере романа Б. Виана «Пена дней»)

Е.И. Курячая

Омский государственный университет

This article presents the methods of individual conceptual models representation in the system of codes (semantic and linguistic) of literary text (in the example of B. Vian's novel «Froth on the Daydream»). This concept makes it possible to determinate the most representative means of cognitive dominant's verbalisation and to estimate the completeness of it's representation in translated texts.

Анализ игровых текстов, которые превращаются в поле индивидуальных лингвистических экспериментов автора, всегда представляет определенную сложность с точки зрения комплексной оценки роли языковой игры как смыслообразующего фактора. В данной статье предлагается схема анализа отдельно взятого произведения (романа Б. Виана «Пена дней»), репрезентирующая взаимосвязь и взаимозависимость концептуальных моделей и кодов художественного текста.

Главной чертой творчества Б. Виана является планомерное создание «языка – универсума» – самостоятельного мира языка, формирующего новую фантастическую реальность, поэтому «мир Б.Виана полностью основан на языке, который и определяет его особенности» [Vens, 1976, с. 130]. Основной характеристикой проецирования иного мира в романе является лингвистический эксперимент, нарушение литературной нормы и разноуровневая языковая игра как основа, суть, ядро иной реальности. Все

языковые единицы, сознательно трансформируемые Б. Вианом или используемые им в непривычных сочетаниях и функциях, взаимодействуя между собой, создают масштабное игровое пространство.

Принимая во внимание, что языковые элементы важны для произведений не только на уровне нормы, но и на уровне содержания [Buffard-O'Shea, 1993, с. 7], а Б. Виан производит сознательное моделирование новой реальности через разрушение кодифицированной языковой системы, сделаем вывод, что специфические черты и законы этой реальности репрезентируют особенности системы мировосприятия автора.

Ключевой идеей является убеждение Б. Виана в том, что человек вынужден существовать в мире шаблонов, в определенной оболочке готовых идей, правил и стереотипов. Воплощением этой оболочки у Б. Виана становится языковая система с ее жесткими правилами, рамками, клише. Восприятие языка как одной из форм воплощения нивелирующей системы формирует внутреннюю установку автора на сознательное разрушение стандартов в жизни вообще и в литературе в частности (через моделирование игрового текстового пространства путем разрушения или трансформации уже существующих языковых единиц и правил и создания новых), которую мы определяем как его когнитивную доминанту. Это понятие является базовым для составления развернутой схемы исследования романа.

Когнитивная доминанта идиостиля писателя – это ментальная установка, представленная комплексом доминантных смыслов, которые могут образовывать концептуальные модели, транслирующие систему мировоззрения автора и определяющие композиционную, стилистическую и прагматическую организацию художественного текста. Когнитивная доминанта репрезентируется системой кодов и субкодов художественного текста (в нашем исследовании – система кодов по Н.С. Болотновой) [Лингвосмысловой анализ, 2003, с. 133].

Особенность доминантных смыслов в романе Б. Виана, выражающих «мнение и знание автора о реалиях действительности» [Малышева, 1997, с. 16], состоит в том, что они представлены во всех содержательных, структурных и языковых слоях романа, т.е. в системе его художественных кодов, в виде индивидуально-авторских концептуальных моделей. В «Пене дней» это семь основных моделей: **жизнь-шаблон, жизнь-мозаика, предметный мир – разрушительная сила, человек – кукла, ценности – фальшь, смерть – обыденность, смерть – закономерность.**

Мы рассматриваем специфику трансляции этих моделей в смысловом и языковом кодах (и субкодах). В схему исследования данного романа включаются только наиболее репрезентативные с точки зрения реализации когнитивной доминанты субкоды: 1) образно-культурологический; 2) сюжетно-композиционный; 3) эстетический. Эстетический субкод не имеет собственных средств выражения, но содержит те дополнительные эстетические коннотации, которые надстраиваются над всеми остальными субкодами, поэтому он объединяет, вбирает в себя образно-культурологический и сюжетно-композиционные коды. Таким образом,

развернутая схема проводимого нами исследования может быть представлена в следующем виде:

Схема 1.

КОГНИТИВНАЯ ДОМИНАНТА - Разрушение стандарта

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ (ДОМИНАНТНЫЕ СМЫСЛЫ)	СИСТЕМА КОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	
СМЫСЛОВОЙ КОД		
	СУБКОДЫ	
1) Жизнь – шаблон		с у б к о д ч е с к и й
пародия литературных стилей, жанров, мотивов (стиль Б.Виана – коллаж из чужих стилей и образов), интертекстуальность, метастиль Б. Виана;	образно-культурологический	
композиция романа (зеркальность частей с искажением, противопоставление 1 и 2 частей);	сюжетно-композиционный	
2) Жизнь – мозаика		
разрушение единообразия предметного мира – фантастичность мира (изобретения, предметы быта, блюда, одежда, природа: через окказионализмы, нестандартные эпитеты и метафоры);	образно-культурологический	
3) Предметный мир – разрушительная сила		
изменение функций и особенностей предметов (оживление предметов и их агрессия против человека);	образно-культурологический	
искажение временных и пространственных характеристик (ускорение времени, сужение пространства);	сюжетно-композиционный	
4) Человек – кукла		
нивелирование физического и духовного своеобразия персонажей (отсутствие физического портрета, сведений о прошлом, семье, возрасте, социальном статусе);	образно-культурологический	
нивелирование речи героев (клише, штампы, простые формулировки, бедность речи);	образно-культурологический	
5) Ценности – фальшь (Церковь)		

искажение ритуалов (свадебная и похоронная церемонии: поведение священнослужителей, музыкальное (барабаны, флейта, маракасы, контрабас) и танцевальное (чечетка, балет, хоровод) сопровождение церемоний, порядок проведения);	образно-культурологический
символическое значение цвета (основные цвета одежды священнослужителей, церковной утвари и помещения: желтый и фиолетовый и их двойственное значение);	образно-культурологический
разрушение традиционного образа Христа (оживление Христа на распятии, неприемлемое поведение: зевает, скучает, цедит сквозь зубы);	образно-культурологический
6) Смерть – обыденность	
разрушение традиционной модели поведения в случае смерти (обыденное отношение к смерти – сцены смерти//убийства и реакция персонажей: каток (Колен убивает гардеробщика), ресторан (Ализа вырывает сердце Партра), квартира (жандармы расправляются с Шиком), смерть дирижера в церкви);	образно-культурологический
7) Смерть – закономерность (как символ неизбежного разрушения идиллического мира ребенка при вступлении в мир взрослых)	
структура, композиция романа (зеркальность частей с искажением, противопоставление 1 и 2 частей);	сюжетно-композиционный
ЯЗЫКОВОЙ КОД	
Языковая игра	
Окказионализмы	Фразеологическая игра

Рассматривая текст как бесконечное игровое пространство, Б. Виан стремится донести свои идеи через многогранную игру, реализующуюся в системе кодов художественного текста. Языковой код является основой интерпретации текста, поскольку именно специфика выбора, формы, последовательности языковых единиц формирует смысловой код и транслирует когнитивную доминанту. Данное утверждение обосновывается представленной схемой анализа и открывает широкие перспективы для разработки новых критериев оценки качества / полноты / адекватности вариантов перевода оригинального игрового текста. Объясним:

Языковой код в схеме сознательно ограничивается двумя видами языковой деятельности, поскольку именно в них наиболее полно проявляется диалектика разрушения/созидания (разрушение шаблонов в языке и в жизни / формирование новой реальности) как неотъемлемая составляющая процесса

отклонения от стандарта (а это и есть когнитивная доминанта). Соответственно, анализ наиболее репрезентативных средств вербализации когнитивной доминанты (в данном случае – создание окказионализмов и обыгрывание фразеологизмов) позволит определить полноту ее реализации в тексте перевода, что и станет критерием оценки его качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвосмысловой анализ художественного текста [Текст] : Материалы VI регионального научно-практического семинара / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск : Томский гос. пед. ун-т, 2003.
2. Малышева, Е.Г. Идиостиль Владислава Ходасевича (опыт когнитивно-языкового анализа) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Малышева. – Омск, 1997.
3. Bens, J. B.Vian [Text] / J. Bens. – Paris : Bordas, 1976.
4. Buffard-O'Shea, N. Le Monde de B.Vian et le grotesque litteraire [Text] / N. Buffard-O'Shea. – New York: Series II, Romance Languages and Literature, American university studies, 1993.

ИЕРАРХИЧЕСКИ – ПОЛЕВАЯ ПРИРОДА КОНЦЕПТОСФЕРЫ. КОНЦЕПТЫ И МАКРОКОНЦЕПТЫ

О.Н. Кушнир

Академия государственной службы и управления (Республика Коми)

The definition of a concept as perceptive-cognitive-emotive consciousness phenomenon was given in the article. Hierarchy level of concepts including macroconcepts connected with fundamental cultural phenomena were concerned.

Все гуманитарное (в значительной мере и негуманитарное) научное знание – это знание именно о концептах, рассматриваемых в типичном случае не в их целостности, а в их частичности (как понятия, категории, образы, фреймы и т.п.), поскольку именно в систему концептов отливается у человека образ мира и себя-в-мире.

Определение концепта как перцептивно-когнитивно-аффективного феномена (см. об этом: [Кушнир, 2009, с. 164-165]) предполагает, что человеческое «я» (личность), концепт и словесный знак находятся в отношениях изоморфности, соединяет базовые лингвистические и психолингвистические представления о семантической структуре как слова, так и любой другой языковой единицы – от морфемы до целого текста.

В качестве основных средств вербализации («языкового опредмечивания») концептов в текстах различного типа выступают разные языковые единицы: так, если в философской прозе это по преимуществу сигнификативы (*сущность* и *явление*, *содержание* и *форма*), то в устной и письменной деловой речи – денотативы (*протокол* и *договор*, *корпоративная вечеринка* и *переговоры*), а в лирической поэзии – эмотивы (*любовь* и *ревность*, *надежда* и *радость*). Соответственно, изучение различных сфер бытования языка основывается на преимущественном внимании к какому-либо одному классу языковых средств, что, разумеется, не исключает обращение к любым другим языковым единицам, выступающим как основа

для исследовательских процедур, названных Б.М. Гаспаровым «мотивным анализом смысловой плазмы», суть которого в том, что «...каждый компонент, так или иначе, прямо либо в силу ассоциативных сопряжений попавший в орбиту смыслообразующей работы мысли, не остается равным самому себе – тем своим свойствам, которые могут у него проявиться вне именно этого, в данную минуту и в данных условиях происходящего процесса. Соответственно, предметом анализа должен быть не сам этот компонент как таковой, но его преобразование в качестве мотива, неотъемлемо принадлежащего данному сообщению, имеющего смысл лишь в тех неповторимых сплавлениях с другими мотивами, которые возникают в данном сообщении в процессе его осмысливания» [Гаспаров, 1996, с. 336].

Таким образом, концепт – явление холистическое, в концептах фиксируются образно-понятийно-эмоциональные структуры сознания, составляющие основу картины мира, выступающие в роли мировоззренческого фундамента и регуляторов человеческого поведения и в этом качестве органично входящие в понятийно-терминологический ряд *архетип – концепт – миф – образ – символ*, который тесно связан с понятием «языковые значения»: общекатегориальные и частнокатегориальные, лексические, словообразовательные и др. Концепт – сгусток самых разных значений и смыслов – вроде макромолекулы белка, включающей самые различные элементы. И не только смыслов, но и опирающихся на эти смыслы социальных и индивидуальных стереотипов поведения, одежды, питания – в конечном счете всего, что составляет образ жизни, стиль мышления, своеобразие эмоциональных реакций и состояний. Слова – лишь средство вербализации, языкового опредмечивания концептов, наряду с одеждой и макияжем, интерьером и музыкой, архитектурой и танцем. Любая семиотическая система – это система средств опредмечивания концептов как «черных ящиков» сознания, о содержании которых мы можем судить лишь по косвенным данным, по результатам культурно-семиотического опредмечивания, поскольку напрямую в содержание сознания не заглянешь.

По онтологическому статусу концепты – феномены не столько языкового сознания, сколько «сознания в целом», их природа холистична – в соответствии с греческой этимологией этого термина (*holos* ‘весь, целый’), их развитие определяется «фактором целостности». «Ядерная» концептуальная семантика объединяет в пределах одного концептуального поля самые разнородные языковые единицы. Многообразие частных значений и смыслов, в которых может выступать концепт, приводит исследователей к необходимости различать концепты разного уровня обобщенности (подобно тому как различаются, например, семантическое поле и лексико-семантическая группа в лексикологии или обще- и частнокатегориальные значения в морфологии). Так, Ю.С. Степанов различает концепты и *константы* как «базовые концепты» [Степанов, 2001, с. 84], другие исследователи используют понятия и термины *макроконцепт* [Димитренко, 2005], *метаконцепт* [Белозерова, 2007; Слышкин, 2004], *суперконцепт* [Евтушенко, 2007], *лингвокультурная доминанта* как «система

особых концептов, которые раскрывают ценностные приоритеты соответствующей культуры» [Свицова, 2005, с. 4], – понятия, акцентирующие иерархическую, полевую природу концептосферы как системы лингвоконцептуальных полей (а не просто «набора концептов»). Во многих работах, где рассматриваются такие масштабные лингвокультурные феномены, как «чужой» [Судакова, 2005], менеджмент [Клименко, 2004], труд [Токарев, 2003], допускающие значительное число разнообразных частных «прочтений», также речь идет фактически о *макроконцептах*, хотя авторы этот термин не используют.

Из представления о полевой организации концептосферы следует необходимость, во-первых, различать ядро и периферию; во-вторых рассматривать концепты не изолированно, а в их взаимосвязях, а именно: в отношениях частичного наложения (пересечения), включения и взаимной изоляции.

Иерархическая природа концептосферы очевидна, однако до тех пор, пока в лингвоконцептологии нет даже простого перечня концептов, ставить вопрос об их иерархическом упорядочении, о «тезаурусе концептов», разумеется, преждевременно. Можно лишь в общетеоретическом плане наметить возможные уровни такой иерархизации.

На наш взгляд, для формулировки исходной гипотезы об уровнях иерархии концептов достаточно опираться на освященную системой языка и научной традицией то разграничение по линии «общее – частное», которое фиксировано в заимствованных древнегреческих элементах *макро-* (от *takros* ‘длинный, большой’), *мезо-* (от *mesos* ‘средний, промежуточный’) и *микро-* (от *mikros* ‘малый’). Таким образом, по степени обобщенности получаем: *макроконцепты* – *мезоконцепты* – *концепты* – «микроконцепты» (семантические доминанты).

Верхний уровень иерархии фиксируется термином *макроконцепт*, понимаемым как совокупность строящихся на едином семантическом основании, но относительно автономных концептов. Очевидно, что если верхний уровень иерархии включает самые различные языковые единицы и включающие их репрезентативные (прецедентные) тексты, то нижний уровень иерархии соответствует отдельному тексту, в семантической основе которого – «микроконцепт», или, по характеристике Я. Мукаржовского, *семантическая доминанта*, выражающая некий глубинный смысл – «тот компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов» [Пражский лингвистический кружок, 1967, с. 411]. Этот компонент может отчетливо прочитываться уже в заглавии (например, название романа К. Симонова «Живые и мертвые» можно интерпретировать как доминанту «выжить/победить»), но может выявляться лишь в ходе целенаправленной реконструкции на основе специально выстроенного исследователем интерпретационного аппарата, как, напр., в работах В.П. Белянина, построившего психолингвистическую типологию художественных текстов по эмоционально-смысловым

доминантам «светлые», «темные», «печальные», «веселые», «красивые», «сложные» [Белянин, 2000].

Следуя этой «прямолинейно-количественной» логике, естественно предположить: если макроконцепты связаны с фундаментальными явлениями культуры, а микроконцепты с отдельными текстами, то «мезоконцепты» содержательно объединяют некоторую группу текстов.

Какие явления культуры следует квалифицировать как фундаментальные и считать их наиболее емкими объектами лингвоконцептологии, можно определять, либо исходя из компетентностных предпочтений (как в приведенных выше примерах *Чужой*, *Менеджмент*, *Труд*), т.е. субъективно-произвольно, либо опираясь на объективные данные, полученные как в филологии, так и в других сферах гуманитарного знания и практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакач, Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / Н. Б. Бакач. – Волгоград, 1998. – 139 с.
2. Белозерова, Е.В. Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Белозерова. – Волгоград, 2007. – 17 с.
3. Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) [Текст] : монография / В. П. Белянин. – М. : Тривола, 2000. – 248 с.
4. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. [Текст] : монография / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
5. Димитренко, Л.Ю. Макроконцепт «Mouvement» во французской языковой картине мира: Структура и лексическая объективация [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Л.Ю. Димитренко. – Воронеж, 2005. – 221 с.
6. Евтушенко, О.В. К вопросу о структуре концепта (на основании сопоставления суперконцептов «Россия» и «Любовь») [Текст] / О. В. Евтушенко // Русский язык : Исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка : труды и материалы. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 486-487.
7. Клименко, Е. О. Концепт «менеджмент» в американской и русской лингвокультурах [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Клименко. – Волгоград, 2004. – 16 с.
8. Кушнир, О.Н. О задачах динамической лингвоконцептографии [Текст] / О.Н. Кушнир // Семантика языка и текста : Материалы X международной научной конференции. – Ивано-Франковск : Изд-во Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника, 2009. – С. 162-164.
9. Пражский лингвистический кружок [Текст] : сб. статей. – М. : Прогресс, 1967. – 558 с.

10. Свицова, А.А. Лингвокультурная доминанта «Дом – Родина – Чужбина» в русских и английских пословицах [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Свицова. – Ижевск, 2005. – 20 с.
11. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 323 с.
12. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е. [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
13. Судакова, В.В. Концептуализация «чужого» в языковой картине мира [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Судакова. – М., 2005. – 207 с.
14. Токарев, Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Г. В. Токарев. – Волгоград, 2003. – 402 с.

ИЗУЧЕНИЕ ОППОЗИТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ПОСРЕДСТВОМ МЕТОДА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Т.В. Лаврентьева

Орский гуманитарно-технологический институт

In article the technique of the conceptual analysis used for revealing and the description of language units, creating a conceptual field of the opposition is described.

Объектом концептуального анализа являются смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами и даже целыми произведениями. Структура и содержание различных концептов (концептуальные характеристики) выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты.

В наши дни концептуальный анализ активно используется преимущественно в лексике и фразеологии. В области лингвистического анализа текста он находится на стадии разработки. Следует отметить, что уже есть образцы концептуального анализа отдельных слов текста или совокупности небольших текстов (пословиц, поговорок) – у И.Д. Гажевой, В.А. Лукина, З.Д. Мирошниковой, Е.В. Севрюгиной, Л.О. Чернейко и Хо Сон Тэ. Также имеются работы, где концептуальный анализ является одним из этапов лингвистического анализа текста (Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казаринов), но пока еще нет последовательной модели концептуального анализа целого текста, хотя имеются серьезные наблюдения и убедительно доказанные теоретические положения, которые позволяют ставить проблему концептуального анализа художественного текста.

Концептуальный анализ направлен на экспликацию логических свойств той идеальной модели, относительно которой производится квалификация объекта; это – содержательный итог изучения прагматики их функционирования.

К настоящему времени исследователями разработано несколько методик для описания и изучения концептов: это и теория профилирования,

предложенная Е. Бартминским, и теория вертикальных синтаксических полей, разработанная С.М. Прохоровой, и теория концептуального анализа для выявления глубинных, эксплицитно не выраженных характеристик имени – гештальтов, предложенная Л.О. Чернейко и В.А. Долинским, и теория вертикального контекста О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет.

Описанию когнитивных структур посвящены фреймовая семантика Ч. Филмора, теория метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, сценарии Р. Шенка и Р. Абельсона, фреймы М. Мински, когнитивные прототипы Э. Рош и Дж. Лакоффа, которые лежат в основе языковой категоризации и концептуализации мира. Эти когнитивные модели как раз и можно рассматривать как основной механизм, обеспечивающий обработку и хранение информации о мире в сознании человека.

Ученые по-разному определяют цель концептуального анализа. Ею может быть выявление парадигмы культурно значимых концептов и описание их концептосферы, т.е. тех компонентов, которые составляют ментальное поле концепта [Бабенко, 2003, с. 57], или же обнаружение принципов спонтанного, и, в силу этого, не всегда четкого моделирования языкового материала и доведение их до большей определенности [Арутюнова, 1988, с. 102], а также определение внутренней формы концепта – заключение о духовном значении чего-то посредством материальных проявлений. Иначе говоря, под концептуальным анализом понимаются способы обнаружения концептов и репрезентации их содержания.

Лингвисты отмечают двусмысленность обозначения такого метода исследования. Так, например, С.Е. Никитина говорит о том, что словосочетание «концептуальный анализ» может «обозначать и анализ концептов, и определенный способ исследования, а именно анализ с помощью концептов или анализ, имеющий своими предельными единицами концепты, в отличие, например, от элементарных семантических признаков в компонентном анализе» [Приводится по: Бабенко, 2003, с. 57]. Е.С. Кубрякова отмечает различия и в самой процедуре концептуального анализа, и в арсенале исследовательских приемов, и в результатах исследований. Под концептуальным анализом она понимает «отнюдь не какой-то определенный метод (способ, техника) экспликации концептов» [Кубрякова, 1994, с. 3], потому что достижение одной общей цели может быть осуществлено различными путями, а поиск «тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова, 1991, с. 85].

В связи с тем, что концептуальный анализ охватывает разные приемы изучения многочисленных способов осмысления (концептуализации) мира, представленных в языковых формах и выражениях различного уровня сложности: от отдельной морфемы до целого высказывания и текста, далее мы приводим обзор различных типов концептуального анализа, используемых в современных лингвистических исследованиях.

Сопоставляя процедуры концептуального анализа, используемые в лингвистике текста и в прикладной лингвистике, мы приходим к мысли о

том, что вне зависимости от сферы использования концептуального анализа он обязательно предполагает, во-первых, выявление набора ключевых слов текста; во-вторых, определение базового концепта (концептов) этого пространства; в-третьих, описание обозначаемого ими концептуального пространства.

Нужно заметить, что изученные нами работы выполнены в том русле современной когнитологии, которая отождествляет языковое значение с концептом, понимая под последним комплекс культурно-обусловленных представлений человека о предмете. В соответствии с этим, различия в речевом поведении лексемы признаются релевантными для определения границ соответствующего ей того или иного концепта, и внимание исследователей сосредоточено, прежде всего, на поиске этих различий. При ориентации на двухуровневую модель значения, противопоставляющую концепт значению, отношения между многозначной лексемой, концептом и значением (значениями) обычно определяются несколько по-иному. Предполагается, что многозначной лексеме соответствует единый концепт, с которым на семантическом уровне коррелирует несколько языковых значений. Актуальным здесь становится поиск того когнитивного фактора, который обеспечивает сходство значений и структурное единство концепта.

Покажем предлагаемый нами ход исследования на примере изучения концепта «оппозиция». Вслед за Р.М. Фрумкиной и В.А. Масловой, мы выделяем ядро концепта – это словарные значения лексемы – имени концепта, так как именно толковые словари дают большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. В изучаемом нами концепте «оппозиция» принадлежащие ядру лексические единицы и конструкции рассматриваются через призму четырех типов отношений – контрарности, контрадикторности, конверсивности и контрастивности. Кроме того, нами рассматриваются связи, на основании которых организовано концептуальное пространство оппозиции.

Процесс установления смыслового объема и структурной организации концептуального поля включает в себя ряд этапов (соотнесенных с этапами алгоритма Т.В. Гавриловой и В.Ф. Хорошевского):

- 1) определение референтной ситуации, к которой принадлежит концепт, на основе художественного произведения;
- 2) установление места концепта «оппозиция» в научной и языковой картине мира через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям;
- 3) обращение к этимологии имени концепта и учет ее особенностей;
- 4) привлечение к анализу текстов различных писателей;
- 5) выявление моделей организации отношений противоположности;
- 6) установление ассоциативных связей между понятиями (по форме, по содержанию, по форме и содержанию);
- 7) выделение метапонятий (фреймовое представление отношений противоположности);

8) определение типа отношений противоположности (контрарные, контрадикторные, конверсивные, контрастивные) и отнесение оппозитивов к одному из этих типов;

9) анализ установленных отношений в системе концептуального поля оппозитивности;

10) установление связей концептуального поля оппозитивности с другими концептуальными полями (в частности, с концептуальным полем согласия).

В связи с тем, что в концептуальном поле оппозитивности нами рассматриваются только его ядерные элементы, то этап структурирования поля знаний (выделяемый Т.В. Гавриловой и В.Ф. Хорошевским) у нас не представлен. Но у нас анализируются связи изучаемого концептуального поля с противоположным по значению полем.

В итоге концептуальное поле предстает как многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные характеристики, но и характеристики коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст] : учебник; практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 496 с.
3. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4.
4. Кубрякова, Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона [Текст] / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕЙБНИЦА КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ

Л.П. Лобанова

МГУ им. М.В. Ломоносова

The Leibniz's characteristic universalis based upon the combination of characters is an ideal scheme unifying logic and languages aimed to provide a tool to discover the truth and new knowledge.

Мысль Лейбница о языке несет на себе отпечаток его стремления найти в теории познания компромиссную позицию между рационализмом Декарта и эмпиризмом Локка. В картезианской интерпретации языку отводится лишь коммуникативная функция: отрицание когнитивной функции вытекает из последовательного применения дуализма Декарта к теории языка и его положения о существовании врожденных идей, которыми человек располагает независимо от чувственного опыта. Рационализму Декарта противопоставлен сенсуалистский манифест Локка, который выступает против врожденных идей, указывая на важную функцию языка в

формировании понятий. Язык в философии Локка имеет тем самым не только коммуникативную функцию, хотя он и не развивает гипотезу о когнитивной функции языка, его роли в мышлении.

Лейбниц делает решительный шаг в этом направлении. Уже в 1670 г. он пишет в «Предисловии к изданию сочинения Мария Низолия ‘Об истинных принципах и истинном методе философствования против псевдофилософов’», что «всякий мыслительный и волевой акт так тесно сплетен со словами, что вообще едва ли возможен без слов, хотя бы и употребленных молча, про себя, ибо слова являются ближайшим орудием мышления и едва ли не единственным средством передачи наших мыслей» [Лейбниц, 1984, с.80].

В дальнейшем Лейбниц выдвигает общее положение о зависимости мыслительных операций от знаков: «Всякое человеческое рассуждение совершенствуется применением некоторого рода знаков, или характеров» [Лейбниц, 1984, с.501]. Он предлагает дефиницию знака, понимая при этом под характерами графическое изображение знаков: «К числу же знаков я отношу слова, буквы, химические фигуры (*figurae chemicæ*), знаки астрономические, знаки китайского письма, иероглифические, музыкальные ноты, стенографические, арифметические, алгебраические и все другие, которыми мы пользуемся в процессе рассуждения вместо вещей. Написанные же, начертанные или же высеченные знаки называются характерами (*characteres*)» [Лейбниц, 1984, с.501].

Поскольку Лейбниц считал необходимым создание более совершенных знаков как более совершенного средства познания, то назначение его проекта всеобщего искусства обозначения (*ars characteristica*) и состояло в том, чтобы открыть новые возможности для мышления. При этом он проводит четкую границу между своей целью создания всеобщей системы обозначения и более ранними попытками создания универсального языка, подчеркивая, что стремится создать систему знаков, которая, став инструментом мышления, откроет путь к новым знаниям: «И хотя давно уже некоторые выдающиеся мужи выдвинули идею некоего универсального языка, или универсальной характеристики (*characteristica*), посредством которой прекрасно упорядочиваются понятия и все вещи, посредством которой различные нации могут сообщать друг другу свои мысли и с помощью которой то, что написано одним, мог бы каждый читать на своем языке, никто, однако, не попытался создать язык, или характеристику (*characteristica*), в которой непременно содержалось бы искусство открытия и искусство суждения» [Лейбниц, 1984, с.412].

Всеобщая характеристика, к которой стремился Лейбниц, должна была опираться на особую роль в мышлении чисел, являющихся выражением структур универсума, и заключаться в установлении характеристических чисел всех идей. После того, как будут получены характеристические числа для большинства понятий, «род человеческий обретет своего рода новый ‘органон’, который значительно сильнее будет содействовать могуществу духа, чем оптические стекла содействовали силе глаз, и который будет

настолько же превосходнее микроскопов и телескопов, насколько разум выше зрения» [Лейбниц, 1984, с.416].

У Лейбница знаки не подчинены идеям в коммуникативных целях, как у Декарта, но скорее мышление зависит от чувственно воспринимаемых знаков. В небольшом фрагменте «De modis combinandi characteres», относимом к 1688-1699 гг., он пишет: «Все наши рассуждения и умозаключения суть не что иное, как соединение и подстановка знаков» [Leibniz, 2006, S. 922]. Поскольку Лейбниц относил к необходимым для мышления знакам также слова, то он постоянно задавался вопросом о том, как когнитивная функция языка может сочетаться с произвольной природой его знаков, как можно согласовать зависимость мышления от знаков с их произвольностью, не перенося произвольную природу знаков на мышление. В полемике с Гоббсом он пишет в 1677 г. «Диалог о связи между вещами и словами», в котором предпринимает попытку доказательства того, в чем заключена истина – в вещах, в словах или в мыслях.

Лейбниц начинает свое рассуждение с примера, в основе которого лежит известное математическое доказательство, что позволяет утверждать истинность вещи, «даже прежде, чем это доказали геометры или наблюдали люди» [Лейбниц, 1984, с. 404]. Если же предположить, что истина и ложь заключаются в вещах, то из этого следует, что вещи могут быть не только истинными, но также и ложными. В то же время представляется невозможным утверждать ложность вещи, «ложной бывает не вещь, а мысль или высказывание о вещи. Следовательно, ложность есть ложность мыслей, а не вещей» [Лейбниц, 1984, с. 404]. То же самое следует отнести и к истине, поскольку всегда предполагается сомнение относительно того, истинно что-либо или ложно, до тех пор, пока человек в ходе исследования не удостоверится в своем мнении. Это заставляет признать, что «предмет, который способен оказаться истинным и ложным, пока одно из двух не установлено из конкретного существа вопроса, – один и тот же предмет» [Лейбниц, 1984, с. 404], значит, как ложность, так и истинность должны относиться к мыслям, а не к вещам.

Теперь возникает необходимость установления критерия истинности или ложности мысли, поскольку должна существовать причина того, чтобы назвать мысль истинной или ложной. Этот критерий нужно искать не только в природе познающего субъекта, но и в природе вещей, следуя правильной методике рассуждения: «Ибо необходимо, чтобы моя собственная природа и природа вещей, о которых я мыслю, были такими, что когда я рассуждаю правильным образом, я выношу суждение о самих вещах, или открываю истину» [Лейбниц, 1984, с. 405].

Переходя к вопросу о происхождении истины, Лейбниц пишет: «Некоторые ученые мужи полагают, что истинность проистекает от произвола людей и от имен, или обозначений» [Лейбниц, 1984, с. 405]. Он признает правоту этих ученых: поскольку дефиниция является основой всякого рассуждения и лишь одним только сочетанием дефиниций можно доказывать многие положения, то истинность этих положений зависит от

дефиниций, в то время как сами дефиниции зависят от нашего произволения, ведь «во власти латинян было придать слову ‘circulus’ значение, которое выражает его определение» [Лейбниц, 1984, с. 405]. Однако обойтись без этого нельзя, подчеркивает Лейбниц, так как мысли не могут существовать без слов или каких-либо иных знаков. Поэтому никогда невозможно познать, открыть или доказать какую-то истину, не призвав в уме на помощь слова или какие-либо знаки. Если бы не было знаков, мы даже никогда не могли бы отчетливо мыслить, рассуждать и приходить к заключениям.

Знаки сами по себе при этом не обязательно бывают произвольными, существуют также не произвольные знаки. Разница между ними состоит в наличии или отсутствии подобия обозначаемому. Отсутствие подобия, т.е. произвольность знака не является препятствием к познанию истины, поскольку между знаками, особенно если они хорошо подобраны, существует отношение или порядок, который соответствует порядку в вещах. Слова «свет» и «нести», например, являются сами по себе произвольными знаками. Однако сложное слово ‘светоносец’ находится в определенном отношении к словам ‘свет’ и ‘нести’, которому соответствует отношение между вещами, обозначенными словами ‘свет’ и ‘нести’. Поскольку связь, существующая между элементами этого слова, выражает реальные отношения между предметами, она не является произвольной.

Лейбниц доказывает, что какими бы произвольными ни были знаки, все же в операциях с ними результаты всегда будут совпадать друг с другом, если только при применении знаков следовать определенному порядку и правилу. Это означает, что истина безразлична к произвольности знаков, поскольку заключается в той связи, которая существует между знаками и вещами. Иными словами, не номинативное непосредственное соответствие между вещами и отдельными знаками является основанием истины, а отношение между знаками и вещами, которое отражается во взаимосвязи самих знаков и выражает отношения между вещами.

Таким образом, Лейбниц исходит в «Диалоге о связи между вещами и словами» из двух основных моментов в подходе к знакам:

- 1) из правильного применения (в знаках существует отношение или порядок, которые соответствуют отношению или порядку в вещах);
- 2) допустимости отсутствия подобия (в подобии нет необходимости).

Тем самым он приходит к новому определению понятия истины: *отношение* есть фундамент истины. Тот факт, что одни и те же отношения между вещами передаются различным образом, обусловлен различиями языков, очевидным выражением произвольности их знаков. Этот порядок и соответствие, по мысли Лейбница, должны присутствовать, хотя и различным образом, во всех языках. Ведь даже если знаки как таковые и произвольны, то все-таки в их применении и соединении появляется нечто уже не произвольное, а именно соотношение, существующее между ними и вещами, и тем самым также определенные связи между самыми разными знаками. Это соотношение, эта связь есть основа истины, поскольку получается так, что какие бы знаки мы ни применяли, результат все же будет

всегда один и тот же, или что результаты, которые мы получим, будут эквивалентными и в определенной степени соответствующими друг другу. «Таким образом, – пишет Лейбниц, – хотя истины с необходимостью предполагают какие-либо знаки и даже подчас высказываются о самих знаках <...>, все же их истинность состоит не в том, что в них произвольного, но в том, что есть в них непреходящего, а именно в отношении к вещам» [Лейбниц, 1984, с. 408].

В силу зависимости мышления от языковых знаков Лейбниц выдвигает требование совершенствования и дальнейшего развития знаков вообще и языка в частности. Это требование становится исходным положением сочинения «Мои мысли об употреблении и улучшении немецкого языка» (Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache) (1697г.). С особой настойчивостью Лейбниц подчеркивает необходимость развития немецкого языка как языка науки, опираясь при этом на свои разработки теории знаков: слова, будучи знаками вещей, служат не только для сообщения наших мыслей, но выполняют и другую задачу, состоящую в том, чтобы «помогать самим мыслям», поскольку разум ставит «не только во внешних речах, но также и в мыслях и внутренних беседах с самим собой слово на место вещи» [Leibniz, 1995].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. – Москва: Мысль, 1984.
2. Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe. Sechste Reihe: Philosophische Schriften. Vierter Band. Teil A. – Berlin: Akademie Verlag, 2006.
3. Leibniz G.W. Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache. Hrsg. von Uwe Pörksen. – Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1995.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ РОССИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ³

М.С. Малахова

Оренбургский государственный университет

The article is devoted to the reconstruction of the concept “Russia” in the Russian linguistic picture of the world. The concept “Russia” is significant for the Russian culture. The description of its semantic and lexical representations is the goal of the article.

Когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX века, но ее предмет – особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка – был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке. Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских авторов Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера, Рэя

---

³ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Министерства образования и науки (Аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/3720).

Джакендоффа и ряда других. Подробнейшим и детальнейшим образом охарактеризованы труды этих ученых и развитие проблематики когнитивной лингвистики в работах Е.С. Кубряковой. Когнитивные исследования получили признание в России, как подчеркивает Е.С. Кубрякова, прежде всего потому, что они обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова, 2004, с. 11]. Некоторые ученые, например, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, исходят из того, что в основе знаний о мире лежит такая единица ментальной информации, как концепт, которая и обеспечивает «выход на концептосферу социума» [Балашова, 2004, с. 6].

Этнокультурные особенности мировосприятия находят отражение в общественном сознании. Человек мыслит концептами. Концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания [Антология концептов, 2005, с. 7]. Концепт состоит из знаний, представлений, понятий, ассоциаций, образов и других ментальных категорий, по-разному связанных с семантическими категориями (лексическое значение, значимость, смысл) и языковыми единицами, участвующими в объективации концепта. Каждый концепт индивидуален, поскольку имеет свой набор структурных элементов, число и комбинация которых не стабильны [Антология концептов, 2005, с. 25]. Концепты реализуются в языке с помощью различных средств. Концепт в случае коммуникативной необходимости может быть вербализован различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта [Антология концептов, 2005, с. 9].

Национальная концептосфера включает в себя наивную картину мира данного языка, формирующую образную составляющую концептов, национальную систему ценностей, формирующую оценочную составляющую концептов и определенную сумму информации, необходимую для успешного общения в рамках данной культуры. Эта сумма информации, как научной, так и бытовой, как истинной, так и ложной, формирует понятийную составляющую концептов [Слышкин, 1999, с. 17].

Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц.

Концепт – это единица мышления, значение – единица семантического пространства языка.

Концепт и значение в равной мере – явления когнитивной природы. Значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закрепленная языковым знаком в целях коммуникации. Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт

может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами. Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу.

Предметом нашего изучения являются лексико-семантические репрезентации концепта «Россия» в русской языковой картине мира. *Цель* исследования – реконструкция содержания концепта «Россия».

Материалы исследования – полученные в результате эксперимента карты России. Группе респондентов было предложено выполнить следующее задание: нарисовать карту России (на основании собственных знаний и представлений). При этом необходимо:

1) отметить на карте наиболее важные с Вашей точки зрения географические объекты России;

2) отметить страны, с которыми граничит Россия (по Вашему мнению);

3) возле всех нанесенных на карту географических объектов записать собственные ассоциации и/или представления, связанные с данными объектами.

Информанты должны также указать пол, возраст, сферу занятости (если студент, отметить специальность и курс), регион, город. Т.о. карты информантов должны были представлять собой графическое отражение концепта «Россия» в их сознании. Всего было обработано 33 карты.

Географическое пространство включает в себя объекты природные (горы, моря, равнины, реки) и техногенные (города, дороги, постройки). Всего респонденты нанесли на карты 213 объектов, 162 из них (76%) техногенных (в т.ч. городов – 75, стран и границ – 36, построек и организаций – 26, административно-территориальных единиц – 11, сел – 6, улиц – 4, мостов – 2, научных центров – 1, туристических маршрутов – 1) и 51 (24%) природный (в т.ч. водоемов – 24, форм рельефа – 6, участков суши – 6, природных зон – 5, полезных ископаемых – 4, полюса – 2, природных явлений – 1, природных областей – 1).

На картах присутствуют 726 ассоциаций к объектам. Ассоциации имеются как синтагматические (Урал – мелкий, грязный; Санкт-Петербург – красивый, величавый; Уфа – красивая, большая, Оренбург – родной, старый и т.д.), так и парадигматические (Черное море – курорты, отдых; Казахстан – степи, огромная республика; Украина – Тимошенко, сало, Гоголь и т.д.)

Ассоциации формируются под влиянием различных факторов, но преимущественно двух – личного опыта и общественной пропаганды. Например, ассоциация «Урал – рыбалка» сложилась из личного опыта, тогда как ассоциация «Украина – постоянный должник», очевидно, под влиянием общественной пропаганды.

Проанализировав карты группы респондентов, можно сделать следующие выводы:

1) концепт «Россия», имеет сложную структуру. Он представлен понятиями, характеризующими географическое и геополитическое

положение России, а также понятиями, характеризующими Россию как техногенное пространство;

2) в русском языковом сознании закреплена метафора «Россия – это города»;

3) пространство России видится информантам преимущественно дискретным (только 3 объекта из 213 (1,4%) имеют значение движения, континуальности, связывают точечные объекты в единое пространство; аналогично и с ассоциациями – 22 ассоциации из 726 (3%));

4) в русском языковом сознании концепт «Россия» формируется преимущественно под влиянием пропаганды в СМИ, а не личного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология концептов [Текст] / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Том 2. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 356 с.
2. Балашова, Е.Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях [Текст] : автореф. дис... канд. филол. наук / Е.Ю. Балашова. – Саратов, 2004.
3. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004, № 1. – С.6-17.
4. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Г.Г. Слышкин. – Волгоград, 1999.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ‘СПОРТ – ЭТО СМЕРТЬ’ В ЖУРНАЛИСТСКОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ⁴

Е.Г. Малышева

Омский государственный университет

This article describes the structure of the metaphorical model ‘Sport is death’. Named phenomenon is one of the cognitive dominant sports journalism discourse and frequency is implemented in the media.

Метафорическая модель отражает такое отношение между компонентами формулы «X – это Y», которое характеризуется, например, А.П. Чудиновым «не как прямое отождествление, а как подобие» [Чудинов, 2007, с. 131].

Итак, если мы выделяем в качестве одной из когнитивных доминант спортивного журналистского дискурса метафорическую модель ‘Спорт – это смерть’, то это означает, согласно вышесказанному, что референтная область, означаемое, понятийная сфера ‘Спорт’ осмысливается и означивается в терминах другой понятийной сферы по метафорическому принципу *подобия* названных сфер.

---

⁴ Работа выполнена по гранту «Разработка концепции многовариантности медиаобразования» (государственный контракт № П1310) в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы».

Как известно, в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 9]. В связи с этим оказалась чрезвычайно продуктивной методика анализа метафорической модели, предложенная А.П. Чудиновым, который, в свою очередь, опирался на учение М. Минского о фреймах как структурах для представления знаний [Минский, 1979].

Выделение в системе метафорических моделей с означаемым ‘Спорт’, объективированных в журналистском спортивном дискурсе, метафорической модели ‘Спорт – это смерть’ на первый взгляд кажется не вполне убедительным и обоснованным, более того, противоречащим таким концептуальным признакам означаемого, как ‘здоровый образ жизни’, ‘сила’, ‘здоровье’, ‘красота’ и под.

Однако в современном журналистском спортивном дискурсе названная модель является одной из самых частотных и детализированных, отличающейся смысловым и – как следствие – вербальным разнообразием языкового воплощения.

Заметим, что *смерть* – это не только «прекращение жизнедеятельности организма» (смерть клиническая, биологическая, насильственная)», но и «полное прекращение какой-либо деятельности (например, политическая смерть)» [Ожегов, Шведова, 1995, с. 735]. Именно метафорическое значение лексемы *смерть*, закрепленное в узусе, часто реализуется в спортивном дискурсе: *не достигнуть планки, не добраться до финиша, не пройти в следующий круг соревнований для спортсмена смерти подобно*.

Вышесказанное свидетельствует о том, что прежде всего «сферой-источником» исследуемой метафорической модели можно считать концепт ‘Поражение’, который является, в свою очередь, неотъемлемой частью характеристики спортивного состязания и сути спорта вообще.

Однако мы предпочитаем говорить не о метафорической модели ‘Поражение в спорте – это смерть’, а о более общей модели, имея в виду, что в терминах смерти могут находить выражение многообразные проявления спортивной жизни и реалий спорта.

Итак, описываемая метафорическая модель следующим образом разворачивается в текстах журналистского спортивного дискурса, эксплицируя фреймо-слотовую структуру соответствующего модели сценария:

1. Фрейм «Разновидности смерти».

Поражение одного спортсмена и победа другого, накал спортивной борьбы, исход отдельного спортивного поединка, перспективы отдельного спортсмена, команды или целого вида спорта частотно репрезентируются в названном типе дискурса именно в терминах смерти.

Причем под ее «разновидностями» понимаются *смерть насильственная и естественная (биологическая), смерть скорая (мгновенная), клиническая* – и именно эта дифференциация организует слотовую структуру названного фрейма.

Слот 1.1. Смерть насильственная.

Под насильственной смертью в узусе понимается убийство – «преступление, умышленное или по неосторожности, лишение жизни» [Ожегов, Шведова, 1995, с. 809]. В спортивном дискурсе уходят на периферию такие компоненты значения данной лексики, как 'преступление' и 'неосторожное', а актуализируются семы 'умышленное' и 'лишение жизни'. Причем под последним понимается *устранение соперника* в соревновании, *победа* над ним, лишение его права продолжать спортивную борьбу.

В роли «убийцы» выступает прежде всего одушевленное лицо, субъект, действия которого приводят к «насильственной смерти» противника, – спортсмен и/или группа спортсменов (команда).

«Объекты» убийства, как правило, получают номинации *соперник, противник, неприятель*, менее частотно – *жертва, враг*:

Спринт – гонка уникальная еще и потому, что ты бьешься не только с трассой и временем, но и непосредственно с соперником, «убивая» его, устраняя с дистанции, как шахматную фигуру («Спорт-Экспресс» (далее – «СЭ»). – Е.М.), 24.07.05);

В четверг он приступил к планомерному психологическому «убиванию» соперников: легко исполнял четверные тулупы и тройные аксели... («СЭ», 13.02.06).

Кроме частотного использования глагола *убить*, в текстах журналистского спортивного дискурса используются и другие номинации, такие как *сгубить, угробить* и под.:

Тем выступлением Плющенко всех соперников просто кастрировал («СЭ», 15.04.05).

Очевидно, что в метафорическом значении лексики *кастрировать* в данном контексте актуализируются семы 'обезоружить', 'лишить сил', 'убить'.

Любопытно, что субъектом, выполняющим некоторые действия, приводящие к насильственной смерти в спортивной поединке, может стать не только одушевленный субъект, но и неодушевленная реальность – *гол, время* и под.:

В Имоле покрытие очень специфичное – с крупным гравием, который быстро убивает шины («СЭ», 25.05.05);

Но пять шайб Буре убили нашу надежду («СЭ», 24.02.06).

Слот 1.2. Смерть естественная (биологическая).

Представление о «естественной смерти» спортсмена, команды, целого вида спорта в журналистском спортивном дискурсе эксплицируется в том случае, когда журналисту необходимо репрезентировать точку зрения не победителя, а проигравшего, который винит в поражении (смерти) только самого себя; когда не может быть назван «виновник смерти», но должен констатироваться сам факт «кончины».

Вербализация таких представлений осуществляется в лексемах и сочетаниях *карьера прервалась, жизнь кончилась, безвременно оборвалась жизнь, прекратил существование спортивный клуб, угасла карьера*

спортсмена, где смысловыми доминантами являются предикаты с метафорическим значением:

И когда перегорела и проиграла, в первый момент было чувство, будто жизнь кончилась («СЭ», 24.08.04).

Жаль, что его карьера оборвалась раньше времени («СЭ», 14.04.04).

Показательно, что многие зафиксированные контексты такого рода организованы по принципу речевого жанра «Некролог» и содержат типичные для этого жанра вербальные элементы *жаль, раньше времени, безвременно, сожалеем*.

Интересно, что «естественная смерть» может настичь – в силу разных причин – не только спортсмена или команду, но и спортивное событие, отдельный вид спорта, спортивный клуб.

При реализации исследуемой метафорической модели такие «жертвы» естественной смерти олицетворяются: например, футбол или шахматы могут *умереть, зачахнуть, угаснуть*:

Те, кто видел находку своими глазами, подтвердят – здесь есть, куда вложить деньги. Но на них собираются строить стадион. А значит, помирать футболу на Дальнем Востоке не дадут («СЭ», 16.04.04).

В Питер приехал «умирающий» клуб («СЭ», 25.10.04).

Для спортивного журналистского дискурса характерно отражение состояния *обреченности* спортсмена, команды, клуба и т.д..

Заметим, что лексема «обреченный» в узусе имеет толкование «такой, которому предопределена, суждена гибель, крушение» [Ожегов, Шведова, 1995, с. 428].

В метафорическом смысле тот спортсмен или команда, которые не имеют шансов выиграть, заведомо слабее или находятся в неудобной турнирной ситуации и ничего не могут изменить, обречены на поражение, то есть на *естественную смерть*:

Всем ясно, что команда, проигравшая первые три матча, практически уже обречена («СЭ», 21.05.03).

Слот 1.3. Скорая (мгновенная) и клиническая смерть.

С *быстрой* или *мгновенной* смертью в журналистском спортивном дискурсе может ассоциироваться событие, которое приводит к однозначному поражению спортсмена (команды), к ситуации, когда одно неосторожное действие (промах, секундная потеря концентрации и внимания) приводит к *необратимым последствиям*:

Гол в овертайме недаром называют мгновенной смертью. Хоккеисты «Авангарда» испытали это на себе («СЭ», 25.04.09).

Впрочем, помимо *смерти мгновенной*, вызванной трагическим стечением обстоятельств, некоторые спортивные ситуации могут описываться посредством термина *клиническая смерть*, что может означать некоторое «пограничное состояние» спортивного субъекта, когда надежда на возобновление его *спортивной жизни* еще существует:

Лучшая лига мира сегодня действительно находится в состоянии клинической смерти («СЭ», 19.10.05).

Означает ли ваш приезд в Россию, что вы уверены: сезон в НХЛ обречен? («СЭ», 18.10.05).

2. Фрейм «Причина смерти».

Названный фрейм в сценарии *спортивной смерти* взаимосвязан со слотом «*Насильственная смерть*», поскольку чаще всего причиной поражения, которое в спорте *смерти подобно*, является соперник.

Впрочем, *погибнуть* можно и в силу разного рода объективных обстоятельств (*плохая погода, травма, нечестное судейство, нарушение тренировочного процесса* и т.д.).

Номинации причин смерти достаточно часто относятся к семантическому полю «*Стихийные бедствия*» (*катастрофа, авария, крушение, ураган, буран, торнадо*), причем оказывается неважным, человек или внешние обстоятельства являются таковой причиной. Характеристика последствий действия причин смерти всегда вербализуется с помощью таких лексем, как *беда, горе, несчастье, напасть*, что подчеркивает максимальное подобие смерти спортивной и смерти физической:

Почему, сами устроив с первого вбрасывания ураган немногим слабее нью-орлеанской "Катрины", пали его же жертвой? («СЭ», 14.03.04).

3. Фрейм «Противостояние смерти».

Как правило, в спортивном журналистском дискурсе описываются процессы, характеризующие сопротивление смерти со стороны спортсменов, команд, жизнеспособность тех или иных субъектов.

Слот 3.1. Борьба со смертью.

Борьба со смертью в метафорическом значении, эксплицированном в рамках анализируемой метафорической модели, – это борьба за продолжение спортивной жизни, за участие в соревновательном процессе.

Спортсмен, команда, клуб часто оказываются в пограничном состоянии между *жизнью* и *смертью*. Такое состояние характерно, как правило, для ситуаций, когда силы спортсменов на исходе или когда финансовые возможности команд и клубов практически равны нулю, – концовка игры, финиш, финал соревнований, конец сезона:

Жарница, кондиционеров нет, температура воздуха была, наверное, около 95 градусов (по Фаренгейту). Мы подышали после первого периода («СЭ», 26.07.05).

Вербализация названных смыслов происходит с помощью метафорических словоупотреблений *выживание, роковой (период/тайм, момент, минута), на грани, стояли из последних сил, упирались до последнего* и под.

Слот 3.2. Выживание.

Если *борьба со смертью* выиграна, спортсмен *возвращается к жизни*. Нельзя не отметить экспликацию в спортивном журналистском дискурсе религиозных представлений о возможности такого возвращения: *воскрешение, воскресать, воскресший* – эти лексеммы частотно используются в текстах спортивных СМИ.

Впрочем, кроме сказанного, заметим, что данный слот характеризуется и репрезентацией другого рода смыслов, связанных с *выживанием*: какие-либо события (поражения, неудачи) могут быть *ошибочно* квалифицированы как *смерть*, когда на самом деле это было лишь временным *ухудшением состояния*:

После финансового вливания в хоккейную отрасль российский хоккей может ожить («СЭ», 24.03.06).

Несмотря ни на что, наши лыжи все еще живы («СЭ», 17.12.05).

4. Фрейм «Характеристики смерти».

Достаточно логично, что в рамках репрезентации метафорической модели 'Спорт – это смерть', частотна языковая объективация разного рода *характеристик смерти* как процесса и *атрибутов, связанных со смертью*. В спортивном журналистском дискурсе метафорически употребляются такие лексемы и словосочетания, входящие в семантическое поле 'Смерть', как *отпевать, хоронить, играть траурную музыку, ставить памятники* и мн. др.

Слот 4.1. Атрибутика смерти.

Набор атрибутов, позволяющих *смерть спортивную* уподобить смерти физической, обширен – это *траур, надгробие, памятник, панихида, отпевание, служба, похороны*:

Сцену падения чемпионов мира-2001 Барбары Фузар-Поли и Маурицио Маргальо целый день крутили по итальянскому телевидению под траурную музыку («СЭ», 18.02.06);

В день третьего матча серии с «Нью-Джерси Дэвилз» все нью-йоркские газеты вышли с загробными шапками: «Ягр играть не будет», «Какая боль!», «Чтобы вернуться, Ягру нужно чудо». Что могло произойти после такой гражданской панихиды, учитывая, что дело было в городе Бродвея? («СЭ», 15.04.06);

При таком счете поздравления не принимаю – только соболезнования! («СЭ», 16.10.04).

Слот 4.2. Атрибутивные характеристики, связанные с семантикой смерти.

Характеризация спортивных событий часто связана с использованием лексем, которые относятся к семантическим полям 'Смерть', 'Загробный мир'. Весьма неожиданно, что названные характеристики, выраженные прилагательными и наречиями, вовсе не обязательно относятся к ситуациям, описанным выше в качестве составляющих сценария *спортивной смерти* – поражения, ухода из спорта и т.д. Достаточно частотным оказывается использование таких лексем в качестве средств выражения прагматической оценки, аксиологического модуса высказывания, эмотивно-экспрессивных компонентов текста:

Трасса очень тяжелая, уйти после старта в отрыв трудно, а финиш – просто адский («СЭ», 16.07.04).

Единственным, кому удалось справиться с обязательным набором элементов почти идеально, стал Вейр. Его «Умирающий лебедь» вне всякого

сомнения украсил мужскую программу. Точно так же, как и новая программа швейцарца Ламбьеля, которую тот скоропостижно – уже после чемпионата Европы – поставил на музыку цирка «Дю Солей» («СЭ», 15.02.06).

Прилагательное *скоропостижный* имеет в узусе следующее значение: «О смерти: внезапный» [Ожегов, Шведова 1995, с. 714].

В приведенном контексте актуализируются семы метафорического значения ‘внезапный’, ‘спонтанный’. Однако прагматические элементы значения этого слова позволяют эксплицировать и другие смыслы: программу фигурист сделал быстро, «на скорую руку» – и в результате проиграл. Думается, кроме всего прочего, что с помощью данной лексемы реализуется и прагматическая установка автора текста на выражение иронического отношения к событию.

«Дьявольский цикл» Джованни Трапаттони («СЭ», 27.11.05).

Приведенный выше заголовок статьи, занимающий сильную позицию текста, отражает развертываемую далее мысль о том, что итальянский тренер в борьбе за главный трофей футбольного чемпионата Италии прошел немислимые испытания, подобные *кругам ада*, что позволило автору сравнить их преодоление с *дьяволиадой*.

Кстати говоря, номинации, относящиеся к церковной, религиозной лексике, достаточно частотны в журналистском спортивном дискурсе, что подтверждает мнение исследователей о вновь появившейся в современных СМИ «моде» на использование слов такого рода (см. [Прядко, 1994]).

Итак, проведенный анализ показал, что метафорическая модель ‘Спорт – это смерть’ весьма частотно и разнообразными лексическими средствами эксплицируется в спортивном журналистском дискурсе, она достаточно детализирована и имеет разветвленную фреймо-слотовую структуру.

Заметим, что изученная концептуальная метафора «спортивной смерти», несомненно, коррелирует с метафорой «спортивная жизнь», так же как концепты ‘Победа’ и ‘Поражение’, имеющие непосредственное отношение к специфической семантике изучаемых когнитивных феноменов, являются взаимообусловленными и пересекающимися.

Отметим также, что метафорическая категоризация окружающей действительности прежде всего связана с онтологически значимыми оппозициями, такими как ‘Жизнь’ и ‘Смерть’, и поэтому весьма показательно, что названная оппозиция играет весьма важную роль в репрезентации того фрагмента картины мира, который связан с концептосферой ‘Спорт’ и эксплицирован в журналистском спортивном дискурсе. Типовая модель метафорической концептуализации действительности

Наконец, скажем, что сегодня морбиальная метафора является одной из самых продуктивных, «востребованных» и частотных в разных типах дискурсов – и дискурс спортивный в этом смысле не стал исключением (см. об этом, например, в [Чудинов, 2001], [Телешева, 2006] и мн. др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М. : Энергия, 1979.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / Российская АН.; Российский фонд культуры / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
4. Прядко, И.П. Конфессиональная лексика в речевой практике современных СМИ [Текст] / И.П. Прядко // Журналистика и культура русской речи. – М., 2005. – N 2. – С. 61-73.
5. Телешева, И.В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / И.В. Телешева. – Челябинск, 2006. – 180 с.
6. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Текст] / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
7. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика [Текст] : учеб. пособие / А.П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 256 с.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕГУСТАТОРОВ

Т.М. Матвеева

Челябинский государственный университет

The article deals with the peculiarities of colour nominations in the professional language of wine-testers.

Интерес к личностному аспекту изучения языка существенно повысился в последние годы во всех дисциплинах, так или иначе связанных с языком, – не только в лингвистике, но и в психологии, философии, лингводидактике. Языковая личность оказывается тем стержневым, определяющим понятием, вокруг которого разворачивается обсуждение наиболее значимых проблем языкознания.

В настоящей статье представлен анализ специфики цветообозначений в языке профессиональных дегустаторов.

Дегустация – это органолептическая (сенсорная) оценка продуктов питания, в основном вина и других напитков. Дегустировать – значит внимательно изучить продукт, качество которого хотят оценить; подвергнуть его испытанию органами чувств, прежде всего органами вкуса и обоняния; попытаться познать его, выявить и выразить его достоинства и недостатки. Дегустацию осуществляют профессиональные дегустаторы – люди, способные проводить органолептический анализ в составе дегустационной комиссии или индивидуально. В наши дни дегустация как метод определения качества продовольствия сохранилось во всей своей полноте и со всеми древними правилами лишь в отношении оценки виноградных вин.

Для дегустатора характерен особый способ познания мира, а именно приобретение и тренировка навыка. Это способ приобретения знаний, для которого характерна меньшая, по сравнению с научным познанием, доля эксплицитности данных, отличается слабой структурированностью и недостаточной разработанностью языка для описания и объяснения того или иного навыка. Дегустация вина – это навык, который лишен физического характера и не имеет критерия успеха (как в спорте) и требует определенных знаний и дисциплины [Хиллс, 2007, с. 9].

Качество работы дегустатора зависит не только от его чувствительности, а также от его умения выразить получаемые им впечатления. Специальная лексика дегустатора – профессионала уточняется по мере приобретения опыта от своих старших коллег, владеющих словарем по данной тематике. Несмотря ни на что, следует признать, что терминология дегустации часто еще неточна и носит местный характер. Язык дегустации совершенно особый; он еще не оформился окончательно, в нем звучит много поэтичных нот, это – язык чувственный, музыкальный и психологически тонкий.

Цвет занимает главенствующее место в ряду зрительно воспринимаемых сущностей, представляя собой качество, постоянно присущее объекту [Лоренц, 2000, с. 51].

Зрение является первым из органов чувств, с помощью которых производится дегустация. Зрительные ощущения дают представление о цвете (интенсивность, оттенок) и прозрачности (помутнение, блеск) вина. Но внешний вид вина говорит, кроме того, и о других качествах: его текучести, выделении углекислого газа, влиянии явлений капиллярности на стенки стакана в зависимости от процентного содержания спирта. Это элементарные данные, которые подготавливают и во многом облегчают суждение о вине с помощью других органов чувств. Мутное вино часто получает плохую оценку по вкусу. Цвет говорит о возрасте, состоянии вина. Дегустировать вино, не видя его очень трудно и поэтому можно перепутать, при дегустации вслепую сухое белое малоокислотное вино с розовым или красным вином, содержащим мало танина. Освещенность может оказывать косвенное влияние даже на остроту обоняния: при достаточном освещении запахи воспринимаются лучше.

Цветообозначения в статье рассмотрены с точки зрения частотности их употребления, сочетаемости и словообразовательных и стилистических характеристик в описаниях 52 вин различных классов.

Основу лингвоцветовой системы профессионального дегустатора вин составляют базовые цветообозначения, к которым относятся weiß (белый), rot (красный) и rose (розовый). Деление вин на белые, красные и розовые зависит от сорта винограда, используемого при производстве вина. Но здесь речь идет не об объективном цвете винограда, а о светлых и темных сортах винограда, поэтому это вопрос традиции. Данные цветообозначения не фиксируют массу оттенков получаемого вина, а лишь детерминируют большие классы вин. Данная характеристика свойственна всем винам и носит, скорее, номенклатурный характер, поэтому указанные

цветообозначения не вошли в анализ собственно цветовых характеристик вина.

Наиболее многочисленной группой цветовых характеристик вина являются цветообозначения, построенные по модели объект + цвет, а также интенсификаторами (*hell* / светлый, *dunkel* / темный, *blass* / бледный, слабый, невыразительный, *tief* / глубокий и т.п.) и представлены 168 словоупотреблениями, что составляет 80, 8 %. Приведем наиболее яркие словоупотребления:

- *tiefes dunkles Rubinrot (Bordeaux Medoc)*;
- *helles bis tiefes Gold (Gewürztraminer trocken)*;
- *helles Granatrot (Bardolino Classico Superiore)*;
- *lachsrosa (Bandol Rose)*;

Следующая группа цветообозначений вина представлена моделью цвет +цвет+интенсификаторы и насчитывает 24 словоупотреблений, что составляет 11,5 %, ср.: *blasses Grüngelb (Chablis)*; *intensives Purpurrot (Beaujolais-Villages)*; *tiefes Schwarzrot (Amarone della Valpolicella)*.

Наиболее малочисленную группу представляют названия монохромных цветов и их оттенков. Эта группа репрезентирована 16 словоупотреблениями, что составляет 7,7 %, напр.: *sehr helles Gelb (Riesling Spätlese trocken)*; *blassgrün (Grüner Veltliner)*.

Анализируя мотивированность цветовых лексем, отметим, что способность вызывать прямые ассоциации с определенными объектами окружающей среды, является экспликацией лексических прототипов. Среди эталонов мы выделили следующие группы: 1) названия растений – *kirschenrot* / вишневый; 2) названия рыб – *lachsrosa* / лососевый; 3) названия минералов – *rubinrot* / рубиновый, *granatrot* / гранатовый, *perlenweiß* / жемчужно- белый; 4) названия продуктов питания – *Olivenölfarbe* / цвет оливкового масла; 5) названия артефактов (предметы материального мира, произведенные человеком) – *ziegelrot* / кирпичный, *Kardinalspurpur* / цвет мантии кардинала, *Eichenfassfarbe* / цвет дубовой бочки; 6) названия металлов – *helles Gold* / цвет светлого золота, *Kupferfarbe* / медный цвет.

Далее остановимся на классификации синестетических переносов, которые классифицируются следующим образом:

- весовые – *leichtes Gold* / легкий золотой цвет;
- температурные – *warme orange Reflexe* / теплые оранжевые отблески;
- осязательные – *zartes Gold* / нежно – золотой;
- акустические – *dunkles Rubinrot mit violetten Anklängen* / темный рубиновый цвет с фиолетовыми нотами;
- возрастные – *reifes Altgold* / зрелый цвет старого золота;
- культурные (напоминающие колорит всевозможных явлений культуры – от живописи знаменитых художников до изделий кулинарного искусства) – *Kardinalspurpur* / цвета мантии кардинала, где кардинал – высшее духовное лицо Римско-католической церкви, принадлежащее к

любой из трёх степеней священства. Главные наружные отличия кардинальского сана: красная мантия, красная шапочка, кольцо, крытый красной материей зонтик, трон (в их собственной церкви) и герб.

- эмоциональные – *Farbe der Enttäuschung / цвет разочарования, ruhige Perlage / спокойный жемчужный цвет.*

Всякий цвет может быть прочтен, как слово, или истолкован, как сигнал, знак, или символ. «Прочтение» цвета может быть субъективным, индивидуальным, а может быть коллективным, общим для больших социальных групп и культурно-исторических регионов. В языке дегустаторов используются лишь положительные коннотации цвета, что объясняется гедонистическим характером деятельности специалистов.

Таким образом, цвет, будучи онтологической категорией, одной из основополагающих категорий зрительного восприятия, аккумулирует в своем значении не только зрительные представления, но и представления, содержащие в своей основе комплексное взаимодействие всех других видов восприятия. Категоризация цвета в языке зависит, с одной стороны, от конкретной культуры, формирующейся в разных географических и исторических условиях, с другой стороны, носит универсальный характер, поддерживаясь универсалиями человеческого мировосприятия. Очевидно, что от специалиста - дегустатора требуется высокий уровень развития лингвистической компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоренц, К. По ту сторону зеркала [Текст] / К. Лоренц // Эволюция. Язык. Познания. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 42-69.
2. Хиллс, Ф. Как выбрать вино или тайны сомелье [Текст] : монография / Ф. Хиллс. – М. : АСТ, 2007. – 254 с.

РОЛЬ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ КАК КЛЮЧЕВОГО ОБРАЗА АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Т.В. Мизюрина

Челябинский государственный университет

This article defines the concept of woman and its place in the language system. The concept of woman reflects the World View of the native language users in general and may be considered as one of the basic elements in the American culture.

При взаимодействии человека с окружающим его миром он формирует свои представления о нем, вследствие чего складывается картина мира – одно из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие. Современные представления о языковой картине мира отражают определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный определенному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут

видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. Таким образом, понятие «концепт» занимает центральное место в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и ряде других наук.

Лингвисты выделяют целый ряд базисных когнитивных категорий (концептов), которые являются универсальными, ибо отражают единый для всех когнитивный процесс. Одним из ключевых концептов американской культуры является концепт «женщина», который отражает сложную систему духовно-нравственного и морально-этического состояния духовной жизни личности и таким образом дает понять картину мира группы индивидов.

1. Концепт – мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли не определенное множество предметов одного и того же рода [Аскольдов, 1997, с. 267]. А так же это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова, 2005, с. 329].

2. Стоит отметить, что культура и история народа, а соответственно и картина мира, находят наиболее яркое отражение в сленговых выражениях. Именно в них закрепляются те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами и стереотипами, именно поэтому мы рассматриваем выбранный нами концепт «женщина» на примере американского сленга. «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [Хомяков, 2008, с. 168].

Опираясь на данные лексикографических источников, мы даем свое собственное определение лексемы «женщина». Женщина – лицо, противоположное мужчине по полу, взрослое, в отличие от девушки и девочки, вступившее в брачные отношения, и имеющее определенный жизненный опыт.

Отобранный нами лексический материал на английском языке, дает основания сделать вывод, что для более детального и четкого определения концепта «женщина» необходимо выявить комплексный признак лексемы, поэтому нам интересно комбинаторное выражение концепта «woman» в повседневной речи представителей американской культуры.

Наиболее широко лексема «женщина» (woman) представлена в словосочетаниях (прилагательное + существительное): *attractive woman* – привлекательная женщина, *charming woman, girl* – очаровательная женщина, *elegant woman* – элегантная женщина, *handsome woman* – статная, импозантная женщина, *intelligent woman* – умная женщина, *young woman* – молодая женщина, *wise woman* – мудрая женщина.

Из выше приведенных словосочетаний можно сделать вывод, что ключевым признаком женщины во-первых является ее красота и обаяние (иными словами внешний вид и поведение), во-вторых ее возраст, и в третьих – принадлежность к мужчине (замужем или свободна).

Часто можно встретить, когда рассматриваемый нами концепт «женщина» несет в себе политическое наполнение. Нам известен тот факт, что на протяжении долгого времени американские женщины боролись за независимость, выступали за политическое, экономическое и социальное равенство полов, и их равноправие в области семейных отношений. Как следствие мы видим следующее употребление слова «woman» в словарях сочетаемости: women's rights – права женщин, women's movement – движение женщин, women's organizations – организации женщин или женские организации, Women's Liberation Movement – движение за освобождение женщин.

Так же в английском языке встречаются словосочетания, которые обозначают принадлежность женщины к какому-либо роду занятий, работе. Скорее всего, предпосылкой этого явилось вышеупомянутая борьба за равенство между мужчинами и женщинами: female servant, girl, woman – служанка, lady-doctor – женщина-врач, lady guest – гостья, newspaper woman – журналистка, woman astronaut женщина – космонавт, woman prisoner – заключённая.

Существует большое количество организаций, созданных в поддержку женщин во всех сферах жизни. Так называемые «женские объединения» очень развиты в Америке: WAVES = Women in the Navy – "Уэйвз" Женщины на флоте, Women's Army Corps – Женская служба Сухопутных войск, Women's Institute – "Женский институт" (организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности; в рамках которой действуют различные кружки), Women's Rights National Historical Park – Национальный исторический заповедник "Права женщин", Women's Royal Air Force – королевская женская служба, Women's Royal Voluntary Service – Женская королевская добровольная служба.

Проведенное нами исследование показало, что содержательный минимум концепта «женщина» выражается в двух аспектах: 1) женщина обладает сексуальностью и привлекательностью, 2) женщина находится в постоянной борьбе за независимость. Таким образом, лексические средства реализации концепта «женщина» в американской картине мира представлены широкой и яркой палитрой языковых средств.

В проанализированных нами синонимах лексемы «женщина» было достаточно сложно выделить нечто общее между ними, так как в большинстве слов прослеживается не только национально-культурная специфика говорящего, но и его личностное отношение к называемому объекту. Итак, мы выделяем 10 наиболее часто встречаемых образов концепта «женщина»:

1. «Женщина – животное/птица» (27,7%)
2. «Вкусняшка» (16,6 %)

3. «Проститутка» (11,1 %)
4. «Золотоискатель» (9,26 %)
5. «Часть от целого» (7,4 %)
6. «Член семьи» (7,4 %)
7. «Предмет гардероба» (7,4 %)
8. «Ангел» (5,6 %)
9. «Лотерейный номер» (3,7 %)
10. «Феминистка» (3,7 %).

Первый ярко выраженный образ – женщина – животное/птица (Pigeon – голубка; Fox – лисичка; Filly – молодая кобыла; Moose – американский лось). Женщина – вкусняшка второй по частоте употребления образ (Cheesecake – торт; Dish – лакомство; Chick – цыпочка), женщина – проститутка (Call girl – девушка по вызову; Chippy – дешевка ; Pro – про), женщина – золотоискатель (Gold digger – золотоискатель; Slick-chick – ловкая, умелая цыпочка), женщина – часть от целого (Ball and chain – ядро на цепи; Better half – лучшая половина), женщина – член семьи (Mama bear – мама-медведь; Red-hot mama – пламенная мамаша), женщина – предмет гардероба (Bra-burner – «поджигательница бюстгальтера»; Suit – костюм), женщина – ангел (Angel – ангелочек), женщина – лотерейный номер (Number – номерок) женщина – феминистка (Goldie locks – золотые наручники; Libber – сторонник движения женщин за свои права).

Из приведенных образов женщин можно сделать вывод, что в целом, у представителей американской картины мира отношение к женщинам положительное, реже нейтральное. Интересен тот факт, что для ругательного отношения к женщинам используются образы животных, таких как корова, свинья и так далее.

Таким образом, проанализировав внутреннюю форму концепта «женщина» – «woman», мы пришли к выводу, что сам концепт является некой проекцией стереотипных представлений, сложившихся в ходе истории о женщине в американской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово [Текст] / Ю.Д. Апресян // Русская словесность: Антология. Под ред. В.Н. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267-280.
2. Кубрякова, Е.С. Семантика производного слова [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 2005. – 329 с.
3. Хомяков, В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Хомяков. – Л., 2008. – 168 с.

КОНЦЕПТ *БЕРЕГ* ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

С.А. Моисеева, А.Л. Великанова

Белгородский государственный университет

The article considers the peculiarities of the content and structure of the concept coast dealing with its verbal part in the French language; the authors

make the description of its representations using substantive paradigm; the question of national culture character is also touched.

В основе формирования многих фундаментальных концептов человеческого сознания лежат пространственные представления, что обуславливает неугасающий интерес к изучению пространства. К исследованиям средств объективации пространства и пространственных отношений принадлежат работы Н.Д. Арутюновой, Е.С. Яковлевой, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, В.В. Корневой и др. Данная категория является неотъемлемой составной частью языковой картины мира (ЯКМ), выступающей как инструмент изучения концептосферы народа, которая состоит из концептов, существующих в виде мыслительных схем, понятий, сценариев и т.п., обобщающих разнообразные признаки внешнего мира [Попова, 2002, с. 11].

Понятие географического пространства является важным компонентом концептосферы языка, что объясняет наличие соответствующего концептуального поля, имеющего сложную структуру, представленную макрополями. Репрезентации концепта *географическое пространство* отражаются в аспектах *суша* и *вода*. Такое разграничение даёт возможность выделить макрополя *ландшафт* и *водное пространство*. В составе поля *ландшафт* особое место занимает концепт *берег*, участок суши, сообщающийся с водным пространством.

Описание концепта предполагает исследование языкового корпуса, в котором данный концепт репрезентирован. Анализ средств языковой объективации концепта позволяет установить признаки его структурных компонентов, т.е. его информационного содержания, интерпретационного поля и образа [Попова, 2006, с. 76]. Информационное содержание включает в себя дефиниционный минимум признаков, конкретизирующих сущность концепта. Информационное содержание концепта *берег* заключается, главным образом, в характеристике денотата как участка суши, граничащего с каким-либо водным пространством. Этот признак представляет ядро рассматриваемого концепта.

Данный компонент структуры концепта *берег* соотносится со значениями единиц *côte*, *rive*, *rivage*, *littoral*, *berge*, *bord*. Эти лексемы указывают на денотат, объективируя когнитивный признак *край*: “Dominique devait aborder à l’autre rive” [Zola, 1971, с. 50]. Данный пример иллюстрирует реализацию аспекта *тип суши*, указывая непосредственно на сам денотат, и *динамичность*, подчёркиваемую глагольной формой, демонстрирующей способ достижения объекта.

Французское языковое сознание, вербализуя понятие ‘берег’, актуализирует признаки, лежащие в основу видовой дифференциации в зависимости от типа водного пространства, омывающего сушу: ЛЕ *côte* (f) номинирует морской берег, единица *littoral* (m) – зону, примыкающая к нему, побережье; более широким значением обладает лексема *rivage* (m), обозначающая берег не только моря, но и озера; существительное *rive* (f) актуализирует признак его расположения возле крупного водотока, в

некоторых случаях – моря; ЛЕ *berge* (f) используется для обозначения берега реки. Многозначное существительное *bord* (m), ядерной семой которого выступает *окраинное положение*, также номинирует берег во французском языке, соответствуя, тем самым, различным видовым понятиям.

Элементы, дополняющие информационное содержание концепта формируют его интерпретационное поле, в котором выделяют оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социально-культурную, паремиологическую зоны. Образный компонент является психофизиологической основой концепта [Попова, 2006, с. 78]. Основу интерпретационного поля составляют признаки энциклопедической зоны, связанные с принадлежностью к определённому водному пространству, высотой участка суши над уровнем моря, субстратом, строением, формой побережья.

Признак ‘положение по отношению к уровню моря’ реализуется лексемами *accore* (m) – ‘отвесный берег’, *plage* (a) – ‘отлогий берег’, *estran* (m) – ‘маршевый берег’, с конкретизирующей семой ‘принадлежность к эстуарию реки’, поскольку именно марши, состоящие из наносных фракций, характеризуются такой локализацией. К обозначенной подгруппе можно отнести географический термин *promontoire* (m), денотатом которого является отрог, высокий мыс, т.е. выступ берега в море, сложенный твёрдыми породами; обобщенная номинация мыса представлена единицей *sar* (m). Выступ берега также обозначается лексемой *bec* (m), она дифференцируется по признаку *принадлежность к морю, озеру, реке*, а также *узкая полоса*. Следует отметить, что субстантив *plage* неоднозначен, он используется для обозначения отмели, прибрежной полосы, представляя собой такой географический термин, как пляж – полоса суши, сложенная песком и галькой, часто образующаяся на защищённых участках береговой линии [Скиннер, 1999, с. 292].

Особенности строения исследуемого концепта также связаны с действием воды на сушу и, как следствие, образованием намывов и наносов, номинации которых реализуют когнитивные признаки *доступность для прохождения, возможность местонахождения*. что актуализируется во французском языке при помощи лексем *indentation* (f) ‘изрезанность побережья’ и *herbue* (f) – ‘илистые окаменевшие отложения на берегу моря’. Определённый тип небольшого возвышения номинируют лексемы *remblaiment* (m), *pointe* (f), *ensablement* (m), *envasement* (m) и *laisse* (f) (*lais* (m)), а именно, намыв, нанос с основным дифференциальным признаком *образованное водой*. Особым видом такого типа возвышения является *pointe*, ‘коса’, с характеристиками: *большая протяжённость, узкая полоса, береговое положение, выступ в сторону моря, реки, озера*. Как интегральные, так и дифференциальные семы единиц *remblaiment* и *laisse* относятся к их месторасположению: первая обозначает намыв реки, а вторая – моря. Качественные характеристики отражены в номинациях: у лексемы *ensablement*, с наиболее яркой семой *песчаное отложение*, у *envasement*, конкретизирующий признак *наличие ила*. Дифференциальной семой единицы

alluvionnement (m) является наличием аллювия, отложений, формирующихся водными потоками в речных долинах [Там же: 12].

Среди номинаций, обладающих национальной спецификой, необходимо выделить ЛЕ *riviéra* (f), обозначающую полосу побережья Средиземного моря, охватывающую территорию Франции и Италии. По признаку субстрата выделяют песчаный берег – ‘*grève*’ (f). Особенности песчаных побережий отражены в номинациях той или иной местности, так, лексема *graves* (f, pl) номинирует каменистые холмы на территории Жиронды.

Все перечисленные выше номинанты конкретизирующего характера в структуре концепта относятся к ближней периферии. Дальняя периферия представлена признаками регулятивной зоны, связанными с процессами, происходящими во время прилива и отлива и особенностями строения берега. Доля этого компонента в содержании концепта *берег* довольно велика, это связано с тем, что в национальном сознании французов находят своё отражение аспекты, относящиеся к утилитарной и социально-культурной зонам содержания концепта. Большая часть французских границ омывается морем, что обусловило развитие мореходства [Choix de lectures, 1971, с.33]. Французские порты и на сегодняшний день имеют немалое значение для экономики страны, что накладывает отпечаток на содержание концепта *берег* в аспекте ‘использование прибрежных территорий’, т.е. в прагматическом отношении. Перцептивный образ концепта основан на зрительных ощущениях, не исключая при этом наличие слухового восприятия вследствие присутствия воды и ветра, а также осязательных, связанных с возможностью тактильного контактирования с водой и землёй.

Реализация признаков энциклопедической зоны интерпретационного поля концепта *берег* осуществляется в аспектах ‘тип субстрата’, объективируемом лексемами *grève*, *estran*, *пологость/крутизна*, например: “Pendant ce temps, la future maman se promenait le long des plages, sous le tender soleil de janvier...” [Pagnol, 1957, с. 32]. ЛЕ *plage* объективирует когнитивный признак энциклопедической зоны *пологость*, в то же время использование глагола *se promener* указывает на присутствие признаков регулятивной зоны, связанных с возможностью пребывания на берегу. Эта характеристика в аспекте *опасность, связанная с деятельностью моря*, соотносится со значением ЛЕ *batture*, также объективирующей регулятивные признаки.

Признаки энциклопедической зоны, относящиеся к аспекту ‘форма побережья’ связаны с представлениями о конкретных разновидностях берега, таких, как *коса* и *мыс*: “On distingue devant soi, sur les bords de la mer, la baie du tombeau; un peu sur la droite, le cap Malheureux...” [Zola, 1971, p. 83]. Наличие в данном примере общей номинации *bord* и конкретной *cap* свидетельствует о дифференциации видов денотата, заключающихся в строении побережья. Кроме того, данный пример демонстрирует элемент описания пейзажа, который несёт в себе эстетическую оценку, что указывает на объективацию признаков оценочной зоны. Признаки утилитарной зоны проявляются при наличии средств, квалифицирующих побережье, например, прилагательных: “Nous n’étions plus en mer, et de chaque côté, tout au loin, on

apercevait des rives boisés...” [Malot, 2005, p. 263]. Прилагательное *boisé* может служить способом актуализации прагматического отношения. Признак квалифицирующего слова также может дополнять содержание интерпретационного поля концепта. В данном случае признак *степень проходимости леса*, свойственный использованному в данном примере прилагательному, реализует регулятивный компонент интерпретационного поля. Социально-культурный компонент реализуется в специфических особенностях, заключающихся в представлениях французов о тех или иных типах побережий, характерных для конкретной области. В совокупности эти и другие факторы (климатические, географические) формируют представление о культуре в различных районах страны. Так, имя собственное *Côte d’Azur* обозначает конкретную территорию Франции, отличающуюся не только климатом, рельефом, но и характерной для неё растительностью и свойственными ей культурными ценностями, что вносит социально-культурный компонент в содержание исследуемого концепта.

Анализ лексикализаций концепта *берег* показывает, что французское национальное сознание проводит детальную дифференциацию видов денотата, что свидетельствует о значимости данного концепта. В номинативном поле исследуемого концепта отразилась национальная специфика. Трактовка понятия *берег* зависит от вида примыкающего водного пространства, типа субстрата, формы побережья. Специфика концепта *берег* обусловлена тем, что Франция располагает большим количеством территорий, включающих береговые зоны, в связи с чем номинативная плотность данного концепта достаточно велика.

Материал исследования зонной организации номинативного поля концепта *берег* показал, что его ядро характеризуется достаточно высокими количественными показателями вследствие развитой синонимии обобщённых номинаций. Наибольшая численность объективаций свойственна зоне ближней периферии, в которой реализуются энциклопедические признаки, преобладающие в интерпретационном поле. Дальняя периферия составлена, в основном, квалифицирующими единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира [Текст] : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2002. – 59 с.
2. Попова, З.Д. Когнитивно-семантический анализ языка [Текст] : монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2006. – 226 с.
3. Скиннер, М., Редферн, Д., Фармер, Дж. География. А – Я [Текст] : Словарь-справочник / Пер. с англ. К.С. Ткаченко / М. Скиннер, Д. Редферн, Дж. Фармер.– М. : ФАИР-Пресс, 1999. – 528 с.
4. Choix de lectures sur la géographie de la France [Text]. – Ecole Supérieure, M., 1971. – 66 p .
5. Malot, H. Sans famille [Text]/ H. Malot. – СПб. : КОРОНА принт, КАРО, 2005. – 345 с.

6. Pagnol, M. La gloire de mon père [Text] / M. Pagnol.– Monte-Carlo : Ed. Pastorally, 1957.–306 p.
7. Saint-Pierre, B. Paul et Virginie [Text] / B. Saint-Pierre. – P. : CEE, 1993. – 221 p.
8. Zola, E. Contes et nouvelles [Text] / E. Zola. – M. : Editions du Progres, 1971. – 317 p.

КОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ МЕТАФОРИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

С.А. Моисеева

Белгородский государственный университет

И.А. Волошкина

Белгородская государственная сельскохозяйственная академия

The paper deals with the analyses of the phraseological metaphorization essence, its peculiarities in French. Having its roots in the extralinguistic world this phenomenon is the connecting cognitive link between this one, consciousness and the language, being realized in phraseological semantics.

Метафора в когнитивной лингвистике рассматривается как орудие познания, мотивирующееся этнолингвокультурной средой и одновременно выступающее как лингвокультурная сфера нации, интегрирующая все знания о мире, как информативный посредник в цепи «миропонимание – мироосознание – суждение». Метафора используется как ключ к системе изучения человеческой мысли. Мышление человека, связанное с его повседневным опытом, обусловлено метафорами, иными словами, человек мыслит, изъясняется метафорами, познавая, объясняя и оценивая мир. Как отмечал Дж. Джейнс, понять – это значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного [Jaynes, 1976, с. 50].

Когнитивная деятельность сознания сопряжена с «ухватыванием» и установлением смысла, имеющего ценностно-информационную значимость, в языковом выражении. Усвоение новой информации о мире осуществляется на базе ранее полученной. Уподобление ранее содержащейся и вновь полученной информации происходит в процессе ее осмысления. Работу мысли приводит в динамическое состояние модус фиктивности, основополагающая суть метафоры, позволяющий уподоблять логически несопоставимые и онтологически несходные сущности, и обеспечивающий «фиктивное» восприятие «буквального» значения, вызывающий образно-ассоциативное представление. «Сила метафоры <...> – в эффекте балансирования между <...> определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в прагматической значимости метафорической концептуализации мира» [Чудинов, 2001, с. 36]. Соизмеряя разные сущности, метафора создает на их основе новый гносеологический образ, синтезирует в нем признаки тех или иных сущностей, что позволяет получить «на выходе» новые смыслы, а соответственно и новые понятия, и новые значения [Москвин, 2000, с. 66].

Метафора позволяет совместить ментальные пространства разных сфер в одной языковой единице. Идею «смещения» ментальных пространств обозначил А. Ричардс, отмечая, что при использовании метафоры в сознании «присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, значение которых как раз и есть результат этого взаимодействия» [Ричардс, 1990, с. 46]. Основоположники теории смещения М. Тернер и Ж. Фоконье выдвинули идею, что метафоризация не исчерпывается проекцией из «сферы-источника» в «сферу-мишень», а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения [Turner, Fauconnier, 1995, 2000].

Результатом этих процессов выступает проецированное структурированное значение, базой для которого предстает исходное знание человека о мире. Метафорическая проекция отражает базовый когнитивный процесс получения выводного знания, когда из сопутствующих какому-либо понятию ассоциаций формируется новое знание, результатом когнитивной обработки которого будет появление нового концепта [Лапшина, 1998, с. 93].

Лингвистические исследования показывают, что метафора является одним из наиболее продуктивных способов формирования вторичных наименований, или фразеоединиц (ФЕ). В рамках новой парадигмы, предполагающей использование лингвокогнитивных аналитических методов, ФЕ рассматриваются как языковые информативные знаки, как единицы ментального лексикона, содержащие в сжатом виде этнокультурную информацию о событии/явлении, хранящиеся в памяти национального сообщества и извлекающиеся в виде устойчивых неделимых наименований, отражающих культурное пространство языка. Именно фразеологический субуровень языка наиболее эксплицитно отражает специфику познавательного опыта этнического сознания, в основе которого закладываются знания и суждения об окружающем мире. Фразеологические обороты разных типов (идиомы, поговорки, устойчивые компаративы) являются формой выражения объективной реальности в сознании носителей языка, системных отношений самого мира реальных. Посредством метафоризированных фразеологических знаков в языке фиксируются ментофакты материальной и духовной культуры нации, отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрирующая особенности менталитета конкретного этноса.

Метафора позволяет новому синтезированному понятию приобрести форму нового языкового знака, например, словосочетание *faire des étincelles*, означающее 'брызгать искрами, искриться', благодаря деривативной связи каждой из лексем и соответствующих им фразеолекс, а также семантическому переплетению значений последних, подвергаясь процессу метафорического переосмысления всего вновь сформированного языкового знака, при участии интенции этнического сознания передать конкретный смысл посредством нового знака, принимает значение 'из кожи (вон) лезть'. Тот же процесс можно

наблюдать и внутри других фразеологизмов: *manquer d'estomac* 'быть трусоватым'; *avoir bec et ongles* 'уметь постоять за себя', *avoir cent rues dans son sac* 'быть очень хитрым и оборотистым'. Метафора накладывает новую категоризацию на исходный объект, подключая к нему новые импликации [Shore, 1991, p. 9].

Структурированию фрагментов языковой картины мира, воплощенных во фразеоединицах, способствует метафорическое, образное восприятие картины мира. Процесс метафоризации в пределах фразеологического пространства базируется на общих логических и ассоциативных процессах человеческого мышления. Ассоциации, связанные с мирозерцанием, мироощущением, миропониманием, вызывают в нашем сознании некие синтезированные слуховые, осязаемые, зрительные образы, на основе которых воспринимается обобщенное содержание значения фразеологизмов. При создании фразеологического значения метафора выступает в роли узла, связывающего язык, мышление и культуру, в роли линзы, обостряющей понимание рассматриваемого понятия.

Формирование метафорически преобразованного значения ФЕ представляет собой процесс, заключающийся в: 1) семантической модификации исходного словосочетания со свойственной ей интенцией передачи комплекса смыслов; 2) экстралингвистической деятельности человека, связанной с субъективным способом видения мира и отражения его посредством языковых образов. Значение фразеологизма, полученное в результате метафоризации, отражает обобщенно-целостное обозначение с прикрепленным к нему субъективным осмыслением факта экстралингвистической действительности. Декодируя значение идиомы *vider son sac* 'напрямую высказать все, выговориться', заключающее в себе метафорический смысл, приобретенный в просторечии в XVII в., обнаруживается исходное наивное восприятие фрагментов действительности национальным французским сознанием, которое отражено во внутренней форме компонентов *sac* 'мешок', коррелирующего слову *ventre, estomac* 'живот, желудок' и *vider* 'опустошать', соответствующего значению лексемы *accoucher* 'освободиться от бремени' [Rey, 2003, p. 818]. Метафорическое основание данной ФЕ строится на проецировании первичного смысла на вторичный и на определенном ассоциативно-образном представлении, осознании связи человека с окружающим миром.

Метафора рассматривается как мощное средство создания когнитивной картины мира, поскольку она обусловлена физическим и духовным опытом человека и существует в человеческом сознании, прежде всего, в виде метафорического «сгустка» информации. Во фразеологической картине мира отмечаются несколько основных направлений процесса метафоризации значения исходных словосочетаний: 1) «человек – природа» (*c'est le mer à boire* 'это очень трудное дело', *sens dessus dessous* 'в беспорядке, кувырком'), 2) «природа – человек» (*cœur d'artichaut* 'непостоянный человек, ветренник', *couper la queue à son chien* 'совершить эксцентричные поступки, чтобы обратить на себя внимание'), 3) «человек – человек» (*mettre son cœur dans sa tête* 'уметь подчинять свои страсти, свои желанья разуму', *avoir à cœur de* 'считать своим долгом').

Таким образом, одним из основных свойств метафоры является ее антропоцентричность, которая заключается в соизмерении двух сущностей реального мира «в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений, а вместе с тем и с системой национально-культурных ценностей и стереотипов» [Телия, 1988, с. 40]. В объяснении возникновения антропоцентричности метафоры лежит идея, предложенная А.А. Потебней, что при рождении метафоры, востребованной для обозначения фактов реальной действительности, знак берется из ближайшего внешнего окружения и внутренней организации (т.е. того прошедшего и отдаленного, которое в данную минуту близко нашей мысли) [Потебня, 1990, с. 206]. Это означает, что человек в процессе метафоризации, концептуализируя действительность, обращается к уже к концептуализированному образу как к наиболее близкому и понятному знаку.

Метафора формируется посредством связывания между собой двух разных областей, одна из которых имеет отношение к конкретным, а другая – к абстрактным ощущениям и понятиям [Jaunes, 1976, p. 50]. Общее пространство содержит наиболее абстрактные элементы, присущие обоим исходным пространствам, т.е. выступает основанием метафоризации. Процесс фразеологической метафоризации характеризуется проецированием взаимодействия элементов различных «ментофактов» одной области в концепт другой. Вероятность такого взаимодействия предполагает согласованность тех или иных элементов разных концептуальных структур и свидетельствует о «когнитивной проницаемости» границ между взаимодействующими при метафоризации концептуальными областями. Таким образом, можно предположить, что процесс метафоризации фразеологической семантики происходит согласно формуле: $Con_1 \cap Con_2 \cap Con_3 \dots = U Con_{ФЕ}$, где $Con_1, Con_2 \dots$ – концептуальные пространства, представленные в исходном словосочетании, $Con_{ФЕ}$ – фразеоконцепт, $\cap$ – пересечение, U – объединение. Например, в семантическом пространстве поговорки *il y a plus de paille que de grain* (букв. – здесь больше соломы, чем зерна) согласно французскому этническому сознанию взаимодействуют один из когнитивных признаков концепта *paille* ‘солома’, а именно ‘подставной, фальшивый’, и один из признаков концепта *grain* ‘зерно’ – ‘настоящий, реальный’, которые в процессе метафорической семантической трансформации исходного словосочетания «вплетаются» в новое концептуальное пространство, тем самым способствуя проекции в нем устоявшихся этнических знаний, наделяя новый языковой знак новым значением ‘здесь больше показной, чем истинной доброты’.

Во вновь созданном метафоризированном фразеобороте детали исходных пространств «смешиваются» в так называемом “бленде”, в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, которая больше не зависит от исходных пространств и получает собственные потенции к дальнейшему развитию и «живет своей собственной жизнью» [Turner, Fauconnier, 2000, p. 137].

Человеческому сознанию присуще воспринимать мир различных сущностей в *пространстве* и во *времени*. Мир осознается человеком как подвижное, изменяющееся явление во времени и пространстве: *il y a temps et lieu* ‘все свое

время и место'. Большинство представлений человека основано на *пространственной* метафоре, подчиняющейся законам-формулам «верх-хорошо», «низ-плохо», «больше-хорошо», соответственно, «меньше-плохо»: *regagner le dessus du vent* (букв. – снова завладеть верхним слоем ветра) 'вновь одолеть, взять верх', *un bas du béret* (букв. – низ берет) 'тупица, идиот', *un moins que rien* (букв. – меньше, чем ничего) 'ничтожество, круглый нуль'.

Однако, не всегда во французском языке наблюдается соблюдение метафорического правила «верх» или «больше» суть «хорошо», а «низ» – «плохо», например, *battre pied à pied* (букв. – бороться шаг за шагом) 'упорно бороться', *il y a plus de paille que de grain* (букв. – здесь больше соломы, чем зерна) 'здесь больше показной, чем истинной доброты', *le prendre (de) haut* (букв. – воспринимать что-л. свысока) 'проявлять надменность, относиться с презрением, высокомерием, заносчиво'. Таким образом, мы можем констатировать влияние восприятия человеком изменяющегося реального мира, существующего в пространстве и во времени, на выбор источника метафоризации, на потенциал создания фразеологического значения. Метафора – это не только когнитивное мышление, но и способ выражения отношения, манифестации эмоций, который обязан метафоризированному образу, обрамленному во фразеологическую единицу.

Когнитивная сущность процесса метафоризации фразеологической семантики заключается в когнитивной интеграции познания окружающей действительности. Национальная картина мира приобретает особый колорит и выглядит гораздо ярче благодаря фразеологизмам, созданным при участии метафоры, так как метафоризация является семантическим механизмом для создания новых понятий, а соответственно, и новых знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапшина, М.Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте) [Текст] / М.Н. Лапшина . – СПб. : Изд-во С-Петер. ун-та, 1998. – 159 с.
2. Москвин, В.П. Русская метафора: параметры классификации [Текст] / В.П. Москвин. // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 66-72.
3. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика [Текст] / А.А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1990. – 344 с.
4. Ричардс, А. Философия риторики [Текст] / А. Ричардс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 44-68.
5. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция [Текст] / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 26-52.
6. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале : Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Текст] – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
7. Jaynes, J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind [Text] / J. Jaynes. – Boston: Houghton Mifflin, 1976. – 467 p.
8. Rey, A. Dictionnaire des expressions et locutions [Text] / A. Rey, S. Chantreau // Collections "Les Usuels du Robert". – Paris, 2003. – 1088 p.

9. Robert, Micro. Dictionnaire du français primordial [Text] / Micro Robert. – Paris, 1987. – 1211 p.
10. Shore, B. Twice-Born, Once Conceived: Meaning Construction and Cultural Cognition [Text] / B. Shore // American Anthropologist, 1991. – Vol. 93 – No.1, March. – P. 9-27.
11. Turner, M. Conceptual Integration and Formal Expression [Text] / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10 (3). – P. 183-203.
12. Turner, M. Metaphor, Metonymy, and Binding [Text] / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Metonymy at the Crossroads A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133-148.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

И.А. Морозова

Борисоглебский государственный педагогический институт

The aim of this article is to study the content of the concept “woman” in the conscience of Russian speakers with the help of psycholinguistic methods. There is a description of the experiments that were done, a description of the cognitive signs in the article.

На сегодняшний день в когнитивной лингвистике разработаны разнообразные методы и приемы описания концептов [Маслова, 2006, с. 55-60; Попова, Стернин, 2006 с. 112-152], среди которых особое место занимают экспериментальные методики. Процесс добывания знаний путем эксперимента в определенной степени является общим для разных наук и научных направлений.

В концептологии различные ассоциативные эксперименты позволяют определить психологически реальное значение слова в языковом сознании носителя языка, которое, как правило, существенно отличается по объему и структуре от его лексикографических описаний, а использование в последующем метода когнитивной интерпретации результатов психолингвистического эксперимента позволяет более полно представить когнитивную структуру и содержание соответствующего концепта, нежели это удастся только на основе словарных данных.

Следует заметить, что количество испытуемых обеспечивает надежность полученных результатов. Более или менее значимые результаты получают от не менее 100 испытуемых. В массиве испытуемых должны быть в приблизительно равной пропорции представлены лица разного возраста и пола, разных социальных групп.

Целью нашего исследования является описание содержания и структуры концепта «женщина» в сознании носителей современного русского языка. Несмотря на многочисленные работы, посвященные этому концепту, в процессе его изучения недостаточно обращаются к психолингвистическим методам.

Следует отметить, что в последние годы появились диссертационные исследования концепта «женщина» в русском языковом сознании,

выполненные на материале свободного и отдельных разновидностей направленного ассоциативного эксперимента [Адолина 2007; Досимова 2008], однако указанные изыскания еще не исчерпывают весь корпус возможных экспериментальных методик. Мы продолжили изучение названного концепта на материале других психолингвистических экспериментов (разновидности направленного ассоциативного эксперимента /НАЭ/, подбор симиляров и оппозигов).

Период проведения экспериментов – 2007-2009 г.г. Эксперименты осуществлялись как в групповой, так и в индивидуальной форме. Групповые эксперименты проводились с 15-30 испытуемыми за один сеанс. Для лингвокогнитивного анализа были взяты все ответы испытуемых, в том числе единичные реакции. На основе полученных ассоциаций методом когнитивной интерпретации были сформулированы когнитивные признаки, образующие содержание исследуемого концепта в сознании современных носителей языка. Для каждого признака был высчитан индекс яркости – ИЯ (отношение числа объективаций данного когнитивного признака в эксперименте к числу участников эксперимента), в соответствии с которым ранжировались выявленные признаки. ИЯ позволяет сравнивать результаты различных экспериментов независимо от количества испытуемых. Дадим краткое описание проведенных психолингвистических экспериментов.

В качестве основного был использован **направленный ассоциативный эксперимент** в двух разновидностях (завершение тестовой фразы /женщина – это.../, подбор определений /женщина – какая?/). В эксперименте приняли участие жители г. Москвы, Борисоглебска, сельской местности Воронежской области трех возрастных категорий: подростки 14-17 лет /260 человек/, молодежь 18-25 лет /260 человек/ и взрослые 35 лет и старше /260 человек/. В каждом из двух видов направленного эксперимента было опрошено 780 человек, всего 1560. Для дальнейшего выявления гендерных, территориальных особенностей концепта во всех возрастных группах опрашивалось одинаковое количество лиц мужского и женского пола /по 130 человек/ разного уровня культуры, образования, социального положения, с учетом их места проживания /по 65 человек из города и села/.

Методика завершения тестовой фразы. Испытуемым предлагалось письменно ответить на вопрос, содержащийся в следующей инструкции: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте, который проводится в научных целях. Продолжите, пожалуйста, фразу *Женщина – это...* Спасибо за участие». Время на выполнение задания не ограничивалось.

В результате от 780 ИИ было получено 1943 реакции, на основе которых выявлено 138 когнитивных признаков, наиболее яркими из них являются: *выступает в роли матери 0,28; является человеком 0,22; красивая 0,2; продолжательница жизни 0,13; женственная 0,11; относится к женскому полу 0,11; является женой 0,1; любимая 0,09; хранительница домашнего очага 0,09; добрая 0,06; умная 0,06 и др.* 101 когнитивный признак имеет ИЯ 0,01 и ниже, т. е. по результатам проведенного эксперимента эти признаки объективированы количеством ассоциаций от 9 до 1. Приведем примеры таких

признаков: *доставляет много проблем, является дочерью, является полноправным членом общества, является сестрой, трудолюбивая, деловая и др.*

Подбор определений к слову-стимулу. Опрашиваемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте, который проводится в научных целях. Подберите и запишите, пожалуйста, определения к слову *женщина* (*женщина – какая?*). Просим дать не менее 3-х определений. Пишите так, как Вы думаете. Все Ваши ответы будут правильными. Не вносите исправлений в уже написанное. Не забудьте указать необходимые сведения о себе. Спасибо!»

Обработка анкет 780 участников эксперимента позволила получить 2782 реакции (некоторые испытуемые подбирали более 3-х определений), на основе которых методом когнитивной интерпретации сформулировано 110 когнитивных признаков. Перечислим самые яркие признаки: *красивая 0,68; умная 0,52; добрая 0,31; женственная 0,26; внешне привлекательная 0,14; заботливая 0,12; обаятельная 0,09; хозяйственная 0,08; стройная 0,07; любящая 0,07; душевная 0,07; любимая 0,07 и др.* Наименьшую яркость имеют признаки: *замечательная, страстная, взрослая, интересная, открытая, слабая, хранительница домашнего очага и др.*

Подбор симиляров. Участникам эксперимента необходимо было выполнить следующее задание: «Просим Вам принять участие в психолингвистическом эксперименте. Подберите и запишите близкое по смыслу слово (слова) к слову *женщина*. Укажите свои данные (пол, возраст, образование, место работы/учебы, место жительства). Спасибо». В данном эксперименте также приняли участие жители г. Москвы, Борисоглебска, сельской местности Воронежской области трех возрастных категорий: подростки 14-17 лет /30 человек, из них 12 человек мужского пола и 18 – женского/, молодежь 18-25 лет /40 человек, из них 17 мужчин и 23 женщины/ и взрослые 35 лет и старше /30 человек, из них 9 мужчин и 21 женщина/. Всего 100 человек.

В результате подбора симиляров было получено 95 реакций /5 отказов/, выявлено 11 когнитивных признаков. Из них максимальный ИЯ имеет когнитивный признак *относится к женскому полу 0,48*, у остальных признаков ИЯ значительно меньше: *выступает в роли матери 0,15; хранительница домашнего очага 0,11; является женой 0,08 и др.* Единичными реакциями объективированы признаки *божественная; самое главное в жизни; совершенство 0,01*.

Подбор оппозигов. Опрашиваемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте, который проводится в научных целях. Подберите и запишите, пожалуйста, противоположное по смыслу слово (слова) к слову *женщина*. Не забудьте указать необходимые сведения о себе. Спасибо!» В эксперименте приняли участие жители г. Москвы, Борисоглебска, сельской местности Воронежской области трех возрастных категорий: подростки 14-17 лет /25 человек, из них 9 человек мужского пола и 16 - женского/, молодежь 18-25 лет /44 человека, из них 14

мужчин и 30 женщин/ и взрослые 35 лет и старше /31 человек, из них 7 мужчин и 24 женщины/. Всего 100 человек.

Все испытуемые дали по 1 ответу, в итоге получено 100 реакций, на основе которых установлено всего 3 когнитивных признака: *противопоставлена мужскому полу 0,94; относится к женскому полу 0,05; дьявол 0,01.*

На основе сведений, полученных по результатам всех проведенных экспериментов, была составлена сводная таблица когнитивных признаков. Анализ данной таблицы показывает, что 2 признака были выделены во всех экспериментальных описаниях и имеют достаточно высокий индекс яркости (далее в перечне когнитивных признаков указывается максимальный ИЯ): *противопоставлена мужскому полу 0,94; относится к женскому полу 0,48.*

4 одинаковых признака выявлено на основе данных 3-х экспериментов /завершение тестовой фразы, подбор определений к слову-стимулу, подбор симиляров/: *красивая 0,68; женственная 0,26; хранительница домашнего очага 0,11; божественная 0,02.* Имеются одинаковые признаки, установленные по результатам 2-х экспериментов, больше всего таких совпадений (56 когнитивных признаков) наблюдается в списках, полученных на материале разновидностей НАЭ /женщина – это...; женщина – какая?/: *мудрая 0,06; сильная 0,05; загадочная 0,04; самостоятельная 0,04; образованная 0,04; ответственная 0,02; молодая 0,02 и др.*

Между тем, есть когнитивные признаки, которые были выявлены по результатам какого-либо одного эксперимента. Методика завершения тестовой фразы /НАЭ/ позволила установить такие признаки, как *является человеком 0,22; продолжательница жизни 0,13; нуждается во внимании и восхищении 0,02, умеет дружить 0,02, поддерживает мужчину 0,02 и др.*

Только на материале эксперимента по подбору определений /НАЭ/ были сформулированы следующие признаки: *высокая 0,03; вежливая 0,02; взрослая 0,01; открытая 0,01; честная 0,01; кокетливая 0,01 и др.*

Когнитивные признаки, выявленные по результатам парадигматических экспериментов (подбор симиляров и оппозитивов), немногочисленны, совпадают с признаками, установленными по материалам НАЭ (исключение – признак *дьявол*, объективированный единичной реакцией), однако некоторые из них имеют достаточно высокий индекс яркости, что свидетельствует об эффективности данного типа эксперимента для выявления того или иного признака и будет учитываться при обобщении итогов всех экспериментов [5, с.28].

Таким образом, по нашим данным, наиболее информативным в процессе психолингвистического исследования концепта «женщина» оказался направленный ассоциативный эксперимент. Тем не менее, следует подчеркнуть, что в процессе описания концептов важно обращение к совокупности различных ассоциативных экспериментов. Каждый из них позволяет обнаружить когнитивные признаки, не выводимые из результатов других экспериментов, сравнение полученных данных дает возможность определить максимальный индекс яркости признака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адонина, Л.В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Адонина. – Воронеж, 2007. – 240 с.
2. Досимова, М.С. Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина» (на материале русского и казахского языков) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / М.С. Досимова. – Астрахань, 2008. – 206 с.
3. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] : учеб. пособие / В.А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 296 с.
4. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] : монография / З.Д.Попова, И.А.Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с.
5. Стернин, И.А. Некоторые актуальные проблемы современной концептологии / И.А.Стернин // Лингвоконцептология. – Вып.2. – Воронеж : изд-во «Истоки», 2009. – С. 25-39.

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Л.А. Нефёдова, И.А. Минакова

Челябинский государственный университет

The article deals with the problem of cognitive modeling of a text. It broaches a mechanism of model construction for speech production and speech perception. The article reveals the significance of a situation model for linguistic-cognitive modelling of the text.

По мнению Дж. Лаккофа, человек организует своё знание посредством структур, называемых когнитивными моделями, которые представляют ментальную структуру, механизмом реализации которой выступает взаимодействие различных разделов головного мозга при переработке и порождении информации [Лакофф, 2004, с. 163].

Когнитивный подход в моделировании ориентирован на то, чтобы актуализировать интеллектуальные процессы субъекта и помочь ему системно зафиксировать и обосновать сложившуюся ситуацию и на качественном уровне предложить пути решения проблемы с учетом факторов внешней среды [Федюченко, 2009, с. 87].

На сегодняшний день термин «когнитивная модель» (cognitive model, cognitives Modell, modèle cognitive) реализуется в нескольких общих моделях, таких как модель реализации, модель классификации и концептуализации, и в прикладных, например, модели текста [Дейк, Кинч, 1988, с. 173], которая требует построения когнитивных моделей отдельных ситуаций.

Нам хотелось бы более подробно остановиться на проблеме моделирования текста, которая очень тесно связана с когнитивной моделью речи, направленной на выяснение состава информационно самостоятельных модулей.

Структуры знаний (когнитивные модели), существующие в нашей памяти как упорядоченные во времени последовательности стереотипных событий, соединены с моделями связного текста, и обеспечивают его локальную и глобальную когерентность, и при этом они основаны на

стратегии планирования текста и на процессе его восприятия [Гурочкина, 2000, с. 235-239].

Перспективность когнитивного моделирования текста (дискурса) во многом обусловлена тем фактом, что некоторые виды разноязычных дискурсов могут открыть новые грани когнитивных механизмов речевой деятельности человека. Специалисты в области когнитивного анализа текста исходят из того, что в процессе речетворческого процесса индивид выступает одновременно и как субъект восприятия, и как субъект порождения речи, в сознании которого происходит мгновенная обработка данных в обоих направлениях [Цурикова, 2001].

Когнитивная система индивида при этом проявляется в понятии когнитивного стиля, который свойствен каждому человеку. Еще Ж.-П. Декле говорил о том, что «когнитивная система предполагает наличие опоры – центра, в котором осуществляется умственная деятельность, управляемая разумом» [Declès, 1996, p. 12].

В широком смысле «когнитивный стиль» определяется как предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, но вне зависимости от его интеллектуального уровня, то есть для выделения стиля важно не достижение цели, а то, каким образом он достигается [Демьянков, 1994, с. 27].

Когнитивная порождающая модель ориентирована на последовательность мыслительных состояний автора и адресата текста. Последовательность элементов «экспозиции» (в смысле Дж.Остина – собрание ментальных событий, действий, непосредственно влияющих на порождение текста) будет коррелировать с прагматической структурой текста. Когнитивная ситуация (или событие) составит единицу семантико-прагматической структуры высказывания, при этом базовая когнитивная структура рассматриваемого познавательного действия будет определять каноническую иллокутивную структуру и очерчивать каноническую дискурсивную единицу [Поляк, 1998, с. 43].

Значительный интерес представляет когнитивная модель порождения текста, описанная В.В. Красных. Первопричиной порождения любого речевого произведения автор считает ситуацию, под которой понимается «фрагмент объективно существующей экстралингвистической реальности» [Красных, 1998, с. 56]. Ситуация формирует мотив и интенцию как психолингвистическое воплощение мотива. Воплощением же интенции, а через нее и мотива, выступает концепт, представляющий собой глубинный смысл или свернутую смысловую структуру текста. При порождении речевого произведения концепт является отправной точкой, которая предопределяет не только смысловую структуру текста, но через нее и его логическую структуру, диктующую, в свою очередь, «выбор того репертуара языковых средств, который реально используется при порождении текста» [Красных, 1998, с. 60]. Подобная зависимость выстраивается автором между внутренней и внешней формами речевого произведения.

Бернар Потье рассматривает модель с позиций говорящего (ономазиологическое направление) и слушающего (семасиологическое направление).

В структуре модели он выделяет 4 уровня:

1. Референциальный уровень (реальный или воображаемый мир).
2. Концептуальный уровень (уровень ментального сечения репрезентации), построенный, исходя из референциального уровня, основанный как на социальных навыках, так и на индивидуальных творческих потребностях.
3. Уровень естественного языка, соответствующий совокупности языковой компетенции.
4. Уровень готового текста (это результат языковой, когнитивной, контекстуальной, ситуационной, интенциональной составляющих), коррелирующий с другими семиологическими системами [Pottier, 1987, с. 59].

Уровень восприятия в его модели коррелирует с ментальными репрезентациями, которые представляют собой «мыслительные проекции / корреляты значимых для сознания фрагментов действительности» [Клепикова, 2008, с. 5]. Они охватывают наше видение мира (референциальный уровень) и то, как этот мир отражён в существующих мнениях, знаниях и верованиях людей (концептуальная часть нашего сознания).

Ментальные репрезентации облекаются в форму мысли [Sperber, 2000; Wilson 2000]. В связи с этим, производитель высказывания с его индивидуальными особенностями сознания и мышления помещается в центре модели, ведь «люди обладают ментальными процедурами, которые оперируют ментальными репрезентациями для осуществления мышления и действий» [Thagard, 1996, p. 4-5].

Уровень естественного языка коррелирует с лингвистическими (символьными) репрезентациями, которые имеют форму языкового выражения. Концептуальная система объективирована языком и представлена в формате языковых репрезентаций.

Когнитивная ситуация обуславливает выбор языковых средств, необходимых для порождения данного текста.

При восприятии текста идёт обратный процесс трансформации лингвистических репрезентаций в ментальные.

Важным при раскрытии заложенной в тексте информации является то, что человек оперирует не только языковыми данными. В свою речевую деятельность он привносит еще и мнения, верования, свои личностные характеристики. Такие структуры называются у В.В. Красных феноменологическими, так как они формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической природы, то есть об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях литературы [Красных, 2002, с. 42].

В связи с этим, мы вслед за В.В. Красных, говоря о процессе «восприятия», имеем в виду трёхступенчатую схему, иерархически упорядочивая восприятие, понимание и интерпретацию:

1 этап – восприятие, то есть прием некоторого сообщения;

2 этап – понимание, то есть осмысление текста через анализ его вербальной формы;

3 этап – интерпретация путём соотнесения вычлененной из текста информации и имеющимися знаниями об экстралингвистической реальности [Красных, 2001, с. 231-232].

Таким образом, общение и понимание не всегда возможны, если у коммуникантов нет общих когнитивных структур (другими словами общего фонда знаний), так как понимание происходит глубже и адекватнее при наличии большего количества «коллективных» когнитивных структур.

В когнитивной теории у исследователей особой популярностью пользуется конструктивно-интеграционная модель В. Кинча.

В ней выделяются три уровня репрезентации: поверхностная форма, пропозициональная форма (базы текста) и модель референтной ситуации.

Поверхностная форма сохраняет точные образы слов и синтаксических конструкций дискурса; база текста содержит набор микрокогерентных пропозиций воспринимаемого дискурса. На уровне референтной ситуации получаемая информация интегрируется с системой энциклопедических знаний и соотносится с уникальным концептуальным пространством обрабатываемого дискурса. Особое значение в этой модели уделяется рабочей памяти. Авторы модели исходят из того, что ее объем ограничен и может вместить лишь репрезентацию одного обрабатываемого высказывания и набор пропозиций, вынесенных из предыдущих циклов восприятия и хранившихся до перемещения в рабочую память в эпизодической памяти. Из эпизодической памяти активизированные пропозиции переходят в долговременную память [Цурикова, 2001, с. 144].

По мнению Р.Л. Солсо, модель В. Кинча привлекательна тем, что она позволяет делать очень точные прогнозы о влиянии типов речевых произведений на процессы чтения и понимания [Солсо, 1996, с. 340].

Среди основных компонентов, или оснований модели понимания, разрабатываемой В. Кинчем и его группой, выделяются следующие моменты:

1. Конструктивистское основание модели, предполагающее, что и автор, и реципиент конструируют представление об излагаемых в тексте событиях на основе визуальных и языковых данных. Этот момент связан с внешней организацией текста.

2. Интерпретирующее основание модели, связанное с семантическим аспектом обработки текста и означающее, что и адресант, и адресат интерпретируют информацию, составившую содержание языкового сообщения.

3. Пресуппозиционное основание, относящееся также к семантическому компоненту, поскольку, по мнению авторов, модель понимания включает в

себя не только обработку и интерпретацию непосредственно воспринимаемых данных, но и использование внутренней когнитивной информации [Дейк, Кинч, 1988, с. 158].

Все перечисленные компоненты имеют отношение к внутренней и внешней формам текста.

Одной из процедур когнитивной лингвистики является представление знаний человека в соответствующих когнитивных моделях, передающих восприятие и память индивида. В связи с этим, при анализе языковых категорий необходимо выявить, какую структуру знаний фиксирует каждая из категорий, какую роль она играет в сжатии и развёртывании знаний, в различной степени детализации определённых интенций участников речевого акта. Эту задачу предлагается решить через ситуационное моделирование.

Если говорить о ситуационных моделях, то в их основе лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные знания носителей языка, под которыми понимаются опыт, установки и интенции, чувства и эмоции. Модель представляет собой когнитивный коррелят ситуации (то есть некоторого фрагмента мира), где человек является наблюдателем или участником, либо он слышит или читает о ней.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в ситуационных моделях отражены знания и мнения людей о конкретных событиях и ситуациях. В связи с этим, нам представляется целесообразным использовать данную когнитивную структуру при интерпретации текста (в частности, художественного).

Ситуационная модель – гибкая схема, допускающая собирание сходных ситуаций. По мнению Т.А. ван Дейка, эпизодическая память человека представляет собой «не просто неорганизованную свалку несметного количества ситуационных моделей» [ван Дейк, 2000, с. 187]. Вероятнее всего, сходный опыт собирается в ней воедино, что вместе с тем не означает отсутствия возможности селективного поиска в памяти какой-то специфичной информации. Мы можем сделать это либо с помощью выборочного поиска деталей из терминальных категорий, либо при помощи поиска репрезентации текста или других репрезентаций, которые у нас есть об этом специфичном событии.

Таким образом, ситуационные модели находятся в эпизодической памяти, и мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идёт речь.

Резюмируя суть модели ван Дейка, можно отметить, что использование моделей объясняет, почему слушающий прекрасно понимает имплицитные и неявные фрагменты текстов. В данном случае он активизирует соответствующие фрагменты ситуационной модели. Подобные модели дают нам возможность определить истинность или ложность тех или иных фрагментов текста, установить их кореферентность и выявить связность на локальном и глобальном уровнях [Нефедова, 2008, с. 49].

Важным следствием идеи о фундаментальной роли ситуационных моделей в познании является тезис о том, что люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нём, сколько о субъективных моделях явлений и ситуации действительности.

Отсюда следует, что индивидуальные и групповые различия в обработке социальной информации могут быть объяснены на основе различий ситуационных моделей [ван Дейк, 2000, с. 9].

Базисные атрибуты когнитивной модели находят своё отражение в двойной репрезентации смысла текста в эпизодической памяти. Понимание речи предполагает создание носителем языка семантического представления в форме базы текста и структуры знаний в виде ситуационной модели.

Т. ван Дейк предлагает три уровня описания модели:

- семантический уровень;
- прагматический уровень (анализ контекстуальных параметров);
- интеракционный уровень.

Семантический уровень обработки информации предполагает конструирование пропозициональной базы текста.

В работах Т. Ван Дейка процесс создания глобального содержания дискурса известен как макроструктура дискурса. Она, в свою очередь, может быть структурирована в глобальные схематические структуры – суперструктуры, определяемые как глобальный синтаксис текста, организующий главные темы дискурса. В связи с этим, база текста обладает двумя глобальными категориями: суперструктурой и макроструктурой. Выведение базы текста – это семантический уровень когнитивной обработки.

Параллельно семантической и прагматической обработке дискурса в сознании человека происходит интеракционная обработка. На каждой стадии, получая языковую и прагматическую информацию, коммуниканты создают репрезентацию актуализируемой социальной ситуации. Здесь задействованы экстралингвистические знания разного характера: о типах социального контекста, ситуациях общения, об общих свойствах текущей социальной интеракции и особенностях составляющих ее конкретных коммуникативных действий.

На наш взгляд, эпизодическая ситуационная модель представляет собой один из перспективных способов когнитивного моделирования и инкорпорирует поверхностную репрезентацию (текст), в пропозициональную базу текста (макроструктуру и суперструктуру) и модель ситуации.

Внутренний контекст социального события речевого общения составляет компонент, определяющий, что является его содержанием, и характеризующий особенности когнитивных пространств взаимодействующих людей. Основная роль модели проявляется в том, что она как бы восполняет «брешь» между значением и референцией, обеспечивает перспективу или точку зрения, с которой видятся репрезентации фактов, что позволяет выявить когнитивный сценарий. Кроме этого, она играет решающую роль в обновлении и соотнесении общего знания с личным опытом в памяти, когда существующая модель

модифицируется на основе нового текста и здесь возможно выявление рамки общего фрейма, которая позволяет объяснить индивидуальные различия в понимании одинаковой информации, опираясь на разноуровневые единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурочкина, А.Г. Понятия «скрипт» и «сценарий» и их роль в процессе восприятия и интерпретации текста [Текст] / А.Г. Гурочкина // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка : *Studia Linguistica* 9. – СПб., 2000. – С. 235-240.
2. Дейк ван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А ванн Дейк. – Благовещенск : БГТ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. –286 с.
3. Дейк ван, Т.А., Кинч, В. Стратегия понимания связного текста [Текст] / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153-211.
4. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
5. Клепикова, Т.А. Типология лингвистических метарепрезентаций [Текст] / Т.А. Клепикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3. – С. 5-15.
6. Красных, В.В. От концепта к тексту и обратно [Текст] / В.В. Красных // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. – 1998. – № 1. – С. 53-70.
7. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций [Текст] / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2001. – 189 с.
8. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 178 с.
9. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 354 с.
10. Нефёдова, Л.А. Когнитивный аспект имплицитности в коммуникации [Текст] // Мордовская Е.В., Нефёдова Л.А., Ремхе И.Н. Особенности перевода когнитивных пространств в структуре знаний говорящего: кол. монография / Отв. редактор Л.А. Нефёдова. – Костанай : Кост. филиал ЧелГУ, 2008. – 148 с.
11. Поляк, Е.О. Когнитивная модель иллокутивной составляющей дискурсной аргументативной единицы [Текст] : дис.... канд. филол. наук / Е.О. Поляк. – М. : МГЛУ, 1998. –186 с.
12. Солсо, Р.Л. Введение в когнитивную психологию [Текст] / Р.Л. Солсо. – М. : Тривола, 1996. – 235 с.
13. Федюченко, Л.Г. Метод когнитивного моделирования учебного дискурса [Текст] // Лингвистическое моделирование : кол. монография. – Тюмень : Ветор Бук, 2009. – С.86-93.
14. Цурикова, Л.В. Проблема когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике [Текст] / Л.В. Цурикова // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2001. – № 2. – С. 128-157.

15. Dècles, J.-P. Language, cognition et textes [Текст] / J.-P. Dècles. – P., 1996. – 240 p.
16. Pottier, B. Théorie et analyse en linguistique [Текст] / B/ Potter. – P., 1987. – 148 p.
17. Sperber, D. Introduction [Текст] // Metarepresentations: a multidisciplinary perspective / D. Sperber. – Oxford, 2000. – P. 34-38.
18. Thagard, P. Mind. Introduction to cognitive science [Текст]. Cambridge, 1996.
19. Wilson, D. Metarepresentation in linguistic communication [Текст] / P. Thagard // Metarepresentations: a multidisciplinary perspective. – Oxford, 2000. – P. 158-164.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

И.А. Осипова

Оренбургский государственный университет

The article considers the problem of the importance of units of different level of the language by understanding of the text. The article contains the experimental research of a question about the grammatical organisation of space of keywords in the art text.

В лингвистической литературе ключевые слова (далее КС) понимаются обычно лексемы, несущие основной смысл в тексте, иными словами единицы смысла. Не зря им было дано название «смысловые вехи», т.к. они служат ориентирами в процессе понимания текста, или другими словами, операторами, с помощью которых происходит членение текста на отдельные смысловые группы и их обобщение. При этом объединение КС в языковые единицы большего объема (словосочетание, предложение) почти не рассматриваются в существующих концепциях КС. Полагается, что лексический уровень является единственным ключом к текстовой семантике. Но это лишь в теории, а на практике мы наблюдаем несколько другую ситуацию.

Для того чтобы исследовать, на каком уровне происходит понимание текста, на лексическом или синтаксическом, нами был проведен эксперимент. Материалом послужил рассказ Леонида Енгибаряна «Аплодисменты». В качестве информантов выступили студенты и аспиранты филологического факультета ОГУ (30 информантов) в возрасте от 18 до 25 лет, для которых русский язык является родным. Каждому информанту был предложен экземпляр текста и следующая инструкция: «Прочитайте текст и подчеркните в нем ключевые слова, т.е. слова, важные для понимания текста». Время работы с текстом и количество выделяемых ключевых слов не ограничивалось, однако в среднем время работы составило 20 мин. В результате эксперимента было получено 30 бланков с выписанными ключевыми словами исходного текста. Объем подчеркнутых слов в одной карточке колебался в пределах от 12 до 73 КС, что в среднем соответствует данным, полученным Л.Н. Мурзиным и А.С. Штерн [Мурзин, Штерн, 1991, с.

77-79]. Согласно этим данным средний объем опорных слов в одной карточке должен составлять 15 лексических единиц, т.к. именно такое количество слов является оптимальным для понимания текста.

Несмотря на требование инструкции, испытуемые выделяли не только отдельные слова, но и словосочетания или целые предложения, которые разбивались нами на отдельные слова. (Под словом здесь понимается графическая единица от пробела до пробела).

Всего информанты выделили 557 КС. Если учесть тот факт, что общий объем словоупотреблений в тексте составил 157 единиц, то объем КС, который они занимают во всем пространстве текста, составил почти 12 %. Следовательно, 88 % слов являются неключевыми для понимания текста.

С.А. Сиротко-Сибирский отмечал, что «ключевым признается не только слово, но и словосочетание, предложение, сверхфразовое единство» [Сиротко-Сибирский, 1988, с. 9]. Для того чтобы определить, на основе чего происходит понимание текста, на основе слов, цепочки слов, словосочетаний или предложений, выделенные КС были распределены по следующим критериям: графическое слово; словосочетание; предложение.

В тексте «Аплодисменты» информантами непрерывной чертой было выделено от 1 до 14 КС. Для примера разберем первое предложение одного из 30 информантов: *Каждый вечер в огромном зале я собираю тысячи аплодисментов, тысячи всплесков человеческих рук, и охапками приношу их домой*. В данном предложении испытуемый подчеркнул непрерывной чертой 3 КС (собираю тысячи аплодисментов), затем 2 КС (человеческих рук) и 4 КС (охапками приношу их домой). В результате анализа всего текста было выявлено, что в качестве КС выступает для большинства испытуемых именно 1 графическое слово (202 реакции). Нами была подсчитана частотность появления КС в зависимости от количества КС, для чего высчитывалось отношение количества реакций на количество испытуемых ($202/30=6,73$). Следовательно, частотность 1 графического слова в каждой реакции составила 6,73. Ниже приведена таблица всех отношений.

Таблица 1. Соотношение частотности появления КС в зависимости от количества КС

Количество КС	Частотность
1	6,73
2	4,60
3	3,47
4	2,00
5	0,33
6	0,53
7	0,63
8	0,23
14	0,03

Исходя из таблицы, мы видим, что КС в тексте может быть любое количество, но если КС совпадает с 1 графическим словом, то это составляет третью часть от всех слов в тексте. Но если мы сравним количество КС,

равных 1 с количеством КС, которые больше 1, то увидим, что количество вторых в 1,7 раз больше. Следовательно, можно сделать вывод, что для понимания текста большую значимость несут не одиночные графические слова и не группы из 5 и более элементов, а от 1 до 4 стоящих друг за другом графических слова.

Второй критерий выделения КС – словосочетание. Все словосочетания из текста «Аплодисменты» по синтаксическим отношениям были распределены нами следующим образом: предикативные отношения, атрибутивные отношения, объектные отношения и обстоятельственные. Преобладающими выступили словосочетания с предикативными отношениями (160 реакций), ввиду того, что сам текст насыщен глагольностью, о чем будет указано ниже. Сюда можно отнести такие примеры: *они не разлетелись, ты продолжаешь играть, мне становится грустно, стих (последний) хлопок* и т.д. На втором месте по количеству слов оказались объектные отношения (58), т.е. отношения между называемым в слове действием, состоянием, признаком и тем предметом, на который направлено это действие, например: *включаю свет, закрыл меня, (охапками) приношу их, тебя оглушил, закрываю окно, собираю тысячи аплодисментов, ничего не видишь и не слышишь*. К атрибутивным отношениям (50 реакций) были отнесены словосочетания, характеризующие предметы и их признаки: *всякая игра, последний хлопок, каждый вечер, огромный зал*. Наименьшее количество составили обстоятельственные отношения (39), т.е. отношения, при которых действие определяется со стороны своего качества: *охапками приношу их домой, плещутся у твоих ног, фонтанчиками взлетают к потолку, распахиваю настежь окна*. В таблице 2 представлена грамматическая классификация встречаемости всех КС в бланках информантов.

Таблица 2. Грамматическая характеристика пространства КС

Параметры выделения	Словосочетание							
	Графическое слово	Предикативные	Атрибутивные	Объектные	Обстоятельные	Предложные	Словотворческие	Сочетания слов
Количество слов	202	160	50	58	39	1	8	39

Из таблицы видно, что случаи выделения целых предложений в качестве ключевых фиксируются редко. По нашим подсчетам: из 30 обработанных реакций только 1 раз было подчеркнуто все предложение, например: *Минута, другая вот и стих последний хлопок*.

Слова, не вошедшие в разряд графического слова, словосочетания или предложения, были отнесены к словоформам и сочетаниям слов. Под словоформой понималось слово в узком смысле, то есть обладающая признаками слова цепочка фонем, формально отличающаяся от другой. Сюда были отнесены такие языковые элементы (8): *к тебе, для тебя, без чего, на*

тахте. Группу «сочетания слов», количество которых составило 39, объединили большей частью предикаты: *не можешь жить, не видишь, могла разглядеть, пойду собирать, не слышишь* и т.д.

Проанализировав таблицу 2, мы приходим к выводу, что количество словосочетаний в 1,5 раза превышает число выделенных информантами графических слов. Это свидетельствует о том, что КС нужно понимать не как группу из одиночных и разбросанных по всему тексту слов, а как группу, состоящую из цепочки от 2 до 4 связанных друг с другом слов. Таким образом, значимыми выступают единицы синтаксического уровня, а именно словосочетания.

Интересно проанализировать этот текст с позиции морфологии и определить, какие части речи в данном тексте чаще выступают в роли КС. Естественно, что знаменательные слова превалируют над служебными. Сам текст характеризуется большим количеством глаголов. В качестве КС информантами тоже были выделены большей частью глаголы 369 реакций. Все глаголы в тексте можно поделить на две большие противопоставленные друг другу группы. Первую группу образуют глаголы, которые описывают статичное действие. Сюда относятся такие глаголы: *собирать, утихнуть, сидеть, успокоится, уставать* и т.д. Вторая группа включает в себя более динамичное действие: *заполнять (комнату), плескаться, взлетать, вырываться, разлетаться*. На протяжении всего текста действие постоянно перетекает из менее активного в более импульсивное состояние. Следует заметить, что из всех реакций наиболее значимыми для информантов оказались статичные глаголы: *собирать* (36 раз), *приносить* (32 раза), *закрывать* (27 раз).

На втором месте среди знаменательных слов выступают местоимения, их количество составило 207 реакций: местоимения *я* (92 реакции), *ты* (96) и *то* (19). Встречались такие случаи, когда местоимения совсем не выделялись, как бы игнорировались информантами.

Количество выделенных информантами существительных в качестве КС составило 176, хотя в тексте соотношение существительных и местоимений составило 1/1 и равнялось 28. Наиболее употребительным выступило слово *аплодисменты* (72 раза), *зал* (26), *тысяча* (26), *комната* (18), *игра* (17), *рука* (17). Интерес представляет, что само название текста выступило в качестве КС всего 1 раз. Хотя многие исследователи Л.В. Сахарный, Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн подчеркивают тенденцию ключевых слов к концентрации в начале текста и как следствие – частое функционирование их в качестве заглавия [Сахарный, 1989, с. 42; Мурзин, Штерн, 1991, с. 85-86].

Проведенная грамматическая классификация дала возможность по-другому взглянуть на процесс понимания текста. Несмотря на то, что информантами в тексте может быть выделено непрерывной чертой любое количество КС, для понимания текста большую значимость несут не одиночные графические слова и не группы из 5 и более элементов, а группы, состоящие из цепочки от 2 до 4 связанных друг с другом слов.

Следовательно, ключом к текстовой семантике выступают не отдельные лексические единицы, а единицы высшего уровня языка – словосочетания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие [Текст] / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
2. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику [Текст] / Л.В. Сахарный. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
3. Сиротко-Сибирский, С.А. Смысловое восприятие текста и его отражение в ключевых словах [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Сиротко-Сибирский. – Л., 1988.

КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ» КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В. В. Пасынкева, О.Н.Сергеева

Челябинский государственный университет

The article touches upon the features of the concept “time” and its perception in the French culture. Today a deep study of the “time” concept is very burning since it is closely connected with a rapid development of technologies and social relations.

Уникальный облик каждой культуры есть результат свойственной лишь данному народу системы организации элементов опыта, которые сами по себе могут повторяться во многих культурах, но могут быть неповторимыми. Время относится к тем категориям, которые составляют основу любого языкового сознания, то есть является универсальной, характерной для любого языка. Универсальность времени обуславливается внеязыковой действительностью, общими закономерностями отражения в сознании людей и основополагающими принципами бытия. Но в концепции времени воплощается также рефлексия эпохи и деятельности, интерпретация сложившейся культуры. Изучение концепта «время» становится особенно актуальным сегодня, в эпоху стремительного развития технологий и социальных отношений. Все эти моменты находят свое отражение в языке.

Концепт «время» выступает в качестве единицы лингвовременной картины мира. Одним из способов вербализации концепта «время» являются фразеологические единицы со значением *времени*. Временные представления в виде конкретных, ярких, чувственно-осязаемых зрительных и слуховых образов нашли отражение во внутренней форме фразеологизмов с временным значением. Фразеологизмы, как яркие, образно-эмоциональные, экспрессивные средства языка, способствуют созданию эстетически значимой, языковой картины мира, отражают ментальность народа, являясь носителем и источником культурно-национальной информации.

Каждый этнос характеризуется своими особыми системами восприятия мира. Они формируются в процессе практической деятельности людей на основе их собственного опыта и традиций, унаследованной от предыдущих поколений. «В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено; видение

мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев, 1993, с. 20].

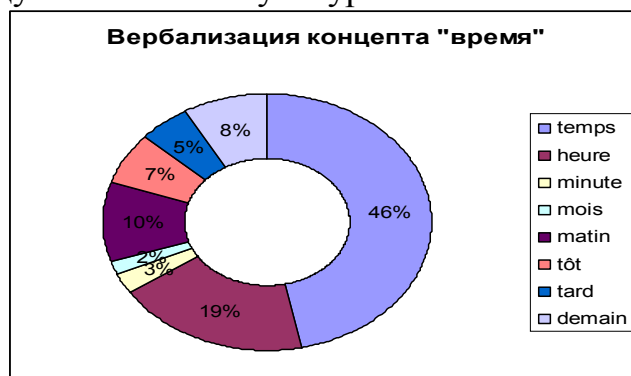
Ментальность понимается как мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях [Карасик, 1996, с. 21].

Единицей ментальности являются концепты данной культуры как такие единицы, обобщенные образы, с помощью которых мы мыслим о мире, представляем действительность. Они и составляют основу языковой картины мира народа, поскольку включают не только когнитивные элементы, но и подразумевают ориентацию на определенные ценности, вбирают определенные чувства, порождают ассоциации. Концепт может быть реализован в слове, словосочетании, высказывании, тексте, дискурсе и фразеологических оборотах.

Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным, а также подчеркивает особую культурную значимость концепта.

Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства вербализации, языковой репрезентации, языкового представления, языковой объективации концепта.

В ходе анализа 132 ФЕ мы проследили вербализацию концепта «temps»/ «время» во французской лингвокультуре.

Наиболее частотен концепт «temps»/ «время» представлен внутренними семами «temps» и «heure»: *Le temps perdu n'est jamais recouvert/ Утраченное время уже не вернешь*; «heure»: *ami de la dernière heure/новоиспеченный друг, ненадежный друг; ami de la première heure – давний, надежный друг*.

Время является показателем темпа жизни и ритма деятельности. Во французской лингвокультуре огромное значение приобретает как само понятие времени, так и своевременность выполнения каких-либо дел. Такие концепты, как «matin»/ «утро», «tôt»/ «рано», используемые для указания на ранний период времени, приобретают особую положительную окраску: *Celui qui se lève matin, mange son bien, celui qui se lève tard, n'amasse pas// Кто рано встает, тому Бог подает; Coucher tôt, lever matin, emplit grange et cave aussi/ Ложиться рано, вставать с утра – иметь полные закрома*.

Что касается концептов «**tard**»/ «**поздно**» и «**demain**»/ «**завтра**», то оба они носят негативный характер: *A demain, c'est le refrain des fainéants/До завтра – любимый припев ленивых; Apprendre trop tard, rien ne sert/ Всякая новость хороша в свое время.* Это можно объяснить тем, что для французов, как для представителей полиактивной культуры, огромное значение имеет своевременность и успешность.

Французы бережно и внимательно относятся к своему времени, считая его высшей силой, которая управляет жизнью человека. Его нельзя замедлить, остановить, ускорить, с ним нужно двигаться только в ногу, если хочешь преуспеть в жизни. Французский язык изобилует ФЕ типа: «*Qui se moque du temps, le temps se moque de lui – Кто смеется над временем, над тем смеется время*», «*Le temps mène les gens*» – *Время управляет людьми.*

Французской культуре также свойственен некий фатализм, неизбежность наступления событий – «*Personne peut arrêter le temps/Никто не в силах остановить время*»; «*Nous mourons tous les jours/ С каждым днем мы ближе к смерти*». Однако, какими бы ни были жизненные препятствия, их можно преодолеть, а следовательно, нельзя терять ни минуты и сидеть сложа руки – «*Celui qui est lent, n'a jamais le temps/ Медлительный человек всегда не вовремя*», «*Mieux vaut promptement un oeuf, que demain un boeuf/ Лучше вовремя яйцо, чем потом бык*».

Проанализированные примеры показывают, что время во французской культуре, несмотря на ее полиактивный характер, является национальной ценностью, превращаясь зачастую в материальную ценность, становится потребностью современного человека. Залог успеха — шагнуть в ногу со временем, ни в коем случае не отставать от него. Недаром во французском языке существует выражение «**le temps nous gagne**», которое можно перевести, как «время властвует над нами».

Проведенный анализ выявил особенности вербализации концепта «время» на грамматическом уровне:

1) Преимущественное употребление временных форм **indicatif présent actif (65%)**: «*Le temps c' est de l'argent*», «*Qui gagne le temps gagne tout*».

2) неопределенная форма глагола – **Infinitif (26%)**: «*De ne perdre minute de temps*».

3) временная форма **imparfait (9%)**: «*Au temps où bêtes parlaient*».

4) встречаются ФЕ, выраженные неполными предложениями: «*A toutes choses, sa saison et son temps*».

Лингвокультурный анализ подтверждает мысль о том, что Франция живет настоящим и ориентирована в будущее. Несмотря на то, что французы по своей сути – полиактивны, они высоко ценят время, считая, что упущенный момент нельзя вернуть и все нужно делать во время.

Концепт «время» во французской культуре имеет высокую ценность, становится символом успеха. Присутствует осознание того, что все быстротечно и всему есть свой предел: *«Avant l'heure c'est pas l'heure, après l'heure c'est plus l'heure – Все надо делать вовремя; время никого не ждет».*

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев, В.В. Сопоставительные аспекты лингвокультурологии [Текст] / В.В. Воробьев. – М., 2008.
2. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск, 1996. – С. 3-25.
3. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики [Текст] : монография / А.А. Леонтьев. – М., 2005. – 246 с.

СТРУКТУРА РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Ю.И. Плахотная

Челябинский Государственный университет

This article is dedicated to the cognitive aspects of speech production such as perception, reasoning, comprehension, memorizing etc., which influence the statement production, and the effectiveness of its perception and understanding.

В конце прошлого столетия в науке появляется когнитивная тенденция трактовки механизмов речевой деятельности. Когнитивистика, возникшая на стыке таких наук как психология, философия, лингвистика, логика и др., изучает человека как систему переработки информации. В 90-е гг. XX в. появились 4 направления в когнитивизме, согласно которым главная роль в осуществлении мыслительной деятельности принадлежит субъекту. Лингвисты-когнитивисты Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Р. Лангакер и др. исследуют внутреннюю мыслительную природу человека, изучают когнитивные процессы в отношении с аффектами. Существенное внимание порождению и восприятию речи уделили отечественные ученые: А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Н.А. Жинкин, А.Н. Зимняя, В.П. Зинченко, Л.А. Чистович и др. Когнитивный подход предполагает исследование языковых явлений в связи с процессами познания такими как, восприятие, память, внимание, воображение, мышление человека, актуализирующиеся в ходе речевой деятельности и порождения высказывания.

Ученые считают высказывание структурной единицей процесса речепорождения. М.Р. Львов определяет высказывание как единицу речевого процесса, которая имеет относительную самостоятельность, законченность, включает в себя интонацию (в устном варианте); паралингвистические средства: мимику, жесты, позы; дейктические средства: указания на участников общения, на временную или пространственную локализацию

сообщаемых фактов. Высказывание всегда соотнесено с определенными ситуациями жизни, для него характерна мотивированность, целеполагание, включенность в неязыковую деятельность субъекта. Высказывание предполагает восприятие другими лицами, их реакцию и обратную связь (ответ словом или поступком) [Львов, 2000, с. 54].

В теории речевых актов, единицей речевого процесса и единицей порождения текста считается речевой акт, который близок к понятию «высказывание». Речевой акт – это единица речевого процесса и единица порождения текста. Речевым актом следует считать целенаправленное речевое действие – единицу нормативного речевого поведения, рассматриваемую в определенной ситуации. По сравнению с высказыванием в речевом акте усиливаются процессуальность, деятельностный аспект. В составе речевого акта можно определить докоммуникативный этап, в котором выделяются ситуационный и мотивационный факторы, речевая интенция (речевое намерение), внутренняя (мысленная) подготовка высказывания; коммуникативный этап, имеющий две ступени: материализация подготовленного высказывания – переход с мысленного на акустический или графический коды и восприятие высказывания посредством перехода на мыслительный код внутренней речи. Третий этап – посткоммуникативный, который может приобрести вербальную форму: ответ собеседника, новый акт речи, новое высказывание; и может быть реализован невербальным способом – тем или иным действием или отсутствием его [Львов, 2000, с. 55].

О.Я. Гойхман выделяет следующие этапы порождения речевого высказывания: 1) подготовка высказывания, в котором происходит осознание мотивов, потребностей, целей, осуществляется вероятностное прогнозирование результатов высказывания. 2) Следующий этап речевого действия Гойхман называет «структурирование высказывания», во время которого осуществляется выбор слов, расположение их в нужной последовательности и грамматическое оформление. Этот этап является менее изученным, поскольку не ясны механизмы выбора слов и грамматического оформления. Ученый предполагает, что выбор слов осуществляется в оперативной памяти методом проб и ошибок с помощью механизма «оценки» подбираемых слов. Предполагается также, что слова в памяти человека сохраняются в систематизированном виде, что ускоряет и облегчает выбор нужного слова. В выборе слов определенную роль играют также словесные ассоциации, которые образуются на основе предшествующего опыта и сохраняются в памяти. 3) Третий этап речепорождения – это переход к внешней речи, в котором осуществляется звуковое или графическое оформление высказывания. Этот этап определяет результат высказывания. Если переход от внутренней речи к внешней по каким-то причинам нарушен, то есть внутренняя речь плохо оформляется во внешней, то окружающим такая речь кажется неполной, бессвязной, труднопонимаемой» [Гойхман, 1997, с. 11].

Любой речевой акт порождается ситуацией, которую обычно называют речевой. Всякая ситуация складывается под влиянием множества факторов. В сущности, ситуация служит исходным и в известной мере определяющим этапом докоммуникативной части речевого акта [Львов, 2000, с. 57].

Коммуникативная ситуация порождает мотивы поступков человека или нескольких человек, находящихся под воздействием этой ситуации. Мотивы определяют активность личности, включая ее речевую активность. Мотивация речи как ступень речевого акта служит началом так называемого речевого намерения (интенции). Эта ступень максимально приближает говорящего к словесному, языковому выражению замысла. Здесь формируется содержание речи, определяются размеры высказывания, его план, композиция, подбираются факты, аргументы, персонажи, географические объекты и пр. Содержание высказывания должно быть упорядочено и подготовлено к выражению в языковом коде. Предстоящее высказывание, подготавливающееся на мыслительном уровне, «есть внутренний опосредствованный процесс. Это путь от смутного желания ... к совершению мысли в слове» [Приводится по: Львов, 2000, с. 62].

Речевое действие обычно направляется не одним мотивом, а системой мотивов. На ступени мотивации говорящим может быть подготовлено несколько вариантов высказываний. Выбор определяет ведущий мотив. Также составляется мысленный план высказывания. Ситуация порождает мотивы и цели предстоящего высказывания, которые формируют вероятностное проектирование и общую программу высказывания, что приводит говорящего к мысленному (или письменному) плану, который может иметь различные степени обобщенности или конкретности.

Для порождения высказывания говорящему необходимо обладать знаниями, новой информацией, разумными выводами или предложениями, увлекающими людей идеями. Немалую роль играет владение языком, логика, композиция и выразительность. Выбор языка А.А. Леонтьев ставит на первое место. Во-первых, адресат должен свободно владеть выбранным языком; во-вторых, нужно, чтобы выбранный язык мог адекватно передавать понятия этнического, исторического, культурного характера в содержании намеченной речи. В противном случае акт не состоится или не достигнет цели. Все ступени внутренней подготовки высказывания должны проходить на том же языке, на котором собеседники говорят между собой.

В процессе порождения речевого высказывания скорость выбора нужного слова очень велика: за долю секунды нужно не просто извлечь слово из памяти, но именно выбрать его из числа других. Причем выбранное слово должно быть точным для выражения мысли. Львов называет этот этап порождения высказывания «семантико-грамматическим структурированием» [Львов, 2000, с. 68-71]. Н.И. Жинкин считает, что выбор слов идет не «цепочкой»; составляется текст, а не только отдельные предложения: «ряд высказываний строится в одном или нескольких предложениях» [Приводится по: Львов, 2000, с. 72].

В неподготовленной, импровизируемой, устной речи все ступени не дискретны, поэтому выделение ступеней в какой-то мере условно, так как размыты границы этапов речевого акта: внутреннее структурирование во времени частично совмещается со вторым этапом – кодовым переходом на акустическую речь. Кодовый переход сам завершает «шлифовку» речевого высказывания, и ошибки как бы «высвечивают» самые трудные моменты порождения речи. Н.И. Жинкин пишет: «В цепи языковой коммуникации самым доступным является акустическое звено и самым неприступным – участок внутренней речи» [Жинкин, 1998, с. 85]. Внутренняя речь, близка к внешней речи, так как она, в сущности, вербальна, хотя и не произнесена и даже часто остается произнесенной [Львов, 2000, с. 78].

Вербально-логическое, понятийное мышление является важнейшим когнитивным процессом, происходящим на всем протяжении порождения и восприятия высказывания. «На этом уровне отражаются существенные связи и отношения между явлениями объективной действительности. В отличие от ощущений, восприятий и представлений мышление – это процесс опосредованного отражения. ... Решая ту или иную задачу, субъект оперирует понятиями и пользуется методами мышления, сложившимися в ходе исторического развития общества. ... На уровне речемыслительных процессов в индивидуальный опыт включается огромный багаж знаний, накопленных человечеством» [Ломов, 1986, с. 16-17].

Речевой акт нельзя считать полностью законченным, если высказывание не воспринято адресатом, не понято им. О результате речевого действия судят по его восприятию и по реакции на него, то есть обратной связи [Львов, 2000, с. 84].

Восприятие речи как когнитивный процесс слушания или чтения включает следующие стадии: переход с акустического или графического кода на код внутренней речи; расшифровка синтаксических структур, грамматических форм; понимание общего плана высказывания; понимание замыслов и мотивов высказывания; оценка полученной информации (содержание высказывания, его идеи, позиции говорящего и т.п.); и понимание выбора формы и языковых средств.

Понимание (как составная часть процесса восприятия) включает два уровня: языковой и содержательный. Первый без второго возможен, второй без первого – нет. Очевидно, что полное понимание достигается не всегда. Эффективное восприятие возможно при активном желании воспринимающего понять речь автора высказывания.

Обратная связь (то есть реакция на высказывание) – важный элемент контроля речевого действия, позволяющий оценить его результат. Наиболее полно обратная связь осуществляется в диалоге. Поскольку главная цель речевого общения – это обмен информацией, то есть передача и восприятие смысла высказывания, человек стремится быть понятым [Гойхман, 1997, с. 12].

На этапе восприятия речи у слушающего возникает еще один когнитивный процесс, входящий в структуру речевого акта – это

представление, к которому относится широкий круг психических явлений: воображение, образное мышление, образная память, последовательные образы и т.д. [Ломов, 1986, с. 16-17].

На основании вышеизложенных положений можно сделать выводы о том, что в процессе порождения высказывания задействованы когнитивные процессы, происходящие у говорящего и слушающего: мышление (анализ ситуации, выбор языковых конструкций, обобщение информации, планирование высказывания), запоминание, восприятие, понимание, которые участвуют в процессе порождения высказывания речи, определяют успешность речевой деятельности, содержательность речи, качество восприятия и понимания ее слушающим, скорость всех процессов на определенных этапах речевой деятельности, а также качество кодовых переходов с мысленного (внутреннего) кода на код внешней речи и обратно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гойхман, О.Я. Основы речевой коммуникации [Текст] : учебник для вузов / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 272 с.
2. Жинкин, Н.И. Язык. Речь. Творчество [Текст] / Н.И.Жинкин // Избр. труды. – М. : 1998. – 280 с.
3. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] : монография / А.А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
4. Ломов, Б.Ф. Когнитивные процессы как процессы психического отражения [Текст] /Б.Ф. Ломов // Когнитивная психология. Материалы финско-советского симпозиума; отв. ред Б.Ф.Ломов, Т.Н.Ушакова. – М. : Наука, 1986. – 205 с.
5. Львов, М.Р. Основы теории речи [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М.Р. Львов. – М. : Издательский центр «Академия», 2000. – 248 с.

НОВАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКА: ДЕРИВАЦИОННЫЙ И КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

Л.И. Плотникова

Белгородский государственный университет

The following is considered in the article: peculiarities of communicative and cognitive approach to study of new language material, the peculiarities of word formation structure and conceptual organization of the words of separate onomasiological group are being.

Новая лингвистическая парадигма, по справедливому мнению Е.С. Кубряковой, характеризуется сближением двух подходов (коммуникативного и когнитивного) к изучению языковых явлений, предполагающих разностороннее освещение с точки зрения выполняемых ими коммуникативной и когнитивной функций. «Когнитивный подход к языку – убеждение, что языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [Кибрик, 1994, с. 126]. Безусловно, значимость нового подхода велика. Е.С. Кубрякова акцентирует внимание на основных чертах данной парадигмы

исследования, среди которых могут быть выделены: *синтез* идей собственно когнитивной парадигмы научного знания с идеями парадигмы коммуникативной; *преемственность* перехода от такой ранней версии когнитивного подхода, как ономасиологического направления отечественной лингвистики, к более поздней стадии развития когнитивизма; разумное сочетание требований *формальной строгости* описания с *функциональными объяснениями*; *многофакторный анализ* каждого изучаемого языкового явления по его роли как для осуществления познавательных процессов, так и процессов коммуникации, – а следовательно, *принцип системности*, согласно которому каждое изучаемое языковое явление должно быть описано по его статусу не только относительно языковой системы непосредственно, но и относительно тех более «высоких» систем, частью которых является сам язык [Кубрякова, 2000, с. 7].

Коммуникативно-когнитивный подход является приемлемым и плодотворным для исследования особенностей словопроизводственного процесса новообразований, так как он способствует, с одной стороны, эффективному анализу инновации в определенном речевом акте, а с другой стороны, позволяет определить структуры знаний, репрезентированных на языковом уровне новым словом. «<...> Словообразовательный акт, в ходе которого устанавливается связь между предметом мысли и языковым знаком, является когнитивным актом, раскрывающим тайны механизма взаимодействия жизни и языка. Причем это не пассивная объективация внешнего мира, а *сознательное и целенаправленное словотворчество* (выделено нами – Л.П.), дающее систему ориентиров в предметном мире. Этим объясняется факт словообразовательной избирательности: в языке как духовной «памяти народа» семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет ценность в его повседневной жизни, то есть познавательное и ценностное как бы сливаются в акте номинации» [Вендина, 1998, с. 202].

В соответствии с концепцией Н.И. Жинкина, базовым компонентом мышления является универсальный предметный код. В УПК человек оперирует так называемыми личностными концептами. В ходе мышления они могут соединяться, при этом создаются целые концептуальные комплексы, которые не всегда объективируются в языковых формах. Если же в отдельном коммуникативном акте возникает необходимость объективации такого комплекса, то он репрезентируется разными языковыми единицами, в отдельных случаях такой единицей может стать не «готовое», а созданное говорящим новое слово.

Новообразования – это, как правило, слова производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания. Можно считать, что каждой части производного слова соответствует определенный концепт, следовательно, словообразовательная структура новообразования позволяет установить связи между концептами, закрепленными за частями слова, и определить типы отношений между ними. Этим определяется актуальность

использования языкового материала как основы для реконструкции когнитивных процессов. Таким образом, модель, объединяющая коммуникативный и когнитивный подходы, предполагает не только исследование механизма образования нового слова в отдельных коммуникативных актах, но и описание структур репрезентации различных видов знания и выбор необходимых языковых форм.

Проведенные нами разноаспектные исследования лексических новообразований послужили основой для создания интегративной речемыслительной модели производства нового слова. Данная модель опирается на предпринятое орловскими учеными описание словопроизводственного процесса, протекающего по словопроизводственной модели, и является продолжением уже осуществленного этапа. Она представляется нам как комплексная, не «плоскостная», а объемная, многоуровневая модель, которая включает ряд частных моделей, относящихся к разным уровням.

Ономасиологическая модель (ОМ) – это определенная схема, которая отражает ход мыслительной деятельности, направленной на выбор необходимой категории в соответствии с развернутым описанием. ОМ можно отнести к первому, ономасиологическому уровню, основными единицами которого являются понятийные категории, составляющие основу номинации. Например: *стучатель* – тот, кто стучит : *тот, кто...* соотносит понятие с субстантивом, обозначающим лицо (языковым средством его выражения в данном примере является суффикс *-тель* + основа слова, выражающего мотивировочный признак *стуча-*).

Второй, глубинный, уровень представлен когнитивной моделью (КМ), предполагающей выявление концептуальной организации знания и представляющей развертывание ономасиологической модели за счет фоновых знаний и опыта говорящего. Поэтому основными единицами когнитивного уровня являются концепты как результаты освоения «кусочков» действительности.

Можно считать, что за частями новообразования (основой и аффиксом, например, для простого по структуре нового слова) стоят определенные базовые концепты, которые можно рассматривать как аналоги аргументов пропозиции. Таким образом, когнитивная модель – это модель глубинного мыслительного уровня, которая представляет собой концептуальную схему (то есть состав и отношения базовых концептов), отражающую способ концептуальной организации знания. Например:

Стучатель : концептуальная схема включает базовые элементы субъекта и производимого им действия : *S – Rel. – V* (субъект характеризуется по выполняемому действию). Речевой контекст помогает «развернуть» ономасиологическую модель за счет фоновых знаний: *Сегодня с утра слушаю этот монотонный стук в стену. Надоело. Куда от него спрятаться? Кто этот невыносимый стучатель?*. – Из РР. *Стучатель* не просто тот, кто стучит, а тот, кто выполняя определённую работу, мешает окружающим монотонным длительным стуком.

На следующем уровне – словообразовательном – словопроизводственного процесса в работу активно включается словообразовательная модель (СМ). Это схема, отражающая вербализацию базовых концептов, представленных в КМ, с помощью различных словообразовательных правил и средств. «Обладая известным минимумом исходных лексических знаков и знанием закономерностей их сочетания, удерживая в своем сознании образцы и модели, человек создает любое количество нужных ему наименований – производных слов в том числе» [Кубрякова, 1978, с. 84].

Таким образом, мы представляем речемыслительную модель словопроизводства как интегративную модель, объединяющую частные модели разных мыслительных уровней, и принимаем для нее обозначение *интегративная речемыслительная модель словопроизводства* (далее: *ИРМС*). Каждая из моделей, входящих в состав ИРМС, «работает» на соответствующем уровне. Выделение данных уровней *условно*, так как они неразрывно связаны и взаимообусловлены.

Особенности деривационной и концептуальной организации новообразований рассмотрим на примере слов ономаσιологической группы *номинаций состояния, обусловленного каким-либо признаком*.

Концепт признака в новообразованиях данной группы находит выражение в основе прилагательного, а репрезентантом состояния является суффикс *-ость*, например: *дрожливость, застылость, злость, каменность, кирпичность, недобрость, недонасыщенность, неразворотливость, несдвигаемость, обезвоженность, пещерность, реквизиемость, созданность, сплетенность* и др. Концептуальная схема, таким образом, включает концепт состояния и концепт признака: *N(сост.) – Rel. – Attr.*, где *N* – имя, выражающее состояние; *Rel.* – релятор, выражающий отношения обусловленности; *Attr.* – признак, которым состояние обусловлено.

Ономаσιологическая модель соответствует следующей схеме дескрипта: «*то состояние, которое обусловлено ... (признаком)*»:

«*Тупиковость*»: *Ведь историй этих – о недоплаченных пенсиях, о несправедливых увольнениях, о бесконечных тяжбах ... тысячи... Именно стандартностью своей, заурядностью, тяжелой безысходностью, беспросветной тупиковостью рождают они у пишущего тоску (КП).* – Когнитивную модель для новообразования *тупиковость* можно развернуть следующим образом: *тупиковость* – состояние безысходности, человек считает себя находящимся в тупике, он не в состоянии решить социальные проблемы и не видит выхода из создавшегося положения.

«*Нафталинность*»: *Когда она исполняет старинные романсы, в ее искусстве нет и тени «нафталинности».* (Пр.). – Опыт и фоновые знания позволяют определить *нафталинность* следующим образом: при исполнении старинных романсов не создается ощущение ветхости, старозаветности, «запаха нафталина». «*Звероватость*»: *На земле уже явственно проступали признаки звероватости и запустения: кустисто росла самосеянная*

пшеница, бурьяны подступали к самой дороге... (Ю.). – Звероватость – состояние, свойственное дикой природе.

Интересен, на наш взгляд, пример, демонстрирующий образование окказионального слова *единочество*: *У нас новая программа сейчас называется «Единочество». Это словообразование выходит из «одионочества» и «единства». То есть ты одинок, но через свое одиночество ты можешь понять, что ты един с этим миром» (КП).*

Таким образом, интегративная речемыслительная модель словопроизводства объединяет ряд частных моделей условно выделенных нами словопроизводственных уровней, которые неразрывно связаны. Взаимообусловленность разноуровневых моделей может быть представлена следующим образом: определенной схеме дескрипта (ОМ) соответствуют конкретные типы пропозициональной структуры и способ концептуализации (КМ), репрезентированные определенными словообразовательными средствами (СМ). Данное направление является перспективным при изучении процесса словотворчества, так как позволяет провести комплексный анализ нового слова, учитывающий его исследование в динамике, а также описание объективации различных видов знания в новых языковых формах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) [Текст] : монография / Т.И. Вендина. – М. : Индрик, 1998. – 236 с.
2. Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу [Текст] / А.А. Кибрик // ВЯ, 1994. – №5. – С. 126-139.
3. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении [Текст] : монография / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
4. Кубрякова, Е.С. В начале XXI века (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Когнитивная семантика / Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000. Ч.1. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – С. 6-7.
5. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности [Текст] : монография / Л.И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 233 с.

ИНТОНАЦИЯ КАК МЕТАКОНЦЕПТ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В. Просцевичус
Горловка, Украина

The article discusses intonation from the point of view of its functional significance in the process of self-formation of nonpragmatic verbal practices. According to the proposed hypothesis, deintonation of the utterance as it takes place within the communicative formats of script and print, determines a change in the perspectives of the utterance's consummation and results in the emergence of new speech genres.

В 20-х годах прошлого века М.М. Бахтин заметил: «Интонация – индивидуальная, эмоциональная обстановка слова, которая передается голосом, – портит все выкладки и расчеты ученых. Где она, как она достигается, мы не можем ответить, как бы мы ни анализировали семасиологически качественную звуковую, количественную звуковую стороны слова. Всегда остается нечто, что, например, у Блока является главным, но не поддается изучению. Здесь лингвистика бессильна и должна опустить руки. <...> Заложены лишь основы для науки об интонации, но о науке здесь не может быть и речи» [Приводится по: Волошинов, 2000].

Прошедшие восемьдесят лет общее положение дел в этом отношении не изменили. Интонация остается лингвистической маргиналией; страстные, спорадически прорывающие сдержанный бахтинский текст апологии ее значения для точной ориентации в кругу лингвистических проблем – не услышаны: «Соответственно открытый смысл, возникающий в устной речи, не осознается как особый позитивный тип, а лишь как нерегулярное «рассеивание» структурированного смысла. А именно, все черты смысла устного сообщения, которые не могут быть структурированы, априори считаются «эмоциональными», «экстралингвистическими», «оказиональными» и т. н. элементами, и тем самым исключаются из регулярного описания. Подобно тому, как форма устной речи рассматривается как коррелят письменной речи, деструктурированный («синкретизированный», «редуцированный» и т.п.) под давлением ситуации и снабженный добавочными «экстралингвистическими» параметрами (мелодикой, парафонетикой) – так и смысл устной речи оценивается только в качестве частичной редукции, дезартикуляции и эмотивного варьирования структурированного смысла» [URL].

Нижеизложенные соображения призваны в очередной раз обратить внимание лингвистов на фундаментальный характер проблемы, чаще всего обходимой – в пределах собственно лингвистических исследований – молчанием.

Человеческое высказывание, подобно природному веществу, имеет три основных состояния: мы разговариваем мысленно, (это – т. н. «внутренняя речь»), разговариваем в собственном смысле слова («устно») и – пишем.

Любое высказывание представляет собой *событие перехода* слова из одного состояния в другое.

Ни в какой момент сознательного или бессознательного извлечения языкового опыта человек не имеет дело с высказыванием, взятым в пределах одного коммуникативного формата: само событие извлечения представляет собой усилие «перевода» слова из одного формата в другой: говоря, мы переводим «внутреннюю речь» во «внешнюю», устную; записывая – переводим устную речь в письменную. Читая – письменную во внутреннюю и т.д.

Событие такого перехода-перевода мы и называем событием высказывания. Событие высказывания тяготеет к завершению. Это тяготение внутренне обусловлено неустранимым дисбалансом между конкурентными

ресурсами завершения: субъективным и объективным. Объективный ресурс представляет собой освоенный сознанием говорящего лексико-грамматический состав языка; субъективным ресурсом завершения человек располагает постольку, поскольку в каждый момент высказывания он осуществляет *выбор*, в том числе, и перспективы завершения высказывания.

Таких перспектив субъект знает две. Субъект высказывания в каждый конкретный момент активен *только в одной* из перспектив: здесь дело идет об абсолютном рубеже, родственном абсолютному рубежу между звуком и значением.

Интонация, в том понимании этого слова, которое мы предлагаем к дальнейшему обсуждению, представляет собой субъективный ресурс завершения высказывания. Очевидно, что этот ресурс доминирует в устной речи: напомним известный пример из дневника Достоевского, где он рассказывает о «беседе» шестерых мастеровых, к общему удовлетворению обошедшихся в обмене мнениями по оставшемуся неизвестным вопросу *одним* словом известного лексического разряда [Волошинов, 2000, с. 437-438]. Каждый из участников беседы использовал это слово в нужном интонационном регистре, тем самым, было получено шесть различных по содержанию высказываний, завершённых исключительно интонирующим усилием – субъективным ресурсом.

Соответственно, в письменной речи доминирует объективный ресурс: подразумеваемая интонация, особенно в случае злоупотребления ею субъектом высказывания, практически не поддается «реанимации» и только усугубляет естественные коммуникативные помехи, окутывая высказывание ореолом незавершенности.

Абсолютная запредельность друг для друга двух инициатив завершения позволяет нам ввести представление о предельных эмпирических реализациях, к которым они с необходимостью тяготеют постольку, поскольку это разрешает им сам язык.

1. В субъектной (интонационной) перспективе высказывание «стремится» к максимуму интонирования = максимуму субъектной мотивации и, соответственно, завершение такого высказывания минимально мотивировано на объективном уровне.

2. Во второй из перспектив завершения высказывание стремится к максимуму объектной мотивации и, соответственно, завершение такого высказывания дает минимум интонированности = субъектной мотивации при максимуме объектной.

Примером события первого рода является площадной лозунг («*Партия – наш рулевой!*»).

Примером второго – научное высказывание: «*Газы при нагревании расширяются*».

Такие, метакоммуникативные речевые события не предполагают ответа и постольку претендуют на исчерпание коммуникативного ресурса речи. Высказывание первого «типа» не нуждается в предмете, высказывания второго – безразличны к субъекту. Этими высказываниями перспективы

завершения высказывания исчерпаны. Каждый из этих проектов завершения устремлен к коммуникативному коллапсу: информационный ноль первого типа корреспондирует в этом отношении с интонационным нолем во втором.

Коммуникативного коллапса не происходит, благодаря разрешению, которое получает напряжение, задаваемое конфликтом проектов завершения высказывания.

Такое разрешение в нашем конкретном случае можно представить в виде высказывания: *«Партия нас учит, что газы при нагревании расширяются»* (М. Жванецкий).

В этом высказывании субъектная мотивация равна нулю: оно представляет собой *воспроизведение чужого высказывания*. Такое, специфическое событие высказывания совмещает в себе принципиальные характеристики модусных проектов завершения: субъект изображения чужого высказывания вообще лишен голоса и постольку его высказывание абсолютно не обладает ни субъектным, ни объектным потенциалом завершения.

Это – субъект усилия деинтонирования.

Иллюстративный материал выбран нами не случайно: в ходе анализа мы дали ответ на вопрос, оставленный в споре время в стороне З. Фрейдом, написавшим специальную работу об остроумии в его отношении к бессознательному [Фрейд, 2007]. Фрейд в своей работе отметил, что *безусловным* основанием рождения остроты является ее произнесение вслух. Острота рождается непосредственно в акте произнесения, подчеркивал Фрейд, заметив при этом, что дальнейшее разъяснение этого обстоятельства не представляет для него личного интереса – по-видимому, пишет он далее, нечто происходит в области бессознательного и т.п.

С нашей точки зрения, дело обстоит несколько иначе. Наше предварительное определение остроты состоит в следующем: это – высказывание с избыточной объектной мотивацией. Иными словами, в таком высказывании в качестве естественных фиксируются такие причинные связи, которые не выдерживают критики с точки зрения обыденного опыта: этот феномен мы и называем избыточной объектной мотивацией высказывания.

Объектная и субъектная мотивации высказывания взаимозависимы, мера их интенсивности в стремящемся к завершению высказывании определяется отношением обратной пропорции. Соответственно, мы можем мыслить ситуацию, когда субъект высказывания собственным сознательным намерением может интенсифицировать тот или другой модус завершения. Очевидно, что субъективный модус, интонирование – в ближайшем смысле слова – в этом отношении более, так сказать, доступен: насилие над просодией, безусловно, доступно субъективному, рациональному намерению, тогда как «открытие» избыточных объектных мотивов – по-видимому, проблематично.

Каждому известно непереносимое условие ожидаемого эффекта от рассказываемого анекдота: это бесстрастие рассказчика. Не требует особой наблюдательности и констатация факта, что ключевым компонентом этого

бесстрастия является нейтральная, или, по крайней мере, тяготеющая к бесстрастности интонация рассказывания. Рассказчик совершает усилие деинтонирования: лишает высказывание естественного ресурса завершения. Именно в этом обстоятельстве, с нашей точки зрения, заключается разъяснение смущения Фрейда: деинтонирование наделяет субъекта вменяемостью к гипермотивации: естественно-причинные связи «предметного мира» оказываются недостаточными, стремлению к интонационному нолу соответствует усиление потребности в иных мотивах завершения – открывается психологический ресурс переживания потребности в дополнительной объектной мотивации: «*Партия нас учит...*».

С учетом изложенного, мы предлагаем внести ряд критически важных пояснений в традиционное понятие интонации.

Интонация – не специфический компонент устной речи, на письме фиксируемый более или менее совершенной системой графических обозначений.

Интонация – неустранимый компонент события высказывания во всех его формах. Вытеснение интонации имеет мнимый характер. Следует, по видимому, говорить о процессе деинтонирования, имеющем положительные (наблюдаемые и верифицируемые) последствия – смену *перспективы завершения* высказывания. Деинтонирование существенным образом влияет на архитектуру коммуникативной среды.

Дальнейшее развитие этой методологической гипотезы мы видим в обосновании системы координат, в пределах которой смену перспектив завершения события высказывания можно было бы описывать как логически и даже хронологически приоритетное (первичное, предшествующее) событие по отношению к перестройке собственно познавательных и этических приоритетов.

Первым шагом в этом направлении могло бы стать рассмотрение в соответствующей перспективе цивилизационного переворота, связываемого во многих исследованиях с изобретением книгопечатания [Eisenstein, 1997].

Очевидно, что освоение человеком печатного формата коммуникации предельно унифицирует высказывание. Как прямое следствие, практики интонационного завершения неутилитарных высказываний, определявшие ценностный контекст устной культуры, выдавливаются из обихода. Высказывание, не справляющееся со стремительно обезличивающимся словом, окончательно лишается естественного – интонационного – ресурса завершения.

Наша собственная «программа», как она представлена в данной статье, требует, как будто, «открытия» нового ресурса, новой перспективы завершения: в первую очередь это требование относится, конечно, к неутилитарным высказываниям, отныне либо безвозвратно отнимаемых печатным станком у бродячих чтецов позднего Средневековья, либо сразу создаваемых ему на потребу.

Дело, однако, в том, что отсутствие ресурса завершения также имеет формы. Высказывание может длиться – и длится в отсутствие приемлемого

сценария завершения. Мнимое отсутствие интонации оказывается действенным стимулом самоорганизации неутилитарной речевой практики. Незавершимость можно и следует мыслить как внутренний стимул высказывания. Формы незавершимости, как и формы завершения, тоже проявляются в двух модусах: субъективной и объективной незавершимости. Соответственно, каждый из этих модусов (ресурсов) незавершения имеет предельную перспективу. В этом случае еще более очевидна, – поскольку выдвигается на первый план и наделяется формотворческой энергией – неосуществимость завершения таких высказываний изнутри себя, собственным ресурсом. Обе эти словесные практики, между прочим, строго симметричны по своим формально-содержательным константам, обслуживают деинтонированное слово: слово, длящееся в немоготе завершения.

Высказывание, взятое в модусе субъективной незавершимости, открывает субъекту опыт неизменности как ценности: появляются первые *дневники*.

Высказывание, взятое в модусе объективной незавершимости, открывает субъекту опыт новизны как ценности: рождается *журнализм*.

И вновь разрешение этой немоготы мы видим в рождении высказывания, выбирающее своим предметом *другое* высказывание: мы имеем в виду роман в его классическом виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошинов, В.Н. Бахтин Михаил Михайлович. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении [Текст] / В.Н. Волошинов // Марксизм и философия языка. Статьи. – М. : Лабиринт, 2000. – 640 с.
2. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект [Электронный ресурс] / Б.М. Гаспаров // URL : <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm>.
3. Фрейд, З. Остроумие в его отношении к бессознательному [Текст] : монография / З. Фрейд – М. : Азбука, 2007. – 288 с.
4. Eisenstein, Elizabeth L. The Printing Press as an Agent of Change [Text]. – Cambridge University Press, 1997. – 832 p.

МЕТАФОРА В ФИЗИЧЕСКИХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

Н.В. Романова

Международный университет природы, общества и человека (Дубна)

The linguistic analysis carried out for only one type (Adj+N) of physical terminological collocations within only one dictionary entry shows the abundance of metaphor in physics even on the lexis level (terms).

Между естественным языком (ЕЯ) и естественным интеллектом (ЕИ) существует безусловная и неразрывная связь. ЕЯ является источником сведений о естественном интеллекте человека, его внутреннем мире, душе и мыслях [Рябцева, 2005, с. 11].

Считается, что мышление ученых, занимающихся точными науками (физикой, математикой и др.), в отличие, например, от гуманитариев, является аналитическим, бесстрастным, объективным, ему чужды экспрессивность, романтика, ирония и т.д. Это распространенное мнение, однако, не подтверждается анализом научных текстов по соответствующим дисциплинам.

Метафора – прием, который одновременно реализует два основных принципа ЕЯ – принцип экономии языковых средств (неэксплицитное представление информации) и принцип наглядности (универсальный механизм, позволяющий с помощью расширения предметных значений осваивать непредметные сущности).

В лингвистических трудах, посвященных изучению метафоричности языка науки, проводится, как правило, анализ устойчивых словосочетаний, включающих общенаучную ментальную лексику (метаязык науки) [Рябцева, 1996, 2005]. Для описания скрытых от наблюдения и даже самонаблюдения ментальных процессов метафорически употребляются лексемы, в общелитературном языке обозначающие физические объекты, явления, события. Лексическая сочетаемость слов, обозначающих ментальные объекты, основана на некоторых продуктивных метафорах – «биологической» (*продуктивная метафора*), «механической» (*обоснование метафоры*), «динамической» (*развитие метафоры*) и др.

Однако этим область действия процесса метафоризации в языке науки не исчерпывается. Можно утверждать, что язык науки метафоричен на всех языковых уровнях, от лексического (терминологического) до текстового. Распространенность метафорического описания объектов/ процессов/ явлений физического мира (*лучей, пучков, орбит, резонансов*) вполне обоснована – хотя эти объекты и существуют объективно, их наблюдение затруднено и осуществляется опосредованно, через физические приборы. Как и в метаязыке науки, при описании непредметных сущностей используется «принцип наглядности», реализованный через метафоризацию, иногда персонификацию, характеристик и «поведения» физических объектов/процессов. Как результат, описание физической реальности становится живым, динамичным, вдохновенным, а иногда и романтичным.

Распространенность метафоры в языке науки позволяет проиллюстрировать даже стандартный терминологический словарь, являющийся, по сути, перечнем установившихся в данной дисциплине отдельных имен-терминов и терминологических словосочетаний (типа N+N и Adj+N).

Выполняя функцию передачи дисциплинарного знания в свернутой, концентрированной форме, термин обязан быть предельно точным, однозначным и, казалось бы, не может допускать «фривольного» переноса значений. Тем не менее, метафоричен сам выбор слов общелитературного языка для обозначения научных сущностей. Ср. значения английских имен-терминов в физике и общелитературном языке: *tolerance* – *допустимая доза облучения* (общ. ‘терпимость’), *reluctance* – *магнитное сопротивление*

(‘нежелание’, ‘отвращение’), *ghost* – ненаблюдаемая частица (‘дух’), *skin* – крышка, поверхность (‘кожа’), *skeleton* – остов ядра (‘скелет’), *tree* – древовидная диаграмма (‘дерево’).

Метафоры, которые реализуются в терминологических словосочетаниях типа N+N или Adj+N, переплетаясь и взаимно дополняя друг друга, создают «картину жизни» описываемого физического объекта – часто неприемлемую с точки зрения «здорового смысла». В качестве иллюстрации рассмотрим адъективно-именные терминологические словосочетания, включенные в словарную статью сущ. *частица* (англ. *particle*) в [Англо-русский словарь..., 1984].

Как всякий живой объект, *частица* может «рождаться» (*created, generated, produced particle* – рожденная частица), иметь «происхождение» (*isobar-origin particle* – частица изобарного происхождения), «жить» долго или не столь долго (*long/short-lived particle* – коротко-/долгоживущая частица). *Частица* может «возрождаться» (*regenerated, resurrected particle*), «омолаживаться» (*rejuvenated particle*). У частицы есть своя «семья»: «предки» (*ancestor particle* – первичная частица), «родители» (*parent particle* – материнская частица), «отпрыски» (*daughter particle* – дочерняя частица). (Не следует забывать, что все эти термины передают сложное физическое содержание – например, *материнская частица* – это первичная нестабильная частица, а «омоложенная» – частица, ставшая свободной после ядерной реакции в мю-молекуле).

В текстах по теоретической физике большое внимание уделяется «реальности» частицы. Она может быть *реальной* – *real, зарегистрированной* (*detected, registered*), но также *труднодетектируемой* (*elusive* – букв. ‘неуловимая’, ‘ускользающая’), *гипотетической* (*suggested*), *фантомной* (*phantom particle*), *фиктивной* (*fictitious*), ‘фальшивой’ (*fake particle* – *фоновая частица*, англ. *fake* – ‘фальшивый’), или *несуществующей* (*nonexisting*), *ненаблюдаемой*, *духовой* (*ghost* – англ. ‘дух, привидение’). После ее обнаружения, регистрации частица может оставаться *свободной* – *free, независимой* – *independent* либо быть *захваченной* – *captured, trapped particle*; впоследствии она может быть освобождена – *released particle*, затем вновь захвачена – *reabsorbed particle* и т.д. В зависимости от ожиданий ученого, частицы могут относиться к *широко используемым* (*common particles*), быть «желательными» (*wanted* – *требуемая частица*) или *нежелательными* (*unwanted, undesired* – букв. ‘нежеланный’, ‘непрощенный’).

Все частицы индивидуальны и, по аналогии с одушевленными объектами, характеризуются разной степенью энергичности и активности. Ср. *energetic particle* – *частица высокой энергии* (букв. ‘энергичная’), *off-energy particle* – *потерявшая энергию частица*, *drone particle* – *неактивная частица* (*drone* – ‘бездельник’, ‘тунеядец’).

Частица практически всегда находится в движении – налетает на мишень (*oncoming particle*), вылетает из области взаимодействия (*outgoing, emitting particle*), запаздывает (*delayed particle*) и лишь иногда «отдыхает»

(*particle at rest, rest particle* – *покоящаяся частица*). Кроме того, частица может находиться в возбужденном состоянии (*particle in excited state*), являться нарушителем спокойствия (*perturbing particle* – *возмущенная частица*), или «оставаться невозмутимой» (*unexcited* – *невозбужденная частица*). С «бытовой» точки зрения, близки предыдущим значения, выражаемые в словосочетаниях *hot/ cold/ cooled/ ultracold/ frozen particle* – *горячая/ холодная/ охлажденная/ ультрахолодная/ замороженная частица* ('энергичность', 'возбуждение'). Отметим, что не все позиции в этой метафорической парадигме активированы – например, отсутствует термин *warm particle (при используемом *warm plasma*), что связано с отражением физической реальности.

Наряду с *обычными* (*ordinary particle*), существуют *странные/ гиперстранные* (*strange/ hyperstrange*) частицы, частицы с необычными свойствами (*bizarre* – букв. 'причудливая', 'эксцентричная'), *идеализированные* (*idealized*) и даже *демонические* (*demonic particles*). Странные частицы могут «переносить» странность – *strangeness-carrying particles*. Несмотря на отсутствие рода существительного в английском языке, многие адекативные употребления явно указывают на ассоциацию *частицы* с особью женского пола – она может быть *прекрасной* (*beautiful/ beauty particle*), *ароматной* (*flavored particle*; аромат – квантовое число частицы), *очарованной* – *charmed*, *неочарованной* – *charmless* и др. Персонификация данного физического объекта прослеживается также в словосочетаниях типа *dressed* – *одетая*, *stripped* – *ободранная*, *bare* – *голая частица* (частица без взаимодействия).

Между частицами могут складываться «ролевые отношения» – сотрудничества, соперничества, антагонизма и др. Так, значение «партнерских» отношений выражено в терминах *comoving* – *совместно движущиеся*, *neighboring* – *смежные*, *cohabitating particles* – *сосуществующие частицы*, *partner particle* – *частица-партнер*. Неуютно себя «чувствуют» *одиночные* частицы (*individual, single particle*) и *инородные, посторонние* частицы (*foreign particles*). В словосочетаниях *leading/guided particle* – *лидирующая/ведомая частица* явно выражено значение позитивного лидерства, а в терминах *victim particle* – *частица-объект* (англ. *victim* – 'жертва'), *straying particle* – *паразитная частица* (англ. *straying* – 'блуждающий') – деструктивные отношения. Некоторые частицы «занимают» пассивную «позицию» – ср. *spectator particle* – *частица-наблюдатель*, *truly neutral particle* – *абсолютно нейтральная частица*. Вступая в самые разнообразные «отношения», частицы могут *спариваться* (*paired particles*), «разлучаться» – *separated particles* (прав.: *разделенные частицы*) и др.

Над частицами можно производить целый ряд метафорически обозначенных действий – например, *опрокидывать* (*reversed particle* – *опрокинутая частица*), *распылять* (*splattered particles*; англ. *splutter* – 'брызгать слюной', 'плевать'), *бомбардировать* (*bombarded particle*),

запирать (confined particle), – абсолютно несовместимых в реальной действительности (наложение метафор).

В научном дискурсе метафоричность терминологической лексики стирается. Тем не менее, метафора выполняет свою функцию – позволяет ярко и живо описывать сложные объекты, процессы, явления с применением минимального числа языковых средств. Распространенность метафоры в языке физики даже на лексическом (терминологическом) уровне опровергает сложившееся мнение о людях, занятых в этой дисциплине, как далеких от словесной и понятийной игры. По-видимому, процесс метафоризации является более экстенсивным в английской терминологии по сравнению с русской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский словарь по физике высоких энергий (23.000 терминов) [Текст] / Ю.В. Катышев [и др.]. – 2-е изд. М. : Русский язык, 1984. – 400 с.
2. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект [Текст] : монография / Н.К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 639 с.
3. Рябцева, Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: Межъязыковой аспект [Текст] // Н.К. Рябцева. Науч. доклад д.ф.н.– М. : ИЯ РАН, 1996. – 112 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

О.Б. Пономарева

Тюменский государственный университет

The article tackles the cognitive aspects of the poetic text which reflects the individual poetic perception of the world. The poetic model of the world is regarded as a variety of complex dynamic processes analyzed with the theory of blending.

Представители когнитивной лингвистики подчеркивают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, непосредственно зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним. Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа или системы образов, так называемого пятого квазиизмерения (термин А.Н. Леонтьева). Это система значений или определенное «смысловое поле». Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, этических, культурных, социальных и др. параметров. Изучая семантику слов, можно выявить специфику мыслительных (когнитивных) процессов и моделей, участвующих в создании своеобразной наивной картины мира, зачастую отличной от научной.

Наряду с языковой картиной мира можно говорить и о поэтической картине мира как особого, сложнейшего мира мыслей, эмоций и духовных ценностей человека. Слово, являясь базовым, центральным, ключевым знаком языка, речи и текста, передает, выражает, моделирует в тексте реальный и ирреальный миры и формирует поэтическую картину мира того или иного художника слова [Бабенко, 2000; Казарин, 2004].

Лексический уровень играет ведущую роль в образовании тех или иных смыслов поэтического текста, так как текст имеет лексическую структуру, строится по сетевому принципу с учетом различных связей лексических единиц по горизонтали (линейное развертывание текста) и по вертикали (ассоциативно-семантические связи лексических единиц). Сетевой принцип предполагает наличие «узлов», фокусирующих пучки связей и отношений лексических элементов, образующих тематическую сетку [Арнольд, 1966; Болотнова, 1989; Новиков, Ярославцева, 1990]. Корни языковой образности, по мнению Ю.Н. Караулова, уходят в тезаурус, в систему знаний, и тезаурусное отражение действительности составляет основу познания [Караулов, 1987, с. 169]. Единицы лексического уровня в поэтическом тексте объединяются в семантические и тематические группы, образуя тематическую сеть содержательно-концептуальной структуры текста. Тематическая группа (далее ТГ) является иерархической структурой, включающей в себя базовое слово-идеологему как родовой маркер или идентификатор общей темы и общего комплексного смысла ТГ в качестве смысловой структуры поэтического текста и основного средства формирования той или иной поэтической картины мира [Бабенко, 2000].

Индивидуально-авторская картина мира в поэтическом тексте является отражением субъективных черт языковой личности ее создателя. Поэтический текст всегда антропоцентричен, представляя действительность через призму эстетического восприятия ее автором. Описание индивидуально-авторской картины мира может быть осуществлено с помощью концептуального анализа, выявляющего базовые концепты поэтического текста, составляющие его концептосферу. Аспекты концептуализации обусловлены как объективными законами мира, так и авторской личной позицией, его отношением к действительности. Аспекты концептуализации также помогают объяснить полевую структуру концептосферы, зависящей от способов языковой репрезентации концепта [Бабенко, 2000]. В когнитивной лингвистике говорят о метафорической модели, как о способе концептуализации разного рода нематериальных объектов и процессов. Когнитивные модели играют существенную роль в описании концептуальной системы [Lakoff, 1990; Рахилина, 2000]. Термин «концептуальная метафора» как один из центральных объектов изучения в когнитивной теории метафоры представляет собой прямое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества [Чудинов, 2001; Бурмистрова, 2003].

Альтернативный подход к анализу когнитивной метафоры известен как теория **концептуальной интеграции** или **теория блендинга**. Основатели теории блендинга М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу о том, что метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы-цели в сферу-мишень, а включает в себя **сложные динамические интеграционные процессы**, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения. Когнитивный подход к метафоре в рамках этой теории разрабатывался на

основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории концептуальной метафоры [Fauconnier, 2000, 2002].

М. Тернер и Ж. Фоконье предложили альтернативную двухдоменной модели метафоры (two-domain model) модель нескольких пространств (many-space model) [Fauconnier, Turner, 1998]. По мнению исследователей, однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель представляет собой только частный случай более сложного, **динамического** и вариативного комплекса процессов, для актуализации которых необходимо ввести в исследование когнитивной метафоры два промежуточных пространства (middle spaces). Таким образом, в отличие от двух концептуальных доменов в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space) или бленд (blend). Исходные пространства соотносятся со сферой-источником и сферой-целью в теории концептуальной метафоры, хотя количество исходных пространств может быть больше двух.

При этом блендинг понимается довольно широко и не ограничивается исследованием процессов метафоризации. Блендинг – «когнитивный механизм, охватывающий многие когнитивные феномены, включая категоризацию, построение гипотез, инференцию, происхождение и комбинирование грамматических конструкций, аналогию, метафору и нарратив» [Fauconnier, Turner, 1998, p. 3-4]. В теории блендинга метафора занимает место только одного из когнитивных механизмов, точнее разновидностью всеобщего механизма концептуальной интеграции. Исследователи блендинга ставят перед собой цель изучить метафору не как культурно-статический, а как **индивидуально-динамический феномен** [Приводится по: Будаев, Чудинов, 2006]

Конвергенция и аккумуляция метафор, относящихся к одному и тому же прототипическому объекту, образуют **взаимодействующие семантические сети** и создают определенный абстрактный символ, состоящий из **сцепления, смешения, слияния** или **концептуальной интеграции**, которую А.А. Потебня называл «сгущением мысли» [Потебня, 1990]. Это способность сильно воздействовать на человека, приводить в движение механизмы ассоциаций, которые основаны на бессознательном, генетическом значении [см.: Пищальникова, Сорокин, 1993; Молчанова, 2001].

Исследование механизмов метафоры и символа помогает выявить когнитивные процессы концептуализации как способа репрезентации знаний о мире в языковой форме. Рассмотрим когнитивные процессы концептуальной интеграции на примере стихотворения *H.W. Longfellow «The Twilight»*:

The Twilight

By H.W. Longfellow

The twilight is sad and cloudy,

The wind blows wild and free,

And like the wings of the sea birds

Flash the white caps of the sea.

*But in the fisherman's cottage
 There shines a radiant light,
 And a little face at the window
 Pierce out into the night.
 Close, close it is pressed to the window,
 As if those childish eyes
 Were looking into the darkness
 To see some form arise.
 And woman's waving shadow
 IIIs passing to and fro,
 nNow rising to the ceiling,
 NNow bowing and bending low.
 hWhat tale do the roaring ocean
 a And the night wind, bleak and wild,
 aAs they beat at the crazy casement,
 TTell to the little child?
 AAnd why do the roaring ocean
 aAnd the night wind wild and bleak
 AAs they beat at the heart of the mother
 dDrive the colour from her cheek?*

Заголовок стихотворения определяет когнитивное пространство концепта «сумерки» как определенного сплава мысленных ассоциаций, связанных с данным образом. В стихотворении прослеживается иерархия в развитии семантических дериватов от прямых, конкретных значений концепта *twilight – time after sunset (CED)*, *полутьма между заходом солнца и наступлением ночи (ТСРЯ)* к метафорическим значениям, передающим эмоциональное состояние членов семьи рыбака и создающим сгущенный, укрупненный образ приближения трагедии, связанной с гибелью рыбака в бушующем океане.

Денотативное пространство текста определяется тематической группой, объединенной концептом «сумерки», служащим **семантическим центром** стихотворения. Авторская поэтическая картина мира, закодированная с помощью языковой семантики, актуализируются с помощью ассоциативных связей, объединенных в самые разнообразные тематические группы вокруг этого семантического центра.

Ментальное пространство концепта «*twilight*» создается ТГ «**бушующего моря**», «**ветра**», усиливающегося с приближением темноты, и антропоцентрическими ТГ: «**жилище рыбака**», «**семья рыбака**», ожидающая его возвращения с моря.

Оппозиция «**света**» и «**тьмы**», определяющая интенционал в семантической структуре лексемы «*twilight-сумерки*» в поэтическом тексте, представлена четырьмя ментальными пространствами: двумя исходными (input spaces), общим пространством (generic space) и смешанным пространством (blended space) или бленд (blend).

Два исходных (input spaces): 1) «**Ночной бушующий океан**» (*The twilight is sad and cloudy, /The wind blows wild and free, /And like the wings of the sea*

birds/Flash the white caps of the sea.) и 2) Свет жилища семьи рыбака (*But in the fisherman's cottage/There shines a radiant light,/And a little face at the window/Pierce out into the night./Close, close it is pressed to the window,/As if those childish eyes/Were looking into the darkness/To see some form arise*). 3) В общее пространство (generic space) разрушительной бури, шторма вовлечена природа и люди (*What tale do the roaring ocean/ And the night wind, bleak and wild, / As they beat at the crazy casement, / Tell to the little child? / And why do the roaring ocean/ And the night wind wild and bleak/ As they beat at the heart of the mother/Drive the colour from her cheek?*)

Символика стихотворения создается конвергенцией, смешением денотативного пространства природы с ее персонификацией и превращением в разрушительную силу, приносящую трагедию гибели отца семьи – кормильца. 4) Смешанное пространство (blended space), или бленд (blend) включает интенционал, импликационал и экстенционал семантической структуры текста с преобладанием метафорических и метонимических моделей семантической (синтагматической) деривации. Это лицо и глаза ребенка, вглядывающегося в темноту (*a little face at the window / Pierce out into the night. / Close, close it is pressed to the window, / As if those childish eyes / Were looking into the darkness / To see some form arise.*).

Волнение ожидания и трагические предчувствия матери также передаются с помощью метонимического образа (тени), вовлекая гиперболизацию, аллитерацию, антитезу и параллелизм и континуальность: *And woman's waving shadow / Is passing to and fro, / Now rising to the ceiling, / Now bowing and bending low.*

Патетическое звучание поддерживается и ритмическим рисунком стиха (трехстопным ямбом в первых строфах, и ритмическими инверсиями: хореем, спондеем и пиррихием в последних строфах). Приближение трагедии имплицитно и риторическими вопросами (*What tale...? Why do...?*) с метафорическими дериватами «*the ocean tells a tale / the wind beats at the heart of the mother*).

Итак, поэтическая картина мира во многом формируется на основе языковой картины мира, но значительно отличается от нее индивидуально-авторскими пристрастиями, культурно-эстетическими, духовными и лингвистическими параметрами. Поэт является духовной личностью, воплощающей в себе аспекты языковой и речевой культуры определенного народа, текстовые, исторические и культурные черты его менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования [Текст] : монография / И.В. Арнольд – Л. : Изд-во ЛГУ, 1966. – 192 с.
2. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] : монография / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. – 530 с.

3. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня [Текст] : монография / Н.С. Болотнова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 1989. – 181 с.
4. Будаев, А.В. Метафора в политическом дискурсе. [Текст]: монография / А.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-тет, 2006. – 208 с.
5. Бурмистрова, М.А. Эволюция взглядов Дж. Лакоффа [Текст] / М.А. Бурмистрова. // Филологические науки. 2003. – № 1. – С. 63-66.
6. Казарин, Ю.В. Филологический анализ поэтического текста [Текст] : / учебник для вузов / Ю.В. Казарин. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 432 с.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] : монография / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
8. Молчанова, Г.Г. Когнитивная лингвистика и стилистическая типология [Текст] : / Г.Г. Молчанова. // Вестник Московского университета. – № 3. – 2001. – С. 60-72.
9. Новиков, А.И. Семантические расстояния в языке и тексте. [Текст]: монография / А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева. – М. : Наука, 1990. – 238 с.
10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] : С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : «Азъ», 1994 – 928 с.
11. Пишальникова, В.А. Введение в психопоэтику. [Текст] : монография / В.А. Пишальникова, Ю.А. Сорокин. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1993. – 209 с.
12. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика [Текст] : монография / А.А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1990. – 344 с.
13. Рахилина, Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики [Текст] / Е.В. Рахилина. // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2000. Т.59. – № 3. – С. 3-15.
14. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование метафоры (1991-2000) [Текст] : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
15. Fauconnier, G. Conceptual integration networks [Text] / G. Fauconnier, M. Turner. // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22. – № 2. – P. 183-203.
16. Fauconnier, G. The Way We Think : Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities [Text] / G. Fauconnier, M. Turner. – Basic Books, 2002. – P. 47-65.
17. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things [Text]: / G. Lakoff. – Chicago, 1990. – 178 p.
18. Longfellow, H.W. Twilight [Text] / Longfellow H.W. // An Anthology of English and American Verse. – М. : Progress Publishers, 1972. – 710 p.

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ВОЛЬФА БИРМАНА

А.Л. Порошин

Челябинский государственный университет

The article deals with zoomorphic metaphor in Wolf Biermann's lyrics describing the main frames of this metaphoric model.

В последние двадцать лет центральное место в лингвистике занимает когнитивная парадигма знания, основывающаяся на том, что «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснён вне связи с его создателем и пользователем» [Кравченко, 1996, с. 6]. Язык понимается как «общий когнитивный механизм кодирования (репрезентации) и трансформирования информации» [КСКТ, 1997, с. 53]. При этом языковым явлением, отражающим процесс познания мира, является метафора. Метафора не в классическом понимании как «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс» [Языкознание БЭС, 2000, с. 296], а как самостоятельный когнитивный механизм [Лакофф, 1987]. Метафорическое моделирование является основной ментальной операцией при восприятии и воспроизведении новой информации, объединяющей две понятийные сферы – сферу-источник, к которой относятся охватываемые метафорической моделью слова, и сферу-мишень, к которой относятся охватываемые моделью слова в переносном значении [Чудинов, 2001, с. 44]. Наблюдение за процессом метафорического моделирования является важным источником данных о взаимодействии языка и мышления.

Материалом исследования для настоящей статьи послужили песни немецкого автора Вольфа Бирмана (1936 г. р.) – диссидента, получившего сначала запрет на публичные выступления и публикации в ГДР (1965), а впоследствии лишённого гражданства в 1976 году. Официальное объяснение Социалистической единой партии Германии по этому поводу гласило: «Гражданство подразумевает под собой верность государству. <...> Бирман постоянно и осознанно грубо нарушал свой долг. Принятые меры соответствуют Закону о гражданстве ГДР» [Geyer, 2010]. Действительной причиной, по которой Вольф Бирман был лишен гражданства, являются его тексты, обличающие противоречия между идеей социализма и действительностью („*Manchen hör ich bitter sagen / Sozialismus – schön und gut / Aber was man uns hier aufsetzt / Da ist der falsche Hut!*“ («Я часто слышу, как с сожалением говорят / Социализм – это красиво и хорошо / Но то, что нам здесь пытаются нацепить – / Это не та шляпа!») – *Warte nicht auf bessere Zeiten* (1963)). Здесь следует отметить, что те исторические и социальные условия, в которые попадает автор, находят своё непосредственное отражение не только в стилистическом, но и в языковом плане.

Официальное искусство тоталитарного государства функционирует в рамках идеологических предписаний, «поэтизирует идеологические догмы, основанные на формулах тоталитарного сознания, исключая внутрикультурные конфликты как норму жизни» [Купина, 2008, с. 126]. Тем не менее, в тоталитарном обществе всегда присутствует и неофициальное искусство. Например, неофициальная песня, исключая «фальш

идеологических добавок» [там же]. «Песня в головах угнетенных – это частичка власти, а ироничная песня в сознании власть имущих – это уже частичная ее (власти – прим. перевод.) потеря», – написал Вольф Бирман в своих воспоминаниях о жизни в ГДР, где органы государственной безопасности («штази») вели тотальный контроль всех сфер жизни общества [Biermann, 1992, с. 458].

В своих песнях Вольф Бирман часто прибегает к зооморфным образам, ярко раскрывающим суть концептуальной метафоры «общество тоталитарного государства – это нечеловеческое общество» (мир животных). На ранних этапах развития культуры окружающие человека животные и их поведение помогли ему осмыслить основные закономерности бытия и многие из этих представлений вошли в лексико-фразеологический фонд языка.

При исследовании зооморфной метафорической модели на примере творчества автора-песенника Вольфа Бирмана выделяются следующие фреймы:

1. Фрейм «Виды животных» – это наиболее объёмный фрейм рассматриваемой метафорической модели, который включает в себя родовые и видовые наименования животных. Родовые, или общие, наименования имеют своей целью создать у реципиента эмоциональный фон на основе переноса общих прототипических признаков образа-источника на объект метафоризации. Напр., насекомые – это слабые и беззащитные существа, рыба хорошо плавает, а птица должна летать (так, отсутствие этой возможности у птицы говорит о ее некой неполноценности, что переносится и нам сам объект метафоризации). Ср.: *Ich konservier euch als Insekt / Im Bernstein der Balladen / Als Bernstein-Medaillon, als Ring / Als Brosche auf dem Kragen* (Das macht mich populär) (*Я законсервирую вас как насекомых / в янтаре баллад / как янтарный медальон, как кольцо / как брошь на воротнике*); *Die starben nicht für mich, für Dich, / die starben für den Krüppel. / Der Vogel, der nicht fliegen kann, / 'Strauß' will jetzt an den Knüppel ran, / den großen Steuerknüppel* (Starfighter) (*Они умерли не за меня – за Тебя, / они умерли за калеку. / Птица, которая не может летать, / «Штраусс» хочет к рычагам / большим рычагам управления*); *oder hätte schwimmen sollen in seinem Volk / wie der berühmte Fisch des Genossen Mao* (Gesang für meine Genossen) (*или должен был бы плавать в своём народе / как знаменитая рыба товарища Мао*).

По сравнению с родовыми видовые наименования животных при метафорическом моделировании наделяют объект метафоризации более конкретизированными свойствами и качествами, характерными заимствованному из понятийной сферы-источника зооморфному образу: напр., *свинья* – грязное животное, *крыса* – противное, мерзкое животное, *червяк* – жалкое, беспомощное существо, *кураца-наседка* – малоподвижное животное, *паук* – вызывающее отвращение животное, *обезьяна* – глупое животное. Ср.: *Ich singe die Schweine, wie sie aus den Logen fliehn* (Gesang für meine Genossen) (*Я воспеваю свиней, как они бежали из лож*); *Und schimpft*

auch kein Schwein hier Türkenschwein. / Ich bin ja 'ne Deutsche und darf hier sein (Ballade für Eva Marie, für die aus'm Osten) (И никакая свинья здесь не будет ругаться «турецкая свинья». / Ведь я же немка и можно здесь быть); *Ach Mutter mach' die Türe zu. / Da kommen tausend Ratten. / Die hungrigen sind vorneweg, / Dahinter sind die satten* (Das Barlach-Lied) (Ах, мама, закрой все двери. / Там идут тысячи крыс. / Голодные впереди, / А сытые позади); *Brechts alte böse Frau / lässt keinen an Brecht ran / die Glucke sitzt über den Eiern / zu lang, zu lang, viel zu lang* (Frau Brecht) (Старая злая жена Брехта / никого не пускает к нему / насадка сидит на яйцах / очень долго, очень долго, слишком долго).

Следует отметить, что лишь немногие зооморфные метафоры в лирике Вольфа Бирмана имеют позитивную эмоциональную окраску. Напр. *Knuddeltier* – животное, которое хочется погладить, приласкать. Ср.: *Ich brauch kein Parföng, kein Schnaps, kein Bier. / Ich brauch inne Nacht ein Knuddeltier* (Ich kann auch alleine). В большинстве же случаев зооморфные образы имеют в тексте обратную прагматическую функцию – они «направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [Скляревская, 1993].

2. Фрейм «Действия животных» формируют метафорические образы, которые используются для иллюстрации поведения объектов метафоризации и их отношения друг к другу. Структурные единицы этого фрейма выполняют в основном изобразительную функцию, чтобы сформировать у реципиента негативное отношение к описываемым явлениям тоталитарного общества ГДР: профессора тут не едят, а жрут; доносчики и бывшие нацисты передвигаются подобно пресмыкающимся; боги лают, а отношения между мужчинами и женщинами уподобляются оплодотворению животных. Ср.: *Was haben wir denn an denen verlornt, / An diesen deutschen Professorn, / Die wirklich manches besser wüssten, / Wenn sie nicht täglich fressen müssten* (Die hab' ich satt) (Что такого мы нашли / В этих немецких профессорах, / Которые, на самом деле, знали бы намного больше, / Если бы не жрали день за днём); *Kamen Spießer, Spinnen, Affen / Alte Nazis angekrochen / Wolln auf meinen roten Flammen / Sich ihr braunes Süppchen kochen* (Keine Party ohne Biermann) (Приползли доносчики, пауки, обезьяны / старые нацисты / Хотят на моём красном пламени / Приготовить себе свой коричневый супчик); *Als ich so früh nach Hause kam, / schrie mich ein Bauer an: / „Wir treten unsere Hühner selbst!“ / Und bot mir die Dresche an* (Ballade von der Buckower Süßkirschenzeit) (Когда я домой так рано пришёл / На меня наорал крестьянин: / «Мы топчем наших куриц сами!» / И предложил мне подраться).

3. Фрейм «Части тела животных» имеет своей целью дать характеристику действиям объекта метафоризации, а также дать понять реципиенту, что можно ожидать от человека, напр., с мордой льва и мозгом воробья. Ср.: *Das ist der ganze Verner Paul: / Ein Spatzenhirn mit Löwenmaul* (Das macht mich populär). *Wir saßen, bis die Sonne im Häusermeer absoff, / sahen zu, wie da der Westen die rote Farbe soff. / Auf Kirchen und auf Schloten,*

dieselben roten Pfoten, / wir dankten Marx und Gott am Mont Klamott (Frühling auf dem Mont Klamott) – «красные лапы» на церквях и фабричных трубах уподобляют коммунизм животному.

В заключение отметим, что иногда один и тот же зооморфный образ может характеризовать как положительные, так и отрицательные свойства объекта метафоризации. Например, *собака* в одних текстах олицетворяет подлого человека, а в других – действия собак (зализывать раны друг другу) символизируют дружбу. Ср.: *Ein Kuss von eurem Munde / Macht den Geküssten todeskrank – / So küsst mich doch, ihr Hunde!* (Das macht mich populär) (*Поцелуй от ваших уст / Делает смертельно больным - / Ну, так целуйте меня вы, собаку*); *Der Freund hat den Freund gefunden, / wir hatten einander so hilflos lieb / und leckten einander die Wunden* (Recontre A Paris) (*Друг нашел друга, / мы так беспомощно друг друга любили / и зализывали друг другу раны*).

В целом, зооморфная метафора в творчестве Вольфа Бирмана характеризуется концептуальными векторами жестокости и агрессивности: уподобляемый животному человек забывает об общечеловеческих ценностях, руководствуясь одними инстинктами. Метафора в песнях Вольфа Бирмана выступает не только и не столько как стилистическое средство выразительности, но и как языковой инструмент отражения объективной действительности через призму субъективного авторского восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко, А.В. Язык и восприятие : Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] : монография / А.В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 160 с.
2. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / , В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина // Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
3. Купина, Н.А. Интерпретация песенных текстов Александра Галича в аспекте толерантности [Текст] / Н.А. Купина // Интерпретация текста : ментальное зеркало видения [Текст] : сб. науч. трудов. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2008. – 299 с.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс] Дж. Лакофф, М. Джонсон // URL : <http://kant.narod.ru/lakoff.htm>. 2010
5. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] : монография / Г.Н. Складаревская . – СПб. : Наука, 1993 – 153 с.
6. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Текст] : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 2000. – 688 с.
8. Biermann, Wolf. Alle Lieder [Text] / Verlag Kiepenheuer & Witsch. – Köln, 1992. – 464 S.
9. Geyer, Robby. Ausbürgerung von Wolf Biermann [Electronic Source] // URL : www.jugendopposition.de.

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ В ПОЭТИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО КЛАССИЦИЗМА. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н.Б. Попова

Челябинский государственный университет

The meaning of concepts reveals in this article: the cognitive style of a literary current of classicism and the cognitive individual styles of concrete authors on a material of their poetic works.

Сегодня интегрирующей наукой как некогда философия является когнитивистика. Она объединяет многие направления и области уже давно дифференцированных наук, к ней тянутся практически все науки, ибо она в основе своей означает «знание», «познание».

В настоящем сообщении мы предлагаем рассмотреть неоднозначное понятие «когнитивные стили» относительно поэтики французского классицизма. Хотя французский классицизм как литературное течение исследовался многими литературоведами, историками и лингвистами, он продолжает оставаться тем лингвистическим и эстетическим материалом, который содержит огромный пласт неисследованных возможностей, которые могут получить новую интерпретацию с точки зрения когнитивистики.

Термин «когнитивные стили» появился в рамках психологии на пересечении психологии личности и психологии познания и интерпретируется для психологических целей М.А. Холодной следующим образом. Слово «стиль» в психологии личности отражает проявление высших уровней индивидуальности, тогда как в психологии познания подчеркивается формальный характер стилевых свойств интеллектуальной деятельности. Таким образом, «стиль» в словосочетании «когнитивный стиль» создает иллюзию универсального объяснительного принципа, а слово «когнитивный» возвращает на уровень эмпирических фактов, вынуждающих искать объяснения личности через частные когнитивные измерения [Холодная, 2002, с. 19]. То есть психология разрабатывает так называемый стилевой подход с целью определения различия между людьми в способах познания окружающего мира.

Что касается лингвистики, то понятие стиль в его многозначности исследуется давно. Это и функциональные стили в речевой практике, стиль конкретного литературного направления, индивидуальный стиль автора и даже отдельного произведения. Стилистические особенности в конкретной речевой реализации характерны для любого лингвистического уровня (фонетики, грамматики, лексики), можно говорить и о стилистике разных составляющих художественного произведения (ритма, тематики, сюжета и, безусловно, его лингвистических уровней).

Говоря о когнитивных стилях литературы французского классицизма, мы предлагаем интерпретацию тех основ знаний этого направления, которые сделали поэтику французского классицизма совершенной для искусства XVII - XVIII веков. Материалом нашего эмпирического исследования послужили

тексты трагедии Пьера Корнеля «Цинна, милосердие Августа» и трагедии Жана Расина «Федра».

Общей когнитивной базой для поэтики обоих авторов является высокий жанр трагедии, которая подчиняется основным правилам, разработанным в античности: единство места, времени, действия.

Индивидуальным обобщающим моментом для творческой личности каждого отдельного автора эстетики классицизма является то, что когнитивный стиль Корнеля отражает категорию героического, а когнитивный стиль Расина – категорию трагического.

Вот как выглядит сюжетная линия категории *героического* в трагедии Корнеля «Цинна, милосердие Августа». Республиканец Цинна организует заговор против римского императора Августа. Красавица Эмили участвует в заговоре, чтобы отомстить императору за смерть своего отца. А заговорщики Цинна и Максим в этом заговоре борются за любовь Эмили. Следовательно, они не являются защитниками государственных интересов, так как руководствуются своими личными эгоистическими страстями. В результате побеждает Август, который ради интересов государства прощает заговорщиков. Корнель рисует в своей трагедии образ идеального монарха, воплощающего разумное государственное начало.

В отличие от Корнеля, который разрабатывал свои сюжеты в духе суровой римской гражданственности, Расина интересует внутренний противоречивый мир человека. Сюжет трагедии «Федра» заимствован Расином из пьесы греческого поэта Еврипида, в основе которой лежит предание о том, что жена Тезея Федра полюбила своего пасынка Ипполита. Когда дошли слухи о том, что ее муж погиб, Федра объяснилась Ипполиту в любви. Однако Тезей вернулся, и это побудило Федру оклеветать Ипполита в покушении на ее часть. Разгневанный муж молит богов погубить сына. Услышав о гибели Ипполита, Федра кончает жизнь самоубийством. Такова легенда по Еврипиду. Расин вносит изменения в трагедию. У Расина оклеветала Ипполита не Федра, а ее кормилица. Если в трагедии Еврипида Федра была игрушкой в руках богини Афродиты, которая заставила ее полюбить Ипполита. У Расина Федра – женщина любящая, яркая, страстная, страдающая от своей пагубной страсти. Так по сюжетной линии выглядит категория *трагического*.

Вторая особенность когнитивных стилей Корнеля и Расина связана с типом поэтического дискурса эстетики классицизма. Дискурс Корнеля структурируется на аристотелевском силлогизме, тогда как дискурс Расина структурируется на силлогизме Декарта.

В своих произведениях Корнель, как правило, прибегает к таким приемам аристотелевского силлогизма как энтимема, которому свойственно индуктивное умозаключение. Энтимема – это сокращенный, "свернутый" вариант классического аристотелевского силлогизма. Например: «Любой человек смертен, Сократ – человек, поэтому Сократ – смертен». Одна из посылок, как правило, меньшая, может подразумеваться имплицитно. В результате энтимема выглядит как «Любой человек смертен, Сократ –

смертен». Посылка «Сократ – человек» не выражена в высказывании, но подразумевается.

Пример из текста трагедии Корнеля «Цинна» (2 сцена 5 действия) Эмили и Цинна оспаривают ответственность за последствия заговора. Каждый из них пытается оправдать другого. И Эмили произносит монолог, частью которого является следующая энтимема, которая состоит из большой посылки и вывода:

Большая посылка:

La gloire et le plaisir, la honte et les tourments,
Tout doit être commun entre de vrais amants.

(стихи. 1647-1648)

Далее как бы выпущена *малая посылка*, предполагающая, что герои любят друг друга.

Вывод: Эмили и Цинна имеют одну судьбу, одно будущее, даже если им суждено умереть:

Unissant nos désirs, nous unîmes nos haines ; (1650)

Ensemble nous cherchons l'honneur d'un beau trépas :

Vous vouliez nous unir, ne nous séparez pas. (1655-56)

В трагедиях Расина присутствует уже другая логика, пришедшая на смену аристотелевской, силлогизм Декарта или картезианский силлогизм, в основе которого лежит *le doute universel* (всеобщее сомнение). То есть картезианский силлогизм представляет собой структуру умозаключения в виде схемы «тезис – антитезис – силлогизм» [Декарт, 1987]. В этом умозаключении *тезисом* является любое утверждение, *антитезисом* – сомнение либо опровержение высказанного тезиса в разнообразных формах, а *силлогизмом* – полученный вывод. Именно такая структура является композиционной и текстовой основой всего творчества Расина и особенно трагедии «Федра».

Уже сама структура произведения на сюжетно-персонажном уровне представляет собой картезианский силлогизм: Федра любит Ипполита (*тезис*), но Ипполит не любит Федру (*антитезис*), Ипполит и Федра погибают (*силлогизм*).

На уровне текста примером может послужить центральный монолог Федры, известный как «признание»:

тезис

Qui, prince, je languis, je brûle pour Thésée

антитезис

Je l'aime, non point tel que l'ont vu les enfers,

Volage adorateur de mille objets divers.

Qui va du dieu des morts déshonorer la couche;

силлогизм

Mais fidèle, mais fier, et même un peu farouche,

Charmant, jeune, traînant tous les coeurs après soi.

Tel qu'on dépeint nos dieux, ou tel que je vous voi.

В результате анализа данных произведений мы приходим к выводу, что в поэтике французского классицизма четко просматриваются два когнитивных стиля. Один основан на логике аристотелевского силлогизма и представляет категорию героического, другой – на логике картезианского

силлогизма с его «универсальным сомнением» антитезиса, который в полной мере отражает категорию трагического.

Аристотелевский силлогизм в его сокращенном варианте, энтимема, является основным элементом трагедий Корнеля. Частота его использования в тексте трагедии «Цинна» достаточно высока: 52 силлогизма (чуть более 400 стихов) на 1668 стихов.

Что касается Расина, структура картезианского силлогизма всецело является основой его творчества, а трагедия «Федра» – уникальный пример стопроцентной плотности употребления данной логической структуры. На 1654 стихов приходится 158 примеров структуры картезианского силлогизма. При этом и ни один стих не выпадает из схемы силлогизма Декарта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова, Н.Б. Поэтика французского классицизма [Текст] : учебное пособие / Н.Б. Попова. – Челябинск, 2006.
2. Холодная, М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума [Текст] / учебное пособие для высших учебных заведений / М.А. Холодная. – М., 2002.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ КОНЦЕПТА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Т.П. Рогожникова

Омский государственный университет

The article deals with one of the urgent problems of cognitive linguistics that is the research of linguistic concept in historical evolution of its substantive forms which are image, symbol and notion.

Развитие концептологии как синтетической научной дисциплины в области филологии началось совсем недавно и в настоящее время является одним из самых перспективных направлений этой науки, еще только устанавливающей свои основные понятия, термины и гипотезы. Больше всего продвинута практическая часть концептологии – в трудах многих ученых, работающих чаще над отдельными концептами. Разработаны и предварительно обобщены целые блоки концептуальных единиц русского сознания, представленные в языковых формах. Концептология развивается и в инновационных формах: заканчивающийся 2009 год ознаменован двумя Летними школами «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования», проведенными под руководством профессора Марины Владимировны Пименовой в Кемерово и Севастополе. Современные принципы и способы порождения и распространения информации создают все новые возможности для объединения концептологов в решении актуальных задач в области концептуальных исследований, одной из которых является уяснение поступательного развития концепта – его исторического развития в языковом проявлении.

«Накопление смысла» концепта происходит в известные сроки, поэтому в задачу диахронического направления исследования в концептологии входит необходимость проследить последовательные узлы этого процесса.

Концепт как мельчайшая единица сознания/подсознания есть виртуальная единица, которая проявляется в языке в виде своих содержательных форм – *образе, понятии и символе* [Колесов, 2002]. Каждое имя-слово в своем развитии проходит полный цикл обогащения смыслом, последовательно включая в свой состав личный образ, национальный символ и общее для всех понятие. Причем понятие максимально отвлечено от реальности, текуче и постоянно изменяется в соответствии с потребностями времени. Иными словами, говоря о становлении концепта или об истории концептуализации, исследователь должен проследить, каково современное представление народного концепта (каково *понятие*), вытекающее из многообразных и разнонаправленных личных *образов* и из сложившегося в культуре *символа*, который в настоящее время направляет движение в сторону понятийного эквивалента. Эта задача включает разные моменты: языковые манифестанты концепта, стилистические варианты их проявлений, психологическое оправдание образов и принципы построения понятия на современных основаниях.

В рамках данной статьи своей основной целью мы видим постановку проблемы и основные пути концептуального анализа в диахроническом аспекте. Это направление задано трудами Владимира Викторовича Колесова [Колесов, 1986, 1999, 2001, 2002, 2004, 2007 и др.], его учеников [Мельников, 2009; Пименова, 2009; Рогожникова, 2009], когнитологов кемеровской школы [Кондратьева, 2004, 2009; Пименова, 2007 и др.]. Объективно существует необходимость расширения концептуальной сферы исследования, включая в нее все новые концепты. Кроме того, разработанная методика историко-концептуального анализа нуждается в уточнении и детализации, особенно в отношении исторически обусловленных социальных и региональных проекций концепта как части общенародного сознания.

В современной концептологии общепринятым является мнение, что концептами становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют множество языковых единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, включаются в большое количество поэтических и прозаических текстов. Они являются своего рода символами, эмблемами, определенно указывающими на породивший их текст, ситуацию, знания, т.е. носителями культурной памяти народа. Поэтому каждый конкретный концепт может быть представлен не просто значением слова, но и целым спектром слов и выражений, пословиц, поговорок и даже целых текстов, а также многочисленными ассоциациями, вызываемыми этими словами, которые в значение не включаются.

Поскольку концепт складывается из слоев различного времени происхождения, то естественно представлять его эволюцию в виде некоей последовательности или ряда, звеньями которых являются содержательные формы концепта, данные в виде образа – символа-понятия. Между этими звеньями, если расположить их последовательно, вскрываются особые отношения преемственности формы и содержания, благодаря которым

существенные признаки содержательной формы на предыдущей стадии концепта становятся актуальными на последующем временном срезе.

Одним из базовых концептов, актуальных для любой культуры в ее истории и репрезентированных в массовом сознании, является концепт *ВЛАСТЬ*. И, как большинство концептов, в каждой культуре, в том числе и русской, он имеет национальную специфику. Имя концепта – *власть* – представлено в русском языке целым спектром устойчивых выражений: *власть родителей, власть семьи, власть привычки, власть чувств, власть предрассудков, власть разума, власть старших, власть денег, власть религии* и т.д. «Построение понятия может опираться на реальную методику их экспликации: в народной культуре понятие аналитично, ср. «понятия» *белый дом, большой дом, желтый дом, торговый дом* и т.д., опирающиеся на символ «дом» и всегда готовые быть замененными однозначным термином иностранного происхождения (как *торговый дом – фирма*, и т.д.). Кроме того, такие понятия отражают образную культуру народа и его национальную самобытность.

При всей разнородности и неоднозначности этих выражений можно, однако, отметить объединяющую их характеристику: все они отражают отношения, в которых воля и действия одних преобладает над волей и действиями других. В своем общем значении *власть* – это ‘способность и возможность одних осуществлять свою волю по отношению к другим, оказывать определяющее влияние на их поведение и деятельность, используя при этом авторитет, право, насилие и другие средства’. Успех функционирования власти зависит от многих факторов. Среди них весьма важная роль отводится основаниям власти, т.е. обоснованию ее законности.

Суть власти между тем не ограничивается властными полномочиями лица, это достаточно широкая сфера деятельности, охватывающая право и силу. Поэтому широта возможного охвата концептуальной сферы *ВЛАСТЬ* может разрастись до небывалых размеров; одно только семантическое пересечение с концептом *ВОЛЯ* дает множество производных линий выходящих на параллельные уровни типа «свобода-воля» и т.п. Разработка системных отношений в концептуальной сфере русского подсознания является важной частью историко-концептуальных исследований.

Специального рассмотрения заслуживает соотношение центральной и региональной власти, метрополии и колонии, складывающееся в определенных социально-политических обстоятельствах. При этом учитывается ряд факторов: вопросы централизации и децентрализации правительственной деятельности, перераспределение властных полномочий, недоверие народа к власти, бюрократический произвол и др., – определяющих объем и содержание исследуемого концепта.

Можно отметить, что постепенно в концепте *ВЛАСТЬ*, помимо понятийного ядра с доминирующим представлением о власти как «владении территорией», появляются иные составляющие концепта: «власть личности», «произвол власти», «самостоятельная власть», «власть бюрократической

системы», власть над определенной локальной структурой (например, канцелярией).

Изучение данной темы требует работы с русскими текстами XI-XVIII веков (Успенский сборник, жития Великих Миней Четий, «Стоглав», «Домострой», Переписка Ивана Грозного, сочинения Григория Катошихина) для выявления и диахронического исследования векторов в понимании власти как власти поместной (*володѣние*) и божественной (*владѣние*) и слияния этих векторов в начале XVIII века. В собственно лингвистическом аспекте данное исследование предполагает исследование семантического распределения полногласного и неполногласного вариантов в текстах, их деривационных рядов, синонимических и антонимических отношений, устойчивых сочетаний на их основе и т.д.

Для уточнения регионального компонента концепта необходимо также привлечение архивных материалов – документов, отражающих отношения властных структур центра и периферии (Москвы и Сибири) в XVII-XVIII веке.

Основными методами исследования в исторической концептологии являются сравнительно-исторический, прагмастилистический и когнитивный. Сравнительно-исторический поможет составить основной каркас наличных лексических единиц, прагмастилистический дает возможность классифицировать их по соответствующим группам и связям, когнитивный же даст завершающую картину внутренних соотношений содержательных форм, их взаимных действий и конечных результатов на выходе – конструирование понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси [Текст] : монография / В.В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 320 с.
1. Колесов, В.В. Жизнь происходит от слова... [Текст] : монография / В.В. Колесов. – СПб. : «Златоуст», 1999. – 368 с.
2. Колесов, В.В. Древняя Русь : наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло [Текст] : монография / В.В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. – 304 с. («Филология и культура»).
3. Колесов, В.В. Философия русского слова [Текст] : монография / В.В. Колесов. – СПб. : ЮНА, 2002. – 448 с.
4. Колесов, В.В. Слово и дело: Из истории русских слов [Текст] : монография / В.В. Колесов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 703 с.
5. Колесов, В.В. Реализм и номинализм в русской философии языка [Текст] : монография / В.В. Колесов. – СПб. : Logos, 2007. – 382 с.
6. Кондратьева, О.Н. Образная составляющая концепта «слово» (на материале текстов Древней Руси) [Текст] / О.Н. Кондратьева // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография : к 75-летию проф. В.В. Колесова; отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – 504 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 1). – 291-304.

7. Мельников, П.И. Понятийный символ как средство осознания национальной ментальности [Текст] / П.И. Мельников // Ментальность народа и его язык : сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – 498 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 3). – 37-41.
8. Пименова, М.Вас. История лексико-семантических единиц эстетической оценки и концепт «красота» [Текст] / М.Вас. Пименова // Ментальность народа и его язык : сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – 498 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 3). – С. 57-60.
9. Пименова, М.В. Концепт *сердце* : Образ. Понятие. Символ [Текст] : монография / М.В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
10. Рогожникова, Т.П. Концептуализация слова в дидактических текстах русского Средневековья [Текст] / Т.П. Рогожникова // Изменяющаяся Россия и славянский мир : новое к концептуальным исследованиям : сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – 490 с. – с. 541-547. (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 11).

ЭТНОСПЕЦИФИКА КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

А.В. Рябкова, А.Ю. Шевцова

Тюменский государственный университет

Metaphor of the Russian, the German and the English languages in comparison in semantic cognitive aspects is considered in the given article. The whole meaning coincidence or part lexical and conceptual difference at comparing are observed.

Классически традиционное понимание метафоры как образного средства языка, обозначающего перенос наименования с одного предмета на другой, известно и популярно в языковой коммуникации многих лингвоэтносов, понятие же концептуальной метафоры как средства познания и объяснения действительности является проблемой когнитивной лингвистики.

А.П. Чудинов определяет метафору как основную «ментальную операцию, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Чудинов, 2001, с. 76].

В когнитивистике значение высказывания определяется способом «ментального конструирования» говорящим той или иной ситуации, а эти способы в метафорических и неметафорических высказываниях принципиально различны. Сила метафоры в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в прагматической значимости метафорической концептуализации мира. Метафора позволяет создать аналогичные варианты человеческого мышления, то есть создать своеобразные схемы, по которым человек осуществляет процесс обдумывания, осмысления. Поэтому А. Ченки считает, что метафора – не просто феномен языка, но и «повседневная реальность, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой» [Ченки, 1996].

В реальной действительности иногда случается, что употребленное однажды слово демонстрирует настроение, состояние человека, а употребленная в речи метафора может быть услышана и повторена другими людьми, тогда метафорический образ приобретает социальную значимость. Метафора может выполнять разные функции: воздействие на адресата, передачи информации, фиксации знаний, стимулирования мысли, эмотивности.

В настоящее время все более актуальным становится когнитивный подход к метафоре, согласно которому метафора рассматривается как языковое явление, отражающее познавательный процесс по законам комплексного мышления, основу которого составляет эмпирическое, чувственное восприятие действительности. Иначе говоря, метафора показывает, как осуществляется систематический перенос с одной сферы опыта в другую. Этот механизм способствует эффективному пониманию менее известного через более известное, фокусируя одно свойство и скрывая другое, тем самым влияя на мышление и действие.

Потенциальное достоинство такого понимания метафоры сводится не к простой трактовке метафоры как языковой данности, а объяснению механизма метафоризации. Такой подход показывает связь языковой и понятийной систем, эксплицирует экстралингвистическую основу метафоризации, обеспечивающей эффективность, компактность и образность метафорических понятий.

Когнитивный подход к метафоре позволяет объединить на концептуальной основе разные виды метафоры, нивелируя их структурные, функциональные прагматические характеристики.

Рассмотрим метафорические представления в области личностных характеристик и отношений между людьми в русском, немецком и английском языках. Изучение метафорических представлений и образов интересно как с точки зрения выделения модели, так и с точки зрения языкового оформления. Метафора может выражаться средствами разных языковых уровней: словом, словосочетанием, предложением и контекстом.

Когда человека называют «ослом», подразумевают личностную черту характера, ассоциируя с негативным эмоциональным оттенком: упрямством, нежеланием что-либо понять. Равнозначное сравнение есть как в немецком, так и в английском языках.

В английском языке существует слово *a mull*, а в немецком языке *der (Steinbock! Он упрям, как осел!)*, хотя *der Bock* переводится на русский язык иначе – «козел». Атрибутное дополнение, реализованное лексемой *der Stein (камень)*, усиливает эмоциональную емкость значения слова и придает ему насыщенность по сравнению с русским и английским эквивалентами.

Метафорическое словосочетание «*обещать кому-то золотые горы*» в русском языке означает несбыточное обещание, в немецком языке – *j-m goldene Berge versprechen*, в английском языке – *to promise the moon*. В немецком и русском языках существует полный аналог названных метафор в отличие от английского языка, где наблюдается различие в семантике последней

лексеме *луна*, что особо подчеркивает несбыточность, нереальность обещания.

Далее в русском языке существует выражение «*вытащить кого-либо из болота*», то есть помочь в трудной ситуации, аналогом этому выражению в немецком языке служит «*j-n aus der Goss ziehen*», где «*die Gosse*» переводится как «сточная яма», а в английском языке – *get smb. out of hot water* (*вынуть кого-то из горячей воды*). Количественный объем лексем в русском, немецком и английском языках совпадает, но в семном наборе есть легкое различие в степени конкретности, различие лишь в последнем компоненте фразеологизма: *болото* (рус.яз), *Gosse* (нем.яз.-сточная яма), *hot water* (англ.яз. – кипятилок).

Сравнивая метафоры русского и немецкого языков в приведенных выше примерах, можно отметить рефлексии национального ментального фона на формирование семантического наполнения метафор. Любой народ обладает особым складом мышления и формой проявления чувств при формировании качественных характеристик человека. В сознании представителей определенной нации формируются социокультурные стереотипы, которые определяют языковую социальную ментальность.

«*У семи нянек дитя без глазу*», – этой поговорке соответствует полное смысловое совпадение в немецком языке «*Viele Köcher verderben den Brei*» (дословно: «Много поваров испортят кашу»), в английском языке – *Too many cooks can spoil the broth* (слишком много поваров могут испортить бульон). Все три варианта в русском, немецких и английских языках имеют одинаковое толкование, прослеживается полное смысловое совпадение. Различия наблюдаются в подборе лексем, объеме, концептуальном наборе, причем в немецком и английском в лексемах есть совпадения, что свидетельствует о родстве немецкого и английского языков, их принадлежности к германской языковой группе.

Следует заметить, что чисто лингвистическое объяснение смысла подобных метафор не особо продуктивно, поскольку при метафоризации происходит не просто сравнение предметов, лиц, живых существ, а «сравнение представлений или, иначе говоря, сравнение и сращивание концептов, стоящих за темой и формой по принципу фиктивности, допускающему сближению двух разных сущностей» [Телия, 1986, с. 91].

Метафору можно рассмотреть с двух позиций: семантической и когнитивной: с первой позиции как результат трансформации семантического содержания, со второй позиции как концептуализацию данного результата с учетом социального ментального фона. Метафора дает материал для изучения когнитивных процессов в сознании человека и его социального восприятия. «Наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой», поэтому, изучая метафору, мы изучаем мышление [Лакофф, 1990, с. 112].

Человек метафорически концептуализирует и структурирует понятийную сферу, выбирая самое значительное и снабжая это эмотивной оценкой.

Резкой специфичности в когнитивном процессе не обнаруживается, но он не универсален, т.к. семантико-структурный выбор и концептуализация определяются национальной сущностью, поэтому когнитивная метафора в межличностных характеристиках в русском, немецком и английском языках обнаруживает то полное совпадение, то частичное расхождение в лексико-семантическом наборе и концептуальном оформлении метафор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1980.
2. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н. Телия. – М., 1986.
3. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике : сходства и различия в теориях и целях [Текст] / А. Ченки // Вопросы языкознания. – М., 1996.
4. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивные исследования политической метафоры (1991-2000) [Текст] : монография. – Екатеринбург, 2001.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАФОРЫ

Ю.С. Соловых

Оренбургский государственный университет

The article is devoted to different methods of investigation actual to the term metaphor at modern stage of humanitarian science. 54 works connected with the term "metaphor" served as a research material.

С течением времени интерес ученых к метафоре не только не устаревает, но и приобретает все большую актуальность, возникают новые концепции, новые точки зрения на природу этого многогранного явления, противоречивый характер метафоры заставляет ученых двигаться в различных направлениях, рассматривать разные стороны этого неоднозначного явления, что зачастую ведет к внутренней эклектичности в исследовании данного феномена [Арнольд, 1959]. В настоящее время большинство работ, связанных с изучением языка, находятся в рамках когнитивной парадигмы, сутью которой является признание того, что языковая форма представляет собой отражение когнитивных структур.

В рамках когнитивного подхода высокую оценку получила метафора, которая является неотъемлемой частью человеческого мышления, действенным инструментом концептуализации и категоризации мира человеком. Целью данной статьи состоит в рассмотрении современных научных методов исследования метафоры и описание наиболее значимых из них.

В процессе анализа помимо общенаучных методов исследования языкового материала – сравнение, моделирование, классификация, анализ, синтез, абстрагирование, интерпретация, индукция, дедукция, статистический метод, нами были выделены следующие частнонаучные методы исследования: дискурсивный, компонентный, интерпретационный,

культурологический, контекстологический, концептуальный и фреймовый анализы, метод контент-анализа, метод когнитивного моделирования, этимологический анализ, метод концептуального моделирования. В рамках данной статьи мы не будем подробно рассматривать каждый метод исследования, а остановимся более подробно на наиболее значимых и часто применяемых в исследовании феномена метафоры.

Фреймовый подход

Исследователи, использующие фреймовый подход при интерпретации метафоры, отмечают его доступность в объяснении многих лингвистических явлений, это связано с осознанием того факта, что семантический анализ языковых единиц так или иначе оказывается связанным с существованием особых форм репрезентации знания в виде определенных структур. Фреймы трактуются как минимально необходимая структурированная информация, однозначно определяющая некоторый класс объектов, и представляют собой необходимый инструмент систематизации и категоризации опыта, они являются способом познания, имеющим конечной целью адекватную обработку стандартных ситуаций. В подобных работах метафора представлена в виде фрейма, фреймовый подход в данном случае заключается в том, что за основу берется определенная когнитивная модель, в которой выделяется ряд фреймов. С позиций этого подхода, исследуемые метафоры связаны друг с другом с общими фреймами при наличии указания на способ, которым их значения освещают определенные элементы таких фреймов [Белютин, 2005].

Концептуальный анализ

Теоретические знания о структуре концептов явились основой для проведения различных видов концептуального анализа. Е.С. Кубрякова трактует концептуальный анализ как «поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова, 1995].

Под концептуальным анализом нами понимается выявление характеристик концепта через значения языковых единиц, в данном случае метафор, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты. Объектом концептуального анализа является концептуальная метафора, поскольку последняя относится к наиболее распространенным видам концептуализации внеязыковой действительности. Концептуальные метафоры представляют собой «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [Баранов, 2003] и служат средством осмысления некоторой более абстрактной области знаний в терминах более известной, обычно конкретной сферы и не только участвуют в процессе категоризации понятий, но и обеспечивают аккумуляцию знаний, как отдельной личности, так и сообщества людей. Значительным вкладом в разработку теории концептуальной метафоры принято считать разработанную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теорию концептуальной метафоры, сущность которой заключается в том, что метафора – представляет собой не просто феномен

языка, но и является повседневной концептуальной реальностью, которая имеет место тогда, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой. Благодаря исследованиям Дж. Лакоффа и М. Джонсона отображение концептуальных метафор принято описывать в форме «сфера-мишень - сфера-источник» [Реформатский, 2007]. Концептуальные метафоры одной культуры часто взаимосвязаны и дополняют друг друга, образуя сложные, связные системы метафорических моделей. Метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы-мишени или сферы-магнита (рецепиентной сферы) в терминологии некоторых авторов [Чудинов, 2004].

В последнее время в современной языковедческой науке сложился целый комплекс методов изучающих такое сложное языковое явление, как метафора. Большие потенциальные возможности, на наш взгляд, кроются в применении фреймового подхода при рассмотрении целостных языковых структур подобных метафорам, поскольку теория фреймов основывается на наших «наивных» представлениях о стандартных ситуациях общения и способах речевого поведения, интуитивно известных каждому носителю языка, а также концептуального анализа, позволяющего рассматривать метафору в различном семантическом окружении, и наблюдать за динамичным характером данного языкового явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. – М. : Изд-во литературы на иностр. языках, 1959. – 350 с.
2. Белютин, Р.В. Метафорическая репрезентация абстрактный концептов «Gedanke» и «Wort» : когнитивный аспект [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Р.В. Белютин. – М. : РГБ, 2005. – 213 с.
3. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю.С. Степанова. – М. : РАН, ИЯ РАН, 1995. – с. 144-238.
4. Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей [Текст] / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – с. 73-94.
5. Реформатский, А.А. Введение в языковедение [Текст] : учебник для вузов / А.А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 536 с.
6. Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры [Текст] / А.П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – М., 2004. – № 1, – С. 91-105.

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

(на примере морбиальной метафоры в дискурсе России и США)

И.В. Телешева

Челябинский государственный университет

Today many cognitive scientists and linguists recognise that in all aspects of life we define our reality in terms of metaphors. The article explains why metaphor is a natural way to describe illness and health of a society.

Как известно, каждая нация обладает своей собственной, отличной от других картиной мира, которая во взаимодействии с языком создаёт языковую картину мира. Следовательно, те или иные концепты выражаются своеобразно в языке каждой нации, и, если мы можем наблюдать совпадения, то только потому, что некоторые концепты являются универсальными, так как присутствуют в любой картине мира.

Метафорическая модель ОБЩЕСТВО – это ЗДОРОВЫЙ/БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ является частью более широкой и вполне традиционной системы метафор, в соответствии с которой общество уподобляется живому существу вообще. Вместе с тем современная морбиальная метафора ярко отражает именно современные политические процессы и современное национальное сознание. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова, 1990, с. 6].

Сопоставительное исследование метафорической модели ОБЩЕСТВО – это ЗДОРОВЫЙ/БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в русских и американских публицистических текстах позволяет выявить общие и особенные для каждого языка закономерности представления политической реальности, дать возможность полнее оценить тенденции развития интернационального политического дискурса.

Как подчёркивает А.П. Чудинов, «по метафорам вполне можно изучать характер и национальную в чём-то наивную и вместе с тем очень точную картину политической действительности» [Чудинов, 2001, с. 57].

Концепты «здоровье» и «болезнь» характерны как для русской, так и для американской культуры. Но необходимо отметить, что в зависимости от особенностей менталитета, картины мира и языка, а следовательно, от особенностей языковой картины мира, данные концепты могут отражаться по-разному в текстах, созданных представителями разных культур, в нашем случае русской и американской. Это объясняется тем, что каждый этнос имеет свои приоритеты, определяющиеся под влиянием некоторого социального контекста, в котором живёт и развивается данное сообщество. Социальный контекст складывается из всех особенностей и закономерностей политической, экономической, социальной, культурной жизни этноса, включает в себя как актуальные проблемы, так и традиционные, исторически сложившееся отношение к ним.

Россия, принадлежа одновременно Западу и Востоку, в своём осознании, как правило, соотносит себя с Западом, поскольку имеет с ним, в лице христианства, общее духовное основание. Однако применение западного мышления к российской реальности, как правило, приводит к выводу, сформулированному еще Ф. Тютчевым: «Умом Россию не понять».

Действительно, весь ход культурно-исторического процесса указывает

на существование различий между западным и российским мышлением. Россия, пройдя сложный путь от развала СССР, когда рушились все планы и надежды на «светлое будущее», смогла все-таки выжить и перенять опыт развития капиталистических стран для своего блага, тесное взаимодействие культур разных стран определенно положительным образом сказалось на выходе из кризиса.

Несмотря на улучшение ситуации в экономике и обществе в целом, у россиян наблюдается некая апатия к происходящему, в некоторых случаях – депрессия, связанная с неверием в лучшее будущее. Любая кризисная ситуация, небольшое отклонение от курса в развитии экономики является причиной болезнью народа и вызывает ряд негативных ассоциаций.

Ср.: *Болезни, поразившие этот комплекс, не вылечат за ближайшие десятилетия.*

Морбиальная метафора особенно активизируется в период обострения политической борьбы, при столкновении общества с какой-либо кризисной ситуацией. Активность морбиальной метафоры в двух названных странах особенно повышается в периоды избирательных кампаний, а именно, в самые драматические их моменты. В каждой стране такое общественное явление, как выборы, очень значимо и находит яркое отражение в прессе. Это своего рода переломный момент, которого все ждут, но многие боятся. Однако не во всех странах выборы проходят безболезненно. Например, в России.

Ср.: *В преддверии президентских выборов в средствах массовой информации началось нагнетание истерии; Люди поверили медоточивым речам, покорились тем, кто захмелел от власти. Тем тяжелее будет похмелье...; Опыт Думских и президентских выборов последнего десятилетия показал, что психопатические программы поведения зловещим вирусом поражают людей.*

Однако в такой сложный для страны период в прессе России и США могут встречаться и метафорические словоупотребления, несущие смысловую оппозицию метафорике описываемой модели. Такого рода метафоры представляют концепт «здоровье» и являются единичными в ситуации выборов. Часть из них употребляется, чтобы передать разные оттенки модальности, эксплицируя, таким образом, предположительность, желание осуществить какое-либо действие для достижения желаемого результата, разную степень уверенности говорящего.

Ср.: *Мы могли бы построить государство со здоровой политической системой и развитой здоровой экономикой; But voters decided that success overseas was less important than their healthy economy (Но избиратели решили, что успех за границей был менее важен, чем их здоровая экономика; He must now bring into a healthy state relations with minority voters (Он должен сейчас «оздоровить» отношения с меньшинством избирателей).*

Таким образом, проследив лишь некоторые из возможных аспектов проблемы выражения концептов «здоровье» и «болезнь» в картине мира России и США, мы пришли к выводу, что менталитет, культурная картина мира, социальный контекст оказывают определяющее влияние на то, каким

именно способом тот или иной концепт выражается в тексте, каким оказывается содержание данного концепта и насколько существенным является концепт для представителей той или иной конкретной нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5-32.
2. Известия [Текст] – 01.12.2007.
3. Родная газета [Текст] – № 20 – 2006.
4. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) [Текст] : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
5. The Economist [Text] – Nov.24th, 2007.
6. Time [Text] – Dec.6th, 2006.

МЕТАКОГНИЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Л.А.Фурс

Тамбовский государственный университет

The paper covers the problem of situated cognition and coordination and key aspects of these processes, such as metacognition and social context.

В когнитивной лингвистике как новой парадигме знания, сформировавшейся на рубеже веков, четко прослеживаются научные приоритеты, характерные для различных этапов формирования ее методологических основ. Так, для начального этапа более характерным является моделирование разных форматов знаний в совокупности с языковыми и когнитивными механизмами, лежащими в основе формирования категорий. В последнее время более пристальное внимание ученых получает изучение особенностей лингвокреативной, интерпретирующей и оценочной деятельности человека и ее когнитивных основ. В этой связи не случайно **ориентирующая** функция языка признается Е.С. Кубряковой в качестве «высшей функции языка» [Кубрякова, 2009, с. 16], так как она обеспечивает «неразрывность процессов когниции и коммуникации», «служит осознанию человеком окружающей его природной и социальной действительности», играет «главную роль в процессах концептуализации и категоризации мира, способствует членению мира, обобщению и сортировке человеческого опыта как всего воспринятого и воспринимаемого человеком, участвует в обработке и фиксации информации, приходящей к человеку по разным каналам и всегда зависящей от тех структур деятельности, в которые погружен человек во время получения информации и в процессах ее осмысления» [Кубрякова, 2008, с. 43-44]. Как справедливо замечает Е.С. Кубрякова, благодаря этой функции язык обеспечивает ориентацию человека как в предметном мире, так и ментальном [Кубрякова, 2009, с. 16]. Фактически, данная функция имеет выход в сферу ситуационной обусловленности когнитивных процессов и сопряжена с деятельностным аспектом сознания человека.

О важности для социальной сферы человека ситуативно обусловленного «ориентирующего взаимодействия» высказывался также С.Коули [Коули 2010, в печати]. Ориентирующее взаимодействие предполагает возможность конструирования ценностно ориентированных предложений-высказываний и прогнозирования поведения партнеров по коммуникации.

Предпосылками для ориентирующего взаимодействия являются развитие и особенности становления грамматически оформленной речи у детей. Освоение языка и речи у ребенка было описано Л.С. Выготским во взаимосвязи с развитием различных типов памяти: эмоционально-образной, конкретно-образной и логической [Выготский, 1956, с. 10]. Эмоционально-образная память тесно связана с непосредственными потребностями и аффектами ребенка и характерна для раннего периода его развития. Конкретно-образная память связана с восприятием предметов, их узнаванием и называнием. На этом этапе ребенок в первую очередь осваивает лексику. Позже эта память все больше приобретает опосредствованный характер и становится сложной логической памятью, связываясь с отвлеченным мышлением. На этом этапе, как указывает Л.С. Выготский, для ребенка свойственна логическая обработка информации, заключающаяся в объединении объектов по их участию в конкретной ситуации, в установлении соотношений между различными абстрагированными и обобщенными признаками [Там же: с. 15]. На ступени конкретно-образного мышления имеет место в основном грамматически неформальная речь, когда в конкретной ситуации ребенок уже ориентируется и может идентифицировать предметы или называть действия, типа «машина», «играть», «дать» и т.п. Способность ребенка логически обрабатывать информацию связывается, в первую очередь, с освоением грамматических правил и синтаксических конструкций, что способствует становлению грамматически оформленной речи. В этот период ребенок усваивает синтаксические и дискурсивные характеристики языковых единиц, что приводит к формированию пропозиционального формата знаний. Становление когнитивных способностей человека в филогенезе наряду с накоплением знаний об окружающем мире (энциклопедические знания) и знаний об отношениях, в которые вступают различные объекты этого мира, создает основу для обработки информации о мире. В процессах коммуникации ключевым положением является также оценка собственных коммуникативных целей и возможностей («я» позиция) и ориентирование на цели партнера по коммуникации (позиция «другого»). Таким образом, для эффективного коммуникативного взаимодействия в качестве объективной основы выступает знание социального контекста. **Социальный контекст** – это совокупность факторов, способствующих ориентирующему взаимодействию участников коммуникации. Среди таких факторов следует выделить (1) энциклопедическое знание; (2) знание причинно-следственных отношений как основы пропозиционального формата знаний; (3) оппозицию «я – другой» как когнитивную доминанту ориентирующего взаимодействия

(подробнее о когнитивной доминанте см.: [Фурс, 2004, 2005]). Именно оппозиция «я – другой» сопряжена с **метакогницией**.

Метакогниция определяется как знание или процесс планирования, контроля и регулирования усвоения, хранения и обработки знаний. Широкое понимание метакогниции включает осознание не только собственных внутренних состояний и когнитивных процессов, но и способность оценивать когнитивные состояния «другого» [Клепикова, 2008, 2009]. В теоретическом плане обращение к метакогниции позволяет, с одной стороны, обратиться к языку не только как средству репрезентации различных форматов знания, но и как инструменту описания когнитивных процессов, задействованных в формировании первичных и вторичных структур знания. С другой стороны, понятие метакогниции является важным в раскрытии особенностей моделирования взаимодействия коммуникантов на основе доминанты «я – другой».

Основанием для процессов моделирования отношений «я – другой» является описание механизмов деятельностного сознания по обработке поступающей из внешнего мира информации. Принципы обработки этой информации соотносятся с базовыми когнитивными способностями человека к восприятию и осмыслению информации о мире, которые можно классифицировать по четырем направлениям: (1) особенности внимания (селективность, широта, фокус, динамика); (2) способность сравнивать (категоризация, метафоризация, сравнение на основе отношений «фигура – фон»); (3) способность определять перспективу при конструировании смысла (установление точки зрения, определение дейктических отношений и фокуса субъективности/объективности); (4) гештальтность восприятия (схематизация отношений, отношения на основе динамики силы, релятивные отношения) (подробнее см. работы Р.Лэнкера, Л.Талми, У.Крофта, А.Круза, Дж.Тейлора и др.). Благодаря этим способностям обеспечивается динамика познавательных процессов, а поступающая из внешнего мира информация организуется в соответствии с целями коммуникации. Осознание собственных когнитивных способностей позволяет человеку в «я – позиции» прогнозировать когнитивное состояние «другого» и его речевое поведение. Ориентирование на «другого» часто приводит к переконструированию первичной информации. Фактически, оппозиция «я – другой» имеет статус метакогнитивного состояния и характеризуется следующими параметрами: 1) отнесенность к ментальному уровню; 2) рефлексивность; 3) контролируемость; 4) интенциональность; 5) прогнозируемость; 6) интеракциональность. Описание этого метакогнитивного состояния на конкретном материале позволит раскрыть специфику познавательной деятельности человека в целом.

Таким образом, описание оппозиции «я – другой» как особого метакогнитивного состояния в рамках социального контекста позволяет разъяснить как особенности ориентирующего взаимодействия в коммуникации, так и деятельностные аспекты человеческого сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский, Л.С. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка [Текст] / Л.С. Выготский // Избранные психологические исследования. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.
2. Клепикова, Т.А. Лингвистические метарепрезентации [Текст] : монография / Т.А. Клепикова. – СПб. : Астерион, 2008.
3. Клепикова, Т.А. Лингвистические метарепрезентации как способ объективации метакогнитивных процессов [Текст] / Т.А. Клепикова // Когнитивные исследования языка. Выпуск V. Исследование познавательных процессов в языке. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Изд.дом ТГУ им.Г.Р.Державина, 2009. – С. 57-70.
4. Коули, С. Дж. Натурализация языка: языковой поток и вербальные структуры // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. (в печати).
5. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка [Текст] / Е.С. Кубрякова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Тамбов: Изд.дом ТГУ им.Г.Р. Державина, 2008. – С. 43-47.
6. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка : вместо введения [Текст] / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 11-24.
7. Фурс, Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты [Текст] : автореф. дис. ... д - ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.19. / Л.А. Фурс. – Тамбов, 2004.
8. Фурс, Л.А. Когнитивные аспекты синтаксиса английского простого предложения [Текст] : монография / Л.А. Фурс. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2005.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМА «ПОМОЩЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.Н. Цыцаркина

Курганский государственный университет

The paper deals with the propositional frame “help” objectified in the English language. The frame is regarded as a cognitive model representing a stereotypical situation. The main attention is focused on the structure of the frame and peculiarities of the verbs representing it.

Объектом нашей статьи являются кооперативные социальные отношения помощи и поддержки, их когнитивная интерпретации и языковая репрезентация. Под социальными отношениями мы понимаем те или иные способы взаимодействия объединенных в различные группы индивидов.

В современном человеческом обществе модель сотрудничества распространяется на все сферы общественной жизни и может считаться универсальной.

Общество регулирует поведение индивидов и соблюдение ими принципа сотрудничества как через общественные государственные учреждения посредством законодательства, так и с помощью морально-этических норм, функционирующих в обществе. Такой свод моральных установлений нацелен на коррекцию поведения личности [Argyle, 1968, с.

223]. Обе системы запрещают агрессию, насилие, нанесение личности какого-либо ущерба.

Выделяются несколько стадий, предшествующих принятию решения о кооперативном поведении: 1. Осознание того, что индивид нуждается в помощи. 2. Выработка чувства морального долга (обращение к системе внутренних ценностей и социальных норм). 3. Оценка потенциальных материальных и нематериальных выгод и издержек от кооперативного поведения. 4. Оправдание отказа в помощи при отрицательном решении [Schwartz, Howard, 1982, с. 332-342].

Социологи определяют помощь как ситуацию, в которой индивид, нуждающийся в поддержке, зависит от действий другого индивида, который, в свою очередь, вынужден нести определенные потери для того, чтобы оказать ему помощь [Schwartz, Howard 1982, с. 327-329]. Тот, кто помогает, является активным участником ситуации и контролирует результат; тот, кому помогают, – пассивный и зависимый получатель результата. Обе стороны получают выгоды и обе стороны несут потери, но по существу их выгоды и потери различны. Помощник действует ради того, чтобы получить психологическую, социальную и/или материальную выгоду. Тот, кому помогают, получает только материальную выгоду. Помощник обычно несет материальные или социальные потери, в то время как тот, кому помогают, – социальные или психологические.

Помощь, таким образом, обычно предназначается тем, кто в своем нынешнем состоянии зависим от потенциального помощника. Помощник вносит вклад в благосостояние других с осязаемыми для себя материальными издержками.

Поскольку сотрудничество – это наиболее типичные отношения в обществе, лежащие в основе успеха в любой деятельности мирного характера, в английском языке эта сфера достаточно хорошо разработана.

В памяти такие стереотипные социальные ситуации представлены в виде структуры данных, или фреймов. Во фрейме, по мнению М. Минского, выделяются несколько уровней, иерархически связанных между собой. Верхние уровни фрейма несут более абстрактную информацию об объекте, нижние уровни, называемые терминалами, заполняются конкретными данными в процессе приспособления фрейма к конкретной ситуации, имеющей место во внешнем мире [Минский, 1979, с. 7].

В когнитивной лингвистике под фреймом понимается структурная организация концепта. Концепт, по определению Е.С. Кубряковой, – это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины, отраженной в человеческой психике [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 90].

С точки зрения фреймовой семантики, фрейм – это всегда структурированная единица знания, когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации [Болдырев, 2000, с. 61].

Как нам представляется, стереотипные социальные ситуации, в которых

реализуются кооперативные социальные отношения между большими социальными группами, представлены в памяти в форме пропозиционального фрейма «помощь», вершиной которого является предикат «социальных отношений».

Нами были выявлены глаголы, которые выражают предикат фрейма «помощь» и репрезентируют фрейм в целом. Это такие глаголы как *support*, *help*, *assist*, *aid*, *support*, *back*. Прототипический глагол – **help** – ЛСВ 1: *to make it possible or easier for someone to do something by doing part of their work or by giving them something they need* [LED]. Он входит на правах гиперсемы в структуру других глаголов данного фрейма, например: *aid* – ЛСВ 1: – **help** someone do something [LED]; *support* – ЛСВ 2: *to give or be ready to give help to somebody if they need it* [OALD].

Глаголы такого рода обозначают многообразные виды человеческой деятельности в ее общественном проявлении. Такие глаголы не имеют прямого соответствия в экстралингвистической реальности. Они обобщают ряд разнородных элементарных действий, объединенных общей целью и осмысляемых как одно гиперсобытие. Вследствие этого, в базовой структуре таких глаголов отсутствует чувственный образ. Общая цель – это и есть тот признак, который лежит в основе номинируемого этими глаголами понятия [Цыцаркина, 1992]. Глаголы «социальных отношений» отсылают реципиента к суженной контекстом зоне референции, из которой он сам извлекает содержание в зависимости от его образованности, социальной зрелости, знания специфики социальных отношений.

Ситуация, которую моделирует фрейм «помощь», представляет собой социально обусловленные действия участников кооперативного взаимодействия. Субъект S_1 считает ситуацию, в которой находится S_2 , неблагоприятной и, руководствуясь общественно важными целями, выполняет определенные действия, стараясь облегчить субъекту S_2 выполнение его задачи.

Глаголы «социальных отношений» фрейма «помощь» представляют собой включающие предикаты, стоящие выше предикатных знаков - обозначений деятельности. Такие глаголы сочетаются с неличными формами глагола и именами пропозитивной семантики, или так называемыми включенными предикатами, которые занимают позиции аргументов: *She helped (to) organize the party* [OALD]. *A United Nations-backed peace plan* [OALD]. *We strongly support the peace process* [LED]. *The United Nations has supported efforts to return the refugees peacefully* [MED].

Включенный предикат данного фрейма обычно выражается существительным, имеющим событийное прочтение: *ban*, *investigation*, *process*, *efforts*, *rebellion* и т. д.

Таким образом, при вербализации фрейма «помощь» обязательными компонентами являются субъект (агенса S_1), включающий предикат (**P**), включенный предикат (**p**) и бенефициант (S_2), т.е. тот, кто получает выгоду от происходящего. Либо включенный предикат, либо второй субъект, т.е. бенефициант представлены в поверхностной структуре имплицитно: *We* (S_1)

need to **support** (P) our teachers (S₂) [LED]. *An organization (S₁) that **supports** (P) people (S₂) with AIDS* [OALD]. Ср.: *They eventually agreed to **assist** the investigation (p) [MED]. Some suspected that the rebellion (p) was **backed** and *financed by the US* [LED].*

В редких случаях, однако, на поверхностном уровне могут эксплицироваться как включенный предикат, так и бенефициант: *Everyone came together to **support** him (S₂) in his campaign for justice (p) [MED]. The college's aim is to **help** students (S₂) (to) achieve (p) their aspirations* [OALD].

Анализ примеров позволяет сделать вывод о том, что субъекты, т.е. агенс и бенефициант фрейма «помощь», как правило, являются совокупными (коллективными) и обозначают общественные и политические организации, группы людей, социальные слои: teachers, company, government, alliance, the United Nations, rebels, the city council, the US.

Факультативными элементами фрейма являются способ совершения действия и его спецификация, т.е. форма проявления помощи: *The rebels were **supported** by a number of foreign governments who provided arms and money (спецификация действия) [LLA]. Employers **support** the training program by offering places for young people (спецификация действия) [LLA]. The rebels **backed up** their demands with threats (спецификация действия) [OALD]. We strongly (способ совершения) **support** the peace process* [LED].

Итак, анализ показал, что экстралингвистическая ситуация, в которой реализуются кооперативные социальные отношения, моделируется в памяти индивида фреймом «помощь», объективируемым абстрактными глаголами «социальных отношений».

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996.
3. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
4. Цыцаркина, Н.Н. Предикаты обобщающего состояния в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1992. – 16 с.
5. Argyle, M. The Psychology of Interpersonal Behavior [Text] / M. Argyle. – Baltimore (Md) : Penguin Books, 1968. – 223 p.
6. LED – The Longman Exams Dictionary [Text]. – Harlow, 2007.
7. LLA – The Longman Language Activator [Text]. – Harlow, 2007.
8. MED – The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Text]. – L., 2006.
9. OALD – The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text]. – Oxford, 2005.
10. Schwartz, Sh. H. Helping and Cooperation [Text] / Sh. H. Schwartz, J.A. Howard. // Cooperation and Helping Behavior. Theories and Research. – N.Y. :

ДИНАМИКА МЕТАФОР ОБРАЗОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.П. Чудинов

Уральский государственный педагогический университет

In the focus of the article are the problems of the cognitive modelling in the political communication.

Каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных политических метафор, которая отличается от предшествующей системы как сферами метафоризации, так и интенсивностью появления новых метафорических образов. Периоды метафорических «бурь» сменяются метафорическими «затишьями», после которых начинается «извержение» новых метафорических «вулканов».

В современной политической метафорологии обнаружено несколько закономерностей, которые по причине их регулярной повторяемости в самых различных политических дискурсах и общепризнанности можно представить как своего рода аксиомы, которые уже не нуждаются в каких-то доказательствах и определяют методологию соответствующего научного направления.

1. Национальная система политических метафор постоянно развивается в условиях диалектического взаимодействия тенденции к обновлению метафорического арсенала и тенденции к его традиционности. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

2. Национальная система политических метафор характеризуется, с одной стороны, тенденцией к сохранению своей культурной самобытности, а с другой – тенденцией к взаимодействию с системами политических метафор, характерными для иных государств. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

3. Динамика развития национальной системы политических метафор неравномерна: периоды интенсивного развития («метафорические бури») сменяются периодами относительной стабильности («метафорического затишья», «метафорического штиля»).

4. «Метафорические бури» обычно совпадают по времени с периодами политических потрясений (и даже знаменуют собой будущие политические преобразования), а «метафорическое затишье» обычно характерно для периодов политической стабильности.

5. Сферы-мишени политической метафоры более динамичны, чем ее сферы-источники. Политические реалии, привлекающие повышенное внимание общества, быстро становятся центрами метафорического притяжения: постоянно возникают новые и новые метафоры для их обозначения.

6. «Метафорические бури» характеризуются не столько появлением новых метафорических моделей, сколько активизацией уже существующих, то есть вовлечением все новых и новых концептов, детальным развертыванием метафорических моделей, созданием ярких и свежих метафорических образов. Метафоры в такие периоды часто становятся предметом обсуждения политиков и широкой общественности, используются в качестве аргументов в полемике.

7. «Метафорическое затишье» характеризуется традиционностью используемых метафор, которые становятся привычными, «стертыми», вызывают меньше эмоций. Это ведет к сокращению частотности использования соответствующих моделей и почти полному прекращению употребления отдельных метафор.

8. Максимальную метафорическую активность при обсуждении политической жизни проявляют крайне левая и крайне правая оппозиция, тогда как центристы и политики, принадлежащие к правящим партиям, как правило, избегают чрезмерной метафорической агрессивности.

9. Метафорическое «затишье» обычно начинается в коммуникации правящей партии, а метафорические «бури» – в выступлениях радикальной непарламентской оппозиции. Переход от «метафорической бури» к «метафорическому затишью» – это продолжительный процесс: невозможно мгновенное изменение политико-метафорической «погоды».

10. Метафорическое «затишье» редко бывает полным «штилем»: развитие общества предопределяет появление новых метафор, но крайне сложно определить, какие из этих метафор найдут широкий отклик (вызовут метафорическую бурю) и когда это произойдет.

Наблюдения над закономерностями метафорического моделирования позволили выделить в российском политическом дискурсе начала XXI века две стадии. На первой из них (2000 – 2004 гг.) во многом сохранялись тенденции, характерные для предшествующего десятилетия, когда ведущую роль играли метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом (ведущие сферы-источники – война, криминал, мир животных) и векторами неискренности и нереальности (театр, отчасти – спорт). Особенно это было характерно для дискурса оппозиции. Однако эти метафоры все чаще воспринимались как стандартные, стершиеся, устаревшие, а поэтому не производили на избирателей прежнего впечатления.

На второй стадии (2004 – 2008 гг.) все более активными становятся традиционные для русского национального сознания природоморфные метафоры. Увеличилось количество антропоморфной метафорики, привносящей в осмысление современной российской действительности естественную перспективу развития. На смену милитарным метафорам все чаще приходят спортивные образы, которые отличаются меньшей агрессивностью, что свидетельствует о стремлении общества заменить все опустошающую войну на стабильность и здоровое соперничество. Все реже и реже стали использоваться криминальные метафоры, которые выступали

как доминантные в период «бандитского» капитализма. Все меньше появляется по-настоящему «свежих» метафор, все реже эти метафоры становятся предметом политических дискуссий. На данной стадии значительно сокращается некритическое заимствование метафор из зарубежной прессы. Все активнее в российской политической коммуникации отражается стремление к национальной и культурной преемственности и самобытности.

Судя по всему, российская национальная система политических метафор переходит к этапу стабилизации и возвращения к национальным традициям. Метафорическая «буря» сменилась метафорическим затишьем. В соответствии с общей закономерностью политическая стабильность находит отражение в сфере политических метафор.

Вместе с тем стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране все чаще вытесняет негативную метафорику в область внешней политики. Если в допутинском дискурсе государственные лидеры обращались за «консультациями» к западным «менеджерам» политических реформ и «учителям» демократии, то незадолго до президентских выборов В.В. Путин напомнил о *«неразорвавшихся снарядах» холодной войны*. Несколько ранее, накануне парламентских выборов, президент осудил тех, кто *«шакалит у иностранных посольств»*, и посоветовал иностранным энтузиастам не совать *«сопливый нос» в российские дела*. Весьма жесткие метафорические заявления раздаются и в связи проблемами провозглашения независимости Косово.

На этом фоне значительный интерес вызывают «бытовые метафоры», к числу которых относится, в частности, совет В.В. Путина зарубежным оппонентам перестать учить нас демократии, а переключиться *«на обучение кулинарному искусству собственных жен»*. Яркое впечатление произвели и слова экс-президента о том, что он восемь лет подряд *«пахал, как раб на галере»*. На своей последней «президентской» пресс-конференции («Аргументы и факты», 21-27.02.2008) В.В. Путин позволил себе использовать метафорические образы, которые не вполне типичны для действующего руководителя государства, но весьма характерны для идиостиля названного политического лидера. Ср.: *«Кроме всего прочего, у нас личная химия, я уму доверяю. Такому человеку не стыдно и не страшно передать основные рычаги управления страной»*. *«Если они (руководители государства) будут слюни и сопли пускать все время и плакать, что плохо, что мы ничего не сможем, что мы такие «кривые», – так и будет»*. *«Мы не будем «обезьянничать»*. *Но у нас есть домашние заготовки, и мы знаем, что будем делать»*.

Можно заметить также, что и президент Д.А. Медведев избегает сильных метафорических образов, которые могут вызвать неоднозначные оценки, предпочитая более традиционные метафоры. Так, в его выступлении на Пятом экономическом форуме в Красноярске используются только стертые, потерявшие образность метафоры: *«искоренить практику неправосудных решений»*, *«предлагаю сделать первый и уже опробованный*

нами *шаг*», «деньги должны *прийти* к врачу». Д.А. Медведев позиционирует себя не как открыватель принципиально новых горизонтов, а как продолжатель уже начатого дела. Формулирование конкретных планов и задач требует не ярких метафор, а точных определений и детальной характеристики путей решения.

Традиционная метафорическая активность сохраняется отчасти у лидеров оппозиционных парламентских партий Г.А. Зюганова и В.В. Жириновского, но она воспринимается избирателями как едва ли не устаревшая, сохраняющая образ мышления прошлых лет и не отражающая современных реалий. Так в программном предвыборном обращении Г.А. Зюганова «Будущее зависит от нас!» («Российская газета», 20.02.2008) присутствуют всем давно знакомые образы. Ср.: «*Народу навязывают новых царей, визирей и вельмож. Тасуется одна и та же колода, состоящая из личных друзей и царедворцев, охочих до власти и денег*». Даже опытный специалист не сразу определит, когда были сказаны эти слова в 2008 году или еще в прошлом веке. Читатель отмечает знакомые метафорические модели и давно известные идеи.

Не привлекают внимания избирателей и метафорические выражения В.В. Жириновского, которые слишком похожи на его образы из его выступлений прежних десятилетий. Так, в своем предвыборном обращении «Успокою всех!» («Комсомольская правда», 9.02.2007) лидер либеральных демократов напомнил о «пятой колонне» врагов России, возмущался «*продажностью чиновников*» и говорил о своем стремлении «*побороть коррупцию*». Он подчеркнул, что «*для резкого снижения уровня коррупции надо убирать поле для ее взращивания*». Далее ветеран парламентской оппозиции сказал о том, что «*Тяжелая промышленность должна находиться в руках государства*» и потребовал обезопасить «*политическую элиту от шараханья то влево, то вправо*». Содержащийся в рассматриваемом выступлении набор давно знакомых коммерческих, милитарных, морбиальных, криминальных, фитоморфных и антропоморфных метафор вовсе не производит впечатления «метафорического извержения», способного повести людей на митинги, демонстрации и баррикады.

Тиражирование метафор, ярко воспринимаемых в прошлую эпоху, и минимальное количество новых образов – это типичные признаки метафорического затишья, которое всегда сопровождает периоды политической стабильности. Политическая коммуникация становится все более скучной и уже не вызывает прежнего интереса. Современные метафоры способны привести людей на избирательные участки, но уже не в состоянии вывести их на митинги и демонстрации, поднять на штурм Белого Дома или телестудии.

КОНЦЕПТ «ПРАВДА» НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ, НЕМЕЦКИХ, РУССКИХ И ЯКУТСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОРОК

А.В. Чусовская, С.Н. Павлова
Якутский государственный университет

The article is dedicated to the comparative analysis of the culture concept "truth" in the English, German, Russian and Yakut linguistical picture of the world.

Статья посвящена сопоставительному изучению культурного концепта «правда» в английской (truth), немецкой (die Wahrheit), русской и якутской (кырдьык) языковых картинах мира на материале пословиц и поговорок данных народов. Материал исследования обусловлен тем, что пословицы и поговорки являются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа. Методом исследования послужил метод гештальтного анализа, разработанный Л.О. Чернейко. Гештальт выводится из буквального прочтения глагола (или имени), употребленного в сочетании с абстрактным именем в переносном значении, и связывает два явления (конкретное и абстрактное) по одному основанию [Чернейко, 1997, с. 276].

В толковом словаре Г. Вариха слово «правда» имеет значения «истинный», «правильный», «истинное положение вещей». [Wahrig, 1980, с. 4094] В английском языке «правда есть действительные факты, а не вымыслы или выдумки». [Sinclair, 1995, с. 1794] В толковом словаре русского языка слово «правда» – это то, что соответствует действительности; истина; порядок, основанный на справедливости, честности [Ожегов, 1995, с. 498]. Для проведения нашего исследования мы выбрали 130 пословиц и поговорок (английских – 22, немецких – 47, русских – 53, якутских – 8). Проанализировав пословицы и поговорки разных народов, содержащих концепт «правда», мы разделили их на гештальты «противник», «реальность», «идеал», «трудность», «исключительность», «неустойчивость», «многообразие», «предатель», «редкость», «середина», например:

– «противник»: *Nothing stings like truth* (Ничто так не ранит, как правда); *Besser eine Lüge, die heilt, als eine Wahrheit, die verwundet* (Лучше ложь, которая лечит, чем правда, которая ранит); *Правду говорить – друга не нажить*; *Кырдьык хараҕы аалар* (Правда мозолит глаза).

– «реальность»: *Children and fools speak the truth* (И младенец, и дурак говорят правду); *Der Spiegel sagt immer die Wahrheit* (Зеркало всегда говорит правду); *Устами младенца глаголет истина*.

– «идеал»: *Say the truth and shame the devil* (Говори правду и посрами дьявола); *Truth filters through stone* (Правда просачивается сквозь камень); *Wahrheit ist die beste Waffe* (Правда – лучшее оружие); *Правда в огне не горит и в воде не тонет*; *Кырдьык комустээ5эр ыраас* (правда чище золота).

– «трудность»: *From the play of ideas the truth emerges* (Из разных мыслей выявляется правда). *Истина рождается в споре. Моккустэххэ, кырдьык костооччу* (В споре выявляется правда).

– «исключительность»: *Truth is stranger than fiction* (Правда бывает диковиннее вымысла).

– «сдержанность»: *Speak little but speak the truth* (Говори мало, но правду).

- «неустойчивость»: *Im Streit verliert man die Wahrheit* (Истина в споре теряется).
- «многообразие»: *Lügen sind des Teufels Wahrheiten* (Ложь это правда дьявола).
- «предатель»: *Правда истомилась, лжи покорилась.*
- «редкость»: *Столько правды, как в решетке воды.*
- «середина»: *Правдою жить – от людей отбыть, неправдою жить – Бога прогневить.*

Данные гештальты мы распределили отдельно по группам в целях выявления положительной, отрицательной и нейтральной оценки и считаем нецелесообразным включать в сравнение результаты исследования якутских пословиц и поговорок, так как их небольшое количество может исказить общие выводы.

В результате исследования, разделив гештальты по эмоциональной оценке, получилось, что правда с положительной точки зрения присутствует во всех трех языках, раскрывается в гештальте «идеал» и преобладает в немецком языке (51%). Отрицательной оценкой обладают гештальты «противник», «предатель», которые нашли отражение больше всего в русском языке (50%). Нейтральная оценка правды как «реальность», «сдержанность» преобладает в английском языке (50%).

В якутском языке мы обнаружили всего лишь восемь пословиц и поговорок. И это, на наш взгляд, не случайно. Отношение к правде не так ярко выражено в пословицах и поговорках, как отношение, например, к труду, родине или семье. Это явление может объясняться особенностью менталитета якутского народа, который жил в суровых условиях, где есть лишь реальность. Концепт «правда» в якутских пословицах представлен гештальтами «идеал», «противник», «трудность».

В русской культуре правда является одним из ключевых понятий. Достаточно обратить внимание на частотность их употребления в пословицах и поговорках и богатство языковых единиц, используемых в них. Правда, средства ее выражения или сокрытия представляет интерес для всех культур. Но для носителей русского языка этот интерес эмоционально ярче окрашен, так как правда может быть и «идеалом» (21%), а может предстать как «предатель» (50%). Такой контраст обуславливается, очевидно, эмоциональностью носителей русского языка. Отношение к правде как к трудности, реальности, редкости составляет 29%.

В результате исследования мы выявили, что в немецкой культуре концепт «правда» является идеалом, высшей силой, которой поклоняются. Правда является необходимым условием для осуществления всех планов, для успешной жизни. Даже в разговоре для подтверждения часто используются следующие фразы „Nicht wahr?“, „Stimmt das?“ («Не правда ли?»). Также концепт «правда» в немецких пословицах и поговорках раскрывается как противник, неустойчивость – 32%, реальность и многообразие – 17%.

В английской культуре к правде, судя по исследованию пословиц и поговорок, относятся нейтрально (50%). Это обуславливается, очевидно, менталитетом и характером англичан. Говорят, что если англичанин что-то сказал, значит, выполнит, и это не нуждается в заверениях, что это правда. Таким образом, можно сказать, что англичане опираются на конкретные факты. Они менее эмоциональны. Следующие характеристики концепта «правда» – противник (32%) и идеал (18%).

Исследование показало, что в английской, немецкой, русской и якутской языковых культурах отношение к правде неоднозначно: с одной стороны, правда – ценность, которую невозможно переоценить, цель, к которой стремятся, с другой стороны, правда – неприятность, которая даже причиняет боль и мешает жить. Иногда правда вызывает зависть, так как для других людей она бывает недостижимой.

Правда аллегорически предстает как некая личность, так как ей можно противиться, поддерживать, верить или не верить, ей принадлежать, ей можно содействовать или противодействовать, с ней можно сопереживать, вместе с ней радоваться или печалиться и т.д.

Несмотря на широту и неоднозначность своего значения, понятие «правда» конституирует цельный концепт, имеющий в своей основе тот общий семантический стержень, который позволяет нам в любой ситуации четко определить, что есть «правда», а что неистинно и неправдиво.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов, С.Ю. Словарь русского языка [Текст] /С.Ю. Ожегов. – М.: Русский язык, 1987. – 796 с.
2. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/miscellaneous/cherneiko.rtf/>. 1997.
3. Sinclair, John Collins Cobuild. English Dictionary [Text] / John Collins Cobuild Sinclair : Great Britian, 1995. – 1951 с.
4. Wahrig, Gerhard. Wahrig Deutsches Wörterbuch [Text] / Gerhars Wahrig. – München : Mozaik Verlag, 1980. – 4358 с.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ИТАЛЬЯНСКИХ ПАРЕМИЯХ

Т.Г. Шахбанова

Челябинский государственный университет

This article concerns characteristics of the concept “Love” based on the Italian proverbs. The representation of this concept in the Italian proverbs and sayings makes it possible to conclude that love is a very strong, incorruptible, intuitive, very important and valuable feeling for Italians.

В XXI веке в связи с бурным ростом культурных обменов и контактов между государствами, культурными группами и отдельными индивидами лингвокультурологические исследования выходят на первый план.

Изучению природы концепта в лингвокультурологии уделяется первостепенное значение. Концептом становятся только те явления

действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют большое количество языковых единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов. Они являются носителями памяти народа.

Концепт есть единица мышления. Мышление же не сводится, как известно, к исключительно логическим операциям, проводимым человеком. Концепт, с точки зрения культурологи, есть более широкая когнитивная единица, отягощенная средой своего существования – культурой.

Формой экспликации лингвокультурного концепта могут быть лексемы, различные фразеологические образования (идиомы, паремии, афоризмы и т.п.) и в целом вербальные тексты.

Концепт имеет определенную структуру, которая является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу.

Концепты могут классифицироваться по своей тематике. Они образуют эмоциональную (такие концепты, как *радость, страх, удивление, любовь, презрение*), образовательную (*школа, оценка*), интеллектуальную (*ум, мышление, понимание*) и др. концептосферы. Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: педагогическом, религиозном, политическом.

В последние десятилетия значительно увеличился интерес к исследованию эмоций самыми разными сферами науки. Каждый человек на уровне бытового сознания понимает, что имеется в виду, когда говорят об эмоциях. Но их научную дефиницию до сих пор никто дать определенно не может.

Любовь – один из важнейших компонентов духовной культуры, один из ключевых концептов общеязыковой картины мира. Несмотря на большое количество философско-этических трудов, в которых описывается чувство любви, не существует единственно верного определения этого феномена человеческой жизни.

Очень информативны при исследовании концепта паремии. В них мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от места, времени и условий проявлений концептуальных сущностей в жизни народа, отдельных групп людей, отдельного человека. Один и тот же концепт как бы поворачивается разными сторонами к разным людям, и благодаря этому особенно хорошо видна его многослойность и многоаспектность.

При классификации паремий используется понятие «логема». **Логема** (термин П.В. Чеснокова) – логико-семантическая единица обобщенного характера, под которую могут быть подведены отдельные группы паремий, сформулированные средствами языка обобщающие исходные мысли, объединяющие группы конкретных характеристик и оценки отдельных культурно значимых смыслов, которые выявляются в пословично-поговорочном фонде. Логема выступает в качестве обобщающей исходной мысли, объединяющей группы конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов, выявляемых в паремиологическом

фонде. Однако следует учитывать, что сведение паремий в логемы осуществимо только в общем виде вследствие возможности различных субъективных восприятий пословичной семантики [Савенкова, 2002, с. 112].

Следуя данному методу, логемы выводятся путем свертывания содержания пословицы до минимальной пропозициональной структуры.

Проведенный анализ итальянских 152 паремиологических единиц позволяет выделить следующие 8 логем:

1. Всесильность, неподконтрольность, неотвратимость и невыразимость любви словами: *L'amore passa sette muri, Il potere dell'amore non ha pari, L'amore domina senza regole.*

2. Любовь заставляет людей ссориться, страдать, испытывать чувство страха: *Dov'è amore è timore, Chi ama teme, Chi ama soffre, Grande amore, grande dolore.*

3. Связь любви с другими чувствами: доверием, ненавистью, добротой и состраданием: *Chi ama crede, Grand'amore genera grand'odio, La compassione è la figlia dell'amore.*

4. Немотивированность выбора объекта любви и «искаженное» восприятие действительности: *L'amore è cieco, L'amore fa vedere le rose e non le spine.*

5. Неподкупный характер любви: *Amore non si compra e non si vende, Amore non si trova al mercato, Il tuo cuore è una capanna.*

6. Любовь интуитивна: *Il cuore non sbaglia, L'amore non ha bisogno di implorarlo e nemmeno esigerlo, L'amore è cieco ma sa vedere da lontano.*

7. Любовные взаимоотношения, которые включают в себя взаимную любовь (*Amor con amor si paga*), возрастные различия (*Alla forza di amore soggiace ogni valore*), упоминания старой (первой) любви (*Il primo amore non si scorda mai*), брак (*Il matrimonio è la tomba dell'amore*), родственную любовь (*Amore di fratello, amore di coltello*).

8. Любовь – смысл жизни: *Non amare è un lungo morire, Ama la vita e vivi per amare, Senza l'amore niente ci rimane.*

Представление концепта «Любовь» в итальянской паремиологии позволяет сделать следующие выводы:

1. Любовь – всесильна, неразумна, ей никто и ничто не может противостоять. Любовь не только побуждает верить, но и заставляет бояться и страдать. Любить нельзя по заказу, по желанию, нельзя также любовь скрыть.

2. Любовь невыразима словами, искажает восприятие действительности, сводит с ума. Первая любовь считается самой сильной. Любовь связана с ненавистью, ревностью, добротой и состраданием.

3. Любовь нельзя купить. В ней заключается смысл жизни. Выбор объекта любви происходит немотивированно, но при этом положительно оценивается внутренняя, интуитивная подоплека выбора.

4. Брак губителен для любви – после свадьбы чувства проходят.

5. В любви заключается смысл жизни.

6. Любовь присутствует в родственных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический концепты [Текст] / Л.Б. Савенкова. – Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 2002. – 389 с.

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА ‘ВКУС’ В РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.Ю. Яровая

Белгородский государственный университет

The article deals with the cognitive features of the lexemes “вкус, goût, taste” and their meaning in Russian, French and English languages. This allows to show new face of the linguistic picture of the world of these nations.

Являясь одним из первостепенных источников получения информации от окружающего мира, перцепция играет значительную роль в жизни человека. Антропоцентрическая направленность современной лингвистики обуславливает значительное количество работ, посвященных языковому отражению восприятия мира человеком. В данной статье исследуются лингвокультурологические особенности вкусового восприятия представителей французского, английского и русского этносов.

Одним из постулатов современной когнитивной лингвистики является утверждение об отражении мира в сознании человека в виде концептов, как идеальных сущностей, которые формируются из непосредственного чувственного опыта, операций человека с предметами, взаимодействия при помощи мыслительной деятельности с другими уже существующими концептами, языкового общения [Попова, 2001, с. 4]. Отражением концептов в языке можно считать номинативное поле концепта, а наиболее важная информация о концепте и его номинативном поле представлена в структуре родовых наименований концепта – основных его репрезентантов. Поскольку понятийная составляющая концептов – это часть признаковой структуры, которая выделяется путем дефиниционного анализа названий концептов как основных репрезентантов их номинативного поля [Шушарина, 2007, с. 10], то целью данного исследования явилось выявление лингвокультурологических особенностей интерпретации концепта ‘вкус’ посредством анализа семантических особенностей лексических единиц (ЛЕ) ‘taste’ английского языка, ‘goût’ французского и ‘вкус’ русского языка.

Источником примеров для анализа семем данных ЛЕ стали толковые и двуязычные словари французского (Larousse, Robert etc.), английского (Webster’s, Longman, Oxford etc.) и русского (БЭС, Даль, Ожегов и др.) языков, словари-синонимы, Интернет-словари, примеры из художественной литературы.

Компаративный семемный анализ данных ЛЕ позволяет выявить общие и национально-специфические черты вкусового восприятия мира, отраженные в языке данных наций. Традиционно принято считать, что французы являются большими гурманами, к примеру, антрополог Кейт Фокс отмечает, что англичане воспринимают французов как «бесстыдно любящих

еду» [приводится по: Писановой, 2009, с. 228], а писатель Питер Мейл считает, что «излюбленная французами традиция <...> заставляет их ежедневно проводить два или три часа за столом, не отрывая взгляда от тарелки и почти не отвлекаясь на посторонние разговоры» [Мейл, 2008, с. 7]. Исходя из такой значимости для французов гастрономической сферы, представляется логичным, что и номинативное поле концепта, и семантемы (совокупность семем) [Попова, 2009, с. 4-5] основных репрезентантов этого концепта во французском языке более развиты, чем в остальных языках сопоставления.

Основным родовым названием концепта 'вкус' во французском языке является ЛЕ *goût*, семантема которой представляется следующим образом:

Денотативные компоненты (семемы Д1 – прямые номинативные значения и Д2 – производно-номинативные значения):

Д1: «одно из пяти чувств человека и животных, при помощи которого они различают вкусы, свойственные пище»: *la langue est l'organe du goût*.

Д1: «качество, воспринимаемое вкусовыми рецепторами, вкус пищи, букет, аромат пищи»: *un goût salé montait dans sa gorge* [Троят, 2000, с. 171].

Д2: «ощущение, производимое на органы чувств (не продуктами питания)»: *le goût des larmes, l'odeur tiède des draps embaumaient son âme* [Троят, 2000, с. 208].

Д2: «запах»: *la terre remuée du jardin avait un goût puissant* [Alain-Fournier, цит. по: Larousse, 1971, с. 2269].

Д2: «желание, предпочтения в выборе пищи или чего-либо иного»: <...> *vous avez les mêmes goûts en matière de champignons* [Троят, 2000, с. 115].

Д2: *gout* + неопределенный артикль: «ненормальный и неприятный вкус»: *cette eau a un goût* [Robert, 1985, с. 983].

Коннотативные компоненты (К1 и К2 – лексемы Д1 или Д2 с добавлением эмоций и оценок – мотивированные (К1) и немотивированные (К2)).

К1: «способность различать достоинства и недостатки (особенно в эстетической и интеллектуальной сферах) согласно критериям, принятым в данной социальной группе, чувство изящного»: <...> *elle critiqua mentalement une autre robe, en crêpe d'organdi orange, cravatée de petits rubans jaunes. Quelle faute de goût!* [Троят, 1956, с. 46].

К1: *gout* + определенный артикль («абсолютный смысл»): «возможность интуитивно, но уверенно судить об эстетических ценностях, здравый смысл»: <...> *de l'avis général, ces réjouissances fussent de celles qui n'offensaient ni la décence ni le bon goût* [Троят, 2000, с. 40].

К1: *gout* + предлог *pour*: «наклонность, интерес, сопровождаемые или нет возможностью удовлетворения»: *je reprends goût à la vie, à la musique...* [Троят, 1971, с. 208].

К1: «влюбленность в какого-либо человека»: *j'ai pris du goût pour Arlequin* [Marivaux, цит. по: Larousse, 1971, с. 2269].

К1: «манера чувствовать, судить, характерная для какой-либо определенной эпохи»: *le goût du jour*.

К1: «манера чувствовать, судить, характерная какому-либо человеку»: *Amélie se rendit compte qu'elle était en train de se renseigner sur les goûts de son futur mari* – [Troyat, 2000, с. 113]. Контекстуальной конкретизацией данной семемы может выступать ее разновидность «манера, присущая созданию какого-либо произведения, либо присущая какому-либо художнику, стиль»: *un tableau dans le goût de Rubens*.

К2: семема «горькое чувство, сожаление» развивается во ФЕ *goût de cendre*.

Родовым репрезентантом концепта 'вкус' в английском языке является ЛЕ *taste* со следующими семемами:

Денотативные компоненты

Д1: «способность человека распознавать вещества при помощи вкусовых рецепторов»: *I've lost my sense of taste*.

Д1: «свойства пищи, ощущаемые в процессе еды»: *I don't like the taste of olives*.

Д2: «полная смесь ощущений, получаемых от какой-либо субстанции во рту, состоящая обычно из вкусовых, осязательных и обонятельных ощущений»: *the taste of an orange*.

Д2: «кухня, набор национальных блюд»: *this restaurant offers the taste of Italy*.

Д2: «индивидуальные предпочтения в еде и напитках»: *a taste for beef*.

Коннотативные компоненты

К1: «малое количество дегустируемого, небольшое количество еды»: *just have a taste of this cheese*.

К1: «небольшое количество, немного»: *a taste of high life* (Robert Westerby, цит. по: Webster's dictionary, 1993, v.3, с. 2343).

К1: «первое знакомство или опыт чего-либо»: *her first taste of success*. Связана с этой семемой и следующая: «отличительное качество или опыт, особенно с упоминанием эмоции, из которой оно состоит или которую вызывает»: *his attempt to cheat me left a bad taste in my mouth*.

К1: «способность различать достоинства и недостатки, особенно в литературе и искусстве»: *a well developed and cultivated musical taste* (приводится по: Webster's Dictionary, 1993, v. 3, с. 2343). Примечательно, что Оксфордский словарь трактует данную семему как «способность человека отбирать то, что другие люди признают как хорошее, соответствующее чему-либо, чувство красивого, изящного»: *he has very good taste in music* (Oxford, 2000).

К1: «наклонности человека, интерес, склонность»: *this trip gave me a taste for foreign travel*.

К1: «стиль, манера, характерная для какой-либо эпохи или какого-либо направления искусства»: *the sculpture in a Greek taste*.

В русском языке концепт 'вкус' представлен соответствующей родовой ЛЕ 'вкус', совокупность семем которой представляется следующим образом:

Денотативные компоненты

Д1: «одно из внешних чувств человека и животных, органом которого служит слизистая оболочка языка и полости рта»: *язык – орган вкуса.*

Д1: «свойство, качество пищи, ощущаемое при еде»: *сладкий, горький вкус.*

Д1: «удовольствие, получаемое от еды»: *поест со вкусом.*

Коннотативные компоненты

К1: «способность различать достоинства и недостатки, понятие о прекрасном, чувство изящного»: *дом был обставлен с большим вкусом.*

К1: «отличительные свойства художественного произведения, как общий признак школы или рода, стиль»: *ваза в античном вкусе.*

К1: «склонность, интерес, пристрастие к чему-либо»: *вкус к живописи.*

Данные семантемы могут быть представлены в следующей сводной таблице 1, в которой отражено наличие той или иной семемы в структуре значения ЛЕ-репрезентантов концепта вкус в рассматриваемых языках.

Таблица 1.

	Goût	Taste	Вкус
ощущение, возникающее при раздражении слизистой оболочки языка	+	+	+
качество пищи, ощущаемое при еде	+	+	+
ощущение, производимое на органы чувств (не о еде)	+		
запах	+		
сложная смесь вкусовых ощущений и ощущений запаха во рту от пищи		+	
удовольствие, получаемое от пищи			+
малое количество ч.-л. дегустируемого		+	
небольшое количество чего-либо, немного		+	
ненормальный, неприятный вкус	+		
способность различать достоинства и недостатки (особенно в этической и эстетической сферах), развитое чувство красивого, изящного	+	+	+
кухня, набор национальных блюд		+	
здравый смысл	+		
наклонность, интерес, сопровождаемый или нет возможностью удовлетворения	+	+	+
желание, индивидуальные предпочтения	+	+	
влюбленность в к.-л. человека	+		
манера чувствовать, характерная для к.-л. эпохи, человека, направления в искусстве	+	+	+
горькое чувство, сожаление	+		
первое знакомство, опыт ч.-л. (возможно, с указанием эмоции, которую оно вызывает)		+	

Проведенное исследование показало, что по количеству и разнообразию семем родовые названия концептов во французском и английском языках практически не различаются (13 и 12 семем соответственно), в составе семантемы ЛЕ 'вкус' русского языка выделяется только 6 семем. Универсальными для трех наций можно считать «ядерные» семемы Д1 и Д2 «ощущение, возникающее при раздражении слизистой оболочки языка», «качество пищи, ощущаемое при еде», а также семемы К1 «развитое чувство красивого, изящного», «манера чувствовать, характерная для какой-либо эпохи, человека, направления в искусстве». Остальные семемы являются национально-специфическими, то есть в них нашла языковое отражения специфика вкусового восприятия мира разными этносами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь [Текст]. – М. : АСТ Астрель, 2008. – 1248 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / В.И. Даль. – М. : АСТ Астрель, 2007. – 1248 с.
3. Мейл, П. Франция : Год в Провансе [Текст] / П. Мейл. – Санкт-Петербург : Амфора, 2008. – 295 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
5. Писанова, Т.В. Ценностная система представлений о пище и традициях ее употребления в кулинарном тезаурусе испанского языка [Текст] / Т.В. Писанова // Актуальные проблемы современного языкознания. – М. : Российский университет дружбы народов, 2009. – С. 221-239.
6. Попова, З.Д. Семемный и семный анализ как методы семасиологии [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Вып. 12. – Воронеж : ВГУ, 2009. – С. 4-9.
7. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 190 с.
8. Стернин, И.А. Коммуникативная концепция семантики слова [Текст] / И.А. Стернин // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. – С. 82-87.
9. Шушарина, Г.А. Языковая актуализация концептов light и darkness [Текст] / автореферат дисс...канд.филол.наук. – Г.А. Шушарина. – Владивосток, 2007. – 21 с.
10. Grand Larousse de la langue française en six volumes [Text]. – Paris : Larousse, 1971-1972.
11. Le Robert. Dictionnaire de la langue française [Text]. – Т. 4 – Paris : Robert, 1985.
12. New Universal Dictionary [Text]. – Longman, 1982. – 1159 p.
13. Oxford advanced learner's dictionary [Text]. – Oxford University press, 6-th edition, 2000. – 1540 p.
14. Pocket dictionary and thesaurus [Text]. – Chambers, 2003. – 824 p.
15. Troyat, H. Les semailles et les moissons [Text] / H. Troyat. – Paris : Plon, 2000. – 566 p.

16. Troyat, H. Les semailles et les moissons : Tendre et violente Elisabeth [Text] / H. Troyat. – Paris : Plon, 1971. – 510 p.
17. Troyat, H. Les semailles et les moissons: La grive [Text] / H. Troyat. – Paris : Plon, 1956. – 409 p.
18. Webster's third New International Dictionary [Text]. – Encyclopedia Britannica, inc. – 1993. – 3 volumes.
19. www.larousse.fr
20. www.lerobert.com

**«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ – ВЛАСТЬ – НАРОД» – ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ
КОНЦЕПТОВ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «РУССКИЙ
ИНТЕЛЛИГЕНТ»**

О.А. Ярошенко

Саратовский государственный социально-экономический университет

The article is aimed at showing that the concept «intelligentsia – authority – common people» is the basic one of the character type «Russian intelligent». There are two oppositions «intelligentsia vs. authority» and «intelligentsia vs. common people» which are closely related. The examples from fictitious books and political essays are given to reflect the oppositions under consideration.

Среди лингвокультурных типажей русской культуры особое место принадлежит типу «русский интеллигент», который является этноспецифическим концептом. Споры вокруг этого типажа вызваны тем, что феномен русской интеллигенции трудно определить. Стремясь определить свое отношение к различным социальным явлениям, в зависимости от которых она находится и содержание которых, в свою очередь, зависит от историко-культурного контекста, влияющего на содержание понятия интеллигенции, интеллигенция не стремится определиться как социальная группа. И прежде всего интеллигенция осмысляет себя в отношении к власти и к народу: с одной стороны, она противопоставляет себя власти, а с другой – служит народу со столь характерным для нее чувством вины или долга перед ним (этим она противопоставляет себя и народу). Таким образом, русская интеллигенция позиционирует себя в качестве одного из углов треугольника *власть – народ – интеллигенция* [Приводится по: Карасик, 2005]. С течением времени понятия *власть* и *народ* могут менять свое содержание, но тем не менее сама противопоставленность, сама структура отношений сохраняется [Подробнее см. Успенский, 1999].

Отношение к власти сформировало русскую интеллигенцию. Одним из ее основных признаков является принципиальная оппозиционность к доминирующим в социуме на разных исторических этапах институтам. И прежде всего это проявляется в отношении к политическому режиму, религиозным и идеологическим установкам, реже – в отношении этических норм и правил поведения. При изменении стандартов меняется характер и направленность оппозиционности, но не ее качество.

Исторически традиция идеологического противостояния русской интеллигенции определяется противостоянием по отношению к политическому режиму царской России. Именно оппозиция *интеллигенция – царь*, лежащая у истоков русской интеллигенции, ее и сформировала. Со временем оппозиционность становится самодовлеющим фактором: однажды усвоенный, принцип противостояния ищет возможностей для своей реализации [Успенский, 1999].

Отношения с народом также построены по принципу противопоставления. Идея «народа», противопоставляемого другим слоям общества, исторически прежде всего дворянству и городской культуре (расслоение культурной элиты и народа), приобретает у интеллигенции форму служения, социального мессианства (хождение в народ, классовое самоотрицание, идеализация «мужика»).

Вопросы о сущности интеллигенции как особой группы неизменно волнуют людей, считающих себя интеллигентами. Выработанные в философии, социологии и культурологии идеи, связанные с лингвокультурным типажом «русский интеллигент», не могли не найти отражение в художественной литературе и публицистике. Прежде всего обратимся к работам политических деятелей, философов и писателей конца XIX - начала XX века:

4. *После того как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, в русской жизни зреет новый элемент, который — как ни мало похож он на казачество в социальном и бытовом отношении — в политическом смысле приходит ему на смену, является его историческим приемником. Этот элемент интеллигенция... Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему... Для интеллигентского отщепенства характерны не только его противогосударственный характер, но и его безрелигиозность. Отрицая государство, борясь с ним, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного начала, а во имя начала рационального и эмпирического (П. Струве).*

5. *Говоря о том, что русская интеллигенция идейно отрицала или отрицает личный подвиг и личную ответственность, мы, по-видимому, приходим в противоречие со всей фактической историей служения интеллигенции народу, с фактами героизма, подвижничества и самоотвержения, которыми отмечено это служение... (П. Струве).*

6. *И как бы ни был мал абсолютный социологический вес интеллигенции, но в ее творчестве, в ее идеалах — жизненный нерв народа, ибо интеллигенция есть действительно орган народного сознания и совокупность живых сил народа. Пусть даже социологически интеллигенция невесома, но без ее творчества, без ее идеалов всякое «культурное» общество, всякий могущественный класс обращается в толпу «мещан»... (Иванов-Разумник).*

7. *Верить в массу человеческую, в количество людское, в толпу, в*

стадо – нельзя, история не научает верить. Но этим отнюдь не утверждается лже-аристократизм, презрение к людям, не санкционируется индивидуализм оторванный и уединенный. Можно пламенно верить в человечество, соединившее свою волю с волей Бога, можно любить это человечество, можно мессианскую идею связать с верой в народ, принявшей в свою душу Христа (Н. Бердяев).

8. С екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте народолюбие и с той поры не оскудевало. Собирали и собирают материалы для изучения «фольклора»; загромождают книжные шкафы сборниками русских песен, былин, легенд, заговоров, причитаний; исследуют русскую мифологию, обрядности, свадьбы и похороны; печалуются о народе; ходят в народ, исполняются надеждами и отчаиваются; наконец, погибают, идут на казнь и на голодную смерть за народное дело. Может быть, наконец, поняли даже душу народную; но как поняли? Не значит ли понять все и полюбить все – даже враждебное, даже то, что требует отречения от самого дорогого для себя, – не значит ли это ничего не понять и ничего не полюбить?

Это – со стороны интеллигенции... Волю, сердце и ум положила она на изучение народа.

... кажется, это действительно так, то есть действительно не только два понятия, но две реальности: народ и интеллигенция; полтора миллиона, с одной стороны, и несколько сот тысяч – с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основании (А. Блок).

Приведенные примеры наглядно демонстрируют принцип противопоставления в отношениях с народом и оппозиционность по отношению к политическому режиму царской России.

В советский и постсоветский период идея борьбы с существующим политическим режимом за права и свободы народа не исчезает, но несколько трансформируется. Будучи атеистичной в царской России, с советский период интеллигенция религиозна. Она не может управлять, не может администрировать, не может быть привлечена к участию в государственной деятельности, поскольку интеллигент не может принадлежать к бюрократической администрации. Всевозможные свободы все также волнуют интеллигенцию (диссидентство, презрительное отношение к органам надзора КГБ, а позже ФСБ):

– С пролетариатом. – Еще раз проверяюще примерился старик. – Кто домино как звезды бьет, радио не выключает от гимна до гимна. Пять часов пятьдесят минут остается спать. Бутылки бьют проходим под ноги, мусор высыпают вон посреди улицы. Почему они – передовой класс, ты задумывался?

– Да-а-а, – покачал Иннокентий. – Почему передовой – этого и я никогда не понимал.

– Самый дикий! – сердился дядя. – Крестьяне с землей, с природой общаются, оттуда нравственное берут. Интеллигенты – с высшей

работой мысли. А эти – всю жизнь в мертвых стенах мертвыми станками мертвые вещи делают – откуда им что придет? (А. Солженицын).

•– Ну, догадаться несложно. – Он сдержанно кашлянул. – Если бы кто-то в институте или кто-то из ваших друзей узнал о нашем сотрудничестве, вас бы стали презирать. Это ведь стыдно — стучать «гэбухе». Это едва ли не самая стыдная вещь для интеллигентного человека... (П. Дашкова).

(1) Они были совсем не такими, как Родион их когда-то представлял, – создавалось полное впечатление, что пережитое интеллигенцией прошло мимо них незамеченным, и громокипящие съезды с прямой трансляцией, и дуэли демократических публицистов с консерваторами, и модные романы, и модные имена. Один такой, с бриллиантовым перстнем и скользившим по Ликиным ножкам масляным взглядом, как оказалось, вообще узнал о появлении ГКЧП и бесславном крахе такового лишь двадцать пятого августа – был, понимаете ли, всецело поглощен деловыми переговорами на загородной даче... (А. Бушков).

• Видоизменяясь вместе с властью, мировоззрение интеллигента сохраняло главный стержень: отрицание и протест. Так, если дореволюционный интеллигент «верил в Божие небытие» и был материалистом, то интеллигент конца XX века уже вовсю молился, крестился и с вызовом пек кулича – ведь церковь подвергалась гонениям. Как только церковь возродилась и двинулась в сторону официоза с акцизами, интеллигент перебежал к меневцам. До начала 90-х интеллигент люто ненавидел коммунистов и даже обычных безвредных членов компартии, но стоило к власти прийти капиталистам – готово, интеллигент уже за большевиков, оправдываясь тем, что советская власть «хотя бы о людях заботилась», и ностальгируя по рубрике «газета выступила — что сделано». Главное – протестовать против тирана, в каком бы обличье тот ни предстал, и если сейчас классического интеллигента словно бы не видно, а некоторые даже отрицают его существование, то это верный показатель того, что власть мало любуется и слабо душит (Т. Толстая).

• Поймать народ за рукав, посмотреть в глаза, шепнуть: «я с тобой...» Интеллигент последнего десятилетия опять пришел на свидание – одинокий, как Лили Марлен под фонарем – туда, где, может быть, пройдет ненароком любимый...

Может, народ свернет на проселок с большака, распахнет дверцу своего «Ауди», сдернет картуз от Версаче и отвесит интеллигенту низкий благодарный поклон (Т. Толстая).

Данные примеры подтверждают наше положение о том, что в советский и постсоветский период противостояние интеллигенция – власть и расслоение интеллигенция – народ сохраняются.

Таким образом, анализ приведенного текстового материала и высказанные выше теоретические положения позволяют рассматривать

триединый концепт «интеллигенция – власть – народ» как один из ключевых концептов лингвокультурного типажа «русский интеллигент».

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» [Текст] / В.И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с. – С. 25-61.
2. Успенский, Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры [Электронный ресурс] / Б.А. Успенский // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/01.php

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЕКСТ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

Э.В. Абрамова

Армавирский государственный педагогический университет

The article focuses on text as a structured-semantic unity. There are different approaches towards the problem of text definition and its characteristics presented.

Текст как объект исследования всегда привлекал внимание лингвистов. Об этом свидетельствует множество работ, посвящённых данной проблеме. Приведём несколько точек зрения на проблему определения текста.

О.Л. Каменская определяет текст, опираясь на важнейшую из его функций. Соответственно, текст выступает как средство вербальной коммуникации [Каменская, 1990].

С точки зрения Д.С. Лихачёва в тексте велика роль его создателя, реализующего определённый коммуникативный замысел [Лихачёв, 1989].

По определению В.А. Кухаренко, «текст – не хаотичное нагромождение единиц разных уровней, а упорядоченная система, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено. Но это не есть нечленимый монолит» [Кухаренко, 1988, с. 70].

А.А. Леонтьев подчёркивает, что тексту как речевому произведению свойственна функциональная завершённость [Приводится по: Кубрякова, 2001, с. 72].

А.Г. Баранов определяет текст как «многоуровневую систему, как синергетическое образование», в котором «каждый аспект и уровень системы имеет свои инвариантные черты как основу его функционирования» [Баранов, 2008, с. 8].

Герменевт Г.И. Богин различает несколько трактовок понятия «текст». Самая широкая, по его мнению, заключается в том, что текст выступает как «общее название для продукта человеческой целенаправленной деятельности, т.е. как материальный предмет, в генезисе которого принимала участие человеческая субъективность. При узкой трактовке текст выступает как произведение речи» [Богин, 2001, с. 32].

Однако наиболее полным является определение, данное И.Р. Гальпериным: «...текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981, с. 18].

В.В. Виноградов считает, что художественный текст отвечает всем общетекстовым дефинициям, т.к. составляющие его единицы упорядочены и имеют законченную коммуникативную целенаправленность, образуя единую смысловую структуру. Отличие художественного текста от нехудожественного (научного и официального), по мнению автора, заключается в специфике его функционирования – эстетическом воздействии. [Виноградов, 1980].

М.А. Гвенцадзе в качестве сущностных признаков художественной и нехудожественной коммуникации чаще всего называет следующие:

- «1) присутствие/отсутствие непосредственной связи между коммуникацией и жизнедеятельностью человека;
- 2) отсутствие/наличие эстетической функции;
- 3) эксплицитность/имплицитность содержания (отсутствие/наличие подтекста);
- 4) установка на однозначность/неоднозначность восприятия;
- 5) установка на отражение реальной/нереальной действительности (художественные тексты представляют не модель реальной действительности, а сознательно конструируемые возможные модели действительности)».

Причём первые позиции в данном перечне занимают признаки нехудожественных текстов, вторые – текстов художественных [Гвенцадзе, 1986, с. 91].

Согласно М.И Гореликовой и Д.М. Магомедовой, методика анализа лексики художественного текста основывается на предположении, что повторяющиеся значения слов являются наиболее важными в тексте. Повторы образуют тематическое поле (поля) слов, связанных между собой парадигматическими отношениями, характерными для лексико-семантических групп. Это отношения:

1. родовидовые;
2. смыслового сближения по синонимическому типу;
3. синонимические;
4. антонимические [Гореликова, Магомедова, 1989].

Н.А. Николина считает, что в тематическое поле текста входят также слова с более «далекими» семантическими отношениями – учитывается явление полисемии, связь по недоминирующим семам, через сочетаемость, ассоциативно-семантические отношения. По ее мнению, строение художественного текста определяется взаимодействием двух составляющих:

доминанты и оппозиций, при этом доминанту составляют лексические единицы, которые «повторяясь, выступают как ключевые слова текста» [Николина, 2003, с. 89].

С созданием художественного текста заканчивается лишь творческая деятельность автора, но творческий процесс продолжается. По мнению М.М. Бахтина, собственно жизнь текста, т.е. его подлинная сущность, развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов – автора и читателя. Это диалог особого вида, в котором происходит встреча двух текстов – готового (авторского) и создаваемого реагирующего текста, следовательно, – встреча двух авторов [Бахтин, 1986].

У создателя текста и у его читателя есть устремлённость друг к другу. В связи с этим, важным оказывается вопрос о понимании текста. Творческий характер понимания закладывается уже автором текста в его высказывании, так как, по мнению М.М. Бахтина, создатель текста предполагает наличие не только адресата, но и высшего нададресата, наивысшее, справедливое понимание [Бахтин, 1986, с. 421].

Согласно философской концепции В.В. Налимова, творчество как порождение и раскрытие новых идей тоже можно рассматривать как процесс понимания. Творческий процесс един по своей природе, его структура остается инвариантной ко всем конкретным проявлениям. Понимание, по В. В. Налимову, это «распаковка» исконно заложенного в мироздании, это «перепонимание» того, что уже было кем-то понято. Понимание – это способность приблизить к себе чужой текст, способность найти в чужом своё или найти самого себя [Налимов, 2003].

Как пишет Г.И. Богин, «художественный текст выступает как опредмеченная субъективность, в системе его материальных средств усматриваются опредмеченные реальности сознания, сложившиеся в деятельности человека идеальные реальности, смыслы, коррелятивные со средствами текста. Понимание такого текста выступает как частный случай распредемечивания, т.е. усмотрения субъективных реальностей (моментов деятельности) при восприятии материальных средств текста» [Богин, 2001, с. 137].

Текст, как правило, содержит в себе описание фактов, событий, места действия и времени протекания этого действия, рассуждения автора, движения сюжета и пр. Все это составляет *фактуальную информацию* (фабулу, «внешнее произведение»). Данная информация играет двоякую роль: с одной стороны, именно она предъявляет текст, наполняет его жизнью, транслирует заложенные в него мысли, а с другой стороны, она затемняет, маскирует эти мысли, создает препятствия в понимании, способствует возникновению разночтений. В художественном тексте, в отличие от газетного сообщения или научной статьи, фактуальная информация не может существовать сама по себе. Она излагается в соответствии с теми мыслями, которые автор хочет донести до читателя. С ее помощью создатель текста «не в лоб», а через судьбы людей передаёт то, что его волнует. Поэтому главное в тексте, то, что его «держит», благодаря чему он не рассыпается на

множество отдельных фактов и рассуждений, – это его концептуальность, т.е. способность содержать концептуальную информацию.

Концептуальная информация выражает мировоззрение автора, систему его взглядов, замысел, но не сводится к идее произведения. По мнению И.Р. Гальперина, это комплексное понятие, включающее замысел автора и его содержательную интерпретацию. Концептуальная информация зачастую имплицитна, не выражена в тексте словесно.

Подтекстовая информация, в понимании И.Р. Гальперина, не равна художественным средствам и возникает благодаря способности слов, словосочетаний, предложений в отдельных небольших отрезках текста таить в себе скрытый смысл. Подтекстовая информация извлекается из фактуальной, а точнее, как бы стоит *за*, звучит в контрапункте с фактуальной и, безусловно, влияет на концепт. Она создает в тексте особое настроение, звучание, и в то же время вычитанный подтекст может кардинально изменить истолкование текста, определить по-новому его концептуальную информацию [Гальперин, 1981].

Таким образом, многообразие подходов к художественному тексту представляет исследователю не только много возможностей, но и новые сложности при оценке особенностей художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка [Текст] / А.Г. Баранов. – Краснодар : Просвещение – Юг, 2008. – 188 с.
2. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров. Литературно-критические статьи [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1986. – С. 25-40.
3. Богин, Г.И. Обретение способности понимать : Введение в филологическую герменевтику [Текст] / Г.И. Богин. – М. : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
4. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1980. – 360 с.
5. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
6. Гвенцадзе, М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста [Текст] / М.А. Гвенцадзе. – Тбилиси, 1986. – С. 91.
7. Гореликова, М.И. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] / М.И. Гореликова, Д.М. Магомедова. – М., 1989. – 152 с.
8. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация [Текст] : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / О.Л. Каменская. – М. : Высшая школа, 1990. – 151 с.
9. Кубрякова, Е.С. Текст. Структура и семантика [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М., 2001. – Т. 1. – С. 72-81.
10. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста [Текст] / В.А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 2-е изд-е. – 192 с.
11. Лихачёв, Д.С. О филологии [Текст] / Д.С. Лихачёв. – М. : Высшая школа, 1989. – 207 с.

12. Лосева, Л.М. Структурно-семантическая организация целых текстов [Текст] / Л.М. Лосева. – Одесса, 1973. – С. 58-77.

13. Налимов, В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков [Текст] / В.В. Налимов. – Томск-М. : Водолей, 2003. – 3-е изд-е. – 368 с.

14. Николина, Н.А. Филологический анализ текста [Текст] / Н.А. Николина. – М., 2003. – 256 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ИХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТРОСПЕКЦИИ

О.Ю. Авдевнина

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

The article regards the category of perception in the aspect of it's interaction with the communicative aspect of the text in fiction. It tells that perceptual actions carry out the role of nonverbal means of communication and at the same time enrich it's contents with new social experience.

Перцепция и коммуникация – это те процессы, относительно автономно реализующих антропоцентризм и антропоморфизм языка и речи, которые являют собой и две основные ипостаси субъекта рече-мысли: Наблюдателя и Говорящего. Центром перцепции является субъект восприятия и познавательной деятельности – Наблюдатель. Категория Наблюдателя определяет набор и строение семантических универсалий, формы и структуры репрезентации в языке знаний и представлений человека об окружающем мире. Ориентированность на субъект восприятия как точку отсчёта, составляющая когнитивное содержание значения языковых единиц, свойственна пространственно-временным выражениям, значениям многих лексических единиц и целому ряду грамматических категорий, таким как лицо, время, вид, залог, таксис и т.п. [Кравченко, 1996, с. 19].

Ступенчатый характер познавательной деятельности проявляется, прежде всего, в существовании двух уровней категоризации взаимодействия человека с окружающим миром, которые условно можно назвать «знакомство с предметом» и «знание о предмете» [Там же, с. 11]: «Восприятие человека – не только чувственный образ, но и осознание выделяющегося из окружения противостоящего субъекту предмета. Осознание чувственно данного предмета составляет основную, наиболее существенную отличительную черту восприятия» [Рубинштейн, 2000, с.226]. «Мы видим мир не как потоки света, не как хаотическую совокупность волн с разными физическими характеристиками, не только как игру света и тени, переплетение красок (...). Мы видим мир как мир лиц и вещей, движений и событий» [Кубрякова, 2004, с.84].

При этом каждый конкретный перцептивный акт экстраполируется на уже имеющуюся «концептуальную структуру» [Кравченко, 1996], «когнитивную схему» – «внутреннюю когнитивную структуру», модифицирующуюся перцептивным опытом, включающую систему «предвосхищения» и прогнозирования восприятия и его осмысления

[Найссер, 1981, с. 72-73]. В перцептивный опыт входит не только опыт восприятия предметного мира, но и социальный опыт: «устанавливаемые культурой схемы опосредуют наше восприятие поведения других людей, а также лежат в основе самого этого поведения» [Там же, с. 198]. Эти схемы включают эмоции, физиогномическое восприятие, самопознание, социальное действие и коммуникативный опыт [Там же], т.е. опыт коммуникативный, опыт общения человека с человеком, опыт Говорящего.

Восприятие представляет собой конструктивный процесс, в котором чередуются априорное и эмпирическое, субъективное и объективное. Это позволяет установить ступенчатый, иерархический характер самого восприятия, в котором выделяются три последовательные перцептивные системы: 1) система прямого восприятия (ощущения предметов, ситуаций, событий и их оценка); 2) система межличностного восприятия, включающего речь, коммуникативные жесты; 3) система репрезентированного восприятия, основанного на сличении нового опыта со старым [Кубрякова, 2004]. Восприятие включает, таким образом, восприятие не только объектов окружающего мира, но и человека человеком, в том числе в процессе живого общения, когда собеседники находятся в одной коммуникативной ситуации и в одном перцептивном поле: говорят и видят, чувствуют друг друга.

Эта неоднозначность и разнонаправленность восприятия отражает деятельностный, активный характер познания, его подчинённость задачам социального бытия. При этом иерархичность перцепции обуславливает усложнение роли субъекта речи – возникновение «системы антропогенных позиций, выступающих по-разному (то актуально, то виртуально) в языке, речи, речевой деятельности, поэтике» [Кравченко, 1993, с.50]. По Е.В. Падучевой, эта система включает разные роли Говорящего: 1) Говорящий – субъект речи; 2) Говорящий – субъект дейксиса; 3) Говорящий – субъект сознания; 4) Говорящий – субъект наблюдения (Наблюдатель) [Падучева, 1993, с.34]. Процесс коммуникации в форме социального опыта вовлекается, таким образом, в перцептивный процесс, обуславливая интеграцию коммуникативных и познавательных перцептивных действий.

Их относительный изоморфизм подтверждается и концепцией авербальной рамки речевого коммуникативного акта, которая устанавливает, с одной стороны, опережение в естественном механизме общения вербально-оформленной части сообщения авербальной моторикой [Горелов, 2003, с. 142], с другой стороны, существование так называемого «перцептивного понятия», «перцептивного суждения», авербально обозначенного в аппарате мозга. Последние являются перцептуальными, сенсорными символическими системами, функционирующими как знаки [Там же, с. 143]. Жесты, мимика, пантомима, интонация – это те авербальные компоненты, которые выводят общение с уровня языкового означивания на уровень простого чувственного восприятия с его сложной логико-психологической структурой. Термин «перцептивное понятие» «указывает на поразительное сходство между элементарной деятельностью чувственного восприятия и более высокой деятельностью логического мышления... (...) на обоих уровнях –

перцептивном и интеллектуальном – действуют одни и те же механизмы. (...) В зависимости от того, переходит ли это «понятие» в интеллектуальную сферу, оно может (не должно!) либо перекодироваться в обобщённый знак языка, либо в универсальный авербальный, чувственно (выделено автором – О.А.) воспринимаемый, знак естественной (мотивированной) природы» [Там же, с.144].

Точками пересечения перцепции и коммуникации следует считать, таким образом, перцептуальное пространство Говорящего и адресата речи, в которое неизбежно включаются авербальные речевые компоненты. Эта их диффузная близость особенно ярко проявляется в художественных диалогах с элементами интроспекции – воспроизведения «внутреннего», того, что наблюдает и что чувствует участник коммуникации. Роль художественного текста в этой экспликации связи перцепции и коммуникации исключительно важна, потому что только художественное повествование помогает обнаружить и саму эту связь, и способы ее обозначения в языке.

Как известно, перцепция носит полимодальный характер, включает 5 видов человеческого, физиологически обусловленного чувствования, ощущения: осязание, зрение, слух, обоняние, вкус. Не все одинаково значимы для человеческого общения. Социально и коммуникативно маркированными являются, прежде всего, зрение и слух, особенно слух, о чем свидетельствует, например, многообразие форм слуха: технический, тембровый, музыкальный (звуковысотный), в том числе и речевой (фонематический) [Рубинштейн, 1957, с.101]. Не менее важно и зрение: все коммуникативные жесты, мимика, выражение глаз и другие авербальные знаки ориентированы на визуальное восприятие. Мы не обнюхиваем, не общупываем друг друга в процессе общения и не пробуем друг друга на вкус, а слушаем и смотрим друг на друга. И эту норму отражает художественная интроспекция. В данной статье мы рассмотрим коммуникативный потенциал лишь визуальных действий и только тех, которые являются средством формирования выразительной авербалики общения.

Наиболее чётко общность перцептивного поля собеседников выражают конструкции, обозначающие объект общего видения, чувствования: этот объект – тема коммуникации: 1. *Там смутно рисуется в небе что-то мертвенное, некое подобие неподвижного облака.*

- Олимп! – говорит Герасим.

Я навожу морской бинокль – и различаю блестящие пустыни снежных полей Олимпа, его теснины, полные утренних фиолетовых теней (...) (И.А. Бунин, Тень птицы). Перцепция здесь превосходит коммуникацию. Наблюдатель противопоставлен Говорящему. Говорящий лишь направляет интерпретацию Наблюдателем видимого и слышимого:

2. *Я слышу благовест, слабый, постный.*

- Под горкой, У Константина-Елены. Колоколишко у них старенький... ишь, как плачет!

Слышится мне призывно – по-мни... по-мни... и жалуется как будто. (...) *Я оглядываюсь на Кремль: золотится Иван Великий, внизу*

темнее, и глухой – не его ли – колокол томительно позывает – по-мни!..
(И.С. Шмелёв, Лето Господне).

В случаях преобладания коммуникативного содержания перцептивное действие превращается в авербальный жест, подтверждающий или уточняющий содержание речи:

3. - *А, вы уже пришли!* – раздался голос Каменского.

Гриша смущённо захлопнул книгу.

- *Извините, сказал он, подымаясь.*

- *В чем вы извиняетесь?* – **спросил Каменский, стоя перед ним с мешком в руке и пристально глядя ему в лицо** (И.А. Бунин, На даче).

В такой противопоставленности коммуникантов коммуникативная форма не исчезает, даже если отсутствует сама речь: 4. *Они стояли друг против друга, и Гриша чувствовал, что пристальный взгляд улыбающихся глаз Каменского всё более подчиняет его себе* (И.А. Бунин, На даче).

Интересна пространственная изобразительность визуального действия, иллюстрирующая пространственную семантику содержания речи:

5. - *А что же прикажете делать?*

- *Пахать, - ответил Гриша полушутя, полусерьезно.*

- *Пахать!* – воскликнула Марья Ивановна. – *Это новость!*

(...) *Марья Ивановна посмотрела куда-то вдаль и легонько вздохнула:*

- *Это хорошо в теории, а не на практике* (И.А. Бунин, На даче).

6. - *Это хорошо, что не знаете, - сказал он почти строго и стал задумчиво глядеть вдаль. – Люди всё еще идут в Египет за помощью. (...)*

И, подняв глаза на Гришу, прибавил:

- *И вы будете также... также несчастны и одиноки, если будете не жить, а служить* (И.А. Бунин, На даче).

Гриша вспомнил свою семью и опустил глаза (И.А. Бунин, На даче).

Движение глаз маркирует переход внимания от конкретного, явленного (собеседника) к абстрактному (символический *Египет*) или к отдалённому (*вспомнил свою семью*) и наоборот.

Реплика может выполнять функцию сигнала для перцептивного действия, важного для интерпретации ситуации общения, для создания образа собеседника:

7. - *Вы позволите вам чаю?* – с лёгкой запинкой спросила Наталья Борисовна Каменского.

И все тотчас с любопытством обратились в его сторону: откажется или нет? И что возьмёт к чаю? (И.А. Бунин, На даче).

Такое композиционное построение диалогических контекстов создаёт некий информационный и коннотативный подтекст, в котором внешняя реплика лишь психологическое средство, маркер сложившейся психологической иерархии участников коммуникации (один противопоставлен остальным). Перцептивное действие же – главное средство коммуникации:

8. - *А где он теперь? В Ясной Поляне?* – перебила Марья Ивановна. (...)

- *Правда, что он только лето живёт в деревне?*

- Да, это правда.

Все переглянулись и помолчали. Каменский налил в блюдце чаю и уже начал говорить с агрономом о рамочных ульях, как вдруг Софья Марковна **выговорила** громко и насмешливо:

- А правда, что он уже сменил пресловутую блузу на костюм велосипедиста?

- Вот это уже не правда, - уже совсем важным тоном **возразил** Каменский.

Снова **переглянулись**, а Игнатий издал какой-то носовой звук (И.А. Бунин, На даче).

Взгляд может выполнять фатическую функцию, приглашать коммуникантов присоединиться не к разговору, а к мнению, к суждению о чем-либо:

9. - *Мамаша*, - сказал он, - *налейте и мне стаканчик чаю, только, пожалуйста, без коньяку!*

- *Вот как!* – засмеялась Наталья Борисовна.

- *Я слышу разговор о Толстом*, - продолжал Пётр Алексеевич, **оглядывая всех и подчеркивая слова**, - и вот мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, чего прежде не хотелось. И когда я понял то, что понял, я перестал делать то, чего не надо делать, и стал делать то, чего не делал и что нужно делать.

Все засмеялись (И.А. Бунин, На даче).

10. - *Илья?* – спросил Пётр Алексеевич. – *Справедливая это мысль? Правда, мы с тобой труженики и умственно развиваемся?*

И с заигравшею в глазах злою улыбкой оглядел всю компанию, долил чай коньяком и выпил, как воду (И.А. Бунин, На даче).

К таким действиям могут присоединяться и другие авербальные средства, например интонация (8), мимика, выражение глаз (9, 10): 10. **Каменский пристально посмотрел на Петра Алексеевича, но тот сделал мутные глаза и отвернулся** (И.А. Бунин, На даче).

Коммуникативные функции перцептивных действий не исчерпываются приведёнными примерами. Эти действия могут быть эксплицированы в самой речи в качестве мотива для начала общения (*А я гляжу, кто-то идёт. А это ты.*) В таком употреблении глаголы восприятия часто переходят в коммуникативы – особые конструктивные единицы речи, сопровождающиеся частичной десемантизацией семантики восприятия: 11. *И шум за окном, особенный. Там галдят, словно ломают что-то. (...) Глухо доходит через стёкла голос Василь Василича, будто кричит в подушку, но стёкла все-таки дребезжат:*

- *Эй, смотри у меня, робята... к обеду чтобы!..* (И.С. Шмелёв, Лето Господне).

Такие и многие другие примеры подтверждают вывод о единстве двух психологических планов художественного текста: когнитивного и коммуникативного, которое выходит на единство объективного и субъективного его планов: «объектный – отражающий когнитивный способ

концептуализации мира, и субъектный – отражающий коммуникативный способы передачи информации (субъективно-речевая организация текста)» [Татару, 2008, с.36]. Во многих случаях выбор композиционных и лингвистических средств оформления художественной интроспекции зависит и от степени преобладания того или иного планов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов, И.Н. Избранные труды по психолингвистике [Текст] / И.Н. Горелов. – М. : Лабиринт, 2003. – 320 с.
2. Кравченко, А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке [Текст] / А.В. Кравченко // Известия АН / Серия литературы и языка. Т.52, 1993, . – №3. – С.45 - 56.
3. Кравченко, А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160 с.
4. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Найссер, У. Познание и реальность [Текст] / У. Найссер. – М. : Прогресс, 1981. – 230 с.
6. Падучева, Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике [Текст] / Е.В. Падучева // Известия АН / Серия литературы и языка. Т.52, 1993. – №3. – С. 33 - 44.
7. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М. : Издательство АН СССР, 1957. – 328 с.
8. Татару Л.В. Пространственная точка зрения и структура повествовательного текста: лингво-когнитивный аспект [Текст] / Л.В. Татару //ФН, 2008. – №1. – С. 35-45.

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФИГУРА ЗАПУГИВАНИЯ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Аверьянова

Тюменский государственный университет

The author examines language means of intimidation in the Latin of the XIIIth centuries and singles out the archetypal structure of this semiotic figure.

Настоящая статья посвящена религиозному дискурсу. Е.И. Шейгал определяет назначение религиозного дискурса как объединение в вере [Шейгал, 2000, с. 5]. По мнению М.Г. Извековой, специфика религиозного дискурса состоит в открытом утверждении ценностей, основанных на вере в Бога, тогда как в других видах дискурса они могут быть скрытыми или подразумеваемыми [Извекова, 2006, с. 63-64]. Как утверждает Е.И. Шейгал, религиозному дискурсу, как и политическому дискурсу, присуще использование приёмов манипулятивного воздействия [Шейгал, 2000, с. 40].

Объектом нашего исследования являются языковые средства, имеющие манипулятивное значение. Материалом исследования послужил сборник житий Жака де Воражина «Золотая легенда», написанный в XIII веке. Цель

настоящей статьи – выявление языковых средств выражения запугивания в латинском языке. Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые рассматривается вопрос о связи семиотической категории манипуляции с языком.

Мы исходим из следующего определения манипуляции, предложенного Парижской семиотической школой: *«Манипулятор может осуществлять своё убеждающее действие, опираясь на модальность “мочь” : тогда в прагматическом измерении он предложит манипулируемому положительные объекты (культурные ценности) или отрицательные объекты (угрозы): в других случаях он убедит получателя благодаря знанию: в когнитивном измерении он сообщит ему, что он думает о его модальной компетенции в форме положительных или отрицательных суждений. Таким образом, очевидно, что убеждение в плане “мочь” характеризует искушение (когда предлагается объект положительной ценности) и запугивание (представляющее собой негативный дар), убеждение в плане “знать” присуще провокации (с отрицательным суждением “Ты не способен...”) и обольщению (проявляющемуся в положительном суждении)»* [Greimas, 1993, с. 221].

Искушение, запугивание, провокация и обольщение рассматриваются нами как манипулятивные фигуры. Понятие «фигура» ввел в лингвистику Луи Ельмслев. Он называл так либо единицы плана содержания, не имеющие плана выражения (например, метафора), либо единицы плана выражения, не имеющие плана содержания (фонемы). Таким образом, фигура по Ельмслеву не является знаком [Ельмслев, 1960]. Мы же под фигурой понимаем знак, имеющий как план содержания, так и план выражения, но при этом одному содержанию соответствует бесконечное число выражений. Представляется, что в основе манипулятивных фигур (дискурсивных образований) лежат архетипы (ментальные образования).

Нами было установлено, что в религиозном дискурсе преобладают манипулятивные фигуры искушения и запугивания: на материале «Золотой легенды» из 1 500 000 знаков латинского текста было обнаружено 186 манипуляций. Из них 112 примеров (60,2 %) являются искушениями, 59 примеров (27 %) – запугиваниями.

В латинском языке запугивание имеет архетипическую языковую структуру в виде условного предложения: “Si (nisi) feceris(-eritis, -erit) id, faciam(-emus, -et) tibi (vobis, illi) aliquid aut male tibi (vobis, illi) erit” (в протасисе употреблён глагол в Futurum II indicativi, а в аподосисе – глагол в Futurum I indicativi). В придаточном предложении и в главном могут употребляться другие времена и наклонения.

Рассмотрим архетипические языковые реализации. Нами было выявлено 24 архетипические структуры, или 40,6 % от общего числа запугиваний.

В применении условных периодов различаются три случая: casus realis (реальный случай, иначе индикативный), casus potentialis (потенциальный случай), casus irrealis (нереальный случай).

В реальной форме (*casus realis*) условное придаточное (протасис) содержит глагол в *Futurum II indicativi*. При этом в аподосисе (главном предложении) употребляется глагол в *Futurum I indicativi* (17 примеров из 24, или 70,8 %). В 9 случаях из 17 условное придаточное вводится при помощи союза *si*:

(*De sancto Iohanno Elemosinario*) *Illo autem recusante, dixit ei: «Si me non audieris ego barbaris uendam te».* (P. 190). Поскольку нотариус отказывался, он (Иоанн) добавил: «Если ты меня не слушаешься, я продам тебя варварам».

Условное придаточное вводится при помощи союза *nisi* (если не) (8 примеров):

(*De sancto Andrea Apostolo*) *Mane facto tribunali sistitur et ad sacrificia idolorum iterum inuitare cepit dicens: «Nisi mihi obtemperaueris in ipsam quam laudasti crucem faciam te suspendi».* На следующее утро, взойдя на трибунал, он (Эней) снова потребовал, чтобы Андрей принес жертвы богам, сказав следующее: «Если ты отказываешься подчиниться мне, я прикажу привязать тебя к этому кресту, который ты так расхваливаешь!»
Cumque ei multa supplicia minaretur, respondit: «Quidquid tibi uidetur magis in suppliciis excogita; tanto enim regi meo ero acceptior, quanto fuero pro eius nomine in tormentis constantior». (P. 30-31).

В потенциальной форме (*casus potentialis*) условное придаточное (протасис) содержит глагол в *Praesens conjunctivi*. При этом в аподосисе (главном предложении) также употребляется глагол в *Praesens conjunctivi* (2 примера, или 8,3 %). *Conjunctivus* в этой форме есть *conjunctivus potentialis*:

(*De sancta Margarita*) *Cui prefectus: «Nisi mihi consentias corpus tuum faciam laniari».* Префект сказал ей (Маргарите): «Если ты мне не подчинишься, я прикажу разорвать твоё тело». *Margarita: «Christus semetipsum pro me in mortem tradidit et ideo pro Christo mori non dubito».* Маргарита ответила: «Иисус Христос пошёл на смерть ради меня; ну что ж! я желаю так же умереть за него».

Как видно, адресант манипуляции не уверен в эффективности манипуляции, что отражается в использовании конъюнктива.

В ирреальной форме (*casus irrealis*) условное придаточное (протасис) содержит глагол в *Imperfectum conjunctivi*. При этом в аподосисе (главном предложении) также употребляется глагол в *Imperfectum conjunctivi* (1 пример, или 4,2 %):

(*De sanctis Iohanno et Paulo*) *Quibus Iulianus: «Putatis quia martyres uos faciant christiani? Nisi mihi consentiretis, puniam uos non ut martyres, sed ut publicos hostes».* «Вы думаете, – сказал Юлиан, что христиане сделают из вас мучеников; если вы не подчинитесь мне, я накажу вас не как мучеников, а как врагов государства». Тогда *Tunc Iohannes et Paulus per totos decem dies elemosinis insistebant et* Иоанн и Павел использовали все десять дней, чтобы раздать бедным

omnia sua pauperibus erogabant... (Р. все своё имущество. 555).

Использование *conjectivus imperfectum* свидетельствует о том, что манипулятор сомневается в самой возможности манипулировать адресатом.

Таким образом, мы рассмотрели средства выражения архетипической манипулятивной фигуры запугивания в средневековой латыни. В основном эта фигура реализуется в виде условного предложения в реальной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – С. 264-389.
2. Извекова, М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Извекова. – Волгоград : Волгогр. гос. пед. университет, 2006. – 204 с.
3. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст]: / дис... д-ра филол. наук. / Е.И. Шейгал. – Волгоград : Волгогр. гос. пед. ун-т, 2000. – 431 с.
4. Greimas, A.J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage [Text] / A.P. Greimas, J. Courtés. – P. : Hachette Supérieur, (1979) 1993. – 454 p.
5. Vorazze, Jacopo da. Legenda Aurea [Text] / Jacopo da Vorazze . – Edizione critica a cura di Giovanni Paolo Maggioni. – Seconda edizione rivista dall'autore. – 2 voll. Firenze : Sismel. – Edizioni del Galluzzo, 1999. – LXIV+1368 p.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗООНИМОВ В РУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Т.П. Акимова

Волгоградский государственный педагогический университет

The specificity of the functioning of the zoonyms defining the concept «dog» in the letters of XIX-XX centuries' Russian writers is revealed. The peculiarities of the actualisation of the language and speech connotation of zoonyms in an epistolary text are determined.

Данное исследование направлено на выявление закономерностей использования зооцентрических обозначений человека, т.е. зоонимов [Завалишина, 1989; Миронова, 2000; 2001 и др.], в эпистолярном тексте. В качестве материала для исследования избраны письма классиков русской литературы XIX–XX веков: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, В.П. Астафьева.

Наиболее частотными зоонимами в нашем материале являются лексемы, обозначающие понятие «собака», а именно слова *собака, кобель, пёс, сука, щенок*. Зоонимический статус этих единиц закреплён в языке и отражён в толковом словаре. Так, слово *собака* может быть использовано при упоминании «о злом, жестоком, грубом человеке» или «о знающем, ловком, искусном в каком-л. деле человеке» [БТС, 2001, с. 1224]. Как видим, данная единица обладает амбивалентной эмоционально-оценочной коннотацией и может употребляться и «как бранное слово», и «при выражении одобрения, восхищения кем-л.» [Там же, с. 1224]. Слово *кобель* зафиксировано в словаре

с дополнительным значением «о похотливом мужчине» [Там же, с. 435]; одной из значений лексемы *нёс* – «о человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками» [Там же, с. 826]; слово *сука* может быть использовано при упоминании «о человеке, вызывающем своим поведением гнев, раздражение (обычно о женщине)» [Там же, с. 1288], а лексема *щенок* – «о молодом, неопытном в каком-л. деле человеке» [Там же, с. 1510]. Как видим, большинство рассматриваемых единиц обладает отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией, что подтверждает выводы исследователей о том, что в семной структуре зоонимов содержится оценка, причём в большинстве случаев отрицательная [Миронова, 2001, с. 198-199].

Однако в письмах зоонимы, связанные с понятием «собака», далеко не всегда реализуют оценочную коннотацию. Так, автор может использовать лексему *собака* для самохарактеристики: *Государь, если бы вы сделали это, позвали этих людей, дали им денег и услали их куда-нибудь в Америку и написали бы манифест с словами вверху: а я вам говорю, люби врагов своих, – не знаю, как другие, но я, плохой верноподданный, был бы собакой, рабом вашим* (Толстой, т. 18, с. 884-885); ... *сам я, покорный общему закону, изображаю уже из себя старую литературную собаку, смотрящую на стихоплетство свысока и с зевотой* [Чехов, т. 11, с. 804]. В первом примере посредством контекстного синонима актуализируется сема «преданность» (здесь и далее слова, конкретизирующие те или иные семы в значении зоонима, выделены жирным шрифтом), во втором определении «отсылает» к фразеологизму «морской волк», что позволяет автору достичь запланированного комического эффекта.

Ирония является отличительной чертой эпистолярного идиостиля А.П. Чехова, который даёт любимой женщине прозвище «собака», используемое обычно в функции обращения преимущественно в начале письма: *Собака Олька! Я приеду в первых числах мая* (Чехов, т. 12, с. 454) – или в его финале: *Умница моя, голубка, радость, собака, будь здорова и весела, господь с тобой* (Чехов, т. 12, с. 510). Отмечены также примеры языковой игры на уровне грамматики: обращение к адресату как к 3-му лицу: *Должно быть, во всяком случае в феврале я уже буду в Ялте, а в апреле – в мае у своей собаки. И потом из Москвы уедем куда-нибудь вместе* (Чехов, т. 12, с. 435-436).

Зооним *щенок* в нашем материале встречается только в письмах А.П. Чехова: *Ежов не воробей, а скорее (выражаясь на благородном языке охотников) он щенок, который еще не опсовел. Он еще только бегает и нюхает, бросается без разбора и на птиц и на лягушек* (Чехов, т. 11, с. 290). *И странное дело! Судебный хроникёр, описывая подсудимого, старается держаться общепринятого, приличного тона; господа же критики, продергивая нас, не разбойников и не воров, пускают в ход такие милые выражения, как шушера, щенки, мальчишки. Чем мы хуже подсудимых?* (Чехов, т. 11, с. 303). В первом примере автор письма лишь констатирует факт молодости и неопытности характеризуемого им субъекта, во втором высказывании лексема *щенок* употреблена в ряду контекстных синонимов, обладающих отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией, что

обуславливает актуализацию коннотативного компонента в значении зоонима.

Как положительные, так и отрицательные коннотации представлены реализациями в эпистолярном тексте лексемы *пёс*, ср.: *И Вы, пёс правды, такая славная, крупная собака, ищущая свободы, Вы принимаете себе то, что брошено свиньям! Стыдились бы! (Горький, т. 28, с. 198). – Критика приспособлялась к вождям и их учениям и высоким идеям, она вредна и виновата в том, что, развращая себя, развращала и нашего дорогого читателя, низвела его до сторожевого пса, которому что дадут пожрать, то он и жрёт...* (Астафьев, с. 434). В первом примере контекстуальный уточнитель актуализирует положительный эмоционально-оценочный компонент значения зоонима, в то время как в словаре отмечена негативная коннотация. Во втором примере, напротив, представленная в высказывании ситуация обуславливает появление у слова отрицательной коннотации несмотря на то, что в словаре номинация *сторожевой пес* (со значением «о человеке, тщательно защищающем интересы начальства» [БТС, 2001, с. 826]) не имеет коннотации.

В эпистолярной В.П. Астафьева данное значение, также с отрицательной коннотацией, реализуется и лексемой *кобель*: *И кто это всё охранял, глаза закрывал народу, стращал, сажал, учинял расправы? Кто такие эти ценные кобели? Какие у них погоны? Где они и у кого учились? И доучились, что не замечают, что кушают, отдыхают, живут отдельно от народа и считают это нормальным делом (Астафьев, с. 420). Данный зооним автор последовательно использует в значении «о человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками», которое в словаре даётся при слове *пес* [БТС, 2001, с. 826], ср.: *Давно мне хотелось чем-нибудь отблагодарить Вас за всё то, что Вы делаете для нас – литераторов, живущих в провинции, и в частности за себя: я-то ведь знаю, что не раз на меня налаживалась облава и Вы ее прихватывали в самом начале, не давая разогнаться «борзым кобелям» (Астафьев, с. 184).**

В письмах же XIX – начала XX века зооним *кобель* используется только в словарном значении, т.е. для обозначения похотливого мужчины, с негативной эмоционально-оценочной коннотацией: *В нем [кокете] толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая <тебе задницу>; есть чему радоваться! (Пушкин, т. 3, с. 184). Тот, кто жил с женщиной и любил ее, тот знает, что у этой женщины, рождающей в продолжение 10, 15 лет, бывает период, в котором она бывает подавлена трудом. <...> В этом-то периоде представьте себе женщину, подлежащую искушениям всей толпы неженатых кобелей, у которых нет магдалин... (Толстой, т. 18, с. 687). В современном нашем быте положение женщины всё еще не достойно ни ее, ни нас. Она продолжает быть игрушкой похоти двуногих кобелей (Горький, т. 30, с. 202).*

Лексема *сука* в эпистолярном наследии А.С. Пушкина используется для негативной характеристики неодушевленных объектов: *А вы, любезный*

Михайло Петрович, утешьтесь и, как говорит Тредьяковский, плюньте на суку «Северную пчелу» (Пушкин, т. 2, с. 72). В эпистолярной литературе других писателей XIX – начала XX века данное слово не представлено.

Лексемы *собака* и *сука* могут употребляться как бранные слова. Данный факт отмечен в словаре, однако в нашем материале данные слова используются только в письмах В.П. Астафьева, причём преимущественно по отношению к неодушевлённым предметам: *Роман я окончил. Чтобы его, собаку, делать, надо ба-альшее здоровье иметь. До осени пусть терпит* (Астафьев, с. 167). *Пригласили поехать в Чехословакию в начале октября, тоже встряхнуться, на людей посмотреть, а тем временем глава отлежится, и я ее, суку, додавлю.* (Астафьев, с. 227). Однако есть в эпистолярном наследии писателя и примеры употребления данной инвективы по отношению к человеку, не входящему в «личный круг» (термин Ю.Д. Апресяна) автора и адресата: *Он [читатель] в школе вызубрил две цитаты — «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно стыдно...» и «В человеке всё должно быть прекрасно...», а сам, сука, всю жизнь в казарме или на эсминце пил кровь из подчинённых, обогащал свою квартиру, наряжал в панбархат бабу-дуру или воровал с баз* (Астафьев, с. 256).

Употребление лексемы *собака* при выражении одобрения, восхищения кем-либо также отмечено только в письмах В.П. Астафьева: *Начал читать Залыгина «Солёную падь». Ну силён мужик! Так о гражданской войне еще никто не писал. Ну мастер, собака!* (Астафьев, с. 115).

В результате анализа употребления зоонимов в эпистолярном тексте можно сделать следующие выводы: 1) наряду с языковыми значениями и коннотациями, зафиксированными в словарях, в письмах могут актуализироваться иные значения и коннотации, «поддерживаемые» контекстным окружением лексем; в ряде случаев неузуальные значения представляют собой элементы эпистолярного идиостиля автора; 2) отбор зоонимов для выражения авторских интенций обусловлен как особенностями идиостиля автора письма, так и традициями эпохи, с которыми, в частности, связано отсутствие бранных слов, возникших на базе зоонимов *собака* и *сука*, в письмах XIX – начала XX веков (при достаточно частотном употреблении бранного выражения *сукин сын*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев, В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. – 2-е изд., доп. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 752 с.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.
3. Горький, М. Собрание сочинений [Текст]. В 30 т. – Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906 гг. – М.: Худож. лит., 1954. – 600 с.
4. Горький, М. Собрание сочинений [Текст] / М. Горький. В 30 т. – Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936 гг. – М.: Худож. лит., 1955. – 819 с.

5. Завалишина, Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Г. Завалишина. – Курск, 1989.
6. Миронова, И.В. Микросистема зооцентрических обозначений человека и его действий в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Миронова. – Тамбов, 2000.
7. Миронова, И.В. К вопросу о национально-культурных особенностях проявления антропоцентризма в зооцентрических обозначениях человека и его жизнедеятельности [Текст] / И.В. Миронова // Филология и культура: материалы III Междунар. науч. конф., 16–18 мая 2001 г.: в 3 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – Ч. 1. – С. 198-199.
8. Пушкин, А.С. Письма [Текст]: В 3 т. – Т. II. 1827–1831. – М.: Захаров, 2006. – 672 с.
9. Пушкин, А.С. Письма [Текст]: В 3 т. – Т. III. 1832–1837. – М.: Захаров, 2006. – 544 с.
10. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах [Текст]. В 20 книгах. – Том XVIII. Письма. 1842–1881 гг. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 305-912.
11. Чехов, А.П. Собрание сочинений [Текст]: В 12 т. – Т. 11. Письма 1877–1892. – М.: Гослитиздат, 1956. – 711 с.
12. Чехов, А.П. Собрание сочинений [Текст]: В 12 т. – Т. 12. Письма 1893–1904. – М.: Гослитиздат, 1957. – 868 с.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕКСТА: ПОЗИЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Т.В. Андрусенко

Оренбургский Государственный университет

*The article is consecrated to the physical characteristics of the French journalistic and belles-lettres texts. The correlation between the symmetry-
asymmetry and physical characteristics is studied.*

Учёные на протяжении многих десятилетий занимались проблемой текста. Они изучали механизмы его порождения и восприятия, исследуя его как феномен культуры, как отражение социальных особенностей при социолингвистическом подходе, как систему денотатов при когнитивном подходе. И только данные синергетики позволили рассматривать текст как живой объект, изучать его не только как некий статичный объект, но и в его развитии с момента возникновения в точке АбсН до финальной точки АбсК.

Цель статьи:

1) объяснить структурные изменения (колебания длины предложения) действием симметрии и асимметрии;

2) установить позиции, в которых наблюдается спокойное развитие структуры текста, а также определить участки, на которых в тексте манифестируются резкие трансформации.

Единицами исследования были выбраны длина предложения и словоформа.

Материалом исследования послужили 200 статей из французских журналов и газет: Label 2004 г., 2006 г., 2007 г., Figaro 2009 г., Point 2009 г., Paris match 2009 г., Monde 2009 г и 200 художественных текстов известных французских авторов 20-21 веков: А. Моруа, Ж. Перека, Н. Соррот, Г. Клезьо, Ж. Ренара, Б. Клавеля, Ж. Гесброна, Ф. Нурисье, Р. Ролана, А. Сент-Экзюпери и др.

Синергетика обогатила общую теорию текста универсальным правилом – законом Золотого сечения. Подобно всему живому текст как продукт мыслительной деятельности человека стремится к гармонии, которая связана с законом Золотого сечения. Согласно этому закону этапы пространственно-временного развития определяются коэффициентом золотого сечения равным 1,618, Москальчук Г.Г. называла их позициями.

Текст не является застывшей системой, он характеризуется саморегуляцией т.е. в тексте возможны резкие изменения в зонах с асимметричной тенденцией, за которыми следуют области, отличающиеся спокойным ритмом со стремлением к симметрии. В изучении энергетических процессов в тексте как одной из разновидностей самоорганизующихся систем лингвисты прибегают к данным, полученным синергетикой. Согласно Б.М. Гаспарову, симметрия выступает в системе средством, создающим равновесие в тексте, а асимметрия сопровождается выходом из состояния равновесия [Гаспаров, 1993, с. 285-303]. Абсолютная асимметрия в тексте не наблюдается.

Позиционный анализ позволяет показать симметричные-асимметричные тенденции в пространственно-временном формировании французского художественного и публицистического текстов (см. рис 1).

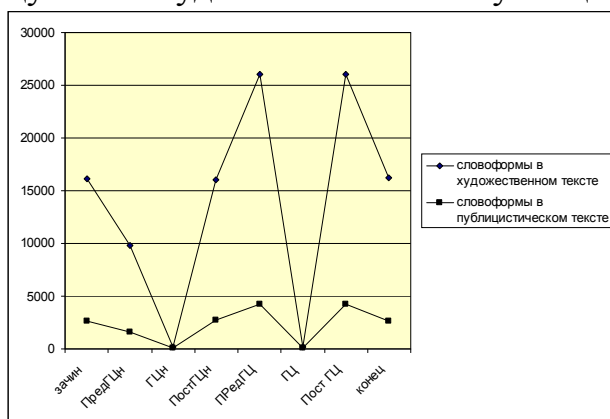

Рис.1 Динамика распределения французского художественного и публицистического текстов на отрезке пространства-времени.

Стремление к симметрии маркирует в текстах участки, которые дислоцируются вблизи двух точек: ГЦн и ГЦ, удаленные соответственно от начала текста на 0,236 и 0,618 доли текста.

Во французском публицистическом тексте на отрезках, занимающих интервал от 0,548 до 0,669 от общего объема текста (область ПредГЦ) зафиксирована гармонизация физических характеристик: стабилизация на

показателях длины предложения равной 24 словоформ. Подобная закономерность констатировалась на участке, расположенном 0,784 до 0,899 (область ПостГЦ). Синхронизация структуры наблюдается на участках расположенных зеркально относительно ГЦ, точки расположенной на 0,618 от начала текста. ГЦ выполняет в тексте стабилизирующую функцию: в тексте как синергетической системе происходит выравнивание физических параметров, поскольку отрезки, примыкающие к ГЦ (ПредГЦ и ПостГЦ), характеризуются стремлением к симметрии (см. рис.2).

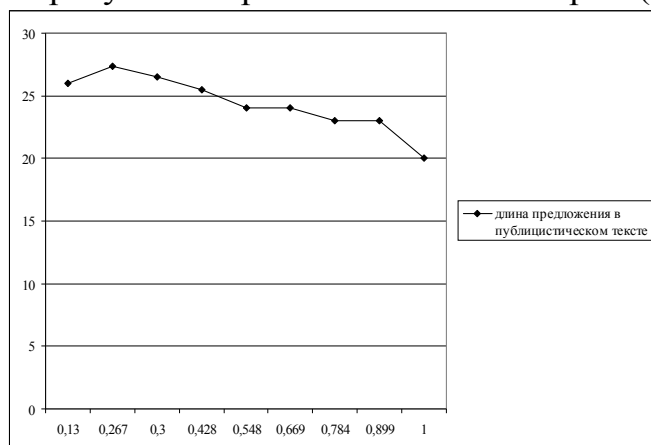

Рис. 2 Континуальность – дискретность инварианта публицистического текста

В пространстве художественного текста после прохождения АСП1 констатировалась гармонизация текстовой системы, что находит своё подтверждение в количественных характеристиках.

На участке, дислоцирующемся между точками 0,382 и 0,618 – область ПредГЦ, идёт постепенное уменьшение размера предложения на 0,623 словоформы, что способствует спокойному ритму пространственно-временного существования текста. Выравнивание структуры связано со стремлением текста к симметрии в зонах ПостГЦн и ПредГЦ. Особенно убедительным фактом становится почти полная синхронизация текста на промежутке от 0,592 до 0,615. Здесь длина предложения практически не меняется и равна соответственно 10,6 и 10,51 словоформам. Подобное явление имеет место в пространстве, расположенном между точками 0,637 и 0,689, в указанных интервалах длина предложения составляет 9,829 и 9,985 словоформам.

Синхронизация пространственно-временных характеристик манифестирует гармонизацию художественного текста в зонах, примыкающих к ГЦ. Гармонический центр располагается в точке, удалённой на 0,618 от начала текста. Это явление подтверждает действие правила золотого сечения – гармонизацию текста как природной системы в зоне ГЦ. Такая стабилизация приостанавливает поступательное движение текста, поскольку в связи с действием симметричных явлений количество новой информации сокращается (см. рис 3).

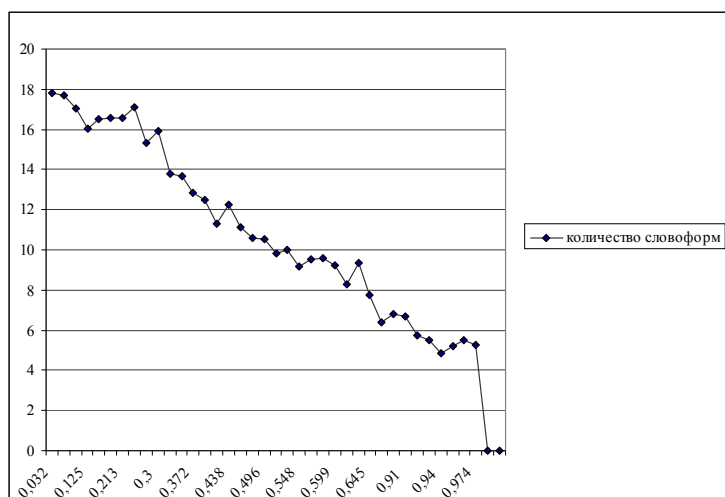

Рис.3 Континуальность-дискретность художественного текста

Благодаря симметрии возможно такое фундаментальное качество текста как целостность, структурная гармония.

Симметрия и соответственно структурный повтор увеличиваются по мере движения текста к своему логическому завершению – концу текста. Синхронизация структуры в интервале конца свидетельствует о меньшей информационной наполненности этой части текста. Текст как любой синергетический объект, приближаясь к своему концу, постепенно теряет свою жизненную энергию, на формальном уровне это проявляется в «выравнивании структуры, что подтверждает факт самоорганизации текста» [Москальчук, 2003, с. 48].

В области Конца в художественном французском тексте начинают преобладать симметричные характеристики, которые будут свойственны текстовой системе до ее завершения в точке АбсК. Зону Конца отличает ровный поступательный ритм, который приводит к постепенному сокращению длины предложения. Длина предложения в среднем укорачивается на 0,385 словоформы пока постепенно параметры не достигнут 0 в точке АбсК.

Французский художественный текст в своём развитии, приближаясь к слабым позициям: АСП1 и АСП2, дислоцирующимся на расстоянии 0,382 и 0,854 от начала текста, характеризуется стремлением к асимметрии с резкими структурными изменениями. Это наиболее информационно насыщенные отрезки текста. Следующий промежуток от 0,301 до 0,335 становится зоной бифуркации: разница достигла 1,805 словоформ. В точке 0,301 происходит резкая смена сценария развития текста – нарастающая дискретность сменяется противоположным процессом ростом континуальности, если в точке 0,263 длина предложения составляла 15,54, то в точке 0,301 этот параметр соответствовал 17,11 словоформ. Вышеупомянутый участок примыкает к точке АСП1, где преобладают асимметричные процессы.

Анализ физических параметров художественного текста на отрезке, занимающем позицию между 0,743 до 0,817 рядом с АСП2 (зона ПостГЦ), свидетельствует о резких скачках в пространственно-временном развитии текста. Данные позиционного анализа объясняют этот факт: зона ПостГЦ

маркируется асимметричной тенденцией, что и вызывает смену сценария текста.

Асимметрия, как правило, сопровождается структурными изменениями, которые верифицируются анализом физических характеристик: длины предложения. Зоны с асимметричной тенденцией дают толчок в формировании структуры текста.

На участке между точками 0,743 и 0,762 континуальность сокращается на 1 словоформу. Следующий промежуток: от 0,762 до 0,783 характеризуется обратным процессом – увеличением континуальности на 1 словоформу.

Вышеуказанные факты позволяют сделать следующие выводы:

В тексте как синергетической системе основополагающими категориями выступают симметрия и асимметрия. Симметрия способствует гармонизации структуры текста, которая манифестируется выравниванием физических параметров. Особенно ярко влияние симметрии проявляется на участках, примыкающих к ГЦ текста.

Асимметрия порождает различные структурные изменения, что способствует пространственно-временной эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров, Б.М. Структура текста и культурный контекст [Текст] / Б.М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. – М. : Наука, 1993. – С. 275-303.
2. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс [Текст] / Г.Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕДВЫБОРНОГО ТЕКСТА

О.К. Андрющенко

Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан)

The article considers author's image as the most important genre-forming feature of the text from the point of view of gender linguistics, linguistics markers of pre-election texts are analyzed from the point of view of the sexual character of an author.

Исследование языка человека по его половому признаку составляют в исследовательской «копилке» современного языкознания значительное количество. Суть данных работ сводится к выявлению влияния на речь человека его гендерных особенностей. По мнению исследователей, у мужчин и женщин вырабатываются разные мотивы поведения, разные стратегии и тактики общения. Речевое поведение мужчин, как правило, нацелено на достижение и сохранение независимости и высокого статуса. От женщин общество ожидает неконфликтности, уступчивости, эмоциональности [Кириллина, Томская, 2005]. Данное положение имеет большой интерес в аспекте гендерной лингвистики вообще, мы же ограничимся некоторыми замечаниями в ключе рассмотрения образа автора. Образ автора – важнейшая текстовая категория, которая, по мнению Т.В. Шмелевой, «проявляется в речевых жанрах в таких параметрах, как полномочия, авторитет, информированность, заинтересованность <...>. Образ автора – это обязательный компонент смысловой структуры речевого жанра, он

конструируется автором, «разыгрывается» им в соответствии с его правилами и мастерством» [Шмелева, 1995, с. 26].

На наш взгляд, интерес для анализа представляет один из важнейших жанров предвыборного дискурса – листовка, которая как жанр предвыборной агитации функционирует только в ситуации выборов и диктует читателю его поведение: необходимость сходить на избирательный участок и проголосовать за данного кандидата (это содержание и представляет *диктум*). Она отражает суть предвыборной агитации. Поэтому коммуникативную цель листовки можно определить как формирование представления о кандидате. Однако в силу своей сложной структуры определить интенцию листовки гораздо сложнее: необходимо учитывать весь спектр интенций и интенциональных значений. Ведущая интенция листовки как жанра – обещание воплотить в жизнь предвыборную программу. Обещание же обосновывается в первую очередь имиджем политика. В связи с ситуацией обещания прагматическая направленность текста листовки определяет выбор тем, а также соотношение языковых средств, предметов действительности.

Образ автора собирается из сведений, содержащихся в тексте листовки. Так как протекает данный коммуникативный акт в неканонической речевой ситуации, мы не имеем представления об адресанте, поэтому естественно рассматривать биографический блок листовки, извлекая из него информацию о кандидате.

Являясь обязательным структурным компонентом листовки, биография кандидата представляет его образ, делает его узнаваемым. Основная проблема, с которой сталкиваются политики при выборах, – как в потоке информации и большого количества соперников завоевать внимание электората, выделить свою кандидатуру. Избиратели должны узнать кандидата, прежде чем можно ожидать, что у них сложится представление о данном кандидате или у них будет определённое отношение к нему.

Изучив материалы листовок, мы пришли к выводу о влиянии образа автора на способ подачи материала в листовке, на использование языковых средств, а также на выбор адресата. В частности, это проявляется в различии листовок кандидатов-мужчин и кандидатов-женщин. Объём статьи не позволяет рассмотреть весь спектр языковых маркеров создания образа автора по гендерному критерию, ограничимся перечислением наиболее часто встречающихся признаков.

Во-первых, в листовках, где автором выступает женщина (А), наблюдается большая эмоциональность и экспрессивность подачи материала, в частности, биографический рассказ представляет художественную форму, в мужском тексте преобладает хронологическое повествование.

Во-вторых, в листовках автора-женщины большое внимание уделяется защите детей, материнства, благоустройству города и духовному развитию. В листовках авторов-мужчин (В) наряду с вышеперечисленными культивируются проблемы безработицы, экономики, борьба с коррупцией, развитие предпринимательства и т.п.

А) «1) Утверждать словом и делом мир и согласие между народами, право на жизнь в экологически чистом пространстве. 2) Лоббировать интересы пенсионеров, малообеспеченных семей, женщин и детей. 3) Добиваться увеличения количества грантов на бесплатное среднее специальное и высшее образование для детей из малообеспеченных семей и детей с ограниченными возможностями. 4) Содействовать открытию депутатами общественных приёмных по защите прав детей, подростков и молодежи в Павлодаре. 5) Содействовать разработке и внедрению программ благоустройства отдалённых от центра города микрорайонов. 6) способствовать формированию гражданской культуры населения. 7) содействовать реализации программ по профилактике заболеваний и оздоровления населения» (Из предвыборной листовки З.Д. Багненко).

В) «Политика и экономика: усиления контроля над законностью расходования бюджетных средств по социально значимым программам, содействие развитию малого и среднего бизнеса, привлечение бюджетных инвестиции для проведения капитального ремонта, благоустройства внутриквартальных территорий.

Закон и правопорядок: искоренение чиновничьего бюрократизма, ужесточение мер в борьбе с преступностью, контроль над деятельностью КСК.

Социальная сфера: открытие льготных аптечных пунктов для пенсионеров, привлечение бюджетных инвестиций на пособия хронически больным пенсионерам, создание социального центра для ветеранов, социально незащищённых граждан» (Из предвыборной программы С.В. Бабенко).

В-третьих, наиболее часто в листовках мужчин содержится ссылка на авторитет, в женских – на личный опыт, а также апелляция к материнству, в связи с чем данными авторами используются различные стратегии и тактики воздействия на читательскую аудиторию:

• «Владимир Бобров, депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан 3-го созыва: «Политика нашего лидера Н.А. Назарбаева позволила казахстанской молодежи не только получать качественное образование, учиться за рубежом, но и участвовать в политике и управлении государством. Яркий пример – Теренченко Илья, ему сейчас 23 года, а он уже активно участвует в деятельности городского филиала партии «Нур Отан», является кандидатом в депутаты городского маслихата. Я могу с уверенностью сказать, что Теренченко Илье можно доверять, своё слово он держит, обещания выполняет» (Из предвыборной листовки И. Теренченко).

• «Как мать двоих детей, я хорошо знакома с проблемами детей и юношества. Думаю, меня поддержат все родители в том, что необходимо добиваться увеличения количества детских дошкольных заведений, улучшения качества преподавания в школах и средних специальных учебных заведениях. <...> Меня, как медработника, очень беспокоит антисанитарное состояние наших дворов и подъездов. Думаю, что названные мною проблемы волнуют не только меня, и вы, уважаемые

избиратели, поддержите мою кандидатуру на выборах 18 сентября. Я в свою очередь, обещаю приложить все усилия, чтобы оправдать ваше доверие» (Из предвыборной листовки К.К. Сейсембековой).

По результатам проведения сравнительного анализа листовок по гендерному критерию мы пришли к выводу о незначительных отличиях предвыборных текстов авторов-мужчин и авторов-женщин в содержательном плане. Во-первых, на наш взгляд, нельзя делать веских выводов по гендерным отличиям листовок в силу непропорционального количества представленных кандидатов (из 506 кандидатов, зарегистрированных по Павлодарской области, лишь 115 женщин, которые, однако, в своих листовках политический план видят и представляют по-своему). Во-вторых, активный интерес женщин к политике предопределил знакомство с существующей обстановкой, с проблемами, на которых необходимо заострить внимание. В-третьих, культивирование проблем, «наболевших» вопросов в реальной жизни и средствах массовой информации не могло не сказаться на актуализации таких тем в предвыборных программах кандидатов обоего пола. В целом, авторы листовок, независимо от половой принадлежности, стараются в предвыборных программах затронуть интересы различной аудитории в целях максимального привлечения голосов на свою сторону. Различия касаются в использовании авторами языковых средств выражения таких, как оценочная лексика, метатексты, художественные биографии, стратегии и тактики, апеллирующие к материнству, защите прав матери и ребенка и т.п.

Таким образом, реализуя интенцию позиционирования кандидатом своих нравственных качеств, профессиональной ценности и политических возможностей биографический блок является неотъемлемым важным структурным элементом листовки. Предваряя блок предвыборной программы, рассказ о кандидате является прагматически релевантным: кандидату необходимо представить себя как человека слова и дела, человека, которому можно доверять, независимо от его полового признака. Сквозь призму представленной информации о кандидате, читатель воссоздаёт образ автора, что непосредственно влияет на установление контакта между адресантом и адресатом, формирование к нему доверия последних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллина, А.В. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс]/ А.В. Кириллина, М.В. Томская // Отечественные записки, 2005, №2 – <http://magazines.russ.ru/oz/2005/2>
2. Шмелева, Т.В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления [Текст]/ Т.В. Шмелева // Collegium. Киев, 1995. №1-2. - С.20-32.

ПРИРОДООПИСАНИЕ В АРТУРОВСКИХ РОМАНАХ МЭРИ СТЮАРТ

А.Б. Анисимов
Якутский государственный университет

This article considers the description of landscape and scenery in the Arthurian novels of an English writer, Mary Stewart. First of all, the description of landscape and scenery is a means of indirect portrayal of inner state of the characters.

Английская писательница Мэри Стюарт в 1970–1990-х годах написала пять романов («Кристалльный грот» 1970, «Полые холмы» 1973, «Последнее волшебство» 1979, «День гнева» 1983, «Принц и паломница» 1995), объединённых общим замыслом и изображающих Британию V-VI веков, и где главными героями выступают персонажи артуровских легенд. Пенталогия М.Стюарт – одна из самых прославленных Артуриан XX века.

В предлагаемой статье рассматривается описание природы и окружающего мира в романах М.Стюарт. Тут писательница имеет мало равных себе среди своих современников.

Следует заметить, что пейзаж выступает значимым компонентом структуры повествования. В художественной литературе он оказывает сильнейшее эмоциональное воздействие. В.А. Кухаренко говорит о том, что картины природы выражают состояние души художника, «через них человек передаёт своё мироощущение, свою философию жизни» [Кухаренко, 1988, с. 138]. Таким образом, через картины природы в инокультурной литературе читатель не только глубже вникает в переживания героев и ощущает состояние души автора, но и постигает мир иного национально-культурного сообщества.

В романах пенталогии мы сталкиваемся не с традиционным природописанием, роль которого сводится к созданию общего фона и обозначению пространственно-временных координат действия. Пейзажистика М.Стюарт является, прежде всего, средством косвенного изображения внутреннего состояния героя, перемен в его чувствах и настроениях.

Эта характерологическая функция пейзажа складывается из двух качественных типов связи картины природы с настроением героя. В одном случае природа выступает как контрастная стихия по отношению к состоянию человека. Так, в романе «День гнева» пейзажная заставка наглядно показывает несоответствие благоухания цветов в прекрасный летний день и сложной внутренней борьбы, происходящей в Мордредде перед предстоящей беседой с Моргаузой: «... *a thrush sang somewhere among the apple trees. The sun was still warm, and the place full of the scent of apple blossom and primroses and the yellow wallflowers beside the path*» [Stewart, 1983, p. 204].

В другом случае возникает ситуация эмоционально-образного параллелизма, или соответствия состояния природы и настроения человека. Отметим, что в романах М.Стюарт по большей части встречаются именно такие примеры. Например, в «Полых холмах» радостно возвращающегося обратно в свою пещеру Мерлина встречает весенняя расцветающая природа, полная покоя и умиротворения: «*The grass was still bleached with winter, but among the rusty drifts of last year's bracken the bluebell leaves showed glossy*

green, and blackthorn was budding. Somewhere, lambs were crying. That, and the mewling of a buzzard high over the crags, and the rustle of the dead bracken where my tired horse trod, were all the sounds in the valley. I was home, to the solace of simplicity and quiet» [Stewart, 1973, p. 25]. Как видим, природа в данном отрывке, являясь неотъемлемой частью повествования, существует не просто сама по себе и ради самой себя, но и символизирует радость и возвышенное состояние души Мерлина. Отметим, что символ весны универсален, устойчив и вполне доступен для понимания реципиента любого национально-культурного сообщества, и интерпретируется как обновление, восстановление и развитие.

Очень похожую по содержанию и стилю зарисовку находим в романе «Последнее волшебство». Так, радостно направляющихся в Инис Витрин по приглашению короля Мельваса, Мерлина и Артура со свитой сопровождает прекрасное описание природы: «*Poplars whitened in the wayward gusts, and the willows dipped, trailing, in the shallows. Islets and willow-groves and tracts of marshland lay seemingly afloat on the silver surface, their images blurred with the breeze»* [Stewart, 1979, p. 228]. Данное описание символизирует внутреннюю гармонию и душевную цельность главных героев. Или вот описание осеннего ландшафта в Корнуолле, куда несколько месяцев спустя Мерлин приезжает по зову королевы, ожидающей рождения ребенка. «*Around and above us the dense hangers of oak and beech were turning yellow, and acorns crunched among the dead leaves where the horses trod. Nuts ripened in the thickets; the willows trailed amber leaves in the tugging shallows; and wherever the bright sun splashed through the boughs it shimmered on the spiders' webs of autumn furred and glittering, sagging deep with dew»* [Stewart, 1973, p. 61]. В душе у Мерлина царит полный покой, и вся картина природы говорит о свершении и проникнута теплом и добротой.

Вот другой эпизод, когда Мерлин, едва оправившись от ран, полученных в замке, идет проститься с герцогом Горлойсом. Описание этого места и вообще сама сцена прощания – один из наиболее показательных образцов мастерства писательницы. Отметим, что М.Стюарт показывает себя мастером детали суггестивной, подсказывающей, нежели непосредственно раскрывающей тот или иной образ. Здесь каждая строчка насыщена ими и передаёт грустное настроение героя и зловещую атмосферу этой ночи. «*The place was cold, silent but for the sounds of wind and sea. The wind had changed and now blew the north-west, bringing with it the chill and promise of rain...»* [Stewart, 1973, p. 21]. Все здесь говорит о владычестве смерти.

Чувство печали и отчаяния, охватившее Бедуира и Кея из-за исчезновения Гвиневеры в романе «Последнее волшебство», созвучно мрачному описанию природы: «*In spite of the rain ... it was not easy to pick a quick and safe route across the tract of water-logged land ... On the bank, a short way along from the oak stump, lay a pile of sodden debris running with water, which glinted in the torchlight»* [Stewart, 1979, p. 260].

Скитания Мерлина, когда он без одежды и пищи в беспомощности бродит по Каледонскому лесу, сопровождаются описанием холодного зимнего леса:

«... *The silent, whirling air, warm after the frost of the forest receding into mist, into dimness, breaking into whirling flakes of white and grey, and then a blinding, silent cold ...*» [Stewart, 1979, p. 206]. Здесь лес символизирует дикий, непредсказуемо враждебный мир за пределами гармоничного королевства Артура.

Очень примечательно описание зимней бухты у замка Тинтагел, когда Мерлин готовится увезти только что родившегося Артура в далекую Бретань, чтобы спрятать там от врагов короля. На душе у него смутно и тревожно. И та же тревога в природе вокруг замка, который он должен покинуть: «*From below, incessantly, came the suck and hush and thud of the winter sea... The air was cold, and below me the grass, grey with rime, was barely distinguishable in the thick mist... And every midnight, before I slept, I went out into the icy dark and looked upwards for the stars. But there was only the blank pall of the mist*» [Stewart, 1973, p. 129-130]. Здесь писательница показывает себя также мастером символической детали. Туман в данной заставке предстает перед мысленным взором читателя не только как неотъемлемая и неприятная особенность британской погоды, но и в качестве художественной детали, являющейся составным элементом в процессе реализации концептуально-эстетической информации повествования. Здесь мотив «тумана» работает на передачу атмосферы, исполненной тревоги и напряжения. Дж. Тресиддер указывает, что туман традиционно символизирует «неопределённость, прелюдию к откровению или появлению новых форм...» [Тресиддер, 2001, с. 380]. Необходимо отметить, что в пейзажных зарисовках М. Стюарт туман вообще встречается довольно часто.

В соответствии с эпической сущностью романа описания природы и обстановки действия иногда у Стюарт выполняют функцию, близкую к роли знаменательных провозвестий. Например, мотив бушующего моря связан с гибелью героев. Так, в романе «День гнева» при отплытии Артура из Малой Британии обратно в своё королевство даётся описание бурного моря, оглашенного жутковатыми криками чаек. «*The king set sail at last on a cloudy day with white spume blowing back from the wave-tops and the far sky leaning low over the heaving grey... Though the wind had changed its quarter at last, sea and sky alike still seemed to conspire against Arthur... A gloomy, driving sea, without glitter, without light, heaved northward in the sudden turn of the wind*» [Stewart, 1983, p. 410-411]. Динамичное описание ненастья и бушующей стихии соответствует быстрому темпу развития дальнейших событий и служит трагическим предзнаменованием приближения последнего дня для Артура и Мордреда – «дня гнева». Или в последнем романе пенталогии, «Принц и паломница», тот же образ «бушующего моря» создаёт пейзажное «предупреждение» гибели принца Бодуина, отца Александра-Сироты. «*Though the sea was half a mile or so away, the sound of waves could be heard all night, as they washed and boomed among the hollows of the rocky coast*» [Stewart, 1995, p. 17].

Темные чащи непроходимых лесов и топкие болота, которые встречаются Мерлину в романе «Полые холмы» во время его странствий,

окрашивают повествование в суровые тона. «*We were still in the marsh; water gleamed on either hand, islanded with blackness... Here and there, sticking up black out of the bog, was the stripped skeleton of a tree. It was a strange, dead-looking landscape, and smelling of death*» [Stewart, 1973, p. 91-92]. Мрачные зарисовки болот определяют общий пессимистический тон повествования. Рассказчик, коим выступает в романе Мерлин, с тоской и страхом смотрит на окружающий его пейзаж, столь неутешительный и тревожный в свете происходящих в настоящем и вызревающих в будущем событий. Описание болот в этой зарисовке несет значительную смысловую нагрузку, тесно переплетённую с сюжетом романа «Полые холмы». Болота, существующие как часть пейзажа, являются символом предстоящих трудностей.

С помощью пейзажа также создаётся определённая «тональность» образа героев. Так, описывая окрестности замка доброго и преданного графа Эктора в Галаве, где по замыслу Мерлина Артур «будет расти ... в безопасности, и притом на свободе, как дикий олень», М.Стюарт передаёт картину, полную покоя и умиротворения. «*Trees grew near it, now rich with autumn, and there were boats out and men fishing where the river flowed deep and still through its sedgy flatlands. The green meadows at the waters' head were full of cattle ...*» [Stewart, 1973, p. 116].

Примеры можно было бы множить, но мастерство М. Стюарт настолько очевидно, что едва ли это необходимо. Мы можем не раз остановиться на ее удивительных описаниях и перечитать не одну из таких страниц.

М. Стюарт, пожалуй, не имеет сегодня себе равных в передаче жизни природы, определяющей настроения людей, то печальной и насыщенной лиризма, то яркой и красочной. М.Стюарт редко прибегает к сухой и однообразной передаче обстановки, в которой происходит действие, и ее умение схватить и передать настроение природы определяет прелесть ее стиля. В ее романах природа живет своей жизнью, и вместе с тем, ее нельзя отделить от жизни изображаемых людей. Мастерство Мэри Стюарт в изображении жизни природы, порой изменчивой и многообразной, достигает совершенства особенно в романе «Полые холмы». Ландшафты, насыщенные тем или другим настроением, богаты красками и оттенками. Вся гамма перемен, происходящих в разные времена года, помогает писательнице глубже проникать в душевный мир ее героев. Великолепные пейзажные зарисовки в ходе повествования передают колорит английской природы, делая произведения особенно привлекательными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста [Текст]/ В.А. Кухаренко. М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
2. Трессиддер, Д. Словарь символов [Текст]/ Д. Трессиддер / Пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.
3. Stewart, M. The Crystal Cave [Текст]/ M. Stewart. N.Y.: Morrow, 1970. – 521 p.
4. Stewart, M. The Hollow Hills [Текст]/ M. Stewart. L., N.Y.: Morrow, 1973. – 499 p.

5. Stewart, M. The Last Enchantment [Текст]/ M. Stewart. L., N.Y.: Morrow, 1979. – 448 p.

6. Stewart, M. The Wicked Day [Текст]/ M. Stewart. L., N.Y.: Morrow, 1983. – 350 p.

7. Stewart, M. The Prince and the Pilgrim [Текст]/ M. Stewart. L.: Hodder and Stoughton, 1995. – 321 p.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.В. Антонова

Стерлитамакская государственная педагогическая академия

The problem of discourse is discussed in this article. The present paper is aimed at exposing different viewpoints and interpretations of discourse: social-pragmatic, communicative, cognitive, cultural.

Принцип зависимости организации языка от его употребления и осуществления особого рода деятельности – межличностного общения – приобретает все большее значение. Термин дискурс в современной лингвистике используется для исследования и описания явлений, относящихся к речи. В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» дискурс определяется как многозначный термин, употребляемый рядом авторов в значениях почти омонимичных:

1. связанный текст,
2. устно-разговорная форма текста,
3. диалог,
4. группа высказываний, связанных между собой по смыслу,
5. речевое произведение, как данность – письменная или устная»

[Николаева, 1978, с. 467-468].

Как справедливо замечает Е.С. Кубрякова, большую роль в становлении понятия *дискурс* сыграло критическое отношение к жесткому противопоставлению знания языка (competence) его использованию (performance) [Кубрякова, 2000]. Работы прагматического толка продемонстрировали условность границ между знанием и владением языком. Н.В. Васильева определяет дискурс как «речевое произведение, рассматриваемое во всей полноте своего выражения (...) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия» [Васильева, 1995, с. 34]. Дискурс, подчеркивает И.П. Сусов, – это «текст, погруженный в контекст языкового общения и взаимодействия» [Сусов, 1988, с. 7]. Ю.Е. Прохоров считает, что дискурс обеспечивает «содержательно-речевую основу (собственно вербальную – и обычно с невербальным компонентом) взаимодействия участников коммуникации», выделяя в ее структуре также действительность ситуации общения и текст, обеспечивающий содержательно-языковую основу реальной коммуникации [Прохоров, 2004, с. 34]. Н.Ф. Алефиренко, описывая дискурс как коммуникативное событие, отмечает, что дискурс – это сплав языковой

формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации [Алефиренко, 2002, с. 101-102]. М. Хэллидей определяет дискурс как текст, функционирующий в контекстах ситуации и культуры. При этом контекст, по словам М. Хэллидея, проявляется в тексте через системную взаимосвязь между социальным окружением, с одной стороны, и функциональной организацией языка — с другой [Приводится по: Макаров, 2003, с. 195].

По мнению М.Л. Макарова, дискурс воспроизводит социальные институты, культурные схемы, системы ценностей социума [Макаров, 2003, с. 41]. Другими словами, дискурс является и лингвокультурным образованием, неся на себе печать генерирующего его лингво-культурного кода, определяемый С.В. Ивановой как «система культурно-языковых соответствий, обслуживающих коммуникативные нужды членов лингвокультурного сообщества (далее: ЛСК)» [Иванова, 2003, с. 22]. Это означает, что дискурс отмечен культурологической маркированностью (детерминированностью в выборе языковых средств). В тексте, являющимся своеобразной проекцией культурного пространства, реализуются имеющиеся в ЛСК установки и требования к созданию речевого продукта. Социально-культурные установки общества отражаются в выборе лексического наполнения текстов. Такой текст представляет интерес с точки зрения возможности осуществления лингвокультурологического анализа не только структурного и содержательного аспектов, но и языковой составляющей, а также прагматической стороны текста [Иванова, 2008, с. 29].

Нельзя не согласиться с утверждением Е.С. Кубряковой, что исследователи, изучая различные типы существования дискурса, по сути, изучают тексты, но сами тексты при этом начинают трактоваться как источники сведений, выходящих за пределы собственно языкового их содержания, и предстают как источники данных об особых ментальных мирах. Для восприятия текстов нужно «погружение» в этот особый ментальный мир, для чего адресаты речи либо должны извлечь из своей памяти нечто об особенностях такого «возможного мира», либо отчасти строить его по мере ознакомления с поступающим к нему речевым потоком. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «по своей сути дискурс – явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода, с созданием новых знаний» [Кубрякова, 2000, с. 23]. Таким образом, понятие дискурса обогащается за счет рассмотрения его связей с концептами и ментальными категориями. Соответственно, в рамках когнитивного подхода дискурс понимается как способ организации информации (как языковой, так и внеязыковой) в вербальной форме текста для обмена и передачи информации на основе концептуальных представлений пользователя языка. Для его понимания используется только маркированная информация, непосредственно относящаяся к определённой области знания [Кубрякова, 2000].

Дискурсивный анализ представляется как анализ текстов, но только текстов, взятых в особых качествах и свойствах, что позволит, раскрывая сущность дискурса, не смешивать дискурс и текст, и не подменять одно

другим. Дискурс анализируется, прежде всего, по мере поступления к адресату, он сам выбирает манеру речевого общения, принимая или отвергая принятый в данном ЛКС дискурс. В нашем исследовании мы исходили из определения, предложенного Г.Н. Манаенко: «дискурс – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [Манаенко, 2007, с. 36-37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – С. 101-102.
2. Васильева, Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов [Текст] / Н.В. Васильева. – М. : Рус. яз., 1995. – 175 с.
3. Иванова, С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц [Текст]: автореферат дис. ... доктора филол. наук / С.В. Иванова. – Уфа, 2003. – 41 с.
4. Иванова, С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии [Текст] / С.В. Иванова // Политическая лингвистика. – Вып. 1 (24). – Екатеринбург, 2008. – С. 29-33.
5. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике [Текст] / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность : Функциональные и структурные аспекты : Сб. обзоров / ИНИОН РАН. – М., 2000. – С. 23-37 .
6. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
7. Манаенко, Г.Н. Дискурс и его составляющие [Текст] / Г.Н. Манаенко // Язык. Дискурс. Текст: Материалы III международной научной конференции. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2007. – С. 35-37.
8. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста [Текст] / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 467-472.
9. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] : учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
10. Сусов, И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система [Текст] / И.П. Сусов // Языковое общение : Процессы и единицы. – Калинин : Арсенал, 1988.

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЧУЖИХ РЕЧЕНИЙ В ТЕКСТОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ РАССКАЗОВ Ф. ФИЦДЖЕРАЛЬДА

М.В. Архипова
Челябинский государственный университет

The present study is devoted to an attempt to investigate the concept of speech representation in literary studies. The different forms of reported discourse are distinguished and analyzed on the basis of narratology.

Термин «текстовая интерференция» восходит к понятию В. Волошинова «речевая интерференция», который предполагает «интонационную» разнонаправленность одного и того же слова, восходящего одновременно к речи автора-рассказчика и речи героя [Волошинов, 1929].

В нарратологических исследованиях В. Шмида термин «текстовая интерференция» определяет гибридное смещение текста персонажа и собственно повествования, где в одном и том же отрывке повествовательного текста одни признаки отсылают к тексту нарратора, другие – к тексту персонажа, создавая эффект сосуществования этих текстов. Согласно В. Шмиду, повествовательный текст слагается из двух текстов: текста нарратора и текста персонажей, при этом текст персонажей или так называемые чужие речения подчинены тексту нарратора и фигурируют как цитата внутри него. Довольно часто происходит текстовая интерференция [Шмид, 2003]. Самые распространённые формы интерференции – косвенная речь и несобственно-прямая речь. В косвенной речи на нарратора указывает употребление третьего лица и особой синтаксической конструкции. В несобственно-прямой речи к нарратору отсылает только лицо. Способом передачи чистого текста персонажа является прямая речь. У каждой формы есть наиболее характерные для неё конструкции, но в каждой форме могут встречаться все типы включения в текст чужой речи.

Для анализа нами выбраны короткие рассказы Ф. Фицджеральда, составляющие золотой фонд американской литературы. Из 18 рассказов, общим объёмом 275 страниц, только в двух присутствует нарратор от первого лица. В остальных рассказах наррация осуществляется автором от третьего лица и лишь в одном – от первого лица («10 лет в рекламном бизнесе»). В рассказе «Дорогой и любимый» наррация одноголосая (авторская), тогда как 17 рассказов характеризуются многоголосой наррацией, то есть авторской и персонажной (чаще всего голоса двух главных героев). Повествовательная нить отличается своей неоднородностью: авторский монологический и персонажный диалогический субдискурсы, субдискурсы внутренней речи, которые осуществляются в формах внутренней персонажной речи или внутренней авторско-персонажной несобственно-прямой речи (14 рассказов). Таким образом, субдискурсы персонажей писатель выстраивает с помощью всех видов чужой речи: прямой речи, авторской речи, внутренней речи и внутренней несобственно-прямой речи, что свидетельствует о мастерстве художника в написании психологических портретов своих героев.

Персонажи Ф. Фицджеральда живут и размышляют, как правило, в одном времени, настоящем. Только в трёх рассказах парадигматический субдискурс времени включает ретроспекцию, то есть взгляд в прошлое. Но антиципация, взгляд в будущее, в рассказах Ф. Фицджеральда не встречается.

В рассказе «The Ice Palace» («Ледяной дворец») писатель противопоставляет два разных мира: Север и Юг, показывает драматические последствия уничтожения старых, добрых традиций Юга новым урбанизированным, жестким предпринимательским Севером. Признаками текстовой интерференции этого произведения можно обозначить мотивно-образный парадигматический субдискурс, раздвигающий рамки субдискурса временно-пространственной перспективы. Главная героиня Салли Кэррол Хэппер, побывав в семье своего жениха в одном северном городе, вновь возвращается в родной Тарлтон, самый южный город штата Джорджия. Время ее путешествия – зима, а сюжет рассказа начинается в сентябре и заканчивается в апреле. Фицджеральд образно изображает поездку на Север именно зимой, а начало и конец рассказа, где героиня у себя дома, где ей тепло и уютно – осенью и весной. Положительные и отрицательные коннотации можно проследить в действиях героини через изображение времён года. Таким образом, переплетение парадигматического субдискурса писателя и субдискурса временно-пространственной перспективы свидетельствует о текстовой интерференции присутствующей в художественном стиле Ф.Фицджеральда.

В рассказе «Babylon Revisited» («Опять Вавилон») Ф. Фицджеральд повествует о человеке, который потерял все во время экономического «бума». Главный герой Чарли, удачный биржевой маклер, ведёт «рассеянный образ жизни»: пускается в пьянство и разгул, попадает в лечебницу, у него забирают ребенка, и умирает жена. Но через несколько лет он находит работу, устраивает свою жизнь и возвращается в Париж к дочери. Париж, как и раньше, предстает перед ним Вавилоном, большим городом полным соблазнов. Теперь Чарли – разумный человек, который ценит заработанные деньги и тёплые семейные узы. Он заходит в бар отеля «Риц», где все осталось по-прежнему: те же посетители, только их стало немного меньше: *“Nothing affects them”, he thought. “Stocks rise and fall, people loaf or work, but they go on forever”* [Fitzgerald, 1979, p. 233].

Простые предложения выражают удивление героя в неизменном поведении людей, на которых ничто и никто не может повлиять, даже время. Они подвластны только своим неизменным желаниям.

Чарли становится мучительно больно за утраченные годы, за потерю личности в самом себе: *As they rolled on the Left Bank and he felt its sudden provincialism, he thought, “I spoiled this city for myself. I didn’t realize it, but the days came along one after another, and then two years were gone, and everything was gone, and I was gone”* [Fitzgerald, 1979, p. 234].

Страдательный залог в предложениях указывает на пассивное отношение главного героя к обстоятельствам, одержавшим над ним верх. Трагичность потерянной личности подчеркивается повтором – эпифорой с параллельной конструкцией.

Высокая эмоциональная напряжённость Чарли, сопротивление духовного начала с прошлым аморальным образом жизни ярко выражено в

сниженно-разговорной лексике следующей внутренней репликации: “*You have to be damn drunk*”, he thought [Fitzgerald, 1979, p. 236].

Вышеперечисленные репликации оформлены внутренней персонажной речью, явственно вычлняясь из повествовательного окружения скобками и вводящей авторской ремаркой, занимающей разные положения: постпозиции, интерпозиции и препозиции. Последующие репликации внутренней речи совмещают авторскую и персонажную точки зрения, не выделяясь в прямую речь, но образуя отдельные абзацы вместе с ремарками, демонстрируя текстовую интерференцию рассказа: *Keep your temper, he told himself. You don't want to be justified. You want Honoria* [Fitzgerald, 1979, p. 242].

В использовании личного местоимения «you» и притяжательного местоимения «your» прослеживается авторский совет герою. Четкие, простые, ритмически организованные предложения репликации успокаивают Чарли, сдерживая его от неправильного шага. Варьированный повтор слова «want» напоминает персонажу о цели своего визита, о его желании вернуть дочь. Следующая репликация гармонично вплетается в диалогический субдискурс персонажей:

... *Charlie said: “... I'm going to take a French governess to Prague with me. I've got a lease on a new apartment – ”*

He stopped, realizing that he was blundering. They couldn't be expected to accept with equanimity the fact that his income was again twice as their own.

“I suppose you can give her more luxuries than we can,” said Marion... [Fitzgerald, 1979, p. 244].

Чарли обрывает реплику внешнего диалога, вовремя осознав, что даже после банкротства его доход на много больше семьи опекунов дочери. Такие мысли возникают и остаются в сознании героя, вербально не выражаясь. Внутренняя репликация беззвучно завершает мысль произнесённой диалогической реплики. Здесь появляется авторская речь плавно, переходящая в чужое слово, выраженное сложноподчинённым предложением со сравнительной конструкцией, объясняющей причину. Последующая диалогическая реплика, принадлежащая другому персонажу – Мэрион, является ответом на внешнее высказывание Чарли. Она пронизана злостью и завистью о бесцельно растратенном богатстве своего зятя и о финансовой беспомощности своей семьи.

Повествование завершается текстовой интерференцией, сплетающей воедино авторскую и чужую речь в форме внутренней репликации героя, мучительно страдающего от фатальности своей судьбы, но верующего в свою дочь, которая не оставит отца в одиночестве:

... *There wasn't much he could do now except send Honoria some things; he would send her a lot of things tomorrow. He thought rather angrily that this was just money – he had given so many people money...*

“No, no more,” he said to another waiter. “What do I owe you?”

He would come back some day; they couldn't make him pay forever. But he wanted his child, and nothing was much good now, beside that fact. He wasn't

young any more, with a lot of nice thoughts and dreams to have by himself. He was absolutely sure Helen wouldn't have wanted him to be so alone [Fitzgerald, 1979, p. 252].

Репликация разделена произнесённой внешней репликой персонажа на две части. В первой части – безысходность, боль от утраченного, что подчеркивается разными видами повторов: варьированным (a lot of – много), эпитафией (money – деньги), анафорой (want – хотеть) анадиплозисом (send some things – отправить подарки). Слово «money» Чарли произносит с горечью и ненавистью. Для героя оно означает корысть многих людей, общающихся с богатым человеком и желающими воспользоваться его подарками. Для таких друзей Чарли не личность, а мешок с деньгами без чувств и эмоций.

Слабая надежда в осуществлении желания проглядывается в редупликации слова «want». Он очень хочет быть вместе с ребенком, ему это необходимо, и утешает себя мыслью о том, что даже умершая жена не пожелала бы одиночества для него. Простые предложения последовательно выстраиваются в ряд, возникая параллельно с мыслями в сознании героя. Парцелированные конструкции дополняют детали в рассуждения внутренней репликации, создавая целостную картину психологического состояния персонажа, раскрывая тайные уголки его измученной души.

Ф. Фицджеральд, величайший художник слова, создавал произведения не ради самого искусства, а для познания мира человеком. Текстовая интерференция усиливает персонализацию повествования и подразумевает не только интроспекцию нарратора в сознание персонажа, но и перенос персональной точки зрения на уровень нарратора, что в свою очередь свидетельствует о присутствии нарратора одновременно с текстом персонажа, получившим своё отражение в разнообразных формах чужих речений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка [Текст] / В.Н. Волошинов. – Л., 1929. – 188 с.
2. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
3. Fitzgerald, F.S. Selected Short Stories [Text] / F.S. Fitzgerald. – Moscow : Progress Publishers, 1979. – 357 p.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ДИСКРЕДИТАЦИИ СУБЪЕКТА РЕЧИ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

А.Ф. Ашимова, Л.Р. Омарова

Дагестанский государственный педагогический университет

One of the most important points of pragmatilistics is the study of the hidden influence ways on the perception of the audience. Authors, whose world-view couldn't be expressed explicitly, widely used methods of discreditation of the talk's subject.

Исследуя своеобразие художественного текста, мы обращаемся к исследованию языковой личности – к автору, к его мировосприятию. Конечный результат авторского видения мира, материализованный в тексте, представляет собой единицу общения, при которой наличие читателя (адресата), то есть, конечной цели коммуникации, так же необходимо, как и наличие автора (создателя текста).

Одним из аспектов этого творческого процесса является задача создания художественных образов. Тщательно отобранные языковые средства служат для эксплицитной и имплицитной реализации данной задачи. Автор не прямо, а косвенно характеризует своих героев, при этом зачастую происходит процесс дискредитации субъектов речи в глазах адресата. Дискредитация появляется в тех случаях, когда автор не считает нужным давать прямые характеристики своим героям, но имплицитно направляет восприятие читателя в определённую сторону.

Требования социалистического реализма вынуждали Б. Пастернака кодировать собственное видение мира таким образом, чтобы заложенное декодирование не вызывало у адресата усилий. Значительная часть образов, составляющих окружение главных героев (доктора Живаго, его жены Антонины и Ларисы Антиповой), представлена автором в двух аспектах: прямом, соответствующем их социально-политической номинации, и дискредитирующем, представляющим их истинную суть.

Например, Б. Пастернак даёт характеристику часовому, сначала конвоировавшему доктора Живаго к командирам, а затем сопровождающему доктора обратно на железнодорожную станцию:

а) *Вместо ответа часовой сунул в зубы свисток, но не успел им воспользоваться. Первый часовой, которого он хотел позвать свистком, сам подошёл к товарищу...- Я полагаю, в вагон. Как начальник скажет.- Удостоверение личности,- рявкнул второй часовой и схватил в горсть пачку протянутых доктором свидетельств* [Пастернак, 1990, с. 248-249].

б) *В сопровождении часового, тащившего ружье по земле и подпиравшегося им, как посохом, доктор возвращался к своему поезду... Часовой бороздил прикладом пыль, оставляя на песке след за собой... Часовой говорил: «Установилась погода. Яровые сеять, овес, белотурку или, скажем, просо, самое хорошее время. А гречиху рано... Эх, товарищ доктор! Кабы сейчас не эта гидра гражданская, моровая контра, нешто я стал бы в такую пору на чужой стороне пропадать?* [Пастернак, 1990, с. 259].

Данные иллюстрации создают две противоположные по своей эмоционально-экспрессивной модальности картины. Автор мастерски создаёт у читателя неприятие образа часового в первом фрагменте. Дискредитация героя-красноармейца осуществляется имплицитно: часовой сунул свисток, и сунул не в рот, губы, а именно *в зубы*, что ассоциируется и со зловещим оскалом, и с зуботычинами, то есть аналогии, возникающие в процессе декодирования информации, возбуждают у читателя неприятие действий красноармейца. Далее состояние тревоги и незащитности перед

«народным защитником» усугубляется, потому что часовой «не требует» и «не говорит», а *рывает*, то есть, автор использует слово с ярко выраженной негативной экспрессивной модальностью. Действие часового характеризует еще одна вербальная единица – *схватил в горсть*. Так часовой обошелся с документами, которые ему *протянул* доктор. В условиях существующей социалистической общественно-политической системы автор представляет красного бойца, действия которого дискредитируют само понятие «защитник», в отрицательном свете; при этом автор прямо не называет часового ни жестоким, ни грубым; дискредитация субъекта осуществляется комплексом косвенных языковых средств.

Второй фрагмент снова обращается к образу часового. Это тот же человек. Но он уже не злобствует, а идет безразличный и равнодушный ко всему. Боевое оружие он *тащит* по земле, *бороздит прикладом пыль, подпирается как посохом*. То, что озвучивает часовой, характеризует его как человека от земли, все мысли которого – о посевной. Дискредитация субъекта идет в направлении, прямо противоположном первоначальному. Если в первом фрагменте часовой представляет не защитника, а угрозу для простого гражданина, то во втором фрагменте дискредитация субъекта речи представляет адресату не военного человека, а крестьянина. Языковые средства, которые использует автор для дискредитации субъекта речи, представлены глаголами и прямой речью. Именно посредством использования сказуемых и монологической речи субъектов автор эксплицитно характеризует героев как бдительных и простых красных бойцов, а имплицитно представляет безграмотных крестьян, оторванных от земли и получивших власть над каждым встречным. Так автор дискредитирует понятия «часовой», «красноармеец», помогая читателю декодировать истинную сущность субъектов речи.

Обратимся к иным языковым средствам при дискредитации субъекта речи. Описание хозяйки квартиры, где вынуждена была жить больная Лара, построено по тому же принципу дискредитации:

Руфина Онисимовна была передовой женщиной, врагом предрассудков, доброжелательницей всего, как она думала и выражалась, «положительного и жизнеспособного». У неё на комодке лежал экземпляр Эрфуртской программы с надписью составителя. На одной из фотографий, прибитых к стене, ее муж, «мой добрый Войт», был снят на народном гулянии в Швейцарии вместе с Плехановым. Оба были в люстриновых пиджаках и панاماх...Руфина Онисимовна с первого взгляда невзлюбила свою больную квартиру [Пастернак, 1990, с. 98].

Первоначальная положительная характеристика субъекта речи выражена адъективными языковыми единицами (прямыми и косвенными определениями). Вводный компонент (*как она думала и выражалась*) готовит адресата к восприятию скрытого подтекста. Дискредитация происходит непосредственно в процессе описания героини. Автор представляет образ «передовой» женщины, которая на виду (*на комодке*), оставляет лежать *экземпляр Эрфуртской программы с надписью*

составителя, что уже характеризует хозяйку как человека невысокого культурного уровня, выставляющего что-либо напоказ. Фото ее мужа вместе с Плехановым на празднестве в Швейцарии усугубляют поверхностность натуры, а уточнение, что мужчины на фото одеты в *люстриновые пиджаки и панамы* окончательно подчеркивает ту пропасть, которая лежит между Руфиной Онисимовной и реалиями трудного времени. Дискредитация субъекта речи осуществляется методом «от противного»: *доброжелательница всего положительного и жизнеспособного без причины, спонтанно с первого взгляда невзлюбила больную Лару*.

Наиболее ярко дискредитирует субъекта прямая речь, вследствие чего в очередной главе автор обращается к данному приёму. Б. Пастернак эксплицитно создаёт образ якобы открытой и любезной хозяйки, но именно реакция Руфины Онисимовны на драму Паши Антипова и Лары окончательно раскрывает ее истинную суть:

Войтковская при виде заплаканного Паши кидалась из коридора на свою половину, валилась на диван и хохотала до колик: «Ой не могу, ой не могу! Вот это можно сказать действительно... Ха-ха-ха!»... [Пастернак, 1990, с. 101].

Автор представляет читателю два образа: *заплаканного* Пашу и хозяйку, которая *валится с ног от хохота*. Дискредитация субъекта речи сначала осуществляется посредством вербальных единиц (*кидалась, валилась, хохотала до колик*), а завершается междометиями, восклицательными синтаксическими конструкциями (*Ой! Ха-ха-ха!*).

Декодируя всю представленную информацию, адресат понимает, что за доброжелательностью героини скрывается эгоцентрическая, сумасбродная и холодная натура, которая ничего общего не имеет с человеколюбием и отзывчивостью.

Дискредитация, то есть имплицитная характеристика художественного образа, способствует активизации читательского сознания при восприятии информации. Процесс дискредитации Б. Пастернак строит в два этапа. На первом этапе автор представляет художественный образ, имеющий скрытый подтекст, который декодируется посредством адъективных и вербальных языковых единиц, а на втором этапе автор закрепляет декодирование использованием прямой речи. Здесь автор как бы самоустраивается, давая возможность художественному герою дать себе откровенную характеристику. Прямая речь является ярким и эффективным методом, завершающим дискредитацию субъекта речи.

В целом, исследование средств и методов дискредитации субъекта речи представляет собой проблему прагматистики, которая в настоящее время приобретает все большую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пастернак, Б. Доктор Живаго [Текст] / Б. Пастернак – Баку: Маариф, 1990 – 560 с.
2. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц [Текст] / Под редакцией Е. И. Дибровой. – М., «Академия», 2006, Ч. II. – 620 с.

3. Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник [Текст] / Отв. ред. М.И. Панов.– М.: ООО «Агентство КРПА Олимп», 2005.– 960 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ МЕДИАСФЕРЫ: ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ⁵

К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская

Оренбургский государственный университет

The article deals with the problems, methods and prospects of linguistic monitoring of mediasphere. It regards the peculiarities of Internet space and the ways of its analysis.

В последние годы в лингвистической литературе появилось большое количество исследований, посвящённых разнообразным аспектам Интернет-коммуникации. Но, исследуя эту виртуальную текстовую среду, как нельзя более близко относящуюся к науке о языке (а не, например, к социологии или маркетингу), лингвистика все же остается вне пространства решения конкретных прикладных задач. Однако, на наш взгляд, есть области исследования Интернет-коммуникации, в которых лингвистические (и шире – филологические) методы анализа могли бы иметь хорошее приложение. Такой областью является лингвистический мониторинг медиасферы (далее мы будем говорить только об Интернет-коммуникации).

Остановимся на некоторых особенностях Интернет-пространства, значимых для наших дальнейших рассуждений. Интернет представляет собой специфическое пространство, обладающее качествами, отсутствующими у пространства действительности и всех феноменов его составляющих, а именно проницаемостью и связностью. Проницаемость и связность Интернет-пространства оказывает влияние на функционирование информации по разным направлениям: территориальному, социальному (профессиональному, статусному, возрастному, гендерному и др.) и временному (возможность читать тексты, удалённые во времени и комментировать их). Интернет также формирует новые востребованные эпохой закономерности существующих традиционных форм взаимодействия в обществе – в области политики, общественных отношений, экономики, диктует (в какой-то степени, агрессивно) новые способы распространения информации – по принципу гипертекста.

Интернет-пространство стирает разнообразные объективные границы, во внешней действительности препятствующие развитию коммуникации, обуславливает активизацию процессов самоидентификации общества в информационных потоках, актуальных для пользователей, поэтому осмысление социальных, политических, экономических и пр. событий происходит более интенсивно. Более того, именно данный процесс

---

⁵Исследование выполнялось при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/3720).

осмысления обладает очень большим суггестивным потенциалом и оказывается фактором, формирующим *общественное мнение*, т.к. совокупность высказываний (авторы которых имеют разную социальную, территориальную, гендерную и пр. принадлежность), существующих в Интернет-пространстве, воспринимается как *исчерпывающий* спектр возможных смыслов, продуцируемых обществом по поводу какой-либо проблемы. Активизация процессов общественной самоидентификации по разным вопросам в Интернет-пространстве делает естественным тот факт, что отдельные люди обращаются к накопившейся в Интернете информации для того, чтобы составить собственное мнение по какому-либо вопросу. Отсюда следует, что традиционные социологические методы мониторинга в данных обстоятельствах не могут быть продуктивны, – известная структура общественных отношений «размывается» в Интернет-пространстве и заменяется *закономерностями организации смыслов*. Указанные особенности информационного пространства Интернет подтверждают органичность для реконструкции медиа-картины мира современного российского общества на материале текстов-комментариев именно филологических подходов, которые позволяют выявить концептуальную структуру медиа-сознания, опираясь на анализ речевых презентаций.

Поэтому **центральной задачей филологического мониторинга** является не моделирование социологического отношения разных сфер общества к социально значимому явлению (или объекту), а реконструкция концепта этого явления (или объекта), основанная на высказанных о нем суждениях в Интернет-пространстве. Т.о. моделируется не структура общества, практически не актуальная в Интернете, а структура смыслов, концептов, которые продуцируются обществом и исчерпывающе отражаются в Интернет-коммуникации.

Из всех проблем, решаемых с помощью лингвистического мониторинга (заметим, что везде мы говорим только о практикоориентированных исследованиях), отметим следующие:

1) реконструкция имиджевых портретов (вариант медиа-портретов) организаций, социальных институтов, публичных деятелей (примером будет служить «Имиджевый портрет Оренбургского государственного университета», реконструированный в 2008 году);

2) мониторинг продвижения проектов, акций, политики в СМИ и в сети Интернет (например, ежедневный мониторинг социальных сетей и блогосферы по теме «Модернизация высшего образования, системообразующие вузы, исследовательские и федеральные университеты»);

3) составление рейтингов лиц, организаций, проектов, СМИ, сайтов и пр. (например, рейтинг русофобий / западофобии зарубежных / российских СМИ, рейтинг организаций, специалистов и пр.). Данное направление интересно тем, что оно предельно формализовано и позволяет расположить на определённой шкале относительно друг друга интересующие объекты;

4) организация, проведение общественных дискуссий на актуальные темы и лингвистический анализ полученных результатов (тематическое содержание, смысловые поля, аргументация и др.). Данное направление интересно тем, что при определённых условиях можно организовать «мозговой штурм» по важной социальной проблеме, результатом которого явится комплекс идей, который нельзя получить простым мониторингом Интернета (в нем анализируется *отношение* к объектам);

5) лингвистическая идентификация Интернет-пользователей. Проблема важна по ряду причин: а) установление истинного числа пользователей, выражающих своё мнение на ресурсе (т.е. выявление двойников-клонов пользователей), квалификация выражаемого мнения как преднамеренного / непреднамеренного, б) выявление пользователей, пишущих под разными именами на разных ресурсах (решение такой задачи имеет широкий спектр практических составляющих), в) определение типов пишущих и прогнозирование их поведения и др.

Все перечисленные проблемы хорошо решаются именно филологическими методами анализа, но с использованием методов компьютерного моделирования. Огромное количество ресурсов разной природы (блогосфера, социальные сети, форумы, СМИ, специализированные сайты и пр.) затрудняет сбор материала, распределённого не только в этом виртуальном пространстве, но и во времени. Поэтому от специалиста уже на начальном этапе работы требуются умения определять критерии поиска (что, где, за какой промежуток времени и с помощью чего искать), и использовать возможности поисковых систем для сбора материала.

Анализ собранного материала также осуществляется с помощью методов компьютерного моделирования. Одним из широко распространённых является метод контент-анализа. Метод хорошо описан в социологической литературе (см., например, [Аверьянов 2009; Шалак 2004]). Контент-анализ как филологический метод можно использовать и при мониторинге Интернет-пространства, однако, в ряде случаев он имеет скромные возможности по сравнению с методом графосемантического моделирования, основанного на последовательном применении к анализируемому материалу а) метода компонентного анализа, б) метода полевого анализа, в) метода укладки графа из выявленных семантических полей. Само по себе графосемантическое моделирование предполагает проведение ряда трудоёмких операций, поэтому широкое использование метода графосемантического моделирования приводит к пониманию необходимости его компьютеризации. При этом возможны разные пути компьютеризации – от создания простых программ до сложных информационных систем с базами данных, работающих в web. На настоящий момент нами реализуются оба обозначенных пути: созданы программы (свободно распространяемые) по графосемантическому моделированию для индивидуальной работы, а также создана информационная система с веб-интерфейсом с базами данных, работающая в удалённом доступе. её особенностью является то, что с такой системой 1) может работать

одновременно несколько человек, 2) система сохраняет информацию обо всех предыдущих исследованиях, результатами которых можно воспользоваться, 3) выполняет аналитические функции (например, оценивает с помощью метода разбиения выборку на достаточность, может сопоставлять выборки и т.п.); 4) в системе предусмотрен модуль рейтингования объектов.

Информатизация (компьютеризация) филологических методов анализа не является сугубо технологической стороной проводимых исследований. Действительно, при использовании разработанной нашей лабораторией информационной системы (которая осуществляет графосемантическое моделирование), появляется ряд интереснейших теоретических и прикладных задач, связанных с выделением семантических полей. Как показывает практика, формирование семантических полей в наибольшей степени зависит от прагматики исследования, которая задаёт возможные кластеры систем семантических полей. Создание же таких кластеров является и теоретической, и практической задачей. По сути, «на выходе» мы должны получить «семантический конструктор» с разными наборами шаблонов, с помощью которых пользователь мог бы создать свой собственный метаязык, описывающий его виртуальный мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов Л.Я. Контент-анализ: учебное пособие [Текст]/ Л.Я. Аверьянов. – М.:КноРус, 2009 – 456 с.
2. Белоусов, К.И. Медиа-картина мира и мониторинг Интернета [Текст]: учебное пособие / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская. – Оренбург : ГОУ ОГУ, 2009. – 120 с.
3. Шалак, В.И. Контент-анализ. Приложения в области политологии, социологии, психологии, культурологии, экономики и рекламы. [Текст] / В.И. Шалак. – М. : Омега-Л, 2004, – 272 с.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Г.И. Бойко

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

The paper is devoted to the problem of the discursive nature of the interpretation of a literary text. The author shows the role of the text interpretation and particularly the text interpreter with his cognitive characteristics, his point of view in the cognitive-discursive paradigm.

Рассмотрение художественного текста в рамках коммуникативно-когнитивной, или дискурсивной парадигмы с доминирующим в ней антропоцентричным аспектом подразумевает такой подход к исследуемому объекту, при котором учитывается его роль в познании окружающей действительности, а также когда он (объект) исследуется не изолированно, а во взаимосвязи с культурно-историческими, идеологическими, социальными, психологическими факторами. Подобный угол рассмотрения художественного текста позволяет использовать по отношению к нему термин художественный дискурс.

Как известно, любой письменно фиксированный текст – это «информационный след» коммуникативного взаимодействия языковых личностей, в результате которого происходит обмен важнейшими ориентирами человеческой деятельности (знаниями, опытом, умениями, навыками, эмоциями, ценностями, нормами) [Дридзе, 1980, с. 12]. Исследователи сходятся во мнении, что художественный текст – это «душевное чувственно-понятийное постижение мира, которое возникает из специфического внутреннего состояния художника и которое помимо отражения объективной действительности содержит определённое отношение к ней, то есть оценку» [Адмони, 1994, с. 120; Винокур, 1991, с. 44 и др.].

В связи с этим при интерпретации художественного текста важно, чтобы она была направлена на характер познавательной установки художника, его «способа восприятия мира», поскольку в этом заключается его личностное отношение к миру, и как таковое оно будет зафиксировано в его идее, раскрываемой в произведении с помощью языковых средств.

В самом широком смысле под интерпретацией понимают толкование, объяснение, раскрытие смысла чего-либо. В целом, интерпретация является универсалией, пронизывающей все сферы активного отношения человека к миру. Для этого процесса большое значение имеет степень осознания человеческой индивидуальности, так как «языком человек выражает самого себя» (В.В. Виноградов) и «за каждым текстом стоит языковая личность» (Ю.Н. Караулов). Художественный текст в большей степени, чем любой другой, несет на себе «печать» личности познающего мир субъекта. «Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект» [Бахтин, 1976, с. 132]. Таким образом, текст представляется как ментальный и социальный конструкт, при интерпретации которого необходимо использование когнитивного и лингвопрагматического подходов, обусловленное взаимодействием партнеров по коммуникации в интерактивном процессе [Кремер, 1999, с. 20].

Восприятие художественного произведения активизирует интеллектуальную деятельность читателя, формирует новые ментальные репрезентации. Ментальная деятельность человека задействована как в процессе порождения дискурса, так и в процессе его интерпретации. Когнитивные процессы – один из главных факторов при создании текста, так как, являясь образом мышления, общей духовной настроенностью человека, группы, ментальность создает картину мира говорящего и ее оценку. В то же время под влиянием текстовой информации происходят изменения в когнитивной системе воспринимающего индивида [Бурукина, 2006, с. 30-40]. Ментальная деятельность складывается из кодирования передаваемой информации говорящим и декодированием ее слушающим, в процессе чего происходит не только расшифровка языковой информации, но и соотнесение ее с ситуацией и ментальными знаниями. То есть, именно ментальная деятельность положена в основу интерпретации текста, когда в результате

ментально-ориентированного восприятия учитываются такие факторы коммуникации как ее участники, наличествующие объекты, прагматический контекст и отношения между участниками, состояния (события, действия), модальности (время, возможные миры, обязательства).

Таким образом, связь интерпретации с характерными для познания факторами (ситуационность, инактивированность, динамичность и креативность) свидетельствует о ее дискурсивном характере. С одной стороны, для ее успешного осуществления важно, обладает ли интерпретатор дискурсивной компетенцией. Под таковой в рамках современной лингвистической парадигмы понимается наличие необходимых знаний для интерпретации коммуникативного акта с учетом внешних факторов – знания о моделях языковых личностей, о событиях, состояниях, действиях и процессах, о фоне и обстоятельствах этих событий, оценка этих событий участниками коммуникации [Казанцева, 2002; Глушак, 2006]. На основе этих знаний формируются контекстные ожидания относительно дальнейшего хода повествования в дискурсе. С другой стороны, для неё (интерпретации) крайне важен сам интерпретатор, его точка зрения, а также то, каким образом, то есть, пользуясь какой моделью, он создает свою систему интерпретации, частью которой он является.

Изменяющиеся когнитивные характеристики пользователей языка и контекст, как отмечает Т.А. ван Дейк, влияют на действительное понимание дискурса. В зависимости от различных стратегий интерпретации, разных знаний, убеждений, мнений, установок, интересов или целей, каждый читатель выделяет разные значения в качестве основных, важных или представляющих интерес [ван Дейк, 1989, с. 45]. Следовательно, коммуникативное оформление текста автором не всегда может быть адекватно воспринято читателем и, кроме того, могут оказаться в акте коммуникации существенными другие формы и средства, нежели те, на которые был сделан акцент в структуре высказывания автором [Колшанский, 2005, с. 24].

В связи с этим можно согласиться с Е.С. Чернявской, которая пишет, что дискурсивная интерпретация заключается в том, как и насколько точно совпадает то, что задумал автор, с тем, что в результате прочитанного «приобретает» реципиент [Чернявская, 2005]. Другими словами, дискурсивная интерпретация – это установление (выявление) определённой картины видения автора с учётом экстралингвистических факторов – прагматических, социокультурных, психологических и др.

Важно отметить, что термин «картина видения» не противопоставлен общепринятому термину «картина мира». Согласно Н.Д. Маровой, «картина мира» не отражает всю динамику процесса познания мира. Он ориентирует на обобщенность и статичность представления о действительности и подразумевает наличие определённой истины о ней. Термин «картина видения» подчеркивает точку зрения некоего наблюдателя, рассматривающего действительность в данном месте и в данное время, что определяет неповторимость и своеобразие видения интерпретатором текста.

Так же как и картина мира, картина видения – это не зеркальное отражение мира, а всегда некоторая интерпретация, находящаяся под влиянием сферы деятельности субъекта, его личного опыта и знаний, контекста, в котором проходит «движение мысли». Можно предположить, что из разных картин видения складывается индивидуальная картина мира. Взаимодействие последней с жизненными целями, поведенческими мотивами и установками, проявляющимися и в текстах, определяет мировоззрение личности.

Таким образом, интерпретация художественного текста как текстоментальная процедура усматривания в картине видения данного текста черт иной картины видения вносит значительный вклад в ментальное освоение мира [Марова, 2006, с. 227]. В художественном произведении происходит наложение нескольких картин видения, поскольку он эксплицирует взаимодействие нескольких коммуникантов. В связи с этим интерпретация не служит источником истинностного знания. Но, представляя некоторую картину видения, некоторую систему видения действительности, она помогает сформировать взгляд на ту или иную проблему, представленную в художественном тексте, и способствует ее познанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания [Текст] / В.Г. Адмони // РАН. Ин-т лингвистических исследований. – СПб. : Наука, 1994. – 160 с. : 1 л. портр.
2. Бахтин, М.М. Проблема текста: Опыт философского анализа [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы литературы, 1976. – №10. – С. 122-151.
3. Бурукина, О.А. Коннотативное поле слова в контексте когнитивной парадигмы [Текст] / О.А. Бурукина // Вестник МГЛУ : Посвящается памяти профессора, доктора филологических наук Ольги Львовны Каменской / Фед. агенст. по образ. Гос. образ. учрежд. высш. проф. образ. МГЛУ ; отв. ред. Т.А. Амирова. – М. : МГЛУ. – (Лингвистика). Вып. 510 : Язык и культура. – 2006. – С. 30-40.
4. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы [Текст] : учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т.Г. Винокур ; Предисл. В.П. Григорьева. – М. : Высш. шк., 1991. – 448 с.
5. Глушак, В.М. Дискурсивная парадигма речевого поведения [Текст] / В.М. Глушак. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2006. – 167 с.
6. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] : Пер. с англ./ Т.А. ванн Дейк // Сост. В.В.Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
7. Дридзе, Т.М. Язык и социальная психология [Текст] : учеб. пособие для фак. журналистики и филолог. фак. ун-тов / Т.М. Дридзе // Под ред. проф. А.А. Леонтьева. – М. : Высш. школа, 1980. – 224 с.
8. Казанцева, Ю.М. Дискурсивные стратегии как лингводидактическая проблема [Текст] / Ю.М. Казанцева // Вестник МГЛУ : Сборник научных трудов / Мин. образ. РФ. МГЛУ ; отв. ред. Н.И. Рахманова. – Вып. 465 :

Реализация междисциплинарной парадигмы в различных типах текста. – М., 2002. – С.75-87.

9. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г.В. Колшанский // Под ред. Т.В.Булыгиной. – Изд. 2-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2005. – 176 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

10.Кремер, И.Ю. Реализация ментального модуля в немецком критическом тексте [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / И.Ю. Кремер. – М., 1999. – 176 с.

11.Марова, Н.Д. Парадигмы интерпретации текста [Текст]: монография в 2 ч. / Н.Д. Марова. – Урал. гос. пед. ун-т ; Ин-т иностранных языков УрГПУ. – Екатеринбург, 2006. – Ч.1. – 209 с. – Ч.2 – 294 с.

12.Чернявская, Е.С. Реализация ценностного потенциала авторской парадигмы в немецкоязычном нарративном дискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Чернявская. – М., 2005. – 198 с.

ОЦЕНОЧНЫЕ И ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

С.В. Броженко

Уральский социально-экономический институт академии труда и
социальных отношений

Дискурс является в настоящее время одним из наиболее часто обсуждаемых в лингвистике понятий. Он изучается разными науками и их отдельными направлениями, будь то прагмалингвистика, прагмастилистика, теория коммуникации, лингвистическая семантика, лингвистика или грамматика текста и т.д. [Миронова, 1997, с. 12]. Отсутствие единого определения данного понятия объясняется тем, что дискурс представляет собой сложную структуру, употребляемую во многих направлениях исследований и рассматриваемую с разных точек зрения. Полисемичен и сам термин «дискурса». Так, например, приоритет в описании дискурса принадлежит на сегодняшний день Т. А. ван Дейку, который под дискурсом понимает «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Миронова, 1997, с. 10].

Исходя из формулировки термина дискурса Е.В. Сидорова, можем рассматривать дискурс как «область языковой действительности, в которой деятельность людей включает в себя производство словесных текстов, и их понимание» [Сидоров, 2007, с. 6]. Каждое из существующих определений вносит свой вклад в рассматриваемое понятие.

Учёными предлагаются различные классификации дискурса. Так, например, А.В. Олянич выделяет «типы и жанры дискурса», к которым относятся: аргументационный, юридический, религиозный, гастрономический, политический и предвыборный, рекламный, военно-политический и ритуальный дискурсы [Олянич, 2007, с. 13]. Н.Н. Миронова в своей классификации говорит о «видах дискурса», к которым она относит: педагогический, политический, научный, критический, этический,

юридический, военный, родительский дискурс, и в отдельную группу входят «прагматические дискурсы», к которым принадлежат все названные выше дискурсы на том основании, что в каждом из них актуализируются определённые коммуникативные стратегии [Миронова, 1997, с.15].

По мнению Н.Н. Мироновой, дискурсы могут актуализироваться в виде текстов и каждый из них может быть представлен в виде ситуаций, которые образуют типы внутри дискурса. Выделяя в отдельную группу «оценочный» дискурс, к которому относятся политический, критический и рекламный, Н.Н. Миронова констатирует, что принадлежность текста к какому-либо дискурсу зависит от коммуникативных стратегий, которые лежат в основе появления текста [Миронова, 1997, с. 39].

В рамках разных видов дискурсов ученые выделяют большое количество коммуникативных стратегий, среди которых аксиологические и презентационные.

Внимания заслуживает классификация коммуникативных стратегий А.В. Олянич, согласно которой презентационные коммуникативные стратегии разделены на две группы: позиционирующие и оптимизирующие [Олянич, 2007, с. 324], при этом первые формируют определённое восприятие рекламируемого объекта, а вторые направлены на оптимизацию воздействия рекламного сообщения. В группу позиционирующих стратегий включены стратегии дифференциации, ценностно-ориентированные стратегии и стратегии присвоения оценочных значений. Группу оптимизирующих стратегий составляют стратегии согласования языка и картин мира коммуникантов, стратегии повышения распознаваемости рекламы, стратегии повышения притягательной силы и «читаемости» сообщения, а также мнемонические, аргументационные и стратегии распределения информации по оси «более/ менее важное».

По словам А.Г. Салаховой, классификация общих коммуникативных стратегий зависит от избранного основания [Дискурс..., 2008, с. 69]. По ее словам, с функциональной точки зрения можно выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. При этом основной стратегией является та, которая на определённом этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. Вспомогательные стратегии, в свою очередь, увеличивают эффективность организации речевого взаимодействия и оптимальным образом воздействуют на адресата [Дискурс..., 2008, с. 70]. Примером вспомогательных стратегий могут быть стратегии самопрезентации, устрашения, самовосхваления, лесты [Приводится по: Амиров, 2002], статусные и ролевые стратегии, эмоционально настраивающие стратегии и другие. Дальнейшее деление вспомогательных стратегий, по словам А.Г. Салаховой, может быть представлено прагматическими или коммуникативно-ситуационными, диалоговыми или конверсационными и риторическими стратегиями.

Основной целью коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе является выделение рекламируемого объекта среди его конкурентов и

акцентирование или даже искусственное конструирование свойства данного объекта, привлекательного для адресата сообщения [Пирогова, URL].

Успешность рекламного сообщения напрямую зависит от выбранной коммуникативной стратегии, или даже от ряда стратегий, которые в свою очередь способствуют реализации основной задачи рекламного сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дискурс: функционально-прагматический и когнитивный аспекты [Текст]: Коллективная монография/ отв. ред. Е.Н. Азначеева. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2008. – 154 с.
2. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики [Текст]/ Н.Н. Миронова. Учебное пособие. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 1997. – 158 с.
3. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса [Текст]/ А.В. Олянич: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
4. Пирогова, Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования [Электронный ресурс]/ Ю.К.Пирогова //URL: http://ae-lib.org.ua/texts/pirogova_information_ru.html
5. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса [Текст]/ Е.В. Пирогов. – М.: Изд-во «Икар», 2007. – 480 с.

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

О.М. Буркова

Белорусская государственная академия музыки (Республика Беларусь)

The article deals with special figurative-expressive means, which are an important sign of the language of literature. Special role in the poetry of S. Esenin play the following : metaphor, epithet and imagery compared.

Важную примету языка художественной литературы составляют специальные изобразительно-выразительные средства (или тропы). Художественные тропы принято выделять и систематизировать на основе как логических, так и языковых критериев, что делает их состав весьма неоднородным. Такие изобразительные средства, как гипербола, литота, ирония и т. п., выделяются на чисто логической основе и не имеют каких-либо определённых показателей своего выражения в языке, способы их построения могут быть разнообразными [Ревуцкий, 1998, с. 40].

Другие тропы – метафора, эпитет, образное сравнение – выражаются специфичными для каждого из них наборами языковых конструкций, что дает основание считать эти образные средства языковыми. Качественное различие тропов обеих групп обнаруживается в том, что они могут пересекаться: например, гипербола в числе всех прочих средств своего выражения может иметь и троп языкового характера. Так, в строках из стихотворения С. Есенина: «*Как будто тысяча/ Гнусавейших дьячков,/ Поёт она плакидой –/ Сволочь-вьюга!*» – средством выражения гиперболы, или художественного преувеличения, является сравнительная конструкция образного характера, иными словами, образное сравнение.

Неоднородность языковых тропов проявляется в том, что некоторые из них (метафора и метонимия) основаны на семантическом переносе. Другие

же средства образности непосредственно не связаны с переносным употреблением. К последним принадлежат эпитет и образное сравнение. Так, эпитет является не обычным, логическим, а художественным определением, в котором на первый план выдвигаются эмоциональность и оценочность, например *алый свет зари* у С. Есенина, но необязательно образность, обусловленная переносом наименования, т.е. неожиданным переосмыслением одного языкового знака в контексте другого.

Между тропами языкового характера также возможны сближения и пересечения. В художественной речи немало эпитетов, основанных на переносно-образном употреблении. Приведем примеры из поэтических текстов С. Есенина: *«И страна березового ситца / Не заманит шляться босиком, «Твоих волос стеклянный дым/ И глаз осенняя усталость»*. В подобных случаях происходит совмещение эпитета и метафоры, поэтому такие тропы принято называть метафорическими эпитетами.

В конструкциях с эпитетами (в том числе метафорическими) могут объединяться слова с противоположными значениями: *«Есть тоска веселая в алостях зари»*. В данном фрагменте совмещаются эпитет, метафора и оксюморон. Таким образом, даже в однотипно построенных конструкциях могут сочетаться очень разные тропы.

В зависимости от того, семантика какого уровня языка создаёт дополнительные образные ассоциации, языковые тропы бывают лексическими, грамматическими и т. п. В связи с тем, что образность метафоры, эпитета и других тропов связана с преобразованием и взаимодействием лексических значений слов, эти тропы являются, прежде всего, образными средствами лексики. Специальными средствами образности располагают также морфология, синтаксис, образные построения которого носят названия фигур (анафора, эпифора и т. п.), и фонетический состав речи.

Художественную значимость языковая единица приобретает в тексте не изолированно, а в определённом окружении – контексте, который не только служит идентификации известных носителям языка узуальных значений, но может перераспределять семы в структуре значений – приглушать, усиливать, нейтрализовать и т. д. В данной работе мы остановимся на следующих образных средствах лексики: метафоре, эпитете и образном сравнении.

Среди образных средств языка едва ли не самым распространённым и употребительным является эпитет. Не одно поколение учёных привлекала как теория, так и практика его изучения. Однако до сих пор нет единого, общепризнанного определения эпитета. Обращение к научной литературе показывает, что в разных источниках термин «эпитет» трактуется по-разному, с некоторыми вариациями и уточнениями, но никто не отрицает его как художественное, образное определение, вид тропа.

В поэзии С. Есенина эпитеты занимают особое место, в них ярко отражается своеобразие его лирики, особенности языка и стиля поэта. Для есенинских эпитетов характерны такие черты, как эмоциональность,

психологическая наполненность, динамизм, способность метко и кратко охарактеризовать предмет, действующее лицо, его душевное состояние в определённый момент, подчеркнуть особенное в пейзаже, портрете, в описании быта: *«Плачет метель, как **цыганская** скрипка./ **Милая** девушка, **злая** улыбка,/ Я ль не робею от **синего** взгляда?/ Много мне нужно и много не надо»; «**Дальний** плач тальянки, голос **одинокий** –/ И такой **родимый**, и такой **далекий**»*. Эпитеты в поэтических текстах С. Есенина представляют собой богатый фактический материал.

Сравнительные конструкции являются объектом изучения как лингвистики, так и литературоведения, а именно их разделов: грамматики, фразеологии, стилистики, поэтики.

Сравнительные конструкции содержат три компонента. Левая часть включает предмет, который подвергается сравнению, правая часть содержит образ, или то, с чем сравнивается. Соотношение левой и правой частей сравнения определяется авторской моделью мира: то, что нуждается в объяснении, находится в левой части, то, что способно наиболее полно раскрывать данный объект и является эталонным носителем общего признака для сравниваемых предметов, располагается в правой части. Таким образом, третий компонент сравнения – общий признак, на основе которого возникают компаративные отношения, т.е. это основание для сравнения.

Основанием для сравнения могут выступать цвет, качества, форма, размер, функции, назначение сравниваемых предметов. Обнаружение (поиск) признака сравнения, как и поиск образа сравнения, определяются картиной мира: общекультурной, национальной, индивидуальной.

Одной из наиболее распространенных разновидностей синтаксических конструкций выступают образные сравнительные обороты, смысловая функция которых заключается в характеристике предмета (лица, явления) в общем плане или в характеристике отдельных качеств, признаков, действий, когда с помощью сравнения дается как бы градация признака, своеобразная его конкретизация. Сравнение может основываться на сходстве внутренних качеств, внешнего вида предметов или лиц и т. д. В основе образного сравнения всегда лежит сопоставление предметов, явлений, действий, признаков. Образные сравнительные обороты употребляются в народном и литературном языке, в поэтических и прозаических текстах. Сравнения придают большую изобразительность описанию, помогают понять способы воплощения мысли и чувства в слове. Сравнение – одно из самых распространенных поэтических средств изобразительности у С. Есенина: *«**Как бабочка** – я на костер / Лечу и огненность целую»; «**Нынче юность моя отшумела,/ Как подгнивший под окнами клен**»*.

Устойчивых сравнительных оборотов и близких к устойчивым по обычности употребления типа «черна, как ночь», «бела, как снег» у С. Есенина мало. В основном же поэт не пользуется шаблонами. С семантической стороны слова, обозначающие сравниваемые понятия, настолько разнородны, что сопоставление их неожиданно и на первый взгляд немотивированно (*зarya* сравнивается с *лающим псом*, *вечер* с *дружеской*

улыбкой, мысль с мельничным крылом и т. д.). Однако эта немотивированность исчезает при вдумчивом чтении, и в сознании читателя возникает образ, яркий, запоминающийся и вместе с тем очень точный. Стихи Есенина нельзя читать пассивно, читатель вынужден участвовать в творчестве поэта.

Сравнения Есенина близки к фольклорным и ведут нас в ту обстановку, где поэт родился и рос. Его сравнения довольно разнообразны, кратки по своему обобщению, но очень метки и емки по смыслу. В их разработке поэт всегда стремился к предельной простоте, лаконичности и точности. Он отбирал наиболее характерные признаки и свойства того предмета или явления, с которым хотел сопоставить настроение или переживание своего лирического героя. Например, *счастье и радость* сравнивается с *бойким вихрем* и с *бешено мчащейся тройкой* («Снежная замять крутит бойко»), с *тройкой оголтелых коней* С. Есенин сравнивает свои *прожитые годы*, которые так быстро пролетели («Несказанное, синее, нежное»). Сравнения у С. Есенина эмоциональны и главная их цель – донести, раскрыть замысел автора, настроение лирического героя, и даны они в стихах не отдельными разбросанными строчками, а в виде спаянного художественного комплекса. Кроме того, наибольшей выразительности сравнений служит их теснейшая связь с той средой и обстановкой, которая изображается в каждом из тех стихотворений, куда они входили.

Тайна метафоры привлекала и привлекает к себе крупнейших мыслителей. О метафоре написано множество работ. О ней высказывались не только учёные, но и сами ее творцы – писатели, поэты, художники. Изучение метафоры становится всё более интенсивным и быстро расширяется, захватывая разные области знания.

Феномен метафоры на протяжении всей человеческой истории изучения рассматривается в двух аспектах – литературоведческом и лингвистическом. Литературоведение исследует метафору как изобразительно-выразительное средство в поэтике, лингвистика же изучает ее как семасиологически двуплановое употребление слова, когда его звуковой и графический комплекс реализует прямое лексическое и переносное значение одновременно. Общее в этих аспектах изучения то, что рассматривается употребление слова, основанное на сходстве, сравнении, аналогии предметов.

Слово, взятое изолированно, вне контекста, не может рассматриваться как метафора, поэтому при анализе плана выражения метафоры учёт фразового окружения является необходимым условием. Роль контекста является определяющим при реализации разных значений многозначного слова.

Лирическое наследие С. Есенина, богатое изобразительно-выразительными средствами, доказывает не только оригинальность его миропонимания как художника, но и определяет его как поэта-новатора, который, постоянно шлифуя своё слово, творчески обновлял и развивал образные средства. Многими исследователями была отмечена высокая

метафоричность языка есенинской лирики. Так, М.Б. Храпченко пишет: «В русской советской поэзии метафорическая стихия, может быть, сильнее всего проявляется в поэзии Есенина. Она пронизывает ее от ранних стихотворений и до последних произведений поэта» [Храпченко, 1986, с. 241].

При исследовании оригинальной и переводной поэзии С. Есенина были выявлены разнообразные и довольно частотные лексико-грамматические разряды метафоризованных слов: имена прилагательные («*Спит ковыль. Равнина дорогая, / И свинцовой свежести полынь*» ; «*Хорошо в черемуховой вьюге / Думать так, что эта жизнь – стезя*»); имена существительные («*О моя утраченная свежесть, / Буйство глаз и половодье чувств*», «*Зерна глаз твоих осыпались, завяли*»); глаголы («*Сердце метелит твоя улыбка*», «*Рельсы грызёт / Паровоз*». Глагольный пласт оказался наиболее широким и разнообразным в семантическом и синтаксическом аспектах. И неудивительно, поскольку невозможно высказать другой частью речи того набора безмерно изменчивых мыслей и ассоциаций, нельзя передать всей динамики духовных потрясений, которыми дышало есенинское сердце. Именно метафорический глагол помог выразить взгляд С. Есенина на мир, на человека, на самого себя.

Таким образом, специальные изобразительно-выразительные средства (или тропы) составляют важную примету языка художественной литературы. Особую роль в поэзии С. Есенина играют следующие образные средства лексики: метафора, эпитет и образное сравнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ревуцкий, О. И. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] : учебное пособие для студентов филол. фак. вузов / О. И. Ревуцкий. – Мн. : НМЦентр, 1998. – 192 с.
2. Храпченко, М.Б. Горизонты художественного образа [Текст] : 2-е издание, доп. / М. Б. Храпченко – М. : Худож. лит., 1986. – 439 с.

ДОМИНАНТНЫЕ АВТОРСКИЕ СМЫСЛЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ О.ХАКСЛИ

Н.И. Гацура

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

The article deals with the analysis of Huxley's poems as the works united by the holistic category of the author's consciousness (AC) with dominant meanings of the author's conceptual system represented therein. Poems are viewed as communicative models of the AC with different means of actualizing the personal meanings considered.

Целью данной статьи является анализ коммуникативных моделей авторского сознания (далее АС), представленных в поэтическом творчестве О.Хаксли и доминантных авторских смыслов, актуализированных в рамках каждой из моделей. При анализе мы исходили из предположения о том, что смена коммуникативной модели предполагает смену доминантного смысла. Под доминантным смыслом концептуальной системы автора понимается

инвариантный личностный смысл, который выражает мнение автора о каких-либо реалиях действительности [Пищальникова, 2002, с. 12].

За основу исследования взяты положения Л.О. Бутаковой [Бутакова, 2001, с. 7] об АС как психо-физическом феномене, реализованном в тексте; и взгляды В.А. Пищальниковой [Пищальникова, 1999, с. 4-6] на художественный текст как результат эстетической речевой деятельности, целью которой является «репрезентация личностных смыслов».

Так как предметом исследования явились поэтические произведения, то принимались во внимание ритмико-метрические параметры стиха; конкретнее, ритм и рифма. При анализе поэтических произведений мы пользовались классификацией коммуникативных моделей, предложенной Л.О. Бутаковой [Бутакова, 2001, с. 120-129]. Так, вслед за исследователем, под коммуникативной моделью мы понимаем результат когнитивно-концептуального моделирования действительности АС с помощью вербальных единиц, используемых в качестве особых средств общения по схеме *кто* (говорящий) – *что* (предмет речи, сообщаемое) – *кому* (адресат) – *с какой целью* говорится (интенция), подчинённая доминантной стратегии смыслопорождения.

Ю.М. Лотман [Лотман, 1972, с. 11-12] считает, что любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения. Исследователь рассматривает стихотворение как сложно построенный смысл, где элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений, невозможных в обычной языковой конструкции.

Ю.И. Костромина рассматривает рифму как единицу не только и не столько метрической и эвфонической структуры стихотворения, сколько единицу смысловой сферы существования поэтического текста отмечая, что в составе стихотворения все элементы «материи» стиха (ритм, рифма, метр) семантизируются [Костромина, 2009].

В ходе исследования нами были проанализированы 48 поэтических произведений Хаксли. Если классифицировать произведения по коммуникативным моделям, то нами было выделено 4 коммуникативных модели:

1. с эксплицитным автором и необозначенным адресатом (*Scenes of Mind, Vision, Doors of the Temple, Books and Thoughts, Darkness, Escape, Leathean Darkness Creep, Misplaced Love, Perils of the small Hours, The Life Theoretic, Sheep, Yellow Mustard*; ролевая эготивная модель представлена в *Ideal Found Wanting, the Reef*; эксплицитно-эготивная модель неакционального типа представлена в *Summer Stillness, Points and Lines, Panic, Social Amentities, Valedictory, Seasons, Storm at Night, The Flowers, Italy, Private Property, Complaint of A Poet Manque, Anniversaries, A Little Memory, By The Fire, Stanzas, Escape*);

2. с эксплицитным говорящим и выраженным адресатом (*In Uncertainty to A Lady, The Alien, The Choice, Formal Verses, Complaint, Sympathy, Carpe Noctem, Revelation, Love Song, On The Bus*);

3. с неопределённым говорящим и отсутствующим адресатом (*Minoan Porcelain, The Decameron, The Elms, The Canal, Inspirations, Summer Stillness*);

4. эволюционирующего типа с обобщённым говорящим и неопределённым адресатом (*By the Fire, Topiary*) скрытым говорящим и отсутствующим адресатом эволюционирующего типа *Winter Dream, Waking, Crapulous Impression*, обобщённая модель эволюционирующего типа, структурированная фреймом *Out of the Window*.

Что касается ритмической стороны произведений, то необходимо подчеркнуть, что стихотворения написаны либо анапестом, либо хореем. При актуализации личных доминантных смыслов происходит смена анапеста на хорей, или наоборот. Если рифму отличала мужская финаль, то смыслы актуализируются посредством дактиля. Например, в «*Vision*», когда лирического героя за чтением книг одолевают различного рода сомнения, вдруг его внимание привлекает веселое пение скворцов (данная строка написана анапестом). Грачи символизируют внезапное прозрение, указывают на то, что в самой природе, а не в книгах есть ответы на все вопросы. Данная мысль озвучена Уильямом Уорсвордом в «*Tables Unturned*», а позже и самим О.Хаксли в романе «*Бесплодные Листья*». В стихе превалирует точная рифма, однако смыслы внезапного прозрения переданы через недостаточную рифму (*understand-hand*).

В стихотворении «*Darkness*» на фоне рифмующихся (с точной и недостаточной рифмой) слов выделяются слова *darknesses, twisted* и *avarice*, которые как нельзя лучше актуализируют смыслы тьмы, в которой ходит человек – «испорченная, покоробленная», тьма похоти и жадности, исковерканного тела и подлой нечестной души.

Как средство акцентуации доминантных смыслов О. Хаксли применяет грамматически разнородные рифмы (глагол – существительное) на фоне грамматически однородных, на фоне точной по совпадению звуков пользуется недостаточной рифмой.

Рифма усиливает ритм, подчеркивает смысловое различие двух созвучных слов, создаёт контраст и усиливает впечатление, соединяет одну мысль с другой, создаёт новый смысл, помогает связать идеи воедино.

В стихотворении «*Topiary*» (модель обобщённого говорящего и необозначенного адресата эволюционирующего типа – позже говорящий обозначает себя как «я») описывается внутреннее состояние лирического героя при созерцании людей, чья жизнь отягощена физической неполноценностью, страданиями, чьё тело *like carrion* (мертвечина, гадость) *puffed with noisome steam, fly-blown to the eye that looks on it, fly-blown to the touch of a hand*. Есть люди без ног, которые ездят на каталках с длинными, как у обезьян руками и не понимают *why God the Topiarist should train and carve and twist men's bodies into such fantastic shapes*.

Topiarist – авторский окказионализм, означающий того, кто занимается фигурной стрижкой кустов, а в данном случае Бога, который по своему усмотрению так «причудливо» изгибает тела людей. Чётко прослеживается стремление уйти от страданий, необходимости переживать. Лирическому

герою это все непонятно, лучше быть дураком или на дне океана, в мире *that is deaf and blind, very remote and happy, a great goggling fish*. Лексема «top» указывает на Всемогущего Бога, «shape» – на физические недостатки людей, «Topiary» – Бог, который так безжалостно обошелся с телами людей. Бог, подобно садовнику, «формирует» тела людей. Таким образом, актуализируется доминантная эмоция негодования, смыслы неприятия и непонимания такого положения вещей.

Что касается ритма, то в данном стихотворении преобладает ямб, однако наиболее важные мысли актуализированы посредством либо анапеста (*understand, any legs*), либо дактиля (*Topiarist*). При наличии рифмующихся пар слов (*seem – steam, apes – shapes, wish – fish, mind – blind*) с мужской финалью есть слова, выбивающиеся из рифмы: *Topiarist, twist, trolleys, on it* с женской финалью и дактилем (рифмой по количеству слогов).

Можно сделать вывод о том, что нарушения ритма и рифмы актуализируют авторские доминантные смыслы.

Выбор той или иной коммуникативной модели обусловлен доминантными авторскими смыслами. Так, модели с эксплицитным говорящим и отсутствующим, необозначенным адресатом направлены на самого автора, они автокоммуникативны, интроспективны. Свою жизнь, существование автор воспринимает неотрывно от окружающего мира. По большей части такие модели неакциональны, они наполнены философскими смыслами, рефлексивны. Лирический герой ищет уединения на лоне природы, озарение и познание сути вещей происходит от созерцания природы. Существование наполнено творчеством, чтением, единением с природой; автор ценит тишину и все, что с ней связано. О.Хаксли считает, что в природе можно найти ответы на все вопросы.

Модель с эксплицитным говорящим и конкретным адресатом, близким автору отличают доминантные смыслы душевных томлений, непредсказуемость в отношениях с возлюбленной, стремление уединиться с ней, воссоединиться и душой и телом, развитие отношений в настоящем и воспоминание о прошлом, вопрос о том, где найдет пристанище покойный друг и сам поэт, угасание жизни, убывание сил.

Для эксплицитной эготивной модели неакционального типа характерно ощущение спокойствия, безмятежности. Однако автор обеспокоен такими проблемами как лицемерие в обществе, фаталистическое пессимистическое видение действительности, сменяющееся мажорными нотками. Внутреннее состояние автора (лирического героя) описывается через природные явления. Автором движет желание вырваться из предсказуемой жизни. Его волнуют темы недолговечности бытия (цветы), ожидания перемен, наслаждения вином, жизнью ненаписанных поэм. Другое время и другая реальность, милосердие/его отсутствие со стороны Бога, стремление к совершенству волнуют автора. Ролевые эготивные модели отличают смыслы стремления вырваться из привычного круга, изменить свою жизнь.

Итак, актуализация личностных доминантных смыслов осуществляется автором через рифму и ритм, переходы от одной коммуникативной модели к другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутакова, Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование [Текст]: монография / Л.О. Бутакова. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2001 – 281 с.
2. Костромина, Ю.И. Поэтическая рифма как средство выразительности [Электронный ресурс] / Ю.И. Костромина // URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/196111.html>.
3. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура языка. [Текст] / Ю.М. Лотман. – Л., 1972.
4. Пищальникова, В.А. Психопоэтика [Текст] / В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. – 173 с.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАТЕКСТА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

А. А. Гилёва

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
This article is about a peculiarity in metatext of the 20th century literary memoirs as substantial, formal or emotional author's comment of his own speech activity, his own detection of speech tactics.

В мемуарной прозе XX века метатекст – частотное явление, что обусловлено особенностями рассматриваемого жанра: для мемуаров типична фрагментарность, нечеткость, в самом жанре заложена дискретность, прерывность повествования, что и соответствует природе метатекста, разрывающего основную линию (нить) повествования, вводящего ассоциации пишущего. При восприятии читателем мемуарного текста на процесс осознания и оценки влияют авторские пояснения, характеристики, суждения, которыми автор сопровождает свои воспоминания. Мемуарист часто является интерпретатором окружающего мира, своей жизни, определённых событий. Он проявляет себя и при прямом обращении к адресату (читателю), поскольку «мысль об адресате» всегда присутствует в его сознании [Брчакова, 1979, с. 249].

На наш взгляд, интересно проследить специфику метатекста как содержательного, формального или эмоционального комментария автором своей речи, обнаружения им собственной речевой тактики. Метатекст в данном случае выполняет функцию прагматического комментария: автор оговаривает, в каком значении он употребил то или иное слово.

Отметим круг основных прагматических функций метатекста:

1. Оценка Говорящим употребления слова-объекта как проблемного (необычного, неточного, неоднозначного, рискованного, нарушающего правила вежливости)
2. Желание Говорящего скорректировать / намеренно усилить возможное неправильное понимание передаваемого смысла.

3. Экспликация Говорящим заботы о собственном речевом имидже и адекватности передачи смысла адресату.

Полагаем, что контроль собственной речевой деятельности, а значит, высокий уровень культурной языковой компетенции проявляет автор-мемуарист, если он заботится о своём имидже при коммуникации, старается привлечь читателя, что и проявляется в метаорганизации его дискурса.

Рассмотрим основные причины переключения внимания мемуариста на метаязыковой комментарий своей речи:

1. *Оценка автором собственных речевых тактик и действий.* Контроль собственной речевой деятельности, а значит, высокий уровень культурной языковой компетенции необходимы мемуаристу, если он заботится о своём имидже при коммуникации. Рассмотрим несколько примеров:

1) *Сразу оговорюсь, я бы никогда не осмелился высказать своё мнение вслух, если бы это не нашло подтверждения в словах Швейнера М. А., в фильме которого он [Высоцкий], сыграл, на мой взгляд, свою лучшую роль в кино – Дон Гуана (В. Золотухин, «Секрет Высоцкого»).*

2) *Актёр в жизни, образно говоря, похож на гусеницу, пожирающую огромное количество зелени (Г.И. Бурков, «Хроника сердца»).*

В приведённых выше контекстах с помощью метапоказателей говорящий выражает своё пристальное внимание к плану выражения, в частности к употребляемой им лексике. В соответствии с требованием такта Говорящий извиняется за используемый в данной ситуации способ выражения мысли, если высказывание приобретает резкий или категоричный оттенок, которые могут помешать продуктивному общению. Говорящий с целью гармонизации общения регулярно реализует свою коммуникативную программу с помощью метасредств: *не побоюсь этого слова, осмелюсь сказать, если хотите, если можно так выразиться / сказать, мягко говоря и др.*

Выделенные показатели метатекста можно интерпретировать следующим образом: «я понимаю, что могу тебя обидеть / неприятно удивить, но я говорю правду. С нашей точки зрения, немаловажным побудительным стимулом для обращения авторов к мемуарной прозе служит то обстоятельство, что она снимает ограничения и законы этой прозы позволяют и даже требуют говорить и писать именно то, что человек хочет выразить, не прибегая к эзоповскому языку, эвфемизмам и прочим маскировочным средствам.

Мемуарист подчеркивает особенности своей коммуникативной стратегии: высказывание строится без подтекста, недомолвок.

Несомненно, автор рассчитывает на то, что его воспоминания будут оцениваться как правдивые и достоверные, всячески указывая адресату на искренность высказываемых суждений. Эти показатели метатекста можно интерпретировать следующим образом: «я понимаю, что могу тебя обидеть / неприятно удивить, но я говорю правду».

Для этого в соответствии с правилом «будь искренним» широко используются метапоказатели из группы единиц, характеризующих речь как

искреннюю: *честно говоря, скажем откровенно, искренне говоря, скажу по правде, если откровенно, если говорить правду*, например, «Спеться» (*честно говоря, в том же смысле, что «спиться»*) – вот чего я боюсь Я боюсь утратить своё значение как Актер, как исполнитель ролей драматических. Я боюсь, что про меня будут говорить, да уже и говорят: «А, это тот, что песенки поёт?» Боюсь превратиться в Трошина, в Анофриева и пр. Даже в Высоцкого. Потому что его слава как певца-барда гораздо выше его славы актерской. Хотя ведь это никто не мерил, и почему плохо, когда артист поет?! (В. Золотухин, «Секрет Высоцкого»).

Употребление метапоказателей такого рода означает, во-первых, что Говорящий претендует на адекватность формулировки. Во-вторых, Говорящий допускает, что предполагаемое обозначение может быть резким, категоричным или неожиданным, и старается, по возможности, смягчить это впечатление.

Заметим, что доля показателей искренности в исследуемом материале достаточна велика. Авторы не контролируют свои воспоминания, как, например, советские военачальники, участники Великой Отечественной войны (см. например, мемуары Г. К. Жукова, И. Х. Баграмяна, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского и др.) [Приводится по: Перфильева, 2006]. Это подтверждает нашу гипотезу, что личность автора и время написания текста накладывает отпечаток на характер ассоциаций, отражаемых в метатексте.

Показатели искренности есть отражение рефлексии Говорящего относительно содержания высказывания, а иногда плана выражения.

Рефлексия Говорящего относительно содержания высказывания может быть связана с тем, что а) Говорящий сообщает, неожиданную, может быть, шокирующую Адресата информацию; б) Говорящий нескромен; в) категоричен.

2) *Реализация приёмов «интимизации»*. Интимизация – синтаксический приём, использование которого позволяет повествователю «войти в контакт» с адресатом, сделать его участником процесса своего сообщения и своих чувств [Булаховский, 1954, с. 455].

В качестве одного из таких приёмов автор использует «повелительные наклонения, приглашающие читателя подумать, взвесить, оценить сообщаемое автором» [Булаховский, 1954, с. 456]. В этом случае в метатексте происходит «совмещение» субъектных сфер автора и читателя. Такой метатекст вербализует волитивный модус и организован средствами волюнтивного регистра [Приводится по: Золотова, Онипенко, 1998], например: <...> *мужчина, топчущийся у плиты, не вызывает у меня никаких возвышенных чувств. Не знаю, способен ли был бы сам Грегори Пек, возмись он рассуждать о превосходстве грибного соуса над любым другим, увлечь меня. Скажем, принимаясь за десерт, то есть уже удовлетворив перед тем голод, всякий нормальный, уважающий себя мужчина немедленно берется наводить порядок в политике; всякий же третий) начинает обсуждать вкус поданных блюд, добавляя свои импровизации на заданную*

(читай – съеденную) тему. В лучшем случае разгорается дискуссия на предмет женско-мужских взаимоотношений (М. Влади, «Владимир, или Прерванный полет»).

В приведённом примере автор прямо обращается к читателю посредством глагола в форме повелительного наклонения «читай» и с ярко выраженной экспрессией указывает, как адресат должен воспринимать определённый отрезок основного высказывания. Нередко подобные метатекстовые вставки имеют иронический оттенок значения, т.к. возникает явное противоречие между значением фрагмента основного высказывания и значением высказывания в метатексте. Так, в нашем примере нейтральный с точки зрения оценочности лексический элемент «заданная тема» в основном высказывании заменяется автором на лексический элемент «съеденная тема», имеющий неодобрительный оценочный компонент значения; за счет создавшегося противоречия возникает ироническая оценка.

Таким образом, Говорящий посредством употребления глаголов в форме повелительного наклонения («читай», «запомни», «заметь» и др.), а также глаголов 1 лица множественного числа со значением совместного действия с обобщённо-определённым значением («вспомним», «обратим внимание»), прямо обращается к читателю, указывая ему, на какую информацию в основном высказывании следует обратить особое внимание.

Заметим, что помимо содержательного комментирования, как в предыдущих примерах, метатекст комментирует и формальную, структурную, организацию текста, когда пишущий объясняет, как построен его текст. Это в первую очередь проявляется тогда, когда метатекст участвует в реализации таких текстовых категорий, как проспекция и ретроспекция, выделенных И.Р. Гальпериным [Гальперин, 1981, с. 112].

Метатекст, участвующий в реализации этих текстовых категорий, подробно исследован В.А. Шаймиевым, отмечающим, что вставки в этой функции актуализируют для читателя определённую часть текстовой информации [Шаймиев, 1983]. Мы лишь добавим, что, используя показатели проспекции и ретроспекции, субъект речи выступает уже не просто как рассказчик, а как строитель, творец своего текста.

Заключая, подчеркнём, что статистический подсчёт исследуемого материала позволил выделить «функциональную активность» метатекста в мемуарной прозе. Метатекст, используемый в определённой коммуникативно-прагматической ситуации, реализует своё содержание путём актуализации индивидуально-авторских комментариев, выходя на уровень авторской стратегии в тексте. Метаязыковой комментарий является своеобразным показателем языкового чутья говорящего, его речевой реакции на уместность / неуместность употребления слова, способствуя понятности текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брчакова, Д.О. О связности в устных коммуникатах [Текст] / Д.О. Брчакова // Синтаксис текста ; отв. ред. д.ф.н. Г.А. Золотова. – Наука, 1979. – С. 248-261.

2. Булаховский, Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис [Текст] / Л.А. Булаховский. – М.: Просвещение, 1954. – 486 с.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
4. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова // Под общей ред. д.ф.н. Г.А. Золотовой. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический ф-т, 1998. – 544 с.
5. Матханова, И.П. О модусе «осторожности» в научном тексте [Текст] / И.П. Матханова // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка. – СПб., 2005.
6. Перфильева, Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий [Текст]: монография / Н.П. Перфильева. – Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». – Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2006. – 284 с.
7. Шаймиев, В.А. Континуум, проспекция и ретроспекция как формы проявления связности текста [Текст] / В.А. Шаймиев // Вопросы воспитания и обучения: сборник статей. – Бирск, 1983. – С. 95-97.

РЕАЛИЗАЦИЯ ТАКТИКИ ССЫЛКИ НА АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ В КАЗАХСТАНСКИХ СМИ

У.И. Глазко, О.К. Андриющенко

Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан)

In the article are considered the tactics of reference to the authoritative opinion important for argumentation in the media. The author classifies references by type of a source, marking out the source of person and the source of normative deed.

Переход к антропоцентрической парадигме языка, активное развитие в лингвистике коммуникативно-прагматического подхода привело к исследованию речевой ситуации, участников общения, интенций и стратегий коммуникации. Формирование прагмалингвистики происходило в пределах философии языка, но по мере своего развития все более тесно соприкасалось со сферой его функционирования. В рамках новой науки актуальным становится не предложение, а речевой акт как минимальная коммуникативная единица речи. Вслед за Н.Д. Арутюновой, мы понимаем под речевым актом «целестремлённое речевое действие, которое происходит в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единицу нормативного социоречевого поведения, которое рассматривается в пределах прагматической ситуации» [Арутюнова, 1988, с. 48].

В русле исследований речевого акта назрела необходимость рассматривать конкретную реализацию данного акта в речи, в связи с чем в структуре коммуникации выделяют стратегии как «совокупность речевых

действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего. Стратегия реализуется посредством речевых тактик, понимаемых как конкретные речевые ходы в процессе осуществления речевой стратегии» [Сковородников, 2004, с. 6].

Таким образом, понятие речевая стратегия и речевая тактика взаимосвязаны как род и вид, так как тактика соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений.

В нашей работе будет проанализирована речевая тактика ссылки на авторитетное мнение в рамках коммуникативной стратегии аргументации на материале казахстанских газетных текстов. Основной функцией газетного текста является функция воздействия с целью формирования общественного мнения на ту или иную ситуацию в сфере политики, культуры, быта и т.д. Исходя из этого, автору статьи необходимо представить доказательную базу представленных материалов, потому одной из наиболее важных стратегий, используемых в СМИ, является стратегия аргументации, так как без доказательств правдивости излагаемого материала не будет реализована функция воздействия, а также базовая функция информативности, что, в конечном счёте, будет свидетельствовать о несостоявшейся коммуникации.

Необходимо взять во внимание и то, что репутация любого издания находится в прямой зависимости от достоверности сообщаемых им фактов, и неточный материал способен дезориентировать читателя и, как следствие, привести к судебному иску против редакции.

В газетных текстах казахстанских изданий стратегия аргументации в большинстве своём реализуется при помощи тактики ссылки на авторитетное мнение. Под ссылкой мы понимаем атрибуцию информации, ее персонификацию (при ссылке на источник–лицо). При использовании ссылок автор преследует следующие цели: подтвердить точность и надежность фактов; представить информацию как объективную за счёт того, что автор находится как бы над ситуацией, вводя в повествование первоисточник, апеллируя к его знаниям, осведомлённости, степени его полномочий и т.д. Использование ссылок на авторитетное мнение способно расположить читателя к восприятию нужной информации, так как читатель в большей степени склонен доверять информации, подкреплённой цитатой авторитетного лица/ документа. При этом очень важно определить понятие авторитетного мнения. В словаре С.И. Ожегова даётся следующая дефиниция слову «авторитетный»: «2. Заслуживающий безусловного доверия. 3. Не допускающий возражений» [Ожегов, 2004, с. 17].

Важным для нас является первое значение данной лексемы. Безусловное доверие необходимо заслужить, либо представить информацию так, чтобы заинтересовать читателей, так как для читательской аудитории ссылка на авторитет является первостепенной при подтверждении правоты слов автора. Рассматривая целевую аудиторию читателей газетных текстов, нужно отметить, что, в основном, это люди старшего возраста. Анализируя возрастную аудиторию с точки зрения речевого воздействия, И.А. Стернин

приходит к выводу, что большую заинтересованность газетной информацией проявляют люди старшего возраста, которые рассматривают печатные тексты как наиболее приемлемые: «Аудитория старшего возраста характеризуется преобладанием интересов, связанных с повседневным бытом и воспитанием молодежи. Для этой аудитории характерен высокий интерес к общественно-политической тематике. Люди пожилого возраста больше доверяют газетам, чем какому-либо другому источнику информации, и обычно хорошо информированы о том, что содержится в последних газетах. Люди старшего возраста ждут чёткого указания источников информации» [Стернин, 2004, с. 175].

Автор газетного текста, ссылаясь на тот или иной авторитет, руководствуется стремлением аргументировать информацию, подать ее наиболее полно, объективно, правдиво. Исходя из вышеперечисленных мотивов, представляется возможным привести следующие принципы, которыми руководствуется автор при отборе авторитетных источников: 1) авторитет должен обладать полномочиями при оглашении тех или иных фактов, при этом полномочия заключаются в степени владения необходимыми знаниями, умениями, навыками в той или иной сфере человеческой деятельности; 2) авторитет должен восприниматься как истина в высшей инстанции, такие авторитеты зачастую представляют собой письменные источники нотариально заверенные, имеющие законное основание своего авторитета, либо религиозные книги, относящиеся к всемирно признанным религиям.

Рассмотрим источники ссылки на авторитетное мнение. На основе изученного нами материала мы выделяем следующие типы источников: источник-лицо, источник–нормативный документ.

Источник-лицо также может подразделяться на два подтипа: лицо, названное конкретно и лицо названное обобщённо. Например:

1) *По словам начальника управления энергетики и коммунального хозяйства Сунгата Есимханова, 3,3 тысячи бюджетных организаций потребляют 3 % электроэнергии в области. «Звезда Прииртышья» №112 (17911) 2009г.* В данном отрывке приведен пример ссылки на авторитетное мнение с указанием источника-лица, оговариваются имя и фамилия, сфера его деятельности и должность данного лица. Этим подчеркивается, что данное лицо действительно обладает полномочиями озвучивать факты, связанные с его непосредственной деятельностью, поэтому его мнение расценивается как авторитетное.

2) *Как стало известно «Свободе слова», на проходящем сейчас в Степногорске процессе все было поставлено с ног на голову. Так утверждают близкие подсудимых, рассказывая о невероятных метаморфозах следствия, согласно которому заключённые изолятора сами напали на своих охранников, желая убедить их в своей правоте. «Свобода слова» №36 (231) 2009г.* В данном примере представлена ссылка на источник-лицо, вернее группу лиц, которые названы обобщенно, так как автору в данном случае важны не сами эти лица, а их отношение к

виновникам процесса. Авторитет базируется на противопоставлении простых граждан и, как утверждается в статье, «коррупцированных представителей власти». Автор статьи В. Сурганов поддерживает авторитет близких подсудимым людей, заявляя, что процесс может разрешиться «либо официально, либо правдиво», тем самым приравнивая понятия официальный = лживый, имплицитно используя тактику «игра на снижение авторитета», за счёт чего мнение простых граждан в противовес официальным лицам выступает наиболее авторитетно. Отметим, что зачастую такие ссылки употребляются в оппозиционных газетах, от содержания которых зависит и выбор авторитетных лиц.

Ссылка на источник–нормативный документ характеризуется тем, что автор не просто даёт отсылку к тому или иному нормативному документу, но и зачастую цитирует его с целью большей убедительности либо кратко формулирует основное положение данного документа. Например:

3) *Мы считаем нужным сообщить, что, публикуя критические материалы, действуем в рамках статьи 20 Основного закона и аналогичной статьи 2 Закона РК «О средствах массовой информации». В обоих законодательных актах гарантируется свобода слова. «Казахстанская правда» № 242 (25689) 2008г.* В приведённом примере автор отстаивает свои права, повышая свой авторитет за счёт ссылки на нормативный документ. Ссылка на законодательные акты достаточно распространена в газетах Казахстана, так как данный источник признается наиболее авторитетным.

Таким образом, тактика ссылки на авторитетное мнение является наиболее удачной тактикой в стратегии аргументации. Объём статьи не позволяет сделать полный анализ данной тактики, ограничимся лишь указанием процентного соотношения употребления данной тактики в СМИ Казахстана. Наиболее частотное употребление ссылки на источник-лицо, в общей сложности 70% от общего количества тактики ссылки на авторитетное мнение. Процент употребления ссылок на нормативный документ равен 30%.

Нужно отметить, что ни одна статья, содержащая важную/новую, общественно-значимую информацию не публикуется без ссылок на авторитетное мнение, так как указанная тактика позволяет не только определить специфику аргументации в СМИ, но и выявить тончайшие оттенки значения ссылки, где зачастую тип ссылки позволяет автору реализовать тактики, играющие на повышение или снижение авторитета источника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт) [Текст]/ Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст]/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: «А ТЕМП», 2004. – 944 с.
3. Сковородников, А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический приём», «стилистика фигура», «речевая тактика»,

речевой жанр» в практике терминологической лексикографии [Текст] / А.П. Сковородников // Риторика – Лингвистика: сб. статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. Вып. 5. – С. 5-11.

4. Стернин, И.А. Фактор адресата в речевом воздействии [Текст]/ И.А. Стернин // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2004, № 1. – С. 171-178.

СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В АНГЛИЙСКОМ КОНВЕРСАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Г.Р. Власян

Челябинский государственный университет

The article aims to single out positive and negative politeness strategies in English conversational discourse.

Одним из необходимых условий существования общества являются социальные нормы поведения: они регулируют социальное взаимодействие людей в процессе их практической деятельности. Манера речи, разрешение или запрет говорить одно и не говорить другое, выбор языковых средств, как помета своей принадлежности к среде – всё это заметно в наших повседневных речевых проявлениях [Формановская, 1982]. Речевой этикет воплотился в стереотипы, формулы общения, которые не строятся заново всякий раз, когда есть необходимость в их употреблении, а используются как готовые, устойчивые выражения, отложившиеся в нашем языковом сознании. При этом в диалоге проявляется уважение к собеседнику, иными словами, коммуниканты строят своё общение на вежливости.

Категория вежливости связана с так называемыми постулатами речевого общения, которые делают возможным и успешным взаимодействие участников коммуникации. Г.П. Грайс ввел коммуникативные постулаты в научный обиход и сформулировал их в виде основного принципа кооперации и четырёх правил, вытекающих из этого принципа [Грайс, 1985]:

1. постулат качества/истинности – сообщение не должно быть ложным;
2. постулат количества/информативности – понимание сообщения зависит от его информативной насыщенности;
3. постулат отношения/релевантности – переход говорящего к новому предмету разговора сопровождается сигналом о перемене темы;
4. постулат способа/ясности выражения – выбор говорящим языкового кода, лексических и грамматических средств.

Принципы и постулаты общения носят разнородный характер. Они включают этические нормы, модели языкового поведения, но в основе коммуникативных постулатов лежит здравый смысл. Нарушение одного или нескольких из этих постулатов в той или иной степени влечёт за собой коммуникативную неудачу. Но в ряде случаев постулаты общения могут нарушаться намеренно. Во-первых, это происходит в силу противоречивости самих постулатов, например, «будь вежлив» и «будь краток и ясен». Во-вторых, нарушения постулатов общения могут быть определены целью

говорящего – поставить партнера по общению в неудобное положение или воздействовать на адресата.

Нарушения коммуникативных постулатов в естественной речи несут дополнительную нагрузку. Неожиданное изменение темы высказывания может нарушить целостность текста. Это свидетельствует либо об особой стратегии отправителя сообщения, либо указывает на ее отсутствие. Но, как правило, неожиданный сбой в теме диалога может быть оправдан коммуникативным намерением говорящего.

Принцип вежливости, как отмечается в лингвистической литературе, является основным в стратегии диалогического общения. Вежливость как предмет лингвистического изучения неоднократно привлекала к себе внимание отечественных и зарубежных языковедов. Проблематика вежливости как лингвистического феномена включает такие вопросы, как разработка концепции вежливости, изучение социально-психологических факторов, определяющих формы и функции вежливого поведения, установление взаимосвязи категории вежливости и типа дискурса, описание языкового выражения вежливости.

В лингвистике категория вежливости рассматривается в рамках общей стратегии речевого поведения или при анализе особенностей речевых актов в конкретном языке (извинения, благодарности, комплименты, выражения сочувствия и т.д.).

Способы выражения вежливости в разных языках зависят от структуры общества, в котором эти языки функционируют, и от принятых в нём моделей социального поведения.

В корейском языке, например, категория вежливости насчитывает следующие ступени: почтительная, уважительная, характерная для женской речи, учтивая, интимная, фамильярная и покровительственная. Для каждой формы вежливости характерен свой набор грамматических и лексических показателей, сигнализирующих разную степень вежливости.

Японский язык может служить хорошим примером языка с развитой системой форм вежливости. Так, в японском языке существует четыре грамматические категории уважительности, показывающие отношение говорящего к собеседнику и объекту высказывания.

В венгерском языке наряду с тремя эквивалентами «вы»-формы есть четвёртая форма. Эта форма является наиболее вежливым способом обращения – вспомогательный глагол *tetszik*, «нравиться», форма инфинитива без местоимения.

Общие положения теории вежливости представлены в работе П. Браун и С. Левинсона. Остановимся подробнее на этой теории как наиболее полной и непротиворечивой. Основным понятием этой теории является понятие «лицо» (*public self-image face*), под которым подразумевается позитивная социальная ценность, которой обладает каждый член общества. Любое действие совершается с целью сохранить «лицо» или избежать «потери лица». Используя концепты «сохранение/потеря лица», П. Браун и С. Левинсон разрабатывают общую теорию, в которой обосновывают

предсказуемость в реализации категории вежливости, исходя из оценки «весомости» речевого акта. Эта весомость определяется следующими факторами: различием в социальной дистанции и дистанции власти между говорящим и слушающим, и трудоемкостью выполнения действия, связанного с угрозой «потери лица». Основная мысль данной теории заключается в положении, согласно которому, чем больше говорящий создаёт угрозу потери лица для слушающего (*Face Threatening Acts*), тем вежливее он будет говорить. Обычно различают «позитивную» и «негативную» формы вежливости (*positive and negative politeness*). Первая основана на сближении (*approach-based*), вторая – на дистанцировании (*avoidance-based*) [Brown, Levinson, 1987]. Каждый из этих типов вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий, при помощи которых достигаются цели вежливого общения.

Демонстрация солидарности и сохранение дистанции, по утверждению авторов, составляют суть вежливого поведения, то есть быть вежливым можно в том случае, если ты демонстрируешь собеседнику свою солидарность и в то же время сохраняешь определённую дистанцию [Brown, Levinson, 1987].

Сближение и дистанцирование можно назвать гиперстратегиями вежливости, используемыми для достижения наиболее общих коммуникативных целей. Каждая из них, в свою очередь, достигается при помощи системы более частных стратегий [Ларина, 2009].

Разные типы стратегий связаны с разными речевыми актами. Так, стратегии позитивной вежливости, которые направлены на сближение собеседников, связаны, прежде всего, с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении отношения говорящего к происходящему (приветствие, благодарность, оценка, комплимент и др.). Стратегии негативной вежливости, главная цель которых – демонстрация уважения личной автономии адресата, связаны, прежде всего, с побудительными речевыми актами, в которых говорящий оказывает коммуникативное давление на собеседника. П. Браун и С. Левинсон выделяют ряд стратегий негативной и позитивной вежливости [Brown, Levinson, 1987]. В нашей работе мы рассмотрим только те стратегии, которые, по данным нашего исследования встречаются в разговорном дискурсе и характерны для повседневного общения.

К числу основных стратегий негативной вежливости разговорного дискурса относятся:

- Выражайтесь косвенно: *Could you possibly pass the salt, please?*
- Задавайте вопросы, будьте уклончивы (буквально «создавайте преграды»). Под так называемыми преградами (*hedge*) понимаются средства смягчения, препятствующие прямолинейности и категоричности высказываний: *How far is it? – Well, it's too far to walk. I mean, you know it's a long way.*
- Предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие: *It would be nice to have tea together, but I am sure you are very busy.*

- Минимизируйте свои предположения о желании адресата совершить действие: *I don't know if you will want to send this by air or by speed post.*
- Будьте пессимистом: *I don't suppose you'd know the time, would you?*
- Минимизируйте степень вмешательства: *I just want to ask you if I can borrow a tiny bit of paper.*
- Извиняйтесь: *I'm sorry to trouble you, could you tell me the time?*
- Используйте фамилии и титулы: *Mr. Lee, there is a phone call for you.*
- Будьте немногословны.

Все стратегии вежливости дистанцирования направлены на реализацию одной гиперстратегии – уменьшайте воздействие на адресата, демонстрируйте уважение к его личной независимости (privacy).

Обобщая стратегии позитивной вежливости, назовём основные из них:

- Замечайте слушающего, уделяйте внимание ему, его интересам, желаниям, потребностям: *Thank you very much for your presents. That's very kind and thoughtful of you.*

- Преувеличивайте (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику): *It's absolutely unbelievable/ I am terribly sorry about that.*

- Подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию: *Would you like some more wine? – No, thanks. It's enough. – Are you sure?*

- Ищите согласия: *Thanks. I feel the same way.*

- Будьте оптимистом: *I want you to feel good.*

- Допускайте и утверждайте взаимность: *How are you? – I am perfectly fine.*

- Дарите подарки слушающему: *Your performance was brilliant. I really enjoyed it.*

- Используйте маркеры внутригрупповой принадлежности: *Hi, guys!*

- Обращайтесь по имени: *Hi, John/ Hello David.*

- Используйте язык, на котором говорит собеседник: *Oh, it's cool!*

- Будьте разговорчивы.

Являясь универсальной категорией, вежливость имеет свои национально-культурные особенности, которые проявляются не только в этикетных формулах, но и в национально-специфических стратегиях, которые регулируют коммуникативное поведение представителей той или иной лингвокультуры. Регулярное использование тех или иных стратегий приводит к формированию специфических черт коммуникативного поведения, коммуникативных доминант, на основе которых складывается национальный стиль коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грайс, П. Логика и речевое общение [Текст] / П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – 1985. – С. 217-237.

2. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций [Текст] / Т.В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
3. Формановская, Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: Рус. язык, 1982. – 126 с.
4. Brown P., Levinson S. Politeness. Some universals in language usage [Text] / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

ДИСКУРС ДРАМЫ: КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОЕ СОЗНАНИЕ АВТОРА

М.А. Голованева

Астраханский государственный университет

In the article is observations specificity cognition mechanisms of a disposal of a confession of author, which we can see in the process of communication this author and plays consumer.

Дискурс драмы, как и дискурс любого другого художественного произведения, складывается из трёх сегментов: коммуникация автора и предполагаемого реципиента в момент создания произведения; коммуникация автора через объективно существующий текст с активным читателем/зрителем (внутри этой фазы существует отдельная область коммуникации реципиента и персонажей произведения); коммуникация реципиента и автора после завершения узнавания читателем/зрителем произведения.

В данной работе рассматривается первый сегмент в линейном процессе художественной коммуникации, а именно авторское сознание, его коммуникативно-когнитивная сфера, и делаются штрихи-наблюдения к «портрету» этого сегмента. Вопрос еще более актуализируется в тот момент, когда принимается точка зрения Е.С. Кубряковой на драму как на особый «формат знания»: «исследуя драматургические произведения с когнитивной точки зрения, мы должны, по всей видимости, ответить, прежде всего, на вопрос о том, какое место занимали и продолжают занимать они в процессах категоризации и концептуализации мира, в процессах описания мира и его осмысления» [Кубрякова, 2008, с. 31]. Передавая зрителю/читателю своё мироощущение, автор создаёт драму как некий цельный формат, внутри которого наблюдаем структуры знаний, образованные из концептов. Исследование той части концептуальной сферы автора, которая является объектом интенций драматурга в отношении реципиента, представляет особый интерес.

Специфика драматического произведения – это его известная форма: зона реплик и зона ремарок. Такая объективно заданная внешняя организация произведения диктует внутреннее устройство когнитивно-дискурсивного пространства драмы. Сознание автора неизбежно создаёт две области, наследующие его когнитивные накопления: область речи, требующую озвучения в процессе потребления ее сознанием зрителя, и область ремарок,

остающуюся «за кадром» в реальном спектакле. Наметившаяся тенденция драмы к жанру «пьеса для читателя», однозначно влияющая на сознание автора с середины XX века, порождает драму с ремарками такой природы, которая сближает драму с прозой (ремарка при этом перестаёт быть «знаком того, что значение произносящихся слов не равно смыслу и значению сцены как таковой» [Николина, 2003, с. 211]). Беллетризация ремарки [Бен, 1971; Сахновский-Панкеев, 1969; Лингвистический анализ текста, 1988] при исследовании авторского сознания не может остаться незамеченной. Другое явление, связанное с репликами, также требует упоминания: «драматический диалог, который никогда не являлся точной копией реального обиходно-разговорного языка, стал гораздо ближе к естественному разговорному языку» [Хижняк, 2006, с. 13]. Несмотря на отмеченные черты, драма сохраняет как сегмент реплик, так и сегмент ремарок в качестве родового признака. Распределение когнитивно-пропозициональных структур авторского сознания по этим сегментам при их создании и при «транспортировке» авторского концептуального багажа в направлении к читателю/зрителю неравномерно. Если реплика героя – это способ опосредованной передачи автором реципиенту той структуры знания (структура знания равна при этом набору концептов соответствующей освещаемой сферы), которая, как вместительница эстетических, этических, нравственных, социальных и иных проблем, есть актуальный посыл реципиенту, то ремарка – это «вырвавшийся голос» автора, который при желании самого автора может не быть завуалирован ничем, что и позволяет интенциям драматурга быть эксплицитными.

Классическое образное выражение Н.Д. Арутюновой, определившее суть дискурса [Арутюнова, 1996, с. 136-137], указывает на «погруженность в жизнь» той речи, которая и превращается в дискурс. Как же в таком случае можно говорить о дискурсивной природе того образования, которое еще только порождается автором и еще не успело коснуться сферы воспринимающего сознания? Когнитивные механизмы, включающиеся в авторском сознании в процессе творчества, создают модель адекватного ответа потребителя на предлагаемый формат знания. С неизбежностью моделируемые структуры определённого концептуального наполнения «примеряются» автором на предполагаемые макеты ответных реакций реципиентов. Подобный виртуальный диалог с будущим читателем/зрителем пьесы есть та часть драматического дискурса, которая выше названа первым сегментом и которая ярче всего отражает авторские когнитивные потенции. Драматический дискурс – «явление несравненно более сложное, нежели просто речь, а потому и рассматривается нами как высшая реальность языка» [Кубрякова, 2008, с. 31], – пишет Е.С. Кубрякова. На отрезке создания пьесы «перекрёсток когниции и коммуникации» [Кубрякова, 2008, с. 31] особенно ярко высвечивает авторские интенции: обобщая собственный опыт взаимодействия с миром, плоды собственных познавательных процессов, в обработанном и переработанном виде знания автора «упаковываются» в

речевые отрезки ремарок и реплик в таком пропорциональном соотношении, какого требуют имплицитная и эксплицитная части авторского посыла.

Кроме того, драматический текст как готовый продукт есть полноценный текст: «Мы общаемся не словами и не предложениями, а текстами, как убедительно доказали психолингвистика и теория речевых актов» [Бабенко, Казарин, 2009, с. 28]. Однако механическим разделением текста на реплики и ремарки быть не может, поэтому автор решает задачу инкорпорирования в текст метатекста (в понимании А.Вежбицкой) [Вежбицкая, 1978, с. 402], который сложным образом распределяется в ткани ремарок и реплик. Подобное распределение напрямую зависит от намерений автора создать «пьесу для читателя» или «пьесу для зрителя».

Подытоживая сказанное, следует отметить, что каждое из наблюдений есть отдельный штрих к освещению глубокого вопроса о воплощении сознания автора на этапе реализации первого сегмента драматического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистическая энциклопедия. VI. – М. : Советская энциклопедия, 1996. – С. 136-137.
2. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст] : учебник; практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 6-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 250 с.
3. Бен, Т.Е. Ремарка [Текст] / Т.Е. Бен // Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. Т. 6. – М. : Советская энциклопедия, 1971. – С. 250.
4. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте [Текст] / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 402-424.
5. Кубрякова, Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Принципы и методы когнитивных исследований языка : Сб. науч. тр./ Отв. ред. Н.И. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 30-45.
6. Лингвистический анализ художественного текста [Текст]: монография / Под ред. О.Н. Панченко. – М. : Просвещение, 1988. – 344 с.
7. Николина, Н.Л. Филологический анализ текста [Текст] / Н.Л. Николина – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 256 с.
8. Сахновский-Панкеев, В.А. Драма. Конфликт. Композиция. Сценическая жизнь [Текст] / В.А. Сахновский-Панкеев. – Л., 1969. – С. 302 с.
9. Хижняк, А.В. Ремарка в драмах Ф. Шиллера : локально-структурный, функционально-семантический и переводческий аспекты [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.В. Хижняк. – Р-н/Д, 2006. – 167 с.

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ ТЕЗАУРУСЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Е.В. Головина
Оренбургский государственный университет

This article covers the study of the terminological thesaurus of the philological text analysis according to the operative variant and normative phenomena relying on the fiction analyses.

В филологической науке накоплен большой опыт толкования различных типов текстов, и понятие «филологический анализ текста» (далее ФАТ) может пониматься и как исследовательская деятельность, учебная деятельность, и как органическое соединение литературоведческого, стилистического, лингвистического анализа и т.д. Но вопрос формулирования того терминологического аппарата, без которого исследователь не может обойтись в ходе анализа текста, является одним из ключевых.

Целью данной статьи является рассмотрение терминологического аппарата в текстах анализа художественных произведений. **Материалом** исследования послужили тексты анализа художественных произведений А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева и др. На первом этапе был составлен список из 87 текстов анализа. Затем из данного списка были выбраны тексты повторяющихся произведений (например, анализ произведения А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», выполненный Л.А. Новиковым и Р.А. Каримовой [Новиков 2007, Каримова 1996]). В итоге рассматривались 22 текста анализа.

На первом этапе был составлен терминологический словарь тех понятий, которые автор использует в процессе интерпретации. Так, например, при анализе отрывка произведения «Война и мир» Л.А. Новиков обращается к следующим понятиям: идейно-эстетическое содержание текста, смысл романа, идея романа, композиция, план изображения, повествователь, интонация, пауза, противопоставление (антитеза) образов, категория художественного времени и пространства, стилистическая фигура, оксюморон, контекстуальная антонимия, реалистическая образность, тропы, фигуры [Новиков, 2007, с. 122-135]. Анализируя то же произведение, Г.С. Сырица прибегает к следующим понятиям: персонаж, автор, композиция, антонимичный ряд, лексико-семантический ряд, портретное описание, функция, структура портрета [Сырица, 2005, с. 321-337].

Аналогичная работа была проведена со всеми 22 текстами. В ходе анализа во всех текстах нами был выделен 171 термин. Далее была составлена таблица частотности терминологического аппарата текстов анализа, т.е. подсчитано сколько раз термин упоминается авторами в процессе анализа. Обращает на себя внимание повторяемость названий терминов в рассмотренных текстах анализа, напрямую связанных с категорией нормативности и вариативности деятельности: «...нормативность представляет собой реализацию тенденции к сохранению всего полезного, что приобретено в деятельности. Вариативность, наоборот, есть реализация тенденции к изменению достигнутого для целесообразного улучшения, совершенствования либо по причине нецеленаправленного ухудшения, разрушения» [Суходольский, 1998 с. 22]. *Абсолютными повторами* являются следующие термины: автор (3); антитеза образов (2); главный/

второстепенный персонаж (2); диалог (2); жанр (5); идейно-эстетическое содержание текста (2); идея (3); интонация (2); композиция (6); лексический повтор (2); лексический уровень (2); лирика (3); лирический герой (3); метафора (2); монолог (3); образ (5); описание (2); персонаж (2); подтекст произведения (2); размер (3); ритм (3); синтаксический повтор (2); сравнение (5); стилистические средства (2); строфа (2); структура текста (2); тема (5); четырехстопный ямб (2); языковые средства (3).

Абсолютными повторами являются 29 понятий, что составляет 16,9 % от общего числа всех выделенных терминов. Данный коэффициент мы можем считать *коэффициентом нормативности* терминологического аппарата исследованных текстов анализа. Тот терминологический аппарат, который используют исследователи, весьма обширен и *вариативен*, это можно объяснить тем, что на данный момент нет (и не может быть) единого подхода, единой концепции анализа текста.

Далее терминологический тезаурус был объединен в 17 тематических групп: «анализ», «композиция», «стилистика языка», «стилистика текста», «структурность в языке и речи», «образность», «текст», «части речи и их функции», «уровни языка», «форма и содержание», «языковые средства», «автор», «персонажи произведения», «типы текста», «пространство и время», «содержательно-смысловой план», «ритмическая организация текста».

На следующем этапе был посчитан удельный вес каждой тематической группы. Результаты отображены в таблице 1.

Таблица 1. Удельный вес тематических групп терминологического тезауруса ФАТ

Тематическая группа	Удельный вес (%)	Объём поля
Автор	5,3	7
Анализ	2,3	4
Композиция	11,1	14
Образность	9,9	12
Персонажи произведения	4,7	4
Пространство и время	4,1	7
Ритмическая организация текста	13,5	18
Содержательно-смысловой план текста	16,4	20
Стилистика текста	12,9	18
Стилистика языка	15,8	21
Структурность в языке и речи	10,5	15
Текст	1,8	3
Типы текста	7	6
Уровни языка	5,8	9
Форма и содержание	1,2	2
Части речи и их функции	2,3	4
Языковые средства	4,1	5

Основываясь на полученных данных, наблюдаем, что каждая группа имеет разный объём. Наиболее значимыми тематическими группами

являются: «ритмическая организация текста», «стилистика языка», «стилистика текста», «содержательно-смысловой план текста», «композиция», «структурность в языке и речи». Наименее значимыми являются следующие группы: «текст», «форма и содержание», «анализ», «части речи и их функции».

Также был выявлен коэффициент нормативности в каждой тематической группе, который наиболее высок в следующих группах: «персонаж» (75 %), «типы текста» (33,3 %), «ритмическая организация текста» (27,8 %), «структурность в языке и речи» (20 %), «содержательно-смысловой план текста» (20 %), «языковые средства» (20 %). Данный коэффициент равен нулю в следующих группах: «анализ», «части речи и их функции», «пространство и время», «текст», «форма и содержание».

Полученные данные дают право делать некоторые выводы. Сравнительно высокий удельный вес группы «ритмическая организация текста» связан с тем, что из 22 изученных текстов 50 % составляют тексты анализа стихотворных произведений. Также часто исследователи делают акцент на изучение композиции текста, формулируют ряд приёмов, с помощью которых она может рассматриваться. В терминологическом аппарате ФАТ отчетливо прослеживается весомая роль структурного подхода, что доказано высоким удельным весом данной группы; упор также сделан на выявлении стилистических особенностей текста (группы «стилистика текста» и «стилистика языка»). Таким образом, наблюдаем некоторое уравнивание между филологическим анализом текста, стилистическим и лингвистическим видами анализа.

Высокий коэффициент нормативности в ряде тематических групп говорит о том, что исследователи акцентируют внимание на изучении системы персонажей, для анализа ими выбираются в основном небольшие отрывки из произведений, либо стихотворения. К тому же, исследователи изучают содержательно-смысловой плана текста (выделение темы, микротем, ключевой мысли и т.д.). Также можно утверждать, что сфера филологической реальности, связанная с картиной мира персонажей произведения, является наиболее разработанной. Об этом говорит самый высокий коэффициент нормативности соответствующей тематической группы.

В заключении стоит отметить, что терминологический тезаурус ФАТ *вариативен* (коэффициент нормативности – 16,9 %). В результате анализа было выделено 17 тематических групп терминологического тезауруса ФАТ и выделены наиболее значимые из них. Также наблюдается своеобразный «сдвиг» на изучение композиции текста, на терминологическом уровне происходит уравнивание филологического, лингвистического и стилистического видов анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ [Текст] / Л.А. Новиков. – Изд. 3-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 304 с.

2. Суходольский, Г.В. Введение в математико-психологическую теорию деятельности [Текст] / Г.В. Суходольский. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 220 с.
3. Сырица, Г.С. Филологический анализ художественного текста [Текст] : учеб. пособие / Г.С. Сырица. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 344 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. МОРРИСОНА)

С.П. Горбунов

Челябинский государственный университет

This article is an attempt to deal with the specific aspects of the poetical discourse through the poetic works of the American author J. Morrison.

Дискурс без сомнения стал объектом пристального внимания учёных в силу своей многогранности и широкой области применения. Связанные нетривиальными отношениями различные понимания данного феномена удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и языке.

С одной стороны, дискурс понимается как речь, вписанная в коммуникативную действительность и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида; по афористичному выражению Н. Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, погружённая в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136]. С другой стороны, практика современного (с середины 1970-х годов) дискурсивного анализа связана с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого, прежде всего, через обмен репликами; тем самым реально описывается некоторая структура диалогового взаимодействия [Арутюнова, 1990, с. 138]. При этом, подчеркивается динамический характер дискурса, что делается для различения понятия дискурса и традиционного представления о тексте как статической структуре.

Особый динамический характер прослеживается в одном из разновидностей дискурса – поэтическом дискурсе. Это языковая игра, поток информации, переходящий от поэта к читателю предполагает отдельный вид пространственно-временного континуума, в котором связь между двумя ключевыми компонентами (автор – читатель) неизбежно создаёт коммуникационную вселенную, где автор задаёт сценарий, а читатель притворяет его в жизнь, добавляя собственных красок.

Поэзия объясняется терминами, которые сами требуют объяснения, а часто с трудом поддаются трактовке. Поэзия представляет «сущность предметов, их идеи не отвлечённо, а конкретно, то есть в образе посредством слова. Образы, их структура и взаимодействие несут львиную долю информации поэтического текста» [Потебня, 1990, с. 31].

Информация, передаваемая с помощью поэтического текста, может быть расчленена на две категории: смысловая информация – это содержащиеся в тексте сведения, позволяющие установить его соотнесённость с некоторыми

сегментами реальности, с некоторой внеязыковой ситуацией, то есть как система денотатов. Смысловую информацию материализует в тексте система вербальных сигналов, ориентированных на то, чтобы вызвать в сознании реципиента (читателя) соотносённость этого текста с внеязыковой ситуацией.

Эстетической информацией можно назвать «сложный информационный комплекс, который передаётся в процессе поэтической коммуникации помимо смысловой информации» [Алякринский, 1984, с. 14].

Смысловая информация в поэтическом дискурсе базируется на двух уровнях: первый уровень связан непосредственно со смысловой информацией – это сообщение о фактах, событиях, процессах, происходящих в окружающем мире. Эта информация объективируется в тексте вербальными сигналами.

Второй уровень соответствует концептуальной информации, то есть, «сообщению авторского понимания, отношению между фактами, это авторская концепция мира» [Тимофеев, 1976, с. 34].

Поэтический дискурс тесно связан с языком и зависит от него, строгие формальные требования и ограничения, накладываемые на поэтический текст и выразительные средства поэзии целиком носят языковой характер и неразрывно связаны с системой именно данного конкретного языка.

В поэтическом дискурсе на первый план выходят именно такие элементы речи, которые «передают субъективно-оценочное, индивидуальное отношение говорящего к интересующим его сторонам жизни, отсюда роль, которую играет в этой речи ритм, звук, интонация, придающая лексике стихотворения повышенно эмоциональную окраску, все эти элементы речи внутренне связаны, образуют единую выразительную систему. Эта система речи обусловлена стоящими за ней переживаниями, состоянием характера героя» [Тимофеев, 1976, с. 75].

Для демонстрации особенностей поэтического дискурса, рассмотрим данный феномен в разрезе творчества Дж. Моррисона – популярного американского певца, поэта и лидера группы The Doors. Оказанное внимание творчеству данного автора оправдывается огромным влиянием, которое он оказал на американское поколение эпохи 60-тых и определил дальнейшее развитие поэзии и музыкального течения американского общества. Данный факт, в свою очередь, указывает на авторитетность и динамический характер поэтического дискурса рассматриваемого нами автора.

Поэзия предоставляет нам более ясный и доступный образ мышления Дж. Моррисона и возможность понять его идеи и мотивы в конкретной коммуникативной ситуации. Употребление LSD, увлеченность мистицизмом, философией Ницше, культурой американских индейцев, поэзией европейских символистов наложила определённый след на характер поэтического дискурса Дж. Моррисона, а в частности на структуру стихотворных произведений, манеру передачи информации, сопутствующие повествованию образы и символы.

Одним из основных приёмов, свойственных автору рассматриваемых нами текстов, является поток сознания, в котором автор передаёт читателю

не только свои мысли, но способствует созданию нужной атмосферы и настроения. В данном случае характерными чертами повествования являются отсутствие логики в процессе передачи информации, внезапное переключение с одного объекта повествования на другой: *Savage destiny / Naked girl, seen from behind, / on a natural road / Friends / explore the labyrinth.*

В данном отрывке происходят два несвязанных и независимых друг от друга действия – голая девушка стоит посреди дороги, группа людей блуждает по лабиринту).

Отсутствие знаков препинания и намеренное игнорирование правил капитализации букв мы видим в следующем примере: *The beautiful monster / vomits a stream of watches / clocks jewels knives silver / coins & copper blood.*

Данный «лингвистический сумбур» способствует созданию особого отношения к происходящему – автор намеренно вводит читателя в состояние отрыва от реальности, кошмарного сна, где особенность восприятия формируется под влиянием индивидуальной психологии каждого читателя. Данные приёмы превращают обычный текст в ментальный диалог между автором и читателем, где потенциал поэтического дискурса писателя изменяется от одной ментальности к другой ментальности реципиента. Именно в этой точке процесс чтения перестает быть таковым, и превращается в полноценную коммуникацию.

Интертекстуальность – еще одно из часто употребляемых средств, которое в определённой степени обогащает поэтический дискурс автора и позволяет выходить за рамки определённой коммуникативной действительности. Чаще всего элементом интертекстуальности текстов стихов Дж. Моррисона являются аллюзии на исторические события или различные религиозные концепты. Так, например, в одном из отрывков автор ссылается на убийство Джона Ф. Кеннеди следующим образом: *The assassin's bullet / Marries the King / Dissembling miles of air / To kiss the crown.*

Здесь акт убийства образно представляется свадьбой пули убийцы и головы короля, в данном случае, Дж. Ф. Кеннеди. А в другом отрывке автор ссылается на один из ключевых компонентов буддийской религии: *A pair of Wings / Crash / High winds of Karma.*

Смещение компонентов различных религий в поэтическом дискурсе Дж. Моррисона является достаточно частой тенденцией, которая объясняется желанием автора заставить читателя мыслить за пределами одной реальности, в которой личность заключают с момента рождения, приписывая выполнения только одной незначительной роли в ячейке общества. Автор пытается вывести сознание читателя на качественно новый уровень наблюдения и познания.

Одной из важнейших черт, характеризующих особенность мышления в определённой коммуникативной ситуации Дж. Моррисона – пересечение поэтического дискурса с кинематографическим – фокусировки внимания на визуальных аспектах описываемых в тексте объектов. Данное пересечение, так называемый интердискурс, обусловлено стремлением автора донести главную идею до читателя не только лексическими средствами, но и

визуализацией. Здесь очень важно заметить, что «одним из важных свойств кинематографического дискурса является фрагментация. Фрагментация реализуется и в тексте и в фильме» [Горных, URL]. Это гетерогенность способа повествования, а также смена жанровой окраски, что мы отлично можем проследить в творчестве Дж. Моррисона.

Автор представляет себя режиссером собственного произведения. Его визуальный образ приравнивается к единице кадра. В таких случаях автор не пытается передать определённую идею в словесной оболочке, он пытается показать то, что видит сам. Он пытается втянуть читателя в происходящее. Рассмотрим следующий пример: *Saints / the Negro, Africa / Tattoo / eyes like time.*

Автор усиливает эффект визуализации объекта посредством использования обилия номинативных предложений. Каждая следующая строчка отвечает смене кадра на воображаемом автором экране.

Также автор использует ремарки в текстах своих стихов, свойственные сценарию фильма или частые личные обращения к читателю, что делает образ режиссера явным в сознании читателя: *Have you seen her? / Has anyone seen this girl? / snap shot (projected) / She's my sister. / Ladies & gentlemen: / please attend carefully to these words & events / It's your last chance, our last hope.*

В данном примере автор сидит в режиссерском кресле и управляет процессом съемки (*snap shot (projected)*). А затем привлекает внимание зрителей прямым обращением к ним (*Ladies & gentlemen: please attend carefully*).

Рассмотрев феномен поэтического дискурса на примере творчества Дж. Моррисона, мы можем сделать вывод о том, что поэтический дискурс – это особая разновидность дискурса, порождающая свойственные только данному автору коммуникативные ситуации, отличающиеся характерной динамикой, широтой структуры представления сущности предметов в образе посредством слова, а также является воплощением отрешённости, изысканности и стильности используемой системы коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5-32.
2. Алякринский, О.А. Поэтический текст и поэтический смысл [Текст] / О.А. Алякринский // Тетради переводчика. – М. : Высшая Школа 1984. – С. 20-32.
3. Биография Джима Моррисона [Электронный ресурс] / URL : en.wikipedia.org/wiki/Jim_morrison.
4. Гончаренко, С.Ф. Информационный аспект межъязыковой поэтической коммуникации [Текст] / С.Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – М. : Высшая Школа, 1987. – Вып. 22. – С. 38-49.
5. Горных, Н.В. Литературный и кинематографический ресурс [Электронный ресурс] / Н.В. Горных. – URL : <http://www.lingvomaster.ru/files/582.pdf>.
6. Кинодискурс [Электронный ресурс]. – URL : krugosvet.ru/kinodiskurs/.

7. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика [Текст]/ А.А. Потебня. – М. : «Высшая школа», 1990. – 342 с.
8. Тимофеев, Л.И. Основы теории литературы [Текст] / Л.И. Тимофеев. – М. : «Просвещение», 1976. – 332 с.
9. Тодоров, Ц. Понятие литературы [Текст] / Ц. Тодоров // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 355-369 .

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПРИТЧ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ НАРРАТИВА

М.А. Данилова

Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан)

The genre content of the parable with the position of communicative strategy of narrative is considered in the article. The communicative situation of the parable, the communicative place of the world made in the parable are characterized.

Жанровое содержание «первофеномена» притчи на материале новозаветных притч в рамках теории коммуникативных стратегий нарратива можно представить следующим образом.

В коммуникативной ситуации притчи произносящий субъект обладает креативной компетенцией убеждения. Речевой маской притчи выступает «авторитарная риторика императивного, монологизированного слова» [Тюпа, 2002, с. 15], это императивный монолог, ориентированный на сознание воспринимающего; притча распределяет роли коммуникантов чётко и иерархично: поучающий и поучаемый. Приведем в качестве примера контекст притчи «О верблюде и игольных ушках» (Мф. 19:23-24; Мр. 10:24-25; Лк. 18:25), где Иисус сначала наставляет богатого юношу (Мф. 19:16-22), а потом и учеников во главе с Петром (Мф. 19:25-30):

16 И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?

17 Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь [вечную], соблюди заповеди.

18 Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй;

19 почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя.

20 Юноша говорит Ему: всё это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне?

21 Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною.

22 Услышав слово сие, юноша отошёл с печалью, потому что у него было большое имение (Мф. 19: 16-22).

23 Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное;

24 и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши,

нежели богатому войти в Царство Божие (Мф. 19: 23-24).

25 Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись?

26 А Иисус, возрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же всё возможно.

27 Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили всё и последовали за Тобою; что же будет нам?

28 Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых.

29 И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную.

30 Многие же будут первые последними, и последние первыми (Мф. 19: 25-30).

Вышеприведённый контекст представляет собой развернутые ответы Иисуса, содержащие два декларатива с подчеркнутым усилением: *истинно говорю вам, еще говорю вам*. Как отмечает исследователь Нового Завета И. Иеремиас, для речи Иисуса характерно употребление слова 'amen' (древнеевр. 'amen' означает «точно, верно»), которое всегда произносится от своего лица в качестве вводного слова для усиления речи: фраза Иисуса «Истинно говорю вам» аналогична употребляемой пророками формуле «Так говорит Господь», означающей, что их слова – это божественная весть; т.е. вводящие речь Иисуса слова декларируют его полномочия [Иеремиас: URL].

Помимо коммуникативного статуса, высказывания различаются рецептивной жанровой компетенцией – стратегической ориентацией на адресата. Адресованность высказывания предусматривает определённую рецептивную компетенцию воспринимающего – соучастника этого коммуникативного события. Рецептивная компетенция притчи предполагает регулятивную коммуникативную компетенцию адресата, т.е. интерпретацию и извлечение слушателем урока. Так, в контексте притчи «О двух должниках» (Лк. 7: 36-43) усомнившийся фарисей (Лк. 7: 36-40) после слов Иисуса сам делает вывод, объясняющий поведение Учителя (Лк. 7: 43):

36 Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег.

37 И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром

38 и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром.

39 Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница.

40 Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель (Лк. 7: 36-40).

41 Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят,

42 но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? (Лк. 7: 41-42)

43 Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил (Лк. 7: 43).

Толкование притчи может быть предложено и рассказчиком, но регулятивная проекция отражённого в притче общечеловеческого опыта на собственную жизнь может быть реализована только самим слушателем, причём активизирует личностное восприятие именно символичность притчи. Такова ситуация приводимой ниже притчи «О хлебе детей и псах /о спасении дочери язычницы» (Мф. 15: 22-28; Мр. 7: 25-30), в которой Иисус говорит язычнице о невозможности ее просьбы: «...нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф. 15: 26), но мать настаивает на спасении дочери, используя предложенное Иисусом иносказание: «...но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15: 27):

22 И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется.

23 Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами.

24 Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева.

25 А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне.

26 Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам.

27 Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их.

28 Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час (Мф. 15: 22-28).

В притче не может быть свободно-игрового, переиначивающего восприятия содержания: внутренняя активность слушающего авторитарна. Эта особенность ярко представлена в контексте притчи «О закваске фарисейской» (Мф. 16: 1-12; Мр. 8: 15; Лк. 12: 1-3), где Учитель предупреждает об опасности (Мф. 16: 6) и разъясняет впоследствии непонятливым ученикам ошибочность их интерпретации (Мф. 16: 8-11):

1 И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба.

2 Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно;

3 и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете.

4 Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. И, оставив их, отошёл.

5 Переправившись на другую сторону, ученики Его забыли взять хлебов.

6 Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и

саддукейской.

7 Они же помышляли в себе и говорили: [это значит], что хлебов мы не взяли.

8 Уразумев то, Иисус сказал им: что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли?

9 Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч [человек], и сколько коробов вы набрали?

10 ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали?

11 как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской?

12 Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского (Мф. 16: 1-12).

Референтная компетенция (бытийная компетенция персонажа нарратива) выстраивается в рамках картины мира, создаваемой текстами определённого речевого жанра, показывая не только мир, и не только человека, но «человека-в-мире».

Притча дуалистична: ее персонаж осуществляет нравственный выбор между добром и злом. Императивная картина мира, которую моделирует притча, требует ответственности выбора, при этом персонаж реализует (или нарушает) некий нравственный закон (это не предначертанность судьбы). Действующие лица в притче не «объекты» эстетического наблюдения, но «субъекты этического выбора» (С.С. Аверинцев) [Аверинцев, 1971, с. 305]: все действия персонажей в притче суть выбор и его последствия (даже если это не эксплицитовано в тексте, то всегда имплицитно прочитывается в поведении героя). Так, Иисус требует от учеников сделать выбор в контексте притчи «О лисицах и птицах небесных» (Мф. 8: 20; Лк. 9: 57-62):

57 Случилось, что когда они были в пути, некто сказал Ему: Господи! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошёл.

58 Иисус сказал ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные - гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову.

59 А другому сказал: следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего.

60 Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие.

61 Еще другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими.

62 Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадёжен для Царствия Божия (Лк. 9: 57-62).

Картине мира, моделируемой в нарративах с «телеологическим» сюжетом, свойственна жесткая дуалистическая ценностная заданность, и персонаж, действующий в ней, в финале постигает результаты своего поступка. Таковы притчи «О неверном управителе» (Лк. 16: 1-13), «О десяти девах» (Мф. 25: 1-13), «О талантах» (Мф. 25: 14-30), «О десяти минах» (Лк. 19: 11-27) и др.

Дифференциация жанров с точки зрения коммуникативных стратегий нарратива обусловлена их содержательным характером, т.к. основывается на типологической разнице коммуникативных ситуаций. В самом ее принципе заложено представление о различном характере установок, с которыми входят в речевое общение говорящий и воспринимающий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С.С. Притча [Текст] / С.С. Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1971. Т.6.
2. Иеремиас, И. Богословие нового Завета [Электронный ресурс] / И. Иеремиас – URL : <http://www.top.bibleamp.ru/?from=5090118>.
3. Литературный энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
4. Тюпа, В.И. Очерк современной нарратологии [Текст] / В.И. Тюпа // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2002. – Вып. 5. – С. 5-31.

ПРАГМАТИКА ДИСКУРСА

Ю.В. Данюшина

Государственный университет управления, г. Москва

The study contains a survey of pragma-linguistic means of discourse analysis. Discourse is viewed as interactive pragmatically oriented communicative activity; therefore, the methods of Speech Acts Theory are applicable for its research.

Исследование коммуникативного поведения и управление коммуникацией – актуальные проблемы современной лингвистики. Для анализа коммуникации в целом и дискурса в частности применяются методы прагматики, обеспечивающие рассмотрение языковых структур в их взаимозависимости с коммуникационными функциями, с характеристиками адресанта и адресата и контекстом. Прагматика как область лингвистики восходит к исследованиям Ч. Морриса, который выделил в семиотике семантику (изучение отношения знаков к обозначаемым ими предметам), синтактику (изучение формальных отношений между знаками) и прагматику (изучение отношения знаков к лицам, использующим их).

С точки зрения прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, эмоциональный и информационный контакт, оказание воздействия друг на друга, использование различных коммуникативных стратегий и их вербальное и невербальное воплощение в практике общения (Coulthard, van Dijk, Cook, Blakemore). И.Т. Касавин видит сам лингвистический смысл термина «дискурс» в трактовке дискурса «как прагматически ориентированного текста, которая восходит к работам Э. Бенвениста. Он отличал текст как безлично-объективистское повествование от дискурса как живой речи, предполагающей коммуникативные контексты (говорящего, слушающего, намерение, место, время речи)» [Красавин, 2008, с. 361-362]. Рассмотрение дискурса с точки зрения прагматики отражено и в схеме бельгийского лингвиста Э. Бюиссанса: *langue* – система, отвлеченная умственная конструкция, *discours* – комбинации, реализацией которых говорящий

использует код языка, *parole* – механизм, позволяющий осуществить эти комбинации.

В 1960–70-е гг. в западной лингвистике была создана теория прагматических функций, в основе которой лежит теория речевых актов (J. Austin, J. Searle) с идеей о том, что «язык есть действие». Затем прагматика начинает исследовать «значение в контексте», имплицатуры, т.е. значения, не выраженные в явной языковой форме (Levinson, Mey, Alston). Современная лингвопрагматика изучает языковые единицы с точки зрения их функционального потенциала, специфику и условия их функционирования в речи, а соотносимая с ней дисциплина прагмалингвистика изучает релевантность языкового материала с точки зрения обучения (иностранному) языку. Предметом прагматики является содержательная сторона высказывания. Прагматический анализ затрагивает такие составляющие дискурса, как контекст, ситуацию (дейксис), фоновые знания собеседников (пресуппозиции), их владение нормами этикета, а также передачу информации невербальными и паравербальными средствами общения (жестами, мимикой и т.п.). Коммуникативная (иллокутивная) предназначенность высказывания, выраженная в предложении формами наклонения, модальными словами и конструкциями, может отличаться от реальной иллокутивной функции, выполняемой конкретным высказыванием. Так, повествовательное предложение «Здесь душно» в составе косвенного речевого акта превращается в побудительное высказывание «Открой окно».

В дискурсе отражается взаимозависимость лингвистических, прагматических и социолингвистических категорий, поэтому методы лингвопрагматики могут успешно применяться для исследования лексико-структурных характеристик дискурса в нескольких направлениях: для исследования значений высказывания (при рассмотрении модально-коммуникативного аспекта высказывания с точки зрения намерения), в изучении референции (соотнесение дискурса с действительностью), в развитии теории речевых актов (выделение единиц речевой деятельности) и разговорного анализа. Если принять за основу прагматического рассмотрения дискурса авторитетное определение российских лингвистов Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой [Кубрякова, 1997, с. 19] – «под дискурсом следует иметь в виду когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности...», то можно говорить о близости понятий «дискурс» и «речевой акт». Поэтому концепция речевых актов требует особого внимания при анализе дискурса.

Речевой акт – отдельный акт речи, двусторонний процесс порождения текста, охватывающий говорение/писание и слушание/чтение с пониманием. Речевой акт есть проявление речевой деятельности, в его процессе создаётся текст. К. Бюлер выделял три составляющих речевого акта: отправитель; получатель; предметы и ситуации, соотнеся их с определёнными функциями языка: экспрессии, апелляции и репрезентации. Р. Якобсон называл эти три составляющих «адресант», «адресат» и «контекст», выделяя соответственные

функции (эмотивная, конативная и референтивная), но добавил к выделенным К. Бюлером компонентам контакт, код и сообщение, а также соответствующие им функции: фатическую, или контактоустанавливающую; метаязыковую, при реализации которой предметом речи является сам код-язык; поэтическую.

Подход к речевой коммуникации (дискурсу) как к деятельности выразился в разработке теории речевых актов (ТРА) – минимальных единиц речевой деятельности. Дж. Остин и Дж. Сёрль сформулировали различные основания для классификации речевых актов: иллокутивная цель, степень императивности иллокутивной цели, выраженное психологическое состояние, ситуация общения, соотносительность иллокутивной цели высказывания и социальной вежливости. Согласно классификации Дж. Сёрля (1975), основными типами иллокутивных речевых актов являются: ассертив (истинное/ложное описание действительности), комиссив (принятие обязательств совершить действие, т.е. обещания и клятвы), экспрессив (выражение эмоций, вызванных действительностью, например, поздравления, благодарности), декларатив (изменение действительности высказыванием, например, признание виновным), директив (побуждение к действию, например, просьбы, команды, советы). Дж. Остин ввел термины «апеллятив» для обозначения речевого акта, непосредственно обращенного к адресату, а также «перформатив» – речевой акт, равноценный поступку (клятвы, обещания).

В реальности общения речевые акты погружены в контекст и взаимосвязаны – коммуникация осуществляется связными группами высказываний. Связность отображается на уровне содержания (пропозиции) и функциональной направленности (иллокуции). В последовательности речевых актов функционирует основная иллокуция и совокупность второстепенных иллокуций отдельных речевых актов, которые в целом подчинены главной. Данное явление Т. ван Дейк называет «макро-речевым актом» («macro-speech act»). Иллокуция речевого (или макро-речевого) акта может реализовываться в форме речевого акта другого типа («косвенного речевого акта»). Выбор прямой или косвенной формы реализации речевого акта адресантом определяется рядом факторов: относительной властью коммуникантов друг над другом, социальной дистанцией между ними, взаимными правами и обязанностями, степенью настоятельности в совершении действия - импозиции (G. Thomas). Наиболее часто в косвенной форме реализуются директивные речевые акты, поскольку побуждение адресата к действию является потенциальной угрозой его свободе действий (G. Lakoff).

Дискурс погружён в контекст конкретной ситуации, эта референция (соотносительность дискурса с контекстом) реализуется в категории дейксиса, т.е. в указании на параметры ситуативного и социального контекста. Ситуативный контекст актуализирует непосредственных участников коммуникации (адресанта и адресата) в контрасте с третьим лицом, не участвующим в коммуникации, а также локализацию участников

коммуникации в пространстве и времени (личный, пространственный и временной дейксис). Социальный контекст актуализирует взаимоотношения между коммуникантами и их отношение к окружающей действительности через референцию к социальной стратификации и дистанции (социальный дейксис). К категории дейксиса традиционно относят местоимения, наречия времени и места, видовременные форм глагола, а также лексические единицы, задающие параметры коммуникативной ситуации (пространственные, временные и социальные).

Бизнес-дискурс обладает специфическими прагматическими свойствами. В своём исследовании речевой коммуникации в сфере бизнеса З.И. Гурьева отмечает следующие ее особенности: «основными лингвопрагматическими факторами текстообразования в реальных условиях речевой коммуникации являются: коммуникативный замысел; тематическое содержание; способ коммуникации (код, канал и норма интеракции); субъектно-адресные отношения участников; тональность коммуникации» и выделяет три «коммуникативно-интенциональных комплекса бизнес-текстов (информирующих, побуждающих к действию, служащих развитию взаимоотношений)» [Гурьева, 2003, с. 5].

Важной частью бизнес-коммуникации является решение деловых задач через убеждение и воздействие на собеседника. В этом важную роль играет принцип вежливости и взаимодействия. Для делового общения (особенно, для дискурса деловых переговоров) чрезвычайно важно положение прагматической теории Дж. Лича, непрямые иллокутивные высказывания являются более вежливыми, т.к. они в меньшей степени связывают обязательствами, предоставляя возможность выбора (ответа, выхода из ситуации и др.), и чем более непрямым является высказывание (локуция), тем слабее иллокутивная сила (Leech, 1983). На основе этого положения формулируется принцип вежливости в терминах издержек и пользы для говорящего и слушающего: высказывания, сводящие к минимуму издержки слушающего и максимально повышающие его пользу, а также максимально повышающие издержки говорящего и предельно уменьшающие его пользу являются максимально вежливыми (это так называемые максимы текста и щедрости). Как основу для реализации принципа вежливости П. Браун и С. Левинсон (Brown, Levinson) предлагают понятие «лицо», под которым подразумевается «позитивная социальная ценность каждого члена общества». Применительно к бизнес-дискурсу угроза «потерять лицо» возникает, например, в ситуации собеседования при принятии на работу, когда кандидату задается вопрос о причине предыдущего увольнения. Используя концепты «сохранение/потеря лица», авторы обосновывают предсказуемость в реализации категории вежливости, исходя из оценки «весомости» речевого акта, равную степени его угрозы сохранению лица, которая определяется социальной дистанцией между говорящим и адресатом и трудоемкостью выполнения действия. Чем больше рационально мыслящий говорящий создает угрозу потери лица для слушающего, тем вежливее (завуалированнее) он будет себя вести.

В исследовании межкультурного дискурса важно опираться и на теорию межкультурной прагматики А. Вежбицкой (Wierzbicka), которая доказывает, что некоторые общеупотребительные термины не универсальны, а воспринимаются представителями каждой культуры по-своему. Для преодоления непонимания она предлагает использовать метаязык семантических примитивов, формулирующий не только любой культурно-специфический концепт, но и каждый речевой акт для любого языка. Л. Фант и А. Гриндстед применили положения концепции А. Вежбицкой к исследованиям межкультурного переговорного дискурса (Fant, Grindsted). Они указывают на дополнительную сложность корректного построения такого дискурса и предлагают использовать социальные коммуникативные стратегии «ассертивности», «аккомодации» и «уклонения / избегания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьева, З.И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса : к созданию интегративной теории: На материале текстов на русском и английском языках [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / З.И. Гурьева. – Краснодар, 2003. – 457 с.
2. Касавин, И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка [Текст] / И.Т. Касавин. – М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2008. – 544 с.
3. Кубрякова, Е.С. Виды пространств текста и дискурса [Текст] / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время. – М., 1997. – С. 15-25.

К ВОПРОСУ О ДИСКУРСЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Л.М. Дегтярева

Ростовский юридический институт МВД России

The aim of the given article is to investigate the specifics of discourse of safety as a kind of law discourse. We attempt to show the important of the investigation of language and speech means of discourse of safety.

В последние годы дискурсивный подход к исследованию языковых явлений получил широкое распространение в лингвистике. Дискурсивное взаимодействие участников речевой коммуникации в различных сферах социального взаимодействия представляет собой актуальную область исследования. Одной из таких областей является безопасность.

В данной статье будет рассмотрен дискурс безопасности как один из типов юридического дискурса.

Остановимся кратко на истории вопроса. Впервые понятие «дискурс» было введено в научную теорию лингвистики текста американским ученым З. Харрисом в 1952 году. В рамках данной теории дискурс трактовался как «последовательность высказываний, отрезок текста, больший, чем предложение» [Harris, 1964, p. 355]. В конце XX века понятие «дискурс» получает широкую научную интерпретацию и терминологическую многозначность.

Существуют различные определения дискурса. Так, Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс «как связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагмалингвистическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, погружённая в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136-137]. В.И. Карасик определяет дискурс как «явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, с другой стороны» [Карасик, 2000, с. 44]. А.А. Кибрик понимает дискурс как «единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т.е. текста» [Кибрик, 2009, с. 4].

При всём многообразии определений термина «дискурс» в современных лингвистических исследованиях важен тот факт, что большинство учёных акцентируют внимание на ситуации общения как необходимом условии появления вербального или / и невербального текста.

Бесспорным является тот факт, что дискурс утверждает своё место в системе категорий коммуникации, прежде всего через понятия «текст» и «речь». Создаётся определённое коммуникативное пространство, где и происходит коммуникативное событие, порождающее текст.

Дискурс – это речь, которая несёт в себе определённую информацию, мнения, позицию говорящего по отношению к определённому объекту или ситуации общения. Таким образом, дискурс не просто общение. В нём существуют явные цели и определённые участники. Но какие именно цели и какие участники зависит от конкретного типа дискурса.

В настоящее время «интерес лингвистов смещается в сферу описания специфики различных типов дискурса и исследования их свойств» [Азначеева, 2006, с. 83]. Так, например, «с социолингвистической позиции выделяют персональный (лично-ориентированный) и институциональный дискурс» [Карасик, 2000, с. 5-20].

Институциональный дискурс представляет собой статусно-ролевое общение. «Данный тип речевого общения преследует определённые цели и выполняет специальные функции в различных областях общества: в армии и политике, экономике и торговле, образовании и воспитании, правоприменении и юстиции, культуре и религии, средствах массовой коммуникации, здравоохранении и др. Относящиеся к данным областям общественные институты характеризуются кодифицированными правилами речевого поведения, регламентирующими институциональное общение» [Салахова, 2009, с. 145].

Применительно к современному обществу выделяют следующие типы институционального дискурса: административный, банковский, военный, медицинский, педагогический, политический, религиозный, рекламный, юридический и др. [Карасик, 2000, Махортова, 2007, Шейгал, 2004 и др.].

Юридический дискурс определяется как «тип институционального дискурса, относящийся к сфере урегулирования социальных взаимоотношений, обладающий определённой организацией и

иерархическим строением» [Коновалова, 2008, с. 5]. Юридический дискурс включает в себя типы текстов, функционирующих в рамках данного дискурса. В рамках юридического дискурса выделяется три основных жанра:

- правотворческий / законодательный (реализуется в речевых жанрах договор, закон, кодекс, конституция, распоряжение, указ, устав и др.);
- судебный / правоприменительный (реализуется в речевых жанрах судебных исков, показаний, протоколов, судебных решений, экспертных заключений и др.);
- административный (реализуется в речевых жанрах инструкций, памяток, повесток, формуляров и др.).

Например, для предупреждения преступлений правоохранительные органы информируют население о способах обеспечения общественной и личной безопасности. Одной из форм информации является памятка по обеспечению безопасности и предупреждению преступлений [Дегтярева, 2008, с. 5]. При этом сферы безопасности могут быть различными, например, безопасность государства, безопасность движения, безопасность личного имущества, безопасность здоровья и др.

Таким образом, в рамках юридического дискурса по теме и сфере функционирования мы выделяем дискурс безопасности, к которому относится совокупность текстов различных жанров – от научных монографий до произведений художественной литературы – как выражение в речи тем и проблем безопасности. В исследуемом дискурсе концепт «безопасность» является ключевым.

Концепт, так же как и дискурс, является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики. Утверждение в лингвистике этого понятия и термина обозначило новую ступень в постижении способов, закономерностей и особенностей взаимодействия языка, сознания и культуры.

Концепт не может быть выражен одним словом, не представляет собой единицы, он охватывает большое множество единиц. «Концепт сугубо индивидуален, ибо каждый человек имеет своё особое знание о любом предмете. Но в то же время в концепте любого предмета каждый человек отражает то общее и единое, что присуще представителям одной лингвокультуры. В этом смысле он выступает как лингвокультурологический феномен» [Чесноков, 2007, с. 235].

В словарях русского языка безопасность обычно определяется как «положение, при котором не угрожает опасность кому-нибудь или чему-нибудь» [Ожегов, 1986, с. 38], т.е. отсутствие опасности, сохранность, надёжность, отсутствие каких-либо угроз личности, обществу, государству.

Безопасность является понятием, используемым, изучаемым и употребляемым различными науками. Так, например, в философии и социологии – как состояние, тенденции развития и условия жизнедеятельности общества, его институтов и порядков, структур, при которых обеспечивается сохранение оптимального отношения свободы. В психологии – как ощущение, восприятие и переживание необходимости в

защите жизненных (духовных и материальных) потребностей и интересов людей. В юриспруденции – как система установления правовых гарантий защищенности личности, общества и государства, обеспечения их нормальной жизнедеятельности, прав и свобод.

На уровне общественного сознания безопасность выступает как отсутствие опасности, сохранность, надежность. Этот концепт отражает не только специфические признаки феномена безопасности в конкретной, специфической деятельности, например, в деятельности правоохранительных органов, но и включает в себя то общее, типическое, устойчивое, что характерно для всех областей жизнедеятельности человека и общества.

В юридической энциклопедии дается следующее понятие безопасности: «Безопасность (анг. safety, security) – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Основные объекты безопасности: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная ценность» [Тихомирова, Тихомиров, 2001, с. 82].

Наиболее полная классификация понятийного аппарата безопасности как в российской, так и в зарубежной научной литературе, была произведена С.З. Павленко [Приводится по: Безручко, 2007, с. 395]. Так, к первой группе автор относит определения, которые характеризуют безопасность как состояние защищенности интересов личности, общества и государства. Ко второй – те, которые определяют безопасность как отсутствие опасности. К третьей – определения, где безопасность является свойством системы. К четвертой – понятия, характеризующие безопасность как специфическую деятельность государственных органов. К пятой группе отнесены дефиниции, обозначающие безопасность как определенное состояние.

Таким образом, безопасность – это состояние защищенности интересов государства, общества и личности от причинения любых видов вреда, обеспечиваемое мерами юридического, политического, социально-экономического характера, направленными на снижение любого вреда до минимального уровня.

Ядром концептосферы безопасности являются понятия: *безопасность, надёжность, сохранность, прочность*. Они связаны с обеспечением безопасности государства – его конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности; общества – его материальных и духовных ценностей; личности – ее прав и свобод.

В концептосферу безопасности включается множество периферийных понятий, например, *Совет государственной безопасности, милиция общественной безопасности, безопасность дорожного движения, безопасность жилья, экономическая безопасность, безопасность банковских вкладов, информационная безопасность* и др.

Ядерные и периферийные понятия концептосферы «безопасность» отражены в письменных и устных текстах юридического дискурса, например, Конституции Российской Федерации, Законе Российской Федерации № 2446-

1 от 5 марта 1992 г. «О безопасности» и др., а также в различных нормативных актах, инструкциях, памятках для населения.

Основной функцией этих и подобных текстов является максимально полное представление прав, обязанностей, принципов, норм поведения человека в различных ситуациях с целью защищённости интересов государства, общества и личности от причинения любых видов вреда. Безопасность обеспечивается мерами юридического, политического, социально-экономического характера, что, бесспорно, требует дальнейшего осмысления его языковых и речевых особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азначеева, Е.Н. К проблеме когнитивного моделирования интенционального дискурса [Текст] / Е.Н.Азначеева // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Тез. III Междунар. науч. конф., Челябинск, 27 – 28 апр. 2006 г./ Под ред. Л.А. Нефедовой. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2006. – С. 83-84.
2. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – С. 412-413.
3. Безручко Е.В. Безопасность как основа обеспечения общественного порядка [Текст] / Е.В. Безручко // Порядок общества: идеал в истории политико-правовой мысли и современность / Под. ред. докт. юрид. наук, проф. П.П. Баранова; канд. филос. наук, доц. С.О. Беляева; докт. филос. наук, проф. Г.С. Працко. – Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2007. – С. 398-404.
4. Дегтярева Л.М. Речевое воздействие текстов памяток правоохранительных органов на население [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Л.М. Дегтярева. – Краснодар, 2008. – 185 с.
5. Карасик В.И. О типах дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5-20.
6. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов [Текст] / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3-21.
7. Коновалова, М.А. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.В. Коновалова. – Челябинск, 2008. – 25 с.
8. Махортова, Т.Ю. Лингвопрагматический потенциал PR-жанра в пространстве банковского дискурса (На материале немецкоязычных банковских проспектов) [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук / Т.Ю. Махортова. – Волгоград, 2007. – 190 с.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.
10. Салахова, А.Г. Лингвокогнитивные различия в юридическом дискурсе [Текст] / А.Г. Салахова // Языковое образование для специальных целей: новые тенденции, методы и содержание образования: Сб. статей 2-й межд. научно-практич. конф. – Челябинск : ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2009. – с. 144-148.

11. Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия [Текст] / Л.В. Тихомирова, М.Ю Тихомиров. – Изд. 5-е, доп. и перер. – М., 2001. – 972 с.
12. Чесноков, П.В. Концепт как компонент языковой картины мира [Текст] / П.В. Чесноков // Личность, речь и юридическая практика: Межвуз. сб. научн. трудов. Выпуск 10. Часть 2. – Ростов н/Д : ДЮИ, 2007. – С. 234-238.
13. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2004. – 326 с.
14. Harris, Z.S. Discourse analysis [Текст] / Z.S. Harris // The structure of language: Reading in the philosophy of language. – Englewood Cliffs (N.J.) : Prentice Hall, 1964. – P. 355-383.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА

А.В. Дрожащих

Тюменский государственный университет

The paper aims to analyze some stylistic and linguistic features of present-day English loan contracts through a prism of Latin-English and French-English language contacts and historical development of contract English.

Среди банковской контрактно-договорной документации определённый интерес представляет кредитный договор, предназначенный для регулирования деловых и социально-правовых отношений банка с различными группами клиентов в ключевой сфере банковской деятельности – сфере кредитования. Кредитный договор является одним из центральных жанров банковского дискурса и обладает оригинальной стилистикой, однако тексты данного типа не получили детального лингвистического описания. В настоящей статье ставится цель рассмотреть лингвостилистические особенности англоязычного кредитного договора. Эмпирической базой исследования послужила выборка текстов кредитных договоров крупных западных банковских учреждений за 1995-2000 гг. общим объёмом 200 страниц.

Кредитный договор можно квалифицировать как юридический текст, обслуживающий деловую сферу банковской профессиональной коммуникации. Кредитный договор предназначен исключительно для участников договора, которые конкретизируются в тексте с помощью официальных корпоративных названий и специальных терминов, регламентирующих социально-ролевые отношения сторон. В стандартной кредитной сделке контрагентами являются the Lender (Кредитор) и the Borrower (Заёмщик), в то время как сложные кредитные схемы предполагают расширенный состав участников (the Arranger – Организатор кредитного займа, the Agent – Банк-агент, the Banks – Банки, предоставляющие денежные средства для кредитного займа, the Borrower – Заемщик и т.д.).

Кредитный договор обладает всеми релевантными признаками документного текста. Документная специфика кредитного договора обнаруживается в высокой степени формализованности текста и в устойчивой реализации специфических лексических, частеречных и

синтаксических параметров [Кушнерук, 2005]. Типичная макроструктура кредитного договора включает следующие композиционные блоки, объединенные общей тематикой: *заголовочный блок-преамбула – основной информационный блок – заключительный блок – приложение к договору* (факультативный блок). При этом границы между композиционными блоками кредитного договора маркируются с помощью ритуальных языковых формул. Например: *WHEREAS ... NOW IT IS HEREBY AGREED as follows; AS WITNESS the signatures of the duly authorised representatives of the parties hereto the day and year first above written.*

Основными стилеобразующими чертами рассматриваемых текстов являются официальность, объективность, безличность, предписывающая модальность, точность и однозначность формулировок, речевой консерватизм, развернутость языкового выражения, а также экспрессивная нейтральность и полное отсутствие индивидуально-авторского колорита. Для кредитного договора релевантны также цикличность и симметричность в подаче информации и своеобразная торжественность стиля ритуального характера.

Лексико-грамматическая аранжировка современного англоязычного кредитного договора обусловлена его коммуникативной установкой и во многом ориентируется на сложившийся стандарт речевого оформления контрактно-договорной документации в англосаксонской лингвокультуре.

Лексический состав англоязычного кредитного договора отличается многослойностью и представлен специальной терминологией, книжной лексикой латинского и французского происхождения, исконной англосаксонской архаичной лексикой и общеупотребительными лексическими единицами современного английского языка. Стержневым компонентом вокабуляра является профильная финансово-кредитная терминология, терминология некоторых частных экономических дисциплин (денежные средства, бухгалтерский учет и др.) и юридическая терминология. Терминологическая лексика кредитного договора является устоявшейся и обладает всеми характерными признаками терминов, такими как однозначность, отсутствие эмоциональной окраски и независимость от контекста.

Финансово-кредитные термины, обеспечивающие профессиональный формат описания технических параметров кредитной сделки, образуют пять основных тематических рядов: 1. кредиты и ссуды (*credit, loan, credit line* и др.); 2. вид кредитного обеспечения (*collateral, pledge, security* и др.); 3. проценты и другие комиссии, взимаемые банком за предоставление кредита (*interest, arrangement fee, commitment fee* и др.); 4. график погашения кредита или ссуды (*grace period, loan prepayment, loan extension* и др.); 5. участники кредитной сделки (*Creditor, Borrower* и др.). Функция экономической специальной лексики состоит в оформлении разнообразных фоновых экономических смысловых ориентаций для участников кредитного договора, в то время как правовые отношения контрагентов кредитной операции

регулируются с помощью понятий и соответствующих терминов хозяйственного, гражданского, государственного и налогового права.

Лексический терминологический фон в текстах рассматриваемого типа выступает как лингвокультурологическое явление. Большая часть используемой в англоязычном кредитном договоре терминологии имеет латинскую и французскую основу, а исконная англосаксонская специальная лексика представлена относительно немногочисленным массивом слов (например, OE *laen* – NE *loan* кредит, ссуда). Это объясняется особым положением латинского языка в средневековом мире и тем обстоятельством, что после нормандского завоевания Англии и утраты древнеанглийской юридической письменной традиции, английский язык стал ориентироваться на юридическую терминологию, заимствованную из французского языка [Покровская, 2002]. Среди терминов французского происхождения в тексте кредитного договора особенно распространены лексемы на –tion (*arbitration, jurisdiction, obligation, transaction* и др.) и –ment (*agreement, disbursement, enforcement, prepayment, settlement* и др.). Другие важные французские заимствования включают такие существительные как *account, advance, claim, covenant, default, encumbrance, force majeure, lien u tranche*.

Латинские корни имеют, например, термины *credit, maturity, principal* и книжные слова типа глаголов *to constitute* и *to construe*. В тексте англоязычного кредитного договора также представлены прямые латинизмы *per annum* годовых (о процентной ставке), *bona fide* добросовестный, *pari passu* равно, наравне и одновременно, *prima facie* достаточный, *pro rata* пропорционально.

Другие лексические составляющие текста кредитного договора также демонстрируют интересную специфику употребления. Так, в кредитном договоре частотностью отличаются исконные англосаксонские наречия-архаизмы типа *herein, hereinafter* и *thereof*, а некоторые общеупотребительные слова современного английского языка в рассматриваемой сфере профессиональной коммуникации приобретают новое лексическое значение или функционируют в необычной морфологической форме. Примерами могут служить *consideration* компенсация, *party* участник договора, *moneys* денежные средства, *same* указанный, *satisfaction* погашение долга и др.

Еще один интересный случай для языковеда представляют англо-латинские и англо-французские сдвоенные синонимы, поддерживающие традиционную стилистику англоязычного юридического текста. В условиях нестабильной лингвистической ситуации и параллельного хождения в средневековой Англии нескольких языков использование сдвоенных синонимов имело для юристов практический смысл и позволяло сделать юридические формулировки более ясными и прозрачными для представителей разных социальных и этнических групп населения страны. В современных юридических текстах, в том числе и в кредитных договорах, построения типа *bind and obligate, breach and violation, successors and assigns*

являются информационно избыточными и несут в большей степени риторическую нагрузку.

Англоязычные тексты кредитных договоров характеризуются повышенной номинативностью, что находит выражение в значительном преобладании имен существительных над глаголами, высокой частотности отглагольных существительных, регулярной замене базовых глаголов глагольно-именными комплексами, а наречий субстантивными словосочетаниями соответствующей семантики. Глагол в исследуемых текстах в подавляющем большинстве случаев выступает в видо-временной форме *Present Simple Active/Passive* в сочетании с модальными расширителями *shall* и *may* в значении предписания или разрешения и сравнительно редко реализует свою способность определяться наречиями. В рассматриваемых текстах широко функционируют неличные формы глагола, в частности, пассивный инфинитив, функционально ориентированный на достижение определённой компрессии изложения в условиях превалирования конструктивно-сложных синтаксических построений. Например: *The Arranger has arranged for loan finance to be made available to the Borrower from a group of banks and financial institutions agreed with the Borrower.*

Синтаксис англоязычного кредитного договора нацелен на передачу профессиональной информации делового и социально-правового характера в объективной, подчеркнута логичной и развернутой форме и придание контрактным формулировкам и предписаниям предельной точности и однозначности. Для решения вышеуказанных коммуникативно-прагматических задач особенно релевантными оказываются сложноподчиненные предложения с обширной придаточной частью и в ряде случаев осложненные однородными членами предложения, инфинитивными конструкциями и уточняющими оборотами с неличными формами глагола. Например: *If pursuant to Clause 16.2, the Agent declares the Advances to be due and payable on demand of the Agent, the Interest Period in respect of any such Advance shall, if the Agent subsequently demands payment before the Repayment Date, be deemed, except for the purposes of Clause 17.4, to be of such length that it ends on the date that such demand is made.* Подобная синтаксическая организация языкового материала в англоязычных контрактно-договорных документах связана с общей спецификой развития синтаксиса сложного предложения в английском языке [см. Иванова, Чахоян, 1976] и в немалой степени также детерминируется стремлением английских юристов к максимально полному изложению договорных условий с перечислением всех возможных подробностей в соответствии с традициями общего права.

Таким образом, кредитный договор является профессиональным текстом документного характера, который во многом регулирует деловые и социально-правовые отношения банковского учреждения с контрагентами в сфере кредитования. Лексико-грамматический дизайн кредитных договоров обусловлен как коммуникативным заданием данных текстов, так и сложившимся речевым стандартом оформления контрактно-договорной

документации в англосаксонской лингвокультуре. Видовая специфика кредитного договора проявляется главным образом в виде устойчивого функционирования специальной лексики финансово-кредитного и экономического профиля, обеспечивающей профессиональный формат описания параметров кредитной сделки и оформления фоновых экономических смысловых ориентаций для заинтересованных сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, И.П. История английского языка [Текст] : учебник / И.П. Иванова, Л.П. Чахоян. – М. : Высшая школа, 1976. – 319 с.
2. Кушнерук, С.П. Современный документный текст: проблемы формирования, развития и состава [Текст] : монография / С.П. Кушнерук. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2005. – 337 с.
3. Покровская, М.Е. Изменение лексической системы английского языка в среднеанглийский период под влиянием французских заимствований [Текст] / М.Е. Покровская // Языковые подсистемы: стабильность и динамика. – Тверь : Издательство Тверского государственного университета, 2002. – С. 60-64.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОЙ СРЕДЫ ИНТЕРВЬЮ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

А.И. Дубских

Магнитогорский государственный университет

The article deals with distinguishing features of the discourse surroundings of the interview by means of the communicative strategy of self presentation.

Интенсификация процессов общения в современном обществе требует от человека значительных ресурсов, связанных с управлением впечатлением о себе, что обусловило активное изучение вопросов самопрезентации индивида в процессе межличностного общения.

Под самопрезентацией понимаются различные аспекты речевых и неречевых действий, посредством которых индивид представляет окружающим те или иные грани своей личности (индивидуальные, возрастные, гендерные и прочие особенности и свойства).

Каждая самопрезентация даёт возможность индивиду укрепить некий образ о себе. Этот образ социально обусловлен, поскольку он реализуется в процессе общения. В данном исследовании термин «социальный образ» индивида употребляется как синоним понятию «имидж». Таким образом, в качестве главной задачи самопрезентации можно определить презентацию имиджа индивида, а также его укрепление и защиту.

Успешная самопрезентация требует от индивида высокого мастерства, сопоставимого с актерской игрой на театральных подмостках. В реализации самопрезентации особая роль возлагается на дискурсивное поведение коммуниканта, а именно, на правильно (адекватную сложившимся условиям) выбранную дискурсивную стратегию, на такую аранжировку языковых

средств, которая обеспечит гармоничное звучание самопрезентации и ее успешное воздействие на окружающих.

В данном исследовании внимание сконцентрировано на дискурсивной среде интервью при реализации коммуникативной стратегии самопрезентации. Целесообразно дать краткую характеристику интервью, рассмотреть такие вопросы, как особенности коммуникативной ситуации «интервью», а также речевое поведение непосредственных участников интервью и применяемые ими дискурсивные стратегии.

Интервью, будучи одним из типов дискурса массовой коммуникации, отличается специфическими чертами как на семантическом, так и на структурном уровне. С коммуникативно-функциональной точки зрения специфичность интервью заключается в сосуществовании в нем как характерных черт стиля прессы (социальная референтность, информативно-аналитическая и пропагандистская направленность), так и разговорной диалогической речи (непосредственный контакт, смена ролей слушающего / говорящего и пр.) [Вакурова, 1996, с. 36; Мытарева, 1994, с. 81].

С экзистенциальной точки зрения специфика интервью состоит в двойственности форм его существования: устной (интервью-беседа) и письменной (интервью-текст). Именно поэтому под интервью понимается, с одной стороны, планомерная и целесообразная интеракция между двумя или более лицами, которая направлена на получение от интервьюируемого социально релевантной информации объективного и/или субъективного характера, а, с другой стороны, – сорт текста «интервью», который представляет собой печатный вариант устной беседы-интервью [Приводится по: Вакурова, 1996; Friedrichs, 1999 и др.].

Интервью как особая форма коммуникации основывается на взаимодействии интервьюера, интервьюируемого, медиума и публики и отличается двойственностью коммуникативных ситуаций. В «первичной» коммуникативной ситуации осуществляется общение непосредственных участников – интервьюера и интервьюируемого, разговор которых фиксируется затем в тексте интервью. Во «вторичной ситуации», которая смещена в пространстве и времени, публика воспринимает и интерпретирует сообщенный по каналу (медиуму) модифицированный текст интервью [Мытарева, 1994, с. 82; Ecker, 1977, s. 19].

Особенности коммуникативной ситуации интервью обуславливают специфику отношений его участников. Н.В. Мытарева рассматривает «троичность» отношений «читатель – интервьюер – интервьюируемый» в качестве одного из отличительных признаков интервью [Мытарева, 1994, с. 82].

Интервьюируемый характеризуется своей социально-политической позицией, своим фондом знаний и интересов. Интервью в большей или меньшей степени создает определённое поле для самопрезентации интервьюируемого, поэтому он старается выстроить и укрепить определённую позицию по отношению к предмету разговора, а также увеличить степень известности своей личности и своей деятельности.

Формат интервью отводит интервьюируемому реагирующую роль: он отвечает на вопросы и другие стимулы со стороны журналиста. Однако интервьюируемый может достаточно активно влиять на ход интервью: в его распоряжении имеются такие способы речевого поведения, как уход от ответа, отклонение от темы и другие возможности.

Учёные выделяют два типа дискурсивных стратегий, которые может использовать интервьюируемый: ассертивные и дефензивные. Ассертивные стратегии служат распространению взглядов интервьюируемого, так же как и рекламе его личности/дела. Они нацелены на поддержку и укрепление его имиджа. Дефензивные стратегии направлены на защиту и восстановление социального образа [Приводится по: Ескер, 1977; Friedrichs, 1999].

Интервьюер выступает как активно ведущий и направляющий разговор партнер. Роль интервьюера, его цели и задачи во многом определяются параметрами интервью, поэтому все его высказывания функционально направлены и подчинены определённой дискурсивной стратегии, которая позволяет интервьюеру решить его задачи и достичь поставленной цели – получить необходимую информацию и представить ее публике с определённых позиций.

Применительно к дискурсивной ситуации интервью Ю. Фридрихс описывает такие стратегии журналиста, как имиджеподтверждающая, конфликтная стратегия и нейтральная стратегия [Friedrichs, 1999, s. 17].

Стратегии интервьюере модифицируются в соответствующие виды, каждое из которых также имеет свою специфику. Имиджеобразующее интервью строится на имиджеподтверждающей стратегии журналиста, который заинтересован в поддержании социального образа своего собеседника. Контroversное интервью характеризуется достаточно агрессивной позицией журналиста по отношению к интервьюируемому. Журналист руководствуется конфликтной стратегией и нацелен на разоблачение имиджа интервьюируемого [Friedrichs, 1999, s. 202]. В нейтральном интервью журналист нацелен на создание объективной картины о своём собеседнике или некоторых аспектах его жизнедеятельности, поэтому его вопросы редко сопровождаются критикой или похвалой в адрес интервьюируемого. На определённых этапах общения журналист может реализовывать элементы как имиджеобразующего, так и контroversного интервью. Однако оба варианта названных видов имеют в нейтральном интервью сглаженную форму [Приводится по: Freidrichs, 1999].

Таким образом, интервью является особым типом дискурса среди других жанров СМИ. Специфика интервью определяется как двойственностью коммуникативных ситуаций, так и двойственностью форм его существования. Характерной чертой коммуникативной ситуации интервью оказывается ориентированность его непосредственных участников на не присутствующего здесь и сейчас адресата – публику, ради потребностей которой и осуществляется интервью. Публичный характер интервью предоставляет интервьюируемому возможность для самопрезентации окружающим. Интервьюируемый должен учитывать

стратегическое поведение журналиста и выбирать наиболее подходящие для сложившихся условий дискурсивные стратегии, которые обеспечат наиболее эффективную реализацию самопрезентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакурова, Н.В. Психологическая подготовка интервьюеров телевидения и радиовещания [Текст] / Н.В. Вакурова. – Москва : ВИПК, 1996. – 182 с.
2. Мытарева, Н.В. Особенности интерперсональной коммуникации в дискурсе интервью [Текст] / Н.В.Мытарева // Грамматика и речевая деятельность : Сб. науч. тр. – Вып. 420. – Москва, 1994. – С. 80-89.
3. Ecker, HP. Textform Interview [Text] / HP. Ecker, J. Landwehr, W. Settekorn, J.Walther. – Dusseldorf : Padagogischer Verlag Schwann, 1977. – 151 s.
4. Friedrichs, J. Das journalistische Interview [Text] / J.Friedrichs, U. Schwinges. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1999. – 222 s.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКЦИОННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ

О.Л. Заболотнева

Челябинский государственный университет

Lecture retains certain specific characteristics such as: scientific nature, logicity, information value, composite coherence, monologue, verbal communication and accuracy. Nevertheless, a lecturer cannot but intersperse his speech with metaphorical images, various image-bearing expressions and collocations thus making it more emotional, colorful and less formal.

По форме для лекции характерен монолог, устный характер, локализованность в пространстве и времени, эстетическая оформленность, а также, правильность, нормативность, точность, доходчивость, стилистическая адекватность, выразительность, образность.

Говоря об устном характере лекционного преподавания, необходимо обратиться к научной речи и ее функциям. Научная речь выполняет в основном три функции: 1) накопление знаний и передача их от поколения к поколению; 2) распространение знания, как среди членов языковой общности, так и за ее пределами; 3) общение занятых в сфере науки людей, необходимое для получения и совершенствования новых знаний. В первой функции письменная речь занимает монопольное положение, во второй – преимущественное, в третьей – ведущей остаётся устная речь [Славгородская, 1985, с. 17].

Устная научная речь является разновидностью устной публичной речи, которая всегда адресована и ориентирована на контакт со слушателями. ее адресат имеет свои особенности, определяемые положением публичной речи в системе функциональных стилей современного литературного языка. С одной стороны, адресат не индивидуализирован. С другой стороны, наличие конкретного адресата предъявляет определённые требования к устной публичной речи [Нистратова, 1985, с. 81].

Когда говорящему удаётся сообщить не только информацию, но и чувства, когда важно не только что сказано, но и как это сказано – значит, он владеет искусством слова. Для лекционного мастерства это особенно важно:

«Поскольку заговорили о терминологии, я начну со слов Вольтера. «Прежде чем начать спорить, – говорил Вольтер, – следует договориться о терминах». Как положено мудрому человеку, он сказал правильно, но он ошибся. Дело в том, что, чтобы договориться о терминах, надо сначала иметь термины, чтобы договариваться. И эта проблема становится еще острее, когда мы посмотрим, как все понимают «сознание» (Профессор Л).

Речь, как и сражение, необходимо планировать. ее содержание и приёмы должны быть стратегически разработаны так, чтобы они привели к поставленной цели: *«Философы, говоря о сознании, говорят о нём как об «идеальном» и противопоставляют его «материальному». Психологи, как правило, говорят о сознании как о чём-то «осознанном» в противоположность «бессознательному». Физиологи обычно говорят о нём как... человек находится в сознании, и противопоставляют его состоянию сна. Лингвисты подразумевают, что сознание это что-то вербализуемое и противопоставляют это невербализуемому. Социологи говорят о сознании как о сознательном поведении (рациональном) и противопоставляют стихийному поведению. Я не буду дальше продолжать. Главное, что все эти определения несводимы вместе» (Профессор Л).* Цель информационной речи познать и усвоить, а это достижимо лишь при условии, если речь интересна и ясна. Интерес, который должна пробудить информационная речь, вытекает из желания познать [Сопер, 1999, с. 322].

Слушатель, воспринимающий озвученную письменную речь, сможет воспроизвести 50% полученного сообщения, тогда как при восприятии собственного изложения мысли говорящим воспроизводится 90% услышанного [Нистратова, 1985, с. 83]. Механизм функционирования публичной речи заключается, прежде всего, в разрешении внутреннего присущего ей противоречия между тщательной подготовкой предмета выступления и устным представлением, требующим импровизации, спонтанности, как неотъемлемых качеств устной речи. Первое больше тяготеет к письменной форме общения, а второе – к повседневному, как правило, диалогическому общению: *«Education is a discourse. It's not a one way speech. I encourage you to talk. Speaking about you – there is no right or wrong position. You cannot be wrong because you are living in a Democratic World! Your voice will be valued. You are thinking, you have your position and it is a challenging position!»* (Образование есть дискурс. Это не односторонняя речь с трибуны. Я призываю вас к общению. Если говорить о вас, то здесь не может быть правильной или неправильной позиции. Вы не можете быть неправы, потому что вы живёте в Демократическом мире! Ваш голос будет цениться. Вы мыслите, у вас есть своя позиция, и эта позиция бросает всем вызов!) (Professor A).

Выявлению характерных ошибок в восприятии студентами лекционного материала помогает обратная связь, которая предполагает выполнение двух условий: нацеленности лектора на то, чтобы его понимали, и «раскрепощённости» аудитории. *«Вот мне только-что сказали, что здесь большинство присутствующих это люди, которые будут заниматься*

межкультурной коммуникацией. Вы будете заниматься межкультурной коммуникацией, теорией, может быть на практике. А я ей уже занимаюсь десятки лет – в прямом смысле слова. (Ну, что б похвастаться просто). У меня были встречи, разные беседы и так далее. Примерно... с людьми, примерно из пятидесяти стран» (Профессор М).

Студентам импонирует выразительная и доходчивая, достаточно громкая, чёткая речь с правильным литературным произношением и правильно расставленными ударениями. Чтение заранее подготовленного материала обычно снижает эффективность восприятия лекции. Каков должен быть стиль лекции? Избегая будничной, тусклой, маловыразительной речи, многие писатели и ораторы высказывались за яркий, образный, красочный стиль устного изложения. *«В романе есть еще один эпизод, когда женщины, у которых, так сказать, накипело, преследуют лавочника Мегре. Лавочник этот был не просто эксплуататором, но он требовал, чтобы молодые девушки приходили к нему расплачиваться, так сказать, лично, за долги, которые были в их семействах. И поэтому Мегре был особенно ненавистен. И вот женщины-фурии, так сказать, преследуют его. Он, наконец, взбирается на крышу и оттуда скатывается, и падает, и разбивается. А женщины набрасываются на его тело. И они выколачивают его как kota для того, чтобы лишить его того инструмента, с помощью которого он особенно преследовал женщин» (Профессор В).*

Существует и другая точка зрения. На кафедре высшей школы неуместны подчеркнутые ораторские приёмы. Наука не требует цветов красноречия. Всякая риторика чужда ей, всякий пышный орнамент гнетёт мысль. Задача науки – быть ясной, точной, деловой, доходчивой, поучающей, убедительной [Гроссман, 1970, с. 76]. Избегая преувеличений, изысканности и напыщенности фраз, ложной «красивости», лектор должен стремиться к ясности, сдержанной взволнованности, конкретности и пластичности слова, к его внутренней организованности и музыкальному звучанию устной речи.

Одной из формальных характеристик лекции является ее эстетическая оформленность, важным аспектами которой можно выделить ритуал и речевой этикет. Коммуникативное поведение в вузе остаётся преимущественно в виде диалогического дискурса – типичной сферы употребления речевых этикетных формул. Многие исследователи определяют ритуал как «язык, в основе которого заложены символы; выражение универсальных логических законов; регуляция поведения индивида» [Беспалова, 2003, с. 42].

Значимость ритуала заключается в усвоении а) языковых и культурных фоновых знаний; б) отработке и овладении стратегий речевых и ритуально-этикетных действий. Понятие ритуала находится в тесной связи с коммуникативным поведением, поскольку знание ритуала во многом определяет стратегию понимания представителей разных лингвокультурных общностей [Там же, с. 43]. Понятие ритуала тесно связано с речевым этикетом, в нормах которого наглядно проявляется предписываемое

обществом деление на социальные роли, ролевые позиции, степень социальной градации и интеграции коммуникантов.

Знание этикета является одним из компонентов культуры коммуникативного поведения. Сюда входит культура речи, в которую в свою очередь включается, во-первых, правильность, нормативность речи, во-вторых, мастерство речи. Отсюда следует, что культура речи есть не что иное как «коммуникативные качества речи», под которыми понимается правильность, нормативность, точность, доходчивость, стилистическая адекватность, выразительность, образность.

Описать систему выбора форм обращения в речевом коллективе непросто. В одних случаях, возможно употребить несколько форм, в других – только одну (например, к лектору полагается обращаться только по имени и отчеству).

Форма обращения преподавателя к студенту оказывает влияние на степень формальности – неформальности общения. Обращение к студенту по имени обычно сдвигает общение к неформальному, хотя при искренней заинтересованности преподавателя в делах студента обращение к нему по фамилии также не препятствует неформальному общению. Обращение к студенту на «*ты*» допустимо только при его доверительных отношениях с преподавателем, такое иногда без ущерба для контактов позволяют себе пожилые преподаватели; необходимым условием в этом случае является гарантия, что у студента не появится мысли о том, что преподаватель стремится обращением на «*ты*» показать, тем более подчеркнуть разницу в служебном положении, иерархию преподавателя и студента в смысле места на социальной лестнице. Часто лекторы употребляют местоимение первого лица множественного числа «*we*» («мы»), например: «*We start to be a little fuzzy*». («Мы начинаем неясно выражаться») (Professor K). «*We are out of tune*». («Мы не настроены») (Лектор Д). Иногда местоимение «*we*» («мы») употребляется для того, чтобы из скромности объединить себя с теми, к кому обращается речь, при этом местоимение вызывает ассоциации с научной прозой и создаёт эффект достоверности [Арнольд, 2002, с. 189]. Например: «*We are inventing this lecture*». («Мы сами создаём эту лекцию»). «*We shouldn't overload the lecture*». («Мы не должны перегружать нашу лекцию»). «Мы говорили, что роман был написан в 1885 году» (Профессор В). В научном стиле речи вместо “I” («я») возможно так называемое множественное скромности [Арнольд, 2002, с. 52]: «*We are committing a cultural suicide*». («Мы совершаем культурное самоубийство») (Professor A).

Преподаватели и студенты вынуждены (в порядке биологической, психологической защиты) делать общение поверхностным, фрагментарным, непродолжительным – формальным. Но вместе с тем, человеку свойственно естественное стремление к неформальному общению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык [Текст] / И.В. Арнольд. – М. : Наука, 2002. – 206 с.

2. Беспалова, С.В. Дискурс в лингвистике и практике преподавания (немецкий язык) [Текст] / С.В. Беспалова. – Саранск : Красн. Окт., 2003. – 116 с.
3. Гроссман, Л. П. Об искусстве лектора [Текст] / Л.П. Гроссман. – М. : Знание, 1970. – 311 с.
4. Нистратова, С.Л. Синтаксические средства выражения адресованности в устной научной речи [Текст] / С.Л. Нистратова // Научная литература. Язык, стиль, жанры : сб. ст. / редкол. : Л.И. Зильберман [и др.] – М. : Наука, 1985. – С. 81-98.
5. Славгородская, Л.В. Взаимодействие устной и письменной речи в сфере научного знания [Текст] / Л.В. Славгородская // Научная литература. Язык, стиль, жанры : сб. ст. / редкол. : Л.И. Зильберман [и др.] – М. : Наука, 1985. – С. 16-31.
6. Сопер, Поль Л. Основы искусства речи [Текст] / Поль Л. Сопер. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 448 с.

О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА РЕФЕРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА

М.Н. Закамулина

Казанский государственный энергетический университет

This article represents some problems of temporal discourse and its referential relations analysis methods.

Термин «дискурс» понимается нами как родовой термин, пространство которого является незамкнутым, при этом мы абстрагируемся от его функциональных (юридический, религиозный и др.) и формальных (нарративный, дидактический и др.) типологий, исследование которых лишь предвосхищает дискурсивный анализ, не являясь его конечной целью. Анализ дискурса предполагает анализ общефилософских, логико-когнитивных положений; становится очевидным, что только эвристика в виде логико-когнитивных правил и приёмов может способствовать достоверному осмыслению результатов анализа дискурса.

Какова бы ни была основная проблематика дискурсивного анализа, исследование лексики занимает в ней существенное место. Идентификация дискурсивных образов происходит чаще всего фиксацией характерных слов, релевантных для анализа того или иного аспекта дискурса. И как бы мы ни умаляли роль лексической единицы в пользу высказывания/текста, отдельное слово в тексте продолжает сохранять свой особый статус. Если на начальном этапе исследований дискурсивного анализа исследование лексики было приоритетным, то это потому, что дискурсивная семантика, по мнению Д. Мэнгно [Maingueneau, 1987], имела тенденцию поглощаться лексикологией как в версии статистической, так и в версии Хэрриса, которая сводила дискурс к комплексу предложений, организуемых вокруг одного опорного слова анализируемого текста. Подход последнего отличается от подхода к дискурсивному анализу, к примеру Марчеллези, который вкратце можно назвать анализом дискурса с лексическим вхождением. Метод опорных слов

приводит к тому, что лексическое содержание оказывается оторванным от синтаксиса и говорящего, что приводит к противопоставлению между формой и содержанием. Для грамматики же текста минусом этого подхода является отсутствие соответствующего дискурсивного контекста: «предложить для контекста лексическую единицу недостаточно по той причине, что дискурсивные процессы развиваются на языковых элементах более сложных и обширных» [Maingueneau, 1987, с. 97]. В нашем случае метод опорных слов можно использовать при создании единообразного метаязыка описания как плана содержания, так и плана выражения, предполагающего понятийно-терминологический аппарат, синтезирующий наличный объём базовой терминологии исследуемой предметной области и техники ее анализа и включающий в себя два компонента: основной аппарат терминов понятийных и вспомогательный аппарат терминов технического анализа.

Прежде чем перейти к методологии анализа временного дискурса, представим вкратце наше понимание времени как одной из базовых категорий общей модели мира. Проявление предмета во времени и различные ипостаси последнего – физическая, логическая, философская, психологическая – обязательно получают свою концептуализацию, т.е. ментальную переработку сознанием человека любого экстралингвистического опыта, что является объективно общим и универсальным явлением для языковых систем. Время лингвистическое представляет собой разноуровневые регулярно действующие в языке способы выражения временных отношений. Проблемы, связанные с изучением времени как категории высказывания и текста, предполагают построение когерентной и взаимоотноносительной системы временных отношений с обязательным определением соотношения между объективным и лингвистическим временем. Постулируемое в лингвистической литературе положение гласит, что временные отношения устанавливаются говорящим субъектом путём соотношения действия с моментом речи, являющимся основной точкой отсчёта. Эта точка отсчёта всегда объективна, ибо она концептуализирует реальную действительность, отражение же реального момента в языке – это компонент системы языка.

Поскольку лексика занимает привилегированную позицию в сознании человека, идентификация дискурсивного темпорального образа не может обойтись без пилотных (опорных) слов/терминов плана выражения и пилотных понятий плана содержания. В обоих случаях следует иметь в виду их репрезентированность на уровне глубинных структур и выход на уровень поверхностных структур. При анализе темпорального дискурса во главу угла должна ставиться дифференциация темпоральных образов плана содержания и формальных языковых маркеров плана выражения. Текстовые измерения плана содержания должны находить свою актуализацию через экспликацию гетерогенных средств плана выражения: эксплицитных (глагольных и неглагольных) и имплицитных (пресуппозитивных и имплицитивных).

Временная структура дискурса может быть представлена как совокупность отношений, связывающих факты и временные отрезки, к которым отсылает текст, где фактом является какое-либо событие или вообще ситуация. Временной дискурс суть структура в виде двусторонней единицы с планом содержания и планом выражения. В плане содержания – это структура временных отношений тонкальной (соотносимой с первичной, нулевой) точкой отсчёта) или тонкальной (соотносимой с вторичной) точкой отсчёта тернарной временной расчленённости (одновременность/предшествование/следование), связанных между собой магистральной семантической линией взаимного порядка действий в рамках макроконтекста. Поскольку маркеры этих временных отношений соотносятся с определённой референциальной точкой (точкой отсчёта), то можно утверждать, что анализ временного дискурса предполагает анализ темпоральных значений языковых форм как глагольных, так и неглагольных, и их референтных отношений. В плане выражения временная структура дискурса состоит из комплекса темпоральных маркеров как явной, так и скрытой пропозиции, соотносящихся с определённой референциальной точкой (эксплицитной и/или имплицитной), имеющей статус основной или вспомогательной. Минимальный темпоральный контекст, релевантный для наличия семантической зоны взаимного порядка действий, может быть представлен высказыванием как минимум с двумя глагольными синтагмами (не считая референциальной точки), или макроконтекстом с единым логико-семантическим универсумом серии высказываний.

Семантическая зона взаимного порядка действий в темпоральном макроконтексте может отображать два типа значений и их сочетание:

- однопорядковость фактов, совершающихся параллельно, имеющая в своей логической основе значение simultанности с референциальной точкой (в нарративном контексте, как правило, она представлена либо в предтексте, либо в посттексте);

- разнопорядковость фактов, совершающихся последовательно, имеющая в своей логической основе отношение 'предшествование – следование';

- совмещение в одном макроконтексте однопорядковости и разнопорядковости фактов.

Приведём один пример: *Ребенку было три года, когда мать ее заболела и умерла. Бабка скотница тяготилась внучкой, и тогда старые барышни взяли девочку к себе* (Л. Толстой. Воскресение). В данном темпоральном контексте представлены пять основных временных фактов: F1 – ребенку было четыре года, F2 – мать заболела, F3 – мать умерла, F4 – бабушка тяготилась, F5 – барышни забрали девочку. Глагольные синтагмы F2-F5 передают последовательность локализуемых во времени фактов, референциальной точкой всего блока является F1, относительно которой комплекс событий/фактов выражает полную simultанность: все описанные события происходят в указанный период (времени). Внутри блока глагольная синтагма F4 передаёт значение тонкального следования относительно

референциальной точки в виде F3, являющейся логическим антецедентом синтагмы F4. Все факты внутри блока связаны между собой отношениями предшествования/следования. Сам блок последовательных фактов относится к типу [– итерация] в силу недискретности ситуации. Как видим, внутри одного единого временного блока временные факты могут одновременно выражать различные темпоральные значения и находиться в различных референтных отношениях друг с другом: к примеру, F1 ~ [F2-F5] → тонкая симультанность, F2 ~ F3 → тонкое предшествование ~ тонкое следование, F1 ~ F5 → тонкая симультанность, и т.д. В любом случае с расширением темпорального контекста усложняются референциальные отношения между его компонентами. Таким образом, анализ временного дискурса в первую очередь сводится к анализу его референциального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maingueneau, D. Nouvelles tendances en analyse du discours [Text] / D. Maingueneau. – P.: Hachette, 1987. – 144 p.

ТИПЫ АДРЕСАТА В ТАКТИКЕ ЭГОЦЕНТРИЗМА

Ю.В. Звонарёва

Челябинский государственный университет

This article is devoted to autobiographical discourse and tactics of egocentrism. Our research is based on autobiography by B. Franklin. We consider the tactics of egocentrism to be one of the leading tactics in B. Franklin's autobiography. We also determine the main linguistic means of tactics there.

Тактика эгоцентризма реализуется через использование таких языковых средств, как личные местоимения, глагол *think*, обращения, а также приёмы объяснения, экземплификации, диалогизации, усиления авторской интенции, смягчения категоричности. Кроме того, эта тактика реализуется через многочисленные риторические средства – лексические, грамматические, лексико-грамматические, которые позволяют автору проявить свою индивидуальность и завоевать доверие читателя. В данной статье мы представим реализацию тактики эгоцентризма на примере использования обращения.

Тактика эгоцентризма включает такую составляющую, как адресат, то есть лицо, на которое направлено действие убеждения. Любой дискурс принципиально диалогичен, и отправитель информации всегда ориентируется на адресата. В исследуемой автобиографии представлено несколько типов адресата.

Одним из адресатов, к которому обращается автор, является его сын. Первое высказывание, открывающее дискурс, содержит обращение к сыну. «*Dear Son, – I have ever had pleasure in obtaining any little anecdotes of my ancestors*» [Franklin, 1965, с. 9].

Б. Франклин формулирует цели написания собственной автобиографии и первоначально называет сына в качестве ее прямого адресата, эксплицитно

не выражая, что она может иметь более широкое общественное предназначение и ценность.

«Imagining it may be equally agreeable to you to learn the circumstances of my life, many of which you are unacquainted with, and expecting the enjoyment of a few weeks' uninterrupted leisure, I sit down to write them» [Franklin, 1965, с. 9].

Подобное обращение намеренно уменьшает претензии данного произведения на значимость и общественную пользу. Существуют, впрочем, высказывания иного рода, формально обращённые к конкретному человеку, но рассчитанные и на опосредованного адресата, т.к. они не содержат информации, интерпретация которой требовала бы от интерпретатора наличия каких-либо сугубо специфических знаний или экстралингвистических возможностей.

«As constant good fortune has accompanied me even to an advanced period of life, my posterity will perhaps be desirous of learning the means which I employed, and which, thanks to providence, so well succeeded with me» [Franklin, 1965, с. 97].

Интересно, что если в начале автобиографии Б. Франклин выбирает в качестве адресата своего сына, то во второй части автобиографии появляется коллективный адресат. Таким образом, дидактическая функция автобиографии, изначально направленная главным образом на конкретного человека, в процессе порождения дискурса меняет свою направленность, и автобиография оказывается обращенной к широкому кругу читателей – потомкам и младшим поколениям.

«Thus he suffered greatly from his neglect in due accounting; and I mention it as a lesson to those young men who may be employed in managing affaires for others, that they should always render accounts, and make remittances, with great clearness and punctuality» [Franklin, 1965, с. 98].

На этот раз Б. Франклин даёт совет современникам. Прямое обращение к читателю – один из важных видов внешних связей, входящих в структуру оценочно-прагматического плана дискурса-текста и характеризующего его как целостное знаковое образование со стороны не только прагматики, но и синтактики. «Читатель не только использует текст автора, он может его интерпретировать и создать свой, связанный с прочитанным» [Варшавская, Мальцева, 2003, с. 77].

Автор помнит о читателе, приглашает его к соучастию, постоянно держит его внимание благодаря особой организации дискурса, ведь только в этом случае коммуникация будет эффективной. Таким образом, наличие обращения в тексте является характеристикой, пронизывающей весь текст, относительно которой дискурс-текст организуется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варшавская, А.И. О некоторых средствах актуализации автора как языковой личности: (на материале эссе Э. Сепира) [Текст] / А.И. Варшавская, Н.Б. Мальцева // Антропоцентризм в языке и речи. – СПб., 2003. – С. 210-215.
2. Franklin, B. The Autobiography of Benjamin Franklin [Text] / B. Franklin. – New York : Airmost Publishing Company, 1965. – 386 p.

ПРОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ СИММЕТРИИ В ПРОЦЕССЕ ДИСКРЕТИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА

Д.А. Ичкинеева

Оренбургский государственный университет

The article deals with the general peculiarities of such category as symmetry in process of semantic space segmentation of the text. These ways are considered with the help of synthetical and analytical strategies of semantic space segmentation of the text.

Категория симметрии часто становится объектом исследований, проводимых в рамках современной теории текста, при этом проявлением симметрии текста признаётся повтор [Белоусов, 2008; Корбут, 2004; Моисеева, 2007; Москальчук, 1998]. Подобным образом выявляются элементы симметрии в членении физического и синтаксического пространств текста [Моисеева, 2007]. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение проявлений категории симметрии в процессе дискретизации семантического пространства текста.

На наш взгляд, рассмотреть особенности дискретизации семантического пространства текста можно при помощи метода *семантического картирования текста*, созданного для количественного моделирования его семантической организации, позволяющего представить текст в процессе его непосредственного функционирования [Белоусов, 2008, с. 227].

Перед информантами ставились задачи: 1) прочитать текст, определить его тему; 2) выделить микротемы текста и назвать их; 3) к каждой микротеме выписать слова, представляющие ее в тексте. Количество групп и слов в группах полагалось произвольным. Задания выполнялись каждым испытуемым индивидуально. Время проведения эксперимента не ограничивалось. Реципиентами выступили 43 студента-филолога 1-5 курсов.

В качестве материала был взят текст И.С. Тургенева «Череп» [Тургенев, 1982]. Данный текст состоит из 146 словоформ.

Череп

Роскошная, пышно освещенная зала; множество кавалеров и дам.

Все лица оживлены, речи бойки... Идёт трескучий разговор об одной известной певице. ее величают божественной, бессмертной... О, как хорошо пустила она вчера свою последнюю трель!

И вдруг – словно по магию волшебного жезла – со всех голов и со всех лиц слетела тонкая шелуха кожи и мгновенно выступила наружу мертвенная белизна черепов, зарябили синеватым оловом обнажённые дёсны и скулы.

С ужасом глядел я, как двигались и шевелились эти дёсны и скулы, как поворачивались, лоснясь, при свете ламп и свечей, эти шишковатые, костяные шары и как вертелись в них другие, меньшие шары – шары бессмысленных глаз.

Я не смел прикоснуться к собственному лицу, не смел взглянуть на себя в зеркало.

А череп поворачивались по-прежнему...

И с прежним треском, мелькая красными лоскуточками из-за оскаленных зубов, проворные языки лепетали о том, как удивительно, как неподражаемо бессмертная... да, бессмертная певица пустила свою последнюю трель!

Апрель, 1878

Тема текста репрезентирует целостность текста, микротемы – субцельности (термин Л.В. Сахарного), то есть интегральные компоненты (или макрокомпоненты) членения семантического пространства текста. При этом количество микротем является *показателем степени членения семантического пространства*.

В ходе эксперимента наблюдался довольно большой разброс количества выделенных микротем (от 2 до 15). Полагаем, что при рассмотрении проявлений категории симметрии для нас интересны данные, которые в наиболее заостренной форме отражают проявления дискретизации/континуализации, т.е. «полярные» случаи.

Для того, чтобы определить какие реакции являются «полярными» было подсчитано среднее количество микротем (для данного текста этот показатель равен 5,1), и стандартное отклонение (2,3). Проявлениями определённой стратегии членения считались показатели, превышающие следующее значение: среднее количество микротем $\pm$ стандартное отклонение. Таким образом «полярными» случаями для текста «Череп» являются микротемы, численные показатели которых больше 7,4 и меньше 2,8, то есть 8,9,10,15 и 2 микротемы. Дискретизация цельности на 2 субцельности является признаком синтетического способа членения, на 8,9,10,15 – аналитического. Явления синтетичности и аналитичности рассматривались в трудах Г. Клауса, а позднее Э.А. Голубевой. Исследователи полагают, что для понятия синтетичности характерно целостное и недифференцированное восприятие, для аналитичности (полярного понятия) – иерархическое структурирование понятийной информации [Клаус, 1987; Голубева, 1989].

Мы рассмотрим реакции, относящиеся к проявлениям «чистого» аналитизма и синтетизма.

Синтетизм (минимальная дискретность)

2 микротемы (3 информанта, Ии. Ю.К.):

Известная певица (божественная, бессмертная, пустила последнюю трель);

Обнажение сущности участников раута (слетела тонкая шелуха кожи, мертвенная белизна черепов, шары обесмысленных глаз, красные лоскуточки из-за оскаленных зубов).

В приведённой реакции информанта курсивом выделены названия микротем, в скобках – слова, репрезентирующие микротему в тексте.

В данной реакции информант членит семантическое пространство текста на два смысловых блока: разговор об *Известной певице* и *Обнажение сущности участников раута*. Следует отметить, что в остальных реакциях информантов-синтетиков так же присутствовали данные микротемы, то есть

членение семантического пространства текста именно на эти компоненты информантами-синтетиками является неслучайным. Показательным в реакциях синтетиков является отсутствие общих слов, которые репрезентировали бы и ту и другую микротему, что свидетельствует о том, что данные семантические блоки являются полностью изолированными и никак не связанными друг с другом.

Аналитизм (максимальная дискретность)

8 и более микротем (4 информанта, Ии Е.П.):

Общество (множество кавалеров и дам, лица оживлены);

Освещение (пышно освещенная зала, свет ламп и свечей);

Разговоры (речи бойки, трескучий разговор, проворные языки лепетали);

Восхищение (известная певица, божественная, бессмертная, неподражаемо, удивительно);

Истинное «лицо» общества (мертвенная белизна черепов, обнаженные десна и скулы, оскаленные зубы, проворные языки, слетела тонкая шелуха кожи);

Смерть и бессмертие (бессмертная певица, последняя трель, мертвенная белизна черепов, шары обесмысленных глаз);

Страх и ужас увиденного (с ужасом глядел я..., я не смел прикоснуться к собственному лицу, не смел взглянуть на себя в зеркало);

Цвет (мертвенная белизна, синеватое олово, красные лоскуточки).

Из данной реакции видно, что в отличие от синтетического способа членения семантического пространства текста, слова, репрезентирующие некоторые микротемы при аналитическом способе членения семантического пространства текста, распределены по всему тексту, а не локализируются в отдельном текстовом отрезке. При этом в реакциях информантов-аналитиков отмечены общие слова, которые репрезентируют и ту и другую микротему (повторы): *мертвенная белизна, бессмертная, проворные языки*, что свидетельствует о наличии внутритекстовой симметрии. Полагаем, что подобное проявление симметрии обусловлено особенностями использования аналитической стратегии дискретизации семантического пространства текста: информанты-аналитики сначала максимально членят семантическое пространство текста, делают фрагменты членения относительно автономными, а потом при помощи «сквозных» микротем стараются обнаружить связи между различными образами одного текста [Ичкинеева, 2009]. То есть повторы появляются именно в «микротемах», рассредоточенный по всему тексту, таких как *Смерть и бессмертие, Цвет, Истинное «лицо» общества*. Следует отметить, что данная тенденция наблюдается и в других реакциях информантов-аналитиков.

Таким образом, категория симметрии проявляется при использовании аналитической стратегии дискретизации семантического пространства текста на этапе его «оцельнения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов, К.И. Синергетика текста: от структуры к форме [Текст] : монография / К.И. Белоусов. – М. : Эдиториал УРСС, 2008. – 248 с.
2. Голубева, Э.А. Способности и склонности. Комплексные исследования [Текст] / Э.А. Голубева – М. : Педагогика, 1989. – 200 с.
3. Ичкинеева, Д.А. Стратегии синтеза тематического пространства текста / Д.А. Ичкинеева, К.И. Белоусов // Белоусов, К.И. Теория методология полиструктурного синтеза текста [Текст] / К.И. Белоусов. – М.: Флинта : Наука, 2009. – С.151-168.
4. Клаус, Г. Введение в дифференциальную психологию [Текст] / Г. Клаус. – М. : Педагогика, 1987. – 176 с.
5. Корбут, А.Ю. Текстосимметрия. [Текст] / А.Ю. Корбут. – Иркутск : Иркут. гос. пед. ун-т, 2004. – 200 с.
6. Моисеева, И.Ю. Textoобразование: системно-динамический аспект [Текст] / И.Ю. Моисеева. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007. – 344 с.
7. Москальчук, Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. [Текст] / Г.Г. Москальчук. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – 240 с.
8. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах [Текст] / И.С. Тургенев. – Т.10. – М.: Наука, 1982. – 472 с.
9. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику [Текст] : курс лекций / Л.В. Сахарный. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.

СТРУКТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКОГО ТЕКСТА «МАРКЕТИНГ»

Г.А. Ким

Международная Бизнес-Академия (г. Караганда, Казахстан)

This article deals with the structural and linguistic analysis of the text "Marketing". It comprises the analysis of Karlinski's algorithm.

Речевое действие входит в социальное действие. Это происходит с помощью относительно законченных единств устного или письменного высказываний, например: диалог-заказ в ресторане, официальное письмо или инструкция по применению. Тексты производятся автором (говорящим или пишущим) по определённому поводу для определённого получателя (слушающего или читателя). Они могут быть разными по объёму и содержанию, по стилю. Например, тексты «Маркетинг» относятся к газетно-публицистическому стилю, в котором соединены и неотделимы две важнейшие функции языка: информационная и воздействующая.

Но что такое текст? «Текст» из латинского *textum* означает связь, соединение. В настоящее время в лингвистике имеется более трехсот определений понятия «текст». По мнению Л.М. Лосевой «текст – один из сложнейших объектов лингвистического исследования, поэтому наука еще не выработала приемлемого и общепринятого определения текста» [Приводится по: Ворожбитова, 2005, с. 214]. Г.Я. Солганик исходит из самой природы слова «текст», дав следующее определение: «Текст <...> – объединённая смысловой и грамматической связью последовательность речевых единиц:

высказываний, сверхфразовых единств (прозаических строф), фрагментов, разделов и т.д.» [Приводится по: Ворожбитова, 2005, с. 214].

Как построен текст «Маркетинг», какими лингвистическими особенностями он обладает? Вот два вопроса, на которые мы хотели бы дать ответ.

По мнению А.Е. Карлинского алгоритм для исследования любого текста выглядит следующим образом:

1. Делимитация текста.
2. Определение типа текста.
3. Установление темы текста.
4. Определение структуры текста.
5. Выявление особенностей внутритекстовых связей.
6. Определение стилистических особенностей текста.
7. Установление прагматической сущности текста [Карлинский, 2009, с. 113].

Мы проведём анализ на примере текста „Mit richtigem Marketing auf Auto-Liebhaberinnen-Jagd gehen“, взятого из журнала „absatzwirtschaft online“ рубрики «Стратегический маркетинг» от 11.10.2009.

Для делимитации текста мы применим формальный способ, который используется при анализе кратких литературных текстов, газетных статей. Чаще всего для текстов различных жанров характерно типичное для него построение, например, газетная статья, рецепт из поваренной книги, юридический текст будут отличаться друг от друга своим внешним видом. Анализируемый текст начинается с названия текста, выделенного жирным шрифтом, затем идёт сам текст, состоящий из 4 абзацев, каждый из которых разделён пробелом. Первый абзац начинается с даты. Затем следует текст, выделенный жирным шрифтом и передающий тему статьи, проблему, почему она была написана, с какой целью.

Следующий шаг – это определение типа текст. Рассматриваемый текст – информативный, содержащий сведения о результатах исследования, проводимых центром «Женщина и автомобиль» институтом Нидеррейн, для которого дипломированным экономистом по торговле Николасом Дондорфом было опрошено 78 лиц женского пола.

Для установления темы текста необходимо ответить на вопрос: «О чем идёт речь в данном тексте?». На этот вопрос мы можем ответить следующим образом: «О возможности использования потенциальной покупательской способности женщин на рынке классических автомобилей».

Каким образом построен текст? В данном случае необходимо установить компоненты его композиции (экспозицию, вводную часть, основную часть и заключение), а также содержание, заключенное в данных частях текста. Экспозиция данного текста – это заглавие «На охоту за любительницами автомобилей с правильным маркетингом» и первое предложение, которое содержит только дату 06.10.2009. В вводной части – продолжение абзаца – речь идёт об исследовании, проводимом в институте Нидеррейн, направленное на выявление желаний, установок и ожиданий

опрошенных женщин. Далее следует основная часть, направленная на доказательство того, что продавцы и поставщики на автомобильном рынке недостаточно много внимания уделяют классическим автомобилям и интересу женщин к таким ретро-маркам, как Volkswagen-Käfer, Mercedes 300 SL Flügeltürer и т.д. Здесь же даётся информация о том, каким образом и почему любительницы классических автомобилей проявили интерес к этим маркам. Заключение содержит высказывание Анне Копперс, которая ездит на Porsche-914-6 и выиграла ралли Корсика для ретро-автомобилей, хотя этому автомобилю уже 40 лет, а также приводится мнение владелицы автомобиля Volkswagen-Karmann Ghia, которая считает, что ездить на таких машинах и есть «настоящая езда на автомобиле».

Пятым шагом является выявление особенностей внутритекстовых связей, т.е. когезии, сцепления предложений в единое целое. Связь предложений друг с другом поддерживается часто грамматическими и семантическими средствами. Это могут быть местоимения, например, «*Zur erfolgreichen Ansprache potenzieller Kundinnen gehöre deshalb das Wissen darüber, wie **Klassiker-Fahrerinnen** zu ihrem Hobby gefunden haben und was **sie** damit verbinden*». Личное местоимение *sie* заменяет существительное *Klassiker-Fahrerinnen*, перенимая также его синтаксическую функцию.

Или в следующем примере: «*Vor allem **die Einzigartigkeit der Modelle** begeistere die Fahrerinnen. **Diese** drücke sich in der Formensprache, edlen Materialien, Gerüchen und rührernden Motorgeräuschen aus*». В данном случае вместо словосочетания *die Einzigartigkeit der Modelle* употребляется указательное местоимение *diese*, которое стоит уже в именительном падеже. Таким образом, местоимения связывают предложения или части предложения между собой, при этом они ссылаются на уже упомянутую информацию, т.е. в данных примерах они служат анафорическим средством.

Для связи предложений в тексте большую роль играют союзы или реже наречия. Например, «*Frauen, **die** beim Autofahren das Original, seinen Charakter **und** Stil lieben **und** einen Klassiker ihr eigen nennen, sind beim Oldtimertreffen noch in der Minderheit, **aber** hinter dem Steuer klassischer Automobile wie dem Volkswagen – (VW) – Käfer, einem Mercedes 300 SL Flügeltürer oder Jaguar XK 120 statistisch schwer im Kommen*». Относительное местоимение *die* помогает автору конкретизировать образ автолюбительницы, союз *und*, употреблённый в данном предложении два раза подчеркивает его, помогая при этом читателю более полно представить владелицу классического автомобиля, любящую его подлинность, характер и стиль. Союз *aber* выражает противоположность к сказанному выше. А именно: хотя во время встречи владельцев Олдтаймер (ретро-автомобилей) женщин меньше, чем мужчин, но всё же необходимо обратить внимание на тенденцию роста интереса женщин к классическим автомобилям, что представляет большой потенциал для продавцов и поставщиков. Эту мысль автор продолжает развивать дальше, при этом используя двойной союз *zwar ... doch ...* в предложении: «***Zwar** greifen große Autohersteller die Sehnsucht nach einer vergangenen Zeit laut Professorin Dr. Doris Kortus-Schultes, Leiterin*

des Kompetenzzentrums, mit Neuauflagen legendärer Modelle wie beispielsweise des Opel GT und des VW Scirocco auf, doch reichen sie nicht an Originale heran».

Тематическая связь в данном тексте выполняется преимущественно такими частями речи, как существительные и глаголы. Самой простой формой является повторение одного и того же слова. Например, в данном тексте слово «Frauen» повторяется пять раз, «Fahrerin» – три раза. Т.к. цель данной статьи – убедить продавцов и поставщиков автомобилей обратить внимание на растущий покупательский потенциал женщин-автолюбителей, автор использует различные существительные для их обозначения: это и сложные слова *Auto-Liebhaberinnen, Klassiker-Fahrerinnen, Kundinnen, Frauen*. Все эти существительные служат для связи текста в одно целое. В данном случае мы говорим о субституции, т.к. все они направлены на одну и ту же референцию. Так же и выбор глаголов соответствует теме «Автомобиль, женщина-любитель». Например: *herunterkurbeln* (опустить окно [стекло] (в автомашине)), *begeistern* (вдохновлять), *spiegeln* (отражаться), *spüren* (чувствовать) и др.

Вторым средством внутритекстовых связей являются лексико-тематические линии: линия профессионалов (*die Sehnsucht nach einer vergangenen Zeit* – ностальгия по прошлому, *erfolgreiche Ansprache* – успешное обращение, *ein großes Wachstumspotenzial* – большой потенциал роста, *große Autohersteller* – крупные производители автомобилей) и др.; линия женщин-любителей (*regelrechte Kunstwerke* – подлинные произведения искусства, *Gelassenheit beim Fahren eines Automobils spüren* – чувствовать хладнокровие при езде на автомобиле, *edle Materialien* – благородные материалы, *alle Blicke auf sich ziehen* – притягивать все взгляды на себя и др).

Обе лексико-тематические линии сливаются в одно целое посредством эксплицитной и имплицитной кореференции, обеспечивающей когезию текста.

Шестым пунктом является определение стилистических особенностей текста. Стиль – это совокупность языковых средств передачи информации и воздействия на читателя. Как любой публицистический текст анализируемое произведение отличается правильностью и чёткостью построения предложений. Текст состоит из 15 предложений: 4-х простых повествовательных предложений, 3-х сложносочинённых, 6-и сложноподчинённых предложений, 1-ого предложения с прямой речью, 1-ого эллиптического предложения. Основу текста составляет монологическая речь, что свойственно преимущественно аналитическому жанру. Для данного жанра характерно также использование разговорных слов и выражений, например: *nach Benzin und Öl riechen, die Nase reinstecken, im Kommen sein, auf Auto-Liebhaberinnen-Jagd gehen* и др.

Прагматическая сущность текста определяется позицией автора относительно людей и событий, зафиксированных в тексте. Всем своим содержанием автор пытается заинтересовать и убедить читателя в

использовании правильной стратегии маркетинга для привлечения женщин-автолюбителей в качестве потенциальных покупателей.

Текст рассчитан на широкий круг читателей, но в первую очередь на специалистов в области маркетинга. Рассуждение в газетной статье носит эмоциональный характер, его главная цель – воздействие на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворожбитова, А.А. Теория языка. Антропоцентрическое направление [Текст] : учебное пособие / А.А. Ворожбитова. – М. : Высшая школа, 2005. – 367 с.
2. Карлинский, А.Е. Методология и парадигмы современной лингвистики [Текст] / А.Е. Карлинский. – Алматы : КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2009. – 352 с.
3. Mit richtigem Marketing auf Auto Liebhaberinnen – Jagd gehen [Electronic resources] / „absatzwirtschaft online“ // URL: http://www.absatzwirtschaft.de/Content/Marketingstrategie/default_1003000.aspx

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СПОРТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.Н. Кириллова

Алтайская государственная педагогическая академия

The article is devoted to the analysis and interpretation of the expressive potential of sport metaphors in the present German journalistic discourse. Such metaphoric constructions create a vivid image and emphasize the illocutive effect of the utterance.

Повышенная экспрессивность является, как известно, одной из универсальных особенностей современных печатных СМИ. Под «экспрессивностью» в данном исследовании понимаются «такие признаки языковой/речевой единицы, благодаря которым говорящий/пишущий выражает своё субъективное отношение к содержанию речи или ее адресату (через категории эмоциональности, оценочности, образности и интенсивности)» [Язык..., 2008, с. 521].

Одним из продуктивных средств повышения экспрессивности современных немецких печатных СМИ выступает метафора из различных понятийных сфер, в том числе и из сферы «спорт». Спортивные номинации в результате метафорического переосмысления получили в немецком языке широкое распространение вне спортивного контекста уже начиная с 20-х годов прошлого столетия, что объясняется особой ролью спорта в немецкоязычной культуре.

В качестве исходных примеров рассмотрим случаи переносного употребления единиц, входящих в состав метафорической модели «ЖИЗНЬ – это СПОРТ» и вербализующих на языковом уровне соответствующие данным понятийным сферам единицы ментального лексикона.

Пронизанная духом соперничества и конкуренции, политическая, экономическая, культурная, а также личная сфера жизни современного

общества обнаруживает аналогичные ситуации с миром спорта, в результате чего заимствование образов из спортивного мира оказывается весьма плодотворным.

Спортсмены в народном сознании воспринимаются как национальные герои, как люди, достойные восхищения. Именно, спортсмены, одержавшие победу на соревнованиях мирового уровня, принесящие своей стране заветную победу, отстаивающие право страны называться спортивной державой, становятся настоящей легендой. Истинным героям искренне сочувствуют, радуются их удачам и сопереживают в случае неудач. Метафорические единицы *Weltmeister*, *Champion*, *Professional*, *Schrittmacher*, *Favorit*, *Geheimfavorit*, *Crack*, *Pacemaker*, обладающие повышенным коннотативным ореолом и несущие явно выраженный положительный заряд, служат для создания образа политических, экономических деятелей и т.д., выгодно отличающегося от образа их «соперников».

(2) *In den Umfragen als überlegener Favorit gestartet, konnte der Vertreter des Establishments nur etwa ein Viertel der Genossen für sich gewinnen* [Simons, 2008, с. 145].

В немецкой прессе Германия предстаёт в образе «чемпиона мира по экспорту товаров», «чемпионом мира по путешествиям» и эти регулярно повторяющиеся метафоры способствуют формированию позитивных национальных стереотипов, содействуют возвышению имиджа своей страны.

(3) *Die Deutschen bleiben **Reiseweltmeister**: Im vergangenen Jahr gaben sie während ihrer Urlaubstage 58 Milliarden Euro aus. Das meiste Geld blieb im Nachbarland Österreich, allerdings nur weil Spanien erheblich an Beliebtheit verloren hat* [Deutsche geben am meisten in Österreich aus, URL]. *Deutschland bleibt auch 2008 **Exportweltmeister*** [Deutschland bleibt auch 2008 Exportweltmeister, URL].

Метафора «Weltmeister» может выступать в других контекстах и в качестве номинации с отрицательной оценкой. Так, Бразилия предстаёт «чемпионом мира по количеству долгов», страной, постоянно доставляющей хлопоты международному валютному фонду.

(4) *Es war in der Tat ein historischer Schritt: Brasilien, einst **Schuldenweltmeister** und Sorgenkind des Internationalen Währungsfonds (IWF), braucht keine neuen Kredite mehr - obwohl es immer noch insgesamt rund 200 Milliarden Dollar Schulden hat* [Der Muster- und der Prügelknabe, URL].

Мощный эмоциональный заряд несут метафоры, основанные на командных и индивидуальных, скоростных и интеллектуальных видах спорта. Например, метафорические единицы *Boxkampf*, *Boxring*, *sich boxen* т.д. привносят в контекст элемент борьбы, жесткости, а также формируют скорее негативное, настороженное отношение к происходящему.

(5) *«Wie beim **Boxkampf** muß man auch beim Wahlkampf immer auf die wunde Stelle zielen», behauptet Heusinger* [Die Jagd auf den Wähler, URL]. *Manche Regisseure interpretieren die Ehe als **Boxring**, die Partnerschaft als Kampf* [Kultur in Wuppertal, URL].

Акцентирование внимания реципиентов на определённых смысловых нюансах осуществляется за счёт привлечения ярких образов, заимствованных из скоростных видов спорта и способных навязать определённую точку зрения, сформировать, например, как в следующем примере негативное отношение к бюрократии, актуализировать в сознании информацию о связанном с данной системой формализмом в ведении дел, канцелярщиной, волокитой.

(6) *«Immer lauter wird über privates Kapital nachgedacht, das reiche Mitbürger und Unternehmer stiften sollen. Solche Stiftungsmodelle setzen zwar einen **bürokratischen Hürdenlauf** und Millioneninvestitionen voraus, und neu sind sie auch nicht gerade. Aber sie bekommen in Krisenzeiten neue Relevanz ...»* [Eine Art Marschallplan, URL].

Особенно обращают на себя внимание окказиональные метафоры, которые возникая в конкретных ситуациях на основе индивидуального специфического опыта, приносят ощущение новизны, отражают нестандартность мировосприятия и миропонимания автора, способствуют созданию яркого зрительного представления об обозначаемом, делают высказывание более выразительным, ярким, необычным. В качестве примера можно привести креативную метафору, основанную на таком виде спорта, как шахматы.

(7) *«Baden-Württembergs neuer Ministerpräsident überrascht mit **Kabinetts-Rochade** [Oettinger baut radikal um, URL]. So bleibt die Verlängerung der Amtszeit für den EU-Botschafter Wilhelm Schönfelder in Brüssel offen. Auch eine für den Jahreswechsel geplante **Rochade** mehrerer Spitzenbotschafter liegt auf Eis»* [Versetzungsstopp wegen Neuwahl, URL].

Интерес представляют также нестандартные случаи метафорического употребления слова «Rekord» при описании сомнительных достижений, способных увеличить воздействующую силу высказывания (trauriger Rekord, Rekord nach unten, Lügenrekord и т.д.), сформировать у читателя негативное отношение к описываемому фрагменту действительности, помочь в полной мере осознать масштабы произошедшей трагедии, необходимости принятия соответствующих мер по устранению причин печальных событий.

(8) *«Freitod ist keine Seltenheit auf der Insel. 2006, im letzten statistisch erfassten Jahr, gab es 58 Selbsttötungen; 20 Prozent der 15- bis 17-jährigen Mädchen haben bereits einen Suizidversuch hinter sich, weitere 20 Prozent aller Jugendlichen ernsthaft an Selbstmord gedacht. Das ist **einsamer Rekord**»* [Ertel, 2008, с.151].

Поражениям в спортивных состязаниях уподобляются неудачные реформы, банкротство, крах в коммерческой деятельности, изделия сомнительного качества, продукты и т. д. Для их нового осмысления привлекается заимствованный из английского языка спортивный термин Fosburyflor (прыжок в высоту способом «фосбюри-флоп»), который в немецком языке уже с некоторых пор используется в переносном значении как «неудача» и зафиксирован в этом значении в словарях. Данная метафора

содержит отрицательную оценку и способствует реализации соответствующей авторской интенции в процессе коммуникации.

(9) *«Robbie Williams macht Straßenmusik in Berlin – so weit ist es schon: Nach Drogenproblemen, **Album-Flop** und langer Pause versucht der britische Sänger sein Comeback mit neuem Album und extremer Marketingstrategie [Ein Superstar gibt sich volksnah, URL]. Der von der Bundesregierung zur Unterstützung einkommensschwacher Familien geschaffene Kinderzuschlag scheint bisher ein **Flop** zu sein»* [Bisher kaum Interesse am Kinderzuschlag, URL].

Иногда во время состязаний в различных видах спорта участники (организаторы, спортсмены, судьи) нарушают правила игры. Особенно заслуживают осуждения намеренное нарушение правил, грубая (некорректная) игра, сопровождающаяся запрещенными приемами, грубыми толчками, подножками, умышленными ударами по противнику. Метафоры данной группы *Eigentor, Tiefschlag, Foul, foulen, Fehlstart, ein Schlag unter die Gürtellinie treffen* формируют тем самым негативное отношение также и к «нарушителям правил игры» из политической, финансовой, образовательной сфер и т.д.

(10) *«**Tiefschlag** für Weltmeister Deutschland. Das schmerzt: Heimische Unternehmen haben im August weniger im Ausland verdient als einen Monat zuvor. Ein historisches Desaster kündigt sich an [Tiefschlag für Weltmeister Deutschland, URL]. „Grobes **Foul**“ des Innenministers [„Grobes Foul“ des Innenministers, URL]. Der bayerische Ministerpräsident Edmund Stoiber warf derweil Bundeskanzler Gerhard Schröder vor, er habe mit seinem "unausgegoren" Vorstoß zu einer Reform der Nato ein "schlimmes diplomatisches **Eigentor**" geschossen»* [Stoiber findet Schröders Vorstoß missglückt, URL].

Анализ фактического материала показал, что моделирование человеком действительности как результат обобщения его опыта практической деятельности предлагает различные, порой неожиданные варианты понимания одного явления в терминах другого. Такого рода метафорические номинации способствуют созданию яркого зрительного представления, имеют мощный экспрессивный заряд, увеличивающий воздействующую силу высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Язык средств массовой информации [Текст] : учеб. пособие для вузов / [М. Н. Володина и др.] ; под ред. М. Н. Володиной. – М. : Альма Матер, 2008. – 758 с.
2. Bisher kaum Interesse am Kinderzuschlag // Der Tagesspiegel [Electronic resources]. – URL : <http://www.tagesspiegel.de/berlin/art270,1905639>
3. Der Muster- und der Prügelknabe? // Die Tagesschau [Electronic resources]. – URL : <http://www.tagesschau.de/wirtschaft/meldung116646.html>
4. Deutsche geben am meisten in Österreich aus // Der Spiegel [Electronic resources]. – URL : <http://www.spiegel.de/reise/aktuell/0,1518,337328,00.html>
5. Deutschland bleibt auch 2008 Exportweltmeister // Das Handelsblatt [Electronic resources]. – URL : <http://www.handelsblatt.com/unternehmen/aussenwirtschaft/deutschland-bleibt-auch-2008-exportweltmeister;1432354>

6. Die Jagd auf den Wähler // Die Welt [Electronic resources]. – URL : http://www.welt.de/print-welt/article207925/Die_Jagd_auf_den_Waehler.html
7. Eine Art Marschallplan // Die Zeit [Electronic resources]. – URL : <http://www.zeit.de/2009/29/Qualitaetsjournalismus>
8. Ein Superstar gibt sich volksnah // Der Spiegel [Electronic resources]. – URL : <http://www.spiegel.de/kultur/musik/0,1518,657066,00.html>
9. Ertel M. Aufbruch im Eis // Der Spiegel. – № 46. – 2008. – С. 150-151.
10. „Grobes Foul“ des Innenministers // Münchener Merkur [Electronic resources]. – URL : <http://www.merkur-online.de/lokales/nachrichten/grobes-foul-innenministers-463478.html>
11. Kultur in Wuppertal // Die Westdeutsche Zeitung [Electronic resources]. – URL : <http://www.wz-newsline.de/sro.php?redid=124521>
12. Mit Laptop und Badehose // Der Spiegel [Electronic resources]. – URL : <http://www.spiegel.de/unispiegel/studium/0,1518,343640,00.html>
13. Oettinger baut radikal um // Die Welt [Electronic resources]. – URL : http://www.welt.de/print-welt/article667522/Oettinger_baut_radikal_um.html
14. Simons S. Im Namen der Rose [Text] // Der Spiegel. – № 46. – 2008. – С. 144-145.
15. Stoiber findet Schröders Vorstoß missglückt // Der Spiegel [Electronic resources]. – URL : <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,341818,00.html>
16. Tiefschlag für Weltmeister Deutschland // Der Focus [Electronic resources]. – URL : http://www.focus.de/finanzen/news/konjunktur/export-tiefschlag-fuer-weltmeister-deutschland_aid_443209.html
17. Versetzungsstopp wegen Neuwahl // Der Spiegel [Electronic resources]. – URL : <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-40525833.html>

САМООЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ АВТОРА БЛОГА КАК СПОСОБ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

Н.С. Козлова

Челябинский государственный университет

Nowadays the Internet plays the very important role in the life of every person. One of the main ways of living in the Internet is blog. Most people write their notes to make some image. Thus, this article describes how the author evaluates himself in blogs in order to make his self-presentation.

За время своего существования Интернет завоевал прочное место в жизни практически каждого человека. Технологическая революция, которая привела к развитию компьютерных сетей, вызвала появление новой коммуникационной среды – виртуальной. Одним из распространённых способов существования в виртуальном мире являются персональные странички, которые дали начало еще одному популярному сейчас способу заявить о себе: блогам.

Блог (англ. blog сокр. web log. «сетевой журнал или дневник событий») – это веб-сайт, основное содержание которого – регулярно добавляемые записи, изображения или мультимедиа [Википедия: URL].

Блог – персональные заметки, расположенные в хронологическом порядке, которые публикуются в открытом доступе, т.е. дают посетителям возможность оставлять комментарии [Смирнов, 2003, с. 128].

Таким образом, блог представляет собой средство коммуникации, в котором автор преследует определённые цели: общение, развлечение, написание мемуаров, саморазвитие и самопрезентация [Остапенко, 2004, с. 150]. Самопрезентация является самой важной целью ведения блога.

Самопрезентация – это средство формирования образа «я», процесс сообщения другим людям, кем мы являемся, или поведенческое выражение того, что мы чувствуем в свой адрес и думаем о себе. В виртуальном пространстве для создания образа авторы блогов используют определённые способы.

Одним из основных способов самопрезентации являются самооценочные высказывания.

О.С. Иссерс выделяет следующие виды самооценки:

1. Акцентирование положительной информации о себе, суть которого заключается в том, чтобы продемонстрировать себя в наиболее выгодном свете, создать достойный образ, понравиться окружающим.

2. Акцентирование отрицательной информации о себе направлено на демонстрацию нестандартных индивидуальных качеств личности.

3. Эпатирование – стремление продемонстрировать свою оригинальность; реализуется через отрицание привычных схем поведения или ценностных ориентиров в данном микросоциуме.

4. Привлечение внимания к себе, акцентирующее внимание адресатов на достоинствах и успехах адресантов.

5. Самовозвеличивание, суть которого заключается в том, чтобы минимизировать похвалу себя и максимизировать неудовлетворенность собой [Иссерс, 2002, с. 46-48].

Данные виды самооценки отражаются в тексте блога с помощью набора самооценочных высказываний, лингвистическая реализация которых осуществляется посредством формальных и семантических приемов [Соколова-Бауш, 1999, с. 78].

К формальным приёмам относятся следующие:

1. личное местоимение я/ich + набор характеристик:

«Я очень глупый, когда влюблённый. Однако обожаю, это состояние и с удовольствием исхитрится бы его испытать еще раз» <http://stas-kulesh.livejournal.com/>.

«Ich würde mich mal als einen ziemlich normalen Menschen aus den Tiefen des Ruhrgebiets bezeichnen» (Я бы определила себя как довольно нормального человека из Рурской област.) <http://www.blog.de/user/ada61/>.

2. притяжательное местоимение мой, моя, моё / mein, meine + черта характера + предикат:

«Моя неприязнь к таким разговорам особенно сильно проявляется, когда я ловлю машину» <http://larichev.livejournal.com/>.

«*Mein Individualismus ist mein Waffenschein*» (Мой индивидуализм – это мое право на ношение оружия.) <http://piinkii.blog.de/>.

3. у меня есть / у меня нет / ich habe + перечень личных и деловых качеств:

«У меня нет зависти ни к чужим мыслям, ни к чужому успеху» <http://snandulija.livejournal.com/>.

«*Ich habe einen gediegenen Charakter, weil ich ein Sportler war*» (У меня уравновешенный характер, потому что я был спортсменом) <http://www.blog.de/user/wirrkopf/>.

4. предикаты внутреннего состояния:

«Я плачу от смеха» <http://bulka.livejournal.com/>.

«*Ich mag alle Menschen, die an andere Menschen denken; Menschen, die handeln und nicht nur reden*» (Я люблю всех людей, которые думают о других людях; людей, которые действуют, а не только говорят) <http://www.blog.de/user/yaateeh/>.

5. идентификация своих через интегрирующие местоимения мы, наше:

«*Мы – женщины ни в чем не виноваты*» <http://vera-kloкова.livejournal.com/>.

«*Wir sind alle verrückt*» (Мы все сумасшедшие) <http://coq-au-vin.blog.de/>.

Семантические приёмы представлены набором следующих лингвистических средств:

1. метафорический образ себя:

«Я – женщина-кошка. Грациозна, желанна, загадочна» <http://pristalnaya.livejournal.com/>.

«*Ich bin die absolute Chaosfrau, totaler Kopfmensch*» (Я абсолютная женщина-хаос, всеохватывающий человек-голова) <http://www.blog.de/user/nicki1981/>.

2. противопоставление / контраст:

«У меня есть подружка – полная мне противоположность. Спокойная, как удав» <http://rikki-t-tavi.livejournal.com/>.

«*Mein Freund hat tatsächlich schon mal Cannabis geraucht. Ich nie*» (Мой друг уже однажды курил коноплю. Я никогда) <http://www.blog.de/user/masterprinz007/>.

3. выражение принципов, ценностей, приоритетов:

«Мой принцип – без крайней нужды не связываться в драку, но если уж связался – драться до конца, пока есть силы» <http://moleska.livejournal.com/>.

«*Wer aufhört zu lernen, ist tot!*» (Кто прекращает учиться, тот мёртв) <http://www.blog.de/user/dominanzwelt/>.

4. указание слабых / сильных сторон, хобби и увлечений:

«Прекрасно отдаю себе отчёт в своих слабостях как публично политика, призванного агитировать, объяснять, выигрывать выборы» <http://henry-morgan.livejournal.com/>.

«*Manchmal, wenn ich neue Menschen kennen lerne, bin ich schüchtern*»
(Иногда, когда я знакоюсь с новыми людьми, я бываю застенчивой)
<http://deutscherinfodienst.blog.de/>.

Используя данные семантические и формальные приемы, автор блога создает определённый желаемый образ и контролирует впечатление, которое он хочет произвести на адресата, с помощью положительных или отрицательных высказываний о себе и своих основных принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] : монография / О.С. Иссерс. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
2. Остапенко, И.А. Гендерная идентичность и самопрезентация в Интернет-коммуникации [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. / И.А. Остапенко. – Ростов н/Д., 2004. – 196 с.
3. Смирнов, И.П. Порождение интертекста [Текст] / И.П. Смирнов – СПб, 2003. – 332 с.
4. Соколова-Бауш, Е.А. Самопрезентация как фактор формирования впечатления о коммуникаторе и реципиенте [Текст] : дис. ... канд. психолог. наук. / Е.А. Соколова-Бауш. – Москва, 1999. – 123 с.
5. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс] / URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия>

ЭТНИЧЕСКАЯ НЕТОЛЕРАНТНОСТЬ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ НАД СОБЕСЕДНИКОМ

Н.В.Копылова

Иркутский государственный лингвистический университет

The lack of ethnic tolerance in the colloquial discourse is analysed within the limits of power strategy in communication.

В лингвистике толерантность определяется как форма поведения и общения с другими людьми и противопоставляется агрессивности, конфликтности и безапелляционности [Стернин 2006]. Демонстрация одним говорящим нетолерантности по отношению к другому ставит последнего в заведомо более низкое положение, что лишает общение симметрии и гармонии. Социолингвисты Р. Браун и А. Гилман определяют отношения неравенства как асимметричные отношения и утверждают, что все частные отношения типа «богаче, чем кто-либо», «старше, чем кто-либо» и т.п. в итоге возводятся к более абстрактным отношениям «властвующий – подчиняющийся» [Brown 1972: 257]. Как в лингвистике, так и в других гуманитарных науках неоднократно указывалось, что асимметричное общение всегда имеет определенное дискурсивное выражение. Так, Р. Хадсон подчеркивает, что участники бесед с помощью определенных языковых и невербальных сигналов отводят определенное место в обществе себе и партнеру по общению: «Эти различные лингвистические сигналы <...> могут рассматриваться как способы, с помощью которых говорящие могут показывать другим, как они позиционируют себя в их социальном

мире» (These various linguistic signals <...> can be seen as ways in which speakers can show others how they locate themselves in their social world) [Hudson 1996: 131]. Средства статусной индексации широко варьируются, и нетолерантность в дискурсе говорящего по отношению к собеседнику может рассматриваться как один из способов приписывания ему более низкого статуса.

Толерантность в общении предполагает минимизацию социальной асимметрии (как реально существующей, так и вымышленной) и свидетельствует о наличии у говорящего интерактивной компетенции, определяемой нами, вслед за Э. Гоффманом, как выбор говорящими стратегий, которые приведут к достижению целей обоих собеседников [Goffman 1972]. Под дискурсивной стратегией мы, следуя определению С.Н. Плотниковой, понимаем унифицированный способ порождения однотипного дискурса, в основе которого лежит единый смысл (концепт) говорящего/пишущего, выводимый из его дискурса в целом. Выбор собеседниками таких «взаимовыгодных» дискурсивных стратегий, как стратегии вежливости, сотрудничества и дружелюбия, в основе которых лежат концепты “Politeness”, “Cooperation” и “Friendship”, не противоречит принципу толерантности. Нетолерантным же представляется поведение говорящего, реализующего над собеседником стратегию власти, причем в крайних формах ее проявления – в вербальной агрессии и срыве лица у партнера по общению.

Примерами, иллюстрирующими нетолерантность, могут служить материалы из американской газеты The Washington Post. В рубрике “Discussion groups” проводится онлайн-дискуссия на тему: «What’s the Rudest Question You’ve Ever Been Asked?» Респондентам предлагается описать ситуации из своего жизненного опыта, когда люди обратились к ним с наиболее грубым вопросом. Ряд вопросов, названных разными читателями газеты в рамках этой дискуссии, оказался так или иначе связанным с их национальной принадлежностью:

1. As an Asian, I get kind of annoyed with the following exchange:

“Where are you from?”

“Maryland, right around Washington, D.C.”

“No, no, where are you *really* from?” (Joran, 5/29/2008)

Автор данного письма считает нетолерантным второй вопрос собеседника, в котором содержится пропозиция-приказ: <Не может быть, что бы вы были урожденным американцем, назовите свою настоящую национальность>. Он признает, что такие вопросы его раздражают (I get kind of annoyed). Данное сообщение получило многочисленные отклики людей, столкнувшихся с подобной проблемой. Так, автор следующего письма считает, что подобным вопросом ему дают понять, что его внешность явно указывает на определенную этническую принадлежность:

2. Amen to that. My first answer is usually "Pittsburgh" where I was born and raised. And I get the same "No, no, where are you *really* from?" I am a public speaker and former IT instructor and use good unaccented English (okay, maybe a

little Pittsburgh accent) with a good vocabulary. Very few people over the phone would know my ethnic origin, so it's only my obvious race that causes this reaction. Isn't that friendly? (DadWannaBe, 5/30/2008)

Болезненно воспринимая вопросы о своей расе, автор данного письма стремится восстановить перед другими читателями свое лицо и подчеркнуть свою профессиональную значимость и высокий социальный статус (I am a public speaker and former IT instructor and use good unaccented English).

Еще более нетолерантным является не только комментарий в отношении человека другого этноса, но и сопровождающие его грубые жесты:

3. In a classroom setting.

My teaching-partner's heritage was South Asian (Indian, specifically).

A young student in the class asks: "What's she?"

Me: "A girl?"

Him: "No, what is she?"

Me: "My partner?"

Him: "No, culturally."

Me: (sigh of relief)

Him: "Is she the one with the dots?" (points to his forehead)

Her: (embarrassed) (TheBoy, 5/23/2008)

В данном примере девушка из Индии грубо номинируется как «та, что с точкой на лбу» (the one with the dots), и, так как из контекста ясно, что разговор происходит в присутствии девушки, вопрос о ее национальности представляет собой проявление крайней нетолерантности и агрессии-оскорбления. Переспрашивая автора письма, говорящий уточняет, что его не интересует имя девушки, а лишь ее национальность (No, what is she?; No, culturally). Индийская девушка чувствует дискомфорт и смущение (embarrassed).

Автору следующего сообщения был задан вопрос о том, находится ли он в учебном лагере за счет социального обеспечения:

4. Are you on welfare?

I got this question from a fellow student (white) who was attending a summer math and science camp with me. His explanation for the question was since he was a white guy on welfare (and thus on a scholarship to the camp) that I a black kid had to be on welfare and scholarship to afford coming to this camp. By the way my parents were both corporate professionals who had paid the several thousand dollar tuition (5 years in a row) for me to attend the school (young1, 2/18/2008).

В реплике, обращенной к автору данного сообщения, и в последующих объяснениях спрашивающего, содержится следующий имплицитный смысл: <Ты чернокожий и потому слишком беден, чтобы позволить себе самому платить за пребывание в лагере>. Находясь на социальном обеспечении, белый мальчик не допускает даже мысли, что афро-американец может учиться в лагере на других условиях. В силу сработавшего расового стереотипа с помощью единственного вопроса говорящий помещает

собеседника в низжестоящее положение. В письме автор также поясняет, что приписывание ему низкого материального положения не имело оснований: его родители платили за его обучение. Таким образом, в описанной беседе имеет место срыв лица, в результате которого унижено человеческое достоинство.

Все рассмотренные примеры свидетельствуют об осуществлении говорящими стратегии власти над непохожими на них собеседниками: спрашивающие неосознанно или сознательно приписывают себе более высокий социальный статус в связи с собственной принадлежностью к этническому большинству и дискурсивно реализуют концепт “Supremacy”. По признанию авторов сообщений, этнически нетолерантные вопросы являются грубыми, навязчивыми и бестактными; они ущемляют самолюбие и вызывают раздражение и психологический дискомфорт.

В целом, в американском многонациональном обществе остро стоит проблема нетолерантности по отношению к национальным меньшинствам. В связи с этим возникает необходимость повсеместного обучения людей интерактивной компетенции, выражающейся в вежливом, бесконфликтном, корректном общении друг с другом. Одним из путей решения данной проблемы является организация онлайн-дискуссий на подобные актуальные темы, которая позволяет проводить дискурсивный мониторинг нетолерантного общения, глубже осмысливать природу этнической нетолерантности и на основе полученных результатов вырабатывать наиболее эффективные меры борьбы с нею.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова, С.Н. Стратегичность и технологичность дискурса [Текст] / С.Н. Плотникова // Лингвистика дискурса – 2 : Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – С. 87-98.
2. Стернин, И.А. Толерантность и агрессия в речевой коммуникации [Текст] / И.А. Стернин, К.М. Шилихина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 20-30.
3. Brown, R. The Pronouns of power and solidarity [Text] / R. Brown, A. Gilman // Language and Social Context. Selected Readings / ed. by P. P. Giglioli. – L. : Penguin Books, 1972. – P. 252–282.
4. Goffman, E. The neglected situation [Text] / E. Goffman // Language and Social Context. Selected Readings / ed. by P. P. Giglioli. – L. : Penguin Books, 1972. – P. 61–66.
5. Hudson, R.A. Sociolinguistics [Text] / R.A. Hudson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 259 p.
6. The Washington Post [Electronic resource] – <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/community/groups> (2008, November, 2).

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА.

О.М. Коробкова

Московский педагогический государственный университет

The paper is devoted to the critical discourse analysis and the study of political texts of the 30s years of the XX-th century. In this paper we analyze the use of the method of critical discourse analysis in the investigation of the soviet totalitarian language.

Дискурсивный подход к изучению политического текста является одним из основных направлений политической коммуникации, в соответствии с этим подходом «политический текст изучается в дискурсе, то есть важное значение уделяется условиям создания и функционирования соответствующего текста, его взаимодействию с другими текстами, с национальной культурой и традициями, с политической ситуацией в регионе, стране и мире» [Будаев, Чудинов, 2006, с. 33].

В основном критический анализ дискурса известен как метод исследования в политической лингвистике. Целью данного метода является анализ политического текста с точки зрения объективности, правдивости содержащейся в нём информации. «Материалом для критического дискурс-анализа, как правило, становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации» [Будаев, Чудинов, 2006, с. 42].

Метод критического анализа дискурса широко применяется современными исследователями в работах, посвящённых социальному, гендерному, этническому неравенству. В качестве примера можно привести исследования голландского учёного Т. ван Дейка, посвященные детальному исследованию образа «чужих» (представителей иных рас) в публикациях голландских СМИ. Критический анализ дискурса имеет своей целью «анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке» [Водак, 1997, с. 7]. Таким образом, при помощи метода критического анализа дискурса текст рассматривается с точки зрения противопоставления народа и действующей власти. Основными задачами данного метода являются: «разоблачение неравенства и несправедливости, лишение идеологий их естественности, раскрытие отношений доминирования, сообщение об этих отношениях тем, кто страдает от угнетения» [Водак, 1997, с. 9]. С помощью данного анализа исследователь намеренно акцентирует внимание на доминировании власти над народом, приводит доказательства физического и психического подчинения людей. «Критический анализ дискурса нацелен на критическое изучение социального неравенства, выраженного в языке и дискурсе» [Водак,

1997, с. 7]. В критическом анализе дискурса неизбежно присутствуют три составляющих: власть, о которой было упомянуто ранее, история, идеология. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в основе критического анализа дискурса лежит оппозиция: с одной стороны, действующая власть или властимущие, с другой стороны, народ. Можно предположить, что указанные составляющие работают в данном случае следующим образом: власть, опираясь на историю и идеологию, манипулирует сознанием людей. Прежде, чем говорить о критическом анализе дискурса как методе исследования политических текстов 30-годов XX века, следует охарактеризовать политический дискурс данной эпохи. Политическому дискурсу 30-х годов XX века были свойственны: идеологизированность, отсутствие диалога народа и власти, отсутствие малейшего намёка на ложь со стороны власти, характерно также манипулирование сознанием человека, полное подавление в нём личности, что характеризует политический дискурс 30-х годов как тоталитарный дискурс. К перечню текстов, определяющих политический дискурс 30-х годов, наряду с документами, отчётами, статьями, выступлениями следует также относить письменные источники юридического характера: обвинительные речи на судебных заседаниях прокурора А.Я. Вышинского, акты о вредительской деятельности и протоколы допросов по той причине, что судебные процессы над гражданами в 30-е годы XX века были одной из основных составляющих внутренней политики СССР. Рассекречивание и последующая публикация большого количества неизвестной ранее информации способствует расширению круга изучаемых в рамках сталинской эпохи источников, у исследователей появляется возможность сравнительного исследования материалов, носящих противоречивый характер по отношению друг другу. На основании доступной в настоящее время информации можно более или менее объективно охарактеризовать власть и народ в 30-е годы XX века. Основываясь на методе критического анализа дискурса, можно обнаружить полное доминирование власти над человеком. Весомым аргументом для этого является разграничение людей по классам, отсутствие возможности выбирать. В Советском государстве отсутствовала дискриминация, партия большевиков провозглашала социальное равенство граждан, провозглашалось право советского человека на достойную свободную жизнь. Однако мы знаем, что помимо классов (рабочие, крестьяне), о которых заботилось государство, существовали категории людей, к которым власть не была столь благосклонна, сюда относились бывшее дворянство и буржуазия. К дискриминации, с современной точки зрения, следует относить гонения на бывшие привилегированные классы: дворянство и буржуазию. Гонения представляли собой лишение граждан избирательного права, выселение, конфискацию имущества, невозможность учиться в высших учебных заведениях, лишение свободы, расстрел. Репрессиям и гонениям подвергались также враги народа и их семьи. В числе врагов люди оказывались преимущественно за политические убеждения, за так называемую антибольшевистскую политику.

Впоследствии многие враги народа были реабилитированы за отсутствием состава преступления. Понятие враг народа стало ассоциироваться со сталинским террором, стало известно, что большинство осуждённых при советском тоталитарном режиме вовсе не являлись государственными преступниками, и уголовные дела против них были сфабрикованы.

30-е годы XX века в истории России известны как годы перестройки экономики страны на коммунистические рельсы: коллективизация, индустриализация, культурная революция. Коллективизация, с точки зрения советских информационных источников, представляла собой массовый добровольный переход крестьян в колхозы, основанный на энтузиазме, вере в светлое будущее коммунизма, сопровождавшийся безвозмездной сдачей колхозу личного имущества крестьянина.

По прошествии времени, особенно после распада СССР были рассекречены архивные документы, историки и СМИ начинают говорить о тысячах и тысячах раскулаченных крестьян, разорении русской деревни, было озвучено число жертв голода 1933 года. На основании изложенного следует говорить о методе критического анализа дискурса в рамках социо-исторического подхода к анализу текста, предложенного Рут Водак, т.к. «дискурс всегда историчен, т.е. он всегда синхронически и диахронически связан с коммуникативными событиями, происходящими в настоящий момент или происходившими прежде» [Приведено по: Будаев, Чудинов, 2006, с. 45]. На основании изложенных исторических фактов появилась возможность утверждать, каким образом в 30-е годы осуществлялось доминирование власти над людьми, дискриминация отдельных групп граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев, Э.В. Лингвистическая советология [Текст] : монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2009. – 292 с.
2. Будаев, Э.В. Современная политическая лингвистика [Текст] : учебное пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – 252 с.
3. Водак, Рут. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / Р. Водак. – Пер. с английского и немецкого В.И. Карасика и Н.Н. Трошиной. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.

МЕСТО КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА В РЯДУ СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Н.Н. Кошкарлова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

The paper is devoted to the analysis of the place of conflict discourse among similar phenomena. Congruous discourse is opposed to the conflict one as being situated on the other side of the vector “cooperative vs. conflict communication”.

При исследовании места конфликтного дискурса в ряду смежных явлений мы считаем важным уточнить положения, описывающие дискурс как таковой. При анализе деструктивной разновидности дискурса на

материале политических интервью межкультурного уровня и явления смежного порядка, находящегося на другом полюсе вектора «кооперативность-конфликтность», мы опираемся на положения, высказанные Е.С. Кубряковой в работе «Язык и знание» [Кубрякова, 1995]. Дискурс: 1) интеракционален, так как представляет форму общения людей, т.е. речемыслительный процесс интеракционального характера; 2) адресатен как тогда, когда имеет место непосредственный контакт, так и тогда, когда он осуществляется в другом режиме; 3) интенционален, т.е. при его характеристике играют огромную роль его исполнители, разные по своим личностным свойствам – полу, возрасту, социальным ролям; 4) обладает целеполаганием, т.е. язык используется для выражения особой ментальности; 5) определённый тип дискурса создаёт своего идеального адресата, т.е. дискурс рассчитан на определённую аудиторию; 6) при исследовании дискурса необходимо обращение к процессам инференции (выводного знания); 7) в дискурсе объективируется намерение говорящего и его ментальность с использованием особых языковых средств.

Как уже было отмечено выше, на одном из полюсов вектора «кооперативность-конфликтность» находится конфликтный дискурс, который мы определяем как деструктивную деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определённой тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер). Конфликтный дискурс как наиболее эмоциогенный и эмоциентрированный тип общения обращён к социальным, культурным, психологическим правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях. Конфликтный дискурс представляет собой следующую триаду: любой конфликт как столкновение интересов порождает речевую агрессию, которая затем воплощается в коммуникативном конфликте. В конфликтном типе дискурса нарушается асимметрия ролей партнёров – феномен, подробно описанный на материале немецкого языка Ф.-Й. Беренсом [Berens, 1975]. Суть асимметрии как ключевой характеристики коммуникации в интервью заключается в том, что интервьюеру отводится право начинать и завершать интервью, вводить и продолжать темы, задавать вопросы, основываясь на имеющихся у него данных. Интервьюируемому надлежит высказываться по вопросам интервьюера и принимать его отзывы и комментарии. Смена темы в ходе интервью может произойти только с согласия интервьюера, что в некоторых случаях приводит к несоблюдению нейтралитета интервьюера. В рамках конфликтного дискурса интервьюер не всегда лишён права для выражения своего мнения. В некоторых случаях, высказывая свою точку зрения по тому или иному вопросу, комментируя высказывание собеседника, интервьюер

провоцирует интервьюируемого на конфликтный диалог, тем самым воздействуя на целевую аудиторию в эмоциональном плане и создавая у реципиента информации желаемое психологическое состояние.

На другом полюсе вектора «кооперативность-конфликтность» находится гармоничный дискурс, который, по нашему мнению, представляет собой последовательность диалогических единств позитивной направленности, в процессе реализации которых коммуниканты ведут беседу в русле кооперативного межличностного общения, демонстрируют сдержанное отношение к собеседнику, адекватно используют коммуникативные стратегии и тактики в случае угрозы возникновения конфликтного диалога (ссоры). Прагматические характеристики гармоничного дискурса (как и его деструктивной противоположности) актуализируются в интервью членов российского эшелона власти представителям СМИ. Э.А. Пронин [Пронин, 2004], анализируя деятельность средств массовой информации как субъекта российского социально-политического конфликтного пространства, приходит к выводу, что СМИ для современного периода времени выполняют роль катализатора большинства социально-политических конфликтов, становятся фактором дестабилизации социально-политического и конфликтного пространства. Е.Ю. Шамсутдинова [Шамсутдинова, 2006] придерживается сходной позиции по поводу определения связи толерантности и языка СМИ. По мнению автора, СМИ могут оказать и оказывают влияние на формирование социальных идентификаций, толерантных и интолерантных установок сознания и поведения. Влияние это оказывается с помощью различных стратегий речевого воздействия или коммуникативных стратегий. СМИ могут стать ментальным основанием формирования (ин)толерантной речевой коммуникации, а также (ин)толерантной коммуникативной личности. Понятие *толерантная коммуникативная личность* введен И.И. Просвиркиной [Просвиркина, 2006], которым определяется участник толерантного коммуникативного акта, реально действующий, способный применить во время речевого общения вербальные и невербальные средства, позволяющие достичь взаимопонимания участников данного акта. Толерантная коммуникативная личность должна: 1) обладать определёнными качествами человека (образ говорящего); 2) знать предмет речи; 3) понимать силу слова; 4) точно излагать свои мысли; 5) бережно относиться к тому, с кем он вступает в общение; 6) уметь слушать и слышать собеседника; 7) учитывать толерантный опыт общения. На наш взгляд, этот список качеств толерантной коммуникативной личности можно было бы дополнить следующими качествами, исходя из действий первой в конфликтном типе дискурса: 1) владеть психологическими механизмами действий в конфликтной речевой ситуации; 2) знать лингвистические механизмы функционирования речевой агрессии в конфликте; 3) адекватно использовать коммуникативные стратегии и тактики при возникновении конфликтного диалога (ссоры).

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что общение в рамках анализируемых форм использования языка в настоящем

исследовании изучается с учетом национальных и культурно специфических особенностей партнеров по интеракции. Мы полагаем, что изучение взаимодействия коммуникантов в условиях деструктивного общения важно не только и не столько по причине необходимости анализа и учёта барьеров в межкультурном диалоге представителей различных национальных общностей, а в большей степени из-за важности общего результата исследований подобного рода. Как отмечает Л.В. Цурикова [Цурикова, 2002], анализ дискурсивной деятельности в условиях межкультурной коммуникации даёт лингвистам возможность не только выявить культурно специфические аспекты сознания и поведения носителей разных языков, но и получить данные о закономерностях речевого общения в целом. По утверждению автора, исследование межкультурного дискурсивного взаимодействия (в нашем случае в конфликтной и кооперативной плоскостях) ведётся сегодня с позиций социопрагматического подхода и представляет совершенно новое направление в анализе дискурса.

При взаимодействии интервьюера и интервьюируемого экстралингвистические показатели не могут не влиять на процесс коммуникации, особенно в случае общения представителей двух разных лингвокультур, что приводит к тому, что диалог может носить конфликтный характер, а общение ведётся в деструктивном русле. Не отрицая роли и важности собственно языковых условий порождения коммуникативного конфликта, необходимо признать, что специфика общения в рамках той или иной лингвокультуры накладывает отпечаток на возникновение конфликта в языке и речи. Специфические характеристики поведения в той или иной национальной общности с наибольшей силой проявляются, когда в контакт вступают представители разных культур, что приводит к сбоям, нарушениям и даже невозможности общения. В случае если интервьюируемый и интервьюер стремятся достичь понимания и согласованности в беседе, то мы говорим о толерантном речевом общении. Толерантность как коммуникативная категория находит своё выражение в таких текстах интервью, где как интервьюер, так и интервьюируемый находят наиболее приемлемый стиль поведения в сложившейся ситуации, выбирают речевые стратегии и тактики для выражения терпимого отношения к собеседнику, регулируют тональность своих высказываний в зависимости от позиции оппонента. По нашему мнению, вопросы толерантности в современной лингвистике также возможно анализировать в аспекте лингвокультурной и межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыты парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 144-238.
2. Пронин, Э.А. Социально-политические конфликты современности : теоретические модели и социальная практика [Текст] : автореферат дис. ... доктора полит. наук / Э.А. Пронин. – М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2004. – 51 с.

3. Просвиркина, И.И. Лингводидактический аспект толерантной речевой коммуникации [Текст] / И.И. Просвиркина. – Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 247 с.
4. Цурикова, Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации [Текст] : дис. ... доктора филол. наук / Л.В. Цурикова. – Воронеж, 2002. – 324 с.
5. Шамсутдинова, Е.Ю. Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Шамсутдинова. – М., 2006. – 261 с.
6. Berens, F.-J. Analyse der Sprachverhaltens im Redekonstellationstyp "Interview". Eine imperische Untersuchung [Text] / F.-J. Berens. – München : Max Hueber Verlag, 1975. – 191 s.

О РЕАЛИЗАЦИИ НЕГАТИВНЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ ИНТЕНЦИЙ В ТЕКСТАХ С ВЫСОКОЙ СТЕПЕНЬЮ ЯЗЫКОВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.

А.Г. Кудрявцев

Челябинский Государственный Университет

This article studies the means of realization of negative communicative intentions in texts with high levels of linguistic tolerance. Linguistic material under analysis comprises quotes of American and Turkish politicians as published in online media.

В наши дни проблема толерантности является актуальной на многих уровнях – лингвистический уровень в данном случае является далеко не единственным. Повышенный интерес к данной проблеме объясняется многими факторами – прежде всего, расширением сфер взаимодействия разных культур и, вследствие этого, повышенным вниманием к нормам и ценностям мультинациональных и мультикультурных сообществ.

В какой-то мере именно толерантность и является способом борьбы с противопоставлением «свой – чужой», являющимся естественным для человеческих взаимоотношений. Негативное отношение к «чужому» – это почти генетически обусловленная часть сознания большинства людей и, несмотря на то, что в наше время идея межнационального и межкультурного равенства муссируется практически на всех уровнях общества, эта часть нашего сознания всё-таки оказывает определённое влияние на процесс протекания контактов с представителями других культур и этносов.

Толерантность – это «терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям» [Социология: Энциклопедия, 2003, с. 871]. Однако весьма парадоксальным является тот факт, что языковая толерантность зачастую предусматривает гораздо меньшую степень терпимости, чем толерантность в более общем смысле. Если рассматривать языковую толерантность как способ выражения толерантности на лингвистическом уровне, стоит задуматься о функции замещения недопустимых в определённой речевой ситуации лексем и фразеологических оборотов общепринятыми. Фактически, негативная оценка

того или иного объекта высказывания говорящим никуда не исчезает – она просто выражается с помощью более допустимых в том или ином контексте лингвистических средств.

Как справедливо отмечает Ю.В. Южакова, «прагматическая задача языковой толерантности заключается в ретушировании инструментальной языковой агрессии или смягчении негативной оценки объекта высказывания, то есть корректировке исходной отрицательной или нейтральной интенции субъекта высказывания» [Южакова, 2007, с. 13].

Существует огромное количество средств, используемых для ретуширования негативных интенций говорящего, и, таким образом, являющихся инструментами языковой толерантности. В данной работе мы рассмотрим и проанализируем некоторые из них на примере американского и турецкого политических дискурсов. Выбор политического дискурса не случаен – именно в политическом дискурсе можно встретить поистине огромное количество примеров «балансирования» между изначальными коммуникативными интенциями говорящего и стремлением выразить ту самую терпимость к субъектам отдельно взятого речевого акта, являющимся представителями других культур.

Выбор исследуемых нами языков, в свою очередь, обусловливается культурными особенностями взаимоотношений между Турцией и США. Анализ текстов, представляющих собой записи переговоров официальных представителей этих государств и их высказываний по поводу политических отношений между США и Турцией, показывает высокую степень их толерантности. Это может быть обусловлено тем, что Турция, являясь светским государством, обладающим огромным опытом успешного взаимодействия с Западом, всё же сохраняет близость культурным ценностям ислама и в некоторых случаях может выступать в роли «посредника» между Западом и Востоком. Вследствие этого могут возникать определённые разногласия в общении официальных представителей Турции и США – но открытое противостояние и, следовательно, открытое выражение негативных коммуникативных интенций является недопустимым.

Итак, в процессе анализа турецкого политического дискурса нами были отмечены следующие инструменты языковой толерантности:

1. Замена местоимений третьего лица либо имен третьих лиц местоимениями первого лица. «*Ben sormak istiyorum: «Denenen ne?» Denenen sadece «Ben söyledim, oldu» mu? Olmaz. Yani karşı taraf ne söyledi, ona da bir noktada saygı duymak gerekli»* – «Я хочу спросить: «Где доказательства?» Единственное доказательство – это «Я так сказал, значит так и было»? Так нельзя. Надо уважать и то, что говорит другая сторона» (Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган о позиции США по отношению к ядерной программе Ирана) [Milliyet Internet Haber, URL]. В данном случае, говорящий использует в речи местоимение «я», апеллируя к своей интерпретации высказываний и поведения третьих лиц – говоря конкретно, к высказываниям и поведению прошлого состава администрации США. Таким образом, на психолингвистическом уровне смягчается его негативное

отношение к этим третьим лицам, ведь номинально он ставит себя на их место.

2. Использование безличных конструкций. «*Nükleer İran istemiyoruz, nükleer İsrail de istemiyoruz. Hangisinin daha kötü olduğuna dair seçenek sunulmamalı*» – «Мы против ядерного Ирана и также против ядерного Израиля. **Нельзя однозначно говорить, какая из этих двух альтернатив будет хуже**» (Министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу о палестино-израильском конфликте) [Net Haber , URL]. В данном случае, говорящий по сути выражает своё сомнение, но предпочитает оформить его в безличную конструкцию, таким образом «снимая с себя ответственность» за высказывание, обладающее низкой степенью толерантности.

3. Использование фразеологических единиц языка (пословиц, поговорок, устойчивых словосочетаний и выражений). «*Türkçe'de bir söz vardır: Bağcıyı mı döveceğiz, üzümü mü yiyeceğiz? Bizim maksadımız üzümü yemek, bağcıyı dövmek değil.*» – «В турецком языке есть высказывание: «Побьем виноградаря, наедемся винограда?» Наша цель – это наестся винограда, а не побить виноградаря» (Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган о внешней политике США) [CNN Türk, URL]. Используя фразеологические единицы, хорошо известные реципиентам сообщения, говорящий «отсылает» их к стандартной перцептивной модели, ассоциируемой с данной единицей, и, таким образом, имплицитно реализует свою коммуникативную интенцию, при этом придерживаясь общепринятых норм в речи.

Говоря об инструментах языковой толерантности, характерных для американского политического дискурса, можно отметить следующие из них, встреченные нами в процессе анализа лингвистического материала:

1. Замена местоимений третьего лица либо имен третьих лиц местоимениями первого лица. «*We must extend a hand to those Palestinians who are in need, while helping them strengthen institutions. And we must reject the use of terror, and recognize that Israel's security concerns are legitimate*» – «Мы должны протянуть руку помощи тем палестинцам, которые в этом нуждаются, помогая им укреплять политическую систему. **Мы также должны отрицать всякое использование террора и понимать обеспокоенность Израиля по поводу своей безопасности**» (Президент США Барак Обама о палестино-израильском конфликте и поддержке Турцией Палестины) [Al Arabiya News Channel, URL]. В данном случае, наряду с реализацией негативной интенции, можно говорить и о реализации директивной интенции говорящего, направленной на получателя сообщения, с помощью текста, обладающего высокой степенью толерантности. Говорящий не даёт конкретных указаний получателю сообщения – но знание контекста обсуждаемой ситуации позволяет нам сделать вывод о том, что завуалированное предписание распространяется исключительно на реципиента.

2. Косвенное упоминание объекта критики в сообщении – без упоминания его роли в ситуации. «*Given the level of the insurgency today, two*

*years later, clearly if we had been able to get the 4th Infantry Division in from the north, in through Turkey, more of the Iraqi, Saddam Hussein, Baathist regime would have been captured or killed» – «Принимая во внимание размер сегодняшнего мятежа, мы можем уверенно сказать, что если 2 года назад нам удалось бы перебросить 4-ую Пехотную Дивизию на север Ирака **через Турцию**, гораздо больше иракских сторонников режима Саддама Хусейна и ячейки Баас были бы уничтожены» (Бывший министр обороны США Доналд Рамсфелд об отказе правительства Турции пропустить пехотные войска США по своей территории во время конфликта в Ираке) [Fox News, URL].* Упомянув объект критики в сообщении (Турция) говорящий, однако, прямо не упоминает о действиях этого объекта, приведших к возникновению нежелательной ситуации, таким образом, достигая высокой степени толерантности высказывания и одновременно реализуя свою негативную коммуникативную интенцию.

3. Использование риторических вопросов. *«You have to think: While your population is growing, why is your Christian Orthodox community shrinking?» – «Вы должны подумать на следующем: почему на фоне роста общей численности населения, численность православных христиан в вашей стране снижается?» (Бывший Президент США Билл Клинтон о закрытии международной православной семинарии на острове Халки) [China Economic Net, URL].*

Итак, резюмируя итоги данного исследования, можно сделать следующий вывод: как в американском, так и в турецком политических дискурсах можно наблюдать схожие механизмы реализации негативных интенций говорящего в текстах, характеризующихся сравнительно высокой степенью толерантности. Основными из этих механизмов будут являться, скорее всего, косвенное упоминание объекта критики в высказывании, либо апелляция к нему, осуществляемая одним из следующих способов: а) использование местоимений первого лица, единственного и множественного числа, вместо местоимений третьего лица либо имён третьих лиц в предложениях, описывающих модели поведения или высказывания объекта критики; б) использование безличных конструкций; в) использование более общих понятий вместо конкретных. В процессе исследования нами также был отмечен тот факт, что большинство проанализированных высказываний в турецком политическом дискурсе характеризуются заметно меньшей степенью толерантности, чем высказывания в американском политическом дискурсе, что может быть объяснено определёнными лингвокультурными особенностями изучаемых языковых общностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология: Энциклопедия [Текст] / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – М.: Книжный Дом, 2003. – 1312 стр.
2. Южакова, Ю.В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности [Текст]: Автореферат дис. канд. филол. наук / Ю.В. Южакова – Челябинск, 2007. – 24 с.

3. Al Arabiya News Channel. Obama speaks in Turkey's parliament [Электронный ресурс] // ALARABIYA.NET : ежедн. интернет-изд. 2009. 6 апр. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2009/04/06/70079.html> (дата обращения: 13.12.2009)
4. China Economic Net. Clinton criticizes Turkey for shrinking Christian population [Электронный ресурс] // CE.CN : ежедн. интернет-изд. 2009. 3 ноя. URL: http://en.ce.cn/World/Middleeast/200911/03/t20091103_20335040.shtml (дата обращения: 13.12.2009)
5. CNN Türk. Erdoğan: "İran'ı dünyaya bağlayabiliriz" [Электронный ресурс] // CNNTURK.COM : ежедн. интернет-изд. 2009. 9 дек. URL: <http://www.cnnturk.com/2009/dunya/12/09/erdogan.irani.dunyaya.baglayabiliriz/554709.0/> (дата обращения: 13.12.2009)
6. Fox News. Rocky U.S.-Turkey Relations Persist Since Iraq War [Электронный ресурс] // FOXNEWS.COM : ежедн. интернет-изд. 2005. 7 апр. URL: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,152683,00.html> (дата обращения: 9.12.2009)
7. Milliyet Net Haberi. Erdoğan ABD'deki tv şovunda İran'ı savundu [Электронный ресурс] // MILLIYET.COM.TR : ежедн. интернет-изд. 2009. 9 дек. URL: <http://www.milliyet.com.tr/Siyaset/SonDakika.aspx?aType=SonDakika&ArticleID=1171644&Kategori=siyaset&b=Erdogan%20ABDdeki%20tv%20sovunda%20Iranı%20savundu> (дата обращения: 9.12.2009)
8. Net Haber. Türk Dışişleri Bakanı, Amerika'da böyle konuştu: İSRAİL SUÇ İŞLEDİ [Электронный ресурс] // NETHABER.COM : ежедн. интернет-изд. 2009. 9 дек. URL: <http://www.nethaber.com/Dunya/125438/Turk-Disisleri-Bakani-Amerikada-boyle-konustu-ISRAIL> (дата обращения: 13.12.2009)

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ТЕКСТЕ.

Л.О. Кучмезова

Кабардино-Балкарский государственный университет

This article devoted into analysis of plug in designs, which are taken from preference of views. In results of exhibition can choice five various of views: instrumentional, technical, utilitarian, medical and marks of estimantional.

Проблема изучения эмоций и оценки в русском языке является одной из центральных в современном языкознании. В последней четверти XX столетия происходит осознание того, что язык, будучи продуктом мыслительной человеческой деятельности, не может быть понят и объяснён вне связи с его создателем.

Связь эмоций и оценки рассматривалась такими исследователями, как А.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.И. Шаховский и др., которые внесли большой вклад в развитие данной проблематики. Учёных интересуют многие вопросы, связанные с эмоционально-оценочной сферой: роль эмоций и оценки в познании мира, место в лексическом значении слова, статус с позиций физиологии, психологии, философии, лингвистики и других наук.

«То, что мы любим, чем восхищаемся, – пишет Е.М. Вольф, – одновременно оказывается и объектом нашей оценки, а то, что мы ненавидим, чего боимся или стыдимся, является объектом оценки со знаком “ – “» [Вольф, 1996, с. 148]. Поэтому взаимосвязь эмоций и оценок является сложным явлением и требует дальнейшего рассмотрения.

Так, теории эмоций, в основе которых лежит оценка, возникли в английской моральной философии 15 века (лорд Шефтсбери, Ф. Хатчесон, Д. Юм), и позднее на европейском континенте в 18-19вв (Ф. Brentano, М. Шелер и др.). Д. Юм полагал, что эмоции – это ощущения, а оценка – это способность человека иметь ощущения и на их основе делать заключения о моральных и эстетических ценностях. Ф. Brentano считал, что эмоции сами по себе содержат оценочный компонент. В отличие от них, Шелер, подобно философам 18 века, разделил эмоции на оценочные и неоценочные [Приводится по: Арутюнова, 1999]. Большинство современных философов считают, что между эмоциями и оценочными мнениями существует логическая связь. Так, тот, кто чувствует стыд, вместе с тем полагает, что он поступил неправильно. Иными словами, эмоции логически зависят от оценок, которые, в свою очередь, могут даваться вне зависимости от эмоций.

Природу оценки пытались выявить многие философы, в круг внимания которых были вовлечены все виды оценок. Классификация оценок, на наш взгляд, является одной из основных задач современного исследователя. Наше внимание привлекли вставные конструкции (ВК), в современных прозаических произведениях (Т. Толстая, В. Пелевин, М. Веллер и др.).

Вслед за Фон Вригтом [Приводится по: Арутюнова, 1999], мы выделяем следующие разновидности оценок:

1. Инструментальные оценки, которые основаны на функциональном принципе. Пресуппозицией данного типа оценки является суждение о пригодности объекта к выполнению некоторой задачи.

Например: *Анатолий, простой матрос из Мытищ, оказался за границей впервые, а дело было, между прочим, в 1974 году ... На первую стокгольмскую витрину (женское белье) Анатолий потаращился, но прошёл мимо мерным шагом, как и вся группа вольноотпущенников. Проходя мимо второй (обувь), тоже ничем не выдал волнения, но, когда увидел сверкающие инструменты (дрели, кусачки, отвертки из лучшей в мире шведской стали), остановился как вкопанный* (Т. Толстая, Одна).

В приведенном тексте употреблено три ВК, относящихся к верхнему контексту и раскрывающих его смысл. Третья ВК содержит оценочный компонент ‘лучшая в мире шведская сталь’, который базируется на оценке вида ‘Х является лучшей в мире’ = ‘Х сделана в Швеции’ = ‘Швеция является лучшей в мире страной по производству стали’ = ‘Инструменты, производимые в Швеции, являются лучшими’.

2. Технические оценки или оценки мастерства. Данный вид оценки относится к способностям, ловкости, натренированности человека – словом, к его мастерству в определённом виде деятельности.

Например: *После «Титаника» была первая мировая война (ведь великий журналист Стэд так и не доехал на мирную конференцию), а потом европейская и русская история, а потом вторая мировая война...* (Т. Толстая, Сны. Изюм).

В данном случае в ВК употреблён оценочный компонент ‘великий журналист’, который базируется на оценке вида ‘Х великий’ = ‘Х известный’ = ‘Х хорошо выполняет данную функцию’.

3. Оценки благоприятствования, которые базируются на оценочном компоненте ‘приносить пользу/вред кому-нибудь’.

Например: *Редактор (с теплой доброжелательностью). Через какое-то время сами поймете, что так гораздо лучше* (М. Веллер, Легенды разных перекрёстков).

Оценочный компонент ‘теплая доброжелательность’ базируется на оценке вида ‘Х имеет теплую доброжелательность’ = ‘Х желает блага’ = ‘Х приносит пользу кому-нибудь’.

4. Утилитарные оценки, которые отличаются тем, что относятся не к специализированным объектам, а основаны на выборе того, что может быть полезным/бесполезным или благоприятствовать выполнению некоторой задачи.

Например: *Другие пути решения конфликтов – попросту подраться (дикий варварский путь) или, наоборот, плюнуть, махнуть рукой и взять да и простить обидчика (путь христианский)* (Т. Толстая, Острова. Изюм).

В данном предложении употреблены две ВК, одна из которых имеет «положительную коннотацию» (путь христианский, то есть правильный), а другая – «отрицательную» (дикий варварский путь, то есть неправильный). Оценочный компонент ‘дикий варварский путь’ базируется на оценке вида ‘Х плохо поступает’, а оценочный компонент ‘христианский путь’ – ‘Х поступает хорошо’.

5. Гедонистические оценки, характеризующие физические органы, психические способности, чувство удовольствия.

Например: *Довел до кипения, сдвинул крышку (можно списывать рецепт в книгу о вкусной и здоровой пище), полюбовался, и удалился к себе* (М. Веллер, Легенды разных перекрёстков).

Оценочный компонент ‘здоровая пища’ базируется на оценке вида ‘Х принимает здоровую пищу’ = ‘Х заботится о своём здоровье’, а оценочный компонент ‘вкусная пища’ – ‘Х принимает пищу, приносящую удовольствие’. Гедонистическая оценка является вторичным позитивным (маркированным) концептом здоровья. Разновидности гедонистического добра покрываются употреблением слова ‘удовольствие’, которое квалифицируется как эмоция. Именно в рамках этого вида оценок и происходит формирование эмоционально-оценочного значения, которое занимает доминирующее положение в современной прозе (55,4% – по данным нашего исследования) [Деренько, 2006, с. 29].

Например: *Татарский вздрогнул – перед ним стоял его однокурсник по Литинституту Сергей Морковин. Когда-то он был одной из самых ярких*

личностей на курсе и сильно косил под Маяковского – носил желтый свитер и писал эпатажные стихи («Мой стих, членораздельный, как топор» или «О, лица крика! О, Мата Хари!»). Он почти не изменился, только в волосах появился аккуратный пробор, а в проборе – несколько седых волос (В. Пелевин, Generation «П»).

Данная ВК выражает эмоционально-оценочное отношение автора к герою контекста. Явным показателем эмоциональности являются восклицательные знаки, а оценочности – оценочные компоненты ‘стих как топор’, ‘лица крика’, из чего следует, что ‘Х был плохим стихотворцем’.

Таким образом, цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. всякая оценка предполагает возможность сравнения;
2. вне человека нет оценки, так как всё, что человек оценивает, он должен «пропустить» через себя;
3. оценивается то, что нужно человеку и то, что его интересует.

Следовательно, оценить – значит включить в сферу жизни. Только к оценке применимо понятие идеала. Таким образом, ВК, наряду с другими синтаксическими структурами, используются в художественной прозе для передачи оценок различных типов. Кроме того, ВК в силу своей относительной автономности от включающего ее контекста, являются наиболее удобным средством выражения авторской оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний (главы из книги) [Текст] / Е.М. Вольф // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. – М., 1996. – С. 137-167.
2. Деренько, Л.О. Вставные конструкции в современной актуализирующей прозе [Текст] / Л.О. Деренько // Сборник научных трудов молодых ученых. – Нальчик : КБГУ, 2006. – С. 29-32.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

РОЛЬ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РЕАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО ВРЕМЕНИ ТЕКСТА

Л.А. Ласица

Оренбургский государственный университет

The article is devoted to the role of tense verb forms, which are repeatedly considered the main temporal markers, in the formation of inner textual time.

Внутреннее время текста – это время, которое, свидетельствует о становлении объекта от начала к концу. Текст является «целостным сукцессивно-симультаным образованием» [Белоусов, 2005, с. 51], поэтому в процессе порождения и восприятия он существует как линейный объект, состоящий из располагающихся последовательно слов, которые служат единицами измерения онтологического времени. В процессе становления в физическом пространственно-временном континууме сегменты текста,

являясь знаками языка, соединяются друг с другом согласно семантике и грамматике данного языка, и в этом процессе на уровне языковых единиц репрезентируют категорию времени.

Языковой тип внутреннего времени реализуется посредством взаимодействия языковых единиц с временным значением, число которых в русском языке достаточно велико, поскольку «...язык описывает действительность, которая, подобно речи, существует во времени. Он поэтому располагает богатейшим арсеналом внутренних – грамматических и лексических – средств для обозначения темпоральных аспектов действительности» [Арутюнова, 1997, с. 9].

Задачей данной работы является исследование роли временных форм глагола в реализации внутреннего времени текста, поскольку многие авторы неоднократно признавали приоритет системы глагольных форм в выражении категории времени, называя их основным средством создания темпоральной текстовой структуры [Виноградов, 1972, и др.]. В теории функциональной грамматики ее рассматривают как ядро функционально-семантического поля темпоральности [Бондарко, 1999, и др.].

Исследование проводилось на большом корпусе текстов разной жанровой природы – материалом послужили 1800 текстов на русском языке, составивших шесть равнообъёмных выборок: тексты естественной письменной речи – ЕПР (граффити, пейджинговые / смс-сообщения, тексты чат-общения); тексты газетно-публицистического стиля; выборки текстов художественной прозы и поэтических текстов, а также тексты научного стиля с жесткой структурой (словарные статьи) и тексты официально-делового стиля. Это позволило установить роль каждого временного маркера в формировании внутреннего времени разножанровых текстов (о специфике организации темпорального пространства текстов разных функциональных стилей см. [Ласица, 2008]).

В таблице 1 представлены временные формы глагола и указаны количественные показатели встречаемости каждой из них в шести рассмотренных выборках. Применение численных данных даёт основания судить о роли каждого маркера в реализации категории времени в текстах разных стилей.

Таблица 1. Частотность временных форм глагола в шести выборках

Временные формы глагола (%)	Публицистика	Худ. проза	Поэзия	ЕПР	Научные тексты	Официально-деловые тексты
Настоящее время	4	4	5	2	9	85
Прошедшее время	6	9	2	8	1	3
Будущее время	0	7	3	1	,5	12

Примечание. Числовые данные обозначают долю каждого маркера времени от общего числа глагольных форм, употреблённых в данной выборке, выраженную в процентах.

Рассмотрим употребление глагольных форм трёх времён в исследуемых выборках. Показатели использования **настоящего времени** в текстах всех выборок достаточно высоки, но наиболее употребительным способом выражения времени настоящее время выступает в выборке текстов официально-делового стиля (85% от общего числа глагольных форм).

«Течение сроков, с которыми настоящий Кодекс связывает возникновение трудовых прав и обязанностей, начинается с календарной даты, которой определено начало возникновения указанных прав и обязанностей» (Трудовой Кодекс РФ).

В научной речи глаголы настоящего времени составляют 69% от общего числа отмеченных глагольных форм. Как правило, они указывают на «постоянные свойства, качества предметов, известные науке закономерности, процессы, характеризующие мир живой и неживой природы» [Голуб, 1997, с. 255].

«Во всякой целостной системе взаимодействие сопровождается взаимным отражением телами свойств друг друга, в результате чего они могут меняться. В объективном мире существует множество форм взаимодействия» (Философский словарь).

Очевидно, что для создания текстов ЕПР план настоящего времени более значим, чем сферы прошедшего и будущего, частотность маркеров которых практически тождественна (18% и 21% соответственно).

«В данный момент в мире 2 миллиона людей спит, 1 миллион ест, 0,5 миллиона занимается любовью и только один человек, которого я очень люблю, читает мое сообщение» (смс-сообщение).

Признаками лирического текста служат «точечность времени и доминирующая роль плана настоящего» [Николина, 2005, с. 102]. В поэтических текстах часто реализуется присущее настоящему времени категориальное значение – «устанавливать гомохронность ситуации избранной точке отсчёта» [Николина, 2005, с. 103], чтобы создать в тексте образ момента восприятия либо выразить душевные переживания лирического героя.

«Я помню голос милых слов, // Я помню очи голубые, // Я помню локоны золотые // Небрежно вьющихся волос!» (К.Н. Батюшков).

Меньшая частотность глаголов в настоящем времени в прозе (24%) и публицистике (24%) обусловлена повествовательным характером этих текстов. Но настоящее время глагола характеризуется широким диапазоном значений, что «даёт возможность использовать его в разных ситуациях и в разных эстетико-художественных целях» [Гальперин, 1981, с. 94]. В художественной речи широко представлены различные формы времени с разнообразными оттенками их значений: описание постоянных явлений или представление актуального действия и т.п. Это является важным преимуществом использования форм настоящего времени в художественных

и публицистических текстах, при численном преобладании в подобных текстах форм прошедшего времени.

Наибольшую частотность **глаголы прошедшего времени** демонстрируют в прозаических текстах (69%). Выборка текстов публицистического стиля также отличается достаточно высоким числом глаголов в прошедшем времени (66%), употребление форм которого характерно для хроники, сообщения фактической информации о событиях, произошедших до момента речи.

*«Псевдоним урождённому Сэмюэлу Л. Клеменсу **подарило** речное пароходство: когда он **работал** лоцманом, регулярно **измерял** глубину реки, а выражение «отметка 2 – Mark Twain» **означало**, что плыть можно».*

Анализ материала показывает, что план прошедшего не менее значим для поэтической речи, чем план настоящего. Количество форм прошедшего времени здесь составляет 42% от общего числа глагольных маркеров, что незначительно уступает показателям настоящего времени.(45%).

Традиционно отмечается, что в научном стиле формы прошедшего времени встречаются редко, но в нашем случае этот показатель составляет 31%. Употребление глаголов в прошедшем времени обычно обусловлено контекстом, имеющим отношение к истории, историческим событиям, как в представленном примере, являющемся отрывком биографического описания.

*«Вернадский В.И. **внёс** большой вклад в разработку многих философских и методологических проблем естествознания; **завершил** становление геохимии, **создал** новую ее отрасль – биохимию; **развил** учение о биосфере и месте в ней человека: **обосновал** переход биосферы в ноосферу»* (Философский словарь).

Невысокую степень употребления прошедшего времени отмечаем в текстах ЕПР, при доминировании плана настоящего. Это является следствием характера общения посредством таких текстов. Для собеседников более значимым оказывается момент речи, хотя прошедшее, видимо, используется для передачи свершившихся реальных событий, имеющих значение и в настоящем.

Наименьшее число глаголов прошедшего времени отмечено в выборке официально-деловых текстов – 3%, поскольку они, фиксируя вневременные предписания и правила с помощью глаголов настоящего времени, почти не нуждаются в соотнесении с временем, предшествующим настоящему моменту.

Анализ материала выявил тот факт, что глагольной формой наименьшей частотности является **будущее время**. Публицистические и прозаические тексты демонстрируют незначительную разницу в распределении глаголов в форме будущего времени (10% и 7% соответственно). Доля глаголов в будущем времени в рамках официально-делового стиля составляет 12%, причём характер глагольных форм может быть различным: обозначение будущего должествования либо выражение действий, которые произойдут в момент времени, следующий за настоящим, как в представленном ниже примере:

*«Сопоставив данную информацию с датой предполагаемого вылета, Вы существенно **ускорите** процесс бронирования»* (Инструкция по пользованию услугой WEB-бронирования).

Примечательно, что частотность будущего времени в поэтических текстах выше его показателей в публицистике и прозаических текстах. Формы глаголов будущего времени составляют 13% от общего числа глагольных форм в поэзии, что свидетельствует о значимости плана будущего для создания и функционирования поэтических текстов.

*«Слух обо мне **пойдёт** по всей Руси великой, // И **назовёт** меня всяк сущий в ней язык, // И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой // Тунгус, и друг степей калмык»* (А.С. Пушкин).

Наибольшую встречаемость глаголов будущего времени необходимо отметить в выборке текстов ЕПР – 13%, тогда как «формам будущего времени в научных текстах отводится минимальная роль» [Голуб, 1997, с. 255]. Эта особенность текстов научного стиля, отмеченная в работах по стилистике, находит отражение в полученных нами результатах – число форм будущего времени не превышает 0,5%.

Итак, система временных форм глагола действительно имеет большое значение для реализации языкового типа внутреннего времени текста, о чём свидетельствует высокая степень частотности этих маркеров темпоральности. Однако количественное распределение трёх видов глагольных репрезентантов времени в каждой текстовой выборке обусловлено функциональной природой текстов. Делаем вывод, что наиболее востребованными для формирования темпоральной структуры текстов всех функциональных стилей являются маркеры настоящего и прошедшего глагольного времени, при меньшей частотности глаголов в форме будущего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Время: модели и метафоры [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 51-61.
2. Белоусов, К.И. Текст: пространство, время, темпоритм [Текст] : монография / К.И. Белоусов. – Новосибирск : Сибирские огни, 2005. – 248 с.
3. Бондарко, А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени [Текст] / А.В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 1999. – 260 с.
4. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 616 с.
5. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И.Р. Гальперин. – М. : Изд. лит. на иностр. яз., 1958. – 460 с.
6. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка [Электронный ресурс] : Учеб. пособие. / И.Б. Голуб. – М. : «Рольф; Айрис-пресс», 1997. – 448 с. – Режим доступа: <http://i.hi-edu.ru/>
7. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка [Текст] / М.Н. Кожина. – М. : Просвещение, 1993. – 224 с.

8. Ласица, Л.А. Внутреннее время текста: лексико-грамматические и онтологические модели [Текст] : дис. канд. филол. наук / Л.А. Ласица. – Оренбург, 2008. – 227 с.
9. Николина, Н.А. Категория времени глагола [Текст] / Н.А. Николина // Поэтическая грамматика. Том 1. – М. : ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005. – С. 73-188.

ДИСКУРС ПЕРСОНАЖА В КРИЗИСНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
(на материале рассказа В.М. Шукшина «Материнское сердце»).

Э.В. Малыгина

Алтайский государственный университет

The author's speech parties gonms the personage's discourse. In article crisis interaction presents the unsolved situations, wich don't provide optimization of the communication between The Person and Authorities.

В современных исследованиях творчества В.М. Шукшина особое внимание уделяется выявлению нравственно-философских аспектов художественной мысли автора в связи с тем, что писатель «обладал столь мощной интуицией художника, что предугадал метаморфозы русской жизни. А как остро чувствовал Шукшин чиновничье безразличие к людям... В годы безверия он возвысил голос в защиту высших нравственных категорий...». [Возчиков, Корольков, 2009, с. 3]. В сферу внимания писателя попадают проблемы духовно-нравственного состояния человека в масштабе советского времени: «не деревня против города, а духовность против бездуховности, совесть против хамства...» [Горн, 1985, с. 41]. Специфика художественного разрешения данных проблем определяет установку автора на эвоцирование персонажа, погружённого в сферу многообразия коммуникативных отношений: от бытового общения до административно-судебного разбирательства с представителем власти.

С.М. Козлова отмечает тематическую ориентацию многих рассказов Шукшина на изображение «лобовой контрастности», «ситуаций условных, крайних еще и потому, что естественное желание «естественного человека» высказать наиболее оказывается противоестественным в век некоммуникабельности» [Козлова, 1992, с. 169]. В рассказе «Материнское сердце» «лобовая контрастность» проявляется в столкновении персонажей в аспекте отношения «Человек-Власть». Н.Л. Лейдерман, подчёркивает тематическую близость анализируемого рассказа ряду других, где официальное «право», «закон» сталкиваются в неразрешимой ситуации с человеческой, Божьей, нравственной мерой и правдой («Суд», «Мой зять украл машину дров») [Приводится по: Козлова, 1992, с. 164].

Настоящее исследование посвящено изучению моделирования автором принципиально новой ситуации, реализующей в художественном дискурсе персонажа (матери героя) кризисный характер отношения Человека и официальной, казенной морали.

В философии кризисоощущение человека определяется особым этапом развития сознания, «когда в силу напряженности внутри сознания, оно

оказывается парадоксом, в котором соединяется несоединимое, сталкиваются различные и противоположные системы символов и значений, оценок и ценностей, правил и традиций, т.е. всех форм объективации сознания» [Кощей, 1998, с. 86]. Ю. Хабермасс, анализируя явления социальной коммуникации, отметил, что одной из причин социального кризиса является колонизация «жизненного мира» и тотальность коммуникаций закрытого общества. В результате данных процессов ценность человека в обществе отходит на периферийный план, что становится основанием выделения системного кризиса коммуникации как принципа неуважения Другого (И. Манцов). В русле данного исследования кризисное взаимодействие в дискурсе героини моделируют неразрешимые ситуации, не предусматривающие оптимизацию коммуникативного взаимодействия Человека и Власти.

Т.А. ван Дейк установил, что носители языка создают модель той конкретной ситуации, участниками которой они являются по определению [ван Дейк, 1989, с. 95]. В художественном пространстве текста реализуются тонкие грани многомерности видения особенностей коммуникативного поведения человека, помещенного в сферу официально-деловых отношений. Дискурс как сложное коммуникативное явление, позволяет обозначить социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации, и их характеристиках, так и о процессах производства и восприятия сообщения [ван Дейк, 1989, с. 113]. Реконструкция читателем смыслов художественного дискурса персонажа (матери Витьки) позволяет выявить закономерности социальных процессов, отражающих представления автора о характере протекания межличностных отношений.

Материалом исследования выступают фрагменты художественного дискурса персонажа, конструируемые речевыми партиями повествователя и персонажа с помощью приёма несобственно-прямой речи и транслирующие внутреннюю эмоционально-психологическую реакцию на внешний диалог с представителями власти. Таким образом, в рассказе Шукшина потенциал художественной ценности реализует внутреннее слово, раскрывающее интенции Человека и определяющие специфику его коммуникативного поведения. Цель *спасения сына* становится определяющей в дискурсе героини. Высшей инстанцией справедливости является закон с его регламентацией системы наказания за установленные случаи нарушения порядка. Представленные в художественном дискурсе фрагменты на смысловом уровне маркируют регулятивную природу закона, предусматривающую систему наказания за правонарушения.

1.– Теперь смотри: видишь?– Начальник перевернул бляху, взвесил на руке: – Этим же убить человека – дважды два... Ведь он же трёх человек в больницу уложил. А одного при исполнении служебных обязанностей. Ты подумай сама: как же можно прощать за такие дела, действительно?

Материнское сердце, оно – мудрое, но там, где замаячила беда родному дитю, мать не способна воспринимать посторонний разум, и логика тут ни при чем...

Ситуация затрудненного восприятия героиней *постороннего разума* представлена автором в качестве мотивации иллокутивной цели: спасения сына. Представителем правоохранительных органов реализуется пропозициональная установка изложения фактического положения события с целью привлечения правонарушителя к ответственности. Поэтому отсутствие оценки поступка сына в административно-правовом ракурсе (*беда родному дитю*) формирует противоборство иллокутивных целей взаимодействующих коммуникантов.

2. –*Пошли. Я к тому, что – будут, конечно, судить. Могли бы, конечно, простить – пьяный деньги украли: обидели человека. Но судить все-равно будут – чтоб другие знали...*

Мать поняла, что этот длинный враждебно настроен к ее сыну, и замолчала...

Высказывания милиционера позволяют выявить ситуацию необоснованного наказания человека. В дискурсе героини характеристика *длинный* реализует негативную коннотацию, раскрывающую установку недоверия к коммуниканту. И это затрудняет реализацию основной задачи героини: облегчения наказания сына. Автор смоделировал ситуацию, эвоцирующую марионеточное положение человека в системе правосудия, манипулятивный принцип власти в целях регламентации законопослушного поведения. *Судить всё равно будут – чтоб другие знали*. Представленная автором идеологическая установка раскрывает лишенный объективного обоснования подход к вынесению вердикта и определению судьбы индивида, совершившего правонарушение. Советская система правосудия представлена в рассказе совершенно неспособной к осуществлению морального аспекта регулирования жизнедеятельности граждан.

3. –*Вот! – Прокурор поймал мать на слове. – Слушались! А почему? Нашкодил один – отец его ремнём. А брат или сестра смотрят, как отец учит шкодика... Только так. Прости отец одному, прости другому – что в семье? Развал. Я понимаю тебя, тебе жалко... По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны... Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд. Всё.*

Мать поняла, что и этот – невзлюбил ее сына. «За своего обиделись».

Представленные речевые партии персонажей продолжают моделирование установки наказания человека как реализацию регулятивно-нормализаторской функции судебной Власти. Прокурор посредством апелляции к примерам бытовой сферы структурирует логику системы законорегулирования (*как отец учит шкодика*). Функция Власти здесь представлена через систему наказания как единственный способ упорядочения социальных отношений по подобию организации семейного быта. Однако поддержание беседы героини и прокурора не имеет дальнейшего развития в рамках представленного дискурса (*это решает суд*) в связи с неспособностью формирования общего коммуникативного пространства (*за своего обиделись*).

Таким образом, в рассказе представлено отсутствие коммуникативной установки на индивидуально-личностные аспекты оптимизирования диалога. На помощь неспособности поддержания межличностного общения приходит суд.

В дискурсе героини реализуется специфика социальной эпохи, раскрывается бессилие человека перед лицом судебного механизма, устанавливающего нормативно-правовой регламент жизнеустройства, вступающий в противоречие с феноменом «*материнское сердце*». В связи с этим Шукшину удалось сконструировать ситуации невозможности достижения оптимального сотрудничества Человека и Власти, так как императивный характер судебной системы имеет монологическую информативно-коммуникативную направленность, предусматривающую формирование установки граждан на законопослушание и правосознание, которые в ходе рассказа героиней систематически не принимаются, в силу того, что *материнское сердце* работает на предотвращение беды «*родного дитяти*».

ЛИТЕРАТУРА

1. Возчиков, В.А. Шукшин. Русская тема [Текст] : монография / В.А. Возчиков, А.А. Корольков. – Бийск : Изд. Дом «Бия», 2009. – 209 с.
2. Горн, В.Ф. Наш сын и брат (проблемы и герои прозы Василия Шукшина) [Текст] : монография / В.Ф. Горн. – Барнаул : Алт. кн. изд., 1985. – 208 с.
3. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст]. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Козлова, С.М. Материнское сердце. Творчество В.М. Шукшина [Текст] : энциклопедический словарь-справочник / С.М. Козлова. – Т.3.– Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007.– С. 164-165.
5. Козлова, С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина [Текст] : монография / С.М. Козлова. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1992. – С. 167-174.
6. Кощей, Л.А. Кризисное сознание (попытка определения) [Текст] / Л.А. Кощей // Аналитика сознания : сборник научных статей; отв. ред. В.В. Корнев. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1998. – С. 83-90.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ЭКСПЛИКАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Е.В. Маслакова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

The analysis of lexical and grammatical features of works by Chekhov indicates peculiarities in literary conceptualization and explication of time in A. Chekhov's works.

Окружающий мир существует во времени, и «время проявляет себя через материальное наполнение мира, без которого оно не могло бы войти в поле наблюдения» [Логический..., 1997, с. 9]. Подобно окружающему реальному миру, мир художественного произведения также разворачивается во времени, при этом вымышленная действительность оказывается во

многим более зависимой от темпоральных и локальных факторов в силу своего *исключительно языкового* воплощения.

Время, обязательно являясь средством организации повествовательной хронологии, параллельно оказывается объектом авторского осмысления. Лексико-грамматические средства, используемые для создания временной системы координат, времени *художественного*, концептуализируются и становятся в художественном тексте знаками второго порядка – ключевыми показателями авторской временной концепции. Концептуализация и экспликация времени в художественном тексте – процессы взаимосвязанные и взаимообусловленные. Концептуализация времени – процесс надстраивания индивидуально-авторских смыслов, который обусловлен использованием определённых языковых и стилевых средств и связан со спецификой художественного произведения как особого рода текста. Концептуализация становится возможной в тексте благодаря тому, что экспликаторы времени являются составными элементами ткани художественного произведения. Экспликация времени в тексте – это, с одной стороны, объективация темпоральных фактов, посредством которой происходит выстраивание временной системы координат, с другой – реализация индивидуально-авторских смыслов, концептуализированных в художественных текстах автора.

Прозаические произведения зрелого творчества А.П. Чехова обладают рядом черт, которые позволяют судить о том, каким образом концептуализируется и эксплицируется временной поток, какой смысл творческое сознание автора придаёт феномену времени. Анализ лексико-грамматических особенностей текстов позволяет выявить общие для художественных текстов концептуальные функции языковых явлений в творчестве писателя и специфику их функционирования в художественном контексте.

Одна из основных особенностей экспликации художественного времени в произведениях А.П. Чехова – временная размытость, вневременность, которая возникает благодаря использованию ряда лексико-грамматических средств. Так, сочленение в рамках одного предложения однородных сказуемых, выраженных глаголами несовершенного вида в форме прошедшего времени, употребляемых в значении многократно повторявшегося действия, позволяет запечатлеть размытый контекст обобщенно данной действительности. Например,

Жили они [молодые] на казенной квартире. Когда Модест Алексеич уходил на службу, Аня играла на рояле, или плакала от скуки, или ложилась на кушетку и читала романы, и рассматривала модный журнал [Чехов, Анна на шее, 1985, с. 164].

Подлежащее *Аня* коррелирует с рядом равноположенных сказуемых *играла на рояле, плакала, ложилась на кушетку, читала, рассматривала журнал*, которые представляют художественную реальность как нерасчленённую картину: не важно, что именно делала Аня *вчера* или *позавчера*, делала ли она *это* или *что-либо другое*. Важен сам факт

времяпрепровождения, при котором и *игра на рояле*, и *чтение*, и *плач* становятся равноценными экспликаторами пустоты настоящего героини, неважности событий ее повседневной жизни.

При сочетании сказуемого / сказуемых с детерминантами временной и пространственной семантики эффект моделируемой вариативности и обобщенности усугубляется:

Потом каждый полдень они встречались на набережной, завтракали вместе, обедали, гуляли, восхищались морем [Чехов, Дама с собачкой, 1986, с. 134]

Действительность представляется вариативно также посредством синтаксических конструкций, в которых сказуемое коррелирует с однородными подлежащими или дополнениями. Например,

Он не верил ей и, когда она долго не возвращалась, не спал, томился, и в то же время презирал и жену, и ее постель, и зеркало, и ее бонбоньерки, и эти ландыши и гиацинты, которые кто-то каждый день присылал ей и которые распространяли по всему дому приторный запах цветочной лавки [Чехов, Супруга, 1985, с. 92].

Контекстуальная реализация однородных дополнений отсылает к комплексу свернутых ситуаций и тому целостному, представленному неразделенно впечатлению, которое испытывает герой: это и актуальное впечатление настоящего момента, и множество сходных впечатлений, испытанных в подобных ситуациях в течение жизни. Однородные подлежащие, как и однородные сказуемые в представленных выше примерах, задают широкий контекст происходящего – ситуативную модель, одномоментно характеризующую широкий контекст повседневности.

Примечательно, что автор несколько иначе использует описанные языковые средства, когда события, не раз имевшие место в прошлом, оцениваются положительно, когда они наполнены смыслом. Например,

В восьми верстах от Лесополя село Обнино с чудотворной иконой. Из Обнина летом носили икону крестным ходом по соседним деревням и звонили целый день то в одном селе, то в другом, и казалось тогда преосвященному, что радость дрожит в воздухе, и он (тогда его звали Павлушей) ходил за иконой без шапки, босиком, с наивной верой, с наивной улыбкой, счастливый бесконечно [Чехов, Архиерей, 1986, с. 189].

В этом примере глаголы несовершенного вида в форме прошедшего времени описывают не повседневность, явленную в сочлененной множественности событий, а одно ежегодно повторяющееся, целостно воспринимаемое событие. Ситуативной модели, как в примерах, описанных ранее, не возникает, так как однородные предикаты представляют разные аспекты ситуации и не могут быть расценены как вариативные; они не представляют ситуацию во множестве ее вариантов (ср. *носили икону...и звонили целый день* и *Аня играла на рояле, или плакала от скуки, или ложилась на кушетку и читала романы, и рассматривала модный журнал*). В контексте единой ситуации – ежегодного крестного хода – однородные сказуемые становятся показателями значимых циклично повторяющихся

событий, которые, будучи воспоминанием, сливаются в единый образ бесконечно счастливого времени прошлого.

Изображаемые посредством описанных лексико-грамматических конструкций и рутинная повседневность, и исключительные события, имевшие место в прошлом, представляются нерасчлененно. Синкретичность создаётся благодаря повтору союзов *и/или* при однородных членах, усложнению синтаксических конструкций посредством нагромождения придаточных предложений и вставных синтаксических конструкций и т.п., а также благодаря нагнетанию сложных синтаксических целых в пределах одного текстового абзаца.

Итак, анализ лексико-грамматических средств, используемых при создании художественной действительности, демонстрирует особенности процессов экспликации и концептуализации времени в произведениях А.П. Чехова. Сопряжённые в текстах определённым образом лексические и грамматические факты порождают нюансы временных отношений. Изображение вариативных, фактически разделённых во времени и пространстве ситуаций в рамках одной модели становится способом объективации внутритекстовых концептуальных смыслов: время как повседневная реальность, рутинность, синкретично явленная в текстах, становится одним из аспектов индивидуально-авторской временной концепции и позволяет судить о понимании А.П. Чеховым времени как форме человеческой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логический анализ языка. Язык и время [Текст] / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко – М. : Издательство «Индрик», 1997. – 352 с.
2. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах [Текст] / А.П. Чехов. – Соч. Т.9. – М. : Издательство «Наука», 1985.
3. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. [Текст] / А.П. Чехов. – Соч. Т.10. – М. : Издательство «Наука», 1986.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕРМИНА И ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ ГИПО-ГИПЕРОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Е.Ю. Махницкая

Ростовский государственный экономический университет

The article deals with the issue of term-discourse interconnection in the aspect of hipo-hyperonimic relations. Institutional discourse and term system are the object under consideration.

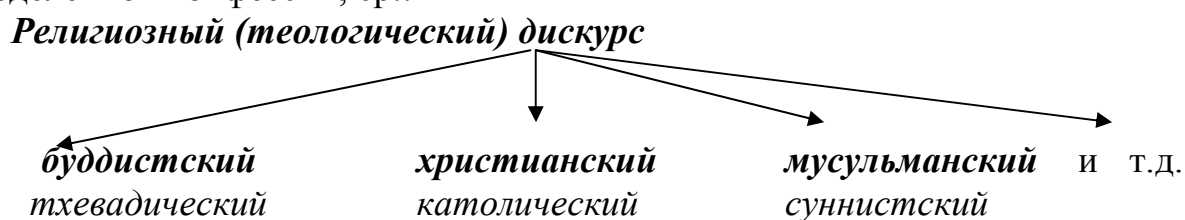
Вопрос о взаимосвязи термина и дискурса в аспекте гипогиперонимических отношений напрямую связан с проблемой институциональности дискурсов.

Институциональный дискурс целесообразно рассматривать как лингво-когнитивный феномен, детерминированный определённой социальной деятельностью, специфическим образом преломляющий отражение окружающей действительности и конструирующий особую реальность. Так, в частности экономический дискурс как институциональный дискурс есть

способ видения мира и упорядочения действительности представителями экономического института как формы общественного устройства. Иными словами, это речемыслительная деятельность в сфере экономики как процесс порождения и восприятия текстов в общем для коммуникантов мире (в лингво-когнитивном плане), детерминирующий появление некоего конструкта как результата данной речемыслительной деятельности (в собственно лингвистическом плане).

В аспекте гипо-гиперонимических отношений классификацию дискурсов предпочтительно выстроить по принципу координатной оси. Вертикальная ось в данном случае отражает антропоцентричную типологизацию дискурсов в их прямой взаимосвязи с потребностями, предложенную А.В. Оляничем, который исходил из понимания дискурса как лингвокультурологического и лингвосемиотического феномена, охватывающего все стороны и проявления биологического, интеллектуального и духовного существования [Олянич, 2004, с. 16]. Данное понимание предполагает детерминированность дискурса потребностями человека, важную роль в трансформации которых играют эмоции как когнитивные переживания, зависящие от потребности и направляющие дискурсные намерения. Иными словами, точно так же, как переплетаются потребности человека, как они трансформируются и переходят с низкого на более высокий уровень, так же трансформируется и его речь, которой соответствуют различные типы дискурсов.

Горизонтальная ось классификации дискурсов в аспекте гипо-гиперонимических отношений предполагает типологизацию дискурсов с позиций участников общения, согласно которой все виды дискурсов распадаются на личностно-ориентированные и статусно-ориентированные, или институциональные, дискурсы. В качестве критериев классификации институциональных дискурсов можно использовать предложенный В.И. Карасиком [2004] учёт институциональных рамок, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания и определяют для данной социальной, экономической, географической, лингвистической сферы условия действия актов высказывания. Естественно, что разные типы дискурсов не представляют собой совершенно замкнутое целое и очень тесно переплетаются. Однако определённая историческая, социальная и интеллектуальная направленность позволяет достаточно чётко очерчивать границы видов институциональных дискурсов. Так, например, на вертикальной шкале «потребность в вере», которая соотносится с религиозным или теологическим дискурсом, можно выделить (по горизонтали) институциональные дискурсы на основании принадлежности к определённой конфессии, ср.:

махаянический   *православный*   *шиистский*
ваджраянический   *протестантский*   и т.д.
и т.д.   и т.д.

Иногда встречаются сложные случаи взаимопроникновения и взаимообусловленности. Так, например, вертикальную шкалу «потребности в материальных благах», которая соотносится с деловым и воровским дискурсом, вертикальную шкалу «потребность в передаче навыков и умений», которая соотносится с профессиональным дискурсом, вертикальную шкалу «потребности в передаче знаний и информации», которая соотносится с научным дискурсом, и т.д., пронизывает дискурс экономический, который соотносится со всеми указанными потребностями плюс потребность в самопрезентации, в обеспечении социального порядка и управления социумом, потребности во власти (ср., известное положение о том, что политические игры, в которые нас вовлекают, по сути игры экономические) и др.

Для обозначения столь многомерного и многоликого явления целесообразно использовать несколько уточняющих терминов, например, общий дискурс – частный дискурс – конкретный дискурс. В данном аспекте каждый подвид дискурса соотносится с другим, как микрокосм с макрокосмом. Рассмотрим на примере представленного выше теологического дискурса:

Религиозный (теологический) дискурс есть общий дискурс, являющийся макрокосмом по отношению частным и конкретным.

Буддистский, христианский, мусульманский и т.д. суть частные дискурсы, являющиеся микрокосмом по отношению к общему и макрокосмом по отношению к соответствующим конкретным.

Тхевадический, махаянический, ваджраянический и т.д. – конкретные дискурсы, являющиеся микрокосмом по отношению к частному – буддийскому – дискурсу.

Католический, православный, протестантский и т.д. – конкретные дискурсы, являющиеся микрокосмом по отношению к частному – христианскому – дискурсу.

Суннитский, шиистский и т.д. – конкретные дискурсы, являющиеся микрокосмом по отношению к частному – мусульманскому – дискурсу соответственно.

Каждый из перечисленных дискурсов представляет собой экспликацию определённой когнитивной модели, в рамках которой не только специфическим образом отражается окружающая действительность, но и конструируется присущий определённому социуму способ видения мира. Каждый из них является ограничивающим индивидуальную свободу фактором речевой деятельности, своеобразной «границей свободе языка». Каждому из дискурсов соответствует своё коллективное когнитивное пространство как определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум [Красных, 2003, с. 61], которое

детерминирует как понимание, усвоение, осознание текстов, так и создание, продуцирование, выбор языковых единиц.

Коммуникация в рамках институционального дискурса обслуживается языком для специальных целей. Терминосистема (как язык для специальных целей) является не просто ядром специализированного дискурса, но и детерминирующим, базовым его началом, поскольку последовательность и логичность протекания дискурса строится на иерархической последовательности представленных в дискурсе терминов.

Терминосистема представляет собой концептуальную систему отражения научной либо профессиональной картины мира, поскольку отображает результаты опыта и практической деятельности людей. Терминосистема принадлежит к явлениям не причинного, а целевого характера, которая определяется своей функцией, заключающейся в фиксации профессионально-научных знаний о свойствах терминируемых объектов и дефинировании их существенных признаков. Термин имеет специальную коммуникативную значимость и способствует обогащению научной картины мира. Очевидно, что релевантность терминосистемы детерминирована уровнем развития предметной области знания соответствующего институционального дискурса.

В связи с указанными уточнениями в качестве рабочего определения терминосистемы можно предложить следующее:

Терминосистема – это когнитивная система специальной области науки или деятельности, представляющая собой совокупность концептов, эксплицированных различными типами структур представления знаний (фреймы, скрипты, гештальты, схемы, картины) в виде терминов и терминологизированных сочетаний, обеспечивающих номинацию основных понятий определённой области знаний или сферы деятельности.

Экономический дискурс представляет собой сложное многоуровневое образование и предполагает деление на частные, более узкие, специальные институциональные дискурсы: биржевой дискурс, банковский дискурс, рекламный дискурс и т.д. Соответственно экономическая терминосистема предполагает наличие и отраслевых терминосистем – банковская терминосистема, терминосистема венчурного финансирования, бухгалтерская терминосистема и т.д.

Структура различных специализированных, отраслевых терминосистем характеризуется как специфическими, только ей присущими чертами, обусловленными целями, задачами, объектом и предметом, так и некоторыми общими чертами. В частности, в их рамках принято различать общенаучные термины (*теория, гипотеза, методы*), и термины, которые используются в нескольких областях знаний или сферах деятельности (например, термин *аккумуляция* и его дериват *аккумуляирование* употребляется в терминосистемах биологии, медицины, политики, экономики, физики и т.д.), но при этом являются омонимичными по отношению друг к другу. Помимо этих двух групп, Л.В. Ивина [Ивина, 2003, с. 25] предлагает выделять так называемые абсолютные термины, которые служат характерной чертой

отраслевой терминосистемы, корпусом специальных терминов, именующих специфические для каждой конкретной области знания реалии, понятия, категории.

Предложенная классификация с позиции когнитивно-дискурсного подхода требует некоторого уточнения. Дело в том, что институциональный дискурс как способ видения мира в определённой сфере и среде предполагает фундаментальное членение, в результате которого выделяются, например, медицинский дискурс, юридический дискурс, экономический дискурс и т.д. Внутри каждого из перечисленных институциональных дискурсов идёт членение на «субдискурсы», частные и конкретные дискурсы, ср.: медицинский (хирургический, терапевтический, стоматологический и др.), юридический (судебный, уголовный, законодательный и др.), экономический (банковский, бухгалтерский, биржевой и др.). Из этого следует, что терминосистемы как ядерные образования указанных дискурсов также подвержены фундаментальному членению – медицинская, юридическая, экономическая – и более детальному внутри каждой соответственно.

Таким образом, данный подход, как нам представляется, предполагает наличие общенаучных терминов, межотраслевых и узкоспециальных. **Общенаучные термины** являются общими для всей научной сферы и при этом не являются омонимичными, а употребляются, как правило, в основном «общенаучном» значении: *концепция, понятие, гипотеза, конституанта, квант* и т.д.

Межотраслевые термины – это термины общемедицинские (*здоровье, заболевание, диагноз, анамнез*), общеправовые (*право, закон, презумпция невиновности, уголовная ответственность*) и общеекономические (*продажа, прирост, юридическое лицо, оборот денежных средств*) соответственно.

Узкоспециальные термины – специфические, специализированные единицы конкретной отрасли знания или деятельности.

Термины, которые используются в нескольких областях знаний или сферах деятельности, но при этом не являются общенаучными логичнее рассматривать как омонимы и не включать в данную классификацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивина, Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) [Текст] : учебно-методическое пособие / Л.В. Ивина. – М. : Академический проспект, 2003. – 304 с.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
4. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса [Текст]: монография / А.В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.

СУКЦЕССИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВТОРОВ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ INTERNET

Е.И. Махрова

Оренбургский государственный университет

The purpose of offered article - studying of sequence of the organization of lexical, semantic and syntactic repetitions on an example of texts of primitive things INTERNET (forums, comments, blogs).

Исследованию повтора посвящено большое количество лингвистических работ, в которых учёные, каждый по-своему, стремятся дать ему определение, выявить текстообразующую значимость, обозначить функциональные границы: выделение основной идеи дискурса и текста, аккумуляция и привлечение внимания читателя или слушателя. Кроме самого слова «повтор» исследователи предлагают еще целый ряд синонимичных терминов: редупликация, удвоение, повторение и повторная номинация. Результатом существования такого количества терминов, определяющих явление повтора в лингвистике, является и выделение различных видов повтора.

Цель предлагаемой статьи – изучение сукцессивной организации лексических, семантических и синтаксических повторов на примере текстов-примитивов INTERNET (форумы, комментарии, блоги).

Материалом исследования послужили 350 текстов-примитивов INTERNET (форумы, комментарии, блоги: www.yahoo.fr, www.voila.ru, www.Lemonde.fr, www.Lefigaro.fr), демонстрирующие функционирование трёх видов повтора как способа текстообразования электронных текстов INTERNET.

Обработаны 3 вида повтора (лексический, семантический и синтаксический повторы) в текстовых структурах небольших размеров. Л.В. Сахарный определяет такие тексты как «тексты-примитивы» [Сахарный, 1997]. Таким образом предпринята попытка создать общую картину процесса функционирования категории связанности в электронных текстах.

Лексические повторы. Под лексическим повтором нами понимается повторяемость слова или группы слов.

Jamais aucun parti communiste n'est arrivé au pouvoir démocratiquement alors les anciens cocos emploient la méthode du turn over "démocratique" !!!!

Medvedev a remplacé Poutine lequel remplacera Medvedev etc..etc...

Mais cela ne trompe personne sauf peut être les communistes qui trouvent cela normal !!

В данном примере представлены два вида повтора: смежный повтор существительного **Medvedev**, так как оно является составной частью различных словосочетаний, и контактный повтор служебной части речи **etc...etc...**, благодаря которому создаётся дополнительный подтекст высказывания, т.е. автор даёт читателю возможность самому додумать продолжение.

Je pense que le langage sms est bien dans le sens où il nous permet d'utiliser moins de crédit. Cependant, il est fort possible qu'à force de l'utiliser les jeunes

*finissent par ne plus savoir écrire sans faute, même les mots les plus simples. Mais, je crois que ce type de **langage** a encore de belles années devant lui.*

Употребление автором в тексте дистантного повтора слова **langage** создаёт в тексте эффект иронии, а так же актуализирует имплицитную информацию, которая раскрывает авторский замысел. Данный факт указывает на тот признак, что в настоящее время язык SMS, представляет собой отдельное наречие, которое и по синтаксической и по грамматической структуре отличается от принятых норм языка. Именно поэтому адресант использует слово **langage**, а не **langue**, чтобы подчеркнуть разницу в их значении.

Семантические повторы. Семантический повтор – вид повтора, при котором происходит повторение лексического значения слова или отдельной его части при различной форме языковых единиц.

*Depuis toujours, je traine avec moi des défauts qui n'arrêtent pas de freiner mes capacités et mes ambitions. J'ai beau faire des efforts mais c'est toujours pareil. **Mes défauts : lenteur, étourderies, trop émotive, manque de confiance et en plus de cela, je me dévalorise beaucoup. Quand une personne vient à me faire un compliment, je tente de trouver une explication pour montrer que je n'ai aucuns mérites.***

*Par exemple, j'essaye d'obtenir le permis de conduire **depuis X heures mais sans succès (prises de décisions trop lentes, étourderies, manque d'assurance etc.)** je reviens toujours à la case départ.*

On me dit qu'avec le temps je peux pâlier ces défauts mais j'y crois de moins en moins.. Je veux montrer à mes proches que je suis capable.. ça paraît être peu de choses et pourtant, des fois ça me pourrait vraiment la vie.. Que dois-je faire ?

В данном тексте автором употреблено два семантических повтора: **Mes défauts : lenteur, étourderies, trop émotive, manque de confiance et en plus de cela; depuis X heures mais sans succès (prises de décisions trop lentes, étourderies, manque d'assurance etc.)**. Оба повтора являются необязательными семантическими повторами. В обоих случаях можно говорить о том, что использование автором таких оборотов как «**en plus de cela**», «**etc**» способствует воссозданию психологически-эмоциональной связи между читателем и героем, что придаёт речи персонажей колорит живой, естественной беседы. Используя данный вид повтора, автор объединяет последовательно связанные предложения, усиливая художественность речи.

la langue française ne se perdra jamais, elle ne disparaîtra jamais car il y aura toujours quelqu'un pour parler le français.

la langue évolue, c'est tout à fait normal: elle suit l'évolution des hommes.

le français parlé il y a plusieurs siècles n'était-il pas considéré comme tel par les hommes de ce temps? et pourtant maintenant, nous painons à le lire...

oui la langue évolue et il est fort probable que dans plusieurs siècles, on ne comprendra plus «notre» français comme nous le comprenons actuellement, mais non le français n'est pas en perdition...

Употребляя семантический повтор «**la langue évolue, c'est tout à fait normal: elle suit l'évolution des hommes**» автор подчёркивает как в

логическом, так и в эмоциональном плане основной смысл и одновременно с этим скрытый смысл высказывания. В примере помимо семантического повтора присутствует и контактный корневой повтор, формируемый глаголом «*évoluer*», и существительным «*l'évolution*» который подобно намеренному повторению одного и того же слова, служит средством подчеркивания явления. Корневой повтор в данной ситуации усиливает значения понятия «*эволюция*» и «*эволюционировать*», расшифровывает это понятие, указывает на соотношение различных значений и существующую между ними связь.

Синтаксический повтор. Синтаксический повтор реализуется в тождественном построении предложения или фрагментов речи. Лингвисты выделяют целый ряд разновидностей синтаксического повтора: синтаксический повтор словосочетаний, предложений, слов; лексико-синтаксические повторы, осложнённые анафорой, эпифорой.

la langue française ne se perdra jamais, elle ne disparaîtra jamais car il y aura toujours quelqu'un pour parler le français.

la langue évoluée, c'est tout à fait normal: elle suit l'évolution des hommes.

le français parlé il y a plusieurs siècles n'était-il pas considéré comme tel par les hommes de ce temps? et pourtant maintenant, nous parlons à le lire...

oui la langue évoluée et il est fort probable que dans plusieurs siècles, on ne comprendra plus "notre" français comme nous le comprenons actuellement, mais non le français n'est pas en perdition...

Данный пример демонстрирует одну из важнейших функций синтаксического повтора, заключающуюся в сочетании с лексическим или семантическим повторами. В тексте синтаксические повторы сочетаются с лексическим повтором слова **langue** (*la langue française ne se perdra jamais, elle ne disparaîtra jamais*), а также с семантическим повтором «**la langue évoluée, c'est tout à fait normal: elle suit l'évolution des hommes**». В тексте встречается трёхкратное употребление существительного **langue** и его синонимические эквиваленты представленные словосочетаниями **le français parlé, le français, «notre» français** и местоимением **elle**, использование которых придаёт речи адресанта яркость и выразительность. Повтор, используемый автором, не только привлекает внимание читателя к наиболее значимому моменту в тексте (касательно потери самого понятия французский язык как такового с его точной грамматической системой), придаёт связность тексту, но и создаёт параллельный эффект. Повтор служит фоном, на котором другие смысловые элементы текста кажутся более выразительными, благодаря чему текст становится понятнее читателю, и позволяет ему самостоятельно делать вывод по данной проблематике.

После проведения статистической обработки данных нами выявлено: общее количество повторов 632; из них 338 лексических, 179 семантических и 115 синтаксических повторов из 350 текстов-примитивов. По результатам данных была составлена диаграмма (см. рис.1)

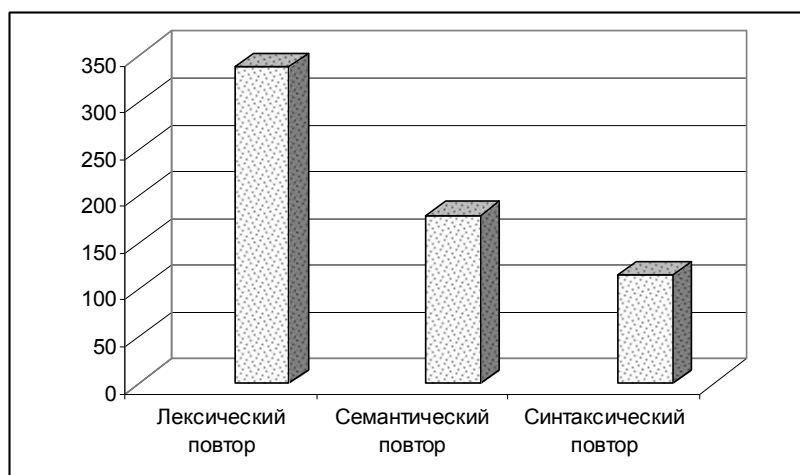

Рис.1. Процентное соотношение повторов (на примере текстов-примитивов)

Таким образом, в результате проведенного анализа эмпирического материала можно констатировать тот факт, что в сукцессивной организации текстового пространства INTERNET доминирующая роль принадлежит лексическим повторам 53,5% (338 повторов) от всех выделенных 632 примеров повторов. Второе место занимают семантические повторы, процентная составляющая которых равна – 28,3% (179 повторов), синтаксические повторы – 18,2% (115 повторов).

ЛИТЕРАТУРА

Сахарный, Л.В. Текст – Мозг – Образ мира [Текст] / Л.В. Сахарный // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М. : Прогресс, 1997. – С. 140-147.

ЯЗЫК И ТЕКСТ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

С.И. Митина, О.В. Седова

Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева,
Conception of German scientist V. fon Humboldt is based on the foundation of the philosophical hermeneutics, including the elements of linguistics in it. Humboldt interprets the meanings of the “language” and the “text” in the field of linguistics.

Культура обладает способностью вырабатывать и хранить социальную информацию, которая содержится во множестве *текстов культуры*. Культура существует в значительной степени в виде ее знакового, языкового воплощения, в ней одновременно содержится цельная и постоянно развивающаяся парадигма *смыслов* и способов их передачи, поэтому определённая субстанция знаковой природы может рассматриваться в качестве текста. Матрица текста содержит общепонятную (т.е. условно принятую) в пределах данной культуры знаковую систему – язык. Язык выступает фундаментом текста.

Культура Древнего Рима и установившиеся в ней грамматическая и риторическая традиции подарили миру культуры само слово «текст». В латинском глаголе «texere» (ткать, плести) и в образованных от него

существительных «textus» и «textum» (ткань, паутина) узнаётся термин «текст». Если следовать этим данным, то становится очевидным, что выражения textus и contextus встречаются у классических авторов очень редко и употребляются со ссылкой на языковые факты еще полностью метафорически, они не представляют собой специальных терминов ни в риторике, ни в грамматике.

Многообразные тексты культуры как осмысленная совокупность языковых знаков обязательно несут в себе определённый смысловой потенциал. Иначе говоря, если продуцент в какую-либо последовательность знаков не вкладывает определённый смысл, то ее нельзя рассматривать как текст. Постигание реципиентом смысла текста осуществляется посредством процесса активного взаимодействия с текстом – посредством понимания, истолкования и интерпретации.

В этой связи текст представляет собою огромное поле для методологических изысканий. Всякое изучение текста, по какому бы направлению оно ни шло, обязательно сталкивается с проблемами понимания как самого текста (плана его содержания, выраженного в языковых знаках), так и освоения смысла, заложенного в текст автором.

Вопросы истолкования, понимания, интерпретации и смыслового анализа текста привлекают внимание различных гуманитарных дисциплин: лингвистики, психологии, философии, культурологии и др. В XIX в., во многом под влиянием философских течений, формируется дисциплинарное поле *герменевтики*, предметом которой является *понимание* текста в общем смысле, заключающееся в обращении опыта читателя к тексту с целью освоения содержания этого текста, то есть эксплицитных и имплицитных в тексте содержаний и смыслов. Очевидно, что опыт здесь является не только лингвистическим, но и социальным, эмоциональным, оценочным, культурным и т.д., в результате чего проблемы понимания текста пересекаются с задачами целого ряда гуманитарных наук (культурологии, семиотики, риторики, лингвистики, стилистики, теории и семантики текста и др.). Указанные дисциплины предлагают множество разноплановых определений как самого понятия *понимание*, так и *процесса понимания текста*, что напрямую зависит от тех задач, которые учёные ставят самой герменевтике, которую можно считать междисциплинарной наукой, а не только сегментом философии или филологии.

Уже в XVIII – начале XIX в. возникают герменевтики, которые прилагаются уже ко многим областям, а в частности, к филологии (Ф. Аст, А. Бек), методологии исторического познания (И. М. Хладениус), также широкую известность получили лингвистические исследования **Вильгельма фон Гумбольдта**, который ввёл герменевтическую проблематику в изучение естественного языка.

Влияние философии языка Гумбольдта непосредственно выразилось в расширении предмета герменевтики за счёт включения в область ее действия всего богатства языка, понимаемого как деятельность духа и как результат этой деятельности, как «работа духа», созидающего артикулированные звуки, пригодные для выражения мысли и ее понимания. Гумбольдт вводит

новый *принцип диалога* как метода анализа языковых явлений. Он впервые обсуждает абсолютно новые проблемы, как для языкознания, так и косвенно для герменевтики (точкой сближения языкознания и герменевтики является существенная для философии языка Гумбольдта категория понимания). Эти проблемы связаны с анализом понимания, смысла, языкового сознания, языка как порождающего устройства. Гумбольдт ставит и рассматривает принципиально важные для исследования природы языка проблемы освоения и владения естественным языком, производства и понимания новых языковых выражений, вводит в научный контекст понятие внутренней формы языка, которая не совпадает с логической формой мысли и внешней формой выражения мысли в слове.

Весьма важной для герменевтики оказалась также идея Гумбольдта о том, что «язык является системой, внутренне содержащей в своей лексике и в способах выражения мысли мирозерцание народа» [Гумбольдт, 1985, с. 38]. Поэтому многие представления об устройстве мира человек получает из языка, минуя непосредственный практический опыт. «Язык потенциально обладает действенной силой, которая способна влиять на практические поступки людей», – пишет Гумбольдт [Там же, с. 57]. Гумбольдт производит расширение научного базиса герменевтики за счёт введения в основание герменевтических методов элементов языкознания (разумеется, что здесь речь идет о теоретическом языкознании, подлинным основателем которого является именно Гумбольдт).

Учёный избирает деятельностный подход как базовый принцип, применимый к анализу языка и всех его функций, в том числе функции понимания. Функция языка коренится в акте порождения, деятельностная цель языка заключается в понимании. Понимание, объединяющее участников коммуникации должно иметь единую, постоянную основу, в качестве таковой Гумбольдт избирает языковые формы. Анализируя духовную деятельность, преобразующую готовый материал в определённых языковых формах, Гумбольдт констатирует: «Эта деятельность осуществляется постоянным и однородным образом. Это происходит потому, что она производится одной и той же духовной силой, которая видоизменяется лишь в определённых, не очень широких границах. Цель ее – взаимопонимание» [Там же, с. 70]. Под языковыми формами учёный подразумевает грамматические формы, полученные при словообразовании посредством употребления общих логических категорий действия, качества, количества и т.д.

Заслуга Гумбольдта в том, что он поставил абсолютно новые проблемы в области языкознания, которые отразились в герменевтике – это идеи, связанные с анализом понимания, смысла, «языкового сознания», «языкового сообщества», «языка как порождающего устройства». Данный комплекс проблем исследуется в современной лингвистике, семантике, семиотике и герменевтике. Таким образом, В. фон Гумбольдт подготовил «почву» для возможности превращения герменевтики в методологическую дисциплину общенаучного характера, где центральной проблемой является язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

(на материале инаугурационных речей американских президентов)

Е.А. Моргун

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

The presented paper reserches the narure of intentional space of inaugural discourse reflected in organic synthesis of its strategies and tactics.

В современной науке интенциональное пространство, во многом определяющее характер дискурса, выступает востребованным и всё более актуальным объектом исследования целого ряда дисциплин: когнитивной лингвистики, прагматики, психолингвистики и др. Интенциональность (от лат. *intentio* – стремление, намерение, направленность), т.е. зависимость от воли и намерения каузатора (коммуниканта-субъекта), присуща всем действиям человека. Таким образом, под интенциональностью следует понимать связь языковых значений с коммуникативными целями речемыслительной деятельности.

В инаугурационном дискурсе, воплощённые вербально, интенции реализуются через определённые стратегии и тактики. Так, анализ инаугурационных речей американских президентов даёт представление о ментальной модели инаугурационного дискурса и позволяет выявить целый пласт ведущих интенций, в котором сосуществуют:

- «доминантные» и «соподчинённые» интенции (разделяемые по степени силы воздействия и активности): информирование и анализ ситуации, предупреждение и разоблачение, критика и дискредитация, отвод критики, одобрение себя и своих действий, успокоение аудитории и др.;

- «негативные», «позитивные» и «нейтральные» интенции (выделяемые по характеру планируемого воздействия): обвинение, противостояние, угроза, оправдание, похвала, сожаление, раскаяние и др.;

- метаинтенции, направленные на достижение максимальной воздействующей силы коммуникации: убеждение, побуждение и воздействие на аудиторию, демонстрация личной ответственности, обращение к религии и др.

В целом, наглядное и обобщённое представление ментальной модели дискурса достигается путём «свёртывания» анализируемых текстов, что позволяет в относительно компактной форме представить ментальный каркас дискурса как последовательности вышеупомянутых интенций.

Как показал интенциональный анализ инаугурационных речей президентов США, специфику интенционального содержания данного текста можно охарактеризовать следующим образом. Автор, прежде всего, сосредоточен на возвеличивании своей нации и успокаивании населения

(преобладание данных интенций наблюдается практически у всех американских президентов). В меньшей степени автор стремится представить ситуацию в негативном ключе, выражая отрицательную оценку посредством интенций обвинения, угрозы, противодействия и противостояния, осуждения. Решение обосновывается путём информирования (интенция информирования наиболее ярко представлена у Дж. Кеннеди и Дж. Картера), предупреждения (самый высокий показатель у Р. Рейгана), констатации угрозы (наиболее выраженной в речах Дж. Форда), оправдания и выдвижения контраргументов для предупреждения возможной критики (самый высокий результат по данному показателю у Б. Клинтона). Деятельность также оценивается в форме демонстрации личной ответственности и одобрения «своих» действий. Отмечаются апеллирование к третьей стороне – ООН, военному альянсу, мировому сообществу, что свидетельствует о желании авторов максимально отвести от себя возможную критику, продемонстрировать легитимность принятых решений, совместность действий.

Интенции коммуниканта-субъекта инаугурационного дискурса формируют стратегии его речевого поведения, которые, в свою очередь, реализуются определёнными дискурсивными тактиками. Традиционно стратегия и тактика соотносятся как общее и частное, цель и средства ее достижения. В качестве основных коммуникативных стратегий О.С. Иссерс выделяет семантические (когнитивные), а также вспомогательные стратегии – прагматические, диалоговые и риторические [Иссерс, 2002, с. 109]. Исследуемый материал обуславливает отказ от разграничения речевых стратегий на основные и вспомогательные, что позволяет выделить преимущественно когнитивные и прагматические стратегии инаугурационного дискурса.

В инаугурационном дискурсе когнитивные стратегии непосредственно связаны с воздействием на адресата – его модель мира, систему ценностей, поведение (в том числе и эмоциональное поведение).

В зависимости от интенциональной направленности в инаугурационных речах американских президентов можно выделить несколько основных типов когнитивных стратегий формирования инаугурационного дискурса:

- стратегии-регуляторы чувства общности;
- когнитивные стратегии, влияющие на восприятие человеком окружающей действительности;
- стратегии воздействия на аксиологическую систему адресата.

Когнитивные стратегии в инаугурационных речах актуализируются посредством концептов, поскольку система информации о мире в инаугурационной речи носит знаковый характер и представляет собой систему представлений человека о мире, т.е. систему концептов, конструируемую человеком как членом определённой когнитивной и культурной общности. Когда человек живёт, общается, действует в мире «понятий», «образов», «ценностей», «идей» и других тому подобных феноменологических координат своего существования, одновременно на

более глубоком уровне бытия он живёт, общается, мыслит, действует в мире концептов [Ляпин, 1997, с. 11].

Среди прагматических стратегий наиболее частотными представляются:

- прагматическая стратегия прогнозирования и информирования;
- стратегия позитивной репрезентации;
- стратегия побуждения и манипулирования.

Когнитивные стратегии инаугурационного дискурса нередко реализуются тактиками восхваления, конструирования сверхцели, позитивного позиционирования с опорой на предшествующий положительный опыт и др. Среди наиболее частотных тактик, реализующих прагматические стратегии – тактика «единения», манипулятивные тактики и др.

Приведём несколько примеров, где реализуются некоторые стратегии и тактики инаугурационного дискурса:

Let us pledge together to make these next four years the best four years in America's history, so that on its 200th birthday America will be as young and as vital as when it began, and as bright a beacon of hope for all the world (Richard M. Nixon, 1973, January 20).

В данном примере наблюдается реализация стратегии, призванной регулировать чувство общности, репрезентирующая речевую тактику единения (интеграции), реализующую задачу объединить слушателей как единый народ, призвать их действовать вместе и сообща. Идея «единения» страны в данном примере актуализируется в призыве «let us», а также таким эксплицитным маркером интеграции, как «together». Также применяется стратегия позитивной репрезентации, эксплицирующая тактику убеждения в великом предназначении Америки: актуализируется концепт «величие нации», а именно, Америка рассматривается как «a beacon of hope for all the world».

America today is a proud, free nation, decent and civil, a place we cannot help but love. We know in our hearts, not loudly and proudly but as a simple fact, that this country has meaning beyond what we see, and that our strength is a force for good. But have we changed as a nation even in our time? Are we enthralled with material things, less appreciative of the nobility of work and sacrifice? (George H. W. Bush, 1989, January 20).

В приведённом примере обратим внимание на прагматическую стратегию прогнозирования и информирования с элементами манипулирования, реализующуюся посредством риторических вопросов к нации. Также эпитеты, усиливающие экспрессивность текста: «a proud», «free nation», «decent and civil» придают речи неповторимую образность и экспрессивность, подчеркивая величие Америки. Таким образом, на прагматическом уровне президент воздействует на чувства адресата (эмоциональное состояние нации).

When our Founders boldly declared America's independence to the world and our purposes to the Almighty, they knew that America, to endure, would have to change; not change for change's sake but change to preserve America's ideals:

life, liberty, the pursuit of happiness. Though we marched to the music of our time, our mission is timeless (William J. Clinton, 1993, January 20).

В данном примере реализуется стратегия воздействия на аксиологическую систему адресата посредством тактики учёта ценностных ориентиров и идеалов адресата: эксплицируются ценности «life», «liberty», «the pursuit of happiness», которые необходимо передавать из поколения в поколение. Применяется тактика конструирования сверхцели: «our mission is timeless». Экскурс в историческое прошлое – упоминание о мудрости отцов-основателей – служит в качестве аргументативной аналогии, позволяющей надеяться на успешное преодоление трудностей, предполагая ссылку на уже имеющийся исторический опыт.

Подводя итоговую черту, следует отметить, что интенции заложены в основе ментальной модели дискурса, так, инаугурационный дискурс наглядно представляет наличие органичной взаимосвязи и переплетения различных типов интенций с разнообразными типами применяемых речевых стратегий и тактик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
2. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода [Текст] / С.Х. Ляпин // Концепты. Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 11-35.
3. Тексты инаугурационных речей американских президентов [Электронный ресурс] // URL : <http://millercenter.org/>

ГРАНИЧНЫЕ УСЛОВИЯ МОДЕЛИ КАК ПАРАМЕТР ФОРМЫ ТЕКСТА

Г.Г. Москальчук

Оренбургский государственный педагогический университет

The article deals with the boundary model conditions that show the difference of cycle density at the beginning and at the end of the text structure. The mentioned criterion was used while defining models-antonyms, models-homonyms, models-synonyms. These results could be applied in the translation editing and the correcting of the prospective effect which could be produced upon the reader.

Форма как финитный объект теории формообразования текста является результатом действия процессов формообразования, отражает как процесс становления, развертывания текста в виртуальном пространстве-времени деятельности человека. Параметры формы складываются на пересечении среды, в которую интегрирован текст, и фазового пространства текста, имеющего протяженность и границы со средой. Фазовое пространство данного текста существует в границах некоторого фрагмента пространства-времени и лингвоментального пространства-времени человека.

Абсолютное начало текста (или старт-сигнал) является самым ранним сегментом развертывающейся линейной цепи. Абсолютный конец текста (стоп-сигнал) служит самым поздним сегментом эволюционирующей структуры, замыкает ее. ГУ позволяют описывать все тексты как

размещенные и «длящиеся» внутри фазового пространства. Это константное качество любого текста. При этом позиция и позиционные изменения в строгой последовательности репрезентируют физическое время системы, осуществляющееся однонаправленно.

В данной статье рассматривается один из параметров формы текста – граничные условия модели (дифферент формы), являющиеся проявлением и следствием иерархичности циклического процесса самоорганизации текста. «Дифферент [лат. *differens* (*differentis*) разница] – 1) угол продольного наклона судна, вызываемый разностью осадки носа и кормы; 2) в торговых операциях – разница в цене на товар при заказе и при получении его» [Словарь иностранных терминов, 1987, с. 171]. Граничные условия модели (далее – ГУ) указывают на начально-конечное значение циклического процесса самоорганизации формы для каждой отдельной модели текста, а также на суммарную динамико-просодическую ориентацию ее в пространстве-времени.

Согласование (гармонизация) параметров формы текста происходит в нескольких направлениях одновременно. По горизонтали – происходит становление формы в ее протяжённости вдоль пространственно-временной оси (направленный рост системы от ее абсолютного начала к ее абсолютному концу. По вертикали же осуществляется некая интенсификация процесса, которая может быть измерена в параметрах интенсивности (градационная шкала), плотности вероятностей каких-либо внутритекстовых процессов. В разработанной ранее формализованной системе записи в виде формулы из 5 символов разнообразия форм текста через фиксацию отклонений границ предложения от серии пропорций золотого сечения во внутритекстовом пространстве-времени. На основе формулы текста вводится понятие о балансе формы как относительной характеристике внутритекстовых градационных изменениях плотности циклической самоорганизации структуры текста [Москальчук, 2003, с. 141-145; 281-289].

Оценка процесса формообразования текста по балансу формы моделирует градационную динамику относительно аттрактора, то есть иерархии высшего порядка. Поскольку в любой сложной составной системе, к которым принадлежит и текст, эволюция формы осуществляется к аттрактору как кульминанту иерархической структуры, то относительный способ измерения состояний формы представляется целесообразным. Здесь выделяются 4 способа ориентации формы: восходящая, нисходящая, восходяще-нисходящая и стабильная. Как показывает анализ всех 243 теоретических моделей формы текста, нисходяще-восходящие тексты не встречаются, но подобная динамика возможна как структурный внутритекстовый эпизод.

Если аттрактор выступает «целью» и итогом эволюции структуры, то ГУ модели обладают важными функциональными качествами: 1) являются делимитатором вне- и внутритекстового пространства/времени; 2) содержат в зачине текста необходимые языковые факторы, обеспечивающие в потенции дальнейшее развитие формы и выражаемых ею смыслов; 3) в зоне конца

присутствуют некоторые завершители формы (стоп-сигналы); 4) с точки зрения просодической в зачине формируется концестремительная динамика, которая *где-то* гармонизируется с тенденциями структуры к свертыванию и самозамыканию формы на самое себя (началостремительная тенденция).

Относительная плотность циклов измеряется в модели структуры текста не по реальной плотности циклов, а по балансу формы. Баланс формы указывает на характер иерархии всех других интервалов текста относительно креативного аттрактора, то есть области с максимальной для данной модели интенсивностью циклического процесса самоорганизации данной формы. Баланс формы как инструмент относительного сравнения форм текста друг с другом и оценки их целостных качеств, представляет собой иерархически упорядоченную систему, максимально состоящую из 6 единиц, где приняты следующие условные обозначения: 1 – область максимальной плотности циклов в модели, которая может сильно различаться (от 12 до 2), но она всегда будет доминантной в данной структуре и этим интересна теоретически и практически; 2 – область структуры, отличающаяся более низкими значениями плотности циклов, нежели собственно аттрактор; как правило, данная область формы текста примыкает к аттрактору и включается вместе с ним в область интерпретации; 3, 4, 5 – зоны с еще более низкими показателями плотности циклов в модели; 6 – область с минимальным значением плотности циклов.

Лишь небольшое число моделей формы текста включает все 6 иерархических ступеней в балансе формы, часто встречаются модели из 4, 3, 2 и 1 ступени иерархии. Баланс формы выявляет некоторое число моделей-«синонимов» и «антонимов», что может быть интересным при различного рода гармонических правках текстов (например, взаимоподстройки оригинала и перевода, редактирование, функциональная подстройка текста под запланированное воздействие и др.). Подробнее с характеристиками моделей по ГУ и балансу формы можно познакомиться в Приложении 1 [1: 281–289].

ГУ указывают на различие иерархических значений плотности циклов между зачином и концом. При этом характерны 3 ситуации: 1) общая нисходящая формы (знак +), когда числовое значение степени иерархичности зачина ниже, чем конца; 2) восходящая (знак -), при которой номер иерархической ступени зачина выше, чем конца; стабильность (знак 0) – значения для зачина и конца совпадают.

Формализация внутритекстовых изменений и единообразие оценок качеств формы позволяет получать сопоставимые результаты и накапливать данные о выборках текстов. Оценка интенсивности внутритекстового циклического процесса в 6 ступенях относительной иерархии позволяет измерять перепад интенсивностей градационной динамики формы от начала к концу текста. ГУ указывают на суммарную (результатирующую) восходящую / нисходящую / стабильность формы текста, реализующуюся как однонаправленная макротенденция организации целого. Значения градационной динамики формы оцениваются в 5 ступенях со знаками минус

(восходящесть, так как первый интервал текста больше по числовому значению, чем последний), плюс – при нисходящеости формы. Стабильность (0) отражает одинаковые значения баланса формы для интервалов зачина и конца текста. Чтобы составить представление об эвристических возможностях дифферента формы, приведём данные по двум выборкам произведений К. Бальмонта (185 текстов) и И.Бунина (200 текстов), представленные в таблице 1 и на рисунке 1.

По значениям ГУ могут быть выделены: 1) модели с тождеством баланса формы и ГУ (их 11), например, /01020/, /00012/ и др., у которых свехпродлённый креативный аттрактор, занимающий 6 интервалов и стабильный дифферент /0/, подобные формы не обладают коммуникативной эффективностью, не слишком частотны, но такие тексты встречаются в узусе (А. Вознесенский *Скрытымным*; М. Цветаева *Пражский рыцарь* и др.).

Модели-антонимы, обладают контрастными характеристиками и различной направленностью внутритекстовых градационных изменений: контраст восходящеости и нисходящеости с дифферентом формы от ± 1 до ± 5 ; тексты сподобными характеристиками обладают средними частотностями и встречаются довольно часто (например, /11111/ и /22222/ и другие модели с включением в формулу симметричных границ позиционных срезов («0» в формуле текста). Обширен класс моделей-синонимов как по балансу формы, так и по ГУ. Функциональная систематизация форм текста является интересной теоретической и практической задачей.

Таблица 1. Вероятность текстов с различными значениями ГУ у некоторых русских поэтов

Тип модели	Граничные условия модели	К. Бальмонт	И. Бунин
Восходящеие	-5	0,021	0,225
	-4	0,05	0
	-3	0	0
	-2	0,097	0,09
	-1	0,438	0,345
Стабильная	0	0,12	0,225
	1	0,157	0,205
	2	0,114	0,08
	3	0,016	0
	4	0,05	0,205
Нисходящеие	5	0,016	0,02

Анализ структурных качеств моделей формы текста позволяет оценивать эквивалентность моделей и тех процессов, которые их организуют. Подобные оценки структур важны для разного рода правок целых текстов с целью достижения их эквивалентности по структурным качествам, позволяет подбирать модели с наиболее желательными

качествами (например, с более эффективным воздействием, или наиболее близкие к оригиналу в случае с переводом и т.п.).

Иерархии, используемые в языке обладают следующими качествами: 1) они производны от градационных изменений структуры и семантики; 2) обладают некоторой исчислимой глубиной; 3) выстраиваются в некоторые повторяющиеся конфигурации в зависимости от количества и характера ветвлений и общей градационной глубины; 4) следуют друг за другом в макроструктуре, что делает возможным анализ позиционного распределения иерархических структур в тексте, а также рассматривать вероятности и характер переходов одних структур в другие, выявлять запреты, анализировать разрывы структур и т.п.

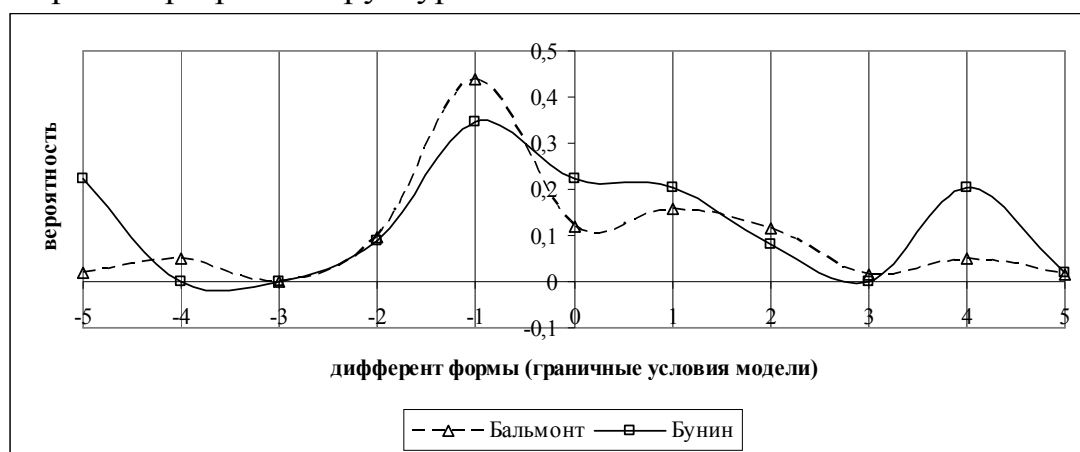

Рис. 1. Вероятностное распределение текстов с различными ГУ в произведениях русских поэтов

Интересны фазовые переходы, в том числе бимодальные (противоречивые), скачки из одного состояния в другое и т.д. Интересно также количество реализованных в реальных текстах ступеней иерархии, а также мера сходства / различия начально-конечных условий модели. Сказанное позволяет поставить вопрос об «алфавите» языковых иерархических структур, реализующихся в текстах на разных уровнях сложности (например, иерархия слогов в слове, особенно сложном; иерархия слов в словообразовательном гнезде; иерархия значений слова в словарной статье, членов предложения, ССЦ и фрагментов в тексте, текстонов в гипертексте и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс [Текст] / Г.Г. Москальчук. – М. : УРСС, 2003. – 296 с.
2. Словарь иностранных слов [Текст]. – 14-е изд. – М. : Рус. яз., 1987. – 608 с.

КОНТРАСТНЫЙ СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ АФОРИСТА

И.А. Наличникова

Оренбургский государственный педагогический университет

Contrastive way of depicting reality of aphorists language personality makes the object of close investigation in this article. Special attention is paid to the high frequency of usage of antithesis and rhetorical contrast.

Афористы обнаруживают у предметов и явлений необычные свойства, вскрывают связи и противоречия там, где они не были ранее отмечены. Это выражается в композиционной структуре афоризма, в основе которой лежит контраст как способ отражения окружающей действительности афористом-парадоксалистом, соединяющий самые далекие понятия и явления, объясняемые индивидуальными характеристиками языковой личности афориста. Привычка ума к контрасту настолько велика, что подчас действует механически. Стоит отметить, что в картине мира афориста действительность не воссоздается такой, какая она есть, а существенно меняется, как бы отражаясь в кривом зеркале. Соответственно, афорист использует контрастный метод, чтобы добиться этого эффекта.

Эффективность контрастного метода в афористическом дискурсе обусловлена применением разнообразных языковых средств. В рамках данной статьи нас интересуют способы контрастного отражения на синтаксическом уровне афоризма, поскольку с помощью минимального количества слов в афоризмах передаются мощь, экспрессия, сжатость, а также неожиданность авторской речи. Совершенно естественно, что в силу резко критического характера парадоксального афоризма авторы используют в структуре предложения антитезу. *Антитеза* понимается как синтаксический прием сопоставления резко контрастных или противоположных понятий, явлений и образов для усиления впечатления. По мнению Е.А. Яшиной, антитеза – один из наиболее распространенных синтаксических способов организации парадоксального высказывания [Яшина, Электронный ресурс]. Особенно актуальным принцип контраста становится в кризисные эпохи, когда жизнь резко меняет привычный ход, поэтому афористы так часто используют этот прием, например:

Das Faustrecht ist heutzutage verschwunden bis auf die Freiheit, jedem eine Faust in der Tasche zu machen. (G.C. Lichtenberg) [Lichtenberg, 1963, S. 199]

Кулачное право сегодня исчезло – за исключением права для каждого показывать кулак в кармане.

Автор прибегает к антитезе, прежде всего, при описании политической жизни, которое занимает весьма значительное место в его творчестве, кроме того, объединяя оба полюса противопоставления, антитеза не только утверждает, но и отрицает их. Мы различаем собственно антитезу и алогизм, лежащую в основе парадоксального афоризма. Первое понятие является противопоставлением на уровне предложения, которое не содержит алогизма:

Dieses haben unsere Vorfahren aus gutem Grunde so geordnet, und wir stellen es aus gutem Grunde nun wieder ab. (G.C. Lichtenberg) [Lichtenberg, 1963, S. 43]

Наши предки вполне обоснованно завели определенный порядок, а мы столь же обоснованно упраздняем его.

Данный афоризм не является парадоксальным, и антитеза не содержит алогизма, т.к. противоречивость здесь скорее носит характер противопоставления. В парадоксальных афоризмах, для построения которого используется антитеза, наблюдается алогизм. Более того, противоречие в таком афоризме должно быть заключено в одном объекте высказывания или должно относиться к нему одному. Для убедительности приведем пример:

Es ist nie spät, anfangen zu leben, sogar wenn du im Sterben liegst. (N. Kraus) [Краус, 2007, с. 92]

Начать жизнь никогда не поздно, даже если ты находишься на смертном одре.

В этом парадоксальном афоризме противоречие заложено в действующем лице (подлежащем), а направлено на его действия, здесь соблюдено единство объекта характеристики – оба объекта характеризуются по отдельности противоречиво. Однако что дает читателям использование этого приема, и какова цель его использования? Во-первых, антитеза дает возможность увидеть два несопоставимых полюса и принять прелесть каждого из них, во-вторых, антитеза помогает проникнуть во внутренний мир языковой личности афориста, показывая контрастность, присутствующую не только во внешнем, но и в духовном мире.

Характерной формой контрастных отношений в афористическом дискурсе является *хиазм*. Хиазм – это перекрестное расположение параллельных членов в двух смежных предложениях одинаковой синтаксической формы [Квятковский, 1966, с. 326]. В исследуемом материале афоризмы, построенные по типу хиазма, обладают следующими свойствами: параллелизм, инверсия, антитеза, *figura etymologica* (изменение частей речи), использование одной и той же части речи с отрицательными префиксами. Ось симметрии хиазма совпадает с осью деления афоризма на члены оппозиции. Проиллюстрируем это примером:

Alles, was lediglich wahrscheinlich ist, ist wahrscheinlich falsch. (R. Descartes) [Aphorismen, Электронный ресурс]

Все, что исключительно вероятно, вероятно ложно.

Здесь реализуется одна из отличительных черт этого приема: мысль, выраженная в нем, образует замкнутый круг. Одно понятие зависит от другого, и отождествление их заводит адресата в тупик.

Обзор фактического материала свидетельствует, что автор использует контрастный метод не только внутри одного афоризма, но и во всем афористическом дискурсе, т.е. дает повод сравнить и сами афоризмы. Рассмотрим контрастное видение отношений к женщине и браку известного афориста К. Тухольского. В следующем примере автор высказывает негативное отношение к представителям женского пола:

Der Mensch gliedert sich in zwei Teile: einen weiblichen, der nicht denken kann und einen männlichen, der nicht denken will. (K. Tucholsky) [Электронный ресурс]

Человек состоит из двух частей: из женской, которая не может думать, и из мужской, которая не хочет думать.

Следующим афоризмом, однако, он выражает противоположное мнение:
Es gibt keinen Erfolg ohne Frauen. (K. Tucholsky) [Электронный ресурс]
Без женщин нет успеха.

Высказывая разное отношение к одним и тем же явлениям, афорист показывает нестандартность своего мировидения, тем самым усиливая парадоксальность всего афористического дискурса. Как видим из примеров, контрастное восприятие окружающей действительности является фундаментальным свойством умственной деятельности языковой личности афориста.

Выделяя контрастный способ изображения действительности, необходимо рассмотреть **риторический контраст**, выражающийся использованием риторических вопросов в афористическом дискурсе. Риторический вопрос представляет определенный интерес для нас, поскольку его функция состоит в том, чтобы привлечь внимание, усилить контраст и впечатление, создать парадоксальность и повысить эмоциональный тон:

Sagt, ist noch ein Land ausser Deutschland, wo man die Nase eher rümpfen lernt als putzen? (G.C. Lichtenberg) [Lichtenberg, 1963, S. 151]

Скажите, есть ли на свете страна, кроме Германии, где задирать нос учатся раньше, чем его прочищать?

Как видим, риторический вопрос, задаваемый читателю, не сопровождается ответом. Это вопрос, задаваемый самому себе и читателю. Несмотря на это, он ставит читателя перед фактом – перед политической проблемой: бесправия, монархического деспотизма, крепостного права и т.д. Исходный пункт афористов – резкая оппозиция ко всем существующим общественным нормам и порядкам. Используя риторический контраст, афорист вовлекает читателя в свои рассуждения и заставляет его самого сделать выводы. Таким образом, автор настраивает читателя на необходимость ответа, который затем сам подсказывает ему и, следовательно, подготавливает ситуацию, когда читатель воспринимает этот ответ как свой собственный, что психологически помогает лучшему восприятию информации о каком-либо новом явлении, к примеру:

Und wenn dir ein Ziegelstein auf den Kopf fällt, bist du ganz sicher, dass es nicht doch deine Schuld war? (A. Schnitzler) [Электронный ресурс]

А если тебе на голову упадет кирпич, будешь ли ты совершенно уверен в том, что это не твоя вина?

Здесь автор подчеркивает нужную мысль и вызывает у читателя необходимую ему оценку сообщаемого. Ответ в афоризме уже подсказан, и риторический вопрос только вовлекает читателя в рассуждение или переживание, делая его более активным, якобы заставляя самого сделать вывод.

Для лучшего понимания смысла риторического вопроса важным является наличие общих для автора и читателя прагматических пресуппозиций, т.е. непосредственно не репрезентируемых общих фоновых знаний [Почепцов, 1975, с. 5]. Е.В. Землянская считает, что, используя общий фонд фоновых знаний, автор также дискредитирует

логику читателя тем, что сознательно допускает несоответствия, «притворяясь», что не знает того, что знает, пытаясь, тем самым, перевести читателя на свою точку зрения [Землянская, 2004, с. 154]. Для убедительности приведем пример:

Ist es nicht sonderbar, dass man zu den höchsten Ehrenstellen in der Welt (König) ohne Examen gelangt, das man von jedem Stadtphysikus fordert? (G.C. Lichtenberg) [Lichtenberg, 1963, S. 276]

Не удивительно ли, что высшие почетные должности (например, королевская) достаются без экзамена, который требуется от любого городского врача?

Так, прагматическими пресуппозициями постановки риторического вопроса является факт знания афориста и читателя того, что попираются элементарные права человека. Учитывая фонд общих фоновых знаний, автор подводит тем самым адресата к ответам на данные вопросы. Кроме тонкой «наводки» автора на нужный ответ он показывает адресату, что это его собственный ответ на риторический вопрос.

Таким образом, метод контраста как способ отражения явлений окружающей действительности является ключом к пониманию парадоксальных афоризмов. Контрастный способ в афористическом дискурсе на синтаксическом уровне проявляется в высокой частоте использования антитезы, поскольку именно этот прием позволяет автору изображать более детально явления объективной действительности, создавать их объемные образы, а также в применении хиазма и риторического контраста, поскольку он воздействует на читателя и убеждает в своей правоте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Землянская, Е. В. Структурно семантические и функциональные особенности стилевой интертекстуальности в англоязычном афоризме [Текст] : дисс. ... канд. фил. наук. / Е. В. Землянская. – СПб., 2004. – 209 с.
2. Квятковский, А. Поэтический словарь [Текст] / А. Квятковский. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
3. Почепцов, Г. Г. Семантическая организация предложения в аспекте пресуппозиции [Текст] : автореф. дисс. ... канд. фил. наук. / Г. Г. Почепцов. – Киев, 1975. – 14 с.
4. Краус, Н. Новые афоризмы на немецком и русском языках [Текст] : учеб. пособие. / Н. Краус. – М. : Астель, 2007. – 127 с.
5. Яшина, Е. А. Некоторые семантико-синтаксические особенности реализации парадокса в художественном тексте [Электронный ресурс] / Е. А. Яшина // URL: <http://www.lingvomaster.ru/files/213.pdf> (дата обращения: 15.02.2009).
6. Aphorismen [Электронный ресурс] // URL: <http://AphorismEn.de>. (дата обращения: 03.05.2008).
7. Lichtenberg, G. C. Aphorismen. Essays. Briefe. [Text] / G. C. Lichtenberg. – Leipzig : Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1963. – 692 S.

Ж.А. Никифорова

Оренбургский государственный университет

This article gives analysis of the rhetorical field of the publicistic text. The object of the research is headlines of newspaper articles.

Структура любой газеты состоит из определённых постоянных элементов, которые переходят из номера в номер без принципиальных изменений. К таким элементам можно отнести заглавие газеты, текст с заголовками и иллюстрациями. Первой и, пожалуй, самой значимой частью газетных текстов является заголовок. Заголовку посвящено огромное количество работ (Алещанова 2000; Желтухина 2004; Лазарева 1985; Лескис 1963, 1964; Майданова 1987; Манькова 2002; Солганик 1980, 1983; Розенталь 1983 и другие). Исследованием функций, структуры и семантики заголовков занимались и лингвисты, и литературоведы, и журналисты.

Целью данной статьи является исследование риторического пространства газетных заголовков.

Материалом исследования послужили заголовочные комплексы, взятые путём сплошной выборки из периодических изданий газеты «Комсомольская правда» за 1960 г. В силу большого объёма материала выборка была составлена следующим образом: нами было взято по одному номеру газеты за каждый месяц 1960 г. Всего 12 газетных номеров и 421 заголовок.

Риторическое пространство газетного заголовка – это пространство текста, в котором сконцентрировано множество избыточных элементов. Под избыточными элементами мы будем понимать стилистические средства выражения экспрессии (тропы и фигуры). По отношению к риторическому пространству, которое имеет дело с организацией избыточных элементов, пространство заголовков, в котором не представлены избыточные элементы, мы будем называть нулевым уровнем текста (термин Р. Барта).

Мы выделяем риторическое пространство текста на тех же основаниях, на которых в тексте выделяются графическое, временное, семантическое и другие пространства, а также согласно деятельностно-онтологической концепции формообразования текста Белоусова К.И. [Белоусов, 2006].

Для риторического пространства текстов газетных заголовков характерна такая черта, как чередование экспрессивных и стандартных языковых средств, которая понимается многими исследователями «как обязательное и прямолинейно-постоянное соотнесение стандартизированных и экспрессивных сегментов речевой цепи, их чередование и контрастирование» [Новохачёва, 2005, с. 23].

Таблица №1. Плотность риторического пространства газетных заголовков за 1960 год

Тропы	инверсия	эллипсис	метафора	метонимия	аллюзия	фразеологизм	гипербол	антонимизация	оксюморон	антитеза	ирония	сентенция
--------------	-----------------	-----------------	-----------------	------------------	----------------	---------------------	-----------------	----------------------	------------------	-----------------	---------------	------------------

инверсия														
эллипсис														
метафора														
метонимия														
аллюзия														
фразеологизм														
гипербола														
антономазия														
эпитет														
оксюморон														
антитеза														
ирония														
сентенция														

По мнению М.Р. Желтухиной, заголовок должен быть кратким и ярким, базироваться на игре слов и концептов, образов, аллюзий [Желтухина, 2004, с. 494]. При этом немаловажную роль играют лексические и стилистические средства оформления заглавия статьи, которые и будут образовывать его риторическое пространство (см. таблицу №1).

Таким образом, плотность риторического пространства заголовков газетных статей «Комсомольской правды» в 1960 г. составляет 29,5% (124 заголовка), а плотность нулевого уровня – 70,5% (297 заголовка).

Риторическое пространство заголовков газетных статей является одним из важнейших компонентов общей композиции газеты, определённым образом структурирует и обогащает ее в стилистическом плане. «Композиция текста, всегда направленная на привлечение читателя, использует яркий экспрессивно-оценочный компонент, отражённый в различных стилистических фигурах, фразеологизмах, идиомах и т.п.» [Темнова, 2004, с. 85-87].

Таблица №2. Частотность употребления экспрессивных языковых средств в заголовках газетных статей за 1960 год

тропы	Абсолютно е значение	Частот ность
Сентенц ия	2	0,014
Ирония	2	0,014
Антитеза	4	0,029
Оксюмор он	4	0,029
Эпитет	16	0,114
Антоном азия	3	0,021
Гипербол а	3	0,021
Фразеоло	5	0,036

гизм		
Аллюзия	7	0,05
Инверсия	35	0,179
я		
Эллипси	20	0,142
с		
Метафор	26	0,186
а		
Метоним	13	0,093
ия		

Экспрессия газетных заголовков достигается такими средствами, как метафора, метонимия, антитеза, аллюзия, эпитет и др. В риторическом пространстве заголовков газеты «Комсомольская правда» нами были выделены следующие избыточные элементы (см. таблицу №2). При определении выразительных средств в заголовках статей в некоторых случаях во внимание принимался и текст статей, так как заголовок и текст статьи всё-таки образуют единое целое в структуре всей газеты. Об этом говорит и Н.М. Вахтель: «Заголовок и текст, несомненно, структурно соотносятся друг с другом. Сложились две крайние точки зрения на характер этого соотношения. С одной стороны, заголовок – это самостоятельный текст, с другой, – он является его элементом» [Вахтель, 2005, с. 29]. Из таблицы №2 видно, что чаще всего в заголовках газетных статей используются такие стилистические средства как инверсия, метафора, эллипсис, эпитет и метонимия. Таким образом, можно сделать вывод, что в газетных заголовках практически в равном соотношении применяются как лексические (метафора, метонимия), так и грамматические (инверсия, эллипсис) выразительные средства. Встречаются также случаи сочетания в одном заголовке нескольких стилистических средств (см. таблицу №3).

Таблица №3. Сочетание экспрессивных языковых средств в заголовках газеты «Комсомольская правда» за 1960 год

Сочетание фигур	Абсолютное значение	Частотность
1 фигура	106	0,85
2 фигуры	19	0,15

Сочетание в одном заголовке нескольких выразительных средств делает его более броским, особенно сильно привлекает к нему внимание читателя и с первых слов вызывает у него интерес к содержанию статьи. Особенно часто это достигается экспрессивным использованием трансформированных фразеологических единиц в сочетании с лексическими стилистическими средствами.

Таким образом, можно утверждать, что экспрессивные языковые средства играют особую роль в оформлении заглавий газетных статей, делая их более яркими, броскими, привлекающими внимание читателей к тексту

статьи. Именно от характера и оформления заголовков в значительной степени зависит, будет ли прочитан тот или иной материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов, К.И. Деятельностно-онтологическая концепция формообразования текста [Текст] : дисс... док. филол. наук / К.И. Белоусов. – Оренбург, 2006.
2. Вахтель, Н.М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика [Текст] : дисс... док. филол. наук / Н.М. Вахтель. – Воронеж, 2005.
3. Желтухина, М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ [Текст] : дисс... док. филол. наук / М.Р. Желтухина. – М., 2004.
4. Комаров, Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации [Текст] : дисс... кандидата филол. наук. – Волгоград, 2003.
5. Новохачёва, Н.Ю. Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – XXI начала веков [Текст] : дисс... кандидата филол. наук. – Ставрополь, 2005.
6. Темнова, Е.В. Функционально-прагматическая роль метафоры в публицистическом дискурсе (на материале английского языка) [Текст] : дисс... кандидата филол. наук. – М., 2004.

ДИСКУРСИВНАЯ ПРАГМАТИКА ДЕЙКСИСА: ФУНКЦИОНЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

М.Ю. Олешков

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
A speaker supports spatial and temporal pragmatics of discourse by actualization of deictic component of utterance. Thus deixis is presumably not only a morphological but a functional and pragmatic category.

В рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания дейксис как условие связности текста рассматривается своеобразным естественным проявлением языкового эгоцентризма, так как любое высказывание – речевое «порождение» говорящего, продукт его коммуникативно-когнитивной практики.

Категория дейксиса относится к важнейшим категориям языковой коммуникации. Дейксис текста/дискурса является референциальным свойством, которое обеспечивает когерентность текста на основе «соотнесения языковых факторов с внеязыковыми объектами» [Падучева, 1996, с. 244]. Универсальность дейксиса заключается в том, что речевой процесс невозможно представить без дейктических единиц: высказывание не может быть реализовано вне указания на пространство и время.

Под дейксисом в лингвистике традиционно понимается функция, соотносящая высказывание с пространственно-временными координатами акта высказывания. История классификаций типов дейксиса восходит к началу XX века. На основе морфологического критерия К. Бругманом были выделены четыре типа: нейтральный дейксис, дейксис с указанием на сферу

говорящего, дейксис с указанием на сферу собеседника, дейксис с указанием на удалённость объекта от говорящего.

В процессе исследования текста как лингвистической единицы способы анализа дейксиса, а соответственно, и его классификации, эволюционировали. Так, Р. Брехт [Breht, 1974, с. 492] выделяет эндофорический и экзофорический виды дейксиса в зависимости от центра ориентации высказывания. Р. Лакофф [Lakoff, 1974, с. 436-347] предлагает делить дейксис на темпорально-локальный, дискурсный и эмоциональный. Д.А. Аксельруд [Аксельруд, 1975, с. 68-69; 86] выделяет ситуативный, включающий личный, пространственный и темпоральный, и текстуальный дейксис, подразделяющийся на идентифицирующий, указательный, актуализирующий, неопределённый, обобщающий, квалитативный, посессивный и квантитативный виды дейксиса.

Ч. Филлмор [Fillmore, 1982, с. 70] описывает личный, пространственный, временной, социальный и дискурсный дейксис. При этом исследователь не связывает дискурсный дейксис непосредственно с текстом. По его мнению, в языке среди средств, выражающих дискурсный дейксис, различаются средства для устного и письменного вариантов языка.

Г. Рау [Rauh, 1983, с. 26] различает экстралингвистический дейксис, дейксис отношения к вымыслу, дейксис конструктивных фантазий, текстовый дейксис, аналогический дейксис, неэгоцентричный дейксис и анафорический дейксис.

К. Бюлер в своей известной работе [Бюлер, 1993], основываясь на функциональном принципе, различает три типа дейксиса: дейксис видимый (указание на то, что находится в поле зрения говорящего), дейксис контекстуальный (анафорический, содержащий указание к ранее употребленному слову) и дейксис представления (указывающий на то, что отсутствует в поле зрения говорящего и не упомянуто в контексте, но известно собеседникам). Персональный, локативный и темпоральный дейксис, который выделяет О.Г. Бондаренко [Бондаренко, 1998, с. 12], непосредственно связан с указанием на компоненты ситуации: коммуникантов, место и время общения.

Несмотря на множество подходов и обилие классификаций дейксиса, в русле современных теорий коммуникации считается очевидным, что говорящий организует высказывание, используя лексические, морфологические, синтаксические и даже фонетические средства, что обеспечивает пространственно-временную прагматику дискурса. Фактически, это и есть актуализация дейктического компонента речевого высказывания. Таким образом, можно считать дейксис категорией не морфологической, а скорее функционально-прагматической. Дейктические компоненты высказывания, определяющие прагматические координаты *кто-где-когда*, служат средствами связи текста с «экстралингвистической» действительностью, обеспечивают субъективность, индивидуальность высказывания.

Важным в понятии дейксиса является и то, что он обеспечивает эффективность акта коммуникации при наличии у коммуникантов общего пресуппозиционального фонда («фоновых» знаний). Выбор дейктических элементов при этом субъективен и определяется интенцией продуцента речи.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий установлена связь референции с дейксисом, которая обусловлена тем, что последний соотносит объекты и ситуации, относительно которых в высказывании осуществляется референция, с пространственно-временной константой *здесь-и-сейчас* [Лайонз, 1978, с. 291].

Известно, что актуализация понятия в речи (соотношение сообщаемого с ситуацией речи, его локализация), предполагает соотнесение действия с моментом речи (время) и в отношении к обозначаемому событию (модальность). Референция как «вид непосредственной связи языкового выражения с предметом в мире» [Лебедева, Черняк, 2000, с. 5] играет при этом важную роль. По мнению П.Ф. Стросона, для осуществления единичной референции необходим контекст высказывания, включающий в себя «время, место, ситуацию, личность говорящего, предмет, который находится в центре внимания, личный опыт говорящего и тех, к кому обращена речь» [Стросон, 1982, с. 55].

В отличие от традиционной семантики, где референция – отношение между словом и объектом неязыковой действительности, в коммуникативной лингвистике можно говорить об «акте референции», имеющем прагматическую основу, так как продуцент речи связывает то или иное слово (высказывание) с определённым объектом реального мира. Более того, границы транзакции, обусловленные процедурным сценарием и видом деятельности коммуникантов, во многом зависят от характера предметно-референтной ситуации.

Референция как коллективное действие, имеющее конвенциональную основу, в прагматическом аспекте коррелирует с пресуппозицией, так как обе эти категории характеризуют механизмы когерентности дискурса и оптимальные условия взаимопонимания субъектов речевого взаимодействия. При этом в случае идентифицирующей референции и говорящий, и адресат предварительно знают обо всех объектах референции, а при сообщении новой для адресата информации можно говорить об интродуктивной референции. В других терминосистемах выделяют ситуативную референцию, или экзофору, и текстуальную референцию, эндофору, в которой содержится указание назад (анафора) и указание вперед (катафора). Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «конкретная референция опирается на пресуппозицию существующего объекта» [Арутюнова, 1990, с. 411].

Предметом нашего исследования являются дейктические значения в институциональном дискурсе. Цель исследования – изучение дейксиса как одного из способов актуализации компонентов речевой ситуации и денотативного содержания в условиях реализации говорящим (учителем) дидактического текста/дискурса на школьном уроке.

Рассмотрим дейктические особенности устного текста говорящего на примере анализа фрагмента урока истории в общеобразовательной школе (речь учителя представлена без редакторской правки).

Так, куда шло распространение греческой цивилизации? И так, мы работаем с картой: вы мне называете – я показываю. Значит распространение она получила вот по берегам Средиземного моря. Это значит, получается, какая часть полуострова Малой Азии? Какая часть? Западная. Западная часть полуострова Малая Азия. Далее. Андрей сказал, что она распространяется на северное Причерноморье. Вот на эту часть. Так, далее куда она распространяется? На карту смотрите: там всё написано на ней. Так. На Пиренейский полуостров, да? Посмотрите, находится здесь Испания. На Пиренейский полуостров. Да? Это получается – на восточную часть Пиренейского полуострова. Так. Дальше. На Апеннинский полуостров. Смотрим на юг Апеннинского полуострова, то есть на юг Италии распространяется. Далее, куда распространяется? В Африку. Да? Посмотрите. На север Африки.

Функции дейксиса в исследуемом фрагменте речи могут быть определены и квалифицированы следующим образом.

Ролевой дейксис выражается местоимениями 1-го и 2-го лица (*мы, вы, мне, я*) и личной формой глагола *показываю*. Обращает на себя внимание тот факт, что все перечисленные актуализаторы используются говорящим в первой части фрагмента, что, вероятно, обусловлено интенцией автора текста – организовать процесс аудирования на должном уровне.

Личные местоимения как дейктические единицы в институциональном дискурсе вообще представляют интересный материал для анализа. В процессе изучения особенностей дейксиса в указанном аспекте появляется возможность выявить специфику идиостиля говорящего (учителя), проявления его индивидуальности. Наблюдения показывают, что в дидактическом дискурсе эксплицированные средства выражения лица, в том числе формы 1-го лица ед. числа встречаются с достаточной регулярностью, играя важную роль.

Указание на предмет речи (локативный дейксис) реализуется посредством использования местоимений третьего лица (*она, на ней*). В меньшей степени представлены актуализаторы, указывающие на степень отдалённости объекта высказывания (указательное местоимение *это*). Указание на временную и пространственную локализацию события или факта (хронотопический дейксис) в данном фрагменте выражается местоименным наречием *здесь* и глагольными формами *работаем, называете, смотрите, посмотрите, смотрим*. Именно глаголы (всего шесть) и их «равномерное» распределение в тексте обеспечивают дейктическую «реализацию» замысла говорящего.

Особую роль выполняет дискурсивный дейксис. Он «сопровождает» речевую ситуацию, говорящий использует его актуализаторы с целью подчеркнуть важность определённых фактов, привлечь внимание слушателей

к конкретной информации, содержащейся в высказывании, выделить существенное из потока повествования и т.п.

Так как дискурсивный дейксис не обладает собственным набором языковых единиц и использует средства других видов дейксиса, то способом его выражения в функциональном аспекте, по нашему мнению, могут считаться актуализаторы специфической природы.

Акцентирующая функция дискурсивного дейксиса реализуется посредством использования говорящим указательно-фиксирующих слов *так, итак* и высказываний-повторов: *Какая часть полуострова Малой Азии? Какая часть? Западная. Западная часть. На Пиренейский полуостров, да? ... На Пиренейский полуостров.*

Метаинформационная функция дискурсивного дейксиса проявляется в употреблении слов *значит, это значит, далее, дальше.*

Реализация **интеррогативной** функции осуществляется в неоднократном использовании говорящим вопросительных конструкций: *Какая часть? Так, далее куда она распространяется? Да?* и др.

Функция фиксации факта (**констатирующая**) выражается в использовании говорящим высказываний «уточняющего» характера: *На Пиренейский полуостров, да? Посмотрите, находится здесь Испания. Смотрим на юг Апеннинского полуострова, то есть на юг Италии распространяется.*

В целом изучение проблем референции и дейксиса имеет не только теоретическую направленность: знание закономерностей построения дискурсов в рамках диалогического взаимодействия позволяет решать задачи, связанные с построением алгоритмов перевода текстов с естественного языка на информационно-логический. Вопросы референции связаны с проблематикой автоматической переработки информации и с современными исследованиями в области искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксельруд, Д.А. Контекстуальные связи односоставных безглагольных предложений в английском языке (на материале произведений В. Шекспира) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Аксельруд. – Ленинград, 1975.
2. Арутюнова, Н.Д. Референция [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В. Н. Ярцева / Н.Д. Арутюнова. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 411.
3. Бондаренко, О.Г. Функционально-семантическое поле дейксиса в современном английском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. / О.Г. Бондаренко. – Ростов-на-Дону, 1998.
4. Бурлакова, В.В. Дейксис [Текст] / В.В. Бурлакова // Спорные вопросы английской грамматики – Отв. ред. В.В. Бурлакова. – Л. : изд-во Ленигр. ун-та., 1988. – С. 74-81.
5. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка [Текст] / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 1993. – 528 с.
6. Лайонз, Д. Введение в теоретическую лингвистику : Пер. с англ. В.А. Звегинцева [Текст] / Д. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 543 с.

7. Лебедев, М.В. Онтологические проблемы референции [Текст] / М.В. Лебедев, А.З. Черняк. – М. : «Логос», 2000. – 243 с.
8. Падучева, Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
9. Стросон, П.Ф. О референции [Текст] / П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 13 : Логика и лингвистика. – М. : Прогресс, 1982. – С. 55-86.
10. Breht, R.D. Deixis in embedded structures [Text] / R.D. Breht // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. – Dordrecht-Holland : D. Reitel Publishing Company, 1974. – Vol. 11, № 4. – P. 489-518.
11. Fillmore, Ch.J. Towards a descriptive framework for spatial deixis [Text] / Ch. J. Fillmore // Speech, Space and Action : Studies in Deixis and Related topics; eds. R. Jarvella, W. Klein. – Chichester, New-York, Singapore : John Wiley & Sons, 1982. – P. 31-59.
12. Lakoff, R. Remarks on this and that [Text] / R. Lakoff // Berkeley Studies in Syntax and Semantics. – L. : The MIT Press, 1974. – P. 345-356.
13. Rauh, G. Aspects of Deixis [Text] / G. Rauh // Essays on Deixis; ed. G. Rauh. – Tübingen : Narr, 1983. – P. 9-60.

СЕМИОТИКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА ПОСТМОДЕРНИЗМА

Н.С. Олизько

Челябинский государственный университет

According to linguo-synergetic approach postmodern belles-lettres discourse, that consists of infinite number of self-like interpretations of some intertextual structures, is realized as a combination of different sign systems, regulation of which is carried out with the help of such fractal self-organization models as concentric circles, spiral, rhizome and tree.

Постмодернистский художественный дискурс, состоящий из бесконечного числа самоподобных представлений некоторой совокупности интертекстуальных структур, предстаёт как хаотическое соединение различных дискурсов и знаковых систем, выводящих произведение на интердискурсивный уровень. Однако учёные, исследовавшие хаос (отсутствие порядка), заметили, что при наличии достаточного числа сложно взаимодействующих элементов на месте хаоса самопроизвольно рождается порядок.

Способность хаоса породить порядок объясняется законом пропорциональной связи целого и составляющих его частей. Деление отрезка на две неравные части, при котором весь отрезок (а), относится к большей части (b), как сама большая часть относится к меньшей (с), называется золотой пропорцией (или золотым сечением, гармоническим делением, делением в крайнем и среднем отношении), а именно:

$$a : b = b : c \text{ или } c : b = b : a.$$

Принцип золотого сечения, который нередко называют симметрией подобия (А.В. Шубников) или динамической симметрией (Дж. Хэмбидж), кодирует математическими символами универсальный природный феномен – принцип резонансного изоморфизма, представляя не только количественно-качественные состояния эстетического объекта, но одновременно и сам процесс перехода от одного качественного состояния к другому, то есть алгебраически выражает динамику роста формы.

Динамическая симметрия, характеризующая рост и развитие, лежит в основе организации фрактальных структур. Многие природные структуры обладают фундаментальным свойством геометрической регулярности, известной как инвариантность по отношению к масштабу, или самоподобие. Если рассматривать эти объекты в различном масштабе, то постоянно обнаруживаются одни и те же фундаментальные элементы. Эти повторяющиеся закономерности определяют дробную, или фрактальную, размерность структуры.

Текст как составляющий элемент дискурса фрактален, во-первых, в силу того, что смысл составляющих его высказываний может включать в себя смысл всего текста, обобщать или заключать в себе схему будущего развития сюжета. Во-вторых, фрагменты ранее созданных текстов (прецедентные феномены), включенные в принимающий текст, не только воспроизводят точную формулировку, напоминают уже имеющийся образ или вызывают соответствующие ассоциации, но и устанавливают иконическое соотношение производимого текста с предшествующим. При этом смысл интертекста, входящего в интердискурсивное пространство семиосферы, представляет собой не конечный фрагмент, а самоподобный бесконечный ряд вложенных друг в друга смыслов-прочтений, актуализирующих процесс самоорганизации художественного произведения.

Принцип динамической симметрии, регулирующий отношения порядка и хаоса в пространстве семиосферы, находит реализацию в следующих моделях фрактальной самоорганизации:

1. Модель концентрических кругов – тенденция симметрии обеспечивает движение «по кругу», асимметрия обуславливает поступательное движение, создающее иллюзию спирали. Данная модель «вложенных» друг в друга иерархических сущностей иллюстрирует многоуровневую структуру постмодернистского художественного дискурса, в рамках которого различные тексты выступают для других как оболочкой, так и их внутренней сердцевиной. Восприятие произведения в виде круга помогает распознавать повторяющиеся структуры, наблюдать процесс взаимодействия автора, текста и читателя как единое целое и определять, как разные «шаги» участников коммуникации, актуализирующие соответствующие интертекстуальные включения, соотносятся с поступательным движением художественного произведения. На интердискурсивном уровне модель концентрических кругов демонстрирует взаимодействие художественного дискурса постмодернизма с семиотическими системами, с одной стороны, обрамляющими

художественный дискурс посредством комментирования особенностей его организации, с другой стороны, составляющими ядерную конструкцию, инициирующую процесс самоорганизации последнего.

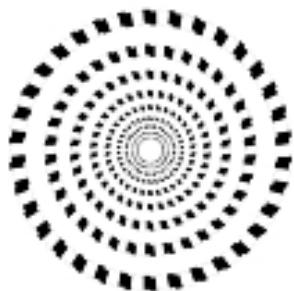

Рис. 1. Фрактальная модель «концентрические круги»

2. Фрактальная модель спирали символизирует развитие и вечное изменение. Спиральные формы встречаются в природе очень часто, начиная от галактик и до водоворотов и смерчей, от раковин моллюсков и до рисунков на человеческих пальцах. Золотая спираль, которая является разновидностью логарифмической спирали, не имеет границ и является постоянной по форме. Из любой точки такой спирали можно двигаться бесконечно или в направлении внутрь, или наружу. Плоская спираль похожа на лабиринт, символизирующий развитие и регресс (возвращение к центру). В так называемой «двойной спирали» саморазвертывание и самоконцентрация связаны в неразрывном единстве, создающем образ «становления и исчезновения» как процесса вечного круговорота. Двойные (зеркально-симметричные) спирали (змеи на кадуцее, даосский знак «инь-ян», двойная спираль молекулы ДНК) символизируют равновесие противоположностей.

Спираль как динамическая система в зависимости от способа рассмотрения может быть либо свернутой, либо развернутой, при этом движение идет или к центру, или, наоборот, из центра. В рамках дискурсивного подхода спираль, будучи графическим изображением неустойчивых интертекстуальных и интердискурсивных отношений, демонстрирует взаимодействие разных текстов, дискурсов и знаковых систем: каждый виток, являясь симметричным отображением соответствующей смысловой единицы, приближает (или удаляет) читателя к точке (от точки) асимметричного перехода одного уровня интерпретации в другой.

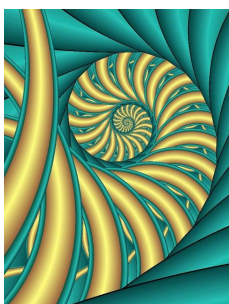

Рис. 2. Фрактальная модель «спираль»

3. Модель «ризомы» представляет собой разветвленную многоуровневую структуру, находящуюся в состоянии динамического изменения. В противоположность любым видам корневой организации, ризома интерпретируется не в качестве линейного «стержня» или «корня», а в качестве «клубня» или «луковицы» – как потенциальной бесконечности, имплицитно содержащей в себе «скрытый стебель» [Никитина, 2006, с. 185]. Принципиальное отличие заключается в том, что подобный стебель-клубень может развиваться куда угодно и принимать любые конфигурации, так как ризома абсолютно нелинейна.

Ризоморфные дискурсивные среды обладают имманентным креативным потенциалом самоорганизации. Речь идет о нелинейной открытости художественного дискурса постмодернизма, обусловленной действием системообразующих категорий интертекстуальности и интердискурсивности.

Рис. 3. Фрактальная модель «ризомы»

4. Модель дерева выступает символом жизни, плодородия, творчества. Данная модель объединяет описанные выше фрактальные модели концентрических кругов, переходящих в спираль, и ризомы. В рамках дискурсивного подхода дерево ассоциируется с художественным произведением, которое «корнями» уходит в семиосферу и «питается» авторскими идеями. Кольца ствола символизируют приращение дискурсов, находящихся в динамической симметрии, ветви обозначают возможные варианты интерпретации эмерджентных интертекстуальных и интердискурсивных отношений.

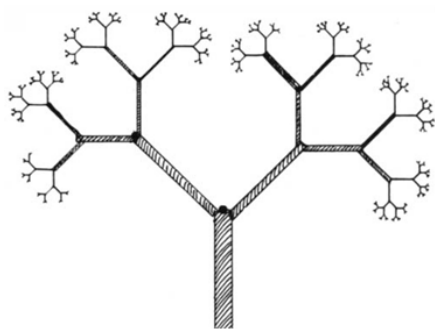

Рис. 4. Фрактальная модель «дерево»

Представленные модели отражают ведущие синергетические принципы организации художественного дискурса постмодернизма: в основе модели концентрических кругов лежит иерархичность, в основе спирали –

неустойчивость, в основе ризомы – нелинейность, в основе древа – эмерджентность (при этом все указанные модели характеризуются симметричностью/асимметричностью и открытостью). Предложенная типология моделей фрактальной самоорганизации постмодернистского художественного дискурса, демонстрирующая основные (универсальные) способы реализации самоподобных отношений, в дальнейшем может быть расширена в связи с тем, что каждая модель распадается на несколько видов, выражающих соответствующие особенности представления практического материала.

Подводя итог, отметим, что каждое новое прочтение даёт возможность привлекать к интерпретации постмодернистского произведения практически неограниченное количество смысловых элементов, связанных с доминантным смыслом. При этом свойство самоподобия, обеспечивая выполнение закона единства в многообразии, порождает целостное восприятие художественного произведения, состоящего из набора разрозненных цитат, аллюзий, реминисценций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина, Е.С. Семиотика [Текст] : курс лекций / Е.С. Никитина. – М. : Академ. Проект : Трикста, 2006. – 528 с.
2. Шубников, А.В. Симметрия в науке и искусстве [Текст] / А.В. Шубников, В.А. Копчик. – 3-е изд., доп. – М. : Ин-т компьютер. исслед., 2004. – 560 с.
3. Hambidge, J. The elements of dynamic symmetry [Text] / J. Hambidge. – Edition 3, illustrated. – Dover Publications, 1967. – 133 p.

ВИЗУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ИЗУЧЕНИИ ДИСКУРСА

Н.Н. Оломская

Кубанский государственный университет, Краснодар

This article is dedicated to the problems of mass media influence through visual communication. Visual images stay longer in individual and social memory and they become the important instrument of individuals' ascendancy. Visual communication is an important feature of discourse study.

В современном информационном обществе информация становится не только предметом или средством достижения тех или иных целей, но, в результате общемирового характера информационных процессов, является основным фактором воздействия на все стороны жизни и деятельности общества.

В этой связи, в современной лингвистике всё большее значение приобретает теория дискурса, поскольку лингвопрагматика определяет дискурс как категорию, имеющую социальное содержание, акцентирующую внимание, прежде всего на динамичном, развивающемся во времени характере языкового общения. Важным фактором, влияющим на адекватное восприятие информации, является контекст социокультурной ситуации, так как «мы выбираем слова и выражения, которые создают или порождают тот

контекст, в котором мы хотели бы видеть свои высказывания» [Блакар, 1987, с. 110].

Речевые модификации существуют благодаря индивидуальному когнитивному состоянию, в котором находятся конкретные носители языка [Рассел, 1982, с. 31]. При этом неизменно возникает важный вопрос внутреннего контекста, т.е. контекста, ограниченного рамками высказывания. Изучение непрозрачного употребления именуемых выражений (понятие непрозрачности / прозрачности дескрипции, введенное Б. Расселом [Рассел, 1982], подразумевает то, что сквозь значение выражения просвечивает / не просвечивает тот объект, на который оно указывает), например, имён собственных и дескрипций, когда подстановка однореферентных выражений с сохранением истинности невозможна, было предложено У.О. Куайном [Куайн, 1982], который определил три типа отступлений от принципа взаимозаменяемости подобных именуемых выражений. Взаимозаменяемость невозможна, если имя указывает не на объект действительности, а на самое себя. Такое употребление типично для высказываний, предметом которых является сам язык (его слова и предложения).

В современном информационном обществе, как правило, участники коммуникативной ситуации успешно вербализуют действительность, поскольку слово не только является средством языкового общения, но и может формировать саму ситуацию. Вместе с тем, важной особенностью воздействия средств массовой информации является визуальная коммуникация, поскольку визуальные проявления не требуют объяснений и комментариев, так как влияют, прежде всего, на индивидуума независимо от его сознания. Кроме того, информация – это реальный самостоятельный продукт, влияющий на результат коммуникативной ситуации. Г.Г. Почепцов приводит преимущества визуального канала информации. Во-первых, визуальные сообщения не требуют перевода. Во-вторых, зритель лучше всего запоминает именно визуальные сообщения. В-третьих, при визуальной коммуникации объем информации значительно больше. Кроме того, визуальные сообщения проще преодолевают барьер недоверия коммуникантов, поскольку рассматриваются как неотредактированные [Почепцов, 2006, с. 518].

Визуальная коммуникация предполагает передачу конкретной информации в рамках ситуации общения, а также включает в себе дополнительную контекстуальную нагрузку. Г.Г. Почепцов приводит пример из недалекого прошлого, когда на домах во многих российских городах находились аршинные буквы «Слава КПСС», что иллюстрирует переход вербального текста в визуальный в целях воздействия на социум. Таким образом, вербальный текст несет в себе дополнительную нагрузку при переходе в визуальный; он переходит в разряд текста-напоминания, а не текста-сообщения [Почепцов, 2006, с. 236]. Вербальный текст носит более сложный характер, однако, вместе с тем, вербальные и визуальные

проявления являются некими абстракциями, которые принимают ту или иную форму для адекватного восприятия коммуникантами.

К сожалению, анализ визуальных реализаций и их контекстных форм встречается гораздо реже, чем анализ содержания вербальных текстов. Тем не менее, структурный анализ именно визуальных форм необходимо проводить на основе исследования не только текста, но и образных составляющих высказывания, при этом важно использовать особые методы этой интерпретации. Визуальная реализация коммуникативного сообщения, как и любая другая, является продуктом культуры данного социума, поэтому исследование визуальной коммуникации и ее контекстных проявлений в глобальных системах коммуникаций возможно с учётом визуальных образов, символов, знаков, а также социальных представлений индивидуумов, в сознании которых коммуникативные намерения, визуальные образы, способы восприятия совпадают с контекстными проявлениями передаваемой визуальной информации. В том случае, если произойдёт нарушение этих условий визуальной коммуникации, коммуниканты не смогут декодировать полученную информацию. Учитывая тот факт, что адекватная интерпретация визуальной коммуникации зависит от принятых в социуме коллективных представлений и мнений, на которые опирается индивидуум, следует признать тот факт, что универсального смыслового кода визуальной коммуникации не существует, поскольку, несмотря на всё возрастающие формы передачи информации, в разных социумах существуют определённые различия в восприятии информационного поля. Тем не менее, исследование визуальной коммуникации и ее контекстных форм в общемировых системах коммуникации является одним из наиболее эффективных методов поиска и изучения общепринятых культурно-социальных представлений социума, поскольку в современном мире в любой сфере социальной жизни общества происходит ориентация, прежде всего, на визуальные образы событий. Таким образом, визуальная коммуникация на вторичном уровне дискурса происходит с помощью особых коммуникативных методов (семиотических, идеологических, визуальных, лингвистических), поэтому адекватное восприятие визуальных образов, создаваемых политиками, кинематографом, рекламой и пр., оказывают влияние на формирование политических, этнических, социальных, гендерных факторов общественной жизни социума.

В современной стремительно меняющейся реальности происходит избыток визуальной риторики, а так же эмоционально насыщенными визуальными образами и высказываниями, основанными на возрастающей потребности социума. Визуальная коммуникация предполагает минимальное декодирование информации для более полного ее восприятия. Однако в современных средствах массовой информации такое декодирование вызывает определённые трудности, поскольку происходит перенасыщенность графическими средствами изображения при передаче информации индивидууму. Тем не менее, профессионально сориентированная визуальная информация адекватно воспринимается социумом и не требует дополнительных усилий в ее дешифровке.

Исследование визуальной коммуникации является одним из эффективных способов получения, обнаружения и распространения информации в социокультурной ситуации и является частью социокультурной коммуникации в целом. Кроме того, визуальные образы дольше сохраняются в индивидуальной и социальной памяти и становятся, своего рода, инструментом воздействия на индивидуум. Таким образом, визуальная коммуникация представляет собой не только дополнительный канал получения информации, но и является важной составляющей в изучении дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М., 1976. – 384 с.
2. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального воздействия. – М., 1987.
3. Рассел, Б. Дескрипции [Текст] / Б. Рассел // НЗЛ. – Вып. 13. – М., 1982.
4. Куайн, У.О. Референция и модальность [Текст] / У.О. Куайн // НЗЛ. – Вып. 13. – М., 1982.
5. Почепцов, Г.Г. Имиджелогия [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М., 2006. – 575 с.

КОМПОЗИЦИЯ ГРАФИЧЕСКОГО И ВЕРБАЛЬНОГО ТЕКСТА: МЕХАНИЗМЫ МЕЖСЕМИОТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е.А. Подтихова

Оренбургский государственный университет

The article deals with verbalization mechanisms of graphic text during reception: positional succession of graphic text objects in verbal text is in focus.

Данная статья посвящена изучению механизмов межсемиотической трансформации. О таких трансформациях говорил, в частности, Г.Г. Почепцов, отмечавший, что «сообщение на любом другом языке может быть переведено на естественный язык» [Почепцов, 2002, с. 47]. При этом под «другими» языками понимаются различные языки культуры (язык музыки, живописи), при помощи которых создаются различные типы текстов (*музыкальный, графический*). Продуктом естественного языка является *вербальный текст*.

Нас будет интересовать семиотическая пара «графический текст – вербальный текст». Графический и вербальный тексты сближаются между собой по многим критериям. Во-первых, они имеют набор основных единиц (словарь) и правила их сочетания (грамматику) [Елина, 2003, с. 32]; во-вторых, они обнаруживают сходство в пространственно-временной организации [Ритм..., 1974]; в-третьих, в обеих системах действуют универсальные законы формообразования, в частности, принцип золотого сечения, который является основой организации как графических (произведения живописи) [Ковалев, 1989], так и вербальных (произведения литературы) [Белоусов, 2005, с. 98] текстов.

Трансформация текстов любого языка предполагает наличие реципиента и участие его сознания в данном процессе, так как естественным языкам

свойственно классифицирующее «вторжение» мышления в каждый семиотический акт [Гак, 1998, с. 211]. Мы полагаем, что экспериментальное изучение процессов трансформации текстов разной семиотической природы возможно, в частности, на материале вербального воспроизведения (описания) графических текстов – картин. В связи с этим мы воспользовались методикой, применённой К.И. Белоусовым для анализа текстов-описаний картины «Дети в лесу» [Белоусов, 2005, с. 128].

В 2008 году было проведено исследование с участием 37 студентов факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета. Студентам было предложено сделать описание картины И. Левитана «Свежий ветер. Волга» (рис. 1).

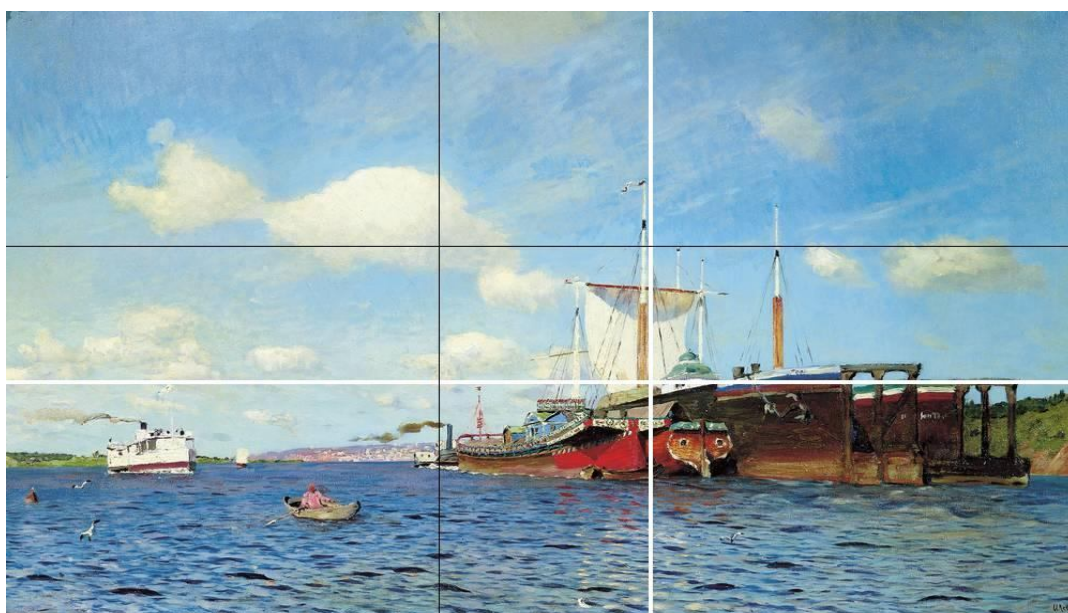

Рис. 1. Картина И. Левитана «Свежий ветер. Волга»

Примечание: на рисунке частично воспроизводится композиционное строение картины (отмечены линии золотого сечения, обозначенные Ф.В. Ковалевым [Ковалев, 1989, с. 72]).

В результате проведённого эксперимента были получены 37 текстов-описаний. Поскольку каждый из изображённых объектов в сочинениях обозначался разными способами (например, «корабль», «парусник», «судно» и т.д.), была проведена инвентаризация всех объектов с целью их единообразной маркировки. Для выделения и обозначения объектов на картине мы, с одной стороны, воспользовались профессиональными интерпретациями данной картины, с другой стороны учитывали то, как называют изображённые объекты сами информанты, а также дополняли список объектами, изображёнными на картине, но не упомянутыми ни искусствоведами, ни информантами.

Представлял интерес порядок следования и композиция изображённых на картине объектов в вербальном тексте. Анализ сочинений проводился на

основе метода позиционных срезов, с помощью которого объект описания, встречающийся в тексте сочинения, помещался на координатной оси от 0 до 1.

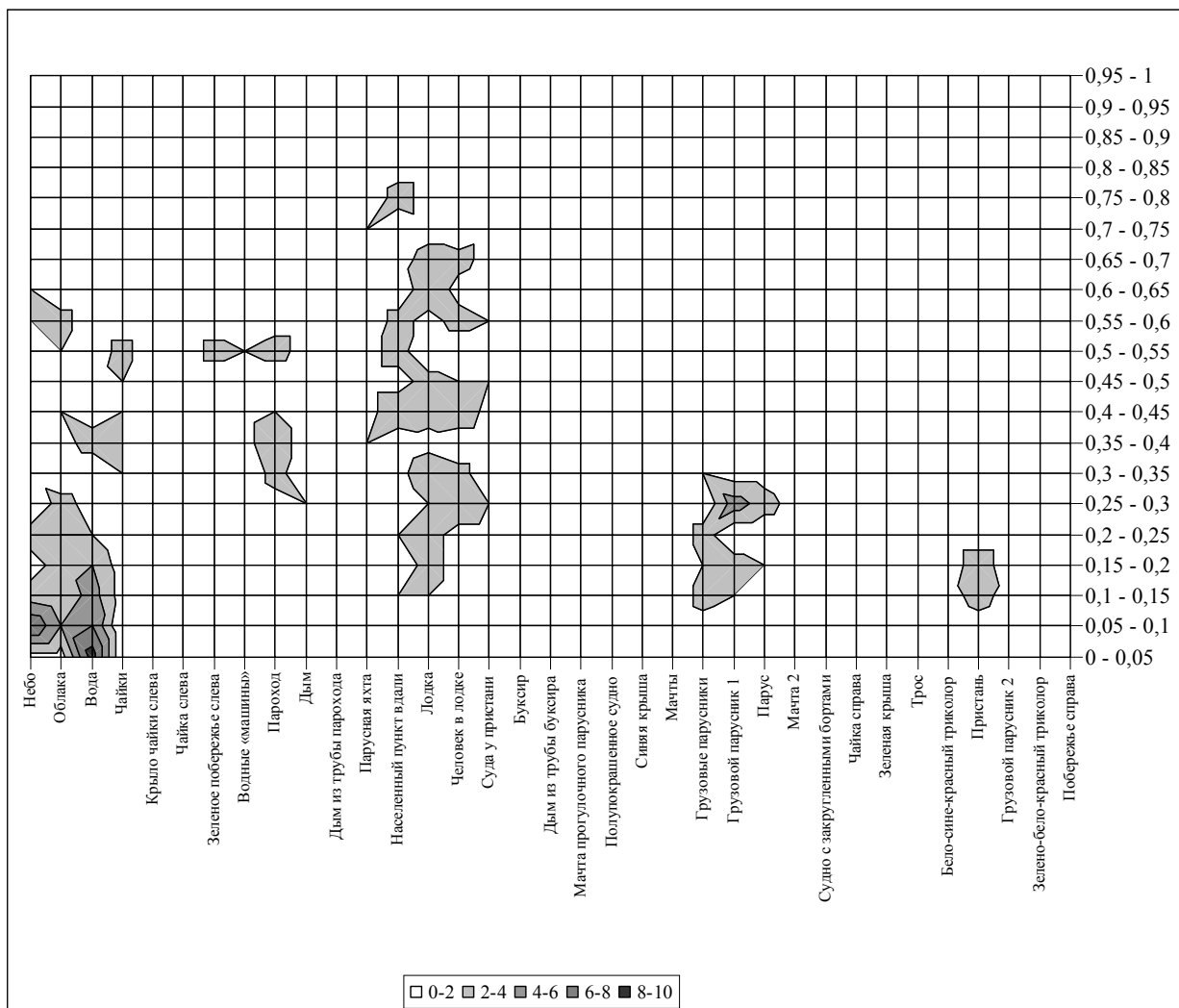

Рис. 2. Порядок распределения объектов графического текста в вербальном тексте

В результате анализа работ были получены данные, графически представленные на рис. 2. На графике отражена зависимость частотности упоминания объектов от их расположения в тексте. Например, объект «Вода» наиболее часто располагается в интервале 0-0,05 (частотность упоминания объекта выражена интенсивностью цветового обозначения), а объект «Грузовой парусник 1» – в интервале 0,25-0,3.

Цель данной графической репрезентации – наглядно отобразить порядок появления изображённых объектов в вербальном тексте, что позволяет сделать выводы о последовательности вербализации объектов, изображённых на картине. Так, мы видим, что описание картины начинается с воды, затем информанты описывают небо. То есть в первую очередь очерчиваются границы «верх-низ».

Следует отметить, что на картине изображение неба занимает гораздо большую площадь, чем изображение воды. Вследствие этого, тот факт, что информанты начинают описывать картину с воды, представляется нам

примечательным. Название реки («Волга») присутствует в самом названии пейзажа. Похожие результаты наблюдались и в процессе вербализации картины А. Иванова «Явление Христа народу», где описание также начиналось с объекта, упомянутого в заглавии – Иисуса Христа [Подтихова, 2007, с. 105]. Возможно, именно заглавие графического текста определяет начальный объект вербализации.

Далее объекты описываются справа налево. Если мы обратимся к самой картине (рис.1), то увидим, что направление описания – от более крупных объектов к более мелким и удалённым. Специфика описания пейзажа, таким образом, отличается от специфики описания картины сюжетного жанра, где процесс вербализации, наоборот, протекает слева направо [Там же]. Это может быть связано с необходимостью «прочитать» сюжетную картину (а чтение в европейской культуре осуществляется слева направо) и, наоборот, с отсутствием такой необходимости при описании пейзажа ввиду отсутствия сюжета, действия.

Итак, в процессе вербализации пейзажа прежде всего очерчиваются границы «верх-низ», причём описание начинается с объекта, упомянутого в заглавии, что «роднит» процесс вербализации пейзажа и сюжетной картины. Направление процесса вербализации, наоборот, обнаруживает отличия в специфике восприятия пейзажа и сюжетной картины: в отличие от сюжетной картины, пейзаж описывается справа налево, от более крупных объектов к более мелким.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов, К.И. Введение в экспериментальную лингвистику [Текст]: Учеб. пособие. / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 136 с.
2. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
3. Елина, Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Е.А. Елина. – Волгоград, 2003. – 382 с.
4. Ковалев, Ф.В. Золотое сечение в живописи [Текст]: Учеб.пособие. / Ф.В. Ковалев. – К.: Выща шк. Головное изд-во, 1989. – 143 с.
5. Подтихова, Е.А. Композиция графического и вербального текста: проблемы трансформации [Текст] / Е.А. Подтихова // Вестник Оренбургского государственного университета. № 11. – Оренбург, 2007. – С. 102-108.
6. Почепцов, Г.Г. Семиотика [Текст] / Г.Г. Почепцов. - М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2002. – 432 с.
7. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве [Текст] / под. ред. Б.Ф. Егорова. Издательство «Наука». Ленинградское отделение. Ленинград, 1974. – С. 11-25.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ Ф. КАФКИ В ЕГО ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ

О.Ю. Подъяпольская
Челябинский государственный университет

The Following article is dedicated to the analysis of F. Kafka's language in his epistolary texts. This analysis discovers major stylistic differences of literary works of the writer.

Обращение к рассмотрению характера манифестации языковой личности Ф. Кафки в эпистолярном наследии обусловлено прежде всего тем, что эпистолярный текст как преимущественно личностная форма представления авторства наиболее наглядно проявляет индивидуально обусловленные черты языковой личности в ее реальном историческом бытии. Переписка занимала значительное место в жизни Ф. Кафки. Его эпистолярное наследие составляет около 16 тыс. писем, многие из которых представляют собой достаточно большие по объёму тексты (например, письмо к Фелице Бауэр от 27 октября 1912 года, написанное от руки на 22 страницах (см. комментарий к Kafka, 1999, с. 536)).

Ф. Кафка родился и жил в Богемии (Чехии) и немецким языком владел наравне с чешским (немецкий язык был родным языком его матери – Юлии Кафка). Богуслав Гавранек так пишет о языковой ситуации в Чехии XIII – начала XX веков: «В прошлом на чешской территории существовало чешско-немецкое двуязычие, распространявшееся, однако, не на весь народ, а только на его часть» [Гавранек, 1999, с. 59].

Билингвизм Ф. Кафки проявляется в том, что его письма содержат как целые высказывания на чешском языке, так и отдельные слова. Так, в переписке с Миленой Есенской встречаем: «*Aber bestehen bleibt doch nur das Urteil wie Du es hinschreibst: **nebude toho nikdy** ... («этого не будет никогда»)» (здесь и далее пассаж на чешском языке выделен нами. – О.П.) [Kafka, 1997, с. 214]; «*Ich werde also die Frage „strach - **touha**“ («страх-мечта») beantworten» [Kafka, 1997, с. 196]; «*Da, das wollte ich noch sagen: es steht eine große Wahrheit (unter andern Wahrheiten) in Deinem Brief: **že vlastné ty jsi člověk který nemá tušení o tom** («собственно, ты и есть тот человек, который ничего не понимает»)» [Kafka, 1997, с. 135] и др.***

Немецкий язык Богемии начала XX века являлся языком господствующего класса, и владение им было показателем высокого социального статуса в обществе и необходимым условием карьерного роста. Поэтому многие еврейские семьи сознательно прививали детям немецкий язык. Однако немецко-говорящее население Богемии проживало изолированно от остальной части носителей немецкого языка. Кроме того, доминирующим языком Богемии был всё же чешский язык. Так, например, в 1910 году немецко-говорящее население составляло всего 4,5% [Skála, 1966, с. 91]. Данные факты в определённой мере повлияли на своеобразие немецкого языка Богемии. Один из исследователей так описывает данный язык: «Немец внутри Богемии, окружённый чешским населением, говорит на «сухом», казенном языке. Язык не самобытен, беден диалектными формами» [Dietz, 1990, с. 20]. Немецкий язык Богемии часто называли «чистым» языком (в смысле бедности просторечными грамматическими и лексическими формами).

Действительно, письма Кафки не содержат какие-либо диалектные выражения и достаточно бедны разговорными формами, что характерно для языка немецко-говорящей интеллигенции Праги. Высоким социальным статусом данной социальной группы можно объяснить приверженность литературной норме в целом, что выражается, например, в соблюдении характерного для немецкого языка нормированного порядка слов, употреблении преимущественно полных предложений, стилистически немаркированных морфологических форм, литературно-книжной лексики:

Некоторая «небрежность» (отступление от литературной нормы) в языке частных писем Ф. Кафки проявляется в небрежности пунктуации, в редукции окончаний глаголов и прилагательных, в нарушении нормированного порядка слов, вынесении некоторых членов предложения за глагольную рамку, в использовании неполносоставных предложений, в слиянии предлога и артикля.

В следующем примере не выделены запятыми однородные члены предложения, обращение, придаточное дополнительное. Кроме того, используется неполная конструкция («nur schade»: nur ist es schade): «*Ich freue mich mein lieber Max über Dein Glücklichein über Euer aller Glücklichein, nur schade daß es Euch nicht ein bißchen gesprächiger macht*» (к Максу Броду, начало сентября 1908 г.) [Kafka, 1999, с. 88]. Отсутствие запятой может также свидетельствовать о непосредственном, спонтанном характере данного высказывания.

Как уже отмечалось, немногочисленно представлены в письмах Ф. Кафки элементы разговорной лексики: «*verschiedener Krimskrams*»; «*im Husch*» (к родителям от 2 – 7 февраля 1924 г.) [Kafka, 1993, с. 57, 58]; «*Du verfluchter Kerl*» (к Паулю Кишу от 5.12. 1903 г.) [Kafka, 1999, с. 32]; «*ich habe nur so herumgefuchelt*» (к Максу Броду от 19.02.1912 г.) [Kafka, 1999, с. 152] и др.

В начале XX века Богемия находилась в составе Австро-Венгрии, что нашло отражение в употреблении слов, входящих в лексический состав австрийского национального варианта немецкого языка: «*heuer*» (нем. «*heute*», «*heutzutage*», «*in diesem Jahr*») (к родителям от 23.11.1923 г.) [Kafka, 1993, с. 43]; «*bis zum 10. Jänner*» (нем. «*Januar*») (к родителям от 19.12.1923 г.) [Kafka, 1993, с. 44]; «*Nun habe ich mich aber verplauscht*» (нем. «*schwätzen*») (к родителям, начало ноября 1923 года) [Kafka, 1993, с. 37] и др. Данные явления не могут быть причислены к диалектизмам, поскольку они представляют собой австрицизмы, являющиеся принадлежностью австрийского национального варианта внутри немецкого литературного языка (см., например, Ризель, 1963, с. 93).

Исторически обусловленным является использование устаревшей (с точки зрения современного читателя) лексики: «*aus der Elektrischen*» / «из трамвая» (к Фелице Бауэр от 11.11.1912 г.) [Kafka, 1999, с. 226]; «*unter Frauenzimmern*» / «среди женщин» (к Максу Броду от 23 августа 1905 года) [Kafka, 1999, с. 43]; «*Fräulein*» / «фрейлейн» (к Фелице Бауэр от 20.09.1912 года) [Kafka, 1999, с. 170] и др.

Так как рассмотрению подвергается письменный вариант языка, то нам представляется необходимым отметить некоторые особенности орфографии писем, которые также выявляют исторически обусловленные черты. Например: «*ich werde die Thür aufmachen*» (ср. с современным «Tür») (к Паулю Кишу от 7.02.1903 г.) [Kafka, 1999, с. 22]; «*die citierte Briefstelle*» (ср. с современным «die zitierte Briefstelle») (к Софи Фридманн от 18.10.1912 г.) [Kafka, 1999, с. 183]; «*Und doch führten Sie dieses scheinbar Unrettbare wie eine Heldin zuende*» (ср. с современным «zu Ende führen») (к Фелице Бауэр от 27.10.1912 года) [Kafka, 1999, с. 195] и др.

Орфографические особенности немецкого языка Австрии проявляются в слитном написании сочетаний «nachhause» и «zuhause»: «*und ich gieng nachhause*» (к Хедвиге Вейлер, конец октября 1907 г.) [Kafka, 1999, с. 77]; «*Beim Aus-dem-Haus-treten sagte die Köchin, sie werde dem Lehrer erzählen, wie unartig ich zuhause gewesen bin*» (к Милене Есенской от 21.06.1920 г.) [Kafka, 1997, с. 71].

Кроме того, относительно графического уровня языка индивидуально обусловленным является полное пренебрежение буквой «ß» (см. комментарий к Kafka, 1993, с. 137; Kafka, 1997, с. 415). Однако при публикации переписки написание «ß» было восстановлено в соответствии с современными правилами немецкой орфографии там, где это требуется для облегчения процесса восприятия.

Среди других особенностей языка писем Ф. Кафки, обусловленных индивидуальностью автора, следует отметить следующие. С точки зрения синтаксиса основу писем Ф. Кафки составляют разнообразные по длине и структуре предложения: от простых полных или неполных синтаксических конструкций до объёмных сложных предложений. Так, в рукописном варианте письма к Макс Броду от 17 сентября 1911 года одно из предложений содержит почти 20 строк (см. комментарий к Kafka, 1999, с. 496).

Рассмотрим еще один пример: «*Wenn ich Deinen Brief überdenke – ich habe ihn erst einmal gelesen – das was Du über Deine Gegenwart und Zukunft schreibst, das was Du über Deinen Vater schreibst, das was Du über mich schreibst, so ergibt sich doch nur das was ich schon einmal sagte mit großartiger Deutlichkeit, nämlich daß Dein eigentliches Unglück ich, kein anderer, nur ich bin – wobei ich einschränke: Dein äußerliches Unglück – denn wäre ich nicht, wärest Du vielleicht schon vor einem Vierteljahr von Wien fortgegangen und wenn nicht vor einem Vierteljahr, so jetzt gewiß*» (к Милене Есенской от 7.08.1920 г.) [Kafka, 1997, с. 192].

Данная цитата представляет собой сложное синтаксическое образование (сложноподчинённое предложение), в состав которого входят различные виды придаточных предложений (придаточное времени, придаточное определительное, придаточное дополнительное, придаточное причины, придаточное условия). Кроме того, автор использует вставные конструкции («– ich habe ihn erst einmal gelesen –»), « – wobei ich einschränke: Dein äußerliches Unglück – »).

В частной переписке Ф. Кафки широко применяются образные средства языка: сравнения, различные виды метафоры и метонимии, эпитеты, другие средства создания образности. Примером яркой развернутой метафоры служит следующая выдержка из письма к Милене Есенской от 14 сентября 1920 года, в которой создается живописный образ дикого зверя, прирученного возлюбленной, но тоскующего по свободе: *«Aber wie ist es möglich? Fragst Du. <...> Was tue ich?»*

Es ist etwa so: ich, Waldtier, war ja damals kaum im Wald, lag irgendwo in einer schmutzigen Grube <...> da sah ich Dich draußen im Freien, das wunderbarste was ich je gesehen hatte, ich vergaß alles, vergaß mich ganz und gar, stand auf, kam näher ängstlich zwar in dieser neuen und doch heimatlichen Freiheit, <...> Du warst so gut, ich duckte mich bei Dir nieder, als ob ich es dürfte <...> ich war so glücklich, so stolz, so frei, so mächtig, so zuhause <...> aber im Grunde war ich doch nur das Tier, gehörte doch nur in den Wald <...> Du mußttest und wenn du auch mit der gütigsten Hand über mich hinstrichst Sonderbarkeiten erkennen, die auf den Wald deuteten <...> es kamen die notwendigen, notwendig sich wiederholenden Aussprachen über die „Angst“, die mich (und Dich, aber dich unschuldig) quälten <...> Ich erinnerte mich daran wer ich bin <...> ich hatte den Traum-Schrecken (irgendwo wo man nicht hingehört, sich auszuführen, als ob man zuhause sei) diesen Schrecken hatte ich in Wirklichkeit, ich mußte zurück ins Dunkel <...> ich war verzweifelt, wirklich wie ein irregegangenes Tier, ich fing an zu laufen wie ich nur konnte» [Kafka, 1997, с. 262].

Данная цитата даже и в несколько сокращённом виде передаёт и сложность синтаксической структуры текста, и особую выразительность языка. Нужно отметить, что активное использование повторов, перечислений, структурного параллелизма, риторических вопросов и других синтактико-стилистических фигур и приёмов составляет одну из характерных черт языка писем Ф. Кафки.

Яркий пример перечисления представляет следующая выдержка из письма к Фелице Бауэр от 21 ноября 1912 года. Не открыто, не явно, через отрывочные детали повседневной жизни, через ощущения, очень выразительно и глубоко описывается душевное состояние, которые испытывает адресант, ожидая писем от возлюбленной: *«Aber begreife nur meine Sorge um Dich, die schreckliche Ungeduld, das Brennen des einen Gedanken in meinem Kopf, die Unfähigkeit, auch nur das Geringste damit nicht zusammenhängende auszuführen, dieses Leben im Bureau, die Blicke immerfort auf die Tür gerichtet, hinter den geschlossenen Augen im Bett die unerträglichsten Vorstellungen, das Schlafwandeln und gleichgültige Stolpern auf den Gassen, das Herz, das nicht mehr klopft, sondern nur eine zerrende Muskel ist, das halbzerstörte Schreiben – begreife das alles und sei nicht böse» [Kafka, 1999, с. 248].*

Поэтичность данного отрезка текста создаётся и другими выразительными средствами: например, метафорами («das Brennen eines Gedanken im Kopf», «das Herz, das nicht mehr klopft, sondern eine zerrende Muskel ist»), эпитетами («gleichgültige Stolpern», «die schreckliche Ungeduld»),

«unerträgliche Vorstellungen»), структурным параллелизмом, создающим рамку всему отрезку («Aber begreife nur meine Sorge <...> begreife das alles»), а также ритмикой самого перечисления.

Вышеприведённые примеры показывают, что образ как способ отражения мира представляет собой характерную черту языковой личности Ф. Кафки. Для него важна, прежде всего, образная сущность излагаемых фактов, их субъективная оценка, что и находит отражение в языке писем.

Как видно, язык писем Ф. Кафки нельзя назвать «сухим», «канцелярским», как характеризуется немецкий язык Праги (и Богемии в целом) начала XX века, а также как определяют язык литературных произведений Ф. Кафки многие исследователи. Язык эпистолярия Ф. Кафки может быть охарактеризован как «глубоко личностный литературный язык» («allerpersönlichstes Hochdeutsch»), как описал его сам Кафка и посредством которого пытался избежать «языкового середничества» («sprachlichen Mittelstand») [Dietz, 1990, с. 19]. Ф. Кафка творчески использует «бедность» немецкого языка Богемии, придавая ему неповторимую выразительность через своеобразный отбор и комбинирование языковых средств. Данный факт дает нам право утверждать, что в переписке Ф. Кафки (в первую очередь, частной) и в его художественных произведениях манифестируются разные стороны его языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавранек, Б. К проблеме смешения языков [Текст] / Б.Г. Гавранек // Зарубежная лингвистика. – М. : Прогресс, 1999. – Т. 3. – С. 56-73.
2. Ризель, Э.Г. Стилистика немецкого языка [Текст]: учебник на нем. яз. / Э.Г. Ризель // М. : Высш. шк., 1963. – 481 с.
3. Сиротинина, О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление [Текст] / О.Б. Сиротинина // Термин и слово : Межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Г. Н. Головина. – Отв. ред. Р.Ю. Кобрин. – Н. Новгород, 1997. – С. 7-12.
4. Dietz, L. Franz Kafka [Text] / L. Dietz // Verlag J. B. Metzler, 1990. – 170 s.
5. Kafka, F. Briefe an die Eltern aus den Jahren 1922-1924 [Text] / F. Kafka // Hrsg. von J. Čermák, M. Svatoš. – Frankfurt a. M. : Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1993. – 143 s.
6. Kafka, F. Briefe an Milena. Erweiterte und neu geordnete Ausgabe [Text] / F. Kafka // Hrsg. von J. Born, M. Müller. – Frankfurt a. M. : Fischer Taschenbuch Verlag, 1997. – 424 s.
7. Kafka, F. Briefe 1900-1912 [Text] / F. Kafka // Hrsg. von H.-G. Koch. – Frankfurt a. M. : S. Fischer Verlag GmbH, 1999. – 688 s.
8. Skála, E. Das Prager Deutsch [Text] / E. Skála // Zs. für dt. Sprache, 1966. – № 22. – S. 84-91.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПРЕДВЫБОРНО-АГИТАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Л.С. Полякова
Магнитогорский государственный технический университет

The article outlines the problem of using gender stereotypes in the political discourse. Gender stereotypes are being analyzed on the example of Ukrainian election speeches. The author distinguishes the following stereotypes: "Warrior", "Conqueror", "Housekeeper" that are characteristic to men's political speech. Gender stereotypes: "Mother", "Housekeeper" are typical to women's political speech.

Еще до недавнего времени наблюдалось ограниченное внимание к использованию гендера в политических коммуникациях, включение гендерных стратегий в политические тексты происходило либо на имплицитном уровне, либо в малых количествах, и поэтому часто оставалось за рамками исследования лингвистов. На сегодняшний день ситуация изменилась, многие публичные выступления подвергаются анализу специалистов с учетом использования гендерных технологий.

Гендер - специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение мужчин и женщин, их взаимоотношения между собой. Таким образом, гендер относится не просто к женщинам или мужчинам, а к отношениям между ними, к способу социального конструирования этих отношений, т.е. к тому, как общество "выстраивает" взаимодействие полов в социуме [Шведова 2002, с. 9]. Данное определение имеет непосредственное отношение к политической коммуникации, т.к. политика – это не только выстраивание дипломатических отношений, но и грамотное создание публичных речей.

С понятием гендера тесно связано понятие «гендерные стереотипы» - внутренние установки в отношении места мужчин и женщин в обществе, их функций и социальных задач. Именно гендерные стереотипы являются барьером в установлении подлинного гендерного равенства в нашем обществе. Гендерные стереотипы в политической коммуникации неотделимы от образа мужчины и женщины, а также идеи их предназначения.

Использование гендерных стереотипов в политической коммуникации можно проследить на примере политической борьбы за пост Президента Украины. На наш взгляд, наиболее ярким материалом для лингвистического анализа являются выступления второго тура двух непримиримых соперников: Виктора Януковича и Юлии Тимошенко.

Учитывая, что для обоих кандидатов был важен каждый голос избирателя, то политики уделили максимальное внимание созданию своего образа, при этом речь идет не столько о внешнем облике политиков, сколько о создании речевого портрета. Важно также отметить, что большинство выступлений соперников основаны на использовании гендерных стереотипов, связанных с женским и мужским началом. Кандидаты создавали образы, свойственные своему биологическому полу – абсолютной женственности у Ю.Тимошенко, неоспоримой мужественности у В.Януковича. На основе анализа выступлений украинских политиков, мы пришли к выводу, что в своих публичных выступлениях они отдавали предпочтение использованию гендерных стереотипов, которые обрисовывались ассоциативными образами в их выступлениях. Так, в

публичных речах Ю.Тимошенко преобладали гендерные стереотипы «Хозяйка», «Мать», а в выступлениях В.Януковича - стереотипы «Победитель», «Воин», «Хозяин».

Созданию гендерного стереотипа «Мать» в публичных выступлениях Ю.Тимошенко способствовало не только подчеркнутая женственность кандидата, внешний облик красивой, всегда элегантно одетой женщины, но и мягкая плавная речь, подчеркивающая феминные качества. В публичных речах Ю.Тимошенко то *просит*, то *молится*, то мягко, но решительно делает заявления. Не случайно, последний предвыборный митинг у Ю.Тимошенко назывался "*молитвой за Украину*", и ключевой строчкой ее финального выступления была фраза о молитве, как единственном способе решения проблемы: *«Я хочу обратиться к господу с просьбой о прощении за всю власть и за себя лично, за все несправедливое и нечестное, что делала вся власть Украины, в том числе и та, которую я возглавляю».*

На наш взгляд, просьбой о прощении, кандидат только усиливает роль гендерного стереотипа «Мать», т.к. именно тот, кто просит прощения, признает свою слабость, свои ошибки *«... прошу прощения за власть, которую я возглавляла».* Да, с одной стороны, публичное признание своих ошибок требует мужества, но, с другой, женщина традиционно считает себя виноватой, в то время как мужчины редко признаются в собственных ошибках. Важно отметить, что в данном выступлении было отдано предпочтение отбору феминных языковых средств: *молитва, просьба, обращение к господу, прощение, низко поклониться всем,* собственно и то, о чем Ю.Тимошенко собирается просить Бога – это абстрактные понятия, выраженные прилагательными *несправедливое, нечестное,* что еще более смягчает их коннотативное звучание. Тем самым, используя в выступлении гендерный стереотип «Мать», политик рисует в воображении кандидатов женственный образ молящейся матери, Мадонны, обращающейся к Господу за спасение своей Родины.

Не обошлись предвыборные выступления Ю.Тимошенко и без иронии, так используя прием олицетворения, политик сравнивает оппонента с пустым местом, тем самым, оценивая поступок В.Януковича – отказ участвовать в дебатах: *«Я сегодня просто вынуждена смотреть на пустое место, дебатировать с пустым местом. Важно, чтобы это пустое место не заняло пост президента Украины».* Сравнение соперника с пустым местом происходит при помощи игры слов, благодаря которой не только достигается смягчение провоцируемого конфликта, но и придается определенный оттенок кокетливости образу Ю.Тимошенко.

Но не только данное сравнение имеет явный феминный оттенок, гендерный стереотип «Хозяйка», подчеркивается и выдвигаемым обвинением В.Януковичу в том, чем политик занимался, будучи Премьер-министром Украины – охотой на кабанов. Более того, в своем заявлении Ю.Тимошенко приводит подробное описание подготовки секретариата Правительства к охоте: *«... и по 3-4 дня в неделю рисовали большие топографические карты, где стоит кабан, где проходит охотник, где*

проходят отряды». С одной стороны, перед кандидатом стояла задача высмеивания, принижения оппонента, но, с другой стороны, политик невольно подчеркнула мужественность своего противника, ведь охота, с древних времен, является одним из любимых занятий мужчин, и описание подготовки к охоте способствовало созданию образа охотника, тем самым, дополняя гендерный стереотип «Воин-Победитель» как стратега и тактика. Вместе с тем, на имплицитном уровне, подчеркивается оппозиция «Мужчина-Женщина», ведь именно для женщины охота - пустое времяпрепровождением, а для мужчин является серьезным занятием.

Предпочтение к отбору феминных языковых средств присутствует и при прямом обвинении В.Януковича: *«Украина бьется, чтобы развивать свои транзитные мощности, чтобы отпала необходимость создавать газопроводы в обход нашей страны. Янукович совсем не понимает, какая политика идет Украине на пользу»*. В этом высказывании помимо метафоры *Украина бьется*, которая близка по семантике идиоме *бьется как рыба об лед*, т.е. фактически передается безнадежная и даже бесполезная борьба, что, на наш взгляд, дополняет женский образ, присутствует непосредственное обвинение в том, что В.Янукович *совсем не понимает, какая политика идет Украине на пользу*. Обвинение оппонента также сделано в русле женского образа, т.к. отдается предпочтение феминным языковым средствам, кроме того, употреблена, даже несколько сниженная, относительно литературных норм, лексика: *политика идет на пользу*, т.е. идет как платье или тон к лицу, или идет на пользу как полезный продукт, - это остается за рамками высказывания, но слушатель воспринимает эти слова именно как речь женщины, которая недовольна поведением мужчины. Кроме того, фразой *совсем не понимает* передается женская эмоциональность, а вся цитата скорее характерная для бытового конфликтного дискурса, а не для политических прений.

В результате, данные высказывания дали повод В.Януковичу перейти к прямому обвинению Ю.Тимошенко в том, что она, как женщина, не способна заниматься политикой: *«А если она женщина – то должна идти на кухню и показывать там свои прихоти»*, т.е. кандидат позволил себе достаточно прямо и откровенно сравнить Ю.Тимошенко с избалованной дамой, т.к. *прихоти* бывают только у избалованной женщины, но для того, чтобы еще больше уязвить и высмеять соперника, посылает ее не домой, а именно на кухню. Тем самым, В.Янукович, дополняет гендерный стереотип «Хозяин», ведь именно в патриархальных устоях мужчина был строгим хозяином дома, которому отводилось господствующее место в семье.

Кроме того, в цитате В.Януковича наблюдается включение интертекста, т.к. данная фраза перекликается со знаменитым и растиражированным высказыванием о том, что *каждая кухарка может управлять государством*. О том, что политик сравнивает свою соперницу с кухаркой, свидетельствует и тот факт, что после этого выступления возникло целое общественное движение, благодаря которому был организован сбор подписей в поддержку Ю.Тимошенко против публичного оскорбления В. Януковича. В

официальном заявлении было указано, что политик не просто оскорбил женщину, но и нарушил *один из принципов политики в области прав человека и гендерного равенства в Украине*. Тем самым, скандал привлек внимание всего мирового сообщества.

Таким образом, можно сделать вывод, что гендерные технологии могут не только быть имплицитно включены в язык политика, но и эксплицитно использоваться в публичных выступлениях, тем самым, приводя политика не только к успеху на выборах, но и к общественным скандалам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова Н.А. Просто о сложном: гендерное просвещение. М., 2002
2. <http://www.tymoshenko.ua/ru/> - Официальный сайт Ю.Тимошенко
3. <http://yanukovych.com.ua/> - Официальный сайт В.Януковича

СТРУКТУРНЫЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО ЭЛЕКТРОННОГО ПИСЬМА

С.Г. Радоман

Челябинский государственный университет

The structure of commercial business letters of e-mail delivery is not as strict as letters of standard type have. The difference between commercial and non commercial business letters of e-mail delivery is much less then between business letters of standard type.

Электронная почта – сравнительно новая форма письменного общения в деловом мире. Она позволяет удовлетворить потребность в более быстром темпе ведения дел. У неё есть свои плюсы и минусы. Основные преимущества – скорость и удобство, а отсутствие неприкосновенности частной информации и безопасности – ее недостатки. Электронная почта не всем нравится из-за принятого неформального стиля. «Большое количество отправленных по ошибке или в рекламных целях – «мусорной почты» – электронных сообщений, приводит к неловким ситуациям и подтверждает мнение о том, что это не всегда подходящий способ корреспонденции» [Шевелёва, 2002, с. 104].

При написании электронного делового письма используется деловая лексика, ясный английский язык и вежливые выражения. Стоит быть очень внимательным и осторожным при отправке важной или конфиденциальной для информации, так как электронное письмо как открытка – его может прочитать кто угодно. Сообщения можно перехватывать или переправлять – случайно или намеренно – без согласия или уведомления автора сообщения.

В отличие от стандартной переписки, электронная не имеет такого чёткого разделения между коммерческими и некоммерческими деловыми письмами. Причиной этому является специфическая направленность электронной переписки. Люди используют Интернет для того, чтобы ускорить процесс обмена информации, поэтому чаще электронные письма пишутся простым, понятным языком, не предполагающим использования большого количества терминов. В основном эти письма являются одноаспектными, и должны быть по возможности краткими и четкими. Это

правило распространяется на все виды делового общения, но для электронной почты становится наиболее актуальным, поскольку воспринимать информацию с монитора сложнее, чем с листа. Например, вместо того, чтобы писать: «Let me know what you think», лучше поставить вопрос так: «Is 3 PM or 5 PM best for you?» [Шевелёва, 2002, с. 110].

Поле «тема» отражает основную идею письма. Приветствие (Dear Sir/Madam) не обязательно для стандартной переписки, однако его можно использовать в деловых письмах. Если в электронном письме вы начинаете слово с заглавной буквы, это означает, что вы хотите выделить его, как наиболее важную мысль. Длина каждой строки не должна превышать 65 знаков, в противном случае текст может исказиться при прочтении письма на другом компьютере. Письмо должно быть хорошо структурировано – вступление, основная часть (факты) и вывод: KISS (Keep it short and simple) [Колтунова, 1998, с. 56].

Использование стандартных сокращений, характерных для повседневной переписки, такие как «ИМО» (In My Honest Opinion) также не приветствуются. Обратный электронный адрес и имя отправителя пишется в конце письма, на случай, если письмо будет выведено на печать. Общение по электронной почте предполагает активное взаимодействие, поэтому, получив электронное письмо, на которое вы не можете ответить немедленно, следует отправить сообщение о получении письма и предполагаемом времени отправки полного ответа [Колтунова, 1998, с. 67].

Существуют стандартные выражения, часто употребляемые в деловой переписке на английском языке, использование которых придаёт вежливый и официальный тон посланию.

- *Обращение:* Dear Sirs, Dear Sir or Madam (если вам не известно имя адресата), Dear Mr, Mrs, Miss or Ms (если вам известно имя адресата; в том случае, когда вы не знаете семейное положение женщины, следует писать Ms, грубой ошибкой является использование фразы “Mrs or Miss”), Dear Frank, (В обращении к знакомому человеку).

- *Вступление, предыдущее общение:* Thank you for your e-mail of (date)... Спасибо за ваше письмо от (числа)

- *Указание причин написания письма:* I am writing to enquire about... Я пишу вам, чтобы узнать...

- *Просьба:* Could you possibly... Не могли бы вы...

- *Соглашение с условиями:* I would be delighted to ... Я был бы рад ...

- *Сообщение плохих новостей:* Unfortunately ... К сожалению...

- *Приложение к письму дополнительных материалов:* We enclose ... Мы прилагаем...

- *Высказывание благодарности за проявленный интерес:* Thank you for your letter of... Спасибо за ваше письмо...

- *Переход к другой теме:* We would also like to inform you ... Мы так же хотели бы сообщить вам о...

- *Дополнительные вопросы:* I am a little unsure about... Я немного не уверен в...
- *Передача информации:* I'm writing to let you know that... Я пишу, чтобы сообщить о ...
- *Предложение своей помощи:* Would you like me to...? Могу ли я (сделать)...?
- *Напоминание о намеченной встрече или ожидание ответа:* I look forward to ... Я с нетерпением жду...
- *Подпись:* Kind regards, С уважением,...[Уолден, 2004, с. 16].

Написание делового письма – это своего рода искусство. Деловое письмо должно быть безукоризненным во всех отношениях: даже незначительное отступление от правил может сделать его неправомочным с юридической точки зрения. Правильно оформленное, написанное хорошим языком, однозначное по смыслу деловое письмо – один из залогов успеха дальнейшей коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галичкина, Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) [Текст] : автореф. дисс ... канд. филол. наук / Е.Н. Галичкина. – Волгоград, 2001. – 30 с.
2. Колтунова, М.В. Деловое письмо: что нужно знать составителю [Текст] / М.В. Колтунова. – М. : Дело, 1999. – 111 с.
3. Уолден, Д.К. Библия деловых писем [Текст] / Д. К. Уолден. – М. : Дельта Паблишинг, 2004. – 158 с.
4. Шевелёва, С.А. Деловая переписка на английском языке [Текст] / С.А. Шевелёва, М.В. Скворцова. – М. : Филоматис, 2002. – 340 с.
5. Ashley, A.A. Handbook of Commercial Correspondence [Text] / A.A. Ashley. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 300 p.
6. Eckerseley, C.E. English and American Business Letters [Text] / C.E. Eckerseley, W. Kaufman. – London : Longman, 1962. – 290 p.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МИГРАНТОВ В РАМКАХ МЕДИА-ДИСКУРСА

(на материале российской и британской прессы)

М.Х. Рахимбергенова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Media-discourse (Russian as well as British) is considered to be the considerable source of persuasion the readers through changing their vision of world around. One of the most actual spheres of such influence is the issue of migrants.

Идея анализа различных типов дискурса оказалась чрезвычайно продуктивной для современных лингвистических исследований. При всей неоднозначности трактовки понятия «дискурс», можно отметить

продуктивность данного направления, особенно в сфере изучения текстов СМИ с ее «плюрализмом» форм и порождающих моделей.

Медиа-дискурс сегодня находится в центре внимания многих исследователей, что вполне объяснимо тем, что СМИ, в частности пресса, обладают значительным потенциалом воздействия через читателя на разные стороны жизни социума. Журналистам приходится освещать темы, влияющие не только на отдельную личность, но и затрагивающие интересы большого социума.

Одной из таких тем является проблема этнических меньшинств, представляющая собой один из обязательных фрагментов картины мира. Реакция общества на любое проявление напряжённости этого вопроса моментально находит отражение в языке. Являясь динамичной сферой жизни, межэтнические отношения формируются на каждом этапе развития общества по-разному и находят своеобразное языковое выражение.

В настоящее время проблема межэтнических отношений обусловлена главным образом резким ростом миграции, процессы которого характерны для всего человечества, в особенности для промышленно развитых стран. Не являются исключением такие довольно дистанцированные друг от друга страны, как Россия и Британия. Являясь актуальной, тема мигрантов нашла широкое отражение в прессе обеих стран.

Материалом исследования послужили тексты печатных СМИ, в которых в той или иной форме обозначаются мигранты. Источниковая база представлена российской и британской прессой за последние два года («Аргументы и Факты», «Комсомольская правда», «Российская газета», «Труд-7», «Огонёк», the Independent, The Guardian, London News, the Sunday Times). Выборка осуществлялась на основе тематики статей, посвящённых проблемам мигрантов. Согласно теории макроструктур, тема, как правило, определяется по заголовкам и вводкам (leads), где субъективно выделена наиболее актуальная часть сообщения.

Данная проблема может быть рассмотрена в рамках бинарности «свой – чужой», гносеологической по своей природе.

Представленное образование является ядерным для этнической тематики, поскольку этническая идентификация возможна только в рамках данной оппозиции. При общей неоднозначности данной категории, исторически сложилось так, что семантическое ядро, составляющее компонент «чужой» в этническом поле, чаще связано с оценкой «плохо», тогда как «свой» ассоциируется с положительной оценкой.

Нарушение баланса между «своим» и «чужим» в аспекте межэтнических отношений приводит к проявлению нетерпимости, поскольку всё «чужое» может вызывать неприятие, или даже страх, т.е. то, в чём находит своё выражение ксенофобия. В качестве противодействия ксенофобии мир обнаруживает тенденцию к интеграции. В ней «чужой» рассматриваются в терминах многообразия и толерантности.

Появляющиеся на поверхности речи авторов статей маркеры позволяют определить отношение пишущих к «чужим», в частности, к мигрантам.

Творческую позицию журналиста определяет персуазивность медиа-дискурса. Очень важным является правильное соотношение рациональных и эмоциональных составляющих воздействия. Эмоциональность, по сути, выступает основной составляющей воздействия и присутствует в оценке освещаемого события или факта. По мнению Р. Блакара, выразиться «нейтрально» вообще невозможно, а значит, автор вынужден занять определённую позицию [Блакар, 1987, с. 90].

Несмотря на слабую интеракциональную природу медиа-дискурса авторы и читатели участвуют в процессе социокультурного взаимодействия.

Отбор адресантом всех языковых средств при порождении высказывания производится под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемой ответной реакции. Это связано с тем, что авторы газетных статей, так же как и их читатели, являются носителями стереотипов, определяющих их позицию. Так, например, если тема статьи предполагает упоминание мигрантов как представителей другого этноса или другой социальной группы, журналист действует в рамках оппозиции «свои – чужие». Как правило, позиция пишущих будет определяться в рамках ксенофобического или толерантного отношения к «чужим». Далее представлен ряд лингвокогнитивных приёмов создания образа мигрантов в прессе. Под *лингвокогнитивным* приёмом подразумевается такой выбор языковых средств, который обеспечивает управление процессом умозаключений и трансформацию модели мира адресата. Условно подобные приёмы можно также отнести к средствам определения позиции авторов.

Так, в рамках описательного приёма авторы создают образ мигранта путём характеристики, а именно *идентификации статусно-ролевых позиций*.

Как показывает анализ, на страницах как российской, так и британской прессы оценка статуса мигрантов позволяет отнести их к группе более низкого уровня по отношению к коренному населению.

Частные предприниматели особенно охотно принимают нелегалов. Ведь они готовы братья за любую работу, они продают свой труд за бесценок, их не защищает российское законодательство, за них не надо платить налоги (А. Ескевич, И. Коломиец. Страна непуганых иностранцев // Российская газета № 270, 1 дек. 2007 г.).

Cardinal Cormac Murphy-O'Connor said large numbers of migrants who live below the radar are easily exploited because they have no official status, and that more should be done to "appreciate the gifts" they bring. .... "A lot of the people who come are quite vulnerable and can easily be threatened and exploited," the Catholic leader told BBC Radio 4's Sunday programme (Taylor J. Archbishop backs amnesty for Britain's illegal immigrants // The Independent, 24.11.2008).

Таким образом, на страницах прессы имеет место приём описания слабой позиции мигранта как «чужого» в «чужой» стране, используя который авторы имплицитно сопереживают мигрантам как «чужим».

Однако нередко журналисты эксплицитно противоположную позицию. В этом случае перед читателями предстает негативный образ мигрантов. Как

показал анализ, мигранты на страницах российской и британской прессы представляют ту группу людей, которая создаёт реальную угрозу идеалам и основным целям коренного населения.

В этом случае в анализируемых высказываниях используются такие языковые приёмы и средства, которые создают контекст, необходимый для проявления у адресата состояния тревожности. Так, выбор лексики с общей семантикой *‘увеличение количества’* несёт в себе ксенофобические смыслы, поскольку угроза нарастания числа «чужих» вызывает страх.

По вполне официальным подсчётам, количество выходцев из КНР в нашей стране только за 90-е годы прошлого века увеличилось двадцатикратно. (Для сравнения – в Америке за предыдущие 20 лет китайцев стало больше в восемь раз.) И в обозримом будущем, считают специалисты, этот приток не сократится (А. Ескевич, И. Коломиец. Страна непуганых иностранцев // Российская газета № 270, 1 дек. 2007 г.).

В рамках рациональной аргументации используется приём манипуляции статистикой.

Китайцы стали появляться в районе давно. Сначала понемногу. Но в 2004 году их проживало здесь уже 555 человек. В 2005-м – 753. На начало этого года еще 500. Тенденция к увеличению очевидна (Г. Казачук. Китайская фора // Аргументы недели № 25, 21 июня 2007 г.).

During the year an estimated 591,000 immigrants began their new lives in the UK, beating the previous highest estimate of 586,000 for 2004 (UK immigration reaches new high // London News, 14.03.2009).

Воздействующий потенциал данного приёма заключается в том, что цифры создают иллюзию объективности вывода, сформулированного в заключении: *тенденция к увеличению очевидна, beating the previous highest estimate.*

Актуализатором негативного образа мигрантов являются указания на их связь с криминальным миром. Несмотря на априори известное утверждение, что у преступности нет национальности, журналисты зачастую считают необходимым идентифицировать преступника по этническому признаку. Продуцирование ксенофобии чаще всего происходит посредством избирательного обозначения журналистами этнической принадлежности героев криминальных сюжетов (в российской прессе указания на этничность преимущественно «нерусских» преступников и, соответственно, «небританцев» на страницах британской прессы), что объективно способствует формированию или закреплению уже имеющих в массовом сознании негативных стереотипов. Таким образом, благодаря СМИ преступность приобретает ярко выраженный этнический характер, как правило, релевантный к мигрантам. В профессиональной юридической среде уже бытует термин «этническая преступность». Более того, у преступности в России есть конкретное лицо – *лицо кавказской национальности.*

На этой неделе в Верховном суде Карелии начнётся один из самых громких процессов последнего времени, связанный с событиями в Кондопоге. На скамье подсудимых – шесть выходцев с Кавказа: пятеро чеченцев и

один дагестанец (Ю. Оглобина, Е. Нечаусова. Кондопога дошла до суда // Огонёк № 27, 2007 г.).

В британской прессе наряду с указанием на *небританское лицо* преступности частотным является подчеркивание социального статуса: *преступники-нелегалы*.

*In some homes more than half the employees have entered the country illegally and are now being entrusted with caring for old and vulnerable people. The immigration intelligence report found that one **illegal worker** was a **murder suspect from the Philippines** and others had been involved in the “**abuse and mistreatment**” of elderly people (Leppard D. Home office in illegal immigrants cover-up // The Sunday Times, 30.03.2008) .*

Нельзя не согласиться с мнением Э.В. Чепкиной о том, что указание на этническую принадлежность людей, совершивших преступление, «способно внушить читательской аудитории чувство угрозы со стороны этнически «чужих»», представление о них как об источнике опасности [Чепкина, 2005, с. 472].

Современный медиа-дискурс является очень значимым полем, где сталкиваются представители разных групп идеологов, политиков, бизнеса, культуры и т.д., привлекая на свою сторону аудиторию. С помощью СМИ искусственно возбуждается национальное самосознание больших масс людей, у них формируются не только позитивные представления в области межэтнического взаимодействия, но и негативные. Журналист должен исполнять роль исключительно медиатора, посредника, а не выразителя преубеждений и массовых стереотипов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88-125.
2. Чепкина, Э.В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации [Текст] / Э.В. Чепкина // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. – М.: ОЛМА - ПРЕСС, 2005. – С. 466-477.

ТОНАЛЬНОСТЬ КАК ИМИДЖЕОБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДИСКУРСА⁶

И.П. Ромашова

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

The article by I. P. Romashova “Tonality as one of the basic corporate discourse categories” raises the problem of tonality influence on the process of

---

⁶ Работа выполнена по гранту «Разработка концепции многовариантности медиаобразования» (государственный контракт № П1310) в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы».

creating the organisation communicative image, namely such tonalities feature as client directivity.

Клиентоориентированность, согласно теориям маркетинга и менеджмента, является одной из важных составляющих имиджа корпорации. В терминологическом пространстве лингвистической прагматики данный параметр носит название «фактор адресата» и подразумевает его особое воплощение в тексте. В частности, ориентированность на партнера проявляется в такой коммуникативной категории, как тональность текста. О тональности писали, в том числе относительно деловых текстов (см. работы Е.П. Захаровой, О.Б. Сологуб, Т.О. Багдасарян, И.Н. Борисовой и др.). Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что тональность пока не имеет четкого категориального статуса ни в семантике, ни в перечне средств выражения. Тональность рассматривают как проявление семантико-синтаксической категории модальности: «Под тональностью мы понимаем способ представления текста автором, при котором он выражает своё отношение к тексту, реципиенту, к действительности и к самому себе в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозицию в соответствующие тона с учётом сферы общения и личностных качеств и социальных ролей коммуникантов» [Багдасарян, 2002, с. 241], «их отношений, памяти о предыдущих коммуникативных актах» [Борисова, 1999, с. 85]. И.Н. Борисова, рассматривая стратегии развития разговорного дискурса, отмечает, что вопрос о тональности высказывания возникает в случае, если в фокусе внимания коммуникантов оказывается личностный аспект взаимодействия, когда развивается тема интерперсональных взаимоотношений в определённой оценочной парадигме. Актуализация интерперсонального аспекта приводит к отражению в тексте эготемы и ксенотемы (ты-темы), к моделированию образа партнера по общению в дискурсе, «к появлению имиджевых тактик самопрезентации и ксеномоделирования» [Борисова, 1999, с. 87]. Всё это в полной мере можно отнести к корпоративному дискурсу, когда в центре внимания оказывается партнер или клиент, важность отношений с которым подчёркивает организация – отправитель сообщения. Именно в этом смысле мы используем термин «клиентоориентированность».

В настоящей статье тональность рассматривается в качестве одной из модальных категорий, ориентированных на адресата, моделирующих оптимальное распределение коммуникативных ролей в деловом взаимодействии и способствующих (или нет) решению делового вопроса и поддержанию оптимальных межличностных и деловых отношений. Анализ рекомендаций по выбору тональности на примерах деловой переписки иностранных компаний привел нас к следующим выводам: тон текста, в первую очередь, задается выбором речевого жанра и соответствующей типовой жанровой тональности. Кроме того, тональность зависит от оценки адресантом параметров коммуникативной ситуации (кваликативная категория), что приводит к моделированию необходимых пишущему образов автора и адресата. Наконец, тональность проявляется в особенностях

концептуализации данного фрагмента делового взаимодействия – то есть влияет на смыслообразование, акцентируя внимание адресата на определённых аспектах коммуникативной ситуации.

Исследователи отмечают, что «в научном или официально-деловом стиле варьирование тональности ограничено рамками институциональности, но позиция автора, тем не менее, просматривается» [Захарова, 2001, с. 164].

Поэтому для анализа мы избрали т. наз. письма о просроченных платежах (ППП) или, как их еще называют, «сердитые письма», где организация напоминает контрагентам о необходимости выполнении достигнутой ранее договоренности. Здесь пределы варьирования текстовой тональности шире, чем в др. жанрах корпоративной переписки, однако не в той степени, как в зарубежных аналогах. В пособиях зарубежных авторов даются очень подробные рекомендации, непосредственно указывающие на изменение тональности ППП: «Первоначально требование на возмещение просроченного платежа пишете в наиболее мягкой форме. Если долг не возвращается, становитесь более настойчивы. Только в случае полной неудачи в последнем письме угрожаете передать дело в суд. Соответственно будет меняться и тон письма – от мягкого и позитивного до требовательного и жесткого» [Теппер, 1994, с. 124]. Зарубежные ППП варьируются по степени официальности, по тональности и всегда учитывают позицию и положение адресата – в этом, собственно, и проявляется клиентоориентированность корпорации, если она не декларативная, а реальная.

Необходимым условием для проявления тональности в тексте корпоративной переписки является единовременное решение корпорацией двух стратегических целей: урегулирование делового вопроса и поддержание оптимальных отношений с партнерами и клиентами [Ромашова, 2009]. Если принимается во внимание только первая, прагматическая цель, то переписка имеет стандартизованный характер, отражает официальные статусно-ролевые отношения партнеров – здесь о клиентоориентированности говорить не приходится. В российских компаниях как раз доминирует прагматическая интенция – погасить задолженность, а цель сохранить отношения с партнером актуализируется далеко не всегда. Поэтому отечественные ППП чаще всего носят унифицированный, официальный характер, обладают меньшей вариативностью жанрово-стилевого исполнения: приоритет остаётся за официальными письмами-уведомлениями или стандартными письмами-напоминаниями. Типичное ППП в России состоит из 4 частей: констатация наличия задолженности, напоминание (или просьба, или требование) об оплате; третья часть включает санкции в случае невыполнения условий, а четвертая, этикетная часть («С надеждой на взаимопонимание...», «С уважением...» и проч.) является факультативной: *По состоянию на ... число за Вашим /название предприятия/ числится дебиторская задолженность за поставку /наименование товара/ на сумму..., что нарушает условия договора за №... от.... В связи с нарушениями условий договора, в частности п.п....., настоятельно просим*

Вас в срок до ... погасить задолженность перед нашим предприятием согласно документам: 1. с/ф № ... от...; 2. с/ф № ... от... В противном случае мы вынуждены будем обратиться в Арбитражный суд с иском о взыскании задолженности, а также пеней за просрочку платежа. Если ориентация на адресата все-таки значима для организации, то она проявляется, в первую очередь, в смене жанровых форм ППП: сначала компания посылает официальное письмо-просьбу об оплате, затем отправляется письмо-напоминание, после в ход идут официальные уведомления, и, наконец, адресату посылают письмо с требованием. Выбор жанра зависит от сферы деятельности компании (есть организации, которые ограничиваются только письмами одного жанра, например официальными уведомлениями) и от предситуации: от этапа деловой переписки, сложности кредитной истории, от отношений адресанта и адресата и от коммуникативной компетенции сотрудников компании.

В деловой переписке отечественных организаций тональность ППП варьируется в пределах от нейтрально-обезличенного тона с нулевой эмоциональностью и оценочностью – к этически необходимому выражению вежливости – до включения авторской эмоции и оценки, которая проявляется преимущественно в повышенной степени категоричности высказывания. Даже общепринятые маркетинговые ходы по ликвидации задолженности по-разному подаются в отечественных и зарубежных ППП: обезличенно, официально у нас и более мягко, с соблюдением принципа коммуникативного равновесия – в зарубежных аналогах: *«Уважаемый ... ! В прошлый [день недели], когда мы говорили о неоплаченных Вами счетах, Вы уверяли нас, что уже выслали чек. Прошло уже несколько дней, но мы его, к сожалению, не получили. В связи с этим мы приостанавливаем выполнение всех Ваших заказов до тех пор, пока не получим чек и задолженность не будет погашена. Нам очень жаль, но мы не можем принять от Вас новые заказы. Если чек все же был выслан, мы благодарим Вас. Если нет – позвоните нам как можно скорее»* [Типовые формы деловых писем...]. Ср. отечественный аналог: *«Господин Азаров! М.Н.! Организация X напоминает о том, что срок оплаты ... истек 04. 08. 200..г. Просим позвонить менеджеру ... по указанному телефону (до 16.00!)»*. В электронном письме грубо нарушен этикет обращения, не использованы формулы вежливости. Предложение по урегулированию ситуации подаётся как требование.

Лишь в отдельных случаях компания объясняет свою позицию, демонстрирует понимание положения адресата и предлагает варианты разрешения конфликта (европейский стиль делового письма): *К сожалению, мы не можем выслать Вам сборник до тех пор, пока не будет оплачен счет. И в то же время нам не хотелось бы нарушать условия договора. С надеждой на взаимопонимание....* Моделирование образа адресата осуществляется с учётом базовой стратегии ППП – ликвидировать задолженность, поэтому для российских компаний этот образ ограничивается рамками официально-деловых статусно-ролевых отношений. В ряде текстов

образ адресата вообще элиминируется: организация избирает форму безличной подачи информации, без обращений.

Освоение международных стандартов деловой переписки, ожесточение конкурентной борьбы приводит к тому, что российские организации пытаются реализовать клиентоориентированный подход, но делают это порой неуклюже, например, эклектически соединяя в одном письме и уведомление о просроченном платеже, и письмо-напоминание, и требование, и даже рекламу: *«Уважаемый абонент! Вас приветствует компания «Сибирьтелеком»! Спасибо, что воспользовались нашими услугами. Напоминаем, что ваша задолженность за абонентское обслуживание составляет... В случае неоплаты до 20 числа текущего месяца доступ к пользованию сетью будет прекращён»* (компьютеризованное телефонное уведомление). Или: *«С новым годом! С Новым счастьем мы спешим поздравить вас! Пожелать здоровья, счастья и поднять бокал за вас! Уважаемые жильцы! Просим вас погасить задолженность по квартплате в уходящем году! Компания «Жилсервис»* (текст на квитанции по коммунальным платежам).

В текстах ППП нам удалось выделить два коммуникативных стиля ведения деловой переписки: один демонстрирует ориентацию организации на кооперацию, на сохранение оптимальных межличностных и деловых отношений с конкретным клиентом. Тональность текстов таких компаний варьируется в зависимости от этапа и содержания деловой переписки, кредитной истории клиента, предситуации делового общения. Но большинство российских оргструктур в своей деловой переписке создают иной образ организации, которая поддерживает отношения только на уровне статусно-ролевых, избирает стандартные формы реагирования при решении деловых вопросов вне зависимости от конкретной ситуации взаимодействия. Клиентоориентированность таких организаций является, скорее, декларируемой, чем реальной. Только при ориентации на конкретного партнера отмечается развертывание лично ориентированной модальной стратегии, когда важной становится тональность общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян, Т.О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») [Текст] / Т.О. Багдасарян // Жанры речи : Сборник научных статей. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 240-245.
2. Борисова, И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа [Текст] / И.Н. Борисова // Жанры речи : Сборник научных статей. – Саратов : Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 81-96.
3. Захарова, Е. П. Коммуникативные категории и нормы [Текст] / Е.П. Захарова // Хорошая речь. – Саратов : Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 2001. – С. 164-171.
4. Колтунова, М.А. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет [Текст] : учебное пособие / М.А. Колтунова – М. : Экономик, 2000. – 288 с.

5. Ромашова, И.П. Специфика и принципы деловой коммуникации [Текст] / И.П. Ромашова // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации: Материалы Второй международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации» (Барнаул, 14-18 апреля 2009 г.) / Под ред. Т.В. Чернышовой. – Часть 1. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 171-182.
6. Теппер Р. Как овладеть искусством делового письма: 250 писем и записок в помощь менеджеру [Текст] / Р. Теппер – М. : ЮНИТИ, 1994. – 250 с.
7. Типовые формы деловых писем [Электронный ресурс] // URL: <http://www.iatp.am/v/resource/pismoengl/types-o.htm>

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗНОГО СРАВНЕНИЯ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.В. Румянцева

Костанайский государственный педагогический институт

In the work presented we look through some discourse characteristics of the limited group of image comparisons in literature for children.

По утверждению Е.С. Кубряковой, дискурс – это не только «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), «но и действие говорящего со всеми его интенциями, знаниями, установками, личностным опытом и всей его погруженностью в совершаемый им когнитивно-коммуникативный процесс» [Кубрякова, 2000, с. 15]. Обнаружение принципов построения дискурса составляет цель дискурсивного анализа. Центральный круг вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе, – вопросы структуры дискурса. Различаются разные уровни структуры – макроструктура, или глобальная структура, и микроструктура, или локальная структура. Макроструктура дискурса – это членение на крупные составляющие. Внутри крупных фрагментов дискурса наблюдается единство – тематическое, событийное, временное, пространственное и т.д. В противоположность макроструктуре, микроструктура дискурса – это членение дискурса на минимальные составляющие, которые имеет смысл относить к дискурсивному уровню. В большинстве современных подходов такими минимальными единицами считаются предикации или клаузы. Дискурс, таким образом, представляет цепочку клауз.

Широкое распространение языковых единиц, основывающихся на сравнении реалий действительности (производные слова, слова-метафоры, синтаксические структуры и др.), ставит исследователей перед необходимостью изучить глубинные принципы построения дискурса этих единиц. В настоящем исследовании мы останавливаемся на некоторых дискурсивных характеристиках ограниченной группы образных сравнений в художественной литературе для детей.

Традиционно принято считать, что образное сравнение – стилистический приём, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления. Средством грамматического

оформления сравнения служат: сравнительный оборот, вводимый союзами *как, как будто, словно, точно* и др.; сравнительная степень прилагательного или наречия, форма творительного падежа, присоединительная конструкция, вводимая союзом *так* и обычно содержащая развернутое сравнение и др.

Образные сравнения, как и любые другие языковые единицы, возникают и обнаруживаются в пределах создающего их текста или дискурса и как их форма, так и их значение оказываются напрямую связанными с этим текстом или дискурсом. Это заставляет нас рассматривать сравнения, прежде всего, с точки зрения лингвистики текста или же скорее, с точки зрения дискурсивного анализа. Установление дискурсивных характеристик образных сравнений представляет, соответственно, обязательную ступень лингвистического анализа, особенно существенную для понимания и описания их семантики.

С точки зрения структуры связей, образное сравнение – это средство связи (путём ассоциации, аналогии) между означенными и интерпретированными единицами. С точки зрения же синтаксической структуры образное сравнение со сравнительным союзом – это конструкция, включающая в себя сравнительный оборот, или другими словами, часть предложения, состоящая из словоформы существительного, прилагательного или наречия – одиночной или с зависимыми словами, которая вводится сравнительными союзами.

Любое сравнение, с нашей точки зрения, является минимальной дискурсивной единицей – клаузой. Если принять во внимание общеизвестный факт, что в акте номинации присутствуют предикативные отношения, то в сравнении можно выявить ту же предикацию, что является ядром суждения, в котором предмету сравнения предикцируется признак – основание сравнения. Например: *У самого берега, как (ударяет) пушечный выстрел, ударила пудовая щука* (К. Паустовский. Барсучий нос). *Ничего не выбежало, ничего не вылетело, но зашипело и затукало, как (шипит и тукает) маленький мотоцикл* (М. Пришвин). Следовательно, можно утверждать, что предикация, как обязательная характеристика клаузы, имплицитно содержится в глубинной структуре образного сравнения и элизируется под действием закона об экономии языковой энергии во избежание тавтологии. Таким образом, с точки зрения семантических связей, организующих текст, можно рассматривать образное сравнение со сравнительным союзом как инкорпорированную дискурсивную единицу.

Определяя список функциональных отношений, организующих текст на всех уровнях, целесообразно выделять отношения сравнения, в особую группу. Они определяются как отношения интуитивные, т.е. обладающие осмысленностью в интуитивном представлении «наивного носителя» языка. Отношения бинарные асимметричные: 1 часть (сравниваемый предмет) – ядро, 2 часть (предмет сравнения) – сателлит. Теория риторической структуры предполагает наличие семантических отношений, при которых многие сателлиты в риторических парах могут быть опущены, а результирующий текст остаётся связанным и вполне представительным по

отношению к исходному тексту. Сравнительные отношения в большинстве случаев попадают в эту группу отношений. Ср.: *По спине утенка, (как мышь), пробежал до края ...* (М. Пришвин. Изобретатель) или: *Курица эта умела летать, (как ворона)* (К. Паустовский. Жильцы старого дома). Наличие сравнения в предложении факультативно, оно может быть опущено. При этом основная пропозиция остается ненарушенной.

Характер участников коммуникативной ситуации в дискурсе художественной литературы для детей определяет ее особую специфику. Дискурсивные характеристики, присущие данному жанру литературы, оказывают влияние на порождение, продукцию текста в целом. С одной стороны, адресант продуцирует текст в соответствии со своей языковой картиной мира и комплексом коммуникативных и прагматических интенций. С другой стороны, фактор адресата обязует автора принимать во внимание возрастную характеристику реципиента и связанные с этим фактором языковой и коммуникативный опыт и познавательный потенциал, т.е. языковую картину мира. С этой точки зрения при создании образного сравнения автор прогнозирует его понимание подходящим выбором соотносимых признаков подобия в сравниваемых реалиях, учитывая при этом потенции образно-ассоциативного комплекса реалий [Демирова, 2002, с. 21].

В основе системы образных сравнений в художественной литературе для детей лежат, прежде всего, те концепты, которые являются ядром детской картины мира. Так, в качестве "узловых" "ключевых" концептов, исполняющих роль предмета сравнения, в детской литературе выступают представления о реалиях действительности, которые входят в картину мира ребенка – детские игрушки и аттракционы (*мяч, волчок, кукла, воздушные шары, карусель, качели*), предметы быта (*спички, иглолка, тарелка, бутылка*), дикие и домашние животные (*волк, заяц, собака, петух*), природные явления и объекты (*земля, снег, гром, трава*) и т.п. При этом функциональными являются лишь те типичные свойства, признаки данных концептов, которые ясно осознаются реципиентами, т.е. ассоциативный потенциал слова ограничен рамками наивной картины мира ребенка.

Рассмотренные аспекты образного сравнения в художественной литературе для детей являются важной частью дискурсивной характеристики данной языковой единицы и подлежат дальнейшему более глубокому и детальному исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта [Текст] / Е.С. Кубрякова // Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. – Иннсбрук, 2000.
2. Демирова, М. Дискурс образного сравнения в художественной литературе для детей. [Текст] / М. Демирова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков: Сборник статей – Шумен, 2002.

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ И АНАФОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВ АВТОРА И ГЕРОЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.Б. Савельева

Московский государственный областной гуманитарный институт, г.
Орехово-Зуево

Categories of author and hero's images in a literary production are characterised by a number of characteristics, features and devices that make them individual and specific. In the novels by a French writer A. Gide their manifestation is examined in the linguistic field of indication.

Учение о дейксисе, как и учение об анафоре, использовании их в синтаксической структуре предложений художественного текста, одно из ключевых в прагмалингвистике. Вводятся они для описания «ориентационных свойств языка, связанных с указанием на субъект/объект высказывания, а также место и время его произнесения» [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 3].

Категории образов автора и героя в тексте литературного произведения характеризуется целым рядом свойств, черт и приёмов, что делает их индивидуальными и конкретными. В исследуемых произведениях французского писателя А. Жида «Школа жён», «Изабель», «Коридон» («L'Ecole des femmes», «Isabelle», «Corydon») данные образы являются главными героями повествования, их актуализация будет рассматриваться нами в лингвистическом поле референции и указания.

«Идентификация объекта – предмета, места, момента времени, свойства ситуации и т.д. через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту» [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 3] это как раз те лингвистические элементы, благодаря которым она достигается. Некоторые языковые единства принимают форму как дейктических, так и анафорических отсылок, в зависимости от случаев их употребления. На это указывает Давид Земур (David Zemmour) в своём исследовании «Initiation à la linguistique». В частности автор утверждает: «L'anaphore est un mécanisme référentiel intra-discursif: le terme à valeur anaphorique a la même référence qu'un élément de la chaîne du discours généralement situé en amont. Le deixis est un mécanisme référentiel extra-discursif: le terme à valeur déictique fait référence à un élément présent dans le contexte énonciatif» [Zemmour, 2008, с. 186].

Данное утверждение можно проиллюстрировать на следующих примерах: *Au point que je renonçai aussitôt à **cette** idée de mariage avec la soeur de mon amie* («Corydon»); ***Cette** idée, comme toutes les bonnes, c'est lui qui l'a eue* («L'Ecole des femmes»); являющихся типичным случаем использования дейктического указания в изолированном предложении в указательной группе с существительным *une idée*, не использованным ранее в контексте повествования, или: ... *Avouez que si cet adolescent n'avait pressenti en vous quelque possible écho à sa passion coupable, **cette** passion ...* («Corydon») с целью усиления ранее упомянутого в контексте значения слова *la passion*.

«*Quant à Robert, nous le retrouvions partout*» («L'Ecole des femmes») – когда анафорическое указание выражается приглагольным местоимением 3-го лица, прямым дополнением, поскольку оно кореферентно имени *Robert*.

Как правило, в дейктической функции используются традиционные имязаместители: личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, а в анафорической функции выступают местоимения следующих референциально-семантических разрядов: местоимения 3 лица, возвратные, взаимные (друг друга), относительные, а также указательные. В своём общеизвестном труде «Высказывание и его соотнесённость с действительностью» Е.В. Падучева пишет: «Исследование, посвящённое референции в естественном языке, с неизбежностью обращается в исследование о местоимениях. Действительно, местоимения и вообще местоимённые элементы языка – это главное средство референции» [Падучева, 2008, с. 10-11].

Для ответа на заявленный вопрос рассмотрим, каким же образом использование вышеназванных местоимений помогает достичь актуализации образов героя и автора в тексте художественного произведения. Субъективированное повествование, как правило, изобилует наличием местоимения 1-го лица, которое имеет четкую дейктическую определённость. Данный дейктический маркер, обозначая лицо, становится основным языковым элементом в номинации и актуализации образов героя и автора: *Le baron et moi, nous sommes heureux, Monsieur, de vous recevoir à notre table* («Isabelle»); *N'avez-vous donc point vu que j'employais ces mots par moquerie? Vous seriez trop heureux si j'accordais ce premier point* («Corydon»).

Принимая референциально-семантическое деление местоимений на разряды, проанализируем, каким образом проявляются синтаксические связи в анафорических отсылках в языке автора с учётом указания и выделения категорий образов героя и автора, остановившись на употреблении местоимений 3-его лица единственного и множественного числа (*il, elles, ils, elles*).

Они приобретают статус анафоры при наличии антецедента (в этом их принципиальное отличие от местоимений-дейктиков – *je, tu, nous, vous* непосредственно указывающих на объект действительности): *Son père (il) était, je crois, dans le commerce. Robert était très jeune encore quand il l'a perdu* («L'Ecole des femmes»); *Un instant il resta tout déconcerté par ma remarque et par mon rire: il y avait de tout son coeur, lui! Ne le prenais-je donc pas au sérieux? Il était bien près de pleurer* («Isabelle»); *Je l'ai revu. Comme sa douleur est digne et belle! Je commence à le comprendre mieux. Je crois qu'il a horreur des phrases toutes faites, car il a pour me parler de son deuil la même réserve qu'il avait pour me déclarer son amour* («L'Ecole des femmes»).

Анализ выявленных дейктических и анафорических репрезентантов, выраженных местоимениями 1-го лица единственного и множественного числа и местоимением 3-го лица, подтверждает тот факт, что проблема актуализации категорий образов героя и автора, в послуживших материалом исследования произведениях «Школа жён», «Изабель» и «Коридон» А. Жида,

относится к разряду мало изученных лингвистических задач. Кроме того, именно дейктические и анафорические маркеры, с присущими им указательными и референциальными возможностями абсолютно справляются со своими вышеназванными функциями. Данное небольшое исследование продолжает изучение лингвистических средств номинации, выступающих в роли указателей-референтов в языковом стиле А. Жида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева. – НЗЛ. – Вып. 16. – М. : Прогресс, 1985. – С. 3-43.
2. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью : Референциальные аспекты семантики местоимений [Текст] / Е.В. Падучева. – Изд. 5-2, испр. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 296 с.
3. Gide, A. L'Ecole des femmes [Text] / A. Gide. – Editions Gallimard, Paris, 2006. – 245 p.
4. Gide A., La Porte étroite, extraits sélectionnés par J. Mallion et H. Baudin [Text] / A. Gide. – Bordas, 1972. – 160 p.
5. Gide, A. Corydon [Text] / A. Gide. – Editions Gallimard, Paris, 2001. – 149 p.
6. Zemmour, D. Initiation à la linguistique [Text] / D. Zemmour. – Ellipses Edition Marketing S.A., 2008. – 214 p.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ ТРЕНЕРА

А.Г. Салахова, Е.Ю. Жилкина

Челябинский государственный университет

The article is devoted to the study of a professional language personality on the material of psychological coach's speech.

На современном этапе развития лингвистической науки всё больший интерес вызывают исследования языковой личности во всем ее многообразии. Так, учёные изучают этнокультурные, социально-профессиональные, локальные варианты реализации языковой личности (Богин 1984, Голованова 2009, Карасик 2004, Караулов 1987, 1989, Крысин 2001, Леонтьев 1993, Сухих, Зеленская 1997). В центре нашего исследования находится реализация профессиональной языковой личности тренера в рамках психологического тренинга как речевого жанра психологического дискурса. Тренинг (от англ. train — «тренировать», «тренироваться») направлен, как правило, на развитие общей когнитивной и профессиональной подготовки каждого члена группы и формирование навыков саморегуляции, тренировка перцептивных способностей человека, а также компетентности в межличностном и межгрупповом взаимодействии.

Роль тренера при этом является определяющей, поскольку в его задачи входит не только эффективная организация работы группы с целью обеспечения активности и взаимной открытости участников тренинга по отношению друг к другу, но и правильная подача учебно-практического материала, где наиболее важное значение приобретает владение навыками ораторского мастерства.

Проводя лингвистический анализ речевого оформления выбранного нами тренинга, необходимо подчеркнуть, что в данном случае мы говорим об устной разновидности дискурса: речь порождается толчками, квантами — так называемыми интонационными единицами, которые отделены друг от друга паузами, имеют относительно завершённый интонационный контур и совпадают с простыми предикациями, или клаузами. Подобный подход к речевому оформлению способствует лучшему усвоению материала на слух.

На лексическом уровне были выделены следующие особенности речи тренера: преобладание общеупотребительной лексики, малое количество научных терминов, а также разговорной лексики. Тренер намеренно избегает сложной для понимания научной терминологии, используя нормативную лексику. Его речь характеризуется достаточно большим количеством слов и выражений, употребленных в переносном значении, а также неологизмов, построенных на логических взаимосвязях и игре слов, которые придают дискурсу креативность и индивидуальный стиль. Например: «*Wenn Sie **sich** also in bestimmten Situationen „wegducken“ oder in Auseinandersetzungen „klein bei geben“ und „einknicken“, verlieren Sie an hör- und sichtbarer Souveränität. Auch wirken fahrig gesten und ein „Herumnesteln“ häufig befremdlich*». В данном примере наряду с авторскими неологизмами «wegducken» (от «sich ducken» – покоряться и «weg» – прочь; вдаль) и „Herumnesteln“ (от «nesteln» – тереть, вертеть в руках; возиться, ковыряться, копать и «herum» – вокруг, кругом) используются образные, эмоционально окрашенные глаголы „klein bei geben“ (уступать, подчиняться; пасовать; трусить) и „einknicken“ (подкашиваться; подламываться). Тем самым автор достигает необходимого персуазивного эффекта.

Для речи тренера характерно также использование образных сравнений и метафор, целью которых является убедить слушателя в чём-либо. Образность языка заставляет каждого участника невольно представить перед глазами картину происходящего. Например: «*Wenn ein Seekapitän in die Chefetage einer Fluggesellschaft berufen würde, käme uns das nicht komisch vor?*». В данном примере автор использует метафору для того, чтобы показать абсурдность, комичность сложившейся ситуации.

В следующем примере мы видим развёрнутое образное сравнение: «*Meine beste Freundin wurde von ihrem Freund verlassen. Sie fand keinen Halt mehr. Es war für sie so, als ob man unter ihren Füßen die Pflastersteine weggeräumt hätte. Und darunter war nur weicher Treibsand. Aber jetzt, nach zwei Monaten, will ich ihr helfen. Es geht jetzt darum, dass ich die Pflastersteine wieder Stück für Stück auf ihren Weg lege, damit sie wieder festen Boden unter die Füße bekommt*». В данном отрывке эмоционально окрашенное сравнение «als ob man unter ihren Füßen die Pflastersteine weggeräumt hätte» (как будто у неё из под ног убрали мостовые камни) переходит в яркую образную метафору «weicher Treibsand» (мягкий подвижный песок), которая далее разворачивается на основе антитезы «wegräumen» – «wieder legen», «weicher Treibsand» – «fester Boden». Таким образом, автор достигает своей коммуникативной цели – убедить слушателей в правоте своих слов и

эффективности своей деятельности. Кроме того в данном примере некоторые слова повторяются по нескольку раз, что вводит слушателя в трансовое состояние и еще больше воздействует на его подсознание.

Следует заметить, что повторы – очень часто встречающийся приём в речи тренера. Тавтология и игра слов усиливают эмоциональность высказываний и намеренно используются говорящим. Приведём несколько примеров: «*Große Redner haben Großes mitzuteilen, deshalb schreiben sie große Buchstaben*»; или «*Wenn Sie gefiltert rüberkommen, kommt auch Ihr Anliegen gefiltert rüber*». За счёт трехкратного повторения в составе разных словосочетаний качественного прилагательного «groß» (большой), автор достигает эффекта акцентирования внимания, а также призывает участников тренинга задуматься, каким же образом следует иллюстрировать гениальные («большие») мысли, имея своей целью стать великим, талантливым («большим») оратором. Во втором примере повторение «*gefiltert rüberkommen*» (обдуманно (досл. фильтрованно) переходить к кому-л., чему-л.) позволяет сделать акцент на местоимении «Sie» и существительном «Anliegen» (стремление, задача). В обоих примерах повторения оправданы как стилистический прием, увеличивающий действенность и выразительность речи. Игра слов, называемая также каламбуром, призвана подчеркнуть логические взаимосвязи между «субъектом» и «объектом» действия в приведенных выше высказываниях.

Одним из наиболее распространённых стилистических приёмов, характерных для речи ораторов в общем и тренеров в частности, является цитация. При этом автор цитаты может и не называться, т.е. его слова либо известны широкому кругу представителей лингвокультурного сообщества, либо перешли в разряд крылатых слов. Например, используемая автором фраза «*Nur wenn die Sätze rote Backen haben, werden die, auf die sie zielen, sie mit roten Ohren lesen!*» принадлежит известному в определённых кругах журналисту Вольфу Шнайдеру.

Вовлечение говорящего и адресата в ситуацию общения отражается в употреблении личных местоимений первого лица единственного и множественного числа, указаний на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, использование жестов и других невербальных средств и т.д. Например: «*Ich habe festgestellt, dass ...*», «*Ich möchte Ihnen von einem Menschen erzählen...*», «*Wir müssen etwas dagegen tun!*».

На грамматическом уровне мы выделили следующие особенности речи тренера: использование преимущественно настоящего времени (*generelles Präsens*), пассивных конструкций, императива, вопросительных предложений. Например: «*Wollen Sie gehört werden?*», «*Sie wurden getroffen*». В данных предложениях автор использует страдательный залог для того, чтобы акцентировать внимание на личности каждого слушающего, на его персональной вовлечённости в разговор.

В речи ведущего мы встречаем множество риторических вопросов, сменяющихся короткими восклицательными предложениями с использованием императива: «*In Ihnen tobt es? Wie kommen Sie von der Palme*

herunter? Ich zeige Ihnen eine optimale Lösung!» или «*Wollen Sie gehört werden? Dann erkennen Sie das Problem! Studieren Sie, was man dafür beherzigen muss! Plagen Sie sich!»*. В приведённых примерах смена вопросительных предложений восклицательными нацелена в первую очередь на акцентирование внимания аудитории на важных мыслях, которые хочет подчеркнуть говорящий. Восклицательные императивные предложения воздействуют на участников тренинга на эмоциональном уровне и призывают, таким образом, к активным действиям.

Итак, подводя итог проведённому анализу речевого оформления тренинга К. Герике, мы пришли к выводу, что стилевая характеристика данного дискурса в целом является однородной: общеупотребительная лексика пересекается с разговорной, речь изобилует авторскими неологизмами, фразеологическими оборотами, перифразами, цитатами и крылатыми выражениями. Эмоциональную окраску речи говорящего формируют восклицательные предложения и риторические вопросы, а обилие эпитетов и метафоричных сравнений создают образность и выразительность высказывания. Тренер намеренно отказывается от официально-делового, книжного стиля, клишированных выражений и канцеляризмов, прибегая, напротив, к индивидуализированным, современным и интересным участникам тренинга речевым техникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов [Текст] : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. / Г.И. Богин. – Л., 1984. – 86 с.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – Изд.5-е, стер. – Москва: КомКнига, 2006. – 261 с.
4. Gericke, C. Rhetorik: Die Kunst zu überzeugen und sich durchzusetzen [Text] / C. Gericke. – Hrsg. : DegenerMoreOFFICE, 3. Aufl., Cornelsen Verlag Scriptor, Februar 2008. – 126 s.

К ПРОБЛЕМЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В PR-ДИСКУРСЕ

А.П. Севостьянов

Челябинский государственный университет

The article considers PR-discourse as an activity the aim of which is to impact the society through the system of public discourses in order to achieve common communicative benefit.

Любая организация (или структура) с момента ее создания становится субъектом общественных отношений. Данный факт подразумевает необходимость поддержания этих отношений и культивирования желаемого образа этой организаций в глазах общественности. Формирование данного образа (имиджа) происходит в среде постоянно циркулирующей информации прямо или косвенно влияющей на него. Именно информация является связующим звеном между структурой и ее общественностью. Паблик рилейшнз

(далее – PR) анализирует коммуникативные (информационные) потоки любой структуры и стремится наиболее эффективно их организовать [Почепцов, 2005, с. 8].

Г.Г. Почепцов, говоря о сути PR, опирается на мнение Александра Довженко: «...в одном и том же объекте мы можем увидеть самые разные характеристики. Вопрос только в том, что именно мы захотим в нем увидеть. Сам же объект, как правило, является настолько многогранным, что позволяет обнаружить в нем и то, и другое, и третье. Задачей публичных отношений как раз и является помещение объекта нужной стороной и в нужное время» [Почепцов, 2005, с. 4]. Данный факт позволяет предположить, что, во-первых, информационная среда подразумевает наличие большого количества различных мнений и точек зрения, а, во-вторых, задача PR в том, чтобы убедить большую часть общественности отдельно взятой структуры в «правильности» выгодной для нее точки зрения. Иными словами, задача PR заключается в изменении общественного мнения в соответствии с целями и задачами субъекта.

Согласно А.Д. Кривоносову, PR – это управленческая коммуникативная рыночная деятельность (совокупность социальных практик), направленная на формирование эффективной системы публичных дискурсов социального субъекта, обеспечивающей оптимизацию его взаимодействия со значимыми сегментами социальной среды (с его общественностью) [Кривоносов, 2002, с. 26].

Термин *публичный дискурс* А.Д. Кривоносов трактует как «дискурс, имеющий публичный статус» [Там же]. Существование публичного дискурса социально обусловлено, так как «публичные коммуникации возникают, формируются и функционируют только в обществах, где возможно существование публичной сферы» [Там же, с. 23].

Согласно О.Ф. Русаковой PR-коммуникация есть разновидность публичной коммуникации. В работе «PR-дискурс: теоретико-методологический анализ» она дает определение дискурса с позиции трёх подходов: кротологического, семиотического и коммуникативного [Русакова, Русаков, 2008].

С позиции кротологического подхода PR-дискурс представляет собой деятельность по производству и воспроизводству особой разновидности *властного ресурса*, которую обозначается понятием «*социетальный капитал*». О.Ф. Русакова определяет социетальный капитал как соединение власти утилитарных и символических ценностей с коммуникативной стратегией, направленной на достижение общего коммуникативного блага – согласия, взаимопонимания, мирного согласования притязаний [Там же].

В семиотическом плане PR-дискурс формирует смысловые поля социетальной коммуникации и участвует в настройке ментальных структур общественных групп в соответствии с поставленными стратегическими целями.

Коммуникативный подход согласно О.Ф. Русаковой сочетает в себе семиотический и кротологический. Таким образом, PR-дискурс представляет собой знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которой реализуются взаимосвязанные функции: 1) функция формирования социетальных общественных отношений и

2) функция дизайна ментальных структур общественного сознания в соответствии с поставленными стратегическими целями PR-коммуникации [Там же].

В каждом из подходов присутствуют фразы, характеризующие PR-дискурс как средство, которым можно «изменять» общественное сознание (властный ресурс, настройка ментальных структур, дизайн ментальных структур общественного сознания). При этом важно отметить интенциональную составляющую PR деятельности. Согласно определению, данному в Новом международном словаре Уэбстера: «PR – это содействие установлению взаимопонимания и доброжелательности между личностью, организацией и другими людьми, группами людей или обществом в целом посредством распространения разъяснительного материала, развития обмена (информацией) и оценки общественной реакции» [Словарь Уэбстера, URL]. Разъяснительный материал, однако, всегда передаётся посредством языка, а согласно Р. Блакару любое речевое общение предполагает осуществление социальной власти. И даже «повседневное использование языка» и «непринужденная беседа предполагает осуществление господства» [Блакар, 1987, с. 134]. Еще один факт доказывающий наличие влияния в PR информации – ее основные характеристики: инициированность, оптимизированность и селективность [Кривоносов, 2002, с. 33]. Инициированность отражает наличие заинтересованности адресанта в передаче определённой информации. Оптимизированность определяет то, каким образом и в какой форме она будет передана. А селективность характеризует ее как тщательно отобранную. Таким образом, PR-дискурс так или иначе представляет собой средство воздействия, изменения сознания, моделирования ментальных структур реципиентов (целевой общественности). Но целью данного влияния является достижение «согласия, взаимопонимания, мирного согласования притязаний» [Шейгал, URL].

С нашей точки зрения, осуществление воздействия на ментальные структуры общества возможно благодаря языку, так как язык является универсальным средством регулирования интерпретацией сообщения получателем. В.Е. Чернявская в работе «Дискурс власти и власть дискурса» отмечает следующее: «Язык как семиотическая система закладывает возможность вариативного отражения объективной действительности средствами этого языка... Наличие эксплицитного, выраженного средствами языка, и имплицитного – скрытого, не выведенного в поверхностную структуру – компонентов является предпосылкой и источником неоднозначной вариативной интерпретации». Автор делает вывод о том, что «...воздействие на воспринимающее сознание может оказываться особым речевым формулированием, нацеленным на внедрение в сознание другой личности определённых оценок, мнений, отношений» [Чернявская, 2006, с. 14-15].

А.Д. Кривоносов также признаёт главенствующую роль языка в стремлении наладить контакт с целевой общественностью. Исследователь считает, что кодирование сообщения является главным фактором, который определяет интерпретацию сообщения. Под кодированием А.Д. Кривоносов подразумевает «определённую обработку PR-сообщения, выражающуюся в выборе жанровой

разновидности PR-текста» [Кривоносов, 2002, с. 43]. Е.И. Шейгал отмечает: «Власть как когнитивная категория представляет собой то, что иначе формулируется как «власть языка» – способность языка навязывать мировидение, создавать языковую интерпретацию картины мира» [Шейгал, URL]. Поэтому язык, с нашей точки зрения, представляет собой универсальный инструмент, при помощи которого возможно оказание влияния на поведение и мнение индивидов и групп индивидов.

О.Ф. Русакова трактует дискурс публичной коммуникации как сложную систему, обладающую шестью основными планами: *интенциональный план* (коммуникационный проект); *актуальный план* или перформанс (практическая реализация коммуникационного проекта в живой деятельности, имеющей знаково-символический характер); *виртуальный план* (ментальные механизмы передачи и восприятия смысловых единиц коммуникации, включая ценностные ориентации, способы идентификации, репертуары интерпретаций и другие ментальные операции); *контекстуальный план* (расширение смыслового поля на основе социокультурных, исторических и иных контекстов); *психологический план* дискурса, который пронизывает все другие его планы, выступая их эмционально заряженным компонентом; *«осадочный» план* (запечатление всех вышеназванных планов в виде прецедентных текстов, архитектурных памятников культуры, памятных мест, монументальной образов и символов) [Русакова, Русаков, 2008].

С точки зрения влияния, важнейшими, по нашему мнению, являются: интенциональный и актуальный планы. Первый включает в себя: коммуникативное намерение, стратегическое планирование, ресурсное обеспечение проекта, моделирование образа адресной аудитории, а также моделирование барьеров коммуникации. Всё вышеперечисленное оказывает непосредственное влияние на актуальный план, тем самым неразрывно с ним связано. В актуальном плане реализуются властно-энергетические функции дискурса при помощи 10 основных риторических стратегий: коммуникативно-вовлекающая, информирующая, соблазняющая, убеждающая, эмоционально-возбуждающая, воодушевляющая, развлекающая, ментально-преобразующая, имиджирующая, мобилизующая [Там же].

Для успешного PR-дискурса важно сочетание всех перечисленных стратегий. Основными элементами вербального риторического воздействия на публику выступают фигуры и тропы речи, которые усиливают ее выразительность и изобразительность. О.Ф. Русакова отмечает следующие фигуры речи, часто употребляемые в публичных выступлениях: анафора, эпифора, параллелизм, антитеза, фигура умолчания, симметрия, хиазм, метафора, метонимия, ирония и др. [Русакова, Русаков, 2008].

Согласно В.Е. Чернявской все риторические фигуры, тропы, средства образности обладают потенциальной воздействующей силой. Исследователь также выделяет целый ряд лингвистических явлений лексического, грамматического, стилистического уровня, обладающих воздействующим потенциалом и способных выдвигать те или иные смыслы в центр внимания. Эти средства в совокупности облегчают декодирование сообщения, создавая такую

упорядоченность информации, благодаря которой, адресат может верно ее расшифровать [Чернявская, 2006, с. 33].

Таким образом, PR является деятельностью, в рамках которой реализуются функции воздействия на целевую общественность через формирование эффективной системы публичных дискурсов с целью достижения общего коммуникативного блага – согласия, взаимопонимания, мирного согласования притязаний. Реализация функции воздействия определяется качеством реализации коммуникативных интенций посредством вербальных и невербальных средств. Однако решающую роль играет вербальная составляющая, которая включает в себя совокупность классических риторических приёмов воздействия, способствующих верной расшифровке отосланного сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : «Прогресс», 1987.
2. Кривоносов, А.Д. PR текст в системе публичных коммуникаций [Текст] / А.Д. Кривоносов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. – 288 с.
3. Почепцов, Г.Г. Паблик Рилейшнз для профессионалов [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М. : «Рефл-бук», 2005. – 624 с.
4. Русакова О.Ф. PR-Дискурс : Теоретико-методологический анализ [Текст] / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург : УрО РАН, Институт международных связей, 2008. – 340 с.
5. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст] : учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
6. Шейгал, Е.И. [Электронный ресурс] // URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php.
7. Словарь Уэбстера, Webster New International Dictionary [Electronic resources] // URL : <http://www.habit.ru/14.html>

КОМПЬЮТЕРНЫЙ НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

М.О. Семёнов

Армавирский государственный педагогический университет

The article dedicated to the scientific style of speech in the computer discourse. It considers the broad nature of computer communications and highlights the main properties, characteristics and computer sub-genres of scientific discourse.

Термины «научный стиль языка» и «научный стиль речи» относятся к давно устоявшимся. Стилем речи лингвисты считают совокупность приёмов, способов использования языковых средств, которые характерны для определённой речевой стихии в языке (публицистический, художественный, официально-деловой, научный стиль), отдельного автора (стилистика прозаической речи, М.А. Шолохова, Н.В. Гоголя, поэтической речи В.В. Маяковского, А.С. Пушкина), жанра письменной, устной речи (стиль Л.Н. Толстого в романе «Война и мир», стиль монографии учёного,

законодательных документов). Лексикографы словом «стиль» подразделяют языковые средства опираясь на их экспрессивную окраску («сатирический», «низкий», «высокий», «торжественный»), а текстологи – опираясь на сферу функционирования данного лексического континуума (за основу понятия «стиль» берутся определённые дифференцирующие признаки которые объективно выделяют главные или существенные, второстепенные или периферийные черты). Так, признаком понятия «стиль языка» могут являться такие функции, как сообщение, воздействие, непосредственное общение и т.д.

В речевой действительности или языковой практике функция общения материализуются в разговорном стиле, научный или официально-деловой стиль реализует функцию сообщения, а языковое воздействие реализуется в литературно-художественном и публицистическом стилях. В каждом из конкретных случаев функциональные стили речи обнаруживаются в тексте, признаками которого являются феноменальность человеческой коммуникации, последовательность сообщения, речевое единство, системность, структурность и т.д. Конкретным текстом можно назвать речевое произведение, которое характеризуется стилистическим единством формы и содержания и является средством опосредованной непосредственной коммуникации. Под термином текст понимается абстракция, которая обладает типологически определёнными признаками конкретных стилистически окрашенных текстов, обнаруживающихся в речевой деятельности. Компьютерный текст использует особые электронные сигналы. С развитием компьютерной коммуникации появились качественно новые измерения в человеческом общении, позволившие хранить и передавать, накапливать большие объёмы информации, стало реальным использование видеоаудиоканалов общения в опосредованном непосредственном линейном контактах между пишущим и читающим. Коммуникация в виртуальной и актуальной средах является отличительным признаком компьютерного общения. Всё вышеперечисленное в комплексе составляет дискурсивное пространство (Дискурс или Диску́рс (фр. discours) в общем смысле – речь, процесс языковой деятельности. В специальном, социогуманитарном смысле – социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени. Впервые данный термин был введён Э. Бенвенистом [Бенвенист, URL].

В настоящее время лингвистами выделяются текстовые уровни подразделяющиеся на композитный и дискурсивный: композитный уровень – сам целый текст со своей жанрово-специфической организацией, а дискурсивным уровнем в свою очередь является речевая связность текста, проявляющаяся в цепочке предложений. Цельность текста характеризует его как смысловое единство, единообразную стилистически маркированную синтаксическую структуру. В тексте, как средстве коммуникации присутствует формальный аспект, при изучении которого должны быть

выявлены единицы и способы их связи, составляющие сам текст. Рассматривая компьютерную коммуникацию, обнаруживаются широкие возможности связи, включающие компьютерные сети, которые объединяют компьютеры в одном помещении, комплексе помещений или даже национальной, межрегиональной, региональной, городской компьютерной паутины. Компьютерная Интернет-среда объединяет большое количество пользователей. Информационное пространство Интернет-среды включает в себя все научные жанры компьютерного дискурса и соприкасается с массовой коммуникацией. Компьютерную коммуникацию отличает институциональный и персональный характер и она имеет следующие функции – решение познавательных и прикладных задач, хранение в памяти наборов любых текстов, кодирование нетекстовой информации.

Следовательно, компьютерная коммуникация включает в себя характеристики, которые присущи всем типам живого человеческого общения и содержит черты личностной, внутренней, групповой и массовой речевой деятельности. Компьютерная коммуникация может быть как длительной, так и краткой, письменной или устной. В дискурсивном отношении она включает в себя сообщение и повествование, рассуждение и утверждение, доказательство и аргументацию, то есть всю атрибутику терминов делового, научного и других стилей речи. Научный стиль компьютерного дискурса является тем же самым функциональным стилем языка науки, который используется в гуманитарной, технической и естественной отраслях знания, но включающий в себя электронные средства связи. Также следует разграничивать жанровые и стилистические подстили внутри научного компьютерного дискурса. Жанровое отношение определяется различием рецензии и аннотации, диссертации и монографии, статьи и тезисов доклада. Различия определяются не только объёмом текста, но и условно принятыми в той или иной области знаний: вербальными кодами, моделированием синтаксиса и синтагм, сокращений и символов. К необъёмным текстам относятся такие тексты, как аннотации, резюме. Составляющей стилистических разновидностей языка науки в научной компьютерной коммуникации являются отраслевые подстили: научный или сугубо-научный, научно-технический, а также научно-деловой, учебно-научный (нейтрально-научный), научно-публицистический и научно-популярный.

Научный подстиль отличает академическая манера построения текста, широкое использование специальной терминологии, строгая система документирования источников, аналитическое цитирование суждений оппонентов, регламентированное использование научного аппарата и т.д. Типичными жанрами характерными для этой разновидности сугубо-научного стиля являются: диссертация, монография, статья, научный доклад, научный отзыв и научная рецензия.

Для научно-технического подстиля, как правило характерно включение в текст специальных формул, таблиц, диаграмм, условные значки и доступность для понимания узким кругом специалистов. Научные и

компьютерные тексты специфичны в каждой из отраслевых дисциплин, также как и модель самого компьютерного дискурса.

Научно-деловой подстиль характерен синтаксической моделью патентных текстов, которые отличает сложность формулировок, конкретность достижения результатов, адресность целевых характеристик, научная или прагматическая информативность и ее юридическая обеспеченность защитой авторских прав. В компьютерных вариантах научно-делового языка такие тексты обычно транслируются с учётом кодового регламента компьютерных коммуникативных технологий.

Формирование нейтрально-научного подстиля характеризуется процессом создания многопрофильной учебной литературы. Он отличается от сугубо-научного подстиля сдержанностью использования специальной лексики, обязательным толкованием терминов, которые вводятся в дискурс, доступностью понимания изложенного текста и незначительной его популяризацией. В научно-популярном подстиле практически исключено употребление специальных терминопонятий, это объясняется его предназначением для неспециалистов. Этот подстиль является публицистическим произведением (монография, очерк, статья, цикл статей), в котором научная информация, которая доступна широкому кругу пользователей, популяризуется посредством компьютерной сети.

Таким образом, подстили научного компьютерного дискурса характеризуются своими особенностями отбора речевых средств. Их особенно можно заметить, сравнивая компьютерную информацию по физике, лингвистике, медицине, биологии, и другим отраслям знаний. Это объясняется тем, что язык каждой науки отличается особой терминологией, состав синтаксических, лексических, семиотических средств. Все подстили компьютерного дискурса связаны научным стилем информационного изложения, а также самим назначением научного изложения. Оно должно объективно и точно передавать информацию, обладать информационно насыщенной, лаконичной и сжатой компьютерной речью.

Для компьютерного дискурса как разновидности научного общения характерны следующие признаки, которые отражают принципы компьютерной коммуникации: виртуальное общение с неизвестным, воображаемым собеседником, новый тип письменного общения – электронный сигнал, находящиеся на расстоянии друг от друга участники компьютерного общения, опосредованная связь между коммуникантами, статусное равноправие, возможность использования графических средств, выделяющих основную информацию, включающих в себя гипертекст, который позволяет стирать, дополнять, изменять, включать и исключать идеограммы, видеоклипы, мелодии. Присутствует возможность комбинировать, смешивать тексты, фиксировать эмоции состояния отправителя, используя особые символы, «смайлики» (англ. smile “улыбка”) и общепринятые команды жаргонных кодов. Совокупность норм, правил поведения коммуникантов в сети, явилось причиной создания особого компьютерного этикета. Знание этих норм и правил способствует

нейтрализации и дискомфорта при общении в Интернет-пространстве (избегать категорических суждений, не отклоняться от обсуждаемой темы, не выходить за рамки допустимого объема текстового сообщения, не применять выражения осуждающего характера и др.). Исторически сложившиеся принципы научного диалога, дипломатическая степень этикета, включающая межэтнические отношения к возрасту, полу, национальным взглядам и обычаям характеризуют стилистику компьютерного общения. Компьютерный дискурс включает в себя специальный набор символов (не менее 250), помогающих выражению своих эмоций в сети и контролю уровня взаимопонимания между участниками общения, выражение своего согласия – несогласия. Компьютерный дискурс содержит набор специальных синтаксико-диакретических знаков, сообщающих о выделении словосочетаний или отдельных слов в тексте курсивом (*_*) или чертой (“_”). Действие компьютерного пирата выражается чередованием строчных букв с прописными, а набранное прописными буквами слово как КРИК. Известные аббревиационные правила сокращают объем дискурса. Нормы этикета регулируют содержание, объем письма, структуру ответа, вопроса, подписи и другие правила вежливого общения.

Компьютерный дискурс является полиаспектной разновидностью диалогической и монологической речи. Он включает в себя специфический набор коммуникативных средств, которые используются не только в терминологических понятиях и компьютерных терминах, но и в лексических единицах связанных, которые связаны с различными подстилями научного общения в сети. Профессиональные слова и словосочетания, насыщенность речевыми средствами характеризуют компьютерный дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1979.
2. Бенвенист, Э. Дискурс [Электронный ресурс] / Э Бенвенист. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дискурс>.
3. Карасик, В.И. О категориях дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград, 1998.
4. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка [Текст] – М.Н. Кожина. – М., 1993.
5. Москальская, О.И. Грамматика текста [Текст] / О.И. Москальская. – М., 1981.
6. Чернухина, И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста [Текст] / И.Я. Чернухина. – Воронеж, 1984.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДИСФЕМИЗАЦИЯ» В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.А. Сидельникова
Ставропольский государственный университет

This article deals with the definition of the phenomena “dysphemia” in the economic discourse and its major communication-pragmatic features characterization.

Одной из основных текстовых дискурсивных категорий является категория информативности, сущностные характеристики которой варьируются в зависимости от сферы коммуникации. Задача данного исследования – определить способы образования дисфемизмов в экономическом дискурсе с точки зрения заключённой в них информации, дать прагматическую характеристику данного явления. Материалом для наглядного иллюстрирования послужили контексты из статей экономической направленности. В первую очередь, обратимся к ключевым видам информации, среди которых принято выделять *содержательно-фактуальную (СФИ)*, *содержательно-концептуальную (СКИ)* и *содержательно-подтекстовую (СПИ)* [Гальперин, 1981, с. 53].

СФИ содержит сообщения о событиях, фактах, процессах, происходящих в реальном или воображаемом виде. Данный тип информации носит эксплицитный характер, и единицы языка в СФИ актуализируются в прямых, предметно-логических, словарных значениях, обусловленных социально-когнитивным опытом. Реальность в этом случае изображается без камуфлирования информации, даже если это вульгарный или грубый способ изложения мысли. Данное явление часто встречается в публицистике, преследуя цель разоблачения и высмеивания власти, реализуемую через тактику саркастического обвинения. Например: «... *учредитель просто в запое*», – *губернатор Тверской области не выбирал выражений, описывая читателям «Газеты.ру» обстановку на заводе «Элтор», ...»* [Форбс, 2009, с. 40]. «*Обращали внимание на то, что кризис стал результатом не столько недостаточного, сколько неэффективного регулирования, то есть перед нами не провал рынка, а государства»* [Форбс, 2009, с. 24]. Авторы статей, содержащих данные контексты, не скрывают прямой номинации происходящего, вызывая у читателя определённо отрицательное отношение. Так, прямая номинация негативных событий в экономической сфере, по нашему мнению, характеризует первый способ образования дисфемизации.

СКИ доносит до читателя индивидуально-авторское понимание взаимосвязи явлений, причинно-следственные связи, значимость того или иного факта в экономическом, социальном, культурном и других планах. СКИ извлекается из всего произведения и представляет собой определённое переосмысление, успех которого зависит от лингвокультурной компетенции рецептора. Очевидно, что СКИ получает как эксплицитное, так и имплицитное выражение. В текстах экономической направленности данный вид информации можно проследить в заголовках / подзаголовках статей, которые ввиду своей лаконичности и экспрессии (зачастую с негативным контекстом) привлекают аудиторию: «*Sea of troubles» (Mope проблем)* – подзаголовок статьи «*Shipping in the downturn*» [The Economist, 2009, p. 51]; в выделенных жирным шрифтом и вынесенных в центр страницы предложениях, взятых из общего контекста и останавливающих на себе

взгляд читателей при первом ознакомлении содержания статьи: *«Дорогая нефть развращает власть, блокирует политические силы, выступающие за прогрессивные реформы»* [РБК, 2009, с. 81]; в резюме, предшествующих статьям: *«As California wrestles with its budget, one group thinks deeply about its taxes»* (Пока Калифорния бьется над бюджетом, другие задумываются о налогах) [The Economist, 2009, p. 39]. Таким образом, грубое или непристойное обозначение изначально нейтрального понятия с целью придания ему негативной смысловой нагрузки или просто для усиления экспрессивности речи, определяет второй путь образования дисфемизмов.

СПИ – особый вид информации, извлекаемый благодаря способности языковых единиц порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также приращивать смыслы. В основе СПИ лежит способность человека к параллельному восприятию действительности сразу в некоторых плоскостях. Целесообразным полагают выделять два вида СПИ: ситуативный и ассоциативный. Ситуативная СПИ возникает в связи с фактами, событиями, описанными ранее, ассоциативная СПИ возникает в силу привычки связывать изложенное с личным или общественным опытом. Таким образом, ситуативная СПИ детерминирована взаимодействием сообщаемого в контексте и сказанного ранее. Ассоциативная, в свою очередь, более эфемерна и неопределённа [Гальперин, 2005, с. 26-45]. Неоспоримым видится тот факт, что восприятие СПИ напрямую зависит от тезауруса рецептора. Подобный способ изложения информации широко представлен в текстах прессы, в которых активно используются отдельные возможности эффективности воздействия на коммуниканта, создаются определённые оценки при передаче информации. С позиции воздействия текст прессы в экономической сфере рассматривается нами как совокупность выбранных субъектом речи необходимых языковых средств и речевых действий для достижения определённых коммуникативных целей. Так, одной из основных фигур речи, реализующих подобную имплицитную информацию, является эвфемизм. Истоками данного явления принято считать времена жёсткой цензуры писателей, журналистов, публичных ораторов, деятельных личностей любой сферы. Однако слова, использующиеся в качестве эвфемизмов, не остаются таковыми постоянно, поскольку в отличие от большей части лексических тропов они особенно поддаются влиянию изменений в области культуры человеческих отношений и нравственных оценок тех или иных явлений общественной жизни. То, что кажется эвфемизмом на одном этапе развития общества, перестает им быть на следующем, превращаясь в средство, которое, с точки зрения большинства носителей данного языка, именуется объектом прямо. Происходит устаревание, т.е. «дисфемизация» эвфемизмов. Табуированные понятия воспринимаются негативно, и из-за частого употребления это негативное восприятие распространяется и на сам эвфемизм, заменяющий данное слово, так что эвфемизм нередко утрачивает свою мелиоративную функцию. Так, например, в статье «Если хозяин не сдаётся» журнала Форбс, размещен контекст следующего содержания: *«... Он не высокого мнения о*

губернаторском «ручном управлении» – «только вред один» [Форбс, 2009, с. 41]. Когда-то выражение «быть не высокого мнения» мелиорировало позицию о ком-либо / о чем-либо, не вызывая должной негативной реакции, сегодня же мы определённо владеем информацией подтекста. Таким образом, в данном случае нет той сглаживающей конфликтную ситуацию способности эвфемизма. По нашему мнению, «устаревание» некогда бывших эвфемизмов, вуалировавших правду экономических событий – это третий способ образования явления «дисфемизация».

Ярко выраженная прагматичность коммуникации в сфере экономической деятельности заставляет ее участников более осторожно подходить к употреблению как пейоративной, так и мелиоративной лексики. Номинативное варьирование в таком случае связано с изменением прагматического фокуса и реализуется через родственные, но диаметрально противоположные явления эвфемизации и дисфемизации.

Дисфемизмы, находясь в оппозиционных отношениях с эвфемизмами по признаку оценочного ассоциата, являются средством придания денотату большей степени негативной окраски и ориентированы на отрицательное речевое воздействие на реципиента. Однако существует зависимость употребления эвфемизма и дисфемизма от контекста и от условий речи: чем жёстче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов; и, напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи эвфемизмам могут предпочитаться «прямые» обозначения, или дисфемизмы [Крысин, 1989, с. 139].

Таким образом, можно констатировать, что экономическая дисфемизация – это 1) прямая номинация негативных событий в экономической сфере, 2) грубое или непристойное обозначение изначально нейтрального понятия с целью придания ему негативной смысловой нагрузки или просто для усиления экспрессивности речи; 3) «устаревание» некогда бывших эвфемизмов, вуалировавших правду экономических событий. Эвфемизмы и дисфемизмы являются тактическими языковыми средствами, с помощью которых может быть достигнут желаемый прагматический эффект и осуществиться целенаправленное воздействие на массовую аудиторию, которое реализуется через речевые стратегии и речевые тактики, в частности, стратегию дискредитации. Другими словами, эзотеричность в экономическом дискурсе – не семиотическая, а прагматическая характеристика. Манипулятивный потенциал языка и широкое развитие средств массовой информации сделали экономический дискурс в масс-медиа одной из сфер реализации экономической коммуникации и осуществления прагматического воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И.Р. Текст, как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М. : УРСС, 2005. – 144 с.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1981. – 139 с.

3. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка [Текст] / Л.П. Крысин. – М. : Наука, 1989. – 186 с.
4. РБК, август, 2009.
5. Форбс, август, 2009.
6. Форбс, сентябрь, 2009.
7. The Economist. July 25th, 2009.
8. The Economist. August 1st, 2009.

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС-РЕАКЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Е.А. Скородумова

Челябинский государственный университет

The present article is dedicated to rhetorical questions-responses used to express disagreement with the previous statement or negative answer to the question. The research is based on English fiction texts.

Речевая деятельность состоит из речевых действий (актов). Вся классическая теория речевых актов (РА) основывается на разграничении буквального и косвенного смысла. Вслед за Дж. Сёрлем [Сёрль, 1986, с. 160] мы придерживаемся гипотезы, которая заключается в том, что в косвенных РА говорящий передаёт слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает. Примером тому могут послужить риторические вопросы (РВ). Они являются одним из самых распространённых способов эмоционального реагирования на содержание инициирующей реплики диалога.

Под *несогласием* в настоящей статье понимается отрицательная реакция собеседника на содержание инициирующей реплики, состоящая в отрицательном ответе на вопрос, возражении, протесте, отказе осуществлять определённое действие, негативной оценке намерений или взглядов собеседника и т.д. [Солганник, 1973] Осуществлением прагматической функции выражения несогласия является возможность подстановки маркера несогласия (No и его семантических эквивалентов) в ответную реплику без нарушения семантической структуры диалогического единства. Поскольку риторический вопрос-реакция (РВР) характеризуется асимметрией формальных и содержательных характеристик, риторические вопросы – ответные реплики, выражающие отрицание, возражение, несогласие, повторяют утвердительную форму исходного высказывания, но имеют при этом обратное значение [Почепцов, 1979].

Положительная форма РВР в ответной реплике является средством выражения несогласия с положительным высказыванием, содержащимся в инициирующей реплике.

В некоторых диалогических единствах несогласие выражается в качестве отрицательного ответа на положительный по форме общий вопрос, представленный в инициирующей реплике:

Or is it that you're afraid we'll steal your secrets?

What secrets can a beginning carver have? [Maugham, 1977, p. 141].

В следующем диалоге ответная реплика содержит эксплицитное несогласие, представленное двумя отрицательными предложениями:

Will there be women?

No, Joaquin. There are no women. Why should we kill their women? [Hemingway, 1973, p. 137].

Косвенным высказыванием РВР в данном случае является отрицательное утверждение: *No, Joaquin. There are no women, because there's no reason why we should kill their women.*

Риторический вопрос, являясь косвенным утверждением в форме вопроса, менее категоричен, чем имплицитное им утверждение, и может являться более вежливой формой выражения несогласия. Рассмотрим пример:

The only thing we've got against him is the photograph business. If he can clear that up satisfactorily –

You are going to tackle him on the subject? Frankie, is that wise? [Christie, 2002, p. 162]. Полная форма ответной реплики имеет следующий вид: *Oh no, you are not going to tackle him on the subject, because it is not wise.*

Маркером менее категоричного несогласия может быть формула *I don't think so:*

"One of them was down here the other day" said Frankie.

Looking for a house, I believe.

What should anyone want with a house down here? [Christie, 2002, p. 68]. Косвенным высказыванием РВР является отрицательное утверждение, содержащее аргументацию возражения: *No one wants a house down here.*

В директивных диалогических единствах несогласие, выраженное РВР, представляет собой отказ совершить определённое действие:

Well, sit down. Have a rest for a second.

How can I sit down? How can I possibly sit down? [Chandler, 2000, p. 61]. Косвенным высказыванием является отрицательное утверждение *I can't sit down.*

В следующем примере иницирующая реплика содержит предложение совершать определённое действие. В ДЕ этого типа несогласие представляет собой отказ от предложения или услуг собеседника:

I'd like you to handle the picture while I'm gone.

What do I know about making a training film? [Sheldon, 1990, p. 173].

Косвенным высказыванием РВР является отрицательное утверждение *I don't know anything about making a training film*, содержащее аргументацию отказа от предложения, сформулированного в иницирующей реплике.

Риторический вопрос, выражающий несогласие с иницирующей репликой, содержащей грамматическое отрицание, может иметь в своём составе лексический негатор:

I don't know.

Oh, for God's sake, do you think you can fool me? [Galsworthy, 1974, p. 48]. Иницирующая реплика в диалоге содержит грамматический негатор *not* и выражает отрицательное суждение.

Рассмотрим следующий пример:

I shouldn't have given you that drink.

What's wrong with being drunk? [Fitzgerald, 1973, p. 94-95]. РВР содержит лексический негатор *wrong*.

В следующем примере РВР выражает несогласие (отказ) в директивном диалогическом единстве, иницирующая реплика которого содержит грамматический негатор:

Promise me, dear, you won't believe I made you an excuse.

What else can I believe? [Huxley, 1996, p. 67].

Косвенным высказыванием РВР является положительное высказывание, представленное отрицательным предложением с двойным отрицанием: *There's nothing else I can believe.*

Таким образом, положительный по форме РВР является средством выражения несогласия с иницирующей репликой, представляющей собой положительное высказывание, т.е. выраженной положительным предложением или отрицательным предложением, содержащим чётное число негаторов. Риторичность является негатором, обеспечивающим отрицательное косвенное высказывание РВР. Риторический вопрос, содержащий лексический или грамматический негатор, выражает несогласие с иницирующей репликой, представляющей собой отрицательное высказывание. Риторичность является негатором, вступающим во взаимодействие с грамматическим или лексическим негатором, имеющимся в составе РВР и обеспечивающим положительное косвенное высказывание РВР. Несовпадение знаков информации иницирующей и ответной реплик является признаком несогласия как прагматического значения ответной реплики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сёрль, Дж. Классификация речевых актов [Текст] / Дж. Сёрль // Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986 а. – С. 170 - 194.
2. Сёрль, Дж. Косвенные речевые акты [Текст] / Дж. Сёрль // Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986 б. – С. 195-222.
3. Сёрль, Дж. Что такое речевой акт? [Текст] / Дж. Сёрль // Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986 в. – С. 151 – 169.
4. Солганник, Г.Я. Синтаксическая стилистика [Текст] / Г.Я. Солганник. – М. : Высшая школа, 1973. – 213 с.
5. Chandler, R. Farewell, my lovely [Text] / R. Chandler. – М. : Менеджер, 2000. – 178 p.
6. Christie, A. Why didn't they ask Evans? [Text] / A. Christie – М. : Manager, 2002. – 201 p.
7. Fitzgerald, F.S. The great Gatsby [Text] / F.S. Fitzgerald. – Киев : Dnipro Publishers, 1973. – 141 p.
8. Galsworthy, J. The man of property [Text] / J. Galsworthy. – М. : Прогресс, 1974. – 212 p.
9. Hemingway, E. For whom the bell tolls [Text] / E. Hamigway. – Fontana/Collins, 1973. – 150 p.

10. Huxley, A. Hurbert and Minnie [Text] / A. Huxley. – М. : Менеджер, 1996. – 85 p.
11. Maugham, W.S. Rain and other short stories [Text] / W.S. Maugham. – М. : Progress Publishers, 1977. – 263 p.
12. Sheldon, S. The Other Side of Midnight [Text] / S. Sheldon. – Warner Publishers, 1990. – 178 p.

ПОНЯТИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА В ЯЗЫКЕ

Е.М. Снегова, Т.С. Кириллова

Астраханская Государственная Медицинская Академия

The effort to systematize the general types of intercultural units, which reflect the notion of the precedential phenomenon, is made in the article.

Явление прецедентности в настоящее время становится объектом пристального внимания лингвистов (Ю.Н. Караулов, А.Е. Супрун, Ю.А. Сорокин, В.Г. Костомаров, Г.Г. Слышкин, В.В. Красных и др.). По мнению Г.Г. Слышкина, наблюдающаяся в отечественной филологии вспышка интереса к изучению интертекстуальных связей не случайна, она имеет «глубокие культурные корни». «В данном случае, – полагает он, – лингвистика чутко реагирует на изменения в дискурсивном поведении социума. В дискурсах различных слоёв общества налицо тенденции к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи, к осмыслению и компиляции текстов других культур, прежде недоступных по идеологическим причинам» [Слышкин, 2000, с. 5].

В данной статье мы попытаемся систематизировать основные виды прецедентных единиц, образующие понятие прецедентного феномена с лингвистической точки зрения, дать их характеристику, а также рассмотреть функциональный аспект прецедентных феноменов, необходимость которого в нашей работе обусловлена дальнейшим анализом прецедентных единиц в рекламном дискурсе.

Для начала нам представляется важным отметить общее определение понятия «прецедент», которое практически одинаково приводится в ряде различных словарей русского языка. Так, например, Большой Энциклопедический Словарь под редакцией А.М. Прохорова трактует данное понятие следующим образом: «прецедент – (от лат. praecedens – род. п. praecedentis – предшествующий) – случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода». [Прохоров, 2004, с. 803].

Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова характеризует данное явление так: «прецедент – случай, служащий примером или оправданием для последующих случаев этого же рода. Создать прецедент – дать повод для подобных случаев в будущем. Установить прецедент – найти в прошлом сходный случай» [Ожегов, 2003, с. 625].

Несмотря на достаточно чёткое значение понятия «прецедент», которое мы можем сформировать на основе вышеизложенных определений, в

лингвистике термин «прецедентный» феномен еще не может быть отнесён к числу однозначно устоявшихся.

О том, что такое прецедентные феномены, высказывались разные мнения.

Ю.Е. Прохоров называет прецедентный феномен базовым, стереотипным ядром знаний на уровне этнической культуры, а не личности.

В работе Д.Б. Гудкова, Л.П. Клобуковой, И.В. Михалкиной прецедентные феномены рассматриваются как эталоны национальной культуры, которые «с одной стороны отражают, а с другой – задают определённую ценностную парадигму и те модели поведения, которым рекомендуется/запрещается следовать» [Гудков, 2001, с. 249]. Это, по мнению ученых, определяет их исключительную роль как в моно-, так и в межкультурной коммуникации.

Авторы определяют прецедентный феномен как особую группу вербальных или вербализуемых феноменов, которые известны любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества.

По мнению О.А. Немировой, прецедентные феномены отражают в тексте национальные культурные традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества [Немирова, 2004, с. 149].

В.В. Красных приводит своё понимание прецедентных феноменов, к числу которых она относит:

1. феномены, хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);
2. феномены, актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
3. феномены, обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества.

Человек является одновременно индивидуальной и коллективной языковой личностью, принадлежа к определённому лингвокультурному сообществу, к определённой социальной группе. Таким образом, в его сознании содержатся и индивидуальные, социально-групповые, национально-культурные, универсальные знания и представления. На основе универсальных смыслов осуществляется межкультурная коммуникация. Наиболее значимы социально-групповые и национально-культурные смыслы, закреплённые в языке, особенностях поведения, моральных нормах и убеждениях индивида. Исходя из этого, В.В. Красных делит прецедентные феномены по степени их известности на универсально-прецедентные, которые известны любому среднему представителю того или иного социума, а также национально-прецедентные, которые известны любому представителю определённого лингвокультурного сообщества [Красных, 2002, с. 173].

Говоря о структурном аспекте прецедентных феноменов, мы считаем, что классификация, предложенная В.В. Красных, наиболее чётко определяет виды прецедентных единиц, образующих описываемое явление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
2. Гудков, Д.Б. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного контекста общения [Текст] / Д.Б. Гудков, Л.П. Клобукова, И.В. Михалкина // Вестник МГУ, №6. – М., 2001. – 290 с.
3. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.
4. Немирова, Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса (на материале современной публицистики) [Текст] / Н.В. Немирова // Лингвистика, №7. – М., 2004. – 211 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Азбуковник, 2003. – 940 с.
6. Прохоров, А.М. Большой Энциклопедический Словарь [Текст] / А.М. Прохоров. – СПб: Норинт, 2004. – 1456 с.
7. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

СТРАТЕГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ю.В. Сорокина

Челябинский государственный университет

The following article states the issue of pedagogical discourse as institutional and describes its main characteristics, tactics and strategies.

Педагогический дискурс является видом институционального дискурса. Институциональный дискурс является разновидностью общения между людьми, которые должны общаться в соответствии с нормами социума.

Многие ученые рассматривают педагогический дискурс в качестве образцового для лингвистического анализа, говоря о его независимости, институциональности и дискурсивной оригинальности.

Самостоятельность и независимость педагогического дискурса (далее ПД) как дискурсивного типа выражается в следующих характеристиках: 1) обладает собственным набором лексических средств; 2) легитимирован государством для передачи идеологии и выполнения государственного социального заказа; 3) интерактивен; 4) имеет свои особенности; 5) характеризуется определенными языковыми маркерами: преимущественным использованием личных местоимений, модальных глаголов, преобладанием аргументативной организации дискурса.

Педагогический дискурс сложно структурирован и негомогенен, он состоит из таких компонентов как воспитательный дискурс, образовательный дискурс, официальный педагогический дискурс. Каждая из этих составляющих ПД может изолированно функционировать во всех

областях социальной практики человека. Воспитательный дискурс является составной частью назидательного дискурса, распространенного между родителями и детьми. Собственно воспитательный дискурс отличается от воспитательного институционального дискурса, являющегося частью педагогического дискурса. Дидактический дискурс существует в тех ситуациях, в которых речь идет о передаче отсутствующих знаний. Институциональный дидактический дискурс ориентирован на медиатическую передачу знаний, основанных на педагогических принципах в рамках социального института образования. Официальный педагогический дискурс представляет собой фундамент институционального ПД в целом. Официальный ПД легитимизирует ПД, вписывая его в социальный институт образования и предписывая ему правила и принципы функционирования и организации.

ПД как независимый институциональный реализуется субъектами социального института образования, обусловленного принципами, нормами и правилами функционирования, вытекающими из педагогического контракта, подразумевающего социальные роли, то есть предустановленные модели действий.

Внутри данного типа институционального общения учитываются следующие характеристики: статусно-ролевые характеристики участников общения, цель общения, прототипное место общения. Таким образом, ядром педагогического дискурса является базовая пара участников коммуникации – педагог и ученик; целью является социализация члена общества; место общения – учебное заведение; по содержанию это личностно-ориентированный дискурс. Следуя этому подходу, можно утверждать, что участниками педагогического дискурса являются профессиональный педагог и группа учеников. В процессе коммуникации участники дискурса выполняют разные функции. Ведущая роль принадлежит педагогу, который инициирует, организует, координирует, контролирует речевое взаимодействие, а также информирует, оказывает поддержку, оценивает действия и поступки. В свою очередь, ученики включаются в коммуникацию, осуществляя в процессе переход от подражания, осмысления к самореализации в речевом взаимодействии. Основную ответственность за успешное взаимодействие несет педагог, роли участников строго разграничены и детерминированы, хотя и могут меняться в процессе коммуникации. Педагог определяет предмет речевого общения, продолжительность, дает возможность ученикам включиться в диалог и прервать его. Ученики участвуют в общении и отвечают за успешность собственных речевых актов. Педагог в общении с учениками выступает не только как профессионал, но и как личность. Как было сказано выше, в процессе педагогического общения ролевые позиции находятся в динамике и могут меняться в зависимости от ситуации и отношения педагога.

Педагог следует намеченной цели общения, чтобы достигнуть желаемого результата, также он ищет речевые стратегии, чтобы устранить возникающие препятствия в общении и взаимодействии.

Существует огромное количество определений понятия стратегии и общим в них является то, что стратегия является посредником, связывающим когнитивный уровень говорящего с речевым. Можно выделить общие моменты в определении понятия стратегии. 1) Стратегия вырабатывается в зависимости от коммуникативной интенции, коммуникативной цели, результата коммуникации и является оптимальным средством достижения коммуникативной цели. 2) Стратегия представляет концептуальное видение речевого поведения, контролируемого говорящим. 3) Время выработки стратегии зависит от характеристик дискурса. 4) Стратегия состоит из тактик и приемов, реализующих ее. 5) Стратегия может варьироваться в зависимости от развития коммуникации.

Дискурсивная стратегия формируется в комплексном анализе текста как материализованного продукта дискурса, обращенного к интенциональному аспекту порождения личностного смысла субъектом речи, аспекту контекстуальных и интеракционных условий ее развития и аспекту ее выражения языковыми средствами. Определив стратегию, исходя из анализа языковых средств, возможно выявить макроструктуру смысла, обусловленную проективным концептуальным видением путей достижения наилучшего результата в данной дискурсивной деятельности.

Для изучения коммуникативных стратегий существует ряд предпосылок. В любом акте общения коммуниканты преследуют неречевые цели, которые в итоге влияют на сознание собеседника, на его восприятие и структурирование мира. С когнитивной точки зрения, стратегии могут быть описаны как совокупность процедур над моделями мира участников коммуникации. Для педагогического дискурса характерно постоянное воздействие на концептуальную систему собеседника-обучающегося с целью преобразования его системы знания о мире, его поведения, эмоционального состояния, отношения к тем или иным событиям и реалиям мира.

Изучение педагогического дискурса предполагает рассмотрение стратегий и тактик данного типа дискурса. Стратегии ПД состоят из коммуникативных интенций, конкретизирующих основную цель социализации человека – превратить человека в члена общества, разделяющего систему ценностей, знаний, умений, норм и правил поведения. В.И.Карасик выделяет следующие коммуникативные стратегии педагогического дискурса: объясняющую, оценивающую, контролирующую, содействующую и организующую [Карасик, 2002, с. 2-18]. *Объясняющая* коммуникативная стратегия представляет собой последовательность интенций, ориентированных на информирование человека, сообщение ему знаний о мире. Данная интенция может реализовываться в разных жанрах педагогического общения: от бытового разговора до философской беседы. *Оценивающая* стратегия ПД выражает общественную значимость учителя как представителя норм и реализуется в праве давать оценку событиям, обстоятельствам, достижениям ученика. Интенция реализуется в похвале и порицании. Специфика успешного ПД заключается в изменении

естественного языкового оценочного баланса: положительная оценка поступка адресата может трансформироваться в положительную оценку адресата как личности, а отрицательная оценка соответствующего поступка не должна подвергаться подобной трансформации, так как отрицательная оценка личности ученика ведет к потере его уверенности. *Контролирующая* стратегия в ПД представляет собой интенцию, направленную на получение объективной информации об усвоении материала, обретении умений и навыков. Она выражается в проверке готовности к получению информации, в контроле понимания материала. Данная стратегия включает в себя действия педагога по формированию ответственности и дисциплинированности как необходимых качеств жизни в коллективе. Контролирующая стратегия также формирует ответственность и дисциплинированность, поддерживает контакт, стимулирует внимание, тестирует и экзаменует. *Содействующая* стратегия ПД состоит в поддержке и исправлении учащегося. Имея много общего с оценивающей стратегией, она имеет различие в том, что оценка направлена на установление объективного состояния дел, а содействие – на создание оптимальных условий для формирования личности человека и выражается в виде положительного отношения к адресату. *Организирующая* стратегия ПД лежит в совместных действиях участников общения: этикетные ходы ПД (приветствие, обращение, прощание и т.д.); директивные ходы; трафаретные формулы, используемые при возникновении и разрешении конфликта; тренировочные и игровые высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.

ДИСКУРС МОДЫ В ЯЗЫКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сташкевич К.О

Челябинский государственный университет

In the article the issues of fashion discourse in professional communication are discussed. The analysis is done on the basis of lexical means used in fashion articles for non-professional readers and specialized fashion magazines.

Индустрия моды и создание образа на данное время недостаточно исследованы как профессиональная сфера, так как, в конечном итоге, они направлены на широкий круг потребителей, для которых не представляет интереса научная и техническая сторона вопроса. Для непрофессионалов интересен лишь результат работы, задача же узкого круга специалистов, стоящих за разработками модной индустрии, привлечь внимание потребителя, «заставить» его с помощью всего лишь нескольких слов обратить внимание на продукт и, в конце концов, подтолкнуть к его приобретению. Известно, что при составлении любого рекламного слогана специалисты используют вербальные и невербальные средства, так называемые психологические «уловки», при которых, используя

определенного рода слова, фразы, оформление, можно не только заинтересовать потребителя, но и, в конце концов, получить с его помощью реальную прибыль.

Любой человек, интересующийся новинками индустрии моды, владеет, хотя бы в минимальном количестве, определенным лексиконом этой сферы. Данные лексические единицы трудно назвать терминами, хотя многие из них, к примеру, названия одежды (тренчкот, даффлкот, ламберджек, редингот) можно считать единицами, относящимися к профессиональному языку. Многие термины стали широко употребляться, благодаря изданиям, направленным на популяризацию модных тенденций, вследствие чего воспринимаются сейчас как общеупотребительная лексика (тренд, букле, фурнитура, шерстяной креп, рукав-баллон, крой). Очень интересно было бы раскрыть особенности лексикона модной индустрии, сравнить издания, предназначенные для широкой аудитории и узкого круга специалистов.

Функционирование языка данной сферы профессиональной коммуникации, иными словами, дискурс моды, явно отличается в плане языковых черт, стилистической спецификой (во многом определяемой количественными тенденциями в использовании языковых средств), а также спецификой тематики. Если рассматривать дискурс в понимании М.Фуко, А.Греймаса, Ж.Деррида, М.Пешё, можно сказать, что дискурс – это «стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология» [Петер Ортнер, 2008, с. 20]. В науке о дискурсе различаются две различные группы работ: те, которые исследуют построение дискурса (например, дискурс лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как человек, читающий модный журнал, понимает эксплицитные или имплицитные рекомендации по созданию образа и соотносит их с теми или иными объектами).

Язык модных журналов неразрывно связан с языком рекламы, так как под языком рекламы понимаются «все средства коммуникации, применяемые рекламными агентствами, чтобы заполучить клиента и, в конечном итоге, реализовать продукт. На психологическом уровне для достижения данной цели используются вербальные и визуальные кодированные средства. Однако языком рекламы должен владеть каждый, кто хочет понять разговор художественного редактора с дизайнером по графике» [Карстен Вальтер, 2010, с. 1] В связи с этим было бы интересно рассмотреть классификацию изданий, популяризирующих модные тенденции. Так называемые «модные журналы» не стоит приравнивать исключительно к PR-средствам модной индустрии; они также являются посредниками между общественностью и институтом моды, который служит средством достижения взаимопонимания в сферах, например, складского хозяйства, реализации и продажи, а также соответствует определенным требованиям общезыковой репрезентации и рекламы. Конечно, в самой рекламе не применяются терминологические единицы, она должна быть одновременно проста, в определенной степени ненавязчива и быть в то же время запоминающейся, но, тем не менее,

некоторые специальные средства употребляются. Данные издания относятся к средствам массовой информации. О них можно сказать, используя классическую формулу Гарольда Лассвела, американского политолога и социолога, исследователя в сфере массовой коммуникации и политической лингвистики «Кто, что и кому говорит и с каким результатом?» [Приводится по: Петер Ортнер, 1998] Их можно отнести к средствам дистанционной коммуникации.

Согласно классификации немецких модных журналов, выделенной Лоре Кремпель (Lore Krempel, „Die deutsche Modezeitschrift”), все модные издания можно разделить на 4 основных типа [Приводится по: Петер Ортнер, 2008]:

- 1) Модные журналы «в чистом виде» (фотография моделей, краткая статья и описание представленных моделей). Цель – дать руководство женщинам для самостоятельного пошива, а также представление о том, что такое мода. Лоре Кремпель считает, что в настоящее время журналов, в полной мере относящихся к данному типу, не существует. Частично к этой категории можно отнести издание «Бурда», так как для всех женщин, которые предпочитают пошив на дому, в этом журнале отведено 48 страниц, которые оформлены как «журнал в журнале» и предназначены для женщин, разбирающихся в швейном деле. Основная часть действительно содержит фотографии моделей одежды, бижутерии, аксессуаров с кратким описанием и предназначены для широкой аудитории.
- 2) Издание широкого профиля. Оно содержит фотографии моделей одежды, статьи о моде, описание представленных моделей и прочие небольшие статьи о косметической продукции, украшениях и т.д. К такому типу можно отнести журналы «ELLE», «CosmoBeauty», «Glamour». В них помимо фотографий с описанием моделей можно также найти статьи с рекомендациями по созданию образа с непременно описанием и фотографиями сопутствующих продуктов, а также, в весьма ограниченном количестве, краткие статьи о путешествиях, описывающие исключительно возможности отдыха и ухода за собой.
- 3) «Смешанный тип»: в журналах данного типа новинки модной индустрии представлены, как правило, отдельным разделом, в рамках которого описываются модели одежды и представлены краткие статьи о моде. Объем данного раздела в журналах смешанного типа не превышает 20-25 страниц из 186-250 страниц общего объема. К журналам такого типа относятся издания «Brigitte», «Petra», «Für Sie», «Freundin», «Annabelle», «Cosmopolitan».
- 4) Специализированный журнал о моде. Он предназначен, прежде всего, для мастеров портняжного дела и смежных профессий. Эти издания могут содержать в себе признаки всех вышеописанных типов, но отличительной особенностью является то, что их называют специальными.

По степени преобладания статей и информации о моде при попытках типологизировать виды немецкоязычных изданий к журналам мод в чистом виде Лоре Кремпель отнесла только «burda moden» и «neue mode». Журналы «смешанного типа» относятся к категории так называемых «женских журналов», которые вводят статьи о моде только как раздел наряду с развлекательным чтением, статьями о психологии, интервью с известными личностями, статьями о воспитании детей, кроссвордами, рецептами, новостями культуры, искусства, политики и экономики, юриспруденции.

Основным отличием между изданием, рассказывающим о моде, и изданием, предназначенном для специалистов в данной области, согласно Ролану Барту (Roland Barthes), является то, что для неспециалистов-реципиентов, читающих «обычный» журнал, важным является не только описание, к примеру, предмета одежды, но и наличие оценочного высказывания коммуникатора, характеризующего качественные стороны описываемого объекта, даже учитывая субъективность данного высказывания [Приводится по: Петер Ортнер, 2008]. В этом случае словесное описание объекта должно производить намного большее впечатление на получателя, чем само изображение, а точнее, действовать вкупе с ним, создавая привлекательный образ и подталкивая читателя к покупке. Для этого используются так называемые «Modewörter» - модные слова, преимущественно на английском языке, имеющие ярко выраженную оценочную окрашенность: chic, sexy, grunge, lady-style, glamour, perfection, с помощью эмоционально окрашенных единиц вводится так называемая «норма», касающаяся внешнего вида и стиля (unentbehrlich sein – быть необходимым, ein Muß sein – должен быть, must-have, nicht fehlen dürfen – должен обязательно присутствовать, nicht verzichten können – невозможно отказаться).

Совсем иной тип текста предназначен для специалистов, владеющих определенной терминологией, к примеру, раздел, содержащий выкройки, то есть не содержащий оценки, текст информативного характера. Получателем данного типа текста являются люди, владеющие специальным языком (Fachsprache). И так как им нужна исключительно информация, данный тип текста фактически полностью исключает «модные» слова и слова-заимствования из других языков (Schnitteile abpausen- перенести на кальку детали кроя, Schnitt vom Bogen pausen - перенести на кальку кант фестона). Из английского или французского языка взяты, как правило, названия тканей (Jersey, Flanell, Boucle, Krepp, Rips), названия предметов одежды, обуви, косметики или аксессуаров (Blouson, Shirt, Clutch, Pumps, Tischset). Потребность в ткани, фурнитуре и т.д. выражается посредством лаконичного безоценочного «Sie brauchen» - «Вам понадобится».

Если журналы, предназначенные для широкого круга реципиентов, эксплицитно или имплицитно утверждают, что обладание определенного рода предметами одежды, обуви, аксессуарами, является необходимостью, навязывая тем самым определенный стиль в одежде, и создавая эталоны (in diesem Sommer zur Sommergarderobe gehören – этим летом частью летнего

гардероба являются...; auf ein Hemdblusenkleid kann und will keine gut angezogene Frau verzichten – от платья, пошитого по принципу мужской сорочке не сможет и не захочет отказаться ни одна модница; man muss ihn einfach haben, wenn man modisch „in“ sein will – его просто необходимо иметь, если Вы хотите соответствовать модным тенденциям; So ein schickes Sportkostüm darf in keinem Kleiderschrank fehlen – такой шикарный спортивный костюм необходимо иметь в своем гардеробе каждой женщине), то издания для специалистов по пошиву одежды дают лаконичные рекомендации, не перегружая лишней информацией или эмоционально окрашенными высказываниями.

ЛИТЕРАТУРА

4. Ortner P. Wortschatz der Mode: Schriften des Instituts der deutschen Sprache. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 2008. – 324 S.
5. Walter C. Werbesprache: Merkmale und Redewendungen der Fachsprache [Электронный ресурс] / Carsten Walter, 2010// URL: <http://www.werbe.germanblogs.de/thema/werbung-aktuell>.
6. Brigitte. Das Magazin für Frauen. – Hamburg: 2004 №3. – 250 S.
7. burda moden. Offenburg: 2010 №1. – 300 S.
8. Cosmopolitan. Das internationale Magazin für Frauen. – München: MVG Medien Verlagsgesellschaft mbH & Co. Januar, 2010 №1. – 186 S.
9. Кибрик А.П., Паршин П.А. Понятие дискурса в лингвистике. [Электронный ресурс]/ Кибрик А.П., Паршин П.А. //URL: <http://www.krugosvet.ru>

ПОЛИФОНΙΑ ПРОЗЫ КРИСТЫ ВОЛЬФ

О.А. Степаненко

Курганский государственный университет

This article deals with such a feature of Crista Wolf's prose as polyphony. It means the polyphony in fiction reality and in perception of it. Stories and novels, based on real facts and stories and novels with elements of fantasy are considered.

Музыкальный термин «полифония» представляется нам наиболее ёмким и значимым в отношении произведений замечательной немецкой писательницы Кристи Вольф, которую по праву можно назвать «gesamtdeutsche Schriftstellerin» [Magenau, 2002, S. 302]. Аналогично многоголосью в музыке, основанному на равноправии голосов, в ее прозе равноправно звучат голоса автора, рассказчика (нарратора) и персонажей. Кроме того, данное понятие «полифонии» предполагает и полифонию смыслов, заключенных, с одной стороны, в художественной реальности а, с другой стороны, – в восприятии этой реальности со стороны читателя.

Произведения Кристи Вольф «полифоничны», на наш взгляд, еще и в том отношении, что среди них есть такие, которые отвечают ожиданиям читателей, т.к. основаны на реальных фактах, и совершенно необычные, фантастические истории – «unwahrscheinliche Geschichten», которые можно охарактеризовать как «чистый вымысел». Сама автор, обращаясь непосредственно к читателю, говорит о своём стремлении «стереть»

переходы между вероятным и невозможным ради достоверности: «*Für dich, damit du mir glauben kannst, gehe ich nun daran, die Übergänge zwischen dem Glaublichen und dem Unglaublichen zu verwischen*» [Wolf, 1975, S. 17]. Остановимся на этом несколько подробнее. Есть понятие «вероятного», когда фантазии писателя основаны на реальной действительности, и понятие совершенно «недостоверного», «немыслимого», что не может иметь место в реальной действительности (по словам К. Вольф – «*das Glaubliche und das Unglaubliche*»). Так, узнавание читателем жизненной реальности в таких произведениях, как: «*Der geteilte Himmel*», «*Kindheits-muster*», «*Nachdenken über Christa T.*», «*Kein Ort. Nirgends*» – объясняется тем, что исходным пунктом для вымысла явился исторический материал: личный опыт писательницы (в первых трёх случаях) и биографии, творчество немецких писателей романтиков. Подчеркнём при этом тот факт, что только в самых редких случаях реальные факты введены в сюжетную канву вымысла прямо. Аутентичный материал, подтвержденный документально, получает художественную переработку. В этом случае используемый исторический материал или данные личного, автобиографического характера не являются, по справедливому замечанию Т. Мотылевой, «подменой сюжета» [Мотылева, 1979, с. 18]. Документальные свидетельства используются писательницей для максимального приближения литературы к реальной действительности. С нашей точки зрения, понятие «Authenzität» можно назвать одним из лейтмотивных в ее творчестве. Однако следует подчеркнуть при этом, что в своей художественной реальности она не стремится к созданию точной копии реальной жизни. Приводимые далее слова, сказанные когда-то об особенностях творчества Анны Зегерс, считаем вполне актуальными и в отношении прозы Кристи Вольф: «*So versteht sie sich als Chronist des Wirklichen, ohne jedoch das Abbild des Wirklichen mit dem Wirklichen zu indentifizieren. In ihrer erzählten Wirklichkeit soll das Wirkliche stärker rauschen als in der einfach vorhandenen Realität, und zwar rauschen wie ein Waldbrand, mit einer gewissen Elementarmacht, der sich niemand entziehen kann*» [Jarmatz, 1976, S. 75]. Другими словами, художественная реальность «захватывает» читателя, заставляет его сильнее чувствовать и глубже размышлять, «проецируя» при этом все его мысли и чувства на реальную жизнь. В художественной реальности, основанной в определённой степени на реальных жизненных фактах, осуществляется ход от окружающей нас действительности в мир вымысла, фантазии писателя.

В произведениях, где имеет место фантастика, мистика, т.е. царит «чистый вымысел», происходит обратное – когда вымысел может настолько воздействовать на читателя, что в состоянии изменить его реальную жизнь. Так, двусторонний характер взаимодействия «вторичной, фикциональной реальности» и «жизненной реальности» отмечает Е.А. Гончарова [Гончарова, 2006, с. 110]. Кроме того, реальность и вымысел тесно переплетены друг с другом – не только в художественном произведении, но и в самой жизни. Возможность подобного заявления продиктована, на наш взгляд, реальной действительностью, которая, по словам В. Ауфферманн, «предъявляет к нам

завышенные требования»: «Das wirkliche Leben überfordert uns» (перевод здесь и далее – наш, *О.С.*). В данном случае имеется в виду, что реальность превосходит иной раз самый невероятный кошмар, который мог бы быть выдуманным. В качестве примеров – события 11 сентября 2001 года в США или 26 апреля 2002 года в одной из гимназий г. Эрфурта [Auffermann, 2002, S. 9]. Итак, с одной стороны, Криста Вольф создает «выдуманные миры» из «передвижных декораций реального мира, чтобы мы в нём (имеется в виду реальный мир) вновь находили себя или теряли: «Die fiktiven Welten setzen sich aus Versatzstücken der „wirklichen“ Welt zusammen, damit wir uns darin wiederfinden oder verlieren» [Auffermann, 2006, S. 13]. С другой стороны, писательнице не чужд мир фантазий, на первый взгляд, оторванный от какой-либо реальности. Оговорка – «на первый взгляд» – отнюдь не случайна. Действительно, перу писательницы принадлежат три невероятные истории: фантастический сон – «Unter den Linden», совершенно абсурдная казалась бы история с парадоксальным названием «Lebensansichten eines Katers» и не менее невероятная история, представляющая собой описание научного эксперимента по превращению женщины в мужчину благодаря «замечательному средству – Petersein masculinum 199» [Wolf, 1975, S. 99]. Парадоксальность, другими словами, несовместимость сюжета с обычными представлениями о действительности побуждает нас, читателей, к размышлениям, «настраивает» на эти размышления, не допуская автоматического восприятия художественной реальности. Разве не такую задачу ставила перед собой автор, прибегая к «фантастически – романтическим элементам» (выражение Г. Плавияса – [Plavius, 1976, S. 144]), знакомя читателя с «рассуждениями» главного своего персонажа (кота!)? Кот «рассуждает» о сущности человека: «*Dagegen der Mensch! Wie durchsichtig ist er mir und sich selbst. Ein Hirnrindenwesen wie wir alle ...*» [Wolf, 1975, S. 65]; о небрежном отношении человечества к самой жизни: «*... ein lässiges, ja mystisches Verhältnis ...*» [Wolf, 1975, S. 80]; о взаимопонимании людей: «*... dass die Menschen ihre Sprache nicht dazu verwenden, sich einander verständlich zu machen, sondern auch dazu, schon Verstandenes wieder vor sich zu verbergen*» [Wolf, 1975, S. 90]. Неправдоподобность сюжета не может скрыть авторскую позицию писательницы, ее тонкую и в ряде случаев достаточно едкую иронию относительно типично немецких черт характера, присущих героям. Так, она высмеивает стремление всё каталогизировать, упорядочить, «просчитать» все случаи несчастий и создать так называемую систему «TOMEGL», которая расшифровывается как «Totales Menschliches Glück» [Wolf, 1975, S. 68].

Создавая свои произведения и используя элементы фантастики, Криста Вольф не стремится увести читателей от реальной жизни. В полной мере разделяем мнение о том, что моменты игры в искусстве открывают возможность «дополнительного познания»: «*... Die in diesen Werken, in ihrer poetischen Grundidee enthaltene spielerische Annahme führt uns nicht von der Realität fort. Das Spielerische selbst ist sinnerfüllt, die in ihm enthaltene Verfremdung wirkt wie ein zusätzliches Sinnes-und Erkenntnisorgan, ...*» [Plavius,

1976, S. 145]. Писательница затрагивает широкий круг проблем, волнующих нас, ее читателей, независимо от национальной принадлежности. Так, в рассказе «Unter den Linden» рассматриваются морально-этические проблемы, касающиеся как каждого в отдельности, так и общества в целом. Автор глубоко лично переживает всё происходящее, и на этом фоне читателю становятся ближе вопросы, волнующие ее героев. Мечты о любви, верности, настоящей дружбе, как и стремление героини «найти себя», свой путь в жизни, стать счастливой – понятны каждому, даже если действие происходит во сне. Героиня обретает себя, ощущая прилив радости и понимая своё право на счастье, которое, как она теперь уверена, обязательно будет в ее жизни: *«Nun klärte sich mit einem Schlag alles auf. Ich sollte mich wiederfinden – das war der Sinn der Bestellung. Zelle für Zelle füllte sich mein Körper mit der neuen Freude. ... Kein Unglück hatte ein für allemal sein Siegel auf meine Stirn gedrückt. Wie hatte ich so verblendet sein können, mich einem falschen Spruch zu unterwerfen»* [Wolf, 1975, S. 59]. Важно понять, что у каждого в жизни своё представление о счастье, и осознание этого приходит не сразу, а только в процессе обретения жизненного опыта: *«Mir war noch nicht aufgegangen, dass die Markierungen für Glück und Unglück auf jeder Lebensskala in anderer Höhe angebracht sind»* [Wolf, 1975, S. 13]. Осмелимся не согласиться с мнением процитированного выше многоуважаемого автора, высказанного им относительно рассказа Кристи Вольф «Neue Lebensansichten eines Katers», т.к. автор называет обращение писательницы к элементам фантастики «признаком определённой неуверенности»: *«Sie (die Verwendung gleich mehrerer Begriffe für ein-und dieselbe Sache) ist Kennzeichen einer gewissen Unsicherheit»* [Plavius, 1976, S. 144]. Нам представляется, что речь в данном случае может идти скорей о большей степени субъективности, даже смелости писателя ярко и рельефно выразить свои мысли и чувства, чем о «неуверенности». В любом произведении Кристи Вольф «звучит» ее голос, и это – не случайно, т.к. в своём творчестве она руководствуется принципом субъективной аутентичности (подчеркнуто нами – *О.С.*), предполагающей субъективную эстетическую переработку материала, взятого из реальности. В ряде случаев (в произведениях: «Kassandra», «Kindheitsmuster», «Kein Ort.Niergends») переработанный аутентичный исторический материал воспринимается как современный. Справедливо мнение Н. Бурневой о том, что прошлое и настоящее в этих произведениях «сосуществуют» друг с другом, «оживление» исторических феноменов, перенос их на современный уровень ведёт к «полифонической психической позиции», придающей миру вымысла соответствующую функцию [Бурнева, 1990, S. 216]. Произведения Кристи Вольф отличаются «полифоническим» звучанием» – прошлое и настоящее, сохраняя своё своеобразие, как бы приближаются друг к другу, тесно переплетаясь. Рамки статьи, к сожалению, не позволяют привести соответствующие примеры. Отметим еще одну интересную особенность прозы Кристи Вольф, которая может быть упомянута в нашем «полифоническом» ракурсе. Эта особенность заключается, по словам Н. Бурневой, во взаимопроникновении поэтического и литературно-

критического дискурса, когда отдельные цитаты из эссе или критических статей звучат со страниц литературно-художественных произведений [Burneva, 1990, S. 218]. В связи с этим достаточно сложно однозначно определить жанр того или иного произведения, как, например, «Kindheitsmuster» – роман или эссе?

Таким образом, мы можем в определённой степени говорить о полифонии прозы писательницы в целом. Темой отдельного разговора (отдельной статьи) представляется рассмотрение полифонии смыслов в плане таких оппозиций, как: «автор-повествователь (нарратор, рассказчик)», «автор-персонаж». В своей художественной реальности Криста Вольф не стремилась к законченному образу мира и поэтому предстает «нежестким рассказчиком», для которого повествование не является сообщением о чём-то раз и навсегда определённом в плане познания, а предпосылкой для дальнейшего самопознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова, Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания [Текст] : монография / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб. : ООО «Книжный дом», 2006. – 172 с.
2. Мотылева, Т.Г. Проза Кристи Вольф [Текст] / Т.Г. Мотылева // Криста Вольф. Избранное. – М. : Художественная литература, 1979. – С. 3-19.
3. Auffermann, V. Vorwort. Ungeheure Begegnungen [Text] / V. Auffermann // Beste deutsche Erzähler. – Stuttgart München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2002. – S. 7-13.
4. Burneva, N. Literaturkritik und Fiktion in Christa Wolfs Prosa [Text] / N. Burneva // Literaturkritik – Anspruch und Wirklichkeit. DGG-Symposien 1989; Hrg. W.Barner. – Bd. 12. – Stuttgart :Verlag J.B. Metzler. – S. 213-219.
5. Jarmatz, K. Die Wirklichkeit der Erzähler [Text] / K. Jarmatz // Ansichten. Die Aufsätze zur Literatur der DDR. – Halle (Saale) : Mitteldeutscher Verlag, 1976. – S. 54-108.
6. Magenau, J. Die Litarutur als Sehnsuchtsorgan [Text] / Jörg Magenau // Christa Wolf. Eine Biographie. – Berlin : Kindler : GmbH, 2002. – S. 302-314.
7. Plavius, H. Die Entdeckung des Ichs durch Phantasie [Text] / H. Plavius // Ansichten. Die Aufsätze zur Literatur der DDR. – Halle (Saale) : Mitteldeutscher Verlag, 1976. – S. 109-149.
8. Wolf, C. Unter den Linden. Drei unwahrscheinliche Geschichten [Text] / Crista Wolf. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1975. – 133 s.

ВЕЖЛИВОСТЬ И КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.Э. Сторожакова

Челябинский государственный университет

This article explores the interrelation of the principles of communicative politeness and the need for the realization of communicative discrediting strategy in the American political discourse.

Исследования в области коммуникативной вежливости и коммуникативных стратегий являются одними из основных в межкультурной сравнительной прагматике. основополагающей теорией в изучении вежливости является теория Браун-Левинсона, основывающаяся на изучении речевых актов, угрожающих лицу коммуниканта. Согласно этой теории, позитивное и негативное лица существуют в любой человеческой культуре. Акт, угрожающий лицу коммуниканта, есть речевой акт, который не напрямую разрушает лицо адресата или говорящего, функционируя противоположно ожиданиям и желаниям других участников коммуникации. Большинство таких актов вербальны, однако они так же могут выражаться в изменении разных паралингвистических характеристик речи (тон, интонация, громкость) или форму невербальных компонентов, сопутствующих речевой деятельности (мимика, жесты) [Brown, Levinson, 1987].

Под вежливостью же понимается «выражение желания участника коммуникации смягчить угрозы лицу другого коммуниканта, выражаемые в виде специфических речевых актов» [Mills, 2006, p. 6]. Таким образом, основной сутью коммуникативной вежливости является попытка сохранить лицо другого человека, еще одного участника коммуникации, собеседника, противника, либо объекта коммуникативных усилий.

В теории коммуникации существует основа для изучения лингвистической вежливости: *общий принцип вежливости* (Leech, 1983, 2002) и *Основная Стратегия Вежливости (ОСВ)*, которые проявляются в обычных лингвистических моделях поведения при осуществлении вежливых речевых актов, таких как просьбы, предложения, комплименты, извинения, выражение благодарности и ответы на всё вышеперечисленное. Основная Стратегия Вежливости основывается на следующих утверждениях: чтобы быть вежливым, говорящий выражает значения, которые а) передают высокую значимость в отношении другого человека (обычно адресата) (*значительное принуждение*) и б) передают низкую значимость в отношении говорящего (*незначительное принуждение*). История прошлых исследований позволяет предположить, что принуждение (а) является более сильным, чем принуждение (б) [Leech, 2002].

Нас, однако, более интересует рассмотрение реализации принципов вежливости в контексте одного специфического, институционального вида дискурса – политического.

Определяя политический дискурс, вслед за А.Н. Барановым, как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации [Баранов, 2001], мы выделяем в американском политическом дискурсе несколько основных коммуникативных стратегий (речевая стратегия – комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели... Это когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера [Иссерс, 2006, с. 54, 100]):

стратегии убеждения, самопрезентации, эмоционально-настраивающие и стратегию дискредитации. Последняя представляет особенный интерес в контексте ее рассмотрения в одной плоскости с понятием коммуникативной вежливости.

Политические интересы требуют, во-первых, побуждения общественных групп к каким-либо действиям, во-вторых, положительной самопрезентации партии, общественно-политического течения или конкретного лидера, в-третьих, разграничения «своих» и «чужих».

Разграничение «своих» и «чужих», создание образа «Мы-группы» через очернение противника – достаточно традиционный приём политической борьбы, являющийся частью глобальной коммуникативной стратегии, носящей название «игра на понижение», или по Ларсону *downplay* [Larson, 2006].

Успех стратегии дискредитации следует оценивать по результатам речевого воздействия, так называемым перлокутивному эффекту: появлению у адресата чувства обиды, причём часто несправедливой.

Рассмотрим стратегию дискредитации, использующую тактику издёвки, типичную для американского политического дискурса. Основными коммуникативными ходами, составляющими такую тактику будут:

1. Когнитивный приём аллюзии, литературной, исторической, общекультурной, и т.д. Чаще всего используется для образного преподнесения информации, и, поскольку, прецедентный феномен известен большинству реципиентов – представителей данной культуры, у объекта коммуникативного действия создаётся стойкий, яркий образ, по силе воздействия намного превосходящий прямое или косвенное описание: *They want a president who will appoint the next three justices of the Supreme Court so they can control all three branches of government and **take away a woman's right to choose*** (Al Gore, 1996, Democratic National Convention).

2. Псевдологический вывод, часто имеющий форму риторического вопроса, который, по сути, блокирует позитивное умозаключение и предполагает переход к доказательствам факта, обратного упомянутому: *Now, this emphasis on democracy in the Middle East is controversial, I admit, and some would say, "Well, we've actually made the situation worse." I would ask: Worse compared to what?*

*Worse than the **tyranny of Saddam Hussein** at the heart of the Middle East, who terrified his neighbors and whose legacy is the bodies of 300,000 innocent people that he left in unmarked mass graves? Or worse perhaps **than the false stability which masked a freedom gap**, spawned hopelessness, and fed hatreds so deep that 19 men found cause to fly airplanes into American cities on a fine September morning?* (Condoleezza Rice, 2008, Keynote Address at the Annual Meeting of the World Economic Forum).

3. Имплицитная ссылка на оппонента через упоминание, часто в отрицательной форме, его действия, черты характера, высказывания, известные аудитории, и создание таким образом резкого контраста между «положительным имиджем» говорящего или иного субъекта и «резко

отрицательным имиджем» оппонента: *But they did not know the true measure of this man. He never flinched or wavered. He never stooped to their level. And, of course, he never attacked his opponent's wife* (Al Gore, 1996, Democratic National Convention).

4. Выбор семантических единиц, имеющих отрицательную коннотацию и включающих в себя ссылку на такие общекультурные концепты как, например, *deceit* (обман), *cheating* (мошенничество), *incompetence* (некомпетентность): *I'm not talking about blind optimism here – the almost willful ignorance that thinks unemployment will go away if we just don't think about it, or the health care crisis will solve itself if we just ignore it* (Barack Obama, 2004 Democratic National Convention Keynote Address).

При этом основной характеристикой тактики издёвки является то, что коммуникативная цель достигается не прямым оскорблением личности и ее деятельности, а путём сравнения объекта с известными прецедентными личностями, имеющими определённую «репутацию» в национальном сознании.

Когнитивной предпосылкой стратегии дискредитации, в общем, и тактики издёвки, в частности, является *намеренная трансформация мира* [Иссерс, 2006].

Как инструмент политического дискурса стратегия дискредитации используется довольно широко, в основном на международной арене, так как не обязательно ведет к конфронтации с объектом, и в большинстве случаев может служить началом конструктивного диалога. Кроме того, большинство американских политических речей не используют стратегию дискредитации и составляющие ее тактики, как основу. В основном в речи, построенные на базе тактики убеждения, включаются коммуникативные ходы или непродолжительные (от 2 до 5) последовательности коммуникативных ходов тактик издёвки или, реже, обвинения.

Понятно, что речевые акты, в которых фактически реализуется стратегия дискредитации, никак не могут являться речевыми актами, сохраняющими лицо, поскольку это противоречило бы самой коммуникативной цели использования стратегии. Более того, такие речевые акты могут быть классифицированы как *речевые акты, несущие угрозу лицу объекта коммуникации*. При этом необходимо помнить, что под объектом здесь мы понимаем не аудиторию, перед которой произносится та или иная речь (граждане, журналисты и т.д.), а политического оппонента. Эти речевые акты можно впоследствии разделить на две группы, согласно общепринятой классификации: 1) речевые акты, несущие угрозу негативному лицу объекта коммуникации (в случае, если индивид не преследует цели избежать преграды, которую представляет свобода действия объекта) – в основном, сюда будут относиться примеры реализации тактики издёвки, основанные на псевдологическом выводе; и 2) речевые акты, несущие угрозу позитивному лицу объекта коммуникации – основная часть речевых актов, реализующих стратегию дискредитации, будут относиться к этой группе, поскольку угрозу позитивному лицу представляют ситуации, в которых субъекты

коммуникации не принимают во внимание чувств, эмоций и желаний собеседника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А.Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.
2. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М. :URSS, 2006 – 284 с.
3. Brown, P., Levinson. S. Politeness. Some Universals in Language Usage [Text] / P. Brown & S. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
4. Larson, Ch.U. Persuasion: Reception and Responsibility [Text] / Ch.U. Larson. – Wadsworth, 2006. – 368 p.
5. Leech, G. Politeness: Is there an East-West Divide? [Text] / G. Leech. // Journal of Foreign Languages. – Shanghai, 2005.
6. Mills, S. Gender and Politeness [Text] / S. Mills. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003 – 270 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРДИСКУРСИВНЫХ СВЯЗЕЙ КИНОТЕКСТА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Ю.В. Сургай

Сургутский государственный педагогический университет

Interdiscourse relations of a cinematext are revealed in the article. Different ways of their manifestation have been shown with the help of a cross-cultural study.

В условиях растущей визуализации культуры вербальные произведения занимают всё меньшее место в массовой коммуникации, всё большую роль в ней играют синтетические тексты, дискурсивные характеристики которых еще предстоит изучить. На данном этапе развития культуры, ведущие позиции среди подобных текстов занимает кинотекст.

Вслед за Г.Г. Слышкиным и М.А. Ефремовой под кинотекстом мы понимаем «связное, цельное и завершённое сообщение, выраженное при помощи вербальных и невербальных знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [Слышкин, Ефремова, 2004, с. 32].

Кинотекст обладает качествами, которые позволяют определить его как текст не только в широком семиотическом (как знаковый комплекс), но и в узком лингвистическом (как совокупность высказываний) смысле. К таким характеристикам относятся членимость, связность, проспекция и ретроспекция, антропоцентричность, локальная и темпоральная отнесённость, информативность, системность, целостность, модальность, прагматическая направленность [Иванова, 2001]. От текста художественной литературы кинотекст отличается коллективное авторство, меньшая структурированность, виртуальная природа, протяжённость во времени,

необходимость канала воспроизведения (аппаратура), концентрация внимания на человеке («человек в мире», а не «мир через человека»).

Кинотекст имеет явно выраженный интердискурсивный характер. Под интердискурсивностью мы понимаем взаимодействие между различными типами дискурса, которое осуществляется в рамках текста.

Нами был проведен анализ интерпретативного дискурса представителей русской и американской культуры по поводу американского кинотекста «Общество мертвых поэтов» (США, киностудия Touchstone 1989 г., режиссер Питер Уир) с целью выявления особенностей реализации его интердискурсивных связей в условиях родной (американской) и чужой (русской) культуры.

В результате проведенной работы было установлено, что интердискурсивность кинотекста реализуется по следующим направлениям: общеоценочное отношение, интертекстуальные связи, личности авторов кинотекста, интерпретация идейно-тематического содержания, интерпретация эпизодов и места действия, восприятие и оценка персонажей.

Анализ реализации интердискурсивности в общеоценочном отношении показал, что в условиях родной культуры общая оценка кинотекста является более сложной по форме и содержанию. Это проявляется, во-первых, в наборе оснований для оценки: представители чужой для кинотекста культуры высказывают, главным образом, свои впечатления о кинотексте:

(1) *Тонко, талантливо, сильно. Автор – гений!*

(2) *...приятно наивен, и мечтателен, и откровенен.*

Представители родной культуры склонны оценивать также степень новизны сюжета:

(3) *It's not a terribly new story;*

(4) *With more sugar than a bag of Dixie Crystals, this ode to the poets of yesteryear.*

Во-вторых, разница проявляется в способе выражения оценки: представители родной для кинотекста культуры активно используют в речи ссылки на прецедентные имена, тексты, феномены, что также видно в последних двух примерах.

Актуализация интертекстуальных связей кинотекста, судя по количеству вербальных ссылок, наиболее интенсивно происходит в условиях родной культуры. Так, в дискурсе американцев были отражены разные типы интертекстуальных связей фильма «Общество мёртвых поэтов».

(5) *...a sort of 'Stand and Deliver' about wealthy, male, teenage Anglo-Saxons* (ссылка на вышедший ранее кинотекст со сходным сюжетом демонстрирует содержательные связи фильма).

(6) *...the film exists in a genre of boys' boarding school films* (жанровые связи).

По источнику заимствования представители американской культуры выделили кинематографические, музыкальные, литературные связи. Важно отметить, что интерпретация данного кинотекста в рамках родной культуры во многом опиралась на его интертекстуальные связи. В дискурсе

представителей чужой культуры актуализировалось минимальное их количество, они носили, главным образом, содержательный характер и не служили опорой для интерпретации.

В ходе исследования выявилось, что кинотекст может расширять свои интердискурсивные связи, становясь источником заимствований для текстов массовой культуры, функционирующих в разных дискурсах: музыкальном, телевизионном (сериалы, мультипликация), спортивном и т.д. Например, многие нью-йоркские журналисты, которые пишут о спорте, называют знаменитую бейсбольную команду «New York Yankees» в периоды неудач «Dead Bats Society» – «Общество мёртвых бит» (здесь и далее перевод наш – Ю.В.). Цитата из кинотекста «Общество мёртвых поэтов» используется как пародия на него в одном из эпизодов американского комедийного мультсериала «Family Guy» [Гриффины], где слушатели коррективного курса английского языка встают на парты и произносят фразу *O Captain!, My Captain!* – *О капитан! Мой капитан!*

Интердискурсивность кинотекста проявляется также в интерпретации его идейно-тематического содержания. Представители родной для кинотекста культуры склонны выделять большее количество тематических линий, чем представители иной культуры. Так, американцы выделили пять тематических линий: «воспитание подростков» (10%), «новаторство учителя» (14%), «становление личности, трудности взросления» (52%), «конформизм и свобода личности» (58%), «гомосексуалы в гетеросексуальном обществе» (16%). Почти те же тематические линии (с количественной разницей до 12%) выделили и представители русской культуры, но в их дискурсе тема гомосексуальности фильма не получила выражения. Таким образом, зрители отмечают в кинотексте в первую очередь, темы актуальные для той социальной действительности, в которой они живут.

Среди представителей обеих культур явный приоритет получила тема свободы и конформизма, однако, она по-разному развивается в дискурсах представителей разных культур. Относительно небольшая часть представителей американской культуры высказались в пользу идеи «свобода, несмотря на последствия», в то время как именно эта идея стала основной для большинства русских респондентов и критиков. Выводы представителей американской культуры, в основном, носят практический характер, так как в них взвешивается «за» и «против», рассматриваются разные формы и последствия свободомыслия. В этом, безусловно, проявляется культурная разница.

Интердискурсивность может проявляться также в идентификации места действия и интерпретации отдельных эпизодов. В рамках родной культуры эти связи легко актуализируются и используются в качестве опоры для дальнейшей интерпретации. Так, 83% американских источников и лишь 29% русских содержат упоминания о месте действия. При этом многие американские источники содержат подробное описание места, включающее тип школы, ее престижность, правила и т.д., в то время как в русских

источниках место действия упоминается, как правило, вскользь. Более того, 19% русских респондентов неправильно его идентифицировали.

Важную роль в реализации интердискурсивных связей кинотекста играет выявленный нами «фактор личности авторов». Он состоит в том, что зрителям могут быть знакомы другие работы или факты из личной или творческой биографии кого-либо из авторов кинотекста (как правило, режиссёра или актёра). В связи с этим может вырабатываться определённое отношение к нему или комплекс ожиданий. В результате, создаётся определённая установка на восприятие кинотекста, которая оказывает влияние на последующую его интерпретацию. Мы установили, что личностный фактор наиболее ярко проявляется в рамках родной для кинотекста культуры и выражается, главным образом, в отношении к актёрам и режиссёру. Интерпретация кинотекста обогащается за счёт сравнения фильма с другими работами данного актёра или режиссёра, анализа изменений их амплуа, установления связей с их личной биографией.

(7) *Williams once again proved that he was more than a hyper kinetic comedian.*

В данном высказывании фраза *more than a hyper kinetic comedian* (больше, чем гиперподвижный комедиант) сообщает о том, что до этого фильма зрителям были известны лишь комедийные работы Р. Уильямса, исполнителя главной роли. Причём они, очевидно, не вызывали одобрения публики или критиков, о чём свидетельствует приставка *hyper*, которое означает «более чем нормально, слишком».

Следующий фрагмент высказывания тоже подтверждает идею о том, что Робина Уильямса критикуют за переигрывание и фиглярство:

(8) *...most convincing and restrained screen work*

В данном случае, сдержанность актёра интерпретируется как прогресс, улучшение и поэтому является основанием для похвалы и важной чертой, которую заметили американские зрители (российские зрители, естественно, не отметили этой особенности вообще).

Существует и обратная связь. Следующее высказывание демонстрирует собой интересный пример создания интердискурсивной связи самим фильмом и его возможное влияние на интерпретацию последующих событий в жизни актёров.

(9) *Looking back on Dead Poets Society now, it's sad that primarily what we have to thank it for are several bad novels from Ethan Hawke, as it seems like he got the inspiration to be a writer from this rather trite piece of crap. Who knows, perhaps he got the idea to propose to Uma Thurman from it too. Unfortunately, that doesn't negate the tragedy of his bad literature.*

Здесь отрицательная оценка фильма Общество мёртвых поэтов (*rather trite piece of crap*) влияет на отношение к актёру И. Хоуку, успех которого начался с этой картины. Всё, что автору не нравится в личной жизни и творчестве этого актёра связывается с этим фильмом. Даже осуждение брака И. Хоука со знаменитой актрисой У. Турман автор высказывает, ссылаясь на *Общество мёртвых поэтов*.

В дискурсе российских зрителей (представителей чужой для фильма культуры) практически отсутствуют упоминания об авторах кинотекста. Все высказывания о качестве игры актёров, о том, насколько им подходят исполняемые в этом фильме роли, связаны только с их работой в этом фильме и описывают скорее самих персонажей, чем актёров, смешивая, таким образом, роли и исполнителей: (10) ...*нестандартный Робин Уильямс...*, (11) ...*проникновенный Роберт Шон Леонард...*

Подводя итоги, следует заключить, что при восприятии кинотекста в рамках чужой культуры затрудняется актуализация его интердискурсивных связей, что оказывает влияние на интерпретацию данного кинотекста как качественно, так и количественно. Качественные отличия проявляются в том, что некоторые элементы получают иную интерпретацию. Количественная разница состоит в том, что некоторые элементы, не имеющие соответствия в чужой культуре, ускользают от внимания инокультурной аудитории или осознанно опускаются при интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, Е.Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах [Текст] : автореф. дис... канд. филол. наук / Е.Б. Иванова. – Волгоград, 2001. – 16 с.
2. Слышкин, Г.Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) [Текст] : монография / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. – М. : Водолей Publishers, 2004 – 153 с.

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ

Н.Д. Тибинько
Караганда (Казахстан)

The article deals with the different classifications and peculiarities of discourse markers. A discourse marker is a word or phrase that marks a boundary in a discourse. Discourse markers can be understood as elements which serve to the union of utterances. In this sense they are equivalent to the term connective.

На современном этапе исследования различных языков отмечается повышенный интерес к дискурсивным маркерам, используемым в качестве средств когезии и маркеров социальных отношений между собеседниками.

Многие учёные лингвисты трактуют дискурс, как подчеркнуто интерактивный способ речевого или коммуникативного взаимодействия. Данное взаимодействие состоит из стереотипного обмена репликами (реплика – формально-структурная единица диалога, фрагмент дискурса одного говорящего, ограниченный речью других, т.е. реплика это всё, что сказано между сменой говорящих): простой (двух шаговые обмены типа вопрос – ответ) или сложный (вопрос – ответ – подтверждение или вопрос – переспрос – уточняющий вопрос – ответ). Многие исследователи считают «основной структурной единицей языкового общения именно простой обмен репликами» [Макаров, 2003, с. 175]. Но учёные ощущают необходимость выделения такой единицы как транзакция или абзац (эпизод), состоящий из

сложных или простых обменов, которые связаны общей макропропозицией и имеют общую тему. В диалоге может присутствовать несколько эпизодов.

«Поскольку каждый эпизод имеет свою макропропозицию, они (эпизоды) могут не совпадать по таким семантическим категориям, как место, время, возможные миры и т.д.» [ван Дейк, 1989, с. 65] Так, сигналы смены темы, то есть перехода от одной темы к другой, в различных эпизодах являются одним из способов выражения тем дискурса. Приведём примеры маркеров смены темы, вводящих новые эпизоды:

- *Изменение возможного мира: я думаю, я мечтаю...*
- *Изменение времени или периода.*
- *Ввод новых участников.*
- *Вторичный ввод уже известных участников средствами полных именных групп.*
- *Изменение перспективы или точки зрения.*
- *Различный набор предикатов.*

Таким образом, общая стратегия такова, что если какое-либо предложение не подходит под текущую макропропозицию, должна быть образована новая макропропозиция.

Макропропозиции различных эпизодов дискурса должны быть надлежащим образом связаны между собой, так же как связаны выраженные предложениями пропозиции. Их связи и выражаются посредством дискурсивных слов или, согласно ван Дейку, макроконнекторов, с которых начинаются эпизоды, например, расположенные в начале предложения. Дискурсивные слова не только сигнализируют о новых макропропозициях, но также придают связность дискурсу в целом [ван Дейк, 1989, с. 66].

Не существует чёткого и единого определения термина «дискурсивный маркер». Этот термин широко используется в лингвистической литературе и соотносится с особым классом слов, принципиально важным свойством, которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса. Объём и границы дискурсивных слов варьируют от одного языка к другому. Теоретическая парадигма, в рамках которой анализируются слова данного класса, существенно влияет не только на выбор соответствующего термина, но и на сам инструментарий описания, а также на то, каким образом очерчиваются границы рассматриваемого класса единиц. Признаки, на основании которых выделяются дискурсивные слова, соответствуют двум основным характерным признакам:

- дискурсивные слова не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление;
- дискурсивные слова устанавливают отношения между двумя (или более) составляющими дискурса. Они обеспечивают связность текста, отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, выражают истинностные и этические оценки, presupпозиции, мнения, соотносят,

сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом.

Существует еще ряд особенностей, которыми обладают дискурсивные слова в разных языках [Пайар, 1998, с. 8]:

Дискурсивные слова не образуют естественный класс единиц. Этот класс не имеет четких границ и объединяет единицы, которые различные классификации относят к разным частям речи. Попытки задать подобные слова списком оказываются весьма спорными, а принадлежность слова к классам дискурсивных слов определяется главным образом на основании функциональных критериев.

Своеобразие плана содержания дискурсивных слов часто определяется как отсутствие у этих единиц собственно лексического значения или как десемантизация слова в его дискурсивных употреблениях, т.е. употребляются для усиления, выделения, подчеркивания...

У многих слов такого типа существуют, наряду с дискурсивными, и другие, недискурсивные употребления. При этом между дискурсивными и другими употреблениями некоторого слова часто не существует семантической связи, поэтому в большинстве случаев исследователи не пытаются соотнести друг с другом различные функции слова в дискурсе, описывая дискурсивные употребления отдельно от прочих употреблений.

Проведение границы между значением дискурсивного слова и значением контекста также оказывается значительно сложной процедурой, чем в случае конкретной лексики. Многие дискурсивные слова могут полностью сливаться с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов.

Книга Деборы Шиффрин «Дискурсивные маркеры» (Discourse markers) считается одной из самых известных работ, посвящённых исследованию дискурсивных маркеров [Shiffrin, 1987]. Д. Шиффрин классифицирует одиннадцать дискурсивных маркеров, представленных *сочинительными и подчинительными союзами (and, but, or because), темпоральными и союзными наречиями (now, then, so), частицами (oh, well), вводными предложениями (you know, I mean)*. Основная функция дискурсивных маркеров, согласно Д. Шиффрин – это обеспечение когезии текста: «Дискурсивные маркеры не создают, но показывают отношения между сегментами дискурса» [Shiffrin, 1987, с. 282].

Исследование этих единиц проводится ею на пяти «уровнях речи» (planes of talk): 1) пропозициональная структура; 2) структура действий (речевые акты); 3) структура чередования; 4) структура участников; 5) информационное состояние.

Дискурсивные маркеры обеспечивают связность на всех этих уровнях, тем самым интегрируя их. При этом каждый конкретный дискурсивный маркер относится в первую очередь к тому или иному плану: oh – к информационному состоянию и к структуре действий; well – к структуре участников; and – к пропозициональной структуре. Однако употребление

дискурсивных маркеров, согласно Д. Шиффрин, полифункционально [Там же].

Б. Фрейзер в книге «Прагматические маркеры» (Pragmatic Markers) [Fraser, 1996] даёт следующую классификацию маркеров:

1) *базовые маркеры (basic markers)* указывают на характер (силу) «базового (базисного) сообщения»:

- тип речевого акта (наклонение);
- перформативы – I swear, I promise (клянусь, обещаю). (Перформативное выражение I suggest указывает эксплицитно на силу базисного сообщения);

- «прагматические идиомы» – Could you, would you (вы не могли бы)...

2) *маркеры-комментарии (commentary markers)* комментируют «базовое сообщение»:

- оценка: fortunately (удивительным образом, к счастью);
- «эвиденциальные» маркеры: possibly (возможно, наверно);
- источник информации: They say (говорят), I heard, that (я слышал что);
- смягчение: If I am not mistaken (если я не ошибаюсь), If you do not mind (если вы не против).

3) *параллельные маркеры (parallel markers)* дополняют базовые сообщения. Это вокативы – обращения по имени и тому подобные, маркеры неудовольствия, маркеры солидарности – my dear (мой дорогой), frankly speaking (честно говоря);

4) *дискурсивные маркеры (discourse markers)* указывают, как базовое сообщение связано с контекстом. Это маркеры смены топика – by the way (между прочим, кстати говоря); контрастивные маркеры – but (но), however (однако), although (хотя); детализирующие маркеры – in other words (иными словами), more than that (кроме того), particularly (в частности), also (также), and (и), or (или); маркеры вывода – that is why (поэтому), so (таким образом), accordingly (соответственно).

В своей работе «Английские дискурсивные маркеры» К. Бауер-Рамазани [Bauer-Ramazani, 2003] рассматривает четыре типа дискурсивных маркеров, необходимых для связи английских предложений:

1) *соединительные союзы (coordinating conjunctions)*;

2) *коннекторы (connectors) (наречия, союзные наречия)*;

3) *подчинительные союзы (subordinating conjunctions)*;

4) *фразовые связующие средства (phrase linkers) (предлоги, существительное с предлогом)*.

Анализируя различные классификации связующих средств дискурса, мы предлагаем для них единое обозначение – дискурсивные маркеры, поскольку все они устанавливают отношения между двумя (или более) составляющими дискурса, обеспечивают связность текста, отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, выражают истинностные и этические оценки,

пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк, Т.А., ван. Язык. Познание, Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 456 с.
2. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания [Текст] / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М., 1998.
3. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] /М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 119 с.
4. Матвеева, Г.Г. К вопросу об актуальности прагмалингвистического исследования [Текст] / Г.Г. Матвеева // Филология в образовательном пространстве донского региона и ее роль в развитии личности. – Ростов н/Д, 2001. – С. 84-90.
5. Bauer-Ramazani, Ch. English Discourse Markers [Электронный ресурс] / Ch. Bauer-Ramazani – Режим доступа /[http:// academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/2003_02/English/discmarkers.ht/](http://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/2003_02/English/discmarkers.ht/)
6. Fraser, B. Pragmatic markers. [Текст] / B. Fraser // Pragmatics. – № 6 (2), 1996. – P. 167 - 190.
7. Schiffrin, D. Discourse markers. [Текст] / D. Shiffrin. – Cambridge University Press, 1987. – 318 p.

СТАТУС РЕМАРОЧНОЙ ПРОЗЫ В МОДЕРНИСТСКОЙ И ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

К.В. Толчеева

Липецкий государственный педагогический университет

In the given article there shown the results of the author's discourse research in postmodernist dramaturgic texts through the reference to the author's notes as the major literary - narrative element inside the dramaturgic text on the one hand, and to an explicit zone of contact of the author with the reader/spectator, on the other hand.

В драматургическом тексте принято различать два типа текста: текст основной (речь персонажей) и текст второстепенный или паратекст. Под паратекстом (термин Ж.-М. Томассо) понимается совокупность выполняющих металингвистическую роль сценических указаний, не произносимых актерами и необходимых для понимания или указания манеры представления пьесы, а также конструирования смысла пьесы: название пьесы, список действующих лиц, пространственно-временные указания, описания декораций, кинетические и проксемические дидактики т.д.

Авторский дискурс в контексте драматургического текста имеет своей целью создание авторской субъективной картины мира в определённых рамках художественного пространства и времени. Эта картина мира является результатом осмысления значительного комплекса гетерогенных, гетерохронных и гетеросубстратных сведений о мире (Е.С. Кубрякова), а также обработки данных в процессе диалогических отношений и всего дискурсивного опыта драматурга в целом.

В основе миметического характера речевого акта в драматургической коммуникации лежит процесс творения определёнными вербальными и невербальными средствами собственно авторской реальности, своеобразного дискурсивного пространства, которое благодаря конвенциональному характеру искусства предлагает собственные возможности преодоления традиционных логических систем порядка и смыслопорождения. В этом случае важно осознавать, что писатель-драматург ограничен в средствах повествовательного изображения, что объясняется, прежде всего, жанровыми особенностями драмы.

Не следует, однако, говорить о меньшей, чем в других типах дискурса, степени присутствия авторского слова в драме, ибо речь идёт скорее о большей «завуалированности» и имплицитности характера средств, реализующих главную интенцию автора и диалогическую стратегию авторского дискурса в целом. Явный авторский дискурс манифестируется в авторских ремарках (АР), которые могут способствовать созданию пространственно-временной перспективы, объяснить ситуацию, характеризовать действующих лиц и т.д. Приведем разные способы создания личностно-пространственно-временных координат в текстах французских драматургов модернизма и постмодернизма:

- *Le buffet d'une gare de province. Style pompeux, usé et sali. (...) Avant le lever du rideau on a entendu un violon. C'est Orphée qui joue doucement dans son coin près de son père, absorbé dans des comptes sordides devant deux verres vides* [Eurydice, 2005, P. 11].

- *Intérieur petit-bourgeois. Choubert, assis dans un fauteuil près de la table, lit son journal. Sa femme, Madeline, sur une chaise, devant la table, raccomode des chaussettes* [Cantatrice, 2005, P. 163].

Приведенные примеры инициальных ремарок заключают в себе не только элементы мизансценирования наряду с описанием места действия, интерьера, вещей, которые окружают героев. Этот «голос» автора, проясняя и дополняя прагматическое измерение непосредственных диалогизированных дискурсов персонажей, актуализирует глобальный замысел драматурга.

Обращение к модернистским и постмодернистским драматургическим текстам позволяет говорить об изменении статуса АР в тексте драмы, в структурно-функциональном строе ремарок по причине включения в них элементов повествовательного описания, метатекстовых элементов, а также благодаря ряду лексико-стилистических и синтаксических преобразований. Так, например, прагматическая установка, заключённая в инициальных (т.е. предваряющих основной текст) АР, зачастую направлена не только и не столько на создание определённой хронологической и субъектной перспективы (что, по сути, является первостепенной функцией АР), но способствует некоторому запланированному автором эмоциональному настрою на восприятие, а включение метатекстовых элементов всё в те же интродуктивные дидактики размывает рамку, стирает грань между

вымыслом и реальностью, при этом дейктический центр не поддаётся однозначной и непротиворечивой идентификации.

АР, как и весь драматургический текст в целом, являются, выражаясь словами Е.С. Кубряковой, «образцом эмерджентного образования», т.е. связаны с ходом осуществления определённого процесса. Именно поэтому АР, имея некоторую материальную протяженность и четкие физические очертания, выступает в качестве метатекстовой интерпретанты, которая делает возможным выход за пределы языковых форм, содержащихся как в основном тексте, так и в паратексте.

Прагматическая важность паратекста проявляется уже с первых страниц пьесы: название, список действующих лиц, интродуктивные дидактики, содержащие необходимую для восприятия хронологическую перспективу и элементы дескрипции персонажей – все это, безусловно, является прямой манифестацией авторского дискурса. Однако пространство прямого авторского слова в рассматриваемых пьесах выходит далеко за пределы названных элементов и обнаруживает себя с большей или меньшей интенсивностью внутри драматургического текста.

Таким образом, паратекст в драматургическом тексте, обладая всеми признаками текста, имеет двойственную природу в силу того, что принадлежит одновременно и внешней и внутренней коммуникации. Более того, связь паратекста с основным текстом драмы также носит неоднозначный характер, поскольку текстемы, образующие АР, несмотря на различную степень топографической отдаленности друг от друга, образуют особую систему анафорико-катафорических связей, способствуя установлению когерентности внутри драматургического текста в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anouilh, J. *Eurydice suivi de Roméo et Jeannette* [Text] / J. Anouilh. – Paris : Gallimard, 2005. – P. 7-172.
2. Ionesco, E. *La Cantatrice chauve* [Text] / E. Ionesco // *Théâtre I*. – Paris : Gallimard, 2005. – P. 15-57.

РИТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Д.Р. Фахрутдинова

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
The paper presented is focused on the specific features acquired by the military institutional discourse due to the significance rituals and traditions play in a military environment.

Ритуал, как закреплённая традицией последовательность символически значимых действий, является важной составляющей многих видов институционального дискурса. Однако значимость ритуала в разных видах дискурса различна. Во многих из них он присутствует имплицитно и играет второстепенную роль, накладываясь непосредственно на речевую ткань: к таким мы можем отнести научный, политический, медицинский, педагогический, спортивный, бытовой и прочие виды дискурса. В других вербальный компонент может быть сведён к минимуму за счёт расширения

рамок ритуала, а сам ритуал возведён в абсолют – таковым, к примеру, является религиозный дискурс. «Ритуал религиозного дискурса значим уже сам по себе. Даже будучи «вырваны» из непосредственного религиозного контекста, многие религиозные действия, сопровождающие тот или иной речевой акт, не теряют значения и продолжают действовать без слов» [Бобырева, 2007, с. 13-14]. И, наконец, существуют виды институциональной коммуникации, где ритуал по своей значимости сопоставим с вербальным компонентом, и наравне с ним обеспечивает формирование и функционирование дискурса: именно к таким мы относим военный (а также юридический) дискурс.

Вся жизнедеятельность воинских коллективов пронизана вековыми традициями, в процессе становления и развития которых сформировался воинский ритуал – «исторически сложившийся, узаконенный, устойчивый, традиционный, торжественный акт, отражающий определённые общественные отношения, сознание, интересы и потребности людей, объединяющий в определённом порядке обрядовые символические действия с целью формирования высоких морально-психологических и боевых качеств, необходимых защитнику Отечества» [Военная энциклопедия, 1912, с. 135]. Иными словами ритуал в военном дискурсе представляет собой динамичное коммуникативное образование, которое возникло на базе определённого социально значимого действия, прошло стадию символического переосмысления и в результате приобрело форму ритуального действия.

К российскому воинскому ритуалу относятся приведение к воинской присяге, вручение Боевого знамени военной части, вооружения и военной техники личному составу, распределение прибывшего пополнения по подразделениям, вынос и относ Боевого знамени (подъём и спуск Военно-морского флага), производство салютов, строевые смотры войск, торжественные марши, парады, отдавание воинских почестей, проводы военнослужащих, уволенных в запас или отставку, выполнение воинского приветствия, отдания рапорта (доклада) должностными лицами, представление командиру (начальнику), оркестровое сопровождение и различные символические действия (приспускание знамени, коленопреклонение перед ним в знак верности) и многое другое. (Отметим, что, в целом, указанный перечень ритуалов носит интернациональный характер и имеет незначительные вариации в национальных военных институтах).

Эти ритуальные действия представляют собой коммуникативные события, совершение которых невозможно без использования в них совершенно конкретных, установленных временем, фиксированных символических действий с вербальной нагрузкой. Их объединяет особая коммуникативная тональность, суть которой – осознание сверхценности определённой ситуации.

Характеризуя ритуальные действия, присущие военному дискурсу, следует, прежде всего, отметить высокую степень жесткости фиксации

параметров исходной ситуации. В отличие от других типов институционального дискурса, где правомерно противопоставление мягкой и жесткой формализации ритуального действия, военный ритуал не допускает вариативности форм выражения соответствующего действия. Это тот случай, когда форма ритуала становится приоритетной и приобретает собственную сверхценную значимость. Нельзя не согласиться с мнением В.И. Карасика о том, что «... жёсткая формализация ведёт к семантическому выветриванию содержания исходного действия, положенного в основу ритуала, поэтому жёстко формализованный ритуал неизбежно приобретает сугубо эстетическую, декоративную ценность. Если мы обращаем внимание, прежде всего на красоту ритуального действия, у нас есть все основания считать, что исходное содержание ритуала уже стерто. В узком смысле именно такие действия часто рассматриваются как ритуалы» [Карасик, 2002, URL].

Прагматические свойства ритуала получили широкое освещение в зарубежной и отечественной литературе [Durkheim, 1912; Leach, 1968; Тернер, 1983; Сарингулян, 1986; Топоров, 1995; Байбурин, 1993; Леви-Стросс, 1994; Карасик, 2002]. Многообразие точек зрения на природу ритуала объединяет признание исследователями того факта, что функция ритуала заключается в обобщении и катализации социального опыта, стандартизации и классификации, создании когнитивной и ценностной системы координат, выработке механизмов поведения индивида. Ритуальность трактуется как осмысление и переживание специальных процедур, подтверждающих идентичность членов соответствующего сообщества. Именно ритуал, как способ сохранения и передачи содержания социальной памяти, закрепляет постоянные характеристики представителей определённой группы, способствует интеграции и консолидации коллектива и осознанию высокой ценностной значимости принадлежности к своей группе.

Исходя из существующих подходов, в качестве основных функций воинского ритуала, рассматриваемого как коммуникативное событие, могут быть названы:

- *имплицитивно-адаптационная*, в рамках которой выстраивается определённая связь действующего субъекта и содержания ритуала, где антецедент (содержание ритуала) и консеквент (участник ритуала) в определённой степени подстраиваются друг к другу, и за индивидом закрепляются новые роли как средство включения его в группу или изменения его статуса, обеспечивается интериоризация социокультурных норм и корпоративных ценностей, формирование определённых личностных и профессиональных качеств и соответствующих установок, подготавливающих к эффективному выполнению социальных ролей;

- *коммуникативная функция*, где происходит передача информации об истории, ценностях, традициях и нормах социальной группы, закрепление в процессе субъект-субъектного взаимодействия принадлежности индивида к данной группе и, соответственно, участие в ритуале;

- *функция социальной интеграции*, связанная с периодическим обновлением сообщества с помощью ритулов, утверждение единства и групповой солидарности;

- *регулятивная функция*, реализующаяся в том, что ритуал дифференцирует социальные роли, поддерживает иерархию социальных статусов и с помощью определённых идей, ценностей, установок стереотипов, традиций, набора действий осуществляет управление деятельностью и отношениями, сознанием и поведением лиц, участвующих в ритуале;

- *перформансная функция*, связанная с постановочностью ритуалов, с тем, что они лежат в основе перформансной коммуникации, важной характеристикой которой является театральность со своими правилами и ролями, и где ритуалы несут в себе символически выраженные коммуникативные сообщения;

- *мобилизующая функция*, в рамках которой ритуал оказывает эмоционально-психологическое воздействие на членов социальной группы, служит средством связи между прошлым и будущим, позволяет достичь чувства сопереживания и взаимосвязанности членов коллектива.

Полифункциональность ритуала, его способность упорядочивать жизненное и социальное пространство, транслировать ценности группы ее новым членам, формировать сплоченность членов определённого сообщества специфическим образом преломляются в исследуемом нами типе институционального дискурса.

Отличительной особенностью профессионального общения в рамках военного института, рассматриваемого как языковой коллектив, является главенство речевого ритуала – рутинной формы социально-культурного взаимодействия людей, в которой личность реализуется как функциональная единица социума, проявляет себя как неотъемлемый элемент социально значимого процесса. В речевом ритуале индивидуальное подводится под существующие общественные стандарты, личностные характеристики приглушаются, уходят на второй план [Приводится по: Дыбовский, 2006]. Речевой ритуал основывается на стереотипном использовании языковых средств, но сама стереотипность речи представляет собой более широкое явление. Она предполагает следование языковым стандартам и речевым канонам, а также использование речевых клише и шаблонных выражений во всех видах и жанрах устной и письменной речи (от общепринятых средств установления контакта и форм речевого этикета до применения стереотипных форм научной или публицистической речи; от использования пословиц и поговорок, расхожих метафор и модных слов до литературных и научных цитат) [Там же].

Речевой ритуал в военном дискурсе включает в себя широкий спектр явлений от вербального компонента воинских ритуалов и церемоний (текст воинской присяги, например) до стереотипов воинского общения и предполагает определённую предсказуемость речевых произведений. Речевое взаимодействие коммуникантов строится на основе стереотипного

употребления речевых клише, рутинного использования языковых форм, предписываемых ситуацией общения, стилем и жанром речевого произведения, осуществляемого в соответствии с социокультурными нормами и правилами взаимодействия лиц в воинском коллективе.

Так, текст воинской присяги, относящийся к перформативным жанрам, представляет собой жесткий ритуальный текст, отличительными характеристиками которого являются особая торжественная тональность произнесения (ритм; интонация); строгая композиция (построение по образцу-схеме); предсказуемость средств выражений, например, наличие в тексте лексем *клянусь, Родина, Отечество, Россия, конституция, воинский устав, приказ, воинский долг, защищать* (Россия); *the Constitution of the United States, defend, orders, regulations, faith, allegiance* (США); заданные клишированные формулы типа: *Я, ..., торжественно присягаю; Клянусь свято соблюдать...; Клянусь достойно выполнять...; строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников* (Россия); *I, ..., do solemnly swear (or affirm); I will obey the orders according to regulations; I will bear true faith and allegiance; So help me God* (США).

Наиболее ярко высокая степень ритуализованности военного дискурса проявляется в стереотипизации воинского общения. Под стереотипами воинского общения, по мнению Т.А. Степиной, следует понимать «психолингвистическую динамическую функциональную систему, призванную стабилизировать социально значимую деятельность личности в воинском профессиональном социуме, интегрировать сознание внутри армейского социума» [Степина, 2005, с. 26]. Это национально-специфичные и профессионально обусловленные устойчивые речевые единицы, закрепленные в общевоинских уставах в качестве нормы речевого поведения в официальных ситуациях воинского общения. Исследовательница выделяет три группы стереотипов воинского общения: воинские команды (группа стереотипов с императивной функцией); единицы воинского речевого этикета (с конативной функцией); воинские доклады (с императивной функцией) [Там же, с.36]. В системе воинского языка стереотипы воинского общения образуют своеобразную микросистему функционально-семантических единиц, тесно связанных с речевым этикетом и ритуальной речью.

Характерная черта ритуала прослеживается здесь в том, что произнесение любого текста, будь то присяга, команда, воинское приветствие или доклад, осознается участниками коммуникативного события как неотъемлемая часть ритуала, и «для них важен целостный текст как знак, а не его развернутое дискурсивное содержание». Так ритуал, характеризующийся устойчивыми правилами поведения и речи, обуславливает жесткую сценарность действий, высокую степень клишированности и строгие нормы оформления коммуникативных событий, относящихся к области военного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А.К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 253 с.
2. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии [Текст] / Е.В. Бобырева. – Волгоград, 2007. – 360 с.
3. Военная энциклопедия /Под. ред. К. И. Величко [Текст] / Под. ред. К. И. Величко. – Спб., 1912. Т. 7. – 135 с.
4. Дыбовский, А.С. Ритуал и игра. О некоторых особенностях речевой коммуникации в японском и русском этноязыковых коллективах [Текст] / А.С. Дыбовский // Изв. Восточного ин-та Дальневосточного госуниверситета. – № 13, 2006. – С. 103-120.
5. Извекова, М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса [Текст] : автореф. дисс. ...канд. филол. наук / М.Г. Извекова. – Волгоград, 2006. – 26 с.
6. Карасик, В.И. Ритуальный дискурс [Электронный ресурс] / В.И. Карасик // Жанры речи. – Саратов, 2002. – URL : <http://www.vspu.ru/~axiology/vik/vikart12.htm>.
7. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Стросс. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 546 с.
8. Лич, Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии [Текст] / Э. Лич. – Пер. с англ. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 214 с.
9. Сарингулян, К.С. Культура и регуляция деятельности [Текст] / К.С. Сарингулян. – Ереван, 1986. – 258 с.
10. Степина, Т.А. Эволюция стереотипов русского воинского общения [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Степина. – Пенза, 2005. – 213 с.
11. Тэрнер, В. Символ и ритуал [Текст] / В. Тэрнер. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
12. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического [Текст] / В.Н. Топоров. – М., 1995. – 623 с.
13. Durkheim, E. Les formes elementaires de la vie religieuse [Text] / E. Durkheim. – Paris : Felix Alcan, 1912. – 649 p.
14. Leach, E. Ritual [Text] / E. Leach // In D. Sills (Ed.) International encyclopedia of the social sciences. – New York : MacMillan and Free Press, 1968. – P. 520-526.

МЕЖДОМЕТИЕ *ANDA* В ОБИХОДНОМ ИСПАНСКОМ ДИСКУРСЕ

О.В. Федосова

Волгоградский государственный педагогический университет

*The interjections are examined as important means of the pragmatic support of the everyday discourse. The functions and the place of the verbal interjection **anda** in the Spanish everyday discourse are described and analyzed in the article*

Междометия и междометные конструкции составляют обширный пласт испанской разговорной лексики. Их рекуррентность в обиходном дискурсе

связана, с одной стороны, с их полифункциональностью, а с другой, – с выполнением конкретных задач в организации данного типа дискурса, а именно, с его модально-эмоциональным оформлением. Как известно, основными признаками, определяющими характер обиходного дискурса в системе других типов дискурса, являются спонтанность, имплицитность, эмоциональность и субъективная оценочность. Эти особенности данного типа дискурса, касающиеся ситуации и участников коммуникации, составляют его прагматическую основу. В качестве одного из важнейших лексических средств обеспечения прагматики повседневного общения, выступают так называемые прагмемы, или прагмалексемы, к каковым относятся и междометия. Р.И. Бабаева, например, наряду с частицами, характеризует междометия как «слова с первичными прагматическими функциями», в отличие от слов «с вторичными прагматическими функциями» (союзы) и «окказиональными прагматическими функциями» (предлоги) [Бабаева, 2008, с. 14]. Основной функцией междометий, как показано в соответствующих лингвистических трудах [Виноградов, 2001 (1-е изд. 1947); Германович, 1957; Земская, 1993 и др.], является манифестация эмоций. Развитие теории дискурсивного и разговорного анализа позволило выявить у междометий дополнительные функции, проявляющиеся на речевом уровне в конкретных коммуникативных ситуациях, и отнести их к разряду дискурсивных единиц [Gardner, 1998; Montes, 1999; Torres, 2000; Vázquez, 2003; Бабаева, 2008 и др.]. Как все незнаменательные слова, междометия наиболее полно реализуют свой функциональный потенциал в условиях обиходного дискурса. Конкретные дискурсивные функции междометий неоднократно становились объектом анализа со стороны как отечественных, так и зарубежных исследователей. Так, например, И.А. Шаронов, опираясь на исследования Гарднера [Gardner, 1998], утверждает, что «всем междометиям в устной беседе присуща одна общая функция: установление и поддержание живого контакта между собеседниками», но при этом отмечает конкретные реализации функций междометий в зависимости от того, используются ли они слушающим или говорящим [Шаронов, 2005, с. 211]. К функциям междометий, используемым говорящим лицом, он относит: *а) установление контакта* и *б) эмоциональное оформление* развертывающегося дискурса. К функциям, используемым слушающим лицом, он относит «контроль за процессом гармоничного восприятия информации», который позволяет «очень экономно и неназойливо» сигнализировать собеседнику о процессах «конвергенции» и «дивергенции» при восприятии его речи [Там же]. Р.И. Бабаева, анализируя незнаменательную лексику в немецком обиходном дискурсе, помимо основной функции передачи эмоций, выделяет три дополнительные: *а) организация дискурса* (открытие речевого шага, смена темы, корректировка), *б) выражение модальности* (незначительность, низкая оценка, недоверие, очевидность, усиление желания) и *в) участие в построении сочетаний* [Бабаева, 2008]. В. Эдесо Наталиас, основываясь на теории М.А. Холидея о трёх типах значений в языке, выделяет три функции

междометий, связывая их с прагматическим планом высказывания: модальную, функцию интеракции и текстуальную функцию, т.е. функцию организации высказывания [Edeso Natalias, 2007]. Так, помимо основной, эмотивной, функции, выделяются модальная, регулятивная или функция интеракции, а также функция организации дискурса. Отдельно следует указать на участие междометий в построении эмоционально окрашенных сочетаний.

В грамматике традиционно все междометия делятся на первичные, или собственно междометия (*interjecciones propias*), и вторичные, или производные (*interjecciones improprias*). Первичные междометия не связаны своим происхождением и категориальными признаками со знаменательными частями речи. Среди них наиболее рекуррентными в обиходном дискурсе являются *oh, eh, aja, ahm, oh, hala, huy, ay, epa, guay, bah, puf, ou, ea, uf, psss, ajajá*. Производные междометия, напротив, обладают категориальными признаками, указывающими на их происхождение от знаменательных частей речи: существительных, прилагательных, наречий и др. К этой группе междометий относятся такие единицы, как *hombre, ostras, leche, cuidado, abajo, arriba, atiza, arrea, leñe* и тому подобные. Для испанского обиходного дискурса последних десятилетий наиболее продуктивным в этом смысле разрядом слов стали глаголы. Так, наибольшее число междометий возникло в результате полной или частичной десемантизации высокочастотных лексических единиц, среди которых на первом месте глаголы движения, восприятия, речи: *andar, ir, venir, dar, oir, mirar, decir* и другие.

Первым в ряду отглагольных междометий можно поставить *janda!* На рекуррентность данного междометия в испанской разговорной речи обратил внимание еще В. Бейнхауэр [Beinhauer, 1978], пионер в области испанской коллоквиалистики. Немецкий ученый заметил, что *janda!*, которое «изначально выражает приглашение к чисто физическому действию» (что естественно, так как *anda* по своим грамматическим признакам представляет собой императив глагола *andar* ‘ходить’ (2-е лицо, ед. число) и буквально переводится ‘ходи’), в функции междометия передает только эмоциональный посыл, приглашение к действию или воодушевление на него [Там же, с. 74]. В. Бенхауэр приводит следующий пример, демонстрирующий десемантизацию глагола *andar*, выступающего в функции междометия: “*Anda, ven, sentémonos aquí y charlaremos un rato*”. В данном случае семантика глагола *andar* ‘ходить’ и *sentarse* ‘сидеться’ исключают друг друга в одном контексте, поскольку нельзя ходить и сидеться одновременно. Пример удачен именно с точки зрения наглядности и демонстрирует функционирование конкретной грамматической формы глагола *andar* в качестве междометия, функции которого связаны с прагматическим планом высказывания: эмоциональное оформление высказывания и организация дискурса (открытие речевого шага). Эти же функции упомянутого междометия иллюстрируют и другие примеры: *Anda, hijo, cómelos tú* (*Давай, сынок, съешь их ты!*); *Perdona, papá. Perdóname. Anda, ¿me perdonas?* (*Прости, папа. Прости меня. Ну, давай, ты меня простишь?*).

Основная эмотивная функция междометия *¡anda!* чаще всего связана с выражением удивления. В. Бейнхауэр отмечает, что в Испании, в особенности в Мадриде, при помощи *¡anda!* или его фонетически более выразительного варианта *¡andá!*, «многие люди реагируют на любое экстраординарное сообщение». Например: *Mi hermano está en la cama con un fuerte catarro*. Ответ: *¡Anda!* (*Мой брат лежит в кровати с сильнейшим катаром. – Да что ты!*) [Beinhauer, 1978, с. 75]. *¡Anda! Pero ...¿eres tú? (Ах!... Это ты?!); Anda, ¿pero no estabas sólo? (Ах, так ты был не один?)*. Помимо удивления *¡anda!* может выразить беспокойство, недоумение (*¡Anda, éste! Pues claro que lo he hecho yo sólo*), разочарование, недовольство (*Anda, el gato se ha escapado!*), возмущение (*¡Anda, Castaño, no te rayes con mi madre, tío!*) [Pérez-Alonso, 2007, с. 86] и др.

Междометие *¡anda!* является полифункциональным и в плане выражения модальных оттенков. Его основная модальная функция связана с выражением желательности действия и граничит с каузацией: *–Anda, mujer – le animé yo. –Ya verás como lo pasais bien* [Ruíz Zafón, 2006, с.123]; *–Ande, pase usted. Ésta es la librería de mi padre, al que quiero presentarle* [Там же: 101]; *–¡Cómpranos el CD, papá, anda!* [Grandes, 2007, с. 513]; *Enséñeme más cosas, anda* [Там же, с. 425]; *Cambia de cara, anda* [Там же, с. 500]. К другим важным модальным функциям данного междометия относятся: а) выражение отрицания, несогласия с позицией собеседника: *–¿Pero tú no tienes miedo? – ¡Anda, miedo!... ¡Pues a veces tiran hasta tiros!* [Beinhauer, 1978, с. 75] (*–Ну а ты разве не боишься? Ответ: Еще чего, бояться!... Иногда даже стрелялки стреляют!*); б) выражение недоверия: *¡Anda ya, Mateo, no digas tonterías, por favor!* [Grandes, 2007, с.320]; в) возражение: *–¡Anda que no lo sé (...). Todos lo sabemos. – Ну да, как же не знаю! Мы все это знаем* [Там же, с. 329]; г) осуждение: *¡A la calle! Eso, con chusma... Anda, que todo lo que os pase os estar bien empleado* [Там же, с. 326]; *¡Anda que...! Eres más bruto ...!* Выражение низкой оценки, незначительности или недоверия часто усиливается употреблением *¡anda!* с дополнительными единицами: *¡anda ahí!, ¡anda coño!, ¡anda ya!, ¡andale!*

Важной функцией междометия *¡anda!* является его способность выступать в качестве интенсификатора основной эмоции, воплощённой в высказывании, как в следующих примерах: Paula: *–Es muy feo y muy tonto... Yo no le quiero... Le estoy hacienda rabiar... me divierte mucho hacerle rabiar... Y no le pienso abrir... Que se fastidie ahí dentro... ¡Anda, anda, fastídate...* [Mihura, 2004, с. 95]; *Pues entonces, ¡anda y que se fastidie!* [Там же, с. 106].

Таким образом, *¡anda!*, как и большинство отглагольных междометий испанского языка, является полифункциональным междометием с диффузными границами и способно (часто одновременно) осуществлять различные прагматические функции в высказывании, что обеспечивает его высокую рекуррентность в современном испанском обиходном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2001.– 720 с.

2. Германович, А.И. Междометие, интонация и жест [Текст] / А.И. Германович // Известия Крымского педагогического института. – Т. XXVII. – Симферополь, 1957. – С. 426-437.
  3. Земская, Е.А. Особенности мужской и женской речи [Текст] / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 90-136.
  4. Шаронов, И.А. Междометия в речевой коммуникации [Текст] / И.А. Шаронов // Эмоции в языке и речи: сб. науч. статей; под ред. И. А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2005. – С. 200-221.
  5. Beinhauer, W. El español coloquial [Текст] / W. Beinhauer. – 3ª ed. – Madrid : Gredos, 1978. – 555 p.
  6. Gardner, R. Between Speaking and Listening: The Vocalization of Understanding [Текст] / R. Gardner // Applied Linguistics. – № 19/2. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – P. 204-224.
  7. Edeso Natalías, V. ¿Qué hacer con las interjecciones en una clase de ELE? [Текст] / V. Edeso Natalías // Las destrezas orales en la enseñanza del español L 2-LE: XVII Congreso Internacional de la ASELE. – Logroño 27-30 de sept. de 2006. – Vol. 1. – 2007. – P. 495-508.
  8. Montes, R.G. The development of discourse markers in Spanish : Interjections [Текст] / R.G. Montes // Journal of Pragmatics. – 1999. – № 31. – P. 1289 – 1319.
  9. Torres Sánchez, M. Á. La interjección [Текст] / M.A. Torres Sánchez. – Cádiz : Universidad de Cádiz, 2000. – 170 p.
  10. Vázquez, N. Marcadores discursivos de la recepción [Текст] / N. Vázquez. – Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 2003. – 215 p.
- Источники
1. Grandes, A. El corazón helado [Текст] / A. Grandes. – Barcelona : MAXI Tusquets, 2009. – 1242 p.
  2. Mihura, M. Tres sombreros de copa. Maribel y la extraña familia [Текст] / M. Mihura. – 2ª ed. – Madrid: Clásicos Castalia, 2004. – 251 p.
  3. Pérez-Alonso, S. La vida es corta pero ancha / S. Pérez-Alonso. – Barcelona: DEBOLSILLO, 2007. – 399 p.
  4. Ruiz Zafón, C. La sombra del viento [Текст] / C. Ruiz Zafón. – Barcelona: Editorial Planeta, S. A., 2006. – 569 p.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ВОЗМОЖНОГО МИРА: Я И ДРУГИЕ В ДИСКУРСЕ ЧЕЛОВЕКА МЕЧТАЮЩЕГО

А.Г Хлебодарова

Иркутский государственный лингвистический университет

The article tackles the notion of potential world and tolerant attitude to actual world in the discourse of a dreaming person.

Важнейшая проблема теории возможного – это «возможные миры» и их соотношение с действительным миром. Возможный мир – это совокупность возможностей (или возможных существований), которые могут

непротиворечиво образовывать одно целое, то есть не исключают возможности друг друга [Эпштейн, 1998:4]. В когнитивной науке возможные миры понимаются как возможные жизнеустройства, совокупности опыта. Они могут быть реальными – существовать в действительности. К возможным мирам причисляют также вымышленные миры. В целом, термин «возможный мир» объясняет всю тотальность информации в том или ином мире [ВЭФ].

Крайне реалистическая точка зрения по поводу понятия «возможный мир» принадлежит американскому философу Д. Льюису. Согласно его теории «модального реализма», возможный мир может стать действительным, поскольку действительность и возможность – это два взаимозависимых свойства. Д. Льюис понимает другие миры не как абстрактные сущности, а как вполне конкретные, где-то существующие реальности. Он уточняет, что существует огромное множество возможных миров и что они не имеют общих частей. Возможные миры – не далекие и не близкие по отношению к «этому», «нашему» миру. Они составляют в своей тотальности особое – логическое – пространство, в котором они изолированы друг от друга и в котором между их объектами нет никаких пространственно-временных или каузальных отношений [Lewis, 1986].

С.Н. Плотникова использует теорию множественности миров для объяснения явления дискурсивной фрустрации. Дискурсивная фрустрация определяется ею как сигнал неудовлетворенности человека окружающим его миром. Если человек недоволен самим собой как говорящим или же своими собеседниками, то он осознает или интуитивно чувствует, что мир не соответствует его ожиданиям, что мир нетолерантен по отношению к нему. Фрустрация от своего собственного дискурса свидетельствует о том, что человек начал постепенно терять себя в данном мире и что он близок к трансформации в логическом пространстве – исчезновению в одном и возникновению в другом мире. Известная фраза «он проснулся новым человеком» отражает завершение трансформации и момент возникновения, первое ощущение себя другим – своим дубликатом, своим клоном [Плотникова, 2007:83].

Сфера изучения возможных миров становится все шире и разностороннее. В данной статье понятие возможного мира используется в отношении дискурса человека мечтающего. На наш взгляд, в дискурсе мечты формируется возможный мир – мир воображаемый или же фантазийный. Рассмотрим в качестве примера дискурс женщины, мечтающей в канун Рождества:

As the bus stopped by the dark desolation of Lord's cricket ground, swallowed two women who were all parcels, comic hats, and fuss, and then rolled on, Miss Matfield took out from its secret recess that dream of a Christmas. She was in an old house in the country somewhere, with firelight and candlelight reflected in the polished wood surfaces; by her side, adoring her, was a vague figure, a husband, tall, strong, not handsome perhaps but distinguished; two or three children, vague too, nothing but laughter and a gleam of curls; friends arriving, delightful people – "Hello", they cried.

“What a marvelous place you’ve got here! I say, Lillian!”; some smiling servants; logs on the fires, snow falling outside, old silver shining on the mahogany dining table, and “Darling, you look wonderful in that thing,” said the masculine shadow in his deep thrilling voice. “Oh, you fool, stop it”, Miss Matfield cried to herself. She had only brought out that nonsensical stuff to annoy herself. She liked reminding herself how silly she could be. It braced her (J.B. Priestley).

После мысленного перемещения в возможный мир женщина воспринимает воображаемое своим духовным зрением с определенной точки в этом новом мире, которую она задала себе и с которой она следит за происходящим. Она не просто наблюдает за воображаемой сценой, но видит в ней себя как Другую, или, в терминах Д. Льюиса, видит своего каунтерпарт. Толерантность фантазийного мира по отношению к ней проявляется в том, что в этом новом мире она находится в окружении желанных для нее людей, отсутствующих в ее действительном мире (a husband, two or three children, delightful people, smiling servants). Создание нужного мира в воображении мечтающей осуществляется путём выдвижения на первый план важных и интересных для нее объектов (polished wood surfaces, gleam of curls, snow falling outside).

Мечтающая не только видит возможный мир своим внутренним взглядом, она слышит внутренним слухом дискурс, производимый в этом мире. Она внутренне слышит то, что произносит ее муж (Darling, you look wonderful in that thing). Он как бы стоит здесь, рядом с ней и предназначает ей сообщение. Тем самым, дискурс воображаемого мужа соединяет двух мисс Мэтфилд, населяющих разные миры. Ее каунтерпарт вполне реален, поскольку «та», другая мисс Мэтфилд, находясь в воображаемом мире, воспринимает обстановку и людей «того» мира. Она понимает их и свои собственные чувства, она общается с ними. В то же время она остается и в этом, действительном мире. «Эта» мисс Мэтфилд в конце концов изгоняет «ту», другую мисс Мэтфилд при помощи соответствующего дискурса (Oh, you fool, stop it, Miss Matfield cried to herself).

Воображаемый мир создается мечтателем как толерантный по отношению к нему с точки зрения его специфики, его сущностной природы. Этот мир толерантен, поскольку в нем находится он как Другой – человек с другим статусом, с другим положением. Создаваемый в образах сознания фантазийный мир наполнен желанными материальными объектами. В нем живут значимые для фантазирующего люди, в нем фантазирующий не испытывает агрессии со стороны других. Толерантность фантазийного мира состоит в том, что, заменяя реальное воображаемым, всегда создается желаемое будущее. Например:

“I wish, said the silly girl at the back of Mrs. Dersingham’s mind, – I was a terribly successful actress who lived in a marvelous little flat and had a terribly devoted maid and a dresser and a huge car and nothing much to eat before the performance and then went on and was absolutely marvelous and everybody applauded and then I put on a wonderful sable coat and went out to supper and

everybody stared. No, I don't. I wish I was a terribly successful woman writer with a villa somewhere on Riviera with orange trees and mimosa and things and lunch in the sunshine and marvelous distinguished people coming to call. No, I don't. I wish I was terribly rich with a housekeeper and about fifteen servants and a marvelous maid of my own and umpteen Paris model gowns every season and a house in town and a place in the country and a very attractive dark young man, very aristocratic, and a racing motorist or yachtsman or something like that, terribly in love with me but just devoted and respectful all the time and coming and looking so miserable and me saying: "I'm sorry, my dear, but you can see how it is. I can never love anybody but Howard, but we can still be friends" (J.B. Priestley).

Особенность возможного мира, созданного данной мечтающей, определяется тем, что из реальности, где ее муж вот-вот разорится, она мысленно переносится в толерантный мир. Она видит себя Другой, наблюдающей богатую жизнь и принимающей в ней участие. Новый мир наполнен желанными предметами роскоши (huge car, about fifteen servants, lunch in the sunshine, house in Town, sable coat and diamonds, villa on Riviera), которыми она не владеет в действительности. Представляя себя вначале успешной актрисой (a successful actress) и участвуя в воображаемом выступлении, она тут же меняет решение, принимая в мечтах уже другой образ – писательницы, автора женских романов (woman writer), но главное для нее – это ощущать себя очень богатой женщиной (terribly rich).

Итак, в дискурсе мечты образуется возможный мир, который является толерантным по отношению к мечтающему. Пребывая в новом мире, мечтающий производит дискурс другого человека, никогда не существовавшего в «этом», действительном мире. Кроме этого, мечтающий моделирует и дискурс своих воображаемых собеседников, толерантных по отношению к нему.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЭФ – Всемирная энциклопедия: Философия [Текст]. – М.: АСТ, 2001. – 1312с.
2. Плотникова С. Н. Дискурсивная фрустрация и бытие другим [Текст] / С.Н. Плотникова // Языковая фрустрация / Под. ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 82-89.
3. Эпштейн, М.Н. Философия возможного. Онтологический статус возможных миров [Текст] / М.Н. Эпштейн. – М.: Прогресс, 1998. – 97с.
4. Lewis D. On the Plurality of Worlds [Text] / D. Lewis. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 276 p.

ЗНАЧЕНИЕ РЕМИНИСЦЕНТНЫХ ОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТОВ

В.П. Хохлова

Воронежский государственный педагогический университет

This article deals with the significance of reminiscent onyms in the French existentialists' works on the example of A. Camus' «Caligula». They help the

writer use readers' associations to express his philosophical views in a more efficient way.

Автор художественного произведения стремится экономить языковые усилия, учитывая степень возможной осведомлённости читателя о качествах или свойствах называемого персонажа или объекта, т.е. фоновые знания читательской аудитории, и представить в номинации наиболее информативные из ИС, уже наполненные смысловым содержанием. Использование реминисцентных онимов, обладающих способностью с большей или меньшей степенью определённости отсылать читателя к объектам реального или художественного мира, носителям прецедентных имен, помогает писателю воплотить свои интенции [Фомин, 2003, с. 167].

Употребление реминисцентных онимов в своих произведениях помогает писателю апеллировать к экстарлингвистическим знаниям реципиентов за счёт установления ими связи между «обозначающими» и «обозначаемыми» реминисцентных и прецедентных ИС и использовать признаки и ассоциации, закреплённые за прецедентными онимами, что позволяет автору не вводить пояснительный контекст. Помимо значения, возникающего благодаря ассоциативной связи между денотатами реминисцентного и прецедентного имен, реминисцентный оним в художественном тексте приобретает и другие значения, прежде всего, благодаря его употреблению в стилистическом контексте.

В настоящий момент изучение реминисцентных онимов в художественных текстах представляется актуальным, о чём свидетельствуют работы А.А. Фомина, А.Е. Супруна, М.А. Захаровой, Ю. А. Блиновой и т.д., но значение этого вида имён собственных в текстах отдельных литературно-эстетических направлений еще не достаточно исследовано. Остановимся на пьесе «Caligula» А. Камю, яркого представителя экзистенциализма, концепции существования человека, его места и роли в этом мире, отношения к Богу, и проанализируем произведение с этой позиции [Борев, 2002, с. 352].

Давая общую характеристику литературно-эстетическому направлению, отметим, что писатели-экзистенциалисты не используют классические формы изложения философских мыслей, а предпочитают такие литературные формы изложения, как драму, эссе, роман [La littérature en France depuis 1945, 1974, p. 25].

В творчестве А. Камю театр занимает особое место.

«Camus a toujours été non seulement un écrivain de théâtre, mais aussi un homme de théâtre, animateur inlassable de troupes dès 1936, acteur, adapteur, metteur en scène. C'est cette passion qui nourrit les meilleurs moments d'un théâtre qui demeure de toute façon essentiel à la compréhension de son oeuvre» [Приводится по: La littérature en France depuis 1945, 1974, p. 26].

Пьеса «Caligula» входит в цикл Абсурда наряду с «L'Etranger», «Le Mythe de Sisyphe» и «Le Malentendu» [Albertini, Jaine, 2009, p. 262].

«Toutes ces oeuvres rendaient un son nouveau: le désespoir s'y exprimait sans pathétique, la solitude des héros y était absolue, ils ne participaient ni à la

société dont ils dénonçaient l'absurdité, ni à l'Histoire qu'ils ne prenaient jamais en considération» [Приводится по: La littérature en France depuis 1945, 1974, p. 34].

Темы для своих пьес, изображающих этапы борьбы человека с социальным злом, борьбы, заканчивающейся поражением, Камю черпает из подлинной истории и ее художественных и философских мистификаций, из античных мифов и евангельской поэзии, что обуславливает большое количество РО на страницах его произведений. Там можно найти картины трагических противоречий между замыслами и результатами, между действиями, желаниями и обстоятельствами. Так создаются образы Сизифа, Прометея, Спартака, Христа, Сен-Жюста, Бакунина, Ницше – сжатые конспекты больших сценических драм, показывающих основные жизненные дилеммы [Коссак, 1980, с. 213].

В пьесе «Caligula» среди всех ИС, входящих в ономастическое пространство произведения, именно этот вид онимов имеет первостепенную значимость для понимания его идей, поскольку главным онимом пьесы является реминисцентный оним и что главные герои произведения носят реминисцентные имена.

Главный оним пьесы «Caligula» отсылает читателя к персоне реального и художественного мира: римскому императору первого века, вошедшему в историю как один из самых беспощадных правителей, чей жизненный путь запечатлен Светонием в начале второго века нашей эры в книге «Жизнь двенадцати Цезарей». Он заимствует у историка множество деталей характера и жизни главных героев, даже некоторые фразы, которые император произнёс перед смертью, но Камю по-другому интерпретирует поведение Caligula.

«...Albert Camus fait représenter son Caligula, pièce dans laquelle il fait du monstre de l'historiographie romaine une incarnation de la révolte métaphysique causée par la conscience angoissée de l'absurde» [Цит. по: Chapoutot, 2006].

«En outre, Camus confère à Caligula une profondeur biographique en l'inscrivant dans la diachronie d'une mutation, d'une évolution personnelle, ce que ne fait pas Suétone, qui décrit Caius comme ayant été toujours déjà perclus de vices délétères» [Цит. по: Chapoutot, 2006].

П.-Л. Рей представил сложный образ главного героя произведения с помощью реминисцентных антропонимов, взятых как из художественной, так и из реальной действительности.

«On verra alors en Caligula un Hamlet dont les velléités se seraient muées en intempérance d'action et à qui sa puissance permettrait de multiplier les caprices; ou un Lorenzaccio qui, ayant étouffé en lui toute nostalgie d'innocence, pousserait jusqu'aux limites le dégoût de soi-même; ou encore un Dom Juan qui, ayant résolu de bafouer pauvres, femmes et honnêtes gens, ne se soucierait même pas de parer d'un semblant d'élégance le jeu cynique où il se complaît» [Rey, 2008, p. 25]

Критики нередко сравнивают Caligula с главным героем «Le Mythe de Sisyph», другого произведения А. Камю, входящего в тот же цикл абсурда.

«Il prend «le visage bête et incompréhensible» des Dieux et du Destin, comme s'il voulait provoquer les hommes et les appeler à la révolte. Ce frère de Sisyphe finit par faire rouler sur eux son rocher, et s'exalte de son entreprise de destruction, passant de l'absurde au nihilisme» [Приводится по: La littérature en France depuis 1945, 1974, p. 39].

Роль реминисцентных онимов не может быть недооценена в пьесе, поскольку РО Caligula вынесен в заглавии произведения, в одну из самых сильных позиций текста, что обуславливает его значение для понимания идеи произведения.

Среди антропонимов есть и другие реминисцентные онимы, заимствованные А. Камю у Светония. Самыми главными из них являются следующие ИС: Caïus, César, Drisilla, Caesonia, Cherea, причем первые два также используются для наименования главного героя.

«Le Glaive» – название книги главного героя Caligula, которое встречается на страницах пьесы, тоже является реминисцентным и взято из книги Светония: «в его тайных бумагах были найдены две тетрадки, каждая со своим названием – одна называлась «Меч», другая – «Кинжал»; в обоих были имена и заметки о тех, кто должен был умереть» [Приводится по: Светоний, 1988, с. 162].

В данной пьесе вся система реминисцентных онимов помогает представить идеи абсурда, тему, которая на определенном этапе творчества А. Камю выступала как доминирующая.

Таким образом, широкое использование реминисцентных онимов в сильных позициях и в наименованиях главных героев позволяет писателям-экзистенциалистам опираться не только на значения данных ИС, появившиеся благодаря их употреблению в стилистическом контексте, но и на ассоциативные признаки, закреплённые за ними, которые уже имеются в сознании читателя, что помогает авторам воплотить свои философские воззрения более ярко и убедительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боров, Ю.Б. Эстетика [Текст]: учебник / Ю.Б. Боров. – М. : Высш. шк., 2002. – 511 с.
2. Коссака, Е. Экзистенциализм в философии и литературе. Альбер Камю [Текст] / Е. Коссака. – М. : Изд-во худ. лит-ры, 1980. – С. 204-227.
3. Светоний, Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей [Текст] / Г.Т. Светоний. – М. : Изд-во «Правда», 1988. – 512 с.
4. Фомин, А.А. Имя как приём : реминисцентный оним в художественном тексте [Электронный ресурс] / А.А. Фомин // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – Выпуск 6. – № 28. – 2003. – С. 167-181 // URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0028\(01_06-2003\)&xsl=showArticle.xslt&id=a17&doc=./content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0028(01_06-2003)&xsl=showArticle.xslt&id=a17&doc=./content.jsp)
5. Albertini, I. Les grands auteurs de la littérature française [Text] / I. Albertini, D. Jaines. – Paris : Ellipses, 2009. – P. 261-266.
6. La littérature en France depuis 1945 [Text] / Borsani J., Autrand M., Lecarme J., Vercier B. J. – Bordat, 1974. – 928 p.

7. Chapoutot, J. / Le jeune homme et la mort : nihilisme, logique de l'absurde et sens de l'amour dans le Caligula d'Albert Camus [Electronic resources] / J. Chapoutot // Sens publique; 25 novembre 2006 // URL : <http://www.sens-public.org/spip/php?article351>.

8. Rey, P.-L. Préface [Text] / P.-L. Rey // A. Camus. Caligula. – Editions Gallimard, 2008. – P. 7-30.

ТАКТИКА КОМПЛИМЕНТА В АНГЛИЙСКОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И.В. Чернядьева

Челябинский государственный университет

The communicative aims of the participants of the discussion process determine peculiarities of their speech behaviour and influence the choice of communicative tactics. Compliment is one of the most effective forms in getting the likely results from the communication process.

В современной лингвистике диалогическая речь трактуется как особый вид речевой деятельности, характеризующийся ситуативностью, наличием двух или более коммуникантов, альтернирующей реакцией, персональной направленностью и другими признаками (Ch.C. Fries, W.L. Ball, Н.Ю. Шведова, Л.П. Чахоян, О.И. Москальская).

Важным аспектом диалога является правильный выбор тактики речевого поведения. Для достижения прагматических целей собеседники используют разное речевое поведение, и комплимент является одной из наиболее эффективных форм в достижении цели.

Тактика комплимента реализуется тактическими приёмами выражения симпатии, формирования эмоционального настроения, установления добрых отношений, управления дистанцией, смещения внимания, особенно в ситуации коммуникативной неудачи, коммуникативного конфликта или дискомфорта.

Характерной чертой речевого акта комплимента является то, что «он порождает обязательства, накладываемые на общающиеся стороны, а кроме того, приводит к образованию стратегических замыслов с соответствующей тактикой их воплощения, то есть типичной задачей речевого акта комплимента является воздействие на мысли адресата, когда он интерпретирует высказывание говорящего, то есть речевой акт комплимента обладает определённым замыслом или целью» [Dijk, 1981, p. 249].

Для более детального изучения тактики комплимента рассмотрим различные понятия комплимента, определяемые нами на базе исследования словарных статей в толковых, переводных, энциклопедических словарях и определений, данных комплименту ведущими специалистами в области прагматики и речевого этикета.

Словарь иностранных слов [Словарь иностранных..., 2001, с. 311] и Большой словарь иностранных слов [Большой..., 2001, с. 300] определяют комплимент как «лестное высказывание, похвала». Толковый словарь русского языка отмечает, что комплимент – это «любезность, лестные слова,

содержащие похвалу» [Толковый..., 2006, с. 288]. В словаре современного русского литературного языка можно найти следующее определение: «Комплимент – похвала, вызванная стремлением сказать любезность или польстить кому-либо» [Словарь современного..., 1956, с. 1252]. Словарь русского языка определяет комплимент как «лестное для кого-то замечание, любезный отзыв» [Словарь русского..., 1986, с. 86]. Энциклопедия Википедия [Википедия, URL] даёт следующее толкование: «комплимент – это особая форма похвалы, выражение одобрения, уважения, признания или восхищения; любезные, приятные слова, лестный отзыв».

Словарь The Free Online Dictionary [The Free..., URL] рассматривает комплимент как «An expression of praise, admiration, or congratulation; a formal act of civility, courtesy, or respect; a remark (or act) expressing praise or admiration; express respect or esteem» (выражение похвалы, восхищения или поздравления; формальный акт любезности, вежливости или уважения; замечание (или акт), выражающий похвалу или восхищение).

Английский исследователь Джоан Мэйнс отмечает, что комплимент – это «этикетное высказывание, вербально представляющее собой в высшей степени структурированную формулу, которая может быть с минимальными усилиями применена во множестве ситуаций, требующих одобрительного комментария» [Manes, 1981, p. 123].

Е.М. Вольф рассматривает комплимент как «особый вид иллюкутивных актов, где действуют специфические именно для них иллюкутивные силы, целью которых является вызвать у собеседника определённый перлюкутивный эффект – эмоциональную реакцию» [Вольф, 1985, с. 166].

Согласно нашему отечественному исследователю В.И. Карасику, комплимент рассматривается как «двухсоставное речевое действие вида: комплимент (реплика-стимул) – ответ на комплимент (реплика-реакция)» [Карасик, 2002, с. 124]. Т.е. говорящий не ограничивается лишь передачей каких-либо сведений или выражением своего отношения к предмету речи. Он также стремится оказать воздействие на своего партнера по общению, чтобы добиться от него определённой реакции, состояния или поведения, которые соответствовали бы замыслам и ожиданиям адресата [Там же].

В рамках прагматики комплимент рассматривается как один из многочисленных речевых актов. Его цель – установление контакта и поддержание добрых отношений [Иссерс, 1999, с. 178].

Стратегическая задача говорящего – вызвать симпатию, расположить к себе собеседника. В связи с этим отличительной чертой комплимента следует считать явную демонстрацию интенции говорящего – его желания сказать нечто приятное собеседнику.

По коммуникативной цели тактика комплимента сближается с тактикой похвалы, однако при детальном рассмотрении между этими понятиями можно найти отличия. Во-первых, основная цель похвалы – положительная оценка, а цель комплимента – сообщить о добрых чувствах. Похвала – оценка достижений, комплимент не ограничен в этом плане.

О.С. Иссерс отмечает факт существования определённых условий успешности речевой тактики комплимента. Исследователь рассматривает следующие условия успешности:

1) пропозициональное содержание: говорящий замечает некоторый признак (обычно положительный) в слушающем;

2) говорящий желает сказать об этом слушающему;

3) говорящий предполагает, что его высказывание вызовет положительные эмоции у слушающего;

4) говорящий думает, что его не заподозрят в корысти (условие искренности) [Иссерс, 1999, с. 182].

Таким образом, комплимент позволяет дать понять собеседнику, что он или какие-либо его качества нравятся говорящему. Основной перлокутивный эффект, который ожидает говорящий в ответ на комплимент, – комплимент принят. Положительная реакция на комплимент может быть выражена как вербально, так и невербально (например, улыбка). В случае неудачи речевой тактики комплимента, как правило, можно наблюдать вербальную реакцию, где адресат фиксирует (имплицитно или эксплицитно) нарушение одного из условий успешности; однако иногда невербальная реакция также имеет место быть (например, пожатие плечами, презрительный взгляд) [Иссерс, 1999, с. 185].

Комплимент – это устоявшийся ритуал, согласно которому совершаются определённые действия. Обычно ритуал строится на основе определённых клише, речевых стереотипов, которые воспроизводятся в тех или иных речевых ситуациях. Однако, в отличие от таких ритуальных тактик как приветствие, соболезнование и др., комплимент предполагает творчество говорящего. Поэтому существуют различные коммуникативные ходы, которые реализуют главную интенцию адресанта комплимента – показать симпатию, благорасположение. Взяв за основу классификацию О.С. Иссерс и проанализировав диалогические ходы в английских художественных текстах, мы пришли к выводу, что самыми частотными ходами тактики комплимента являются следующие:

1. Незатейливый комплимент (всегда прямой): отмечают внешние, нравственные, интеллектуальные, физические данные адресата. Например:

– *У вас удивительно красивые руки, – сказала она. – Как у пианиста. Вы играете?* (Ф.С. Фицджеральд, По эту сторону рая, с.89).

2. Комплимент чужими устами (авторство комплимента приписывается третьему лицу) используется для создания иллюзии объективной оценки, а также в случаях, когда говорящий не расположен к открытой демонстрации чувств [Иссерс, 1999, с. 189]. Например:

– *Вам кто-нибудь говорил, что у вас пронзительные глаза?* (Ф.С. Фицджеральд, По эту сторону рая, с.87).

3. Комплимент через ощущения говорящего: «Ты у меня вызываешь такие чувства...». Например:

– *Помилуйте! Я уже получил величайшее удовольствие, потанцевав с вами вальс!* (Т. Драйзер, Финансист, с. 131).

4. Комплимент-сравнение (может повлечь за собой коммуникативную неудачу, поскольку мнения говорящего и слушающего могут не совпадать). Например:

– *Вот оно что! Это, значит, в крови – по папёнке пошёл! Что ж, плохого тут нет! И рассуждает-то он, как мужчина.* (Т. Драйзер, Финансист, с. 16).

5. Дедуктивный комплимент: через положительную оценку социума, к которому принадлежит адресат, говорящий выражает своё отношение к нему. Например:

– *Во всяком случае, у него всегда собирается много народу, – сказала Джордан. – А мне нравятся многолюдные сборища, на них как-то уютнее...* (Ф.С. Фицджеральд, Великий Гэтсби, с. 323).

Нужно отметить, что этот список комплиментарных коммуникативных ходов не является окончательным вариантом, данная классификация может быть расширена.

Таким образом, можно сделать вывод, что для достижения коммуникативной интенции одной из наиболее эффективных форм речевого поведения является комплимент, т.к. основная коммуникативная цель речевой тактики комплимента – установление и поддержание добрых отношений собеседников. Комплимент прагматически функционален. Функция комплимента заключается в создании или поддержании солидарности между адресантом и адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васюкова, И.А. Словарь иностранных слов [Текст] / И.А. Васюкова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2001. – 632 с.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика [Текст] / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 296 с.
1. Драйзер, Т. Финансист [Текст] / Т. Драйзер, (пер. М. Волосова). – М. : Худ. Лит-ра, 1993. – 496 с.
2. Евгеньева, А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. [Текст] / А.П. Евгеньева. АН СССР Ин-т Рус. Яз. Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985-1988. Т. 2-3. К-О, 1986. – 699 с.
3. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.
4. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
1. Москвин, А.Ю. Большой словарь иностранных слов [Текст] / Сост. А.Ю. Москвин. – М. : ЗАО Изд-во Центполиграф : ООО «Полюс», 2001. – 308 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : «ИТИ Технологии», 2006. – 944 с.
5. Сёрль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов [Текст] / Дж. Сёрль, Д. Вандервекен. // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка / сост., общ. ред. и вступ. ст. В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 242-263.
1. Словарь Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org/>

wiki.

2. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. [Текст] – М. : ССРЛЯ, 1956. Т. 5. – 1252 с.
6. Фицджеральд, Ф.С. Избранные произведения [Текст] / Ф.С. Фицджеральд. – Т. 1, (пер. А. Зверева). – С-П. : Худ. Лит-ра, 1993. – 446 с.
7. Dijk, T.A. Studies in the pragmatics of discourse [Text] / T.A. Dijk. – The Hague etc. : Mouton, 1981. – 331 p.
8. Manes, J. Compliments: A Mirror OF Cultural Values [Text] / J. Manes // Sociolinguistics and Language Acquisition. – Rowley: Newbury, 1983. – 219 p.
9. The Free Online Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : www.thefreedictionary.com

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С.В.Чистякова

Челябинский Государственный Университет

In this article the strategy of speech influence in political discourse is considered and some methods of manipulating the audience are singled out.

В настоящее время большое внимание уделяется проблемам политического дискурса, поскольку он представляет собой явление, которое в социуме имеет гораздо большее частотное проявление по сравнению с другими типами дискурсов. Вопросы теории и практики политической коммуникации привлекают внимание многих специалистов: А.Н. Баранов, Р.М. Блакар, Э.В. Будаев, В.З. Демьянков, О.С. Иссерс, Г.Г. Почепцов, Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов, и др.

Проблема речевого воздействия в политическом дискурсе рассматривается в рамках политической лингвистики, когнитивистики, прагматической лингвистики, теории дискурса, психологии. Актуальность темы данной статьи обусловлена повышенным интересом к проблеме манипулирования сознанием общества.

Как отмечает Е.И. Шейгал, одним из наиболее ярких проявлений власти является монополия на информацию и право на речь [Шейгал, 2000]. Способность языка навязывать мировоззрение играет в данном случае большую роль. В связи с этим, одна из характерных черт исследований в сфере политической коммуникации – это взгляд на язык как на средство достижения прагматической цели: манипуляции сознанием адресата. Политики, как правило, активно воздействуют на существующую в сознании электората картину мира. В политической коммуникации речевое воздействие планируется (т.е. осознаётся говорящим как иллокутивная задача) [Иссерс, 1996]. Таким образом, можно говорить о стратегии манипуляции. Вслед за В.А. Масловой, под манипуляцией мы понимаем процесс навязывания взглядов, мнений, способов действий, которые адресант может считать заведомо ложными, но выгодными для себя [Маслова, 2008].

Политики используют различные приёмы воздействия на сознание электората и оппонентов. Как утверждает Э.Э. Шуберт, «в организации воздействующей речи первостепенное значение имеет лингвистический

аспект (речевые стратегии). За ним следует экстралингвистическое наполнение коммуникативной ситуации. Третьим по значению является паралингвистическое оформление воздействующей речи (голос, мимика, жесты, облик, взгляд и т.д.)» [Шуберт, 2005].

Одна из основных черт процесса убеждения – это эффективное использование языка, который, как известно, является инструментом власти.

Среди наиболее часто употребляемых языковых средств с целью оказания воздействия специалисты выделяют устойчивые словосочетания, стереотипизированные клише, встречные вопросы, эмоционально-оценочные, экспрессивные единицы языка, неологизмы, частое употребление ключевого слова или его синонимов. Вместе с тем, выделяется огромная роль метафор. По мнению А.П. Чудинова [Чудинов, 2006], метафоры в речи политика воздействуют на массовое сознание и побуждают к принятию определённых политических решений.

В качестве примера рассмотрим выдержку из речи Барака Обамы:

«...in a non-emergency situation, Congress exercises all sorts of prerogatives. They've got all sorts of procedures. Everybody wants to be heard. I'm coming from the United States Senate. I understand why it is important. And one of the things that we're trying to set a tone of is that Congress is a co-equal branch of government. We're not trying to jam anything down people's throats» [Обама, URL].

Данная метафорическая единица имеет негативную окраску и несёт мощное эмоциональное послание. Здесь ярко выражено негативное отношение Б. Обамы к ситуации, в которой Конгресс США пытается играть преобладающую роль в политической жизни страны.

Как было сказано выше, речевое воздействие исследуется в когнитивистике в аспекте когнитивных категорий. По мнению А.Н. Баранова [Баранов, 1986], категория «свой круг» является одной из базовых когнитивных категорий в политическом дискурсе. Основными концептами этой категории являются противопоставляемые единицы «свой» – «чужой», «друг» – «враг». Официальный представитель МИД Ирана Мухаммед али Хуссейни так охарактеризовал слухи о якобы планируемой попытке нападения на В.В. Путина во время его предстоящей поездки в Иран:

*«The rumors were made up by **the enemies** of relations between Iran and Russia to create a psychological war»* [Обама, URL].

Здесь можно наблюдать дихотомию Россия – «друг», все остальные – «враги». Разграничение основано на выборе конкретного слова для наименования объекта (*enemies*).

Большую роль в воздействии на аудиторию играет и самоподача, речевой имидж политика. Так О.С. Иссерс выделяет несколько политических «ролей»: Патриот и Державник, Избранник народа, Простой человек, Борец за социальную справедливость, Реформатор и др. [Иссерс, 1996].

Из интервью В.В. Путина агентству Bloomberg: *«Почему-то сложилось мнение, что я истребитель миллиардеров. Это не так. Я никогда не ставил перед собой цель истреблять миллиардеров. Я ставил перед собой цель,*

чтобы все жили по правилам, которые называются законами. Эти правила в нормальной стране принимаются легальным путём с помощью парламента» [Обама, URL]. Здесь В.В. Путину по классификации О.С. Иссерс принадлежит микророль Хозяина (или Сильной руки). Этот речевой имидж, несомненно, заставляет аудиторию принять точку зрения адресанта.

Краткий обзор литературы по заявленной теме позволяет сделать вывод о том, что языковое манипулирование активно проявляет себя в политическом дискурсе через многообразие языковых средств, с помощью которых осуществляется в первую очередь апелляция к эмоциям адресата. Не последнюю роль в воздействии на сознание играет также манипулирование когнитивными категориями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание [Текст] / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986. – С. 100-143.
2. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88-120.
3. Будаев, Э.В. Метафора в политическом интердискурсе [Текст] / Э.В. Будаев. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006.
4. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Текст] / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. №3. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – С.32-43.
5. Иссерс, О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу? [Текст] / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. – Вып. 1. – Омск, 1996. – С. 71-74.
6. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? [Текст] / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2008. – С. 43-48.
7. Мухаммед али Хусейни [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.cnn.com/2007/WORLD/europe>.
8. Обама, Б. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.abcnews.go.com>.
9. Путин, В.В. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.rondon.org>.
10. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика [Текст] / А.П. Чудинов. – М., 2006.
11. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – М., 2000.
12. Шуберт, Э.Э. Особенности воздействия в различных типах дискурса [Текст] / Э.Э. Шуберт // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Материалы 4-й межвуз. конф. молодых учёных. – Краснодар : КубГУ, 2005. – С. 405-413.

ПСИХОДЕЛИКА СУБКУЛЬТУРЫ ХИППИ: ПАТОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. В. Чумичева

Южный институт менеджмента г. Краснодар

The article discusses linguistic aspects of hippies altered state of consciousness

В начале 60-х годов XX в., находясь в поисках новых художественных форм и эстетики языка, апологеты движения хиппи искали ресурсы для инициации измененных состояний сознания, транса. Опыты с сенсорной депривацией, психоактивными веществами (психоделиками), стимуляторами, отключением потока формальной сознательной логики обостряли синестетическое восприятие, выключали защитные фильтры ретикулярной формации мозга, расщепляли сознание, интенсифицировали эмоции, изменяли привычное мышление и восприятие, познавательные возможности. Трансцендентный опыт обнаруживал "наблюдателю" внутри индивидуума ранее не замечаемый порядок в окружающем мире и собственном ментальном опыте. Перестройка смысловых связей личности вызывала смещение позиции "наблюдателя". Это происходило за счет изменения проводниковых свойств центральной нервной системы – за счет увеличения скорости мыслительных процессов, устойчивости и яркости ранее неосознаваемых психических образов. [Петросян, URL]. Эфедриновые препараты и амфетамины позволили нарушить балансировку границ внимания, что влекло за собою изменения во второй сигнальной системе, дискретным состояниям сознания, качественно новой перестройке мышления с возможностью акцентуации ранее недоступных сенсорных точек взаимодействия с реальностью. Нарушается нормальный баланс передачи нервных импульсов, ведущий к изменениям в памяти. То, что раньше не прошло бы в данном месте из-за недостаточной проводимости синапса или блокирующего влияния других синапсов, в измененных состояниях сознания преодолевает этот барьер, устанавливая самые причудливые ассоциации. Возникают образы и ассоциаты, которых вовсе нет и не было в реальности: новые сочетания старых образов, выражающиеся в галлюцинациях и необычных мыслях. Парадоксально сочетаться может все что угодно.

*Цилиндрический дядя с Марксистской В довершение еще был и низким.
И казался прохожим Он на урну похожим, Хоть трудился для тайного сыска*
(О. Арефьева. Лимерики).

Любая перестройка важных смысловых комплексов влечет осязаемое изменение свойств сознания. В свою очередь, расширение внимания неизбежно сопровождается повышенной активностью потому, что подключается больше каналов восприятия, рецепция которых активизирует связанные с ними ассоциации долговременной памяти.

Продукты творчества измененного состояния сознания ознаменовали собою рождение мощного пласта психоделической культуры и философии XX века. Психоделическая литература и поэзия хиппи пытались выйти за рамки семантической и формальной структуры языка, экспериментировали с

вытеснением знаков символами в лексике, поиском новых ассоциативных связей к абстракциям, изменением принципов построения логических связей между ними. Диссолюция языковых структур позволяла искать радикальные корреляты на всех языковых уровнях, творя новые креативные миры и реальности. Срез текстов психоделической культуры хиппи предлагает богатый материал для лингвистики измененных состояний сознания. Конкретность и семантическая значимость вытесняются абстрактностью и амбивалентностью языковой единицы, и выражается это прежде всего не в смене используемых единиц, а в изменении принципов построения логических связей между ними. [Спивак, URL], что весьма продуктивно для отслеживания структуры построения понятий и суждений во второй сигнальной системе.

Патопсихолингвистические проявления в существенной мере определяются личностными особенностями индивидуума, его ожиданиями и микросоциальными факторами, но трансовые методики погружения, гипноз и вещества-психоделики почти всегда дают глубокие нарушения восприятия, аффекта и мышления.

He's a drugstore truck drivin' man He's the head of the Ku Klux Klan (Джоан Баэз).

Химическое строение психоделика очень похоже на строение существующего в организме нейромедиатора. Степень сходства столь велика, что молекулы химического вещества связываются с рецепторами и “обманывают” нейрон мозга, заставляя его реагировать так же, как на настоящий медиатор. Именно по такой схеме “мимикрирующей” подстройки действуют многие наркотики. В текстотворчестве индивидуумов, находящихся под действием нейро-мимикрирующего стимулятора, присутствует четкая уверенность в реальности отображаемой художественно “действительности”.

*А за стеной
вровень со мной
лицом к ней
в венке из цветных огней
стою я.
Я стою лицом к бумажной стене
Я хочу ко мне (Умка).
Яблони на низком старте
Ждут команды "апорт"
Они готовы оторваться (Умка).*

Тексты, рожденные в измененном состоянии сознания, призваны инициировать аналогичный эффект и у адресата. Поэзия вне рамок формальной логики обладает мощным суггестивным потенциалом, чаще всего имеющим обратный положительному терапевтическому воздействию эффект. Трансовый язык, определяющий мышление, ведет к психосоматическим нарушениям и инициации измененных сенсорных реакций и у адресата творческого продукта. Запоминание и яркие

эмоционально-оценочные реакции адресата усиливаются харизматичностью инициатора трансового текста. По закону образования долговременной памяти, все то в восприятии, что оказалось новым и произвело сильное впечатление – оказалось значимым, формирует память об этом. Поэтому все галлюцинации и абсурдные семантические связи хорошо запоминаются в той области мозга, которая соответствует текущим условиям восприятия (место, время, окружение на рок-концерте). И впоследствии, как только текущее восприятие окажется хоть в чем-то напоминающим изначальные условия усвоения, эти абсурдные образы всплывут как актуальные и реальные [Попов, URL]. Таким образом, психоделическая поэзия необратимо трансформирует адекватные, естественные сознательные установки индивидуума, что говорит об ее аффективной направленности. Защитная рефлекторная функции сохранения сознания в стабильности снижается и вовсе нивелируется психоделической силой трансового текста. Повторяющиеся ритмические рисунки способны оказывать гипнотическое воздействие на адресата, минуя выстраивание сознанием образа как промежуточного звена.

Let's swim to the moon

Let's climb through the tide,

Let's swim out tonight (The Doors)

Психоделические тексты изменяют свойства сознания адресата таким образом, что всеобщая семантическая обусловленность явлений действительности становится более очевидной и кажется познаваемой. Такая когнитивная “всесильность” образцов психоделической культуры хиппи сделала ее культовой. В процессе реорганизации раннее неосознаваемых психических структур, индивидуум в состоянии измененного сознания освобождается от эмоциональной напряженности, все отчетливее ощущая трансцендентное, надличностное измерение собственного опыта.

Психолингвистический мир традиционно делится на сторонников и ярых противников использования измененных состояний сознания для психодиагностики, психокоррекции или инициации творческого мышления. Трагическая судьба хиппи времен Вудстока настораживает и предостерегает тех, кто пытается прибегнуть к мощным химическим стимуляторам трансформации перцепции. Сторонники новой психоделической парадигмы предлагают считать измененные состояния сознания важным познавательным опытом, обладающим огромным потенциалом для самоактуализации человека. [Петросян, URL]. Изменения в личности людей, знакомых с психоделическими переживаниями, и особенности их речевого поведения представляют определенный интерес для теории речепорождения и дискурсивных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кардаш, С. Измененные состояния сознания [Текст] : монография / С. Кардаш. – М. : Сталкер, 1998. – 416 с.
2. Петросян, С.Р. Культура безумия [Электронный ресурс] / С.Р. Петросян // URL : <http://narcotics.su/kultura17.html>

3. Попов, Ю.В. Психические и поведенческие расстройства вследствие употребления психоактивных веществ [Электронный ресурс] / Ю.В. Попов, В.Д. Вид // URL : <http://www.narcom.ru/cabinet/online/28.html>.
4. Спивак, Л.И. Изменённые состояния сознания : типология, семиотика, психофизиология [Электронный ресурс] / Л.И. Спивак, Д.Л. Спивак // URL : <http://sites.google.com/site/isspivak/Home/materials/spivak-1996-iss>

БРЕНДИНГ СРЕДСТВАМИ БРЕНДОВОГО ДИСКУРСА

О.В. Шефер

Челябинский государственный университет

We consider branding discourse to be a linguistic tool in branding which helps to differentiate various types of commodities and services. Being an integral part of branding discourse, integration marketing communications strengthen the consumer loyalty to the trademark and boost sales volume.

С ростом конкуренции в России брендинг стал общепринятым инструментом продвижения товаров на рынок. Использование в отечественной практике западных технологий брендинга требует знаний терминологии.

Брендинг не имеет общепринятого значения и различными специалистами рассматривается с двух сторон:

1. Брендинг – раздел маркетинга, описывающий формирование предпочтений той или иной торговой марки, т.е. товара под определённым названием и/или упаковкой.

2. Брендинг – процесс создания и управления брендами посредством рекламы, PR и бизнес-коммуникаций [Кондратьев, Абрамов, 2003, с. 264].

Теория брендинга представляет собой целенаправленную деятельность по созданию позитивного имиджа товара, в основе которого лежит комбинация слов, символов, стилевого решения (фирменного стиля) с целью выгодного выделения товаров или услуг среди конкурентов [Музыкант, 2004, с. 543].

Концепция брендинга нацелена на создание стойких конкурентных преимуществ товарных марок в сознании потребителей. Инструментом брендинга является бренд.

Число определений бренда зарубежными авторами достаточно велико.

К.Л. Келлер даёт следующее определение: «Бренд – это набор ассоциаций, возникающих в сознании у потребителей, которые добавляют воспринимаемую ценность товару или услуге». Эти ассоциации должны быть уникальными (исключительность), сильными (заметность) и позитивными (желанность) [Приводится по Капферер, 2007, с. 20-21].

Ф. Котлер использует термины «бренд» и «торговая марка» как синонимы. Под торговой маркой он понимает «нечто гораздо большее, чем просто название, логотип, цвет, слоган или символ. Это всё маркетинговые инструменты. По существу, торговая марка есть обещание компании обеспечить определённую совокупность возможностей, выгод и услуг, причём сделать это единым образом для любого покупателя. Для торговой

марки должны быть определены миссия и видение того, чем она должна быть и что должна делать» [Котлер, 2005, с. 450].

Отечественные авторы достаточно редко применяют понятие бренд. Большинство из них рассматривают это понятие как популярный товарный знак, который обрёл известность и завоевал доверие покупателя благодаря удачным маркетинговым технологиям [Шарков, 2004, с. 24].

В.Л. Музыкант считает, что «бренд – совокупность представлений и ожиданий потребителя в отношении конкретного «брендированного» товара, тогда как торговая марка набор вербальных или визуальных элементов, позволяющих быстро идентифицировать товар среди подобных ему товаров» [Музыкант, 2004, с. 543].

Ф.И. Шарков пишет: «Бренд – это имя (название) объекта сбыта и закреплённый за ним символ (фирмы, товара, услуги, идеи, личности и т. д.), особенностями которого являются повсеместная известность и устойчивая фиксация в массовом сознании» [Шарков, 2004, с. 24].

Наличие бренда означает, что даже при ряде товаров с аналогичными характеристиками данный продукт будет иметь свой определённый имидж и его уровень продаж будет выше.

Позиционирование бренда представляет собой основу так называемой коммуникационной стратегии каждого бренда, с помощью которой он налаживает коммуникацию с потребителями. Данная стратегия включает в себя рекламу, связи с общественностью, маркетинг событий и корпоративное спонсорство, стимулирование торговли и сбыта, стимулирование потребителей, прямой маркетинг и внутрифирменные коммуникации [Музыкант, 2004, с. 61].

К числу основных инструментов, формирующих бренд, относят весь комплекс маркетинговых коммуникационных технологий. Одним из активно используемым в брендинге лингвистическим средством, налаживающим коммуникацию между продавцом и покупателем, является дискурс.

В лингвистике термин «дискурс» используется для обозначения понятий разного уровня: «речь», «связная речь» (Г.Г. Почепцов), «поток речи», «сложное синтаксическое целое», «сверхфразовое единство», «текст» (В.Г. Борботько), «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» (В.З. Демьянков), «корпус текстов, объединённых в коммуникативном и функциональном отношении» (У. Маас), «текст в событийном аспекте», «речь, погружённая в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), «язык в языке» (Ю.С. Степанов), «коммуникативный процесс, обусловленный экстралингвистическими факторами» (Т. ван Дейк, А.Е. Кибрик, В.В. Красных), «коммуникативное пространство определённой общественной группы» (Л.В. Щерба).

Данный термин используется в широком и узком понимании. Когнитивно-ориентированная традиция анализа дискурса берёт своё начало в работах Т. ван Дейка, который утверждал, что текст может быть понят только тогда, когда понята ситуация, о которой идет речь [Дейк ван Т., 1989, с. 8]. При этом решающими оказываются экстралингвистические факторы,

которые представляют текст в событийном аспекте, и дискурс тем самым предстает реализацией текста. Дискурс как объект лингвистического анализа в широком смысле может рассматриваться как вербализованное упорядочение и упорядоченность многочисленных сфер опыта человека [Варшавская, 2003, с. 14], а также как «развернутое когнитивно-языковое образование, опирающееся на логические принципы противопоставления рассуждения и вербально развернутого вывода озарению и интуитивному выводу» [Ерофеева, Кудлаева, 2003, с. 32].

Что касается рассмотрения дискурса в узком смысле, то здесь, как правило, выделяют только вербальную составляющую коммуникативного действия или события и далее говорят о ней как о «тексте». В этом смысле термин «дискурс» обозначает завершенный или продолжающийся «вербальный продукт» коммуникативного действия, его письменный или устный результат, который интерпретируется реципиентами.

Узкому пониманию дискурса соответствует введенное А.И. Варшавской понятие «дискурс-текст», представляющее дискурс как динамическое явление, реализация которого происходит через ряд таких дискурсивных процедур, как интродукция, сравнение, ассерция и др. [Варшавская, 2003, с. 15].

По концепции В.В. Красных под дискурсом подразумевается вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты [Красных 1998: 190].

Для данного исследования важно рассмотрение дискурса в широком смысле как коммуникативного события, которое проявляется в письменных или устных текстах и совершается в определённом временном и пространственном контексте при наличии вербальных и невербальных составляющих. Мы согласны с мнением М.Л. Макарова, который отдаёт предпочтение широкой, обобщающей трактовке дискурса, снимая ограничения признаками монологический / диалогический, устный / письменный [Макаров, 2003, с. 90]. Вслед за ним мы понимаем дискурс как всё, что говорится и пишется об объекте в устной и письменной форме с определённой целью и задачами.

Возвращаясь к бренду, мы считаем, что достаточно логично использование в брендинге термина «брендовый дискурс». В рамках этого дискурса выполняется коммуникативная задача – информирование целевой аудитории и воздействие на неё. Цель дискурса определяется как идентификация, позиционирование и продвижение товара или услуги на конкурентном рынке лингвистическими средствами.

Под *брендовым дискурсом* нами понимается совокупность текстов, интегрировано передаваемых через различные каналы и технологии, способствующих идентификации и созданию определённого образа в языковом сознании узкого сегмента целевой аудитории, с целью идентификации, позиционирования, продвижения и увеличения сбыта товара.

Язык бренда позволяет ему свободно выражать свою идеологию и служит средством децентрализации решений. Благодаря использованию единого глоссария терминов различные подразделения, разбросанные по всему миру, могут адаптировать тему своих сообщений к требованиям местного рынка и товара и при этом сохранить общее единство и неделимый характер бренда [Капферер, 2007, с. 142-143]. Именно для этого и применяется брендовый дискурс.

Средствами брендового дискурса являются интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК). ИМК объединяют в себе все инструменты маркетинговых коммуникаций, от рекламы до упаковки, предназначенные для формирования обращений, направляемых целевой аудитории и служащих для продвижения продукции фирмы к потребителю. Маркетинговые коммуникации отличаются целенаправленным и повторяющимся характером сообщений, комплексное, интегрированное воздействие на целевую аудиторию. Интеграция позволяет добиться повышения эффективности коммуникаций и укрепления приверженности клиентов торговой марке (бренду) корпорации [Шарков, 2004, с. 10].

Используя и синтезируя различные жанровые формы воздействия и информирования целевой аудитории вуза посредством рекламных и PR-текстов, брендовый дискурс оказывает более сильное влияние на целевую аудиторию по сравнению с обычными маркетинговыми программами, поскольку исключают противоречия в восприятии различных видов обращений, объединённых общей темой. Это достигается за счёт обеспечения совместимости обращений, поступающих к читателю по различным каналам коммуникации. Люди, охваченные интегрированными технологиями обращений, автоматически идентифицируют и интегрируют различные маркетинговые обращения в общую идею. Хорошо согласующиеся друг с другом обращения особенно успешно воздействуют на целевую аудиторию и способствуют совместному решению общей задачи.

Таким образом, технология брендинга или наполнение торговой марки отличительными характеристиками в сознании потребителей позволяет использовать брендовый дискурс как основное средство идентификации товаров или услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варшавская, А.И. Субкатегоризация и широкое/узкое понимание дискурса (грамматика дискурса) [Текст] / А. И. Варшавская // Материалы XXXII международной филологической конференции. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. – Вып. 3. – С. 14-16.
2. Дейк, ван Т. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. ван Дейк. – М. : Прогресс , 1989. – 310 с.
3. Ерофеева, Е.В.. К вопросу о соотношении понятий текст и дискурс [Текст] / Е.В. Ерофеева, А. Н. Кудлаева // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. статей. – Пермь : Перм. ун-т, 2003. – Вып. 3. – С. 28-36.
4. Капферер, Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда [Текст] / Ж.-Н. Капферер. – Москва : Вершина, 2007. – 448 с.

5. Кондратьев, Э.В. Связи с общественностью [Текст] / Э.В. Кондратьев, Р.Н. Абрамов. – М. : Академический Проект, 2003. – 416 с.
6. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент. 11-е изд. [Текст] / Ф. Котлер. – СПб. : Питер, 2005. – 800 с.
7. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В.В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – С.12-50.
8. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
9. Музыкант, В.Л. Формирование брэнда средствами PR и рекламы [Текст] / В.Л. Музыкант. – М. : Экономистъ, 2004. – 606 с.
10. Шарков, Ф.И. Интегрированные бренд-коммуникации [Текст] / Ф.И. Шарков. – М. : РИП-Холдинг, 2004. – 244 с.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамова Элина Владимировна - аспирантка Армавирского государственного педагогического университета, e-mail: linka-girl87@rambler.ru

Авдевина Ольга Юрьевна - доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета e-mail: rosauzb@gmail.com

Аверьянова Екатерина Викторовна - доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Тюменского государственного университета, e-mail: e.v.averianova2009@rambler.ru

Азначеева Елена Николаевна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языка Челябинского государственного университета, e-mail: azn@csu.ru

Акимова Татьяна Петровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: akimova_t@rambler.ru

Алимурадов Олег Алимурадович - доктор филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, начальник управления научной работы Пятигорского государственного лингвистического университета, e-mail: alimuole@mail.ru

Алимушкина Ольга Алексеевна - старший преподаватель Алтайского государственного университета, e-mail: alimolgal@yandex.ru

Алямкина Анна Сергеевна - аспирантка Сургутского государственного университета, e-mail: surgutzuk@yandex.ru, annaalyamkina@yandex.ru

Андрусенко Татьяна Владиславовна - ассистент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка Оренбургского государственного университета, e-mail: andrussenko_tv@mail.ru

Андрющенко Ольга Константиновна - преподаватель Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан)

Анохина Светлана Загировна – преподаватель Уфимской государственной академии экономики и сервиса, e-mail: Kashkadan@yandex.ru

Антонова Людмила Викторовна - старший преподаватель кафедры германских языков Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой, e-mail: germcaf@yandex.ru

Бабина Людмила Владимировна - доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, e-mail: ludmila-babina@yandex.ru

Барабанова Ирина Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент Ростовского государственного экономического университета, e-mail: barbox77@mail.ru

Басс Галина Павловна - преподаватель кафедры иностранных языков Брянского государственного технического университета, e-mail: galina.bass@gmail.com

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: bekasova@mail.ru

Белюсов Константин Игоревич - доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета

Бобнев Борис Александрович - преподаватель кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета, e-mail: o_corazon26@mail.ru

Богданова Людмила Ивановна - доктор филологических наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: libogdanova1@mail.ru

Бойко Галина Игоревна - старший преподаватель кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им.С.А.Есенина, e-mail: scorcher@mail.ru

Бочарова Елена Николаевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Белгородского государственного университета, e-mail: bocharova.80@mail.ru

Броженко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Уральского социально-экономического института, e-mail: Sveta_angel04@rambler.ru

Буркова Ольга Михайловна - преподаватель кафедры языков Белорусской государственной академии музыки (Республика Беларусь), e-mail: bo2004@tut.by

Власян Гаянэ Рубеновна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: VlasyanGR@yandex.ru

Выходцева Ирина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова, e-mail: amoskvin81@mail.ru

Гацура Наталья Игоревна - старший преподаватель кафедры английской филологии Омского государственного университета, e-mail: nagatsura@mail.ru

Гилёва Анастасия Александровна -аспирант кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, e-mail: ana-gileva@yandex.ru

Глазко Ульяна Ивановна - студент 4 курса, Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан), e-mail: uli_89@mail.ru

Голованева Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета, e-mail: yarrow@inbox.ru

Головина Елена Викторовна - ассистент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка Оренбургского государственного университета, e-mail: goll14@yandex.ru

Горбунов Сергей Петрович- аспирант кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: sergeygorbunov@inbox.ru

Григорьева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного университета, e-mail: tagrig8@mail.ru, tormy@inbox.ru

Губанов Сергей Анатольевич - аспирант кафедры русского языка Самарского государственного университета, , e-mail: gubanov5@rambler.ru

Данилова Мария Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан), e-mail: ja16m@mail.ru

Данюшина Юлия Владимировна – кандидат филологически наук, доцент кафедры английского языка №1 Государственного университета управления, e-mail: jjj72@mail.ru

Дегтярева Евгения Валерьевна студентка 4 курса Башкирского государственного университета, филологический факультет

Дегтярева Людмила Михайловна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России, e-mail: deg_55@mail.ru

Дерюгина Елена Владимировна - ассистент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета

Джамбаева Жанар Абинсериковна - кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Семипалатинского государственного педагогического института (Казахстан), e-mail: sgpi@mail.ru

Дрожащих Александр Владимирович - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Тюменского государственного университета, ndro2004@rambler.ru

Дубских Ангелина Ивановна - старший преподаватель Магнитогорского государственного университета, e-mail: lina_masu@mail.ru

Жилкина Елена Юрьевна – студентка 4 курса Челябинского государственного университета

Заболотнева Оксана Леонидовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: zoxl@mail.ru

Закамулина Миляуша Нурулловна - доктор филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Казанского государственного энергетического университета, e-mail: milaza@list.ru

Звонарёва Юлия Васильевна - преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета, e-mail: forte-x@mail.ru

Зенцова Юлия Юрьевна – преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, e-mail: juvo2000@mail.ru

Зубкова Ольга Станиславовна - кандидат филологических наук, докторант кафедры профессиональной коммуникации и иностранных языков Курского государственного университета, e-mail: olgaz4@rambler.ru

Иванова Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, e-mail: elena-ivanova79@yandex.ru

Ичкинеева Дилара Ахметовна - ассистент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета.

Карамалак Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения Магнитогорского государственного университета, e-mail: red_riding_hood@inbox.ru

Каримова Р.К. – преподаватель Стерлитамакской государственной педагогической академии

Келарева Дарья Борисовна - соискатель кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета, e-mail lingda@pisem.ru

Ким Галина Александровна- старший преподаватель Международной Бизнес-Академии, e-mail: +gaidakim@mail.ru

Ким Светлана Юрьевна - кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета

Кириллова Юлия Николаевна - ассистент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Лингвистического института Алтайской государственной педагогической академии, e-mail: j_kirillowa@hotmail.ru

Клейменова Виктория Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Псковского Вольного института, e-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru

Ковальчук Лидия Петровна - аспирантка Челябинского государственного университета, e-mail: kovalchuklidia@yandex.ru

Козлова Наталья Степановна - преподаватель кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета

Коробкова Ольга Михайловна – аспирантка Московского педагогического государственного университета, e-mail: olgakorobkova2009@yandex.ru

Кошкарлова Наталья Николаевна - доцент кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета, e-mail: nkoshka@rambler.ru

Кудрявцев Алексей Геннадьевич – аспирант Челябинского государственного университета, e-mail: lieroitrans@gmail.com

Кузнецова Наталья Юрьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета

Курячая Евгения Игоревна - доцент кафедры французского языка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, e-mail: kur_ei@mail.ru

Кучмезова Людмила Олеговна - магистр филологических наук, ассистент кафедры русского языка и общего языкознания, e-mail: cusmezova.liuda@yandex.ru

Кушнир Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Академии государственной службы и управления (Республика Коми), e-mail: info17275@mail.ru

Лаврентьева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Орского гуманитарно-технологического института, e-mail: lavruxa@yandex.ru

Ласица Любовь Александровна - кандидат филологических наук, доцент Оренбургского государственного университета, e-mail: lasitsa-la@mail.ru

Лобанова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: lydia.lobanova@mail.ru

Малахова Мария Сергеевна - ассистент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка Оренбургского государственного университета, e-mail: mariville@rambler.ru, virtual_beauty@mail.ru

Малыгина Элеонора Владимировна – преподаватель Алтайского государственного университета, e-mail: soveto1@filo.asu.ru

Малышева Елена Григорьевна - доцент, докторант кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, e-mail: malysheva_eg@mail.ru

Маслакова Елена Владимировна – преподаватель факультета филологии и журналистики Южного федерального университета, e-mail: elena.maslakova@list.ru

Матвеева Татьяна Михайловна- кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета, e-mail: tanmatv@mail.ru

Махницкая Елена Юрьевна - профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и журналистики Ростовского государственного экономического университета, e-mail: makhnitskaya@mail.ru

Махрова Елена Игоревна - преподаватель кафедры романской филологии и методики Оренбургского государственного университета, e-mail: mahrova24@mail.ru

Мизюрина Татьяна Витальевна - ассистент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: groundik@mail.ru

Митина Светлана Ивановна - доктор философских наук, доцент, декан факультета иностранных языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: simitina@yandex.ru

Моисеева Софья Ахметовна – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Белгородского государственного университета, e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Моргун Елена Анатольевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, e-mail: alenamorgun@yandex.ru, alena_morgun@mail.ru

Морозова Ираида Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Борисоглебского государственного педагогического института, e-mail: iraida_morozova@mail.ru

Москальчук Галина Григорьевна - доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, e-mail: mna@house.osu.ru
Минакова

Нефедова Лилия Амирянвна - доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: lan2@mail.ru

Никифорова Алла Николаевна - преподаватель кафедры белорусской и мировой художественной культуры Белорусского государственного университета культуры и искусств (Республика Беларусь), e-mail: allochka606@mail.ru

Олешков Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, e-mail: oleshkov@ Rambler.ru

Олизко Наталья Сергеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: olizko@yandex.ru

Оломская Наталья Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, e-mail: olomnat@mail.ru

Осипова Ирина Анатольевна - аспирантка кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского Государственного университета.

Пасынкеева Валентина Васильевна - доцент кафедры французского языка и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета

Плахотная Юлия Ивановна - преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета

Плотникова Лариса Ивановна - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, e-mail: Plotnikova@bsu.edu.ru

Подтихова Евгения Александровна – аспирантка Оренбургского государственного университета, e-mail: eugini@yandex.ru, euginni@gmail.com,

Подъяпольская Ольга Юрьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета, e-mail: oljapod@mail.ru

Попова Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего и романского языкознания Челябинского государственного университета, e-mail: popova@csu.ru

Порошин Андрей Леонидович – аспирант кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.

Радоман Сергей Георгиевич - аспирант кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета

Рахимбергенова Майра Хаджимуратовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, e-mail: mairaberg@mail.ru

Рогожникова Татьяна Павловна - доктор филологических наук, профессор кафедры исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, e-mail: pmtr@mail.ru

Романова Наталья Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Международного университета природы, общества и человека «Дубна», nataprot@rambler.ru

Ромашова Инна Петровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского, e-mail: romashovainna@mail.ru

Румянцева Марина Васильевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германских и восточных языков Костанайского государственного педагогического института (Казахстан), e-mail: m.rumjanzewa@rambler.ru

Рябкова Алла Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель Тюменского государственного университета, e-mail: ARiabkova@mail.ru

Савельева Елена Борисовна - старший преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков и дополнительной специальности Московского государственного областного гуманитарного института, e-mail: lenaandrei2007@rambler.ru

Салахова Аделина Гюль-Балаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета, e-mail: adelina@csu.ru

Севостьянов Андрей Петрович - студент 4 курса факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: endrew74@yandex.ru

Семёнов Михаил Олегович – аспирант кафедры английского языка и методики преподавания английского языка Армавирского государственного педагогического университета, e-mail: semenovm@list.ru

Скородумова Елена Андреевна – преподаватель кафедры теории и практики французского языка и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета, e-mail: ele-s@mail.ru

Снегова Елена Михайловна - преподаватель кафедры иностранных языков лечебного факультета Астраханской государственной медицинской академии

Соловых Юлия Сергеевна - аспирант кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета.

Сташкевич Ксения Олеговна – аспирантка кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета, e-mail: ksenija1982@yandex.ru

Степаненко Ольга Александровна - кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры немецкой филологии РГПУ им. А.И.Герцена, e-mail: olgastepanenko@list.ru

Сторожакова Екатерина Эдуардовна - ассистент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: kathst@yandex.ru

Сургай Юлия Валерьевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета, e-mail: weaselj@mail.ru

Суслова Оксана Валентиновна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: suslovaoksana@yandex.ru

Телешева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, e-mail: telesheva@mail.ru

Толчеева Ксения Витальевна - доцент кафедры французского языка Липецкого государственного педагогического университета, e-mail: ksetol@list.ru

Фахрутдинова Дина Равилевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики и переводоведения, докторант Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, e-mail: golim@mail.ru

Федосова Оксана Витальевна - доцент кафедры романской филологии Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: fedossova@yandex.ru

Фурс Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, e-mail: postmaster@furs.tstu.ru

Хамидова А.Р. – студентка 4 курса филологического факультета Башкирского государственного университета, e-mail: tormy@inbox.ru

Цыцаркина Наталья Николаевна - кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии РГПУ им. А.И.Герцена, e-mail: nnts98@yandex.ru

Чернядзева Ирина Викторовна – преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета

Чистякова Светлана Викторовна - преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, e-mail: chisvet24@mail.ru

Чудинов Анатолий Прокопьевич - доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета, проректор по научной и инновационной деятельности, e-mail: ap_chudinov@mail.ru

Чумичева Нелли Викторовна - кандидат филологических наук, преподаватель кафедры лингвистики и новых информационных технологий Южного института менеджмента (г. Краснодар)

Шахбанова Татьяна Гасаналиевна - преподаватель кафедры общего и романского языкознания, Челябинского государственного университета. e-mail: seb87@yandex.ru

Шефер Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета

Яровая Екатерина Юрьевна - соискатель кафедры французского языка Белгородского Государственного университета, e-mail: e.yarovaya@manitou.com

Ярошенко Ольга Алексеевна - старший преподаватель, аспирантка кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного социально-экономического университета, e-mail:

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Л.С. Абросимова, О.А. Алимуратов. Когниция и словообразовательная деривация: аспекты корреляции и моделирования.

Е.Н. Азначеева. Концептосфера пространства в творчестве Р.М. Рильке

О.А. Алимужкина. Проявление механизма стереотипизации языкового сознания (на примере анализа ассоциативных полей)

А.С. Алямкина. Спортивная и игровая метафора в англоязычном и русскоязычном экономическом дискурсе

С. З. Анохина. Когнитивный подход в анализе объектов зрительного восприятия

Л.В. Бабина. Конструирование структур знания, объективируемых сложными словами (на примере сложных слов N+N)

И.Г. Барабанова. Языковые явления в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы

Г.П. Басс. Глагольные лексемы как репрезентанты концепта «жертва»

Е.Н. Бекасова. Когнитивная заданность сленга

Л.И. Богданова. Проблема когнитивной дефиниции для толковых словарей

Е.Н. Бочарова. Особенности подсегмента с фактором глупости: гендерная дифференциация

И.С. Выходцева. Концепт «свой-чужой» в элитарной словесной культуре (на материале художественной словесности XVIII-XIX вв.)

Т.В. Григорьева, А.Р. Хамидова. Символическая составляющая концепта «черный» в русском языковом сознании

С.А. Губанов. Изучение метонимии признака в современной лингвопоэтике

Е.В. Дерюгина. К вопросу о метафорической модели «животное-человек» в русской лингвокультуре

Ж.А. Джамбаева. Концепт «*нация*» в языковом сознании славяноязычных социумов

Ю.Ю. Зенцова. Когнитивный подход к исследованию номинативной деятельности

О.С. Зубкова. Использование номотетической методики в условиях профессиональной коммуникации: экспериментальное исследование медицинской метафоры

- Е.В. Иванова. Религиозная метафора в экологическом дискурсе
- О.А. Карамалак. Коммуникация с точки зрения биолингвистики
- Р.Х. Каримова. Способы вербализации образной составляющей концепта «труд»
- Д.Б. Келарева. Интерпретация текста анекдота в концептуальной системе человека
- С.Ю. Ким. Метафора как способ восприятия реальности (на примере творчества немецкой группы Rammstein)
- В.Ю.Клейменова. Категоризация как способ репрезентации детского социума в сказках о Гарри Поттере
- Л.П. Ковальчук. Этапы становления теории метафоры
- И.А. Котенева. Репрезентация запаха в текстах рекламы парфюмерной продукции
- Н.Ю. Кузнецова. Особенности репрезентации концепта «преступление» (на материале паремиологического фонда немецкого языка)
- Е.И. Курячая. Специфика репрезентации когнитивной доминанты в системе концептуальных моделей и кодов художественного текста (на примере романа Б. Виана «Пена дней»)
- О.Н. Кушнир. Иерархически – полевая природа концептосферы: концепты и макроконцепты
- Т.В. Лаврентьева. Изучение оппозитивных отношений языковых единиц посредством метода концептуального анализа
- Л.П. Лобанова. Универсальная характеристика Лейбница как средство познания
- М.С. Малахова. Пространственная модель России в национальном языковом сознании
- Е.Г. Малышева. Репрезентация метафорической модели 'спорт – это смерть' в журналистском спортивном дискурсе
- Т.М. Матвеева. Лингвокогнитивный анализ цветообозначений в языке профессиональных дегустаторов
- Т.В. Мизюрина. Роль образа женщины как ключевого образа американской лингвокультуры
- С.А. Моисеева, А.Л. Великанова. Концепт *берег* во французской лингвокультуре
- С.А. Моисеева И.А Волошкина. Когнитивная сущность метафоризации фразеологической семантики
- И.А.Морозова. Экспериментальное исследование концепта «женщина» в русском языковом сознании
- И.А. Нефёдова. Минакова, Л.А. К проблеме лингвокогнитивного моделирования текста
- И.А. Осипова. Грамматическая организация пространства ключевых слов
- В. В. Пасынкеева, О.Н.Сергеева. Концепт «время» как отражение национальной культуры

Ю.И. Плахотная. Структура речевого высказывания в когнитивном аспекте

Л.И. Плотникова. Новая русская лексика: деривационный и коммуникативно-когнитивный подход

В.Просцевичус. Интонация как метаконцепт: постановка проблемы

О.Б. Пономарева. Концептуальная интеграция в поэтическом тексте

Н.Б. Попова. Когнитивные стили в поэтике французского классицизма. сопоставительный аспект

А. Л. Порошин. Зооморфная метафора в творчестве Вольфа Бирмана

Т.П.Рогожникова. Содержательные формы концепта в историческом развитии

Н.В. Романова. Метафора в физических терминологических словосочетаниях

А.В. Рябкова, А.Ю. Шевцова. Этноспецифика когнитивной метафоры

Ю.С. Соловых. Современные методы изучения метафоры.

И.В. Телешева. Метафора как средство отражения национального сознания (на примере морбиальной метафоры в дискурсе России и США)

Л.А.Фурс. Метакогниция и социальный контекст

Н.Н. Цыцаркина. Вербализация фрейма «помощь» в английском языке

А.П. Чудинов. Динамика метафор образов в политической коммуникации

А.В. Чусовская, С.Н. Павлова. Концепт «правда» на материале английских, немецких, русских и якутских пословиц и поговорок

Т.Г. Шахбанова. Особенности концепта «любовь» в итальянских паремиях

Яровая Е.Ю. Особенности номинативного поля концепта «вкус» в русском, французском и английском языках

О.А. Ярошенко. «Интеллигенция – власть – народ» – один из ключевых концептов лингвокультурного типажа «русский интеллигент»

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Э.В. Абрамова. Текст как структурно-семантическое единство

О.Ю. Авдеевна. Коммуникативные функции перцептивных действий в их литературно-художественной интроспекции

Е.В. Аверьянова. Манипулятивная фигура запугивания в латинском языке

Т.П. Акимова. Особенности употребления зоонимов в русском эпистолярном тексте

Т.В. Андрусенко. Структурная организация французского текста: позиционный аспект

О.К. Андрущенко. Гендерная специфика предвыборного текста

А.Б. Анисимов. Природописание в артуровских романах Мэри Стюарт

Л.В. Антонова. Современный этап развития дискурсивных исследований

- М.В. Архипова. Формы проявления чужих речений в текстовой интерференции рассказов Ф. Фитцджеральда
- А.Ф. Ашимова, Л.Р. Омарова. Языковые средства дискредитации субъекта речи в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»
- К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская. Лингвистический мониторинг медиасферы: проблемы, методы, перспективы
- Г.И. Бойко. Когнитивно-дискурсивный аспект интерпретации художественного текста
- С.В. Броженко. Оценочные и презентационные стратегии в рекламном дискурсе
- О.М. Буркова. Образные средства лексики в поэзии Сергея Есенина
- Н.И. Гацура. Доминантные авторские смыслы в поэтическом наследии О.Хаксли
- А. А. Гилёва. Семантико-прагматический потенциал метатекста в мемуарной прозе XX века
- У.И. Глазко, О.К. Андриющенко. Реализация тактики ссылки на авторитетное мнение в казахстанских СМИ
- Г.Р. Власян. Стратегии вежливости в английском разговорном дискурсе
- М.А. Голованева. Дискурс драмы: коммуникативно-когнитивное сознание автора
- Е.В. Головина. О терминологическом тезаурусе филологического анализа текста
- С.П. Горбунов. Особенности поэтического дискурса (на примере произведений Дж. Моррисона)
- М.А. Данилова. Жанровая специфика евангельских притч с позиций теории коммуникативных стратегий нарратива
- Ю.В. Данюшина. Прагматика дискурса
- Л.М. Дегтярева. К вопросу о дискурсе безопасности
- А.В. Дрожащих. Лингвостилистические особенности англоязычного текста кредитного договора
- А.И. Дубских. Особенности дискурсивной среды интервью при реализации коммуникативной стратегии самопрезентации
- О.Л. Заболотнева. Особенности лекционного преподавания
- М.Н. Закамулина. О методике анализа референтных отношений временного дискурса
- Ю.В. Звонарёва. Типы адресата в тактике эгоцентризма
- Д.А. Ичкинеева. Проявления категории симметрии в процессе дискретизации семантического пространства текста
- Г.А. Ким. Структурно-лингвистический анализ немецкого текста «маркетинг»
- Ю.Н. Кириллова. Экспрессивный потенциал спортивных номинаций в современном немецкоязычном публицистическом дискурсе
- Н.С. Козлова. Самооценочные высказывания автора блога как способ самопрезентации

- О.М. Коробкова. Критический анализ дискурса как метод исследования политического текста 30-х годов XX века.
- Н.Н. Кошкарлова. Место конфликтного дискурса в ряду смежных явлений
- А.Г. Кудрявцев. О реализации негативных коммуникационных интенций в текстах с высокой степенью языковой толерантности.
- Л.О. Кучмезова. Вставные конструкции как средство передачи оценочных высказываний в тексте.
- Л.А. Ласица. Роль временных форм глагола в реализации внутреннего времени текста
- Э.В. Малыгина. Дискурс персонажа в кризисном взаимодействии (на материале рассказа В.М. Шукшина «Материнское сердце»).
- Е.В. Маслакова. Художественная концептуализация и экспликация времени в прозе А. П. Чехова
- Е.Ю. Махницкая. Взаимосвязь термина и дискурса в аспекте гипогиперонимических отношений
- Е.И. Махрова. Сукцессивная организация повторов в текстовом пространстве Интернета
- С.И. Митина, О.В. Седова. Язык и текст в герменевтической концепции В. фон Гумбольдта
- Е.А. Моргун. Стратегии и тактики инаугурационного дискурса: когнитивно-прагматический аспект
- Г.Г. Москальчук. Граничные условия модели как параметр формы текста
- Ж.А. Никифорова. Риторическое пространство заголовков газетных статей
- М.Ю. Олешков. Дискурсивная прагматика дейксиса: функциональный аспект
- Н.С. Олизько. Семиотико-синергетические механизмы организации художественного дискурса постмодернизма
- Н.Н. Оломская. Визуальная коммуникация как важная составляющая в изучении дискурса
- Е.А. Подтихова. Композиция графического и вербального текста: механизмы межсемиотической трансформации
- О.Ю. Подъяпольская. Языковая личность Ф. Кафки в его эпистолярном наследии
- С.Г. Радоман. Структурные и лексико-семантические особенности делового электронного письма
- М.Х. Рахимбергенова. Лингвокогнитивные приёмы создания образа мигрантов в рамках медиа-дискурса
- И.П. Ромашова. Тональность как имиджеобразующая категория корпоративного дискурса
- М.В. Румянцева. Дискурсивный анализ образного сравнения в детской литературе
- Е.Б. Савельева. Дейктические и анафорические средства актуализации образов автора и героя в художественном тексте

А.Г. Салахова, Е. Жилкина. Функционально-прагматическая характеристика речи тренера

А.П. Севостьянов. К проблеме речевого воздействия в PR-дискурсе

М.О. Семёнов. Компьютерный научный дискурс

Е.А. Сидельникова. К определению понятия «дисфемизация» в экономическом дискурсе: коммуникативно-прагматический аспект

Е.А. Скородумова. Риторический вопрос-реакция как средство выражения несогласия в диалогической речи

Е.М. Снегова, Т.С.Кириллова. Понятие прецедентного феномена в языке

Ю.В. Сорокина. Стратегии педагогического дискурса

К.О.Сташкевич. Дискурс моды в языке профессиональной коммуникации.

О.А. Степаненко. Полифония прозы Кристи Вольф

Е.Э. Сторожакова. Вежливость и коммуникативная стратегия дискредитации в американском политическом дискурсе

Ю.В. Сургай. Реализация интердискурсивных связей кинотекста в межкультурном аспекте

Н.Д. Тибинько. Дискурсивные маркеры

К.В. Толчеева. Статус ремарочной прозы в модернистской и постмодернистской драматургии

Д.Р. Фахрутдинова. Ритуальные характеристики военного дискурса

О.В. Федосова. Междометие *anda* в обиходном испанском дискурсе

В.П. Хохлова. Значение ременисцентных онимов в произведениях французских писателей-экзистенциалистов

И.В. Чернядьева. Тактика комплимента в английском диалогическом дискурсе

С.В.Чистякова. Речевое воздействие в политическом дискурсе

Н. В. Чумичева. Психоделика субкультуры хиппи: патопсихолингвистический аспект

О.В. Шефер. Брендинг средствами брендового дискурса

НАШИ АВТОРЫ

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Сборник статей участников
V международной научной конференции
26-27 апреля 2010 года
Челябинск

Том 1